

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Челябинский государственный университет»

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

**Материалы
VI Международной научной конференции**

*Челябинск
23–24 апреля 2012 года*

Том 2

Челябинск
Издательство Челябинского государственного университета
2012

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета*

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор Л. А. Нефедова (отв. ред.)
кандидат педагогических наук, доцент А. В. Гребенщикова
кандидат филологических наук А. А. Елистратов
кандидат филологических наук Л. П. Ковальчук
кандидат филологических наук, доцент Ю. В. Мамонова
кандидат педагогических наук, доцент О. В. Сулова
кандидат филологических наук, доцент Е. А. Титова
кандидат педагогических наук, доцент О. Н. Ярошенко

С 483 **Слово, высказывание, текст** в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах : материалы VI Междунар. науч. конф., Челябинск, 23–24 апр. 2012 г. : в 2 т.— Т. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова.— Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2012.— 379 с.
ISBN 978-5-7271-1106-2

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в VI Международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношением языка, культуры и общества. В двух томах сборника освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики преподавания иностранных языков, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

ББК Ш 10я43

Сборник издается в авторской редакции

Издано при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045

КОГНИТОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА

E. Pepeliaeva (Perm, Russia)

O. Koreneva-Antonova (Granada, Spain)

MULTIDIMENSIONALIDAD DE LA CATEGORIZACIÓN EN LA LINGÜÍSTICA COGNITIVA

The cognitive linguistics as a part of linguistics studies focuses on the human factor in the language. This discipline concentrates on the human cognitive and understanding potential and the knowledge-acquisition processes. Since the categorization processes and the cognitive structures underlying texts and language in general show their multidimensional and dynamic nature, the cognitive approach in the linguistics takes into account for the researches the strategies of the corpus linguistics. In this paper we explore the possibility of the convergence of different linguistics approaches (word association tests and the study of corpus data) for the verification of the relation between the culture, language and cognitive structures.

Palabras claves/keywords: *Lingüística cognitiva, identidad lingüística, lexicón mental, multidimensionalidad de la categorización.*

Los estudios lingüísticos modernos destacan por su vinculación con la cultura y el proceso cognitivo del ser humano. La última metodología de enseñanza de las lenguas extranjeras en Rusia persigue el objetivo de la descripción de la *identidad* lingüística y comienza, según Karaulov [Karaulov 2010: 53], en el nivel lingüístico-cognitivo (el nivel del tesoro). En la actualidad se pone de manifiesto la relevancia de los estudios de la organización y del funcionamiento del lexicón mental humano. Mientras que en la psicolingüística existen distintas definiciones del lexicón mental, cabe mencionar su descripción propuesta por Zalevskaya [Zalevskaya 2007: 270]: “se trata de una estructura... que interactúa de forma inseparable con todos los procesos psíquicos y representa uno de los productos de ese funcionamiento”. Zalevskaya entiende la palabra como la unión entre la forma léxica y el significado, la ve como una clave de acceso a la “base de datos informativa” del ser humano [ibid]. Ya que los procesos psíquicos son muy individuales, el significado de las palabras se ve afectado por una multitud de factores tanto internos como externos y puede variar en diversos matices. Ello explica la distinción entre el *significado común de una palabra* [ibid: 271] y su significado psicológico e individual para cada percepción. Este planteamiento dio pie para la elaboración de la Teoría Psicolingüística de Zalevskaya [Zalevskaya 2005], donde se denomina el lexicón mental *patrimonio individual* del ser humano.

Partiendo de dicha teoría resulta evidente que existe una dependencia directa entre el lexicón mental y la información que posee el hombre sobre el mundo que lo rodea. Se deduce que con la adquisición de la experiencia vital nueva el lexicón

mental sufre cambios. Por lo cual, se trata de una estructura dinámica que presenta relaciones flexibles entre sus elementos. Los estudios experimentales con las cadenas léxicas asociadas [Pepeliaeva 2011] han demostrado que el dinamismo es propio de los elementos que pertenecen a la periferia del lexicón, ya que “la visión del mundo reflejada en el núcleo del lexicón corresponde... a los conceptos básicos del hablante de la lengua correspondiente, con las que éste opera diariamente” [Zalevskaya 2007: 274]. Dicho de otra forma, el núcleo contiene los elementos más estáticos de la lengua [Shansky 1982: 6], y, por consiguiente, es menos susceptible a las transformaciones psicológicas individuales. Los elementos que ya (o todavía) están en la periferia no solo reflejan la prototipicidad en la lengua, sino también su variación [ibid]. O sea, que la adjudicación de las palabras al núcleo o a la periferia, o la categorización de la realidad, depende tanto de la capacidad personal de cognición del ser humano como de aspectos culturales. Con ello se pone de relieve el dinamismo del proceso de la categorización.

El planteamiento de Zalevskaya va en línea con la experiencia lingüística occidental y sobre todo confirma una vez más los hallazgos de Rosch [Rosch 1973] que, tras haber llevado a cabo varios experimentos, confirmó que la creación de las categorías conlleva el establecimiento de prototipos. El elemento central constituiría en la Traductología el primer ámbito de las posibles correspondencias entre las lenguas [Faber, Jiménez 2004: 61].

No obstante, teniendo en cuenta el dinamismo del proceso de la categorización del ser humano, señalado con anterioridad, y la diferente percepción

de prototipos entre los individuos no sólo en la misma cultura, sino también a nivel intercultural, el criterio de la prototipicidad resulta ser insuficiente como base única para la búsqueda de correspondencias entre lenguas [ibid]. El estudio del concepto como unidad mínima de conocimiento o de pensamiento y de relaciones conceptuales en la Lingüística cognitiva ayuda tanto en la comprensión del mecanismo de la categorización de la realidad como en la extracción, transmisión y representación del conocimiento humano. La conceptualización refleja la forma en cómo percibimos y comprendemos la realidad. Los diferentes enfoques en la conceptualización (multidimensionalidad) [Boldirev 2008; Bowker, Meyer 1993; Kageura 1997] inherentes a distintas lenguas deben a las diferencias culturales y cognitivas. Este hecho nos obliga a estudiar los conceptos y las relaciones entre ellos que determinan a su vez la estructura del conocimiento. Es necesario reconstruir la estructura conceptual que se alberga detrás de su representación lingüística (palabras) para asegurarnos de la posición equivalente de los conceptos en ella. Así, por ejemplo, las lenguas rusa o alemana reflejan un único enfoque de la categorización o la conceptualización del *movimiento oscilatorio* y lo denominan *волна* o *Welle* en cualquier medio donde se presente este fenómeno. En cambio, la lengua española muestra dos formas distintas de conceptualización de esta realidad y categoriza el *movimiento oscilatorio* en dos categorías: una comprende el medio acuático, donde el fenómeno se denomina *ola*, y otra correspondiente a los demás medios denominada *onda* [Koreneva-Antonova 2011]. Por consiguiente, se pone de relieve la necesidad de estudiar los enfoques de la formación de una categorización y la estructuración de su significado. Además, los conceptos y las relaciones entre ellos, en definitiva, el propio sistema conceptual, contribuye al significado de las palabras y frases [Barsalou 2003: 515]. Estamos de acuerdo con Demiankov [Demiankov 2001: 13] en que “no la lengua, sino los conceptos y su percepción reflejan la realidad lingüística”.

En el grupo de investigación terminológica LexiCon formado por traductores-terminólogos de la Universidad de Granada buscamos la prototipicidad no sólo entre los elementos de una categoría, sino también en la estructura de la misma para un dominio determinado. Partimos de la idea de que el lexicon mental engloba en sí tanto el almacenamiento del conocimiento enciclopédico como lingüístico humano, ya que sólo somos capaces de memorizar lo que comprendemos o cuya aplicación práctica nos resulta útil.

La Terminología Basada en Marcos (TBM) [Faber et al. 2005, 2006, 2007] apela a estudiar los conceptos y las relaciones entre ellos. Esta nueva orientación cognitiva en la Terminología se basa en la teoría de marcos de Fillmore [Fillmore 1982; Fillmore y Atkins 1992] donde los marcos representan una forma de estructuración esquemática cognitiva del conocimiento. La TBM insiste en que para encontrar las equivalencias entre diferentes lenguas hace falta comparar las realidades subyacentes a los conceptos representados. Además, es necesario detectar la posición de los conceptos en la estructura conceptual reflejada en cada lengua porque ésta muestra su significado y el enfoque de la conceptualización.

La aplicación práctica de la TBM es la base de conocimiento terminológico (BCT) EcoLexicon (<http://ecolexicon.ugr.es>), desarrollada por el grupo LexiCon. Se trata de una representación del conocimiento de forma estructurada que hoy día más se acerca a la organización del lexicon mental humano. Este tesoro visual dispone de más de 3.000 conceptos y 10.000 términos del dominio medioambiental en 7 lenguas (inglés, español, alemán, francés, ruso, neerlandés y griego moderno). La BCT EcoLexicon une recursos lingüísticos, conceptuales (indicación de la estructura del dominio) y gráficos (incluye imágenes).

La Figura 1 muestra la entrada terminológica del concepto MAREA BAJA en el EcoLexicon que representa la estructura conceptual de esa parcela de conocimiento, donde el concepto central aparece rodeado de conceptos estrechamente relacionados. La BCT puede ser utilizada como diccionario del dominio medioambiental mono y multilingüe.

Como hemos mencionado con anterioridad, la TBM pone énfasis en la importancia de la adquisición del conocimiento y de la terminología especializada de forma estructurada para su asimilación más eficaz. Por esta razón se ha propuesto desarrollar la metodología de la estructuración de la BCT más cercana a la del lexicon mental. Los conceptos recopilados son los más relevantes para el dominio medioambiental. Están estructurados según el marco prototípico para el dominio independiente de la lengua que es el marco del Evento Medioambiental (Fig. 2) (EM). Se trata de una plantilla establecida según la cual cualquier parcela de conocimiento del dominio medioambiental puede encajar en el marco EM. De esta forma tendría: un *agente* que actuaría sobre un *paciente* y desencadenaría un *proceso* en un *lugar* determinado que tendría a su vez un *resultado* o alcanzaría un *estado* determinado. Así, por ejemplo, OLA es *paciente del agente* VIENTO, que la provoca, en el *lugar* MAR y causa como *resultado* OLEAJE.

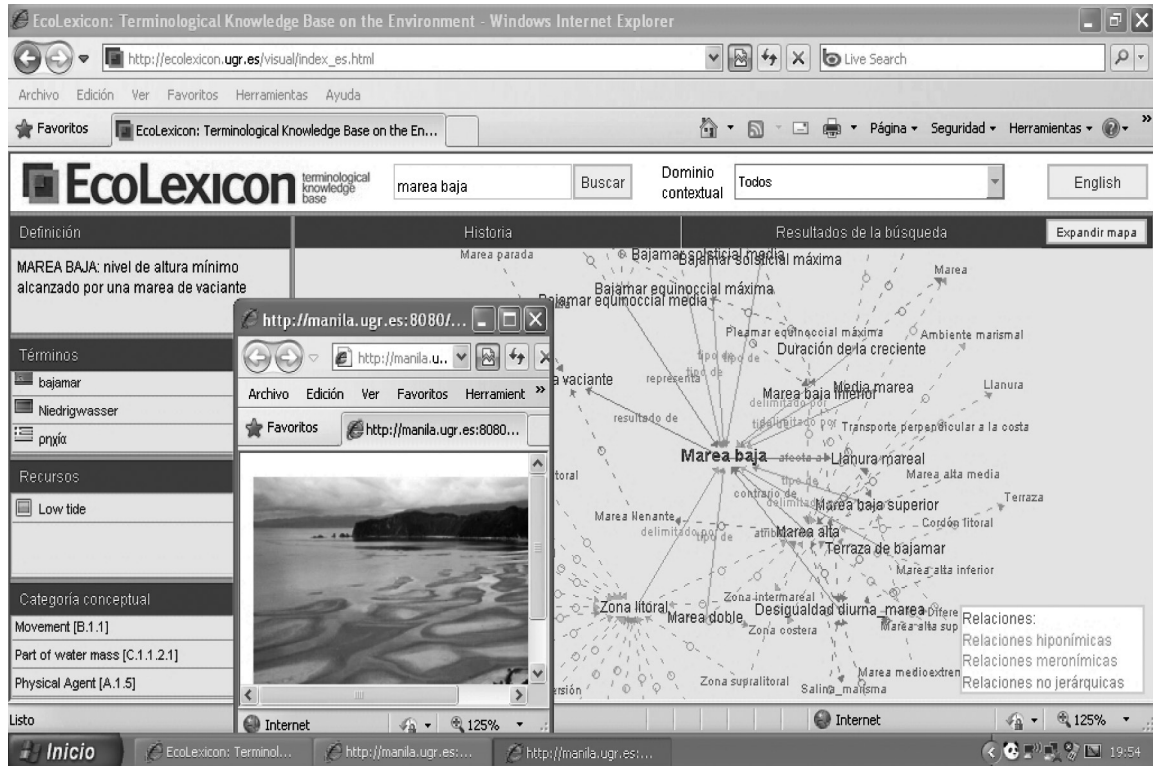

Fig. 1. Entrada terminológica del concepto MAREA BAJA en el EcoLexicon

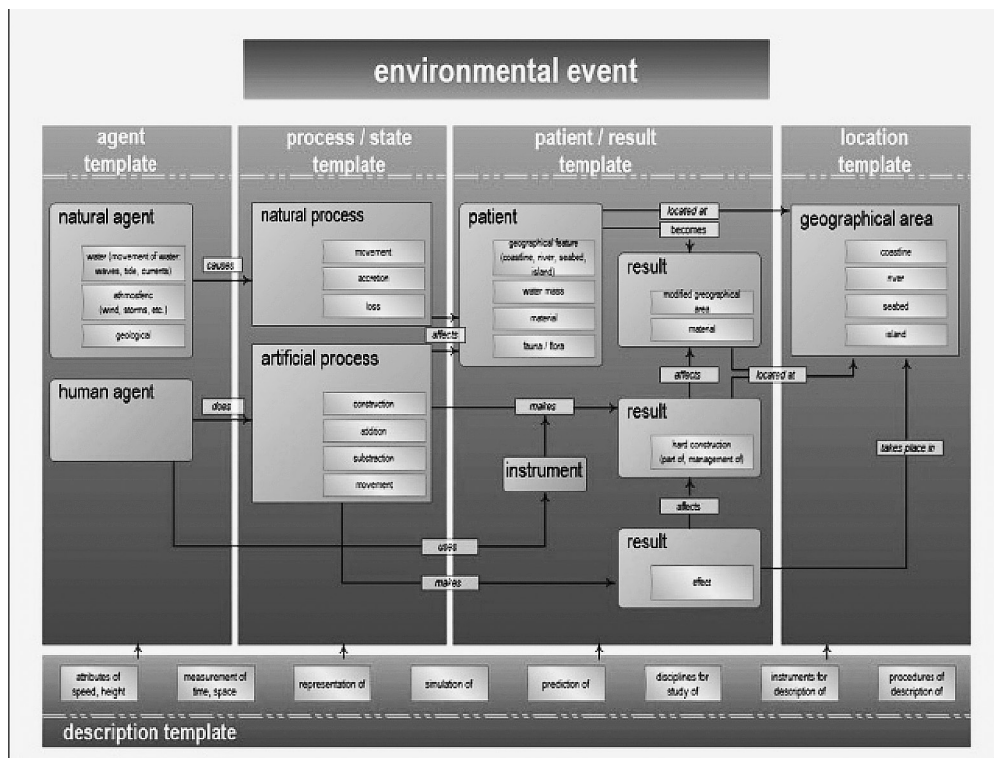

Fig. 2. Marco del Evento Medioambiental (Faber et al. 2006)

Este marco fue desarrollado con la orientación a procesos haciendo justicia al dinamismo de la categorización del ser humano y del conocimiento especializado. Refleja el fenómeno de la

multidimensionalidad, ya que en dicho marco tienen cabida varios enfoques de la conceptualización inherentes en distintas lenguas. Asimismo, por ejemplo, OLA, que es *paciente* del VIENTO,

en el mismo contexto puede ser *agente* de PLAYA porque la afecta, y ser al mismo tiempo conceptualizada como *proceso* que tiene una fase de PROPAGACIÓN.

La aplicación práctica de la TBM pone en evidencia la necesidad de determinación de la estructura de los conceptos que influya en la formación de su significado. La metodología de la organización dinámica de las categorías propuesta por la TBM ofrece un recurso adicional que puede avalar los hallazgos originados en los experimentos con cadenas asociativas de palabras. Con esto se proporciona una base sólida para la búsqueda de equivalentes a nivel interlingüístico. Igualmente, sirve para la descripción más completa de los conceptos considerando distintos enfoques en la conceptualización de la realidad propios de diversas culturas y anclados en sus lenguas. Dicha metodología nos acerca cada vez más a la comprensión de la organización y del funcionamiento del lexicón mental del ser humano. Los avances en este campo nos permitirían mejorar la comunicación alcanzando una transmisión y representación del conocimiento más eficaz y asequible a los hablantes pertenecientes a las comunidades lingüísticas distintas.

Bibliografía

1. Barsalou L. Situated simulation in the human conceptual system // *Language and Cognitive Processes*. 2003. — № 18, Is. 5—6. — P. 513—562.
2. Bowker L., Meyer I. Beyond Textbook. Concept systems: handling multidimensionality in a new generation of term banks // *Terminology and Knowledge Engineering*. — Frankfurt a M.: Indeks Verlag, 1993. — P. 123—137.
3. Faber P., Jiménez Hurtado C. Traducción, lenguaje y cognición. Granada: Editorial Comares, 2004.
4. Faber P., Márquez Linares C., Vega Expósito M. (2005). Framing Terminology: A Process—Oriented Approach. // *Translators' Journal*. — 2005. — № 4. Is. 50.
5. Faber P., Montero Martínez S., Castro Prieto M. C., Senso Ruiz J., Prieto Velasco J. A., León Araúz P., Márquez Linares C. F., Vega Expósito M. Process-oriented terminology management in the domain of Coastal Engineering // *Terminology*. — 2006. — № 12 (2). — P. 189—213.
6. Faber P., León Araúz P., Prieto Velasco J. A., Reimerink A. Linking Images and Words: the description of specialized concepts (extended version) // *International Journal of Lexicography*. — 2007. — № 20 (1). — P. 39—65.
7. Fillmore C. J. Frame Semantics // *Linguistics in the Morning Calm*, The Linguistic Society of Korea. — Seoul: Hanshin, 1982. — P. 111—137.
8. Fillmore C. J., Atkins B. T. Toward a frame—based lexicon: The semantics of RISK and its neighbours // *Frames, Fields and Contrasts*. — Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. — P. 75—102.
9. Koreneva-Antonova O. La conceptualización en la terminología medioambiental ruso-española // Trabajo fin del máster. Universidad de Granada, 2011.
10. Rosch E. (1973). Natural categories // *Cognitive Psychology*. — 1973. — № 4. — P. 328—350.
11. Болдырев Н. Н. Многоаспектность как формат знания и лингвистические методы его исследования. — Режим доступа: <http://boldyrev.rask.info/dir/material/187.pdf>
12. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке. — Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Concept.html>
13. Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избр. тр. — М.: Гнозис, 2005. — 543 с.
14. Залевская А. А. Введение в психолингвистику: учебник. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. — 560 с.
15. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Изд-во ЛКИ, 2010. — 264 с.
16. Пепеляева Е. А. Лексико-семантическое поле «человек»: структура денотативно-категориальной группы «объективные характеристики человека» // Congreso internacional “Investigaciones comparadas ruso-españolas: aspectos teóricos y metodológicos”. Granada, 2011. — С. 205—208.
17. Шанский Н. М. Методика преподавания русского языка: достижения и проблемы // *Русский язык в национальной школе*. — 1982. — № 6. — С. 6.

Л. И. Антропова (Магнитогорск, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

Language variance is an unusual diverse and poly-aspect language feature. The reasons of variance beginning may be both intra-linguistic and extra-linguistic factors. Cognitive language variance proposes the study of individual speech in conditions of natural communication depending on experience and knowledge. Due to rising of cognitive linguistic, language variance researches cognitive and mental modals, mental expanses, when we proceed to the analyses of speech behaviour within the society and mutual understanding in human communication.

Keywords: *variance, variation, varying, constant norm.*

С конца 80-х гг. XX века в лингвистике начинается поиск новых исследовательских приемов, ведущих к изучению функционирующих в обществе разных национальных вариантов языка, то есть к изучению такого явления в языке как вариативность.

Вариативность языка — свойство чрезвычайно разнообразное и многоаспектное. Причинами появления вариативности могут быть как интралингвистические, так и экстралингвистические факторы.

Внутренние (интралингвистические) факторы языковой вариативности, по мнению некоторых языковедов, — это общий признак языковой системы, когда все единицы языка представлены в виде множества вариантов. В основе системной вариантности лежит соотношение «инвариантность / вариантность», на которое указывал еще Л. Блумфилд в своем трактате о языке: «Инвариант существует лишь постольку, поскольку существуют его манифестации» [Блумфилд 1968: 48]. Проблемы языкового варьирования также занимали важное место в трудах представителей Пражской лингвистической школы (Й. Вахек, В. Скаличка, Н. С. Трубецкой и др.).

Основные понятия теории вариативности, как известно, отражены в терминах: «вариативность», «вариантность», «варьирование», «вариант», «инвариант», «константность», «норма». Первые два термина обычно употребляют синонимично. Выделяют их широкое и узкое толкование. Вариативность в широком смысле обозначает всякую изменчивость, модификацию. При таком понимании нет необходимости в противопоставлении варианта инварианту. В узком смысле вариативность определяется как «характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии» [Nahrings 1981: 183]. Понятие варианта и вариативности целесообразно рассматривать относительно критерия, допускающего варианты или, напротив, запрещающего их. Таким критерием в языке является норма. Норма есть в любой подсистеме языка, а не только в кодифицированных его сферах.

В качестве проявлений языковой вариативности в лингвистической литературе чаще всего называют следующие: территориальная вариативность, стилистическая, социолингвистическая, коммуникативно-ситуативная, индивидуальная и когнитивная вариативность языка, которая предполагает изучение речи индивида в естественных условиях в зависимости от опыта и знаний.

Именно развитие когнитивной лингвистики и прагматики вывели исследования по проблемам вариативности на новые рубежи. Благодаря становлению когнитивной лингвистики, языковая вариативность начинает исследоваться с позиции когнитивных моделей, ментальных образов, ментальных пространств, «когда мы переходим от изучения языка как особого явления к анализу речевого поведения в рамках того или иного общества к взаимному пониманию друг друга в повседневном общении», то есть к анализу отношения «язык — внешний мир» [Гамперц 1975: 183].

Важным в когнитивных исследованиях представляется то, как организуется наше поведение в определенных ситуациях (в быту, в профессиональной деятельности, во время отдыха), как создается социальная ориентация коммуникантов. В конечном счете, какова роль концептуальных элементов коммуникативных ситуаций в адекватной интерпретации информации и поведения людей, а также роль этих концептуальных элементов в ориентации индивида в окружающем мире и в конструируемости определенной «картины мира» в концептуальной системе определенного индивида. Так, индивидуальные знания о мире заставляют индивида выделять в своей концептуальной системе те структуры, которые представляют его знания о мире.

Индивидуальная система знаний индивида (то, что он знает о мире), то есть когнитивная база, может быть представлена разными форматами знания, отражаемых в сознании человека. Фактические данные об объективной реальности, поступая в мозг, преобразуются в виде так называемых ментальных репрезентаций разного типа — в виде сценариев, фреймов, пропозиций,

основанных на фоновых, концептуальных знаниях [Болдырев 2007]. Одним из таких сценариев может быть, например, фреймовая ситуация «Петушинные бои в Борнхайме», где ситуативные элементы фиксируют определенный фрагмент опыта трех различных информантов, проживающих в одном микрорайоне г. Франкфурта-на-Майне и имеющих высшее образование: 1-й говорящий, 50 лет, говорит на сильном диалекте. Его язык содержит слова, характерные для старого и нового диалектов города Франкфурта, например: *aale* ← *alt* «старый»; *d* вместо *t*: *Ridder* ← *der Ritter* «всадник»; дифтонг *au* [В] произносит как монофтонг [u]: *uff* ← *auf* «на»; заметна сильная ассимиляция в словах: *annem Sei* ← *an einem Seil* «на канате». Вместо литературного слова *der Hahn* «петух» употребляет диалектные варианты *Gickel* «петух» и *Goggel* «домашний петух»:

1. *Ja, Braunfel s (mhm), da warn doch die Ridderturniere (ja)*

2. *un dann habbe die Bauern Gickelschmiß gemacht.*

3. *Gelle, da sinn also Goggel geschlacht worn*

4. *die sinn dann hier uffgehängt worde annem Seil*

5. *dann habbe se so aale Schwerder kriet...*

2-й говорящий, 35—40 лет, общается на общерегиональном обиходно-разговорном языке, а 3-й информант, 30—40 лет, — на городском обиходно-разговорном:

1. *Ja /äh/ wir /äh/ Gickelschmiß gehört zur Bornheimer Kerb*

2. *Gell, no, desis / mir habbe ja alljährlich/*

3. *ne /im August Bornheimer Kerb. (mhm)*

4. *Des wird sehr groß aufgezoeche (ja)*

5. *und des is /äh/ der Gickelschmiß gehört /äh/ zur Tradition [Brinkmann to Broxten 1986].*

Очевидным является тот факт, что говорящие в данной коммуникативной ситуации, тем не менее, приходят к пониманию друг друга, так как они в достаточной степени владеют одинаковыми фоновыми и когнитивными знаниями местной культуры о проведении петушинных боев во Франкфурте-на-Майне. Однако для представления одной и той же ситуации информантами используются различные речевые высказывания и грамматические конструкции, в результате чего возникает новая сочетаемость компонентов. Такие языковые структуры, соответствующие когнитивным структурам носителей языка, есть результат отображения специфики восприятия окружающего мира, что и определяет их выбор существительных, глаголов, качественных определений при описании ситуативной сцены. И, как следствие, разные концептуальные подсистемы языка получают

свою фонетическую, лексическую, грамматическую и словообразовательную репрезентацию. Вместе с тем способность человека формировать в своем сознании ментальные образы звуков речи, лексических и фразеологических единиц, грамматических и словообразовательных конструкций позволяет ему правильно и адекватно, в соответствии со стереотипной ситуацией, воспринимать и воспроизводить звуки и слова, что обеспечивает взаимное понимание в общении [Кубрякова, Демьянков 2007]. В этом случае знание и отражение картины мира служит концептуальным основанием для формирования вариантной нормы в виде конкретных образцов, репрезентирующих это знание.

Можно сказать, что такие типичные концептуальные языковые явления приобретают устойчивый характер и фиксируются в диалектных или обиходно-разговорных стереотипах, которые представляют единство местного произношения и словоупотребления, а это, в свою очередь, помогает понять когнитивные механизмы языковой вариантности, обусловленной знаниями об отличительных особенностях языковых единиц одного обиходно-разговорного языка или диалекта на фоне других языков, что отражает национально-культурную матрицу носителей языка.

Итак, все аспекты общественной жизни представлены в концептуальной системе человека, и любой язык есть отражение особой когнитивной способности индивида.

Список литературы

1. Блумфилд Л. Язык. — М.: Прогресс, 1968. — 607 с.
2. Болдырев Н. Н. О типологии знаний и их репрезентации в языке // Типы знаний и их репрезентация в языке: сб. науч. тр. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. — С. 12—28.
3. Гамперц Дж. Типы языковых обществ // Новое в лингвистике. — М.: Прогресс, 1975. — Вып. 7. — С. 182—198.
4. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З. К проблеме ментальных репрезентаций // Вопросы когнитивной лингвистики. — М.: Ин-т языкознания; Тамбов: Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина, 2007. — № 4. — С. 8—16.
5. Brinkmann to Broxten, E. Stadtsprache — Stadtmundart. Studie zum Gebrauch und zur Funktion mundartnaher Sprachvarietäten in Frankfurt a. M. — Tübingen: Narr, 1986. — 268 S.
6. Hahrings K. Sprachliche Varietäten. (Tüb. Beiträge zur Linguistik 147). — Tübingen, 1981. — 281 S.

О. А. Брильц (Челябинск, Россия)

ПОНИМАНИЕ, ОБЪЯСНЕНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ — АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПОНЯТИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ И ФИЛОСОФИИ

The article is dedicated to the analysis of such concepts as understanding, explanation, interpretation in linguistics and philosophy. This problem has been discussed for many years. But sometimes one concept is used instead of another. We try to show the difference of these concepts.

Keywords: *understanding, explanation, interpretation, hermeneutics, context.*

В разные времена для прояснения понятия «понимание» использовалось его соотнесение с другими понятиями. Часто, однако, вместо разъяснения значения происходила элементарная подмена одного понятия другим. Так что же такое понимание? Что означает понять?

Изучение проблемы понимания началось достаточно давно. В рамках герменевтики вопрос о понимании связывался с толкованием текста. Еще со времён античной филологии главной задачей традиционной герменевтики считалось практическое научение искусству понимания. В XVIII веке (Землер и Эрнести) сформулировали требование учитывать при толковании Писания различия между авторами, которые могли вкладывать различный смысл в элементы текста, создавая, таким образом, фактически новый текст.

Позднее Рикер [Рикер 1995] выдвинул идею закрепить слово «понимание» за явлением проникновения в другое сознание с помощью внешнего обозначения, а слово «интерпретация» употреблять по отношению к пониманию, направленному на зафиксированные в письменной форме знаки. Интерпретация при таком подходе остаётся в некотором смысле периферией понимания. Понимание, например, текста сводится к овладению смыслами, заключёнными в тексте, позволяющему преодолеть временное и культурное расстояние, отделяющее читателя от текста. В этом случае отношение «письмо-чтение» оказывается частным случаем понимания, осуществляемого посредством проникновения в другое сознание через выражение.

Однако не существует единообразной трактовки понятия «интерпретация». От работ Ф. Шлейермахера и В. Дильтея идет традиция использования понятия интерпретации для раскрытия специфики понимания. Понимание в этой традиции рассматривается в качестве результата, к которому должна приводить процедура интерпретации при соблюдении определенных правил. Например, психологическое толкование у Ф. Шлейермахера предполагает

реконструкцию духовного мира автора произведения. Интерпретатор при этом должен уметь перевоплощаться в автора, почувствовать то, что чувствовал автор, создавая текст, и тем самым понять, что же он имел в виду, создавая текст. Ф. Шлейермахер писал: «Субъективный метод в процессе интерпретации заключается в том, чтобы превратить себя в другое лицо, постичь его индивидуальность» [Шлейермахер 1969: 87].

Принципиально иной подход к рассмотрению интерпретации дает аналитическая философия. Сторонники аналитической традиции под интерпретацией обычно подразумевают процедуру приписывания определенных значений символам формализованного языка. Эту линию анализа интерпретации хорошо представил А. И. Ракитов, согласно которому интерпретация «представляет собой процедуру предписывания смысла и значения отдельным элементам знаковой системы или системы деятельности, а так же элементам материально-предметной сферы человеческой деятельности» [Ракитов 1985: 69].

Новый момент в трактовку интерпретации как процесса осмысления текстов и иных объектов знаковой и незнаковой природы вносит Г. Л. Тульчинский. Согласно Г. Л. Тульчинскому, интерпретация «есть универсальная процедура рассмотрения действительности через призму общественных нормативов и ценностей» [Тульчинский 1986: 46]. Осмысление в этом случае оказывается стороной духовно-практического освоения действительности, связанной с отражением социальным субъектом этой действительности в контексте норм, целей и ценностей общественной практики [Тульчинский 1986].

Приведенные версии соотношения понимания и интерпретации можно суммировать положением о том, что у интерпретации и понимания есть точки соприкосновения, хотя нет полного их совпадения или включения одного понятия в другое.

Другим направлением прояснения понятия понимания является его сопоставление с объяснением. («Понимаю сам, если могу объяснить

другому»). Дильтей в свое время настаивал на известной противоположности слов «понимать» и «объяснять» [Дильтей 2001]. На первый взгляд может показаться, что это ведет к некоторому альтернативному варианту трактовки понимания. На самом деле процесс понимания в рамках такого подхода сводился к техническим приемам или процедурам рассмотрения соотношения целого и части или значения и его интерпретации. Как бы далеко ни продвигалась техника указанных приемов, основа понимания оставалась все же интуитивной.

Конфликт между пониманием и объяснением принимает форму истинной дихотомии с того момента, как начинают соотносить две противостоящие друг другу позиции с двумя различными сферами реальности — природой и духом. В этом варианте противоположность, выраженная словами «понимать-объяснять», восстанавливает противопоставление духа и природы, как она представлена в так называемых науках о духе и науках о природе. Можно схематично изложить эту дихотомию следующим образом: науки о природе имеют дело с наблюдаемыми фактами, которые, как и природа, со времен Галилея и Декарта подвергаются математизации. Далее идут процедуры верификации гипотез и, наконец, объяснение является родовым термином для трех различных процедур: генетического объяснения, ссылающегося на предшествующее состояние объясняемого объекта; материального объяснения, опирающегося на лежащую в основании систему меньшей сложности; структурного объяснения через синхронное расположение элементов или составляющих частей. Этим трем характеристикам наук о природе, науки о духе могли лишь замкнуться в проблематике понимания языка. Открытым для наблюдения фактам наук о природе противопоставляются знаки, подлежащие пониманию; фальсифицируемости теорий наук о природе противопоставляется симпатия или интропатия; и, наконец, что может быть особенно важно, трем моделям объяснения (каузальной, генетической, структурной) наук о природе противопоставляется идея связи, посредством которой изолированные знаки соединяются в знаковые совокупности (лучшим примером здесь является построение повествования).

С появлением герменевтики дихотомия наук о природе и наук о духе была поставлена под вопрос. Уже Шлейермахер переориентировал герменевтику с разработки правил истолкования текстов на исследование общих принципов их понимания [Шлейермахер 1969]. Он

противопоставил истолкованию текстов понимание как некую субъективную устремленность к недоразумению, которое возникает независимо от нас, и акцентировал внимание на понимании мыслей. По мнению Шлейермахера, каждое произведение «обладает частью понимаемости из своей первоначальной направленности» [Шлейермахер 1969: 112]. Так, произведение искусства, вырванное из своей изначальной соотносительности, если она исторически не сохранилась, теряет в своей значимости. Шлейермахер добавляет, что произведение искусства «теряет своё значение, если вырвать его из этого окружения и передать в обращение, оно тогда напоминает нечто, что спасено из огня и теперь хранит следы ожогов» [Шлейермахер 1969: 84]. Значит, только контекст полностью определяет значение, а понимание должно базироваться на выяснении происхождения и становления произведения. Шлейермахер полагает, что всякая индивидуальность — манифестация всей жизни, и потому «каждый носит в себе некий минимум каждого, а дивинация в соответствии с этим получает импульс от сравнения с самим собой» [Шлейермахер 1969: 146].

Дильтей под влиянием «Логических исследований» Гуссерля перенес акцент на объективность значений по отношению к психологическим процессам, порождающим их. Он стал подчеркивать мысль, что взаимосвязь знаков придает зафиксированным значениям повышенную объективность. Эти идеи не поколебали, однако, убеждение Дильтея о принципиальном различии между науками о природе и науками о духе.

В своих ранних работах Дильтей указывал, что понимание связано с проникновением в духовный мир автора, с реконструкцией культурного контекста сознания последнего. В этой связи понимание трактовалось как единственное адекватное средство передачи жизни вообще, как процедура прояснения и осмысления жизни. Продукты творчества того или иного индивида, согласно Дильтею, представляют собой объективацию жизни, так что в конечном итоге то, что нам необходимо понять в другом то, мы понимаем и в самих себе.

Под влиянием критики оппонентов Дильтей сместил акцент и пришел к тому мнению, что понимание вообще не нацеливает на воспроизведение полной копии духовного мира автора текста, а ставит перед собой скорее задачу репрезентации структуры или строения этого мира. Интерпретатор стремится к постижению не каждой отдельной детали, а совокупной картины отношений, выступающих в качестве «идеального

порядка». Согласно Дильтею [Дильтей 2001] операция понимания становится возможной благодаря способности, которой наделено каждое сознание, проникать в другое сознание не непосредственно, путем «пере-жива-ния» (*re-vivre*), а опосредованно, путем воспроизведения творческого процесса исходя из внешнего выражения. Такого рода понимание многоуровневое по своей структуре: чем больше оно освобождается от необходимости воспроизводить первоначальную последовательность событий, тем меньше походит на подражание происходящему в духовной жизни другого.

Вышеизложенные результаты анализа понимания могут быть резюмированы разъяснением понимания как воспроизведения первоначальной последовательности событий и совокупной системы отношений, структуры. В любом из этих случаев понимание будет означать повторение, воссоздание понимаемого объекта. По нашему мнению, простое повторение последовательности чего-либо говорит в большей степени не о понимании, а о возможности простой имитации достаточно простых последовательностей и структур. Например, мы можем воспроизводить последовательность простых физических действий, отдельных звуков и т. д. С пониманием же, как таковым, связано воспроизведение системы отношений и сложных структур. Поддержку для подобного рассмотрения понимания мы получаем со стороны А. А. Брудного, который отмечает, что для понимания действительности «надо найти

системность ей присущую (и зачастую никак не очевидную), надо от дробления перейти к тем качествам, которые присущи именно целостной картине» [Брудный 1987: 6]. При понимании мы постигаем, прежде всего, уникальное в предмете понимания, но затем выявляем в нем общее. Понимание дает субъекту возможность формулировать суждения, касающиеся как единичных, уникальных так и общих сторон, свойств, отношений.

Список литературы

1. Брудный А. А. О диалектике понимания мира // Диалектика познания, понимания, общения / КГУ им. 50-летия СССР. — Фрунзе, 1987. — 135 с.
2. Дильтей В. Сущность философии. — М.: Интрада, 2001. — 159 с.
3. Ракитов А. И. Философия. Основные идеи и принципы: Популярные очерки. — М.: Политиздат, 1985. — 367 с.
4. Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. — М., 1995. — 441 с.
5. Тульчинский Г. Л. Интерпретация и смысл // Интерпретация как историко-научная и методологическая проблема. — Новосибирск: Наука, 1986. — С. 33—48.
6. Тульчинский Г. Л. Проблема осмысления действительности. Логико-философский анализ. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 177 с.
7. Schleiermacher F. Hermeneutic. — Heidelberg, 1969. — 160 S.

Л. В. Воронина (Белгород, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Review of German language unit may be implemented on the base of such cognitive operations as conceptual metaphor and metonymy. These cognitive operations provide mental access to another concept within the definite model. Review of words on the basis of cognitive mechanism operation of conceptual metaphor is impossible without focusing on the definite mark required for formation of a derivative word meaning.

Keywords: *derivative word, cognitive mechanism, conceptual metaphor, metonymy, metaphor model.*

В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы словообразование рассматривается, во-первых, как познавательный процесс, в ходе которого с помощью ментальных операций на основе старых знаний происходит категоризация нового знания, а во-вторых, как результат когнитивных операций, отраженных в актах номинации конкретного языка.

Производная лексика, становясь объектом лингвистических исследований, открывает доступ к когнитивным механизмам обработки, хранения информации и закрепления её в структуре производного слова.

Использование словообразования в качестве основного фактора фиксации нового опыта детерминировано ограниченными возможностями

памяти человека. Формирование новых слов с помощью словообразования позволяет обеспечить доступ к новым смысловым структурам на основе известных в семантическом и формальном смысле концептов. Такого рода механизм обеспечивает более легкий доступ в процессе коммуникации к новым смыслам.

В формальном отношении любое производное слово представляет собой свернутый трансформ, мотивированность которого предопределена связью с мотивирующей единицей, от которой образовано слово, однако, в акте коммуникации оно может быть подвергнуто переосмыслению с целью формирования нового смысла. Такого рода изменения в концептуальной структуре слова обеспечиваются действием когнитивных механизмов и использованием когнитивных моделей.

В качестве когнитивных механизмов, определяющих переосмысление уже известных значений, могут выступать концептуальная метафора и метонимия. Данные когнитивные процессы обеспечивают ментальный доступ к другому концепту в пределах определенной модели.

Как метафорические, так и метонимические концепты осмысливаются в терминах других концептов, что означает концептуализацию одной предметной области в терминах другой. Семантическая дистанция между исходными и инновационными значениями при метафоре может быть значительной, в то время как при метонимии отношения носят внутриреймовый характер.

В данной работе остановимся на анализе субстантивных производных слов немецкого языка, переосмысленных на основе когнитивной операции — концептуальной метафоры.

В рамках нового направления лингвистики ученые обратили внимание на метафору не столько как на стилистический прием сравнения, способствующий экспрессивности речи, сколько как на механизм познания мира.

В современной когнитивной лингвистике к изучению метафоры как основной ментальной операции, как способа познания, структурирования и объяснения мира, обращались Дж. Лакофф и М. Джонсон, М. Тернер и Ж. Фоконье, Е. Свитсер, Е. Киттей, Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, А. П. Чудинов и др.

В лингвистическую терминологию понятие «когнитивная метафора» ввел М. Блэк, предприняв попытку взглянуть на метафору как процесс мыслительной деятельности. Метафора, согласно концепции ученого, представляет собой результат взаимодействия двух ассоциативных систем —

обозначаемого метафоры и ее образного средства, в результате которого обозначаемое предстает под новым углом зрения, получая новое, метафорическое название [Блэк 1990].

Существенный вклад в развитие современных представлений о месте и роли метафоры как ментальной сущности, как процесса познания внесла концепция Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которой впервые подчеркивается моделирующий характер метафоры, регулярный характер процессов метафоризации. Согласно данной концепции существенная часть концептуальной системы человека имеет метафорический характер.

Суть метафоры как когнитивной способности человека заключается в возможности осмысливать абстрактные явления и сущности в терминах чувственно осязаемых предметов, осваивать неизвестное, опираясь на известное, формировать новые концепты на базе старых.

Теория концептуальной метафоры построена на биполярной модели, в которой взаимодействуют две концептуальные области: область-источник (source domain) и область-мишень (target domain). Область-источник представляет собой освоенный опыт, содержащий более конкретное знание; область-мишень — сферу нового, менее ясного знания. На основе концептуального переноса, в основе которого лежит общий признак, присущий обоим концептуальным областям, устанавливаются связи между областями [Lakoff, Johnson 1980].

В основе данной концепции лежит представление о концептуальных метафорах как стабильных, закрепившихся в коллективном сознании смысловых структурах более высокой степени абстракции.

Метафорические проекции согласно теории концептуальной метафоры встроены в обыденное сознание и имеют конвенциональный характер.

Проекции данных из одной области в другую связываются метафорическими моделями, под которыми понимают существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка схему связи между понятийными сферами [Lakoff, Johnson 1980: 3—9], которую можно представить определенной формулой «X — это Y» [Чудинов 2003: 70].

Когнитивным механизмом для формирования данных номинаций является сравнение и перенесение признаков одной знакомой субъекту познания категории на признаки другой мало известной категории. То есть концептуальная метафора является средством, при помощи которого новая область опыта может быть концептуализирована в терминах более знакомой области.

Рассмотрим возможности переосмысления производных слов немецкого языка, в основе которого лежит механизм концептуальной метафоры на примере имен существительных, в которых актуализируется метафорическая модель ЖИВОЕ СУЩЕСТВО — АРТЕФАКТ.

В основе семантики следующих имен существительных, метафорические значения которых уже зафиксированы в словарях, лежит артефактная метафора. В рамках артефактной метафоры проанализируем следующие метафорические модели РАСТЕНИЕ / ЧАСТЬ РАСТЕНИЯ — ПРЕДМЕТ, ЖИВОТНОЕ / ЧАСТЬ ЖИВОТНОГО — ПРЕДМЕТ, то есть на концептуальном уровне происходит метафорический перенос из области-источника АРТЕФАКТ в область-мишень ЖИВОЕ СУЩЕСТВО.

Онтологическим базисом анализируемых производных, объективирующих живые существа, является номинация предметов, используемых человеком в быту и профессиональной деятельности, среди которых значительную часть составляют две группы: предметы одежды и орудия труда, предметы утвари.

Как показывает анализ, метафорическому переосмыслению в рамках метафорической модели ЖИВОЕ СУЩЕСТВО — АРТЕФАКТ могут подвергаться лексемы, объективирующие следующие предметы одежды: 1) головные уборы *Hut*, *Haube*, *Mütze*, *Helm*; 2) обувь «*Schuh*», «*Pantoffel*»; 3) предмет верхней одежды «*Mantel*».

В рамках данной модели РАСТЕНИЕ / ЖИВОТНОЕ — ПРЕДМЕТ ОДЕЖДЫ сформированы значения производных: *der Kaisermantel*, *die Klappmütze*, *der Mantelpavian*, *die Pantoffelblume*, *die Pantoffelschnecke*, *das Pantoffeltierchen*, *der Schuhschnabel*, *das Pfaffenhütchen*, *der Trauermantel*, *die Mantelmöve*, *der Frauenmantel*, *der Frauenschuh* и др. Смысловая структура данных единиц различна. Если метафоризации подвергается первый компонент композита, в поверхностной структуре композита эксплицитно может быть объективирована связь с категорией ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. Если метафоризации подвергнуто слово в целом, такая связь может быть установлена в дискурсе или на основе инферентного вывода.

Формирование значения лексемы *Helmkraut* (русс. шлемник) в немецкой культуре связано с метафорическим переосмыслением первого компонента сложного слова. На концептуальном уровне осуществляется перенос признака «особенности формы» с ПРЕДМЕТА — рыцарского головного убора — на форму ЧАСТИ РАСТЕНИЯ (чашечка цветка после увядания), ср.:

Helmkraut n — Angehöriges einer Gattung der Lippenblütler, dessen *Blütenkelch* nach dem Verblühen geschlossen ist und dann *einem Helm gleicht*. Ср.: *Helm* m — schützende Kopfbedeckung aus Leder, Metall, Kork [Wahrig 2001: 616].

В поверхностной структуре композита *Helmkraut* эксплицитно выражена связь с категорией KRAUT посредством второго компонента.

Лексема *Haube*, актуализирующая головной убор женщин: «*weibl. Kopfbedeckung in den vielfältigsten Formen, meist von verheirateten Frauen getragen*» — за счет действия когнитивного механизма концептуальной метафоры приобрела целый ряд новых значений, одним из которых является «хохолок птиц»: (zool.) *Federbüschel auf dem Kopf von Vögel, Schopf* [Wahrig 2001: 605].

На основе метафорической модели ЧАСТЬ ТЕЛА ПТИЦЫ — ПРЕДМЕТ, которая является частью модели ЖИВОЕ СУЩЕСТВО — АРТЕФАКТ, происходит расширение категории птиц с выделением характеристики «особенности формы».

Так, первый компонент следующих производных указывает на то, что субъект познания установил сходство формы женского головного убора с опереньем птиц в верхней части головы: *Haubenlerche* f — *Lerche mit spitzer Federhaube*; *Haubenmeise* f — *Meise mit Federschopf* («*Haube*»); *Haubentaucher* m — *Lappentaucher mit langem, schwarzem Schopf* [Wahrig 2001: 605].

В случае метафоризации целого слова поверхностная структура композита не обнаруживает связи с новой категорией.

Так, сложное существительное *der Frauenschuh*, актуализирующее в своем основном значении «женский ботинок», было подвергнуто метафоризации, вследствие чего возникла новая категория растений: *Frauenschuh* m — *auf Kalk vorkommende Orchidee mit großen Blüten, an denen die schuhförmig aufgeblasene, hellgelb gefärbte Lippe bes. auffällig ist* [Wahrig 2001: 497].

Эксплицитно не выражена также связь с категорией ЖИВОЕ СУЩЕСТВО в композитах *das Pfaffenhütchen*, *der Trauermantel*:

Pfaffenhütchen n — *Zierstrauch mit roten Früchten, die dem Barrett der Priester ähneln*; *Trauermantel* m — *Tagfalter mit dunkelbraunen Flügeln, die weißliche od. gelbliche Ränder tragen* [Wahrig 2001: 970, 1264].

Онтологическим базисом для формирования номинаций объектов живого мира явились также орудия труда и предметы утвари, тесно связанные с человеческой деятельностью.

Как показывает анализ данной подгруппы, на концептуальном уровне в рамках модели

из области-источника АРТЕФАКТ в область-мишень ЖИВОЕ СУЩЕСТВО часто осуществляется перенос признака «особенности формы».

Данный признак стал основой формирования значений таких производных, как: 1. Hammerfisch m, Hammerhai m — zu den Menschenhaien gehörender Hai mit *hammerförmig verbreitetem Kopf*; 2. Schraubenziege f — Wildziege mit *schraubenförmig gewundenen Hörnern*, größte Art der Ziegen; 3. Sichler m — zu den Ibissen gehörender Schreitvogel mit *sichelförmigem Schnabel*; 4. Kammgras n — Angehöriges einer Gattung der Süßgräser mit *kammförmigen Spelzen* [Wahrig 2001: 596, 1120, 1154, 708].

Реже в процессе метафорического переноса проецируется признак «целое использование». Так, в производных: 1. Pfeifengras n — Angehöriges einer Unterordnung der Süßgräser, dessen Halme *zum Reinigen von Tabakspfeifen verwendet werden*; 2. Besenginster m — Angehöriger einer Gattung der Schmetterlingsblütler, die in Mitteleuropa heimische, *zur Herstellung von Besen und Körben verwendete Art* [Wahrig 2001: 971, 261] объективируется признак «целое использование, направленное на ПРЕДМЕТ» и, таким образом, устанавливается связь между исходно различными концептуальными областями. В то время как в композите Kompaßpflanze f — ein Korbblütler, der seine Blätter nach der Nord-Süd-Richtung stellt, ср.: Kompaß m — Gerät zum Bestimmen der Himmelsrichtung mithilfe eines Magneten [Wahrig 2001: 756] — проецируется признак «целое использование подобно ПРЕДМЕТУ».

Из одной области-источника при формировании последующих производных на основе механизма концептуальной метафоры в область-мишень могут проецироваться разные характеристики.

Так, формирование значения лексем die Löffelente, das Löffelkraut, der Löffelreiher в немецкой культуре связано с метафорическим переосмыслением первого компонента сложного слова Löffel-. На концептуальном уровне осуществляется перенос признака «особенности формы» ПРЕДМЕТА (предмета столовой посуды) — на форму ЧАСТИ РАСТЕНИЯ / ЧАСТИ ЖИВОТНОГО (нижние листочки / клюв птицы) в композитах *das Löffelkraut, die Löffelente*: Löffelkraut (*Cochlearia danica*): Ein Kreuzblütler, bei dem die unteren Blätter *löffelähnlich* und langgestielt sind [Carl 1995:76]. Löffelente f —

Schwimmende mit charakteristischem, *löffelartigem* Schnabel. Ср.: Löffel m — Essgerät, Schöpfgerät [Wahrig 2001: 829].

В производном *der Löffelreiher*, хотя и переосмысливается тот же компонент, однако перспективизируется иная характеристика, а именно: «целое использование — предмет для зачерпывания пищи»: Löffelreiher m — Schreitvogel aus der Familie der Ibisse, mit auffälligem Federschopf und verbreitertem *Schnabel, mit dem die Nahrung aus dem Wasser ge «löffelt» wird* [Wahrig 2001: 829].

Когнитивный механизм концептуальной метафоры связан с фокусированием на определенном признаке при полном или частичном подавлении остальных признаков объекта. В анализируемой группе в фокус внимания субъекта познания попадают признаки, вычленяемые человеком на основе перцептивных опор: «особенности формы предмета или его части», «его целое использование».

Подытоживая все вышеизложенное, следует отметить, что переосмысление значений слов становится возможным благодаря действию механизма концептуальной метафоры, который непосредственно связан с фокусированием на определенном признаке, необходимом для формирования нового смысла производного слова.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М.: Яз. рус. культуры, 1999. — 896 с.
2. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 153—172.
3. Никитин М. В. Метафора: уподобление vs интеграция концептов // С любовью к языку. — М., 2002. — С. 255—269.
4. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2003. — 248 с.
5. Carl H. Die deutschen Pflanzen- und Tiernamen. — Heidelberg, Wiesbaden: Quelle&Meyer, 1995. — 300 S.
6. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science, 1998. — № 22. — P. 133—187.
7. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. — Chicago: The University of Chicago Press, 1980. — 242 p.
8. Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. — Gütersloh, München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. — 1451 S.

А. Ю. Гаджиева (Баку, Азербайджан)

О ВЛИЯНИИ КОГНИТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА НА ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ НЕКОТОРЫХ ТЮРКСКИХ СЛОВ

*It is generally known that the perception of space, or more exactly, the neurophysiological state of the subject in the given concrete situation, finds its expression in linguistic material. Thus, through the analysis of some words in Indo-European, Semite and Turkic languages that designate direction or localization, it is easy to see a certain semantic correlation, namely the right side is correlated with the positive, whereas the left side is correlated with the negative. In the Turkic languages, there is a sufficient quantity of words the etymology of which is not so transparent as in the case **sağ** 1) «the right (side)»; 2) «live, alive» and **sol** 1) «the left (side)»; 2) «to wither»; «to pale» (about complexion)». Among them, there are, e. g., **doğru** «right, correct» ← **doğu** «East» («the right side») ← **doğ** «to give a birth»; **salak** «silly, foolish» ← **sol** «the left (side)».*

Keywords: the cognitive perception of space, terms of orientation, semantic transition, the right side, East.

Общеизвестно, что «когнитивный подход и во многом пересекающаяся с ним психолингвистика адресуются к языку как феномену психики, как инструменту познания и способу фиксации результатов когнитивных процессов» [Фрумкина]. Именно опираясь на предложенную современной когнитивной наукой антропоцентрическую модель изучения языка, можно с точностью установить причинно-следственную связь многих семантических метаморфоз, проследить их особенности и характеристики. Ибо, как пишет А. Е. Кибрик: «аспекты языковой структуры, и в первую очередь лексическая семантика, не существуют (а значит, и не могут быть описаны) автономно: они фундаментальным образом зависят от механизмов реальной языковой деятельности и от когнитивных структур, которыми пользуется человек» (выделено мной. — А. Г.) [Кибрик 1996: 232]. В этом плане неудивительно, что анализ семантического развития некоторых групп слов в тюркских языках наглядно демонстрирует неизбежность влияния нейрофизиологических особенностей восприятия пространства на языковое «кодирование» окружающего мира. Именно дешифровка специфики когнитивного «сита», «сетки» во многом помогает выявить те или иные особенности раскрытия образа мира в сознании носителей языка.

На основе анализа некоторых слов в индоевропейских, семитских и тюркских языках, обозначающих направление или местонахождение, несложно выявить определённую семантическую корреляцию: *правая* сторона — *позитив*; *левая* сторона — *негатив*. Так, например, в русском языке: *правая* (сторона) — накладываемая позитивная семантика: правильная, правая (невиновная) сторона; правда; правило, правильность и т. д., ср. в английском: **right** (**rightly**) — «правая (сторона); правильный, правильно»

и т. д., или в арабском: [йэмин] — «правая (сторона), правильный» и т. д.

Аналогичная ситуация наблюдается и в тюркских языках. Напр., **sağ**: «1) правая сторона; 2) живой, здоровый», **sağlam** — «здоровый», **sağlıq** — «здоровье», **sağ ol** — «спасибо (буквальный перевод: будь здоров)». Сравним: **sol** — «левая (сторона)», **solmaq** — «увядать (о цветах), «блекнуть», «сморщиться» (или же на древнетюркском: **solmaq** «уменьшаться», «убывать», «исчезать»), **solaxay**: «1) левша; 2) перенос. знач. «наперекор»; «идущий наперекор, против чего-либо», **solak**: 1) «левша»; 2) перенос. знач. «идущий наперекор» или же «неспособный», «неустойчивый».

Как наглядно видно из вышеприведенных примеров, тюркские термины ориентации, так же как их аналоги в русском, английском, арабском и во многих других языках, принадлежащих самым различным языковым семействам, имеют тенденцию «обрастания» переносными значениями, а их дериваты порой настолько «вживаются» в новые «роли», что порой с трудом поддаются распознаванию. Нередко только многоступенчатый компонентно-этимологический анализ позволяет установить первоисточник лексемы с абстрактным значением, как в конкретном случае со словом **doğru**. В данной статье мы проследим все хитросплетения семантических метаморфоз, которым оно подверглось.

В азербайджанском, турецком, татарском, узбекском, казахском, уйгурском и в ряде других тюркских языков существует слово **doğru** (в зависимости от фонетических особенностей того или иного тюркского языка в перечисленных языках данной языковой семьи вышеуказанное слово представлено различными фонетическими вариантами: **doğrı** / **toğrı** / **toğra** / **tura** / **tuvra** и т. д.). Оно обозначает такие понятия, как «правильный», «прямой»,

«праведный», «верный», «действительный», а также соответствующие наречия: «верно», «правильно» и т. д. (напр.: **doğru karar** — «правильное решение»; **doğru yol** — «праведный путь») Впоследствии у слова **doğru** появились свои дериваты: **doğrudan** — «правильно», «и вправду» (**doğrudan da, belâ olmuşdur** — «и вправду, так и было»); **doğrulamak** — «подтвердить (напр. чьи-либо слова)», **doğrultmak** — «оправдать чье-нибудь или чьи-нибудь ожидания».

Поверхностный компонентный анализ представленной группы слов может лишь установить то, что общим «корнем» этих лексем является слово **doğru** — «правильный», «правдивый», «праведный». Но типологическая характеристика тюркских языков, которая не предполагает наличия полисиллабемных первичных корней, требует ещё большего раздробления предполагаемого «корня». На сей раз мы сталкиваемся с корнем **doğ(maq) / tuğ(mak)** — «рожать» (*maq* является аффиксом инфинитива). Закономерно возникает вопрос: как же происходил процесс дистантизации деривата от первичного корня? (Термин «первичный корень» здесь и далее употребляется условно. Корень **doğ / tuğ** — «рожать» — на самом деле не является таковым, а лишь представляет собой один из дериватов первичного корня ***do- / to- / tu-** — «рожать», «плодить», «производить на свет». Ср.: **töra(mək)** «плодить»).

Поверхностный компонентный анализ слова **doğru** указывает на то, что оно является фузионным сплавом первичного корня и архаичного показателя дательного падежа **ru** (то есть, **doğru** = **doğ** «рожать» + **ru**). Тем не менее мы, как станет очевидно далее, считаем, что именно **doğu** — «восток» — является «промежуточным пунктом» в череде семантических метаморфоз, приведших к появлению слов с более абстрактными значениями. Этимологический анализ слова **doğru** дает основание считать его дериватом не самого первичного корня **doğ-**, а производного **doğu** — «восток». Вернёмся к семантическому анализу слова.

Каскад семантических переходов, приведших слово «рожать» к абстрактному понятию позитива, заслуживает тщательного разбора, и он прежде всего обусловлен тем, что в тюркских языках процесс восхода солнца характеризуется словом **doğ(maq) / tuğ(mak)** — «рожать». Например: **Gün doğdu** — «Солнце взошло», или же, если дословно, «Солнце родило». Именно эта смысловая «ёмкость» глагола **doğ(maq)** непосредственно способствовала адекватному семантическому переходу «рожать» (о женщине) → «рожать» (о солнце) → «место, где солнце рождает» = «восток».

Последнее звено в данной «цепи семантических переходов», а именно слово **doğu** — «восток», стало базой для не менее интересного смыслового разветвления. И здесь тоже не обошлось без влияния когнитивного восприятия пространства и возникающих на этой почве семантических ассоциаций. Некая смежность этих понятий не является первородной ассоциативностью и, скорее всего, представляет собой результат своеобразной когнитивной «фильтрации». Эта «фильтрация» может быть универсальной или же может являться отражением специфичного раскрытия образа мира в сознании носителей того или иного конкретного языка. Если на фоне вышесказанного корреляции типа *правая сторона* — *позитив*, *левая сторона* — *негатив* представляются более или менее универсальным семантическим сдвигом, то переход «*правая сторона*» → «*восток*» → «*правильный*» может характеризоваться как результат влияния мировосприятия древних тюрков на их язык.

Как же получилось, что на сей раз не «правая сторона», а целая сторона света оказалась «праведной»? Дело в том, что «традиция обозначать стороны света словами “вперёд”, “назад”, “правый”, “левый” на территории Дальнего Востока, Центральной Азии и Восточной Сибири известна на протяжении всей нашей эры, а в Передней Азии, Африке и Европе — на тысячелетия раньше, что позволяет считать этот способ одним из самых древних. В связи с этим интересны и названия рук: не “правая” и “левая”, а... “восточная” и “западная”» (выделено мной. — А. Г.) [Васильевич 1971: 227]. Именно когнитивное восприятие пространства, в частности, антропоцентрическая модель восприятия окружающего мира, сыграло решающую роль в некоем «уподоблении» этих понятий: «*правой стороны*» и «*востока*». В этой связи нужно отметить тот факт, что немаловажную роль в отождествлении «правой стороны» и «востока» сыграло и то, что «пространственная ориентация вне дома была перенесена внутрь дома и стала универсальной» [Сем 1971: 233]. Иными словами, антропоцентрическая модель восприятия окружающего мира оставила свой неизгладимый отпечаток и на семантике внутреннего пространства жилища древних тюрков и их потомков. Так, например, в виду того, что «восток, где встает солнце, ассоциируется с жизнью и считается благоприятной стороной света», юрта у древних тюрков была исключительно с входом на восточную сторону, а «изучение семантики жилого пространства юрты позволяет осветить «язык» символов...

согласно которому позитивным значением наделяется ряд признаков “*правый — старший — передний — высокий — внутренний*”, напротив негативное понятие связывается с противоположными позициями “*левый — младший — задний — низкий — внешний*”... В обыденной жизни (восточная. — А. Г.) *правая (мужская) сторона оценивалась как наделяется ряд признаков “правый — старший — передний — высокий — внутренний”, наиболее почетная, нежели левая (выделено мной. — А. Г.)*» [Тадина].

Из вышесказанного следует, что для древних тюрков, также как и для многих других алтайских народов, было характерно некое смещение понятий «правая сторона» и «восток». Именно этого рода семантическая трансформация, чреватая использованием одного термина вместо другого, и послужила стимулом для «накладки» побочной семантики на «синонимичную пару». Иными словами, слово **doġru** — «восток», вступив в «права» **saġ** — «правой стороны» в некоей степени позаимствовала специфику её когнитивного отсеивания. Таким образом, и **doġru** — «восток», подобно **saġ** — «правой стороне», стал «правильной» стороной. А появление производного **doġru** («правильный», «праведный» и т. д.) после такого смещения понятий было уже, если можно так сказать, «делом техники»: **doġru** = **doġu** + **-ru** (буквальный перевод «на восток», или же, как следует из вышесказанного, «направо»). Кстати, если говорить о технике, нельзя не отметить, что слово **doġru** появилось на свет посредством механизма, чуждого агглютинативности тюркских языков. Конкретно говоря, и производный корень **doġ** —

«рожать», и само слово **doġru** представляют собой результат действия фузионного механизма.

Подытоживая всё сказанное выше о тюркских пространственных терминах и производных от них слов, можно с уверенностью сказать, что особенности восприятия пространства, точнее сказать, нейрофизиологическое состояние субъекта в конкретно данной ситуации находит свое синестезиальное отражение в языковом материале.

Список литературы

1. Васильевич Г. М. Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках // Проблема общности алтайских языков; отв. ред. О. П. Суник. — Л.: Наука, 1971. — С. 223—229.
2. Кибрик А. Е. О «невыполненных обещаниях» лингвистики 50—60-х годов // Московский лингвистический альманах / отв. ред. Н. В. Перцов. — М.: Яз. рус. культуры, 1996. — С. 230—233.
3. Сем Л. И. К вопросу о пространственных представлениях и способах их выражения в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков / отв. ред. О. П. Суник. — Л.: Наука, 1971. — С. 230—235.
4. Тадина Н. А. Семантика внутреннего пространства жилища и этикетные предписания у алтайцев. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/naltai/ualtaiseman.html>
5. Фрумкина Р. М. Психоллингвистика: Что мы делаем, когда говорим и думаем. Режим доступа: <http://subscribe.ru/archive/linguistics.fortuna7/thread/323456>

А. В. Герман (Челябинск, Россия)

МЕТОДЫ ФОРМИРОВАНИЯ БИЛИНГВИЗМА

This article considers the most popular methods that can be used while rearing a bilingual child. We also enumerated the main difficulties that parents might meet during this process. Besides the description of the main approaches, there is a list of other techniques that can be combined in different ways.

Keywords: *bilingualism, methods, child, upbringing.*

Часто образуются семьи, в которых супруги говорят на разных языках, к тому же не редки случаи, когда семья переезжает в страну, чей официальный язык не является родным для одного или обоих супругов. В таких условиях ребёнок с рождения становится двуязычным. Классическим определением двуязычия, или билингвизма, считается определение У. Вайнрайха, утверждающего, что билингвизм — это «владение двумя языками

и попеременное их использование в зависимости от условий речевого общения» [Вайнарх 1999: 31]. У. Вайнрайх также считает, что неправильно утверждать, будто одиоязычие — это норма, а двуязычие или многоязычие — нечто исключительное, так как эти явления распространены достаточно широко [Вайнарх 1999: 8].

Хотя формирование билингвизма у ребёнка считается естественным процессом, для того,

чтобы он не навредил развитию ребёнка и позволил ему достичь одинаково свободного владения обоими языками, как в письменной, так и в устной речи, необходимо знать основные принципы и методы двуязычного воспитания.

Самым эффективным методом формирования билингвизма считается метод «один человек/родитель — один язык». Он заключается в том, что каждый взрослый, находящийся в кругу общения ребёнка, использует при общении с ним лишь один язык. Количество человек, использующих один из двух языков, не ограничено. Это могут быть не только родители, но и няни, гувернантки, родственники, друзья; тогда ребёнок будет осознавать, что на разных языках можно общаться с разными людьми. Главное условие для успешного применения данного метода — соблюдение его принципа во всех ситуациях без исключения. Не страшно, если ребёнок слышит, как взрослые говорят на разных языках между собой, важнее то, чтобы к нему они обращались всегда на одном и том же языке.

Язык общения нельзя изменять резко, особенно, если ребёнок младше шести лет, так как это будет для него большим стрессом. К тому же, взрослые должны внимательно следить за своей речью, не делать ошибок, не составлять смешанных высказываний, чтобы способствовать максимально быстрому формированию речи ребёнка на двух языках.

Когда в семье больше одного ребёнка, то язык для общения между собой дети выбирают сами. В этом случае можно попросить старших «поучить» младших второму языку, что даст им возможность почувствовать себя взрослее и поможет увеличить время общения на данном языке.

Существует ещё один метод, называемый «одна ситуация — один язык». Принцип, лежащий в его основе, предполагает разделение двух языков по местам их употребления. Например, один язык может быть выбран как язык для разговора дома, а другой — за его пределами. Для этого нужно, чтобы все члены семьи в одинаковой степени владели обоими языками. Также практикуется выделение в самой квартире отдельной комнаты, общение в которой разрешено лишь на одном из двух языков. Ребёнка в комнату привлекают различными играми, книжками и мультфильмами на выбранном языке. Книги желательно перечитывать, фильмы показывать по нескольку раз, а на стенах могут висеть интересные плакаты с картинками и словами.

Ускоренному освоению языка также способствует создание ситуаций, в которых требуется проявление эмоций, так как ребёнок говорит охотнее, если язык необходим для выражения чувств. И именно потому,

что язык тесно связан с эмоциями, нельзя говорить с одним ребёнком на одном языке, а с другим на другом, так как дети могут воспринять это, как неравное проявление любви родителей к ним. К тому же из обучения нельзя делать проблему и наказывать ребёнка за ошибки или отказ от использования какого-либо языка, так как сначала следует выявить причину такого поведения.

В период формирования билингвизма, важную роль играет положительная оценка способностей ребёнка и моральная поддержка. Ребёнок должен понимать, что не все говорят на двух языках и что билингвизм — его преимущество. Если семья верующая, то для ребёнка могут быть стимулом уроки религии на одном из языков. Если же ребёнок вставляет в речь слова из разных языков или отвечает не на том языке, на котором его спросили, нужно попросить его перевести фразу или самому перефразировать её, так как в этом случае один из языков может стать освоенным только на половину. Также поможет объяснение сходства явлений в разных языках и просьбы «перевести» что-либо для другого человека, например, в рамках игры.

Следующий метод, о котором пойдёт речь, — метод «одно время — один язык». Суть его в том, что взрослые половину дня говорят на одном языке, а другую — на втором, либо меняют язык через день. Проблема заключается в том, что маленький ребёнок ещё не имеет чёткого представления о времени, из-за чего он не может сам разграничить эти периоды, поэтому данную методику советуют лишь комбинировать с другими.

С другой стороны, можно сбалансировать объём общения с ребёнком на каждом из двух языков, подсчитав приблизительное время его бодрствования, и половину этого времени заниматься одним языком, а вторую половину — другим. Это соотношение должно поддерживаться хотя бы в течение первых трех лет жизни ребенка, так как, если ребёнок большую часть времени будет говорить только на одном из двух языков, этот язык со временем начнёт доминировать.

Помимо основных методов существует множество других приёмов, принципов и просто советов. Например, для изучения второго языка родители уезжают с ребёнком на какое-то время к родственникам в другую страну. Также языки могут осваиваться в языковых группах, то есть в окружении людей, говорящих только на одном языке. Примером может служить специализированная группа в детском саду или другая семья, общение между членами которой происходит на не родном для ребёнка языке.

Необходимо отметить, что какой бы принцип не был выбран, следовать ему нужно непрерывно, особенно в тот период, когда речь ребёнка только формируется. Мартине говорит: «Когда многие современные лингвисты утверждают, что язык — это структура, они имеют в виду, что язык не случайное скопление слов и звуков, а хорошо организованное и внутренне связанное целое» [Мартине 1972: 81]. Задачей родителей в этом случае становится помочь ребёнку в формировании двух таких структур. Если, определив для себя оптимальную коммуникативную стратегию, родители постепенно отходят от неё, ребёнок может со временем потерять приобретённые навыки и перейти к использованию лишь одного, доминирующего языка. К тому же, чем позднее в общение с ребёнком вводится второй язык, чем очевиднее становится доминирование первого. Тем не менее, если соблюдается принцип билингвального воспитания и интервал между началом усвоения языков составляет меньше 10 месяцев, разница между восприятием первого и второго языков может быть сглажена. Если же второй язык вводится в семейное общение уже тогда, когда у ребёнка начинают появляться первые слова, целесообразно пригласить няню или гувернантку, для того чтобы она начала общаться с ребёнком на втором языке, так как если родители вдруг сами перейдут на незнакомый ему язык, ребёнок испытает сильный стресс.

При билингвальном воспитании у ребёнка могут возникнуть такие проблемы, как более позднее овладение речью, трудности в освоении письменности языков, меньший по сравнению со сверстниками словарный запас каждого из языков и другие. Однако всё это может быть преодолено при достаточном внимании к развитию ребёнка и осознанном отношении к его билингвизму. Кроме

того, второй язык открывает для ребёнка и новую культуру, и новых людей, раздвигая границы его общения и давая возможность обучаться и работать в других странах. Осваивая язык, на котором не говорят в стране проживания семьи, ребёнок неизменно ощущает связь со своими предками и дальними родственниками, что в дальнейшем даёт ему ясное понимание такого понятия, как «связь поколений». К тому же, если один язык используется для общения только в кругу семьи, это объединяет членов семьи и дарит ребёнку чувство защищённости и особо тесной связи с родителями.

Таким образом, если подходить к двуязычному воспитанию ребёнка осознанно, можно добиться лучших результатов, чем при стихийном развитии билингвизма. Несмотря на все проблемы и препятствия, совершенное владение двумя или несколькими языками высоко ценится в современном мире и, несомненно, развивает интеллектуальные способности.

Мы считаем, что этому вопросу в современном обществе нужно уделять повышенное внимание, чтобы меньшее число семей отказывалось от двуязычного воспитания ребёнка, что чаще всего происходит от недостатка знаний о возможных методах, а также из-за неоправданных опасений и предрассудков.

Список литературы

1. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие / У. Вайнарх // Зарубежная лингвистика. — 1999. — № 3. — С. 7—42.
2. Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма) — М.: Прогресс, 1969. — 160 с.
3. Мартине А. Распространение языка и структурная лингвистика // Новое в лингвистике. — 1972. — № 6. — С. 81—93.

Т. А. Головина (Барнаул, Россия)

ОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ И ТИПЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

The article is devoted to the analysis of a new field of linguistics — linguopersonality and its concepts — «linguopersonalogical parts of speech functioning» and «speech personality types».

Keywords: *linguopersonality, linguopersonalogical parts of speech functioning, speech personality types.*

В исследовательском фокусе современной антропоцентрической лингвистики находится человек как «носитель, пользователь и творец языка» [Караулов 1987: 7].

Исследование феномена «языковая личность» осуществляется в рамках нового междисциплинарного направления «лингвоперсонология» (от лат. *lingua* — язык, *persona* — личность), которое

в настоящий момент находится в процессе формирования. Лингвоперсонология объединяет различные направления изучения языковой личности в психолингвистике, социолингвистике, лингвокультурологии, лингводидактики и когнитивной лингвистике единым объектом изучения — «языковой личностью».

Главной идеей лингвоперсонологии провозглашается тезис о наличии корреляции между *вариативностью языка* и *вариативностью языковой личности*: «принципы устройства ментально-психологического персонологического пространства и принципы системного устройства языка коррелятивны между собой, и поэтому есть основания говорить об их относительном изоморфизме» [Голев 2004: 41]. Исходя из утверждения, что вариативность языка как фундаментальное свойство языковой системы обусловлена его антропологическим функционированием в плоскости психолого-коммуникативного разнообразия языковых личностей, мы считаем целесообразным осуществить типологию языковых личностей на основе языковых констант: факты языка / речи, которые используются или не используются индивидом в его речевой практике, обладают сильной дифференцирующей способностью и позволяют диагностировать языковые типы. В фокусе нашего исследования находится выбор ЯЛ частей речи (лингвоперсонологическое функционирование частей речи).

Таким образом, в нашем исследовании в качестве классифицирующего признака для типологии языковых личностей избирается *частеречная константа*, т. е. части речи изучаются в аспекте характеристик использующих их языковых личностей.

Материалом для типологии языковых личностей служат тексты произведений русской классической и современной художественной литературы (В. П. Астафьев, И. А. Бунин, В. В. Быков, А. С. Грин, А. И. Куприн, А. А. Новиков-Прибой, К. Г. Паустовский, И. С. Тургенев, А. П. Чехов, В. М. Шукшин).

В результате исследования мы приходим к следующим утверждениям.

Во-первых, мы считаем, что части речи, функционируя в пространстве качественного разнообразия языковой способности, коррелируют с типами языковых личностей в плане их преимущественного использования, что может служить основой типологии языковых личностей. Особенности функционирования частей речи в текстах определенной языковой личности являются релевантными характеристиками для лингвоперсонологического диагностирования и типологии.

Во-вторых, части речи обладают дифференцирующей силой в пространстве разнообразия языковой способности, в котором формируются специфические частеречные константы, представляющие собой устойчивый способ типологического оформления действительности в частеречном плане.

В-третьих, эффективным инструментом для типологии языковых личностей является методика лингвоперсонологического функционирования частей речи, основу которой составляют методы математической статистики. Лингвоперсонологическое функционирование частей речи изучается с помощью количественных методов, поскольку изучаемые элементы языка характеризуются некоторой частотой в речевых произведениях языковой личности. По количественно-качественным проявлениям языкового материала можно судить о взаимодействии языковой системы и языковой личности. При выборе статистического (количественного) метода в качестве главного метода исследования мы исходим из положения об «объективной присущности языку количественных признаков, количественных характеристик» и «внутренней зависимости, существующей между ними» [Головин 1971: 13]. Следовательно, использование количественных методов способствует точности данных, достоверности выводов и подведению под лингвоперсонологическое исследование надежного фундамента.

В-четвертых, выявление частеречных констант как маркеров типа языковых личностей осуществляется на основе количественных данных лингвоперсонологического функционирования частей речи.

В результате применения исследовательской методики мы получаем следующие типы ЯЛ.

Если речевому мышлению ЯЛ свойственна системность в использовании определенных частей речи, мы говорим о *частеречно-характеризованной языковой личности*. Если отклонение в использовании определенных частей речи не имеет места, или если имеет, то носит единичный характер, мы говорим о *частеречно-нехарактеризованной языковой личности*. Такой являются, согласно результатам исследования, нарраторы художественных произведений А. С. Новикова-Прибоя и А. П. Чехова (только 2 из 10 исследуемых авторов).

В пределах *частеречно-характеризованной языковой личности* (8 из 10) по доминирующему способу обобщения объективной действительности диагностируются следующие

подтипы: *процессуально-характеризованный* (нарраторы художественных произведений В. В. Быкова и В. М. Шукина), *субстантивно-характеризованный* (нарраторы художественных произведений В. П. Астафьева, А. С. Грина и К. Г. Паустовского) и *атрибутивно-характеризованный* (нарраторы художественных произведений И. А. Бунина, А. И. Куприна и И. С. Тургенева).

Процессуально-характеризованной языковой личности свойственно, в первую очередь, восприятие аспектно-временных характеристик мира, что приводит к высокой концентрации глагольного «вещества» в речевых произведениях данного типа языковой личности. *Субстантивно-характеризованной языковой личности* ближе декларативные знания, использующиеся для представления информации о свойствах и фактах предметной области, отсюда высокая концентрация субстантивного «вещества». *Атрибутивно-характеризованная языковая личность*, отличающаяся тонким чувственным восприятием, изображает мир, действительность в большом разнообразии качественных характеристик, красок при помощи признаков слов.

Каждый из вышеперечисленных типов языковой личности по характеру проявленности в плане частеречного выражения, имеющего либо регулярный (в каждом функционально-смысловом типе речи), либо нерегулярный (в двух из трех функционально-смысловых типах речи) характер, дифференцируется на *последовательно-характеризованный* и *непоследовательно-характеризованный* подтипы.

Непоследовательно-частеречно-характеризованным типом ЯЛ являются нарраторы художественных произведений А. С. Грина, А. И. Куприна, И. С. Тургенева, т. к. отклонения в пользу использования тех или иных частей согласно статистическим данным наблюдаются только в двух из трех функционально-смысловых типах речи (ФСТР).

Напротив, если предпочтение в использовании определенных частей речи имеет регулярный характер (в каждом из трех ФСТР), мы говорим о *последовательно-частеречно-характеризованных языковых личностях* (нарраторы художественных произведений В. П. Астафьева, И. А. Бунина, В. В. Быкова, К. Г. Паустовского и В. М. Шукина).

Изучение лингвоперсонологического функционирования частей речи (имеется в виду функционирование частей речи с точки зрения их способности дифференцировать языковые личности) является принципиально новым для современной лингвистики и открывает перед исследователями новые перспективные направления.

Список литературы

1. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая вариативность языка // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер. «История, филология, философия, и педагогика». — 2004. — № 4. — С. 41—46.
2. Головин Б. Н. Язык и статистика. — М.: Просвещение, 1971. — 190 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987. — 263 с.

М. Н. Закамулина (Казань, Россия)

ВРЕМЕННАЯ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФРАНЦУЗСКИХ ПРОЦЕССНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Cet article se propose d'initier dans la description cognitive des noms de procès dans la langue française. Sont soumis à l'examen les types structuraux des compléments de temps avec ledit élément et leurs particularités référencielles dans l'énonciation au niveau des structures profondes.

Les mots-clés: *temporalité, localisateur temporel, référence, composant de référence, composant initial, moment de situation.*

В функции временного обстоятельства участвуют имена существительные двух семантических разрядов: лексико-семантическая группа темпоральных существительных и лексико-семантическая группа процессных существительных. ЛСГ темпоральных существительных, которые можно назвать

первично темпоральными, может иметь темпоральную семантику как относительно тернарной временной расчлененности (le futur, le present, le passé, l'antériorité), так и безотносительно к тернарной временной расчлененности (le temps, le mois, l'époque) с более или менее крупной протяженностью во времени. Назовем

первый тип качественно-темпоральными существительными, поскольку они выражают значения симультанности, предшествования и следования относительно временной вехи. Второй тип существительных назовем количественно-темпоральными, поскольку они выражают количество во времени — некоторую протяженность, которая, впрочем, не определяет общее темпоральное значение всего высказывания, определяемое временной формой предиката.

Существительные с качественно-темпоральным значением немногочисленны в языковой системе. Эти существительные функционируют как актанты и очень редко как сирконстанты; поэтому их можно рассматривать как маргинальные формы темпоральных обстоятельств, за исключением *le lendemain* и *le surlendemain*, являющихся отадвербиальными формами, для которых функция сирконстанта является первичной.

Существительные с количественно-темпоральным значением не подвержены тернарной секвентной зависимости прошлое/настоящее/будущее и выражают определенные количественные отношения — некую протяженность во времени. Они представляют значительно более многочисленный, нежели первый тип, пласт лексики, обладают большими комбинаторными возможностями и большей функциональной частотностью.

Лексико-семантическая группа *процессных имен существительных* наравне с ЛСГ темпоральных существительных, конституирующих обстоятельства времени, свободна как от временной тернарной секвентной зависимости, так и от отношений качественно-количественной темпоральности. Это имена существительные, имплицитующие какое-то событие: *les élections*, *la mort*, *le repas*, *l'arrivée*, *le combat* etc. Они могут участвовать как в бикомпозитных, так и в поликомпозитных обстоятельственных группах, каждая из которых представлена единственным структурным типом. Бикомпозитные обстоятельства представлены предложно-именными обстоятельствами, трикомпозитные — предложно-биименными и адъективно-биименными обстоятельственными группами. В первом типе обстоятельств предложный компонент репрезентирует референциальный момент, процессное имя — исходно-опорный момент временного локализатора, ср.: *avant les semailles* → *avant* — референциальный момент (частное временное значение, уточняющее временную локализацию относительно некоего опорного момента, представляющего собой либо дополнительный временной момент или событийный фон, рассматриваемый

в качестве исходного момента, относительно которого локализуется во времени основное действие, либо временной отрезок большей или меньшей протяженности), *les semailles* — исходно-опорный момент. В трикомпозитных обстоятельствах предложный и адъективный компоненты репрезентируют референциальный момент, существительное с темпоральной семантикой — ситуативно-опорный момент, существительное с процессной семантикой — исходно-опорный момент временного локализатора, ср.: *deux mois avant les semailles* → *avant* — референциальный момент, *deux mois* — ситуативно-опорный момент, *les semailles* — исходно-опорный момент. Таким образом, как в бикомпозитных, так и в трикомпозитных обстоятельствах имя с процессной семантикой репрезентирует исходный опорный момент, выражающий некое событие как статического (*la fête*, *l'anniversaire*), так и результативного (*les élections*, *le départ*) характера, относительно которого референциальный компонент и располагает действие в зависимости от тернарной расчлененности.

Исходно-опорный компонент обстоятельственных групп, репрезентируемый процессными именами, выражает свернутую предикативность, демонстрирует тенденцию французского языка к номинализации и располагается в рамках действия языковой экономии, ср.:

- *jusqu'à sa mort* → *jusqu'à ce qu'il soit mort*;
- *pendant mon stage* → *quand je faisais mon stage*;
- *après le départ de Clara* → *après que Clara fut parti*;
- *deux jours avant son départ* → *deux jours avant qu'il soit parti*.

В представленном ниже блоке примеров процессные имена существительные выступают как исходно-опорный момент временного локализатора бикомпозитного и трикомпозитного структурных типов.

(1) *Ça marchera bien ainsi jusqu'à ma mort* (J.-P. Sartre. *La P... respectueuse*).

(2) *Pedro Garcia senior mourut peu avant les élections présidentielles* (I. Allende. *La maison aux esprits*).

(3) *Ne vous baignez pas immédiatement après un repas: ce serait fort imprudent* (G. Arnaud. *Le salaire de la peur*).

(4) *Certes je ne croyais pas que pendant mon sommeil les fleurs du salon s'en allaient au bal...* (S. de Beauvoir. *Mémoires d'une jeune fille rangée*).

(5) *Après quatre jours d'attente, elle en était au point de s'adresser aux reproches* (F. Mauriac. *Le desert de l'amour*).

В представленных выше высказываниях временные локализаторы представлены бикомпозитными обстоятельственными группами предложно-именного структурного типа. Исходно-опорный момент репрезентирован процессным существительным статической семантики (*les élections, un repas*) и процессным существительным результативной семантики (*la mort*). Референциальный компонент представлен темпоральными предложениями, уточняющими временную локализацию основного действия относительно дополнительного события, выраженного процессным именем. Референциальный компонент выражает опосредованную локализацию основного действия в трехчленной временной плоскости относительно исходно-опорного момента:

– действие предиката имеет место одновременно с неким событием $X \rightarrow$ simultанность: *pendant mon sommeil*;

– действие предиката имеет место до некоего события $X \rightarrow$ предшествование (*avant les élections présidentielles, jusqu' à ma mort*);

– действие предиката имеет место после некоего события $X \rightarrow$ следование (*après le départ, après quatre jours d'attente*).

(6) *Trois mois après le mariage, il fut nommé à l'autre bout de l'empire...* (A. Makine. *Le testament français*).

(7) *Quelques années après la visite de Nicolas II à Paris, le président est mort...* (A. Makine. *Le testament français*).

(8) *Un jour avant son départ il l'a sortie, son idée...* (L.-F. Céline. *Voyage au bout de la nuit*).

В примерах (6)–(8) временные локализаторы представлены трикомпозитными обстоятельственными группами предложно-биименного структурного типа. Исходно-опорный момент репрезентирован процессным именем статической семантики (*la visite*) и процессным именем результативной семантики (*le mariage, le départ*). Ситуативно-опорный момент представлен темпоральным существительным с детерминантом-квантитативом (*quelques années, trois mois*). Референциальный компонент репрезентирован предложениями *après* и *avant* со значением ретроспективной и проспективной линейной темпоральности.

Таким образом, в конституировании временных обстоятельств участвуют имена существительные двух семантических разрядов — ЛСГ темпоральных существительных качественной и количественной семантики и ЛСГ процессных существительных статической и результативной семантики. В общекомпозиционном плане обстоятельство может быть монокompозитным, бикompозитным и трикомпозитным. В семантическом плане можно говорить о поверхностно-семантическом и глубинно-семантическом уровнях. На поверхностно-семантическом уровне речь идет об одном из значений трехчленного временного пространства. На глубинно-семантическом уровне обстоятельство как временной локализатор состоит из референциального, исходно-опорного и ситуативно-опорного моментов. Рассматриваемые в статье процессные существительные выступают как исходно-опорный момент временного локализатора.

Г. И. Исенбаева (Орск, Россия)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ КОНТЕКСТ АНАЛОГИИ В ПРОИЗВОДСТВЕ ЗНАНИЯ О ЯЗЫКЕ КАК МЫСЛЕННО-КОНКРЕТНОМ ОБЪЕКТЕ

In the article the analogy as one of means of research of language in its dialectic associativity to linguistic thinking and activity from the position of cognitive science is considered.

Keywords: *interdisciplinarity, anthropocentrism, cognitive processes, analogy in linguistic thinking and activity.*

Интерес современных ученых к проблеме языка-объекта не случаен. Исследования в области обнаружения объекта науки о языке ведутся на всем протяжении развития этой научной дисциплины, и описаний системы языка, представляющих информацию об объекте языкознания, в общей теории языковедения накоплено

достаточное количество. Тем не менее, в ней недостаточно исследован процесс умственного построения концептуального научного объекта «язык» с когнитивной точки зрения.

Одной из черт когнитивной теории языка является переключение интересов исследователей с объектов познания на говорящего и ментально

действующего субъекта. Ученых-лингвистов интересует то, как человек использует систему языка, каковы языковые элементы его действий, как он приобретает процедурное знание или знание о том, как выполнять различные когнитивные действия, которые по своему характеру являются решением проблем, для достижения цели. Исследователей интересуют организация и содержание познавательной деятельности индивида на знаковой материи текста, представляющей собой контролируемый, управляемый, результативный мыслительный процесс, имеющий целью найти знание о каких-то объектах и процессах, их свойствах или структуре, связях и отношениях. Важнейшей областью когнитивной лингвистики становится не только исследование характера знания, имеющегося у индивида и порождаемого им в рамках структуры процесса текущей мыслительной деятельности, взаимодействия когнитивных и языковых структур, но и исследование структуры когнитивных действий или способов действия.

Что касается проблемы аналогии, то она была и остается предметом наиболее древней дискуссии в истории языкознания. Она получала определенное освещение с позиций той или иной школы, концепции, но преимущественно применительно к внутреннему устройству языка, например, в виде фонетического закона аналогии, открытого младограмматиками, теории грамматической аналогии и т. д.

В настоящее время ученые говорят о возможности более широкого использования метода аналогии для познания языкового феномена.

Так, А. В. Кравченко говорит о применении этого способа для построения теории о возможном происхождении языка; В. Н. Базылев рассуждает о роли аналогии для познания интенционального объекта, каковым является язык; А. А. Ивин развивает содержание понятия аналогии с процессом оперирования концептуальной информацией, с процессом и результатом создания базы знаний в компьютерных науках, что может выступать «средством выдвижения гипотез и своеобразным методом решения задач путем сведения их к ранее решенным задачам» [Кравченко 2001: 28; Базылев 2005: 102; Ивин 1998: 16].

Джон Р. Андерсон, приводя очень тонкие наблюдения, связанные с приобретением новых операторов решения проблем, показывает, как аналогия может использоваться для создания операторов. Он говорит о такой трудности с аналогией, как нахождение соответствующих примеров, на основе которых путем аналогии можно получить операторы [Андерсон 2002: 245].

В данном исследовании, нацеленном на наблюдение роли и характера аналогии в процессе построения-описания-обоснования мысленно-конкретного объекта «язык» (или знания о нем), используется диалектическое мышление наряду с междисциплинарным инструментарием, который применяется в соответствии с гносеологическими законами, нормами и установками.

Выявленный интегративный способ решения задачи построения объекта «язык» включает четыре основных функциональных блока: о продукте процесса понимания текста; об исходном материале; о средствах мышления и деятельности; о методе решения — «лингвистическом восхождении» [Исенбаева 2008].

Остановимся на блоке средств мышления и деятельности, акцентируя междисциплинарные аспекты механизма аналогии.

Необходимость синтеза представлений об аналогии и применения действий по аналогии обусловлена задачным способом реализации когнитивных механизмов формирования объекта «язык» из семантических признаков явных конъюнктивных научных дефиниций базовых лингвистических понятий как текстов и оперирования с этими признаками и их совокупностями. В применении к такому виду текста закономерно соотносятся логический, психологический, гносеологический, лингвистический, элементарно-математический и информационный подходы к познавательной деятельности (к поиску структуры и содержания знания). Как отмечает Р. Солсо, «решение задач на равенство отношений — это не просто воспроизведение из памяти, оно включает несколько этапов. Встречаясь с задачей такого типа, мы разбиваем аналогию на подзадачи и решаем каждую из них, а уже затем решаем всю задачу. Эта стратегия сходна с анализом «средство — результат», использованным Ньюэллом и Саймоном, но отличается от него тем, что все этапы последовательности обработки информации играют в нем важную роль» [Солсо 1996: 488]. Применение в когнитивной лингвистике метода аналогии со смежными научными дисциплинами позволяет придать деятельности исследователя характер универсального познавательного процесса путем привлечения достижений и данных этих дисциплин. В процессе познания (понимания текста) объекты обретают все новые и новые свойства, характеристики, обнаруживая их во все более новых связях и отношениях. Иными словами, единая речемыслительная деятельность ученого получает статус его неотъемлемого, системного состояния как познающего субъекта, решающего совокупности комплексных задач.

Аналогичными могут быть не только предметы, исторические события, но и понятия, мысли, ментальные действия. Исследователь ментальной активности Ж. Ф. Ришар замечает, что использование аналогий является постоянным способом поведения человека в том случае, когда он оказывается в новой для него области знания [Ришар 1998: 72]. Систематические исследования аналогии еще крайне малочисленны в различных областях знания. Так, когнитивная психология определяет аналогию как процесс, с помощью которого решающий проблему отображает решение одной проблемы в решении другой проблемы. При любой аналогии необходимо отображать элементы из источника на цель. При использовании аналогии сначала определяется, относится ли к делу уже известное решение проблемы, и затем отображаются элементы этого решения, чтобы получить оператор для текущей проблемы [Андерсон 2002: 243, 246]. Ученые-психологи рассматривают аналогию как родовое понятие, охватывающее различные способы переработки информации, если на эти способы посмотреть с точки зрения их внешней формы (это способы конструирования через ассимиляцию или коррекцию). Однако эти способы очень сильно отличаются друг от друга, если смотреть на них с точки зрения психологических механизмов, порождающих эти аналогии [Ришар 1998: 70].

Ментальный механизм аналогии требует принятия во внимание не только психологических, но и формально-логических аспектов. Об аналогии говорят в случае отсутствия подходящего знания относительно актуальной ситуации, когда используются знания, прилагаемые к близким ситуациям, и производятся необходимые коррекции.

Междисциплинарный способ конструирования идеального объекта «язык» требует актуализации такого содержания термина «аналогия», как рассуждение по аналогии или «общая эвристика по выковыванию гипотез». Смысл этого термина сводится к следующему: если можно установить соответствие между связями, существующими между двумя областями, и если существуют другие связи, являющиеся истинными в одной области, тогда можно выдвинуть гипотезу, что соответствующие связи существуют в другой области и искать их.

При конструировании мысленных структур в формате фреймов отношения порядка признаков, отношения эквивалентности, отношения причинности и т. д., в формате элементарной ячейки концептуального знания — понятия и создания на ее основе предметной области «Язык»

эффективной обнаруживает себя аналогия с инженерией знания.

Ее суть составляет перевод из одной области значений в другую: для этого используются связи из одной области для соединения между собой элементов из другой области; между этими элементами конструируется реляционная сеть [Ришар 1998: 71].

Еще одна область применения действия аналогии обнаруживается при построении целостной структуры языка и знания при переходах от объектов одного уровня языка к другому.

В этом случае она обнаруживается в том, что одна процедура, известная для какой-либо ситуации или для класса ситуаций, может быть перенесена в другую ситуацию, похожую на первую, но не обладающую такими чертами, которые позволили бы идентифицировать ее как принадлежащую к данному классу. Благодаря этому, например, умственное построение одного уровня языковой организации на основании формализма системы позволяет моделировать карты понятийных подсистем языка не на основе понимания, а проще — на основе аналогии и принципа системности, то есть путем применения приема наследования трех видов свойств конститутивных единиц этих уровней.

В конструктивной деятельности лингвиста регулярного применения требует аналогия как форма получения выводного знания, как умозаключение, в котором на основании сходства предметов в одних признаках делается вывод о сходстве этих предметов в других признаках [Формальная логика 1997: 128—137]. Признаком предмета (или системы предметов, явлений, мыслей, знаний) могут выступать свойство предмета, его отношение, характерная черта, его структура или функция. Смысл аналогии заключается в том, чтобы находить неизвестные признаки предмета, опираясь на ранее приобретенные знания о другом, сходном с ним предмете, переносить информацию от одного предмета на другой на основе некоторого отношения между ними.

Выводы по аналогии носят вероятностный характер. Достоверность и вероятность характеризуют разные степени, уровни доказательности знания. Вероятное знание имеет многочисленные градации, начиная от маловероятных, ненадежных знаний и кончая степенью, непосредственно граничащей с достоверными знаниями. Объективные основания создают возможность выводов по аналогии. Для превращения этой возможности в действительность необходимы определенные условия, которые являются

логическими основаниями аналогии. Условиями повышения вероятности выводов по аналогии являются в основном обстоятельность и широта изучения аналогичных предметов или явлений. При анализе логических оснований необходимо идти от явления к сущности, так как это движение является общей закономерностью всякого познания.

Повышение степени вероятности выводов по аналогии зависит от количества рассмотренных сходных признаков у сравниваемых явлений и от степени существенности этих признаков. Чем обстоятельнее проанализированы сходство и различие изучаемых явлений, тем основательнее заключение по аналогии. Для получения более вероятных выводов по аналогии требуется возможно большее сходство между сравниваемыми предметами или явлениями. При этом следует учитывать одно весьма существенное обстоятельство: чем больше сходства между сравниваемыми предметами, тем меньше эвристическая ценность аналогии.

Объем и сложность подлежащих решению интегративных задач, экономия времени и умственных усилий, необходимость создания методик порождения и оперирования концептуальной лингвистической информацией приводят нас к использованию логического принципа строгой, или научной аналогии, устанавливаемой с теми дисциплинами, для которых характерно наличие найденных решений в области производства и оперирования с абстрактными объектами.

Следует сказать о потребовавшей применения в работе аналогии как виде традуктивного умозаключения, при котором от двух или нескольких суждений некоторой степени общности переходят к новому суждению той же степени общности. Как метод исследования традукция заключается в том, что установив сходство двух объектов в некотором отношении, делают вывод о сходстве тех же объектов и в другом отношении. Этот вид аналогии нашел свое применение в концептуальной разработке не всей разветвленной структуры знания о языке и знания о знаках (это потребовало бы усилий многих исследователей, а не одного), а лишь его центральной, целостно-стержневой, системоорганизующей линии.

Более глубоким видом аналогии, которая позволяет считать сделанные в работе выводы о структуре исходной единицы лингвистического знания, о целостной системе знания и системе знаков достоверными выводами, является изоморфизм в математическом смысле этого термина.

Установив изоморфность двух и более систем языковых объектов (списка из 29 понятий-

терминов одного типа, подсистем языка, развитых по одним и тем же основаниям), мы можем перенести любое предложение, справедливое для одной из этих систем, на другую систему объектов. В этом случае детально изучив одну систему объектов (например, системы отдельных частей речи, отдельных пропозициональных типов синтаксических единиц) в их целостном представлении, становится возможным не проводить детального, трехаспектного последовательного рассмотрения всех этих единиц, так как они изоморфны в этих аспектах изученным системам.

В процессе попризнакового анализа $\leftrightarrow$ синтеза дефинитивных признаков выявляется возможность учета определенной градации аналогии: простой и распространенной в их строгой и нестрогой модификации. В операциях сравнения выявленных дефинитивных смыслов-признаков с таковыми из определений-эталонов значения, формы и функции обнаруживаются случаи простой аналогии (сходство объектов в некоторых признаках позволяет считать их сходными в других признаках). В этих операциях обнаружилась также распространенная аналогия, состоящая в том, что сходство регулярного наличия трех видов дефинитивных качественных признаков и трех видов дефинитивных количественных признаков позволяет сделать вывод о сходстве причины — одинаковой структуры мысленного предмета — знаниевой конструкции, имеющей одну и ту же форму «тела», или языкового выражения или текста дефиниции.

Исследование семантической стороны текста как знакового образования показало необходимость «мысленного обращения» к области действительности и своеобразной «реконструкции» тех элементов и связей из этой области, которые обозначены в соответствующих языковых выражениях. Для того чтобы осуществить познание языковой действительности, необходимо, чтобы мышление являлось как бы «двухплоскостным» движением или одновременным движением в «плоскостях» обозначаемого ими внеязыкового содержания и обозначающего или знаковой формы.

Качественные признаки предстают тем «строительным» материалом, который и конструирует трехчастность целостного содержания лингвистических понятий. Это системное содержательное единство образуется значением абстрактного предмета, его формой и функцией. Данное обстоятельство позволяет отнести качественные признаки к системной специфически-языковой гносеологической предпосылке.

Поскольку языковое или опосредствованное отображение действительности с неизбежностью включает объекты (элементы этой действительности), следовательно, им присущи и аспекты количества. В отличие от математических наук, отображающих количественные отношения действительности в «чистом» виде, т. е. независимо от содержания, в языке находят отражение преобразованные количественные отношения, воплощенные в объеме понятий. Объем понятия — множество объектов, к которым применимо данное понятие.

В процессе исследования семантического поведения дефинитивных смыслов-признаков, конституирующих знание в формате понятия, выявляется зависимость между содержанием и объемом данного понятия, поскольку в процессе изменения содержания объем одного понятия регулярно является подмножеством объема другого понятия.

Анализ логических отношений содержания и объема базовых понятий «система», «система языка», «структура», «структура языка» и т. п. позволяет построить конструкты различного уровня абстракции. Например, «полный охват языка», «модули системы», «восходящая и нисходящая иерархия понятий» и др.

В том случае, когда в процессе обобщения объем понятия становится шире, а его содержание — более узким, моделированию поддается психический продукт на методологическом уровне познания.

В процессе специализации понятия сужается объем понятия, но расширяется его содержание. Данный закон позволяет осуществить моделирование абстракции на общенаучном и частнопредметном уровнях познания и отобразить отношение «выше — ниже», «более абстрактное — менее абстрактное» по аналогии с искусственным интеллектом.

Построение фигур знания требует выполнения правил оперирования подчиненными понятиями, применения правила класса.

Соблюдение этих правил, во-первых, способствует осознанию целостности порожденных исследователем психических новообразований, ча-

сти которых определяются этим целым и которые в то же время взаимно поддерживают и определяют друг друга (по философскому определению, эти образования суть гештальты).

Во-вторых, при соблюдении условия построения системы доказательств, обосновывающих достигнутое решение мыслительных задач, названные правила позволяют осознать целостную и систематизированную совокупность научных понятий о закономерностях общества и мышления, накопленную человечеством в процессе активной преобразующей производственной деятельности и направленную на дальнейшее познание и изменение объективного мира. То есть логическую модель порожденного сознанием исследователя концептуального знания как одну из разновидностей структур знаний, в построении которой задействуется логический механизм синтетической аналогии, применяемой в трех функциях — как мыслительной операции, как приема мышления и как метода исследования.

Список литературы

1. Андерсон Дж. Р. Когнитивная психология. — СПб.: Питер, 2002. — 496 с.
2. Базылев В. Н. Несистемно-теоретический подход к языку // *Вопр. когнитивной лингвистики*. — 2005. — № 3. — С. 97—107.
3. Ивин А. А. Словарь по логике. — М.: ВЛАДОС, 1998. — 384 с.
4. Исенбаева Г. И. Основы теории построения концептуального научного объекта «язык». Внешние и внутренние основания: монография. — Орск: Изд-во ОГТИ, 2008. — 229 с.
5. Кравченко А. В. Знак, значение, знание: очерк когнитивной философии языка. — Иркутск: Иркут. обл. типогр. № 1, 2001. — 261 с.
6. Ришар Ж. Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. — М.: Ин-т психологии РАН, 1998. — 232 с.
7. Солсо Р. Л. Когнитивная психология. — М.: Тривола, 1996. — 600 с.
8. Формальная логика. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. — 356 с.

О. А. Карамалак (Магнитогорск, Россия)

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО В РАМКАХ ТЕОРИИ РАСПРЕДЕЛЕННОЙ КОГНИЦИИ

The cognitive dynamics of an e-mail correspondence resemble those of talk — at least, in their «other-orientation». Basically a view where this paper focuses on — not texts — but how these interact with cognitive dynamics. In contrast to solo-writing, these inscriptions are «external resources» that influence the dynamics of the three as an extended (or distributed) text-creating system (the first correspondent revises his/her wordings, they influence later versions of him/her who come back to and revise the text; they also influence the other correspondent involved in e-mailing, and also the third party, that is an observer who reads the correspondence). The problems of interaction, orientation, co-function, and consensual domain rising are discussed.

Keywords: cognitive dynamics, distributed e-mail, e-mail correspondence, interaction, orientation, co-function, consensual domain rising.

Любая письменная работа, будь то научная статья, анализ произведения, эссе или письмо по электронной почте, является продуктом распределенной когниции. В процессе написания какого-либо материала мы не изолированы, а открыты для взаимодействий. Мы всегда пишем «с другими», ссылаясь на какие-либо тексты из Интернета и других источников, либо отражаем свои мысли на основе прочитанных текстов, в узком смысле слова, а в широком — на основе личного опыта взаимодействия со средой. Используя зрительные, слуховые и другие формы восприятия вместе с оперативной памятью, мы с помощью письменного акта обращаемся к предыдущему опыту, который полезен при достижении текущих целей и оказывает влияние на будущие события.

Мы зависим от распределенной структуры, благодаря которой совместные действия оказывают влияние на научение, развитие и то, кем мы становимся [Коули 2009: 206]. Язык — это конструктивный способ согласованного действия, который распределен в нескольких смыслах: во-первых, в нашем опыте, во-вторых, в человеческой среде, в-третьих, язык распределен материально, в-четвертых, отображение делает вербальные формы неотъемлемой частью не только устной беседы или связанной с текстом деятельности, но и мыслей, фантазий и снов [Коули 2009: 214]. Язык рассеивается. Как отмечает С. Коули, этот пятый темпоральный смысл распределенного языка имеет наибольшую теоретическую значимость [Cowley 2007]. Наши действия — и речь — не только затрагивают бессознательное, но пронизывают действия других людей. Обратив внимание на динамику диалога, можно увидеть, как один человек оказывает влияние на другого и самого себя в реальном времени.

Тексты электронной переписки являются ценным свидетельством спонтанной письменной

речи — феномена, не ставшего пока самостоятельным объектом лингвистического анализа. В ряде работ отмечается тесная связь такой переписки с жанром обычного эпистолярного общения [Смирнов 2004: 42; Трофимова 2005]. Между тем, частная электронная переписка обладает собственной жанровой спецификой, а этот жанр коммуникации является одним из самых распространенных во всем мире. А. Зализняк выделяет два основных признака электронной переписки как коммуникативного жанра. Первый — особый тип интерактивности. Электронное письмо предполагает тесное взаимодействие корреспондентов благодаря немедленной доставке, несмотря на возможно большое расстояние между ними. Эта интерактивность формирует чувства, действия и мышление вовлеченных в нее людей. Второй яркий признак переписки по электронной почте — это сериальность: переписка по электронной почте часто происходит в форме серии писем и ответов на них, которые образуют единый коммуникативный акт. Внутри этой серии действуют некоторые особые правила, обеспечивающие ее связность [Зализняк 2006].

Мы считаем возможным выделить еще несколько черт электронной переписки: «двойная диалогичность» и распределенность. Понятие «двойная диалогичность», введенное П. Линеллом, подразумевает, что коммуникация и диалог происходят не только между двумя сторонами, которые непосредственно участвуют в этом процессе. В любом диалоге существуют «третьи стороны». В письме мы можем ссылаться на наш опыт взаимодействия с другими по проблематике, обсуждаемой в переписке. Мы всегда ориентируемся, применяем и создаем идеи, традиции и коммуникации, оперируя ранее существующими, которые мы будем применять в будущем через ситуативное взаимодействие [Linell 2009: 99, 100]. Следовательно,

электронная переписка распределена в пространстве (люди из разных уголков мира могут вести интерактивное взаимодействие), времени (в переписке мы ссылаемся на прежний опыт, создаем настоящее событие, чтобы впоследствии повлиять на будущее), в социуме (мы всегда пишем во взаимодействии с собой и с «другими»).

Чтобы провести исследование в рамках теории распределенного языка, нам необходим новый научный метод, согласно которому текст электронного письма не является застывшим кодом, который нужно расшифровать. Текст — это не абстрактный теоретический конструкт, а интерпретируемые читателем (организм + среда) индексы, это открытая система для взаимодействий и интерпретаций. Выдвинутая Берталанфи идея об открытой системе широко используется в исследованиях гуманитарной проблематики [Bertalanffy 1968]. Для любой открытой системы (как, например, человек, текст, культура) характерно взаимодействие всех компонентов, то есть динамичность и активность.

Письмо в переписке — это больше, чем текст, это индексы состояний автора, результат собственных убеждений, идей, результат взаимодействий автора А с В, а также взаимодействий с самим собой, так как автор пребывает в структурной сопряженности как с самим собой, так и со вторым автором через переписку. «Знаки — это средство социального контакта с окружающими людьми, а также средство воздействия на самого себя, как средство автостимуляции, порождая таким образом новую, более высокую форму поведения» [Выготский 2005: 1058]. Языковое поведение представляет собой процесс непрерывной ориентации. Поэтому то новое состояние, в котором система оказывается после языкового взаимодействия, возникает в итоге языкового поведения. Ориентирующее поведение в организме с нервной системой, способной рекурсивно взаимодействовать с собственными состояниями, расширяет когнитивную область этого организма, давая ему возможность рекурсивно взаимодействовать с описаниями своих собственных взаимодействий. «Если организм может порождать коммуникативное описание, а затем взаимодействовать со своим собственным состоянием активности, являющимся репрезентацией этого описания, порождая при этом еще одно такое описание, которое ориентирует относительно этой репрезентации <...> тогда процесс этот может в принципе осуществляться рекурсивным образом до бесконечности, а организм становится наблюдателем; он порождает дискурс

как область взаимодействий с репрезентациями коммуникативных описаний (ориентирующих актов поведения) [Матурана 1996]. Таким образом, письменный акт автора А — это нечто большее, чем текст автора А: это внешние ресурсы, индексы его состояния, которые влияют на динамику двух авторов.

Участвующие системы обоюдно служат источником пертурбаций друг для друга. Автор А, имея недостаток знаний в определенной области, стремится возместить этот недостаток, условно говоря, расширив свои границы за счет автора В. Этот процесс носит рекурсивный характер. Автор А = автор А в настоящий момент во взаимодействии с текстом автора В + автор А во взаимодействии с собственным текстом.

В данной работе нам важно, какое влияние оказывает письменный акт на вовлеченных в него людей и какие последствия он имеет для них; как развиваются ко-оперативное поведение или консенсуальная область взаимодействий по электронной почте. Следовательно, мы будем анализировать не тексты в традиционном их понимании, а когнитивные динамики, то есть то, как люди с помощью текстов взаимодействуют друг с другом, ориентируют и оказывают соответствующее влияние друг на друга.

Переписка по электронной почте является, как мы уже указали, спонтанной письменной речью, письменной коммуникацией, которая «происходит всякий раз, когда существует координация поведения в области структурной сопряженности» [Матурана 2001: 172]. Существуют два вида структурной сопряженности:

- система находится в структурной сопряженности со средой;
- система находится в структурной сопряженности с другой системой.

Если мы рассматриваем переписку по электронной почте, то можем сказать, что система А, или автор А, пребывает напрямую в структурной сопряженности со средой, частью которой являются его собственные письма и письма автора В, и в структурной сопряженности с другими системами — непосредственно с автором В, другими людьми, с которыми они параллельно вступают во взаимодействие для решения интересующих их вопросов посредством переписки. Структура социальной системы приводит к коэволюции ее компонентов, вызывает их взаимную структурную сопряженность.

Консенсуальная область — это перекресток между двумя наблюдателями, это область описаний высшего порядка. Она возникает, когда

появляются включенные обоюдные последовательности состояний, установленных через онтогенетическое взаимодействие между структурно-пластичными системами [Матурана 2001].

Понятие «консенсуальная область взаимодействия» синонимично с понятием кооперативной области взаимодействий. Языковую деятельность (language) У. Матурана сравнивает с танцем, которому свойственны не «иерархия» и «управление» и не «конкуренция», а взаимная подгонка действий, сотрудничество. «Человеческие существа являются биологически любящими (сотрудничающими) существами, — говорит он в одном из своих интервью, — а язык — это наш биологический способ жизни» [Матурана 1996].

Возникает вопрос о том, как мы можем судить, что в переписке по электронной почте между двумя учеными (профессором и учеником) возникла консенсуальная область взаимодействий. В ходе анализа серии электронных писем, состоящей из 18 посланий, мы пришли к выводу, что для создания консенсуальной области взаимодействий необходимы, прежде всего, две системы, то есть, в нашем случае, два корреспондента. Во-вторых, необходима общая система отсчета (*mutual frame of reference*). В нее входят общие знания, или бэкграунд, общие темы, заинтересованность в решении проблемы и общие акты письма (индексы). В-третьих, требуются компенсирующие пертурбации, то есть границы знания, понимания вопроса и желание расширить их. В-четвертых, нужны реверсивные каузальные последовательности состояний, то есть способ взаимодействия двух корреспондентов и то, какие модификации возникают в их поведении.

В результате исследования корреспонденции мы пришли к выводу, что реверсивные каузальные последовательности состояний условно можно разделить на три группы: взаимодействие, ориентация и ко-функциональность, которые наслаиваются друг на друга, приобретая более сложную структуру, высшей точкой развития которой является научение.

Взаимодействие можно наблюдать, когда оба автора связаны друг с другом таким образом, что последующее письмо одного из них строго зависит от письма предыдущего. Таким образом, два корреспондента могут порождать цепочку взаимосвязанного поведения. Письмо, написанное автором А, производит влияние на письмо автора В.

Ориентация как вид взаимодействия более сложного характера может иметь место, если только области взаимодействий обоих корреспондентов в значительной мере совпадают между

собой. В этом случае никакой взаимосвязанной цепочки поведения не возникает, так как последующие действия обоих организмов зависят от исхода независимых, хотя и параллельно протекающих взаимодействий. Письмо автора А вызывает изменение в письме автора В.

Ко-функциональность (письмо автора А вызывает согласие или несогласие автора В) — это более сложная ступень взаимодействия, когда ориентируемый становится на место ориентирующего, тем самым происходит рекурсивный процесс ориентации. В результате совместной переписки возникает сходный отклик — более или менее близкое взаимное понимание чего-то иного. Консенсус возникает лишь благодаря кооперативным взаимодействиям, когда преодолевается изоляция Я и авторы переписки готовы выйти на новый этап знаний, достигнутый лишь во взаимодействии с другими. Диалог подразумевает такое объединение мысли и чувства, которое единым потоком выносит участников на новый, более глубокий уровень понимания, когда на основе развития общего смысла возникает новый тип разума: участники больше не могут противопоставлять себя друг другу и даже не взаимодействовать, а скорее просто участвовать в этом творческом процессе, где общий смысл постоянно развивается и меняется [Bohm 1985]. Такое понимание диалога созвучно идеям М. М. Бахтина, у которого участники диалога образуют новое единство в рамках общего смыслового пространства [Бахтин 1979]. М. Мамардашвили также высказывает подобные мысли: не надо даже пытаться понять другого, это бесполезно, лучше вместе понимать что-то третье [Мамардашвили 1996].

Таким образом, в ходе электронной переписки авторы приходят к консенсусу: они уже не столько разделяют друг друга, сколько составляют единое целое в сложной консенсуальной области взаимодействий и готовы вместе понять «нечто третье».

Подводя итоги, можно сказать, что частная переписка по электронной почте представляет собой интереснейший лингвистический объект, достойный дальнейшего изучения с точки зрения теории распределенности языка.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
2. Выготский Л. С. Психология развития человека. — М.: Смысл; Эксмо, 2005. — 1136 с.
3. Зализняк А. А. Переписка по электронной почте как лингвистический объект. —

Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm>

4. Коули С. Дж. Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления // *Studia linguistica cognitive*. — Вып. 2. Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. — Иркутск: БГУЭП, 2009. — С. 192—227.

5. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию. — М.: Лабиринт, 1996. — 155 с.

6. Матурана У. Р. Биология познания // *Язык и интеллект: сб. науч. тр.* — М.: Прогресс, 1996. — С. 95—142.

7. Матурана У. Р. Древо Познания. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — 224 с.

8. Смирнов Ф. О. Национально-культурные особенности электронной коммуникации на английском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2004. — 224 с.

9. Трофимова Г. Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты) : монография. — Режим доступа: <http://planeta.gramota.ru/gnt.html>

10. Bertalanffy L. von. General system theory. Foundations, development, applications. — N. Y., 1968. — 295 p.

11. Bohm D. Unfolding Meaning: A weekend of dialogue with David Bohm. — Gloucestershire: Foundation House, Routledge, 1996. — 192 p.

12. Cowley S. J. Distributed language: biomechanics, functions and the origins of talk. — London: Springer, 2007. — P. 105—127.

13. Linell P. Dialogue and the Other // *Rethinking language, mind, and world dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making*. Information Age Publishing, INC. Charlotte, NC. — 2009. — P. 69—107.

А. Р. Копачева (Челябинск, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ КАК КОМПОНЕНТА ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

The study of language consciousness and language identity are among the most pressing and promising areas of modern linguistics. The concepts of identity and consciousness are closely related to each other; the idea of human's language consciousness is often developed within the conceptual paradigm of «activity» — «culture» — «consciousness» — «personality». Language consciousness is the main feature of personality, and the main characteristic of language identity is the presence of language consciousness and self-consciousness. This article deals with various aspects of language consciousness study through the prism of psycholinguistic approach to its description.

Keywords: *language personality, consciousness, language consciousness, worldview, language activity, language ability, language system as a phenomenon of consciousness.*

Проблемы изучения языкового сознания и языковой личности являются одними из наиболее актуальных и перспективных направлений современного языкознания.

Понятия личности и сознания тесно связаны друг с другом; зачастую представление о языковом сознании человека разрабатывается в рамках понятийной парадигмы «деятельность» — «культура» — «сознание» — «личность». Языковое сознание является главным признаком личности, а основной характеристикой языковой личности является наличие языкового сознания и языкового самосознания. Таким образом, рассуждать об особенностях языковой личности невозможно без рассмотрения языкового сознания индивида. При этом под языковым сознанием понимается совокупность образов сознания, формируемых и актуализирующихся при помощи языковых

средств — слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей.

Современные исследователи полагают, что языковое сознание выступает как один из аспектов сознания в целом. Единство и взаимодействие таких высших психических процессов, как память, восприятие, речь, мышление, эмоции, вносят свой вклад в специфику организации сознания. Это единство определяет возможность построения внутреннего плана, внутренней модели внешней среды [Грановская 1997: 287].

Помимо накопленного жизненного опыта, совокупности знаний о мире и о самом себе, которые хранятся в виде системы взаимосвязанных логических суждений, понятий, умозаключений, сознание человека включает в себя и вербальное знание, знание языка, его морфологической,

фонологической, логической, прагматической, синтаксической систем и др.

Так, Т. А. Фесенко подчеркивает, что естественный язык не обладает функцией порождения мысли, а является лишь средством выявления структуры мысли носителя языка и, по сути, дает ключ к реконструкции сознания [Фесенко 2004: 113].

Таким образом, языковое сознание можно рассматривать как один из уровней в структуре целостной картины мира человека, вариант одной из схем освоения мира, социальной реальности, который в наибольшей степени приспособлен для целей коммуникации. Языковое сознание также связывают с актуализацией в нем выраженного ценностного элемента и с понятием языковой нормы.

Трактовка термина «языковое сознание» находит многогранное отражение в научной литературе. Разработкой данной проблематики занимались и продолжают заниматься многие отечественные и зарубежные психологи и психолингвисты (Г. В. Ейгер, А. А. Залевская, И. А. Зимняя, В. В. Красных, В. А. Пищальникова, А. Н. Портнов, Ю. А. Сорокин, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, Т. Н. Ушакова, А. Г. Фомин, L. A. Foucher, Robert W. Boozer, E. Nick Maddox, L. Oakes, M. N. Craith и др.).

Поскольку языковое сознание является достоянием индивида, в самом общем виде в основных направлениях психолингвистических исследований (производство и восприятие речи, речевое общение, онтогенез, билингвизм и межкультурная коммуникация) вопросы языкового сознания рассматриваются в соотношении с языковой / речевой способностью.

А. А. Залевская отмечает следующие общие характеристики / принципы работы речевого / языкового механизма: функциональность — предназначенность для использования в целях какой-либо деятельности; динамичность — способность формироваться, варьироваться, развиваться в соответствии с внешними и внутренними условиями осуществления деятельности; интегративность — способность обеспечивать компрессию смысла за счет включения «в себя» комплекса потенциальных возможностей развертывания ситуации, описания объекта и пр.; кодовая вариативность — разнообразие форм репрезентаций знаний.

Под интегративностью в данном случае понимается набор гетерогенных функциональных опор в речемыслительной деятельности индивида, обеспечивающих, например, вероятностную актуализацию некоего ментального содержания; кодовая вариативность представлена наличием

когнитивных структур различных типов и различной степени осознания в структуре языковой личности [Залевская 2005: 239].

Современная психолингвистика признает, что сознание формируется при участии языка, который является мощным средством обобщения образов сознания, возникающих в деятельности. Язык и его речевое проявление используются людьми для отражения состояния сознания, выражения смысла, проявления психологического содержания внутреннего мира человека [Ушакова 2000: 13].

Т. Н. Ушакова определяет понятие «языковое сознание» как «широкое референтное поле, включающее две его разновидности: динамическую — выражение состояния сознания в вербальной форме, воздействие на сознание с помощью речи, — а также структурную, образуемую языковыми структурами, формирующимися в результате ментального опыта субъекта, действия его сознания» [Ушакова 2004: 8].

Данное определение указывает на то, что языковое сознание связывает лингвистическое явление, язык, с сознанием как психологическим феноменом и отражает основное назначение языка / речи — выражать психическое состояние говорящего.

А. Н. Леонтьев, продолжая идеи Л. С. Выготского, писал: «Сознание имеет языковую, речевую природу... Иметь сознание — владеть языком. Владеть языком — владеть значениями. Значение — есть единица сознания» [Леонтьев 1988: 14].

Изучая проблему соотношения языка и сознания, А. А. Леонтьев пришел к выводу, что в мировой философской, психологической и лингвистической литературе существуют два взаимоисключающих подхода. Согласно первому единицей сознания является система вербальных, словесных значений и обслуживающих их разноуровневых коммуникативных средств, т. е. система языковых знаков. Такой подход характерен для теории «лингвистической относительности» Сепира-Уорфа, лингвистической философии, общей семантики и др. При втором подходе единицей сознания признается предметное значение, а язык понимается как система значений, которые могут актуализироваться и в невербальной форме [Леонтьев 2001: 114].

А. А. Леонтьев, понимая язык как «единство общения и обобщения, как систему значений, выступающих как в предметной, так и в вербальной форме существования», определяет «языковое сознание» как близкое к психологическому пониманию «образа мира» [Леонтьев 2001: 114—115].

А. А. Леонтьев отмечает, что существуют индивидуальные и национальные образы мира.

Индивидуальные — варианты образы мира, обусловленные личностно-смысловыми образованиями, имеющими единую «сердцевину», для некоторой социальной группы, к которой принадлежит субъект и национальные — инвариантные образы мира, соотношенные с особенностями национальной культуры и психологии. Поэтому можно говорить об индивидуальном и национальном языковом сознании как об уровнях языкового сознания [Леонтьев 1993: 19].

И. А. Стернин понимает языковое сознание как часть сознания, обеспечивающую механизмы языковой (речевой) деятельности: порождение речи, восприятие речи и хранение языка в сознании. Акцентируя факт хранения в сознании и принадлежности ему системы языковых знаков с их разнообразными значениями, автор полагает, что исследование системы языка как феномена сознания и есть исследование языкового сознания [Стернин 2003: 265].

И. А. Стернин также разграничивает языковое и коммуникативное сознание, при этом первое понимается им как «компонент когнитивного сознания, «заведующий» механизмами речевой деятельности человека», а второе — как «совокупность знаний и механизмов, которые обеспечивают весь комплекс коммуникативной деятельности человека»; причем коммуникативное сознание включает языковое как свою составную часть, но не исчерпывается им [Стернин 2003: 263].

Необходимо также отметить целостность структуры образа сознания, несмотря на различные ее «составляющие». Это важно при исследовании вербальной репрезентации образов сознания, где, по мнению А. А. Залевской, необходимо учитывать то, что составляющие сознания «могут вычленяться и подвергаться детальному анализу с позиций теоретика-исследователя, однако для индивида они функционируют как взаимодействующие ипостаси одного и того же целого» [Залевская, 2005: 239].

Поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания реализующих его процессов, оно поддается описанию в виде продукта прошедшей деятельности, в превращениях, отчужденных от субъекта сознания, а именно — для наблюдения и анализа доступны предметная и деятельностная (внешняя) формы существования сознания [Тарасов 1993: 9].

Как было отмечено выше, термин «языковое сознание» имеет довольно широкое интерпретационное поле, поэтому и методы, предлагаемые для исследования феномена в его различных аспектах, также многообразны (традиционный

лингвистический, психологический, комплексный). В связи с проблемой закрытости для анализа языкового сознания, оно исследуется через существующие способы их вербальной фиксации: лексикон человека (А. А. Залевская), ассоциативно-вербальную сеть (Т. Н. Ушакова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Ю. Н. Караулов и др.), лакуны (Ю. А. Сорокин), способ формирования и формулирования мысли (И. А. Зимняя), коммуникативное поведение (И. А. Стернин, А. Г. Фомин), межкультурное общение (Е. Ф. Тарасов и др.), прецедентные тексты (Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин).

Одним из наиболее эффективных методов исследования остается ассоциативный эксперимент, который предоставляет материал для конструирования «модели языкового сознания», результаты которого могут быть интерпретированы в этнокультурном, возрастном, гендерном и др. аспектах.

Таким образом, психолингвистический подход к изучению языкового сознания, опираясь на результаты экспериментальных исследований, на наш взгляд, позволяет достаточно достоверно описать содержание языковых знаков и структур в том виде, в котором они реально представлены в сознании носителей языка.

Исходя из специфики исследования языкового сознания как компонента языковой личности, наиболее приемлемым является его определение как совокупности знаний, формируемых субъектами преимущественно в ходе речевого общения, чувственных знаний, возникающих в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных в предметной деятельности и концептуальных знаний, отражаемых вербально.

Список литературы

1. Грановская Р. М. Элементы практической психологии. — М., 1997. — С. 287.
2. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Слово. Текст. Избранные труды. — М., 2005. — С. 234—244.
3. Зимняя И. А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания. — М., 1993. — С. 56.
4. Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993. — С. 19.
5. Леонтьев А. Н. Материалы о сознании // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. — 1988. — № 3. — С. 6—25.
6. Пищальникова В. А. История и теория психолингвистики. Ч. 2. Этнопсихолингвистика. — М., 2007. — 208 с.

7. Стернин И. А. Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание : проблема разграничения // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: тез. XIV Междунар. симп. по психолингвистике и теории коммуникации. (г. Москва, 29—31 мая 2003 г.). — М., 2003. — С. 264—265.

8. Тарасов Е. Ф. Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993. — С. 9.

9. Ушакова Т. Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы

// Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. / под общ. ред. Н. В. Уфимцевой. — М., Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. — С. 6—17.

10. Фесенко Т. А. Концептуальный перевод в структуре взаимоотношения «действительность — мышление — сознание — язык» // Вопросы когнитивной лингвистики. — Тамбов, 2004. — № 1. — С. 112—123.

О. Ю. Кузьминых (Челябинск, Россия)

ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА

This article considers natural and artificial information systems. In this article we are going to investigate the following question: Is it possible to create an artificial language, and if it is, then how will we achieve that goal?

Keywords: *natural language, the laws of language development, adequacy of a natural language and technical information systems.*

«Мудрость заключается в том, чтобы познать то, что сделано природой».

Гиппократ

Информационная система (любой природы) состоит из трех частей (одной природы): предмет, действие, точка отсчета (система координат), что приводит:

а) к адекватному пониманию человеческого мозга, сознания, естественного языка, символической логики, технических информационных систем;

б) к уяснению фундаментальной общности, единства закономерностей информационных процессов любой природы;

в) к переходу от субъективно-целенаправленных и объективно-хаотических разработок информационных систем к объективно-целенаправленным разработкам.

Сведения, раскрывающие сущность гипотезы, взяты из работ: по психофизиологическим основам членораздельной речи И. М. Сеченова, И. П. Павлова; по культурно-исторической теории развития психики человека Л. С. Выготского; по классификации афазий А. Р. Лурия; по теоретическим положениям информационных технологий.

В настоящее время многими морфологами за основной критерий функционального деления коры головного мозга был принят павловский принцип анализаторов. Эволюция мозга привела к образованию центральных, вторичных и третичных зон. Центральные поля резко выделяются своеобразием своей цитоархитектонической

картины, позволяющей весьма дробно выделять отдельные мельчайшие раздражители, что является совершенно необходимым условием синтетического восприятия сложных комплексов раздражителей, данных многообразием мира.

Первичные зоны: центральная слепота; одностороннее выпадение зрительного поля; выпадение тонких движений. В случаях повреждения периферических полей при относительной сохранности элементарных ощущений расстраивается главным образом способность адекватно отражать целые комплексы и взаимные соотношения составных элементов воспринимаемых объектов.

Вторичные зоны: затруднения в выработке звуковых дифференцировок; особенно отчетливо выступают при предъявлении комплексов, состоящих из одних и тех же компонентов, но в разной последовательности; слова, обозначающие предметы, их качества (имена существительные и частично прилагательные страдают значительно больше, чем обозначающие действие или отношения); становится беспомощным, как только переходит к задачам, основанным на разложении действия на серию последовательных операций и удержании части результатов в уме; как правило, он выделяет только один какой-то признак и начинает строить на его основе логические догадки, расшифровывая значения наглядного предмета вербально-логическим путем;

оказывались не в состоянии узнать предмет на ощупь, хотя без труда могли узнать его зрительно.

Третичные зоны: хорошо удерживая одиночные слова, они начинают испытывать заметные затруднения при переходе к опытам на сохранение и повторение серий из нескольких слов; аналогичный, но еще более выраженный дефект возникает в тех случаях, когда больному предъявляется серия из нескольких коротких фраз (дом горит — луна светит — метель метет); сохраняя нужные элементы словесного ряда, оказывается не в состоянии воспроизвести их в заданном порядке, постоянно меняя последовательность предъявленных слов; если предложить называть не один, а два-три показанных предмета, то в этих случаях правильно называет один предмет; легко копируя предложенные рисунки, не могут воспроизвести эти рисунки по словесной инструкции; часто не могут найти путь в свою палату; неправильно ориентируются в пространстве; не могут самостоятельно одеваться, правильно застелить постель; смешивают вертикальное и горизонтальное; не могут правильно выкладывать геометрическую фигуру из спичек; нарушение ориентации в пространственных отношениях на циферблате и географических картах; плохо понимают переносной смысл и испытывают значительные затруднения каждый раз, когда им нужно оперировать логическими операциями; трудности возникают тогда, когда им предъявляются сложные логико-грамматические конструкции, выражающие пространственные отношения (предлоги «под», «над», «перед», «после»; наречия «справа от», «слева от»); с трудом выполняют задания нарисовать треугольник под кругом, треугольник справа от креста; затруднения возникают при понимании сравнительных отношений; мало доступны конструкции с глаголами, обозначающие действие, переходящее с одного объекта на другой (одолжил кому-то, одолжил у кого-то).

Естественный язык (русский)

1. На первых этапах развития языка слово вообще не выражалось звуком. Речь родилась из активной трудовой деятельности и выражалась в сокращенных рабочих движениях и жестах указания. Этот жест обозначал лишь единичные предметы или действия, однако смысл этого указания становился доступным лишь при знании той конкретной ситуации, в которой он применялся.

2. Первая звуковая речь, сменившая раннюю кинетическую речь приобрела «номинативный» характер. В ней впервые слово начало отрываться от действия и приобретать в звуке свои технические средства выражения.

3. На ранних этапах речь состояла из одиночных звуковых комплексов, которые имели функцию указания или обозначения. По всей ситуации на первых порах за этими звуковыми комплексами даже не было скрыто твердых и постоянных значений, их смысл возникал каждый раз из конкретной практической ситуации.

4. Адекватные задачи этих этапов в естественном языке решаются номинативной стороной речи, которая сводится к развитию устойчивых внутренне богатых слов, которые приобретают все более дифференцированное значение и начинают отражать все более глубокие связи явлений. Прежде диффузные, звуковые комплексы начинают заменяться словами, имеющими стойкое конкретное значение слово начинает обозначать определенные конкретные признаки, а позднее предметы или действия; из своеобразного указательного жеста, непонятного вне конкретной ситуации, оно начинает превращаться в постоянный смысл, имеющий устойчивое значение. Это значение на первых этапах не ограничивается одним предметом. Оно с самого начала скрывало за собой известное обобщение: выделяло известный признак, который входил в ряд вещей, затем уточняло его, начиная относиться только к одной категории вещей. Позднее оно приобрело свой самостоятельный сложный аппарат: к корню слова присоединялись префиксы и суффиксы, каждый из которых обозначал известную систему отношений или известный класс, к которому относилось обозначаемое словом понятие, и слово превращалось в целую систему обобщений, с помощью которых человек не только отражал, но и классифицировал мир. Во многих развитых языках слово имеет еще одну часть — флексию, которая может меняться при употреблении слова, тем самым изменяя отношение, которое данный предмет имеет к окружающей ситуации. Присоединяя к слову флексии, мы ничего не меняем в самом значении слова, однако функциональная роль названного предмета меняется, но указывается на ту форму действия, которую играет предмет в данном контексте.

5. Вторая сторона развития языка формирует средства, позволяющие выразить в языке не только образ или понятие, но и целое высказывание или мысль; эту сторону можно назвать развитием предикативных средств языка. Решающий сдвиг произошел в тот период, когда язык перешел от единичных слов к элементарным грамматическим предложениям, когда на место единичного слова встала пара соединенных друг с другом слов и когда в числе языковых средств

появилась первая синтагма. В самом деле, если к отдельному изолированному слову («собака»), обозначающему определенный предмет или состояние, присоединяются другие слова («бежать»), обозначающие определенное действие или качество, они вводят слово в определенную систему отношений, в иерархическую систему понятий. Фраза, даже самая простая («дом горит»), не просто обозначает предмет или явление, но и выражает определенную мысль, сообщает об определенном событии. Лишь на дальнейших этапах развития языка роль действия и места переходит к глаголу, и симпрактическая связь слова с действием заменяется синсемантической связью т. е. связью двух слов.

Еще несколько фактов про единство-разделение предмета и действия и точку отчета («я») на примере организации волевого акта. Для этого необходимо выйти за пределы организма и посмотреть, как волевые процессы формируются в развитии конкретной деятельности ребенка, в его общении со взрослым. На первой стадии овладения речью ребенком взрослый общается с ним, направляет его внимание, и ребенок выполняет эти речевые инструкции. В этом случае акт разделен между двумя людьми: двигательный акт ребенка начинается речью взрослого, а кончается его собственным движением. Только на следующем этапе развития ребенок сам овладевает речью и начинает давать речевые приказы самому себе, сначала развернуто во внешней речи, а затем свернуто во внутренней речи. Волевой акт — не простой навык, а опосредственное по своему строению действие, опирающееся на речевые средства, причем под этим имеется в виду не только внешняя речь как средство общения, но и внутренняя речь, как средство регуляции поведения. Пример смотри выше: развитие речи у ребенка. Характерной чертой внутренней речи является то, что она начинает становиться чисто предикативной речью. Человек, который пытается включить свою внутреннюю речь в процесс решения задачи, твердо знает, о чем идет речь, какая задача стоит перед ним. Значит, номинативная функция речи, указание на то, что имеется в виду, уже включена во внутреннюю речь и не нуждается в специальном обозначении.

Остается лишь вторая семантическая функция внутренней речи — обозначение того, что именно следует сказать о данной теме, что нового следует прибавить, какое действие следует выполнить. Внутренняя речь по своей семантике никогда не обозначает предмет, не несет строго номинативный характер, т. е. не содержит подлежащего;

внутренняя речь указывает, что именно нужно выполнить, как направить действие.

Технические информационные системы

1. Прикладная программа (ПП). Обычно при разработке прикладной программы накопление и хранение данных определялось тем алгоритмом, который предстояло этой прикладной программе выполнить. Ответственность за ведение данных определенной прикладной программы возлагалась на пользователей этой функциональной области, для которой она была разработана.

2. В управлении данными возник подход, основанный на концепции базы данных. Управление базы данных призвано обеспечить разделение данных. СУБД представляет описание данных и их интегрированное хранение. Все алгоритмы обработки для определения местоположения требуемых им данных обращаются к этому описанию базы данных.

3. Пользователь в своей массе остается специализированным. Он хочет видеть структуры данных такими, с какими он привык работать, он желает вводить данные в базу в таком виде, в каком он считает наиболее удобными и получать в виде конкретных таблиц, графиков и т. д., а не в тех стандартных формах, которые предлагает ему система. Появляются специализированные базы данных, адаптированные к конечному пользователю. Основные трудности на данном этапе при разработке прикладных систем, использующих базы данных, заключаются в следующем: ПП оказываются существенно зависимыми от конкретных СУБД и используемых в них структур данных.

4. Снятие трудностей предыдущего периода — создание обобщенных моделей, включающих как частные случаи все или некоторые специальные модели. Наиболее ярким примером данного явления является логика баз данных; в области концептуального моделирования баз данных реляционно-сетевая модель данных; проект интеграции неоднородных БД. Наблюдается тенденция усложнения схем баз данных, в которые включается много различных типов объектов, описываются десятки отношений, связывающих десятки и даже сотни объектов.

5. Этот этап связан с адаптацией интегрированных баз данных.

6. Этот этап — объединение интегрированных баз данных.

7. Данный этап связан со специальными системами, получившими название экспертных систем

(ЭС); роль которых заключается в моделировании деятельности специалистов узкой предметной области. К характерным чертам ЭС можно отнести сочетание информационно-справочной функции с функциями принятия решений.

8. Процессы данного этапа проиллюстрируем на примере ЭС MYCIN, которая предназначена для постановки медицинского диагноза и выработки рекомендации по лечению инфекционных заболеваний крови. В результате отделения программы рассуждений (машины вывода) от знаний, специфичных для предметной области, была создана пустая ЭС EMYCIN. В результате проектирования она может быть запущена в работу с базой знаний, относящейся к любой пред-

метной области.

Вывод: выявленные закономерности развития позволят объективно создавать искусственные и исследовать естественные информационные системы.

Список литературы

1. Лурия А. Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях. — М.: Изд-во МГУ, 1969.
2. Лурия А. Р. Язык и сознание. — М.: Изд-во МГУ, 1979. — 320 с.
3. Цаленко М. Ш. Семантические и математические модели баз данных. — М.: ВИНТИ, 1985. — 208 с.

Е. П. Леонова (Екатеринбург, Россия)

КОНЦЕПТ ПОРЯДОК В РИТОРИКЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

This paper analyzes meanings and implications of the concept 'order' for the Russian revolutionary leaders, who later became Soviet rulers. Analysis of Lenin and Stalin's articles and speeches proves that 'order' was not understood as 'a rule of law and social justice', but as 'a set of social practices which benefited certain groups of people and could be arbitrary introduced as well as easily abolished'. Characteristically of that period, 'order' meant 'discipline or subjugation' as well as 'agenda or topical issue of the day', which may be closely connected with its original meaning of 'succession of actions or procedure'.

Keywords: *order, social law and order, procedure, agenda, discipline, subjugation.*

В отличие от западноевропейского мышления, в котором порядок предстает в виде естественно-го и незыблемого закона, присущего самой природе вещей и человеческому бытию, в русской концептосфере порядок рассматривается как вольное и свободное установление отдельного человека или группы людей. Порядок рассматривается в качестве договора, который устанавливается добровольно и подразумевает обоюдное согласие сторон. При этом, как и в случае с договором, порядок может быть целесообразным либо терять целесообразность и необходимость, он может не соблюдаться или нарушаться. В конце концов, всегда можно отменить порядок, который не устраивает одну из сторон, заменив его другим порядком.

Своеобразно и ярко значение концепта «порядок» высвечивается в тот исторический период, когда происходила ломка государственного строя в России, в годы Октябрьской революции (1917). Характерными в этом отношении являются статьи и выступления лидеров, которые боролись за власть в стране, ломая, по их выражению, старые порядки и заменяя их на новые. Интересно и показательно рассмотреть тексты Ленина

и Сталина с целью выяснить, как они понимали «порядок» и в каких значениях использовали это слово.

В риторике лидеров революционного движения конца XIX — начала XX века в России, впоследствии ставших руководителями советской власти, слово «порядок» использовалось в первую очередь в значении «государственный строй, общественное устройство». При этом порядок характеризовался не просто нейтрально, например, как «государственный, общественный, общий, национальный, конституционный». В революционном сознании порядок не имел черт универсальности, всеобщности и незыблемости закона, но принимал характер вольно установленных правил или «порядков». Показательно, что в этом смысле слово чаще использовалось во множественном числе, поскольку нет и не может быть единственно верного порядка. Порядок не един, но принимает разные формы, в зависимости от того, в чьих интересах он соблюдается. Порядок описывался как «западноевропейский, феодальный, феодально-бюрократический, докапиталистический, капиталистический, буржуазный, самодержавный, самодержавно-крепостнический, бюрократический,

крепостной, социалистический и т. п.». В речах и выступлениях революционеров порядки всегда получали четкое определение в зависимости от того, кем они установлены: «...помещичьи, фабричные, земские, университетские, пролетарские, революционные, партийные и т. п.».

*По мнению мелкобуржуазных политиков, **порядок** есть именно примирение классов, а не угнетение одного класса другим. (Ленин. Классовое общество и государство.) Главным содержанием «листочков» были обличения **фабричных порядков**... (Ленин. Что делать?) ...Народник выбрасывает за борт всякий исторический реализм, сопоставляя всегда действительность капитализма с вымыслом **докапиталистических порядков**. (Ленин. От какого наследства мы отказываемся?) А эсеровские Гамлеты из «Дела Народа»... провозгласили необходимость **«революционного порядка»** в Туркестане. (Сталин. Высекли себя. 4 октября 1917 г.)*

Более того, порядки часто получали оценочные характеристики и описывались либо как «законные, образцовые, новые, нормальные, лучшие, наши и т. п.», либо как «старые, гнусные, ненавистные, худшие, негодные, не наши и т. п.».

*Но кто сметет с лица земли **гнусные порядки царизма**? (Сталин. Да здравствует красное знамя! Прокламация, 15 февраля 1905 г.) Кто может ручаться, что после того, как «спровоцировали» сдачу Тарнополя, не «спровоцируют» ещё сдачу Риги и Петрограда для того, чтобы, подорвав престиж революции, утвердить потом на её развалинах **ненавистные старые порядки**? (Сталин. «Пролетарий». № 5. 1917 г.) Помнится, как во время одной беседы в ответ на замечание одного из товарищей, что «после революции должен установиться **нормальный порядок**», Ленин саркастически заметил: «Беда, если люди, желающие быть революционерами, забывают, что наиболее **нормальным порядком** в истории является **порядок революции**». (Сталин. О Ленине. Речь на вечере кремлёвских курсантов 28 января 1924 г.)*

Революционная власть полагала, что порядки можно и даже необходимо «признавать либо не признавать, терпеть либо изменять, считать вымыслом либо провозглашать их необходимость, оставаться при них либо класть им конец, терять в них веру либо быть приверженным им». Наконец, существующим порядкам можно «стоять в оппозиции» и «жаждать» новых порядков с такой силой, что «положить им начало». Порядки можно не только «охранять, отстаивать, поддерживать, закреплять, сохранять, укреплять, ратовать за них, восхвалять, утверждать,

реставрировать, оставлять в силе, ремонтировать, возвращать», но и «вести с ними войну, обличать, бичевать, ломать, устремляться против них, разбивать, разрушать, уничтожить, сметать с лица земли, свергать, сокрушать, заменять, громить, ликвидировать, расчищать себе к ним путь, низвергать». Но самое главное, есть возможность порядки «создавать, вводить, водворять, построить, поставить, насаждать, устанавливать», а также «ждать пришествия, ждать появления на свет», так как желаемый порядок сам может «возникнуть».

*Идет ломка **старых порядков**. Крестьянское движение, подобно бурному потоку, **устремляется против старых порядков**: прочь с дороги — не то смету! (Сталин. Газета «Элва», 23 марта 1906 г.) Пора покончить с царским правительством и **расчистить себе путь к социалистическим порядкам**! (Сталин. Рабочие Кавказа, пора отомстить! Прокламация, 8 января 1905 г.) Они объединяются и устремляются против вражеского лагеря, чтобы в корне **уничтожить старые порядки** и внести в жизнь качественные изменения, **установить новые порядки**. Демократическая республика хороша только с одной стороны, когда она **разрушает феодальные порядки**, но зато она плоха с другой стороны, когда она **укрепляет буржуазные порядки**. (Сталин. Диалектический метод.) Революция движется всегда зигзагами, наступая и **громя старые порядки** в одних районах... (Сталин. Беседа со студентами университета имени Сун Ят-сена 13 мая 1927 г.) Раз есть антагонистические классы, конечно, попытки **реставрировать старые порядки** всегда будут. (Сталин. По поводу «заявления» оппозиции от 8 августа 1937 г.) Теперь **таким порядкам** в деревне **кладётся конец**, решительно и бесповоротно. (Сталин. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г.)*

Во-вторых, слово «порядок» использовалось в значении способа осуществления или последовательности исполнения каких-либо действий, метода достижения целей или выполнения определенных задач.

*Так и порешили: пока, впредь до представления нами проекта нового редакторского режима, **оставляем старый порядок**. (Ленин. Как чуть не потухла «Искра»?) 23 параграфа излагают устройство, **порядок ведения дел** и пределы ведомства «рабочих кружков», устраиваемых на каждой фабрике. (Ленин. Догматизм и «свобода критики».) Уездные Советы Крестьянских Депутатов принимают меры для соблюдения строжайшего **порядка** при конфискации помещичьих имений для составления точной описи*

всего конфискуемого имущества. Переселение производится **в следующем порядке**: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общин, дезертиры и проч. (Ленин. Декрет о земле от 1917 г.) С виду **порядок управления** III армией обычный, на деле — **отсутствие** всякого **порядка**, абсолютная бесхозяйственность, оторванность от своего боевого участка. (Сталин. Доклад Ленину. 1919 г., Вятка.)

Несомненно, именно Сталин использовал слово «порядок» в значении «способ осуществления» определенных действий, поскольку ему выпало не только свергать старый, но и устанавливать новый строй в стране.

Мы призываем их **организоваться** в революционные крестьянские Комитеты и, забрав через них помещичьи земли, самовольно обрабатывать их **организованным порядком**. (Сталин. Землю — крестьянам. 26 марта 1917 г.) Если мы, представители пролетарской революции, будем закрывать глаза на наши недочёты, будем разрешать вопросы **семейным порядком**, — то кто же будет исправлять эти ошибки, эти недочёты? Иногда говорят: не лучше ли было бы разрешить спорные вопросы **внутренним порядком**, не вынося сора из избы? (Сталин. XV Съезд ВКП(б), 1921 г.) Чтобы обеспечить промышленность рабочей силой, надо её набирать **организованным порядком**. (Сталин. Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства. Речь на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г.) Некоторые наши товарищи нередко успокаивают себя тем, что ...можно помириться с существованием «нейтральных» колхозов, не являющихся ни большевистскими, ни антисоветскими, но которые сами, так сказать **стихийным порядком**, должны будут перейти на сторону Советской власти. (Сталин. О работе в деревне. Речь 11 января 1933 г.) Я имею в виду выбранные от крестьян крестьянские комитеты, которые способны формулировать основные требования крестьянства и которые примут все меры к тому, чтобы прийти к осуществлению этих требований **революционным порядком**. (Сталин. О перспективах революции в Китае. Речь в китайской комиссии ИККИ. 30 ноября 1936 г.)

Характерно, что, казалось бы, это значение должно быть наиболее присущее власти, которая пытается изменить существующий строй и наладить жизнь по-новому. Однако именно оно встречается в речах революционных лидеров реже всего. Исключение составляет выражение «порядок дня» в значении «повестка дня заседания; вопросы, выносимые на обсуждение», которое иногда

встречается в речах Ленина и которым изобилуют статьи и выступления Сталина. Под порядком дня также иногда подразумевались актуальные вопросы, которые активно обсуждались и вызывали резонанс в обществе.

...Конкретные вопросы сами собою **становятся в порядок дня** при первых же крупных событиях. (Ленин. Критика проекта Эрфуртской программы.) Вопрос о пролетарской революции **становится теперь практически в порядок дня** в целом ряде государств. (Ленин. Пролетарская революция и ренегат Каутский.) Если бы съезд сказал это, когда вопрос о восстании у нас **не стоял в порядке дня**, тогда это было бы еще понятно, но сегодня, когда мы стоим на пороге вооруженного восстания, когда вопрос о восстании поставлен в **орядок дня**, — что может сделать «главным образом» агитация? (Сталин. Современный момент и объединительный съезд рабочей партии. 1906 г.) Национальный вопрос был **включен в порядок дня** ближайшего съезда РСДРП (Сталин. На пути к национализму. «Социал-Демократ». № 30, 1913 г.) **Порядок дня** апрельского пленума ЦК нашей партии состоял из четырех пунктов. (Сталин. О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии. Доклад активу ленинградской организации о работе пленума ЦК ВКП(б) 13 апреля 1926 г.) В связи с огромным размахом колхозного движения **в порядок дня ставится** вопрос о расширении партийной организации в деревне. (Сталин. Ответ товарищам Свердловцам. «Правда». № 40, 1930 г.)

В-третьих, слово «порядок» использовалось в значении «организованное и управляемое поведение» или, по сути дела, «дисциплина», под которой следовало понимать подчинение власти, руководству, проповедуемому партией курсу. Под «наведением порядка» чаще всего подразумевалась необходимость добиться желаемого поведения, исполнения предписаний и приказов властей.

Все придет в свое время, а теперь беритесь за самодисциплину, подчиняйтесь во что бы то ни стало, чтобы был **образцовый порядок**, чтобы рабочие, хоть один час в течение суток, учились сражаться. Мы в **порядке** отступить не можем, — дай бог отступить в полупорядке, выиграть малейший промежуток времени... (Ленин. Политический отчет ЦК 7 марта 1918 г.) Выступление по вопросу о **водворении порядка** в городе. Отсутствие **военного порядка** и связей чувствовалось нами очень остро. (Выступление Ленина на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона 29 октября 1917 г.) Добился введения карточной системы и **твёрдых**

цен в Царицыне. Я принуждён поставить специальных комиссаров, которые уже **вводят порядок**, несмотря на протесты коллегий. Несмотря на неразбериху во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно **навести порядок**. (Сталин. Телеграмма Ленину. Царицын, 7 июня 1918 г.) **Жажда порядка** и дисциплины среди красноармейцев доходит до того, что нередко они сами наказывают своих «непослушных» и малодисциплинированных товарищей. (Сталин. О юге России. «Правда». № 235, 1918 г.) Укрепленные пункты Кронштадта, заколебавшиеся было один момент благодаря измене правых эсеров, были срочно **приведены в порядок** железной рукой Революционного военного совета Балтийского флота. (Ленин. О Петроградском фронте «Правда». 8 июля 1919 г.) Комиссары 42-й дивизии! На поле брани вы умели **поддерживать** среди красноармейцев **образцовый порядок** и дисциплину! (Сталин. Приказ по трудовой армии Украины 7 марта 1920 г.)

Именно в этом значении Сталин употреблял выражение «призвать к порядку», что в 1917 году подразумевало «подчинить воле» партии большевиков, а впоследствии и его личной воле.

...Революционный народ должен **призвать к порядку** Временное правительство, заставив его признать свою волю. (Сталин. Землю — крестьянам. «Правда» № 13. 1917 г.) От сознательности и революционности украинских рабочих и солдат зависит **призвать к порядку** свой Генеральный секретариат или переизбрать его в интересах мирного разрешения опасного конфликта. (Сталин. Ответ товарищам украинцам в тылу и на фронте. «Правда». № 213, 1917 г.) Никто, ни одна организация не попыталась **призвать к порядку** Центроколлегия, которая путалась в ногах у учреждений, вела бесконечные прения о плане эвакуации, но ничего не сделала

для дела эвакуации. (Сталин. Отчёт Комиссии ЦК партии и совета обороны товарищу Ленину о причинах падения Перми в декабре 1918 г.) Он снят, наконец, за то, что прислал в ЦК и ЦКК совершенно неприличное по тону и абсолютно недопустимое по содержанию письмо с угрозой по адресу ЦК и ЦКК **призвать к порядку** «завлававшихся вождей». (Сталин. XIII Конференция РКП(б) 1924 г.) На другой же день после этого Секретариат ЦК **призывает к порядку** редакцию этой газеты в специальном письме за подписью Молотова, Андреева и Сталина. Пленум решает у нас всё, и он **призывает к порядку** своих лидеров, когда они начинают терять равновесие. Если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут **призывать к порядку**, — это необходимо, это нужно. (Сталин. Заключительное слово по политическому отчету ЦК. 1925 г.) И вот, вместо того, чтобы **призвать к порядку** примиренцев, Бухарин предлагает в своём известном письме санкционировать переворот примиренцев... (Сталин. О правом уклоне в ВКП(б). Речь на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 г.)

Подводя итог, следует отметить, что для революционной и впоследствии советской власти «порядок» имел характер свободно установленных правил, которые могут подлежать пересмотру или замене, что соответствует традиционно русскому пониманию концепта. Характерным исключительно для этой власти было понимание «порядка» как дисциплины или подчинения (зачастую воле руководителя или лидера), а также вышедшее на данный момент из употребления значение «порядка» как повестки дня заседания.

Список литературы

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений в 55 т. — М.: Изд-во полит. лит., 1958.
2. Сталин И. В. Полное собрание сочинений в 13 т. — М.: Изд-во полит. лит., 1951.

Н. В. Мамонова (Челябинск, Россия)

ФРАКТАЛЫ В СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ

This article is devoted to the poorly studied issue of linguistic synergetics. The concept of a fractal, the fractal theory are discussed. Special attention is paid to a fractal self-organization of a discourse and its graphical models. In the English folk fairy tale the model of spiral is considered.

Keywords: *lingvosinergetika, fractal, fractal self-organization, the structure of fairy-tale discourse model of the spiral, the English folk tale.*

В последнее время стремительно развивается новая обширная область междисциплинарных исследований, включающая нелинейную динамику, фрактальную геометрию, теорию самоорганизации. Междисциплинарный подход существенно раздвигает рамки научных исследований, позволяя выявлять общие закономерности.

Теория фрактального движения берет свое начало в математических исследованиях. Так, известный математик Бенуа Мандельброт обратил внимание на то, что довольно широко распространенное мнение о том, что размерность является внутренней характеристикой тела, поверхности тела или кривой, неверно [Данилов, Кадомцев]. Ученый предложил использовать в качестве меры «нерегулярности» (изрезанности, извилистости и т. п.) определение размерности, предложенное А. С. Безиковичем и Ф. Хаусдорфом, и ввел термин «фрактал», определяемый как «множество, размерность которого не совпадает с обычной» [Мандельброт 2002: 31]. Лексема «фрактал» происходит от латинского прилагательного *fractus* и переводится, как «состоящий из фрагментов», а соответствующий латинский глагол *frangere* означает «разбивать», то есть создавать неправильные фрагменты [Мандельброт 2002: 18]. Известный норвежский физик Е. Федер фракталом называет «структуру, состоящую из частей, которые в каком-то смысле подобны целому» [Федер 1991: 19].

Теория фракталов долгое время не находила широкого применения, пока не было обнаружено большое число задач, где фрактальная структура и размерность служат основными характеристиками системы.

Рассмотрим основные принципы фрактальности объекта, выделяемые учеными различных направлений (В. В. Тарасенко, Н. Н. Белозерова, Е. Ю. Виктюк):

- самоподобие (в самом простом случае небольшая часть фрактала содержит информацию о всем фрактале);
- динамичность, способность к саморазвитию;
- нерегулярность (фрактальные структуры с увеличением масштаба не становятся более

простыми: на всех уровнях объекта они будут иметь одинаково сложную структуру);

- рекурсивность (процесс повторения чего-либо самоподобным способом);
- дробность, обладающая изоморфизмом.

В языкознании идеи нелинейности стали применять не так давно. Сформировалось направление лингвосинергетика, связанное с процессами самоорганизации в языке как коммуникативной системе. Для этого нового направления «характерно акцентирование внимания на системных идеях, их внедрении в процессы моделирования мысле- и речепорождения» [Гураль 2007: 7]. Так, И. А. Герман, В. А. Пищальникова, Г. Г. Москальчук рассматривают текст как результат синергетического процесса, запечатленного в структуре [Герман, Пищальникова 1999; Москальчук 2003]. Важнейшей составляющей лингвосинергетики является теория фракталов, «закрывающих в себе свернутые модели дискурсивной деятельности» [Дрожжих 2009: 230]. С точки зрения Н. Н. Белозеровой, «фрактал представляет собою модель вечноразвивающейся сущности, основанной на образовании самоподобных структур из каждой точки развития» [Белозерова].

В своей монографии «Структура текста как синергетический процесс» Г. Г. Москальчук подчеркивает, что «коммуникативно-интонационная иерархия отдельных предложений в тексте создает некоторый повторяющийся рисунок (паттерн, конфигурацию)» [Москальчук 2003: 19]. Текст представляется последовательностью предложений (высказываний), упорядоченных человеком в целях передачи какой-то информации. Размер предложения в силу своей неоднородности создает ритмические рисунки текста, статистическое исследование которых выявляет некоторую тенденцию в осуществлении процесса приспособления разнопротяженных предложений и абзацев друг к другу и к целостности [Москальчук 2003].

Н. С. Олизко в своем диссертационном исследовании фрактальной самоорганизации постмодернистского художественного дискурса выделяет ряд графических моделей [Олизко 2009]:

- 1) модель концентрических кругов;
- 2) фрактальная модель спирали;
- 3) модель ризомы;
- 4) модель древа.

Все эти модели отражают ведущие синергетические принципы: «модель концентрических кругов — иерархичность, спираль — неустойчивость, ризома — нелинейность, древо — эмерджентность (при этом все указанные модели характеризуются симметричностью/асимметричностью и открытостью)» [Олизько 2009: 93].

Одним из ярких примеров британского сказочного дискурса является английская народная сказка «The Story of the Three Little Pigs» [Joseph Jacobs 1890]. История о том, как мать отправляет поросят на поиски удачи («to seek their fortune»). Первый поросенок строит свой дом из соломы, а второй — из веток, но волк без труда рушит их жилища и съедает поросят одного за другим. В отличие от своих беспечных братьев третий поросенок обладает завидной предусмотрительностью. Он строит каменный дом, который волк не может разрушить. Но волк не оставляет попыток обмануть и этого поросенка, выманивая его из дома. И всякий раз поросенок превосходит волка в смекалке и хитрости. В конце концов волк попадает в дом через трубу и оказывается в котле с кипящей водой, после чего поросенок съедает волка.

События этой сказки можно разделить на две части. В первой половине этого литературного произведения сюжет раскручивается по спирали в одном направлении (рис. 1).

Рис. 1. Модель спирали

Волк, используя хитрость и коварство, съедает первого поросенка, затем второго и подбирается к третьему. Вторая половина сказки представляет собой развитие событий в обратном направлении.

С тем же коварством волк пытается добиться поставленной цели и съест третьего поросенка, однако его постигает неудача, поскольку он сталкивается с более хитрым поросенком.

Таким образом, волк сам попадает в котел к поросенку. Развитие сюжета повторяется, но при этом на каждом следующем витке происходят качественные изменения. Необходимо отметить, что каждый последующий эпизод не тождественен предыдущему, а самоподобен ему. Взаимоотношения между волком и поросятами характеризуется повторением фраз:

«Little pig, little pig, let me come in».

«No, no, not by the hair on my chinny chin chin».

«Then I'll huff, and I'll puff, and I'll blow your house in».

Эти фразы и придают сказочному произведению фрактальность при воспроизведении на каждом витке и характеризуются самоподобием и изоморфизмом. То, что текст состоит из нескольких эпизодов, ясно по определению. Каждый виток начинается, развивается и заканчивается, возвращаясь в исходную точку, но каждый раз на другом уровне. Например, первый поросенок строит соломенный дом, второй — чуть прочнее, из веток, а третий поросенок оказывается мудрее своих братьев, он строит каменный, прочный и безопасный дом. В основе этих качественных изменений лежат, прежде всего, неустойчивость и динамичность, ведущие, в конечном счете, к саморазвитию сюжета.

Простота череды витков в этой сказке не должна служить основанием для отказа им во фрактальной сущности. Фракталы Мандельброта задаются достаточно простыми алгоритмами, и это также одна из особенностей фракталов — простая задача имеет необычайно сложные решения.

Завершая выше изложенное, можно заметить, что теория фракталов действует в полной мере по отношению к текстовым структурам. Эта теория применима к сказочному дискурсу и может рассматриваться как одно из основополагающих звеньев построения структуры художественного произведения.

Список литературы

1. Белозерова Н. Н. Стихотворения О. Мандельштама о Петербурге с точки зрения категорий линейности, гипертекстуальности, интертекстуальности, метафоризации и фрактальности. Режим доступа: <http://frgf.utmn.ru/last/No19/text13.htm>
2. Виктюк Е. Ю. Применение теории фракталов в архитектуре. Режим доступа: <http://www.icp-ua.com/ru/fractal-theory>

3. Герман И. А., Пищальникова В. А. Введение в лингвосинергетику. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. — 130 с.

4. Данилов Ю. А., Кадомцев Б. Б. Что такое синергетика? Режим доступа: http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_227.htm

5. Мандельброт Б. Фрактальная геометрия природы / пер. с англ. А. Р. Логунова — М.: Ин-т компьютер. исслед., 2002. — 656 с.

6. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 296 с.

7. Олизько Н. С. Синергетические принципы организации художественного дискурса пост-

модернизма // Вестник ЧелГУ. — 2009. — № 10 (148). — С. 84—87.

8. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. — Челябинск, 2009. — 343 с.

9. Тарасенко В. В. Метафизика фрактала. Режим доступа: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000254/index.shtml>

10. Федер Е. Фракталы / пер. с англ. Ю. А. Данилова, А. Шукурова — М.: Мир, 1991. — 254 с.

11. Joseph Jacobs, English Fairy Tales. London: David Nutt, 1890. No. 14. P. 68—72.

Н. В. Монгилева (Костанай, Казахстан)

ГЛАГОЛ «ТУПИТЬ» КАК ВЕРБАЛИЗАЦИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНЦЕПТА «ЗНАНИЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА МОЛОДЁЖИ

The description of the metaphorical model consisting of some verbs of youth slang is given in the article. The model reflects the features of the "knowledge" concept. According to the results of the association experiment the row of linguistic units reflecting the process of cognition is defined. The analysis of reactions allows to determine the initial and new conceptual fields, to identify typical scenarios for the given model. During the research the semantic component of the meaning, that serves as the basis for the model construction is identified. The reasons for the metaphorical model's existence are concluded.

Keywords: *metaphorical model, frame, language worldview, slang.*

Концептуализация как процесс структурирования знаний направлена на выделение минимальных единиц человеческого опыта, которые подводят базу для соотнесения единиц с той или иной категорией. Результатом процесса концептуализации является образование или выделение концептуальных структур и отдельных концептов [Король 2003: 37]. Таким образом, описание концептов или процессов концептуализации становится способом изучения системы мнений, отражающей познавательный опыт человека.

Как правило, единицы молодежного сленга — это слова, порой нейтральные, но метафорически переосмысленные и получившие в процессе переосмысления ту или иную коннотацию. А если жаргонизм входит в речь больших масс, это значит, что данная метафора востребована и в ней имеется тот компонент значения, который отражает познавательный опыт многих участников общения.

Методика описания метафорических моделей направлена на установление понятийной сферы — источника метафоризации, новой понятийной сферы и определение компонента значения,

который дает основание для метафорического сближения двух ментальных сфер. По словам А. П. Чудинова, одной из главных задач подобных исследований является ответ на вопрос, почему понятийная структура сферы источника оказывается подходящей для обозначения элементов совсем другой сферы [Чудинов 2001].

Объектом данного исследования явилось метафорическое употребление единицы «тупить» в речи молодёжи. Практика показывает, что слово крайне популярно и стало уже привычной метафорой, передавая значение «долго думать», приобрело целый ряд синонимов (например, «тормозить»), некоторые из них уже звучат в СМИ («Не тормози — сникерсни»). Предметом исследования стали компоненты значения глагола «тупить», ставшие основанием их метафорического употребления.

Материалом исследования послужили данные ряда ассоциативных экспериментов, проведенных среди студентов-филологов, высказывания-рассуждения о слове «тупить» на сайте «Любовь и ненависть» (lovehate.ru).

Значение глагола «тупить», данное в словарях С. И. Ожегова [Ожегов 1989] и Д. Н. Ушакова

[Ушаков 2011], — делать тупым, т. е. неострым; речь идет о предмете, в пример приводятся нож или топор («не тупи топор»). Современный толковый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [Ефремова 2011] наряду с основным дает переносное значение — «приводить в состояние отупения, превращать в умственно или чувственно невосприимчивого (о человеке)».

Исходной гипотезой исследования стало предположение о том, что современное употребление глагола «тупить» связано с его использованием для качественной характеристики процесса понимания.

Для определения значения этого слова в составе молодежного сленга был проведен эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагалось ответить на вопросы анкеты:

- 1) тупить — это значит...
- 2) я говорю о человеке «он тупой», если он...

3) «что-то я туплю», «че ты тупишь?» — скажите по-другому ...

В разработанной для ассоциативного эксперимента анкете 1-й и 2-й вопрос имели целью выяснить значение глагола «тупить», 3-й вопрос — определить его синонимы; в вопросе процитированы популярные в молодежной речи выражения.

В эксперименте участвовали 63 человека в возрасте 19—20 лет (студенты 1—2-го курсов отделения иностранной филологии КГУ). При проведении эксперимента не ограничивалось количество реакций, форма ответа предлагалась свободная. В результате было получено 236 реакций. Надо отметить, что ответы на первые два вопроса были достаточно краткими, тогда как третий вопрос вызвал большее количество реакций (76% общего количества ответов).

Таблица 1

Сводная таблица реакций

Тупить	Тормозить (25), не думать (13), ничего не делать (16), тупить значит тупить (9)
Он тупой	Тормоз (18), он не въехал (13), он какой-то тугой (10), она трудная (9), она тяжелая (10), он виснет (8), не втыкает (5)
Что-то я туплю	Что-то сегодня торможу. Я не тормоз, я подождите. Подожди, я еще не переварил. Погоди, перерабатываю. Это далеко от меня. Не врубаюсь что-то. Догнать не могу. Я не вдупляюсь (не одупляюсь). В шары долблюсь. Застрелись! Не могу дотяпать. Не докатило. Не могу понять, где вы, а где я. Я не допетриваю. Вруби внутренний попутный ветер! И приедешь...
Че ты тупишь?	Не тупи, чё, не врубаешься? До тебя что, не доходит? Ты вкуриваешь? Ты допер? Поймала? Ты вообще улавливаешь? Что, так тяжело поймать волну? Не грузись. Ты не схватываешь? Никогда не допрыгнешь? Ну что, приехал? Дотюкал? Ты чё, плохо? Ты чё, не догоняешь? Всасываешь? Ну ты и тормозила. Не парься. Что, прожевываешь? Соображай резче

Анализ реакций на первый вопрос обнаруживает следующие семы-компоненты значения глагола «тупить»: 1) медленно думать (выражено другим сленговым словом «тормозить»); 2) не думать; 3) отсутствие какой-либо деятельности. При этом первая реакция была самая многочисленная, а третья встречается в единичных случаях. Во втором и третьем вопросах предполагалось с помощью синонимов разъяснить значение тупить. Анализ показывает, что глагол «тупить» квалифицирует в молодежном сленге характер протекания интеллектуальной деятельности. При этом сема «думать медленно» является ядерной в составе значения глагола.

Тупить — сглаживать острое лезвие, делать его неострым, неспособным разрезать какую-либо поверхность. Сема «неспособность разрезать» получает смысловое развитие как «неспособность проникнуть внутрь» и становится ведущей при формировании многозначности.

Так формируются другие синонимы глагола «тупить», указанные в списке реакций «не втыкает», «не врубаюсь», «не вдупляюсь», «долблюсь», «не могу дотяпать». В синонимах компонент значения «невозможность проникнуть внутрь» становится более акцентированным.

Реакция «тормозить» на глагол «тупить» была не только самой частотной, но и мгновенной. Этот глагол можно определить как ближайший синоним «тупить». По данным словаря Д. Н. Ушакова, переносное его значение — «задерживать, замедлять движение чего-нибудь, быть тормозом для чего-то». Данный глагол в молодежном сленге выступает в значении «замедлять, останавливать процессы мыслительной деятельности». Сближение двух тематических сфер — мыслительная деятельность и движение автомобиля — порождает семы «невозможность достичь цели из-за медленной скорости», которая повторяется в синонимическом ряде «не догоняешь»,

«не докатило», «допер», «не доехал», «я подождите», «не допрыгнешь» и т. д.

Далее в анализе реакций можно обобщить выражения, в которых «проникнуть внутрь» выступает как результат интеллектуальной деятельности — «всасываешь», «вкуриваешь», а также выражения, в которых ведущим компонентом выступает «думать быстро» — «схватываешь, улавливаешь, поймать».

Таким образом, в анализируемых реакциях выделяются следующие компоненты значения, характеризующие интеллектуальную деятельность, «невозможность проникнуть внутрь» и «невозможность достичь из-за медленной скорости». Можно констатировать образование регулярной многозначности, в терминологии Д. Н. Шмелева [Шмелев 1973], на основе компонента «быстро преодолеть препятствие для входа внутрь» (вникнуть, врубиться и т. д.). Соответственно, думать, с точки зрения молодого поколения, — это «проникнуть внутрь», и «быстро». А если не удастся «быстро», то возникает состояние «тупления».

Для разъяснения коннотации «тупить» (положительно оценивается такой способ понимания или нет), были рассмотрены сообщения, оставленные на сайте «Любовь и ненависть», которые можно определить как реакцию в форме свободного рассуждения на глагол-стимул. Все сообщения на сайте распределены в две колонки: кому нравится и кому не нравится то или иное слово, действие, явление и т. д. Методом сплошной выборки фиксировались контекст глагола «тупить» и его дистрибуция в письменном тексте. Всего на сайте было оставлено 49 сообщений, из них 9 касались синонима «тормозить».

Тем, кому нравится это слово (30 сообщений), пишут, что «тупить» — это «милое занятие», когда «отключаешь на фиг голову», потому что «невозможно же вечно быть серьезным», это когда «не надо ничего выдумывать умного». Тупить — «идеально, когда нечем заняться»; «когда я туплю, значит, мне лень», «иногда просто хочется побыть дурочкой, чтоб отстали от тебя и не воспринимали слишком серьезно», «скажешь тупость — и на душе легче и веселее» и т. д.

Получается, что коннотация этого глагола положительна, когда означает намеренный отказ от какой-либо интеллектуальной деятельности в ситуации, не требующей ответственных решений. Удовольствие от процесса «тупняка» возрастает от того, что человек осознает, до какой степени сейчас думать не надо. При этом посетители сайта подчеркивают, что в другой ситуации они будут и думать и принимать решения.

Сообщения тех, кому не нравится тупить (19), примерно сводятся к следующему: «ненавижу делать это публично», «это больно», «скот безмозглый», «просто тупо просидела, ни о чем не думая», «это глупо». В некоторых сообщениях авторы, разъясняя его значение, приводят синонимы глагола «сгруппил», «дурака сваял», «сыдиотничал».

В данном случае коннотация глагола отрицательна, но не потому, что болезненно неумение соображать, а потому, что это плохо, неудобно, болезненно от того, что не можешь сообразить, стыдно перед окружающими.

Анализ сообщений показывает, что, по мнению молодежи, «тупить» — это временное явление, после которого можно приступить к «думанию», а думать — это процесс, вызывающий усталость, соответствующий лишь серьезным людям. Думать — работать, тупить — отдыхать, но если это заметят окружающие, тупому человеку больно и стыдно. То есть молодому поколению, судя по языковым единицам, и соображать лень, и быть глупым не хочется.

Метафорические единицы молодежного сленга, а рассматриваемые примеры есть метафоры, так как выступают в переносных значениях, показательны в плане соотношения ментальных пространств (понятийных сфер), к которым относятся прямое и метафорическое значения слова. Вслед за Дж. Лакоффом А. П. Чудинов утверждает, что метафора — это не образное средство, связывающее два значения слова, а основная ментальная операция, которая объединяет две понятийные сферы и создает возможность использовать потенции структурирования сферы-источника при концептуализации новой сферы [Чудинов 2001]. Дж. Лакофф в своей знаменитой работе представил метафору как проявление аналоговых возможностей человеческого мышления [Лакофф 1990]. Метафоры заложены уже в самой понятийной системе мышления человека, это особого рода схемы, по которым человек думает и действует. Поэтому проведенный анализ показывает стереотипные представления молодежи о способе решения интеллектуальных задач, своеобразный подход к трудным решениям. Глаголы «тупить» и «тормозить» характеризуют понятийную сферу «знание, информация» в молодежной картине мира, акцентируя отказ от мыслительных усилий.

Структурировав практический материал, можно вывести следующую метафорическую модель: знание — это закрытое пространство (преграда) с крепкими стенами, постоянно перемещающееся

вперед от того, кто хочет его достигнуть. Данная метафорическая модель реализуется в глаголах: 1) проникновения внутрь посредством разрушения преграды и 2) перемещение вслед за чем-то. Для описания метафорической модели была использована схема А. П. Чудинова, при помощи которой он исследовал особенности современной политической речи [Чудинов 2001]. В описании признаков им определяется исходная понятийная область, область сопоставления (новая), типовые для данной модели сценарии, фреймы, слоты.

Итак, метафорический образ разворачивается по следующим признакам.

Исходной понятийной областью модели становится ситуация, когда надо что-то обдумать, или, в нашей терминологии, ситуация непонимания «я не понимаю сути», «я не могу понять сути», «я задумался над этим вопросом», «я хочу понять истину».

Новой понятийной областью — замедление движения транспортного средства «торможу», сглаживание острой поверхности у лезвия «туплю».

Типовые для данной модели сценарии, которые отражают наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций:

- а) понимать надо быстро, мгновенно, схватывать, улавливать («не можешь поймать?»);
- б) понимание — это проникновение внутрь («вкурить, всосать, въехать»);
- в) долго думать — показывать свою глупость («он тормоз»).

Данная модель реализуется во фреймах, которые понимаются как фрагмент наивной языковой картины мира и структурируют соответствующую понятийную область (концептуальную сферу). Фрейм — это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия и содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия [Кубрякова 1996]. Фрейм конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что — нет. Особенно важно это по отношению к определенным эпизодам социального взаимодействия, потому что фрейм организует и обыденное поведение (скажем, когда мы платим за дорогу или покупаем билет привычным для нас образом) [Dijk 1981, цит. по: Кубрякова 1996].

Фрейм «понимание» в молодежной культуре представляется следующим образом. «Истина», «суть» — это пространство за твердой преградой. Понимание сути — это преодоление преграды грубой механической силой («врубиться, втыкнуться, дотюкаться»), либо за счет инерционной силы («допрыгнуть, въехать, догнать»).

В каждом фрейме есть типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации. Во фрейме «понимание сути» конкретизирующим является слот «деревянный», истина окружена деревянной преградой. Это доказывает и наличие («ну ты дерево»), и ряд глаголов, означающих работу с деревянным материалом («врубиться, втыкнуться, дотюкаться»).

По словам Кубряковой, в процессе мышления человек оперирует единицами, отражающими содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира, эти единицы представлены в виде неких *квантов знания, или концептов* [Кубрякова 1996: 90]. Выделенная в данном исследовании метафорическая модель характеризует концепт «знание».

Особенность концепта «знание» в молодежной картине мира, которая привлекла наше внимание, — в том, что фрейм «думать, анализировать, искать ответ на вопрос, обдумывать решение проблемы» имеет ярко выраженную отрицательную коннотацию. Задуматься — это «грузиться», «пережевывать», «зависнуть». Человек, который не понимает, вызывает отрицательную реакцию, обвиняется в глупости. Ситуация непонимания приравнивается к смешной, невыгодной ситуации, попасть в которую стыдно, неловко, связано с переживанием.

Наличие в нашей модели сценария «понять надо сразу, мгновенно» обнаруживает негативное отношение к продолжительным мысленным усилиям. В молодежном сленге нет положительной коннотации в выражениях, означающей размышление. То есть компонента «думать», «анализировать», с точки зрения молодежного сленга, и не должно существовать. Понимание сути либо есть, либо его нет, «либо врубился, либо не догоняешь». Получается, что в языковой картине мира «знание» перестало отличаться от «информации». Именно факты можно знать или нет, знание — это результат процессов сопоставления, анализа, синтеза, и как результат — понимание. А именно эти процессы воспринимаются как «тупить», «тормозить» и не «догонять». Молодежный сленг обнаруживает образование метафорических переносов на основе смыслового компонента «отсутствие процесса размышления, анализа». У молодых людей нет сценария анализировать и перерабатывать информацию, мыслительный процесс их утомляет. Даже то обстоятельство, что быть глупым стыдно, объясняется следующим: я специально сделал глупость, чтобы посмеяться, не надо так серьезно относиться к проблеме, а когда надо будет, подумаю.

Можно по-разному относиться к данным выводам, но прагматический потенциал этой модели огромен. Объективная причина образования этой модели в том, что обилие информации, которая окружает современного человека, делает невозможным переработать и осознать весь предлагаемый материал. Исследуя тот или иной вопрос, мы все чаще ищем уже готовый анализ проблемы, чужое сопоставление, уже сделанные выводы. Обилие информации и скорость решения вопросов выдвигают новые требования к человеку, когда важно не знать, а быстро найти необходимую информацию.

Список литературы

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный (онлайн версия). — Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Efremova-term-110475.htm>.
2. Король Е. В. Морфема как элемент концептуальной структуры // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах. Материалы II междунар. науч. конф. — Челябинск, 2003.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: МГУ, 1997. — 245 с.
4. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 1990. — С. 387—415.
5. Любовь и ненависть. — Режим доступа: <http://www.lovehate.ru/opinions/6816/>
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. — 20-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1989. — 750 с.
7. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. — Режим доступа <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Ushakov-term-76914.htm>
8. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): монография. — Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001 — 238 с.
9. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. — М., 1973. — 107 с.

Н. Л. Мышкина (Пермь, Россия)

ВОЗМОЖНЫЙ МИР КАК ЕДИНИЦА АНАЛИЗА ГЛОБАЛЬНОГО СЕМИОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

The paper considers the problems of analyzing the synergetic relations, emerging in a semiotic system between the literary work and its screen versions.

Keywords: *possible world, semiotic space, original text, secondary neotext, synergetic interaction.*

Возможный мир может выступать как единица анализа семиотического пространства. Опыт применения категории возможного мира в такой функции представлен в работах последних лет [Мышкина 1991; 2011], что не исключает, однако, разной трактовки категории вследствие реализации разных подходов к её исследованию. Но если рассматривать возможный мир в соответствии с современной тенденцией, как интегрально-общее понятие [Система. Симметрия. Гармония 1998], то противоречия между взглядами учёных будут сняты; данная категория предстаёт как многоуровневая система смыслов, в которой один из уровней формируется модальными оппозициями возможного — действительного, возможного — необходимого [Новикова 2010], а второй уровень — противопоставлениями персонифер как возможных миров, на пересечении которых формируется актуально-действительный мир [Мышкина 1991].

Противопоставления и согласования персонифер как компонентов системы являются системоорганизующим фактором в тексте и способствуют текстовому саморазвитию [Мышкина 1991; 1999]. Аналогичную роль персониферы выполняют, по нашим данным, в глобальных семиотических пространствах, к которым мы относим, например, системы, формируемые тем или иным литературным произведением во взаимосвязи с его экранизациями, с написанными по нему сценариями, с поставленными по нему спектаклями, а также с критическими и научными работами. Глобальные семиотические пространства возникают вследствие транспонирования смыслов одной знаковой системы в другую знаковую систему. Для текстов, которые возникают вследствие такого семиотического транспонирования, характерна множественность смыслов. К транспонированным текстам мы относим, например, фильмы, спектакли, медиатексты,

созданные по литературным произведениям. Как известно, их часто называют креолизованными текстами. Их исследование может проводиться, в частности, в рамках разработанной нами контрадиктно-синергетической парадигмы [Мышкина 1999; 2011].

Для контрадиктно-синергетического изучения наибольший интерес представляют глобальные семиотические пространства, включающие в себя фильмы и спектакли, которые трактуются как оригинальные, созданные по мотивам литературного произведения. Литературное произведение, которое выступает стимулом творческой деятельности художника, назовём первотекстом, а оригинальные фильмы и спектакли — вторичными неотекстами (или, сокращённо, неотекстами). Первотекст представляет собой исходное состояние глобального семиотического пространства (глобальной открытой системы), а неотексты — это вторичные состояния, возникающие вследствие семиотических преобразований первотекста, осуществляемых творческим коллективом под руководством режиссёра в ходе работы над неотекстом.

Особенность неотекстов указанного типа состоит, на наш взгляд, в том, что они не подпадают ни под дефиницию межсемиотического (интерсемиотического) перевода, определяемого О. С. Ахмановой как передача информации, выраженной вербальными средствами, при помощи невербальных знаковых систем [Ахманова 1966: 312], ни под определение межсемиотического перевода (трансмутации) Р. Якобсона как интерпретации вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [Якобсон 1978: 16]. Ведь часть вербальной информации первотекста переносится в неотекст в нетрансформированном вербальном или в трансформированном аудиовербальном виде, другая часть передаётся средствами иных семиотических систем (музыкальным и видео-рядом), третья часть существенной информации, содержащаяся в первотексте, элиминируется как несоответствующая замыслу творца неотекста, а четвёртая добавляется в него, даже если не согласуется с первотекстом, но отражает мировидение режиссёра и его творческого коллектива. Мы полагаем, что в таких случаях речь должна идти, во-первых, о синергичном семиотическом транспонировании первотекста в неотекст и, во-вторых, о многостороннем синергичном проецировании компонентов глобальной семиотической системы друг в друга, в котором участвуют не только первотекст и креолизованные неотексты, но также критические и исследовательские работы, внося свой вклад в саморазвитие и самоорганизацию

глобального семиотического пространства. Таким образом, вокруг первотекста формируется глобальная открытая система, элементами которой являются: а) сам первотекст, б) его креолизованные интерпретации — вторичные неотексты, в) критические статьи и отзывы на первотексты и неотексты, г) статьи, интервью и исследования, посвящённые творческим личностям — авторам первотекстов и неотекстов (режиссёрам-постановщикам и сценаристам, критикам, учёным и другим участникам творческого процесса) с их мировидением, мироотношением и мировоззрением, д) семиотические тексты этих творческих личностей как языковые объективации их личностных свойств, их семиотического сознания (их персоносферы). В совокупности они образуют в своём взаимодействии самоорганизующуюся и саморазвивающуюся систему. Её мы называем синергетической системой, т. е. системой, в которой значимы нелинейные процессы, влияющие на её самоорганизацию.

Исходя из сказанного, подчеркнём, что семиотические интерпретации первотекстов (литературно-художественных произведений) режиссёрами-постановщиками обычно оцениваются адресатами как оригинальные произведения, созданные по мотивам или на основе первотекстов. Мы трактуем их, тем не менее, как вторичные, поскольку они восходят к первотекстам, хотя и отличаются от последних вследствие присущей режиссёрам оригинальности взгляда на отображаемую ситуацию, общую с первотекстом. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить «Шинель» Н. В. Гоголя с одноимёнными фильмами 1926, 1960 годов и постановкой «Шинели», показанной в 2012 году по телеканалу «Культура». Нельзя также не упомянуть, что степень адекватности креолизованных интерпретаций (особенно экранизаций и постановок) первотексту и правомерность таких интерпретаций вызывает бурные дискуссии. Но, по нашему мнению, глобальное семиотическое пространство первотекста способно их переработать и включить в единое культурное пространство, поскольку взаимодействие его составляющих в силу процессов самоорганизации и саморазвития даёт, во-первых, синергетический эффект возникновения новой смысловой сущности, во-вторых, устанавливает «связь времён», обеспечивая благодаря новым семиотическим интерпретациям актуальность первотекстов для адресата нового времени, в-третьих, вскрывает новые пласты смысла литературного первотекста. К ярким реализациям глобальных семиотических пространств можно, несомненно, отнести пространства вокруг

таких литературных произведений, как «Шинель» Н. В. Гоголя, «Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла и др.

Как явствует из этих рассуждений, при изучении глобального семиотического пространства как синергетической системы подлежит разрешению проблема методики анализа первотекста и его транспонированных состояний, которая позволила бы выявить сходства и различия персонификации авторов для каждого из состояний. Контрадиктно-синергетический подход [Мышкина 1999] и динамико-системный метод исследования самодвижения смысла в тексте [Мышкина 1991] обеспечивают решение задач сопоставительного анализа и интерпретации первотекста и неотекстов.

Как мы уже отмечали в более ранних работах [Мышкина 1991; 1999; 2011], для саморазвития системы наиболее важными являются процессы функторизации (процессы обретения множественности смыслов и креации новых смыслов на разных уровнях семиотической системы), планетаризации (процессы формирования возможных миров в силу притяжения смыслов к центру той или иной персонификации), симметризации-асимметризации (процессы саморазвития системы, заключающиеся в сохранении элементов симметрии как фактора стабильности и в появлении элементов асимметрии как фактора развития системы). При контрадиктно-синергетическом подходе значим учёт не только синергии (слияния энергий) элементов системы в их взаимодействии, но и контрадикций (противоречий в самом широком смысле) как асимметричных свойств, присущих семиотическим системам во всех их планах и измерениях, на всех их уровнях. Для их выявления используется разработанная нами ранее контрадиктно-синергетическая методика анализа и интерпретации синергетических процессов в исследуемых системах.

Что касается анализа глобальной семиотической системы, то его первый этап должен быть направлен на установление схожих и различающихся вербальных фрагментов первотекста в его соотношении с неотекстами. На втором этапе анализа используется контрадиктно-синергетическая методика интерпретации смысла, при этом внимание концентрируется на функциях схожих и различающихся вербальных фрагментов в процессах самоорганизации и саморазвития смысла. На третьем этапе анализу подвергаются музыкальный и видеоряд неотекста в соотношении с вербальным рядом первотекста, что позволяет оценить функции музыкального и видеокomпонента как в глобальной семиотической

системе, так и в неотексте. На четвёртом этапе осуществляется изучение синергетического эффекта в первотексте и неотексте, воплощённого в скрытой реализации гиперсмысла как формулы бытия, родового экзистенциального смысла и основных идей. Пятый этап заключается в сопоставлении гиперсмыслов первотекста и неотекста, завершающемся интерпретацией сходств и различий в мировоззрении и мировидении авторов сопоставляемых текстов. Шестой этап является прогностическим. Он предполагает оценку, к какому эффекту может привести взаимодействие первотекста и неотекста в глобальном семиотическом пространстве.

Линейное интерсемиотическое транспонирование имеет место в случаях, когда наблюдается вербальный перенос языковых единиц из первотекста в неотекст в неизменённом виде или в трансформированном виде, т. е. в звуковой форме (в аудиоряде). Такие единицы обеспечивают связь первотекста с неотекстами и тем самым гарантируют стабильность глобальной семиотической системы, формирующейся вокруг первотекста. Вследствие интерсемиотического переноса получают презентацию в видеоряде предметные ситуации. Смысловые трансформации (добавленные или элиминированные элементы смысла) подлежат интерпретации в терминах симметрии-асимметрии, ибо, как уже отмечалось, асимметричные элементы — это источник развития. Так, если сопоставить первотексты Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье» с неотекстом (фильмом режиссёра Тима Бёртона 2010 года), то в неотексте можно выделить транспонированные вербальные аудиосредства, транспонированные предметные ситуации, выраженные как вербальными аудиосредствами, так и средствами других знаковых систем, что и обеспечивает объединение первотекста и неотекстов в глобальное семиотическое пространство — глобальную синергетическую систему. Оригинальность неотекста обнаруживается в смысловых трансформациях. Нелинейные процессы в глобальной семиотической системе возникают вследствие вторжения языковых структур разных знаковых систем в транспонированные неотексты. Их интеграция в систему есть следствие творческой деятельности авторов фильма. Асимметричные элементы обнаруживаются во всех планах и измерениях системы «первотекст — неотекст». Эти изменения касаются даже предметного плана. Так, например, Алисе Кэрролла семь лет, а Алисе Бёртона — девятнадцать.

Контрадиктно-синергетический подход предполагает многоуровневый анализ и интерпретацию системы «первотекст — неотекст». Этот подход обладает достаточной эвристической силой, чтобы выявить смысловые изменения, происходящие в глобальной семиотической системе при появлении неотекстов.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Совет. энцикл., 1966. — 607 с.
2. Мышкина Н. Л. Динамико-системное исследование смысла текста. — Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. — 212 с.
3. Мышкина Н. Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход: дис. ... д-ра филол. наук. — Пермь, 1999. — 428 с.
4. Мышкина Н. Л. Концептуально-терминологическая специфика контрадиктно-синергетической лингвистики // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. Филология. Искусствоведение. — 2011. — Вып. 57. № 24.
5. Новикова А. В. Лингвистический анализ реализации возможных миров в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2010.
6. Система. Симметрия. Гармония / под ред. В. С. Тюхтина, Ю. А. Урманцева. — М.: Мысль, 1988. — 318 с.
7. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М.: Междунар. отношения, 1978. — С. 16—24.

Л. А. Нефедова (Челябинск, Россия)

ФРЕЙМОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ИМПЛИЦИТНОСТИ¹

The paper studies the issues of presentation of implicitly expressed information by means of frames. It is being proved that interrelated frames (having common terminal) form frame systems with special inter-frame relations in the shape of a net, consisting of bundles (top and base terminals or simply terminals) and connections between them. In this regard the category of implicitness can be presented in the form of a structured model, which has a special hierarchically organized scheme of presentation in the plane of expression and perception.

Keywords: *implicitness, cognition, frames, top terminals, base terminals, intra-frame connesctions, subframes.*

Структуры знаний, называемые фреймами, то есть пакеты информации, которые хранятся в памяти, выполняют значимую роль в функционировании языка. Они помогают устанавливать связность текста, смысловое развертывание речи, восполнять недостающие семантические лакуны, то есть адекватно воспринимать латентную информацию. В отличие от ассоциативных связей внутрифреймовые связи передают существенное, типичное для данного понятия, а также содержат данные, необходимые для восстановления какой-то скрытой характеристики рассматриваемой понятийной структуры [Минский 1979: 1988]. Взаимосвязанные фреймы (имеющие общие терминалы) образуют фреймовые системы со свойственными им межфреймовыми отношениями, «существующие в памяти как результат того, что разные фреймы включают один и тот же языковой материал», а их метасловия сходны, «определяются одним и тем же репертуаром сущностей, отношений или субстанций...» [Fillmore, цит. по: Краткий словарь... 1996: 187].

Как пишет М. Минский, «верхние уровни» фрейма четко определены, так как образованы такими понятиями, которые справедливы по отношению к предполагаемой ситуации, а на более низких уровнях имеется много особых вершин-терминалов, или «ячеек», которые должны быть заполнены характерными примерами или данными [Минский 1979: 7].

Используя разработанное М. Минским графическое представление фрейма в виде сети, состоящей из узлов (вершинного и базового терминалов и просто терминалов) и связей между ними, можно представить категорию имплицитности в виде структурированной модели, имеющей особую иерархически организованную схему представления в плане выражения и восприятия. Вершинный терминал — не выраженная эксплицитно информация, а базовые терминалы — маркеры, позволяющие это содержание воспринять. Вокруг них концентрируется содержательная информация, детализирующая основные положения. Исходя из представления процесса понимания как «последовательности пар фреймов с мно-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045.

жеством объектов, приписываемых их терминалам» [Минский 1979: 14], восприятие имплицитного содержания можно представить как поиск и обнаружение сходных фреймов, идентифицируемых как сходные в силу того, что их терминалы присоединяют объекты одних и тех же видов. Терминалы фреймов в обычном своем состоянии заполнены так называемыми «заданиями отсутствия», то есть сведениями, которые не обязательно должны быть представлены эксплицитно в какой-либо конкретной ситуации [Минский 1979: 8]. Неверная подмена фреймов ведет к непониманию или неадекватной интерпретации языкового материала.

Базовым комплексом для создания когнитивной модели имплицитности, на наш взгляд, должна служить информационно-смысловая структура текста, в которой можно рассмотреть распределение и перераспределение когнитивной нагрузки. Очень часто восприятие имплицитной информации происходит за счет перераспределения когнитивной нагрузки в сценах соответствующих фреймов и мотивируется избирательностью языка к признакам внеязыковой действительности. Типичными смысловыми трансформациями, свойственными этому виду, являются описательные, уточняющие, аргументирующие трансформации. И это становится возможным вследствие того, что когнитивный контекст является моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим хотя бы для части говорящего сообщества.

А. Г. Баранов предложил схему информационно-когнитивной системы, позволяющую представить когнитивную картину мира индивида, соотносимую с двумя классами феноменов отражения действительности — блоком семантических и блоком мыслительных структур.

Когнитивное ядро — это как бы «алфавит» когнитивной деятельности человека, включающий в себя концепты и их связи, а когнитивные модели являются инвариантами познавательной деятельности и отражают стереотипные ситуации, обобщающие субъективный опыт индивида. Именно здесь происходит переход от мыслительных структур к семантическим и дальше через этап внутренней речи — к вербальному выражению информации в тексте в процессе порождения, а в обратном порядке — в процессе понимания [Баранов 1993: 16]. Именно определение сети концептуальных единиц, обозначающих классы объектов, связи, процессы, стратегии деятельности, позволит выделить то инвариантное начало, которое лежит в основе когнитивного подхода к выявлению имплицитности в коммуникации.

Изучение категории имплицитности с применением фреймового подхода (ее представление в виде структурированной модели, в основе которой лежит соотношение различных видов информации) позволяет учитывать разные типы проявления имплицитности в зависимости от порядка следования ее основных строевых элементов (терминалов). Говоря о градации степеней имплицитности, ее можно разграничить на низкую, среднюю и высокую. На самом деле, в одних случаях раскрытие неявно выраженной информации не составляет особого труда, в других же случаях требуется тщательный анализ всех факторов, способствующих адекватному восприятию имплицитного содержания. Исследование конкретного языкового материала позволяет сделать вывод о разной степени представления имплицитного содержания, что и находит преломление в виде разных моделей фреймов.

В связи с разработкой когнитивного моделирования текста В. Кинч и Т. А. ван Дейк исследуют вопросы, связанные с использованием внутренней когнитивной информации, к которой они относят убеждения, мнения, установки и мотивацию [Дейк ван, Кинч 1988: 158]. Такого рода когнитивная информация рассматривается «в качестве когнитивных предпосылок» конструирования ментальных презентаций.

По мнению И. И. Халеевой, фреймовые данные в структуре когнитивного сознания представляют собой «относительно обобщенную структуру прошлого опыта, с помощью которой сознание прогнозирует изменение состояния объектов внешнего мира, развитие и содержание событий, их взаимосвязь» [Халеева 1995: 284].

М. Минский поясняет, что «теория фреймов» была разработана с целью объяснить скорость человеческого восприятия и мышления, а также фактическое отсутствие поддающихся наблюдению ментальных явлений, сопровождающих эти процессы» [Минский 1988: 289]. С каждым фреймом связана информация разных видов: «одна, относящаяся к использованию данного фрейма; другая, предупреждающая о том, что следует предпринять, если эти ожидания не подтвердятся» [Минский 1988: 289].

Фреймы содержат особую информацию для восстановления информации по умолчанию, то есть скрытые субфреймы [Минский 1988: 290].

Как «единица знаний, организованная вокруг некоего понятия» и «содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятии», фрейм «обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что

в данной культуре характерно и типично» [Краткий словарь... 1996: 188]. В связи с этим следует подчеркнуть, что выделяются два вида фреймов: ситуационные и классификационные. Ситуационные фреймы отражают знания мира неязыкового, событийного характера, в отличие от них классификационные фреймы могут передавать концептуальную информацию, непосредственно связанную с классифицирующей функцией нашего сознания, которое находит свое отражение в языке. Основным свойством данного фрейма является то, что он представляет собой определенную структуру языкового знания, модель познания окружающего мира с помощью языка [Болдырев 2000: 65]. Нам представляется интересным применить понятие классификационного вида фрейма к изучению имплицитности, так как именно его свойство — познание окружающего мира с помощью языка — является существенным для объяснения многих процессов, протекающих в рамках имплицитивной коммуникации.

Когнитивный подход к изучению языка позволяет рассмотреть модели организации памяти, способы представления знаний на его различных уровнях. Языковые единицы проецируются на определенные пласты знания. В языковых сегментах могут быть представлены знания о концептах жизнедеятельности человека, событиях и их последовательности, классах ситуаций, объектах и их признаках и так далее. Структуры значений этих единиц реализуют структуры передачи знаний способом сетевого представления, то есть через определенные семантические сети.

В связи с этим следует подробнее остановиться на понятии «семантические сети», так как с его помощью описывается одна из моделей хранения знаний в памяти. В своей простейшей форме эта модель представляет собой ассоциативную организацию связей, точки пересечения которой называются узлами [Краткий словарь... 1996: 169].

Каждый узел мыслится как концепт, и он может быть связан с любым количеством узлов (в зависимости от сложности фиксируемого понятия) [Скрэгг 1983: 228—271]. «Вынутый» из своего окружения, отдельный узел может быть изображен в виде определенным образом разветвленного графа, что позволяет отразить иерархию связей в семантических сетях. С каждым узлом данной сети в долговременной памяти человека связаны ассоциативно возбуждаемые им сведения (другие концепты). Семантические сети указывают на то, что способствует сохранению в памяти человека знаний, как восполняются некоторые способы сокращения объема плана выражения и компенсации плана содержания и за счет этого происходит выражение имплицитно выраженной информации.

Список литературы

1. Баранов А. Г. Текст в функционально-прагматической парадигме. Краснодар: Изд-во Кубан. гос. ун-та. 1988. — 95 с.
2. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та. 2000. — 176 с.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой, В. З. Демьянкова, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузиной. М.: Изд-во МГУ, 1996. — 245 с.
4. Минский М. Фреймы для представления знания. М.: Энергия. 1979. — 112 с.
5. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1988. Вып. 23. С. 281—309.
6. Скрэгг Г. Семантические сети как модель памяти // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс. 1983. Вып. 12. С. 228—281.
7. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инфонного текста // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М.: Изд-во МГЛУ, 1995. С. 277—285.

Б. Д. Ныгметова (Павлодар, Казахстан)

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

The way of studying the cognitive features of linguistic phrases in German and Russian is presented in this work. The meteorological metaphors were used as samples. The article considers the influence of a man on the language world in different cultures.

Keywords: *cognition, meteorological metaphor, concept, cognitive metaphor, thinking, the theory of cognitive metaphor.*

В последние десятилетия назрела необходимость взглянуть на язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека. В. А. Маслова утверждает, что «процессы, связанные со знанием и информацией, называются **когнитивными**, или **когниция**» [Маслова 2002: 6]. Когниция охватывает знание и мышление, находящие свое отражение в языковых формах, следовательно, когниция напрямую связана с лингвистикой. Когнитивное направление является одним из ведущих в современной лингвистике и характеризуется повышенным интересом к проблемам, связанным с обыденными знаниями человека, с рассмотрением языка и культуры с позиции простого человека и т. д.

В предлагаемой статье рассматривается вопрос о когнитивных особенностях метеорологической метафоры. Большинство мнений сходится в том, что метафора чаще всего востребована в художественных произведениях, однако сегодня она актуальна во многих сферах жизни общества: культуре, политике, спорте, науке и т. д. В своем исследовании мы останавливаемся на метеорологических метафорах на материале метеорологических прогнозов на русском и немецком языках.

В современной когнитивной лингвистике стало актуальным исследование метафоры, где она рассматривается как способ познания и объяснения мира. Вслед за лингвистами мы считаем, что метафора позволяет нам «замещать массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами» [Вольф 1988: 53], то есть мыслить с помощью метафор означает мыслить сжато, в лаконичной форме.

В когнитивной лингвистике внимание исследователей направлено на «выявление роли языка как условия и орудия познания» [Маслова 2002: 12]. Любой язык, служащий для обозначения предметов окружающего мира, формирует для говорящего на нем картину мира. Известно, что при получении новой информации человек сопоставляет ее с уже имеющейся в его сознании, при этом образуя новые смыслы.

Средствами оперирования в когнитивной лингвистике являются оперативные единицы памяти, среди которых особое место занимают концепты, представляющие совокупность всех смыслов, схваченных словом [Маслова 2002: 10]. Отсюда следует, что когнитивная лингвистика направлена на моделирование картины мира как способа фиксации определенных представлений об окружающем мире.

Исходя из вышеизложенного, мы рассматриваем процесс метафоризации как способ познания и объяснения окружающего мира, связанный с процессом отражения и обозначения *новой* информации через *старую*. Разные концепты одной концептуальной системы могут называться одним и тем же словесным выражением, что говорит о неоднозначности языкового выражения. Говорят, что *человек идет, идет дождь, идет снег; человек стоит, стоит погода, стоит жара*. Однако все языковые выражения соотносятся с определенными концептами.

В связи с глобальными социально-экономическими и политическими преобразованиями в нашей стране начался новый этап изучения метафоры на стыке лингвистики и других областей. Исследователи-лингвисты называют метафору основополагающим чувством, посредством которого происходит восприятие и понимание мира, они видят в ней средство оформления реальности. При метафорическом переосмыслении действительности понимание нового концепта достигается путем сопоставления его с уже известным.

До сих пор нет ясного ответа когнитивной теории метафоры на вопрос о порождении процесса взаимодействия когнитивной области источника и области цели в процессе метафоризации, так как, в сущности, они неэквивалентны друг другу. Область-источник представляет собой более конкретное знание, приобретаемое индивидом при непосредственном взаимодействии с окружающим миром. Область-цель — менее конкретное знание и представляет соответствие какому-либо понятию, следствие из уже известного.

Источники метафор многообразны: это и общие явления жизни человека, и созданные им виды деятельности и т. д. Метафора представляет интерес для исследователей-лингвистов тем, что она соизмеряет действительность с человеческим масштабом знаний и представлений, с системой культурно-национальных ценностей. Таким образом, человек стоит в центре этого процесса соизмерения: ветер *стонет*, небо *плачет*, погода *вносит коррективы*, зима *развеселилась* и т. д. Погода, как некое существо, может находиться в состоянии гнева, ярости: *Погода словно взбесилась...* (ТК «Россия», прогноз погоды, 02.03.07). *Снежная выюга бушевала сегодня в Германии* (ТК «ОРТ», прогноз погоды, 06.09.07). *Погода в Приуралье неистовствует* (ТК «НТВ», прогноз погоды, 02.03.07). *Ветер бушевал несколько дней на побережьях Средиземного моря* (ТК «Россия», прогноз погоды, 21.04.07). Употребленные глаголы несут негативную семантическую окраску. Использование данных метафорических единиц позволяет комментатору апеллировать на эмоциональное состояние слушающего, предупреждая его об опасности погодных условий.

Погоде свойственно переживать перепады настроения: *Солнце расщедрилось, согревая своими лучами* (ТК «Россия», прогноз погоды, 03.03.07). *На Байкале погода нахмурилась* (ТК «Россия», прогноз погоды, 03.03.07). *Природа явно обиделась: еще вчера — яркое солнце, а уже сегодня утром — дождь и ветер* (ТК «НТВ», прогноз погоды, 22.08.07). Напрашивается вывод, что метафора антропометрична и метафорическое переосмысление окружающего мира присуще только человеку, значит, явление метафоры следует воспринимать как процесс понимания человеком самого себя.

Следует отметить, что на современном уровне языка российских и казахстанских журналистов и комментаторов огромную роль, не в последнюю очередь, играют источники метафор военного характера. Всем известно, что во время боевых действий противники *сражаются*, *оккупируют*, *берут в плен*, *терпят поражение*, *капитулируют* и *сдаются*. Здесь примечательны следующие метафорические сдвиги: *Дождь захватил все регионы Казахстана* (ТК «Хабар», прогноз погоды, 04.07.07). *В Заполярье развернулись основные действия, атакует застрявший здесь циклон* (ТК «НТВ», прогноз погоды, 30.06.07). *Холодный циклон оккупировал северные районы Забайкалья* (ТК «РТР-Планета», прогноз погоды, 27.08.07). *Дождь перешел в атаку* (ТК «НТВ», прогноз погоды, 22.08.07). *Холодные воздушные массы ре-*

шили поддержать атаку снегопада на западе России (ТК «НТВ», 26.01.07). *В западные регионы России интенсивно вторгаются массы холодного воздуха из Арктики* (ТК «НТВ», прогноз погоды, 18.11.06). *Der Schneefall kapitulierte schon am zweiten Tag* (ZDF, Tagesschau, 8.09.07). *Снегопад капитулировал уже на второй день. В снежном плену оказались все машины, движущиеся по направлению Павлодар — Караганда* ТК «Хабар», новости, 25.01.07). *Und im Westen kämpfen sich kalte und warme Luftmassen gegen einander. Was wir daraus bekommen, sehen wir schon morgen* (ZDF, Wetterbericht, 2.05.07). *А на западе идет борьба между теплыми и холодными воздушными массами. Уже завтра мы можем видеть ее результаты.*

Стабильное состояние погоды в ближайшее время подтверждается использованием следующих милитарных метафор: *На севере страны сохраняется военное положение. Снегопад продолжает свое командование* (ТК «НТВ», 20.03.07). *Снегопад и метель не сдают своих позиций* (ТК «Ирбис», прогноз погоды 01.03.07). *Дождь укрепил свои позиции* (ТК «Россия», прогноз погоды, 14.05.07). В данных метафорических сообщениях прослеживаются отголоски времен советского общества, которому были присущи военное мышление и агрессия [Баранов, Караулов 1991].

Когнитивная лингвистика рассматривает метафору как «универсальный способ человеческого мышления, в основе которого лежит применение уже имеющихся знаний и представлений в области еще не понятого. Этот способ позволяет сопоставлять явления и факты с целью выявления их общих и различных черт» [Буйнова 1998: 50].

Центром исследований когнитивной лингвистики является язык как общий когнитивный механизм. Здесь происходит системное описание и объяснение механизмов человеческого усвоения языка и принципы структурирования этих механизмов [Демьянков 1994: 21]. Отсюда следует, что научные исследования в когнитивной лингвистике в первую очередь направлены не на объект познания, а на субъект познания — человека.

Теория когнитивной метафоры видит в процессе метафоризации «когнитивную операцию над понятиями» и видит в ней «средство концептуализации, позволяющее осмыслить ту или иную область действительности в терминах понятийных структур, изначально сложившихся на базе опыта, полученного в других областях» [Кобозева 2004: 3]. В современной лингвистике центр семантической теории переместился с синонимии на полисемию [Зализняк 2004: 20].

Процесс метафоризации подразумевает полисемию в широком смысле слова, тем самым напрашивается вывод, что когнитивная лингвистика пытается объяснить феномен многозначности.

Единство мышления, языка и общения стало толчком для решения проблемы взаимодействия языка и окружающей действительности. Тем самым определение метафоры в качестве универсального способа человеческого мышления позволяет употреблять термин «когнитивная метафора» вследствие того, что она указывает на «создание нового понятия, необычного образа в системе языков [Буйнова 1998: 58].

В вопросе о влиянии языка на культуру или культуры на язык нет однозначного мнения. Но в результате многих исследований можно сделать вывод, что язык и культура тесно взаимосвязаны. Таким образом, в метафорах разных языков мы можем проследить отражение специфического видения мира, национальной культуры.

В русском и немецком языках существует множество сходных по значению языковых единиц, что объясняется сходством материальных и социальных условий существования языка, языковым родством и т. д. Межъязыковые различия определяются как специфическим содержанием конкурирующих форм выражения, так и неодинаковой продуктивностью метафорического переосмысления в сопоставляемых языках: например, немецкий глагол более необходим в структурном отношении для оформления высказывания и в оформлении метафор. В немецком высказывании в лексическом представлении преобладает имя существительное, а в структурно-семантическом аспекте — глагол, то есть в немецком языке имя существительное преобладает в лексической номинации, глагол — в синтаксической номинации и коммуникации. Эти аспекты, однако, в значительной степени взаимно определяют друг друга. Факторы, влияющие на качественную и количественную соотнесенность сопоставляемых метафор разных языков, их сходства и различия,

имеют экстралингвистический и внутрилингвистический характер. К экстралингвистическим факторам относятся единые общечеловеческие формы отражения объективной действительности в сознании и языке, общность основных процессов социально-экономического развития, своеобразное развитие народов — носителей сопоставляемых языков. Внутрилингвистические факторы заложены в специфичности словообразования и синтаксиса сравниваемых языков и проявляются в процессе метафоризации как вторичной системе.

Из вышеизложенного следует, что когнитивная лингвистика не просто исследует языковые изменения, а изучает их в пределах национально-специфического видения мира, сближая таким образом две модели мира — концептуальную и языковую. Исходя из этого, мы можем утверждать, что когнитивные особенности метеорологической метафоры проявляются в их свойствах отражать реальную действительность в сознании человека.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. — М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1991.
2. Буйнова О. Ю. Универсальные и специфические черты процесса метафоризации. — М., 1998.
3. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. — М.: Наука, 1988. — С. 52—56.
4. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. — № 4. — С. 17—33.
5. Зализняк А. Феномен многозначности и способы его описания // Вопросы языкознания, 2004. — №2. — С. 20.
6. Кобозева И. М. К формальной репрезентации метафор в рамках когнитивного подхода. — М.: Филол. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004.
7. Маслова В. М. Когнитивная лингвистика. — Минск, 2002. — 256 с.

Н. Б. Попова (Челябинск, Россия)

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД КОГНИТИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ ПОЛИСЕМИИ

This article presents basic approaches to the phenomenon of polysemy in order to consider the problem from the point of view of synergetics as a science about self-organization of complex systems to which belongs language whereas polysemy is one of its most complex subsystems.

Keywords: *polysemy, meaning, synergetics, self-organization, chaos, relative stability.*

Проблема полисемии, нормативное, этимологическое и структурно-концептуальное описание лексических значений многозначных слов было и остается основным объектом лингвистики. Никакая система правил, никакой отдельно взятый подход не дают возможности вывести все реально существующие значения того или иного слова. Об этом свидетельствует и сама история изучения полисемии, восходящая к античности (Демокрит, Аристотель), возродившаяся в XIX веке благодаря французскому лингвисту Мишелю Бреалю, структурно рассматриваемая лингвистикой XX века и концептуально изучаемая на рубеже XX и XXI веков.

Значения слов, развиваясь в процессе эволюции языка, человеческого мышления и общества, являются производными от основного значения или производными друг от друга, как бы «вытекающая» одно из другого. В результате выражаемые в словах значения складываются в некую единую сложную и постоянно развивающуюся систему многозначности, которой пользуются все носители языка того или иного социума. При этом каждый естественный язык наряду с общими тенденциями, свойственными человеческому языку в целом, отражает и свой определенный способ концептуализации многозначного слова.

В настоящее время моделирование лексической полисемии осуществляется, как правило, в терминах лексико-семантического варьирования. Все лексико-семантические варианты (ЛСВ) в структуре многозначного слова, являясь мотивированными, сохраняют смысловое сходство. При утрате лексико-семантическим вариантом смыслового родства многозначное слово расщепляется на слова-омонимы. Полисемия представляет собой, таким образом, своеобразный пучок нескольких ЛСВ, соотнесенных с одной лексемой.

Смысловые связи производных семем многозначного слова с основным значением могут быть *непосредственными* и *опосредованными*. Благодаря этим связям в лингвистике традиционно выделяют три типологических вида полисемии: *радиальную*, *цепочечную* и *смешанную*.

При *непосредственной* смысловой связи производных семем с первичной семемой (архисемой) образуется *радиальная* полисемия, при которой все значения слова непосредственно связаны с центральным значением и мотивированы им. Например, Стол-1 как *предмет мебели* в виде горизонтальной поверхности для еды, который является архисемой для следующих семем: Стол-2 (*еда*), Стол-3 (отдел в учреждении с таким *предметом мебели*), Стол-4 (*горизонтальная плита* ледника).

Опосредованная смысловая связь характеризует *цепочечную* полисемию, при которой каждое новое значение слова мотивировано другим — ближайшим к нему — значением. Например: Дом-1 как строение для жилья человека, *семьи* определяет значение → Дом-2 как живущих вместе *родственников*, *семью*: значение Дом-2 в свою очередь ведет к значению → Дом-3, то есть значению как поколению *родственников*, *роду*, и далее это значение переходит к значению → Дом-4 (правлящий *род*, *династия*).

Однако чаще всего приходится сталкиваться со смешанным типом или с *радиально-цепочечной* полисемией, представляющей собой сочетание первых двух типов. Например, Камень-1 (горная порода) дает значение → Камень-2 как отдельный кусок такой породы. Значение Камень-2 в свою очередь имеет следующие значения: Камень-3 (могильная плита), Камень-4 (тяжелое чувство) и Камень-5 (болезненное образование).

Как видим, в рамках рассматриваемой типологии полисемии (радиальная, цепочечная и смешанная) выделяется другой тип лексической полисемии: *непосредственная* и *опосредованная* многозначность слова. При непосредственной многозначности сходство между значениями обнаруживается на первом же шаге семантического описания, а при опосредованной многозначности — на втором (третьем и т. д.) шаге семантического описания [Апресян 1995: 182].

Кроме выделенных типов полисемии различают ещё *регулярную* и *нерегулярную* полисемию. «Регулярность, как отмечает Апресян, — отличительная черта метонимических переносов; нерегулярная полисемия более характерна для

метафорических переносов. С другой стороны, *регулярность* обычно свойственна *непосредственной* полисемии; *опосредствованная* полисемия чаще бывает *нерегулярной*» [там же].

Таким образом, перечисленные типы лексической многозначности взаимно пересекаются. Более того, они пересекаются и при описании основных видов, типов или так называемых концептуальных моделей многозначности, которые отражают денотативную и коннотативную соотнесенности значений слов.

Одним из основных способов изменения и развития лексического значения является смещение или родовидовой сдвиг, другими словами, сужение и расширение значения. При расширении значения (от вида к роду) устраняются различные признаки (семы). Например, в слове *белье* «изделия из ткани, нижняя одежда (*надеть чистое белье*)» видовой компонент «нижняя одежда» устраняется в выражении «*стирать белье*», и значение слова *белье* расширяется до «изделия из ткани». При сужении значения (от рода к виду) более частное значение, которое подвергается сужению, получает добавочные видовые семы: *платье* «одежда» > «одежда женская». В отдельных случаях сужение возникает, когда значение одного слова включается в другое, такое явление происходит в результате семантического стяжения словосочетания, например, выражение «хорошо готовить», где подразумевается «готовить еду».

Другим способом развития значения слова является его метафорическое или метонимическое переосмысление. М. В. Никитин называет эти «содержательные» связи классификационными и импликационными связями.

Классификационные связи — это связи по общности содержащихся в них семантических признаков у нескольких денотатов (понятий, предметов, действий), то есть на основе метафорического сходства по какому-либо признаку. И эти признаки могут быть бесконечно разнообразными. Например, это может быть сходство по форме (*кольцо* колбасы), расположению (*хвост* кометы), по цвету (*шоколадный* загар), по размеру (*гора* вещей), по звучанию (*визг* пилы), по степени ценности (*золотые* слова) и по многим другим признакам. Этот тип включает не только метафору, но и синестезию, и функциональный перенос. Синестезия объединяет денотаты по сходству восприятия их органами чувств. Функциональный перенос значения основан на таком явлении, когда два разных денотата приобретают общее наименование, так как выполняют одну и ту же сходную функцию.

К импликационному типу М. В. Никитин причисляет такие виды переноса, как метонимия, синекдоха и конверсия, которые являются, по его мнению, мыслительными аналогами реальных связей сущностей объективного мира, их взаимодействий и зависимостей. [Никитин 1988: 66—73; 1996: 223—233]. То есть метонимический перенос предполагает наличие реальной, а не воображаемой связи между двумя денотатами, которые находятся в разнообразных отношениях смежности.

Такой связью могут быть отношения пространственные: например, *город* спит, *чайник* или *самовар* кипит. В этом случае наименование места относится к людям, а наименование сосуда указывает на его содержимое.

Метонимия может быть также временной и логической. При временной метонимии предметы и явления как бы «соприкасаются» во времени их существования. В данном случае происходит перенос названия действия (выраженного существительным) на то, что возникает в процессе действия (результат): «издание книги» (действие) — «подарочное издание» (результат действия). К логической метонимии можно отнести перенос названия емкости на объем того, что содержится в ней: разбить *тарелку* — прямое значение, съесть целую *тарелку* — переносное метонимическое значение; перенос названия вещества на изделие из него: выиграть *золото*, то есть золотую медаль; перенос имени автора, создателя чего-либо на его творение: любить *Левитана* (картины Левитана); перенос названия действия на предмет или на людей, с помощью которых осуществляется действие: *зажим* как приспособление для зажима чего-либо; перенос названия действия на место, где оно происходит: *объезд* (место совершения действия); перенос названия свойства на то или того, что или кто обнаруживает, имеет это свойство: совершить *бестактность* (бестактный поступок); перенос названия географического пункта, местности на то, что в них производится: вино *бордо*.

Смежность понятий и предметов может вызвать и перенос наименования признака, выраженного прилагательным. Большое количество качественных прилагательных, имея прямое значение, относящееся непосредственно к живому существу, также обладают переносным, метонимическим значением. Например, в сочетании «*коварная улыбка*», т. е. улыбка коварного человека. Глаголам тоже свойственен метонимический перенос, который основан на смежности предметов и действий: например, вылить статую, то есть вылить металл.

Разновидностью метонимии является синекдоха, вид переноса, при котором название части предмета переносится на весь предмет: например, в семье пять *ртов* (пять человек); либо наоборот, наименование целого — на часть этого целого: например, *квартира* оклеена обоями, где под квартирой подразумевают ее стены. Синекдоха применяется не только к существительным, но и к глаголам (в прилагательных ее нет). Например, глагол *дымить* может использоваться как синекдоха, когда говорят «они дымят с утра до ночи», т. е. курят (название части действия *дымить* перенесено на все действие *курить*).

К импликационному типу переноса значений относится и конверсия. Данный тип отражает взгляд на какой-либо признак денотата с разных сторон. В этом случае слово переходит в другой грамматический разряд, приобретая новые функции и новые значения. К примеру, в выражениях «больной человек быстро устает» и «больной пошел к врачу», в первом случае слово называет признак, а во втором — предмет, характеризующийся данным признаком.

Перечисленные способы появления новых значений слов носят подвижный, динамический и не всегда четко определенный характер. Определение структуры как состояния, возникающего в результате многовариантного и неоднозначного поведения более мелких многоэлементных структур, которые развиваются вследствие открытости и нелинейности внутренних процессов, характерно для такого достаточно молодого научного направления, как синергетика.

Синергетика (от греческого *sinergos* — совместное действие) — это междисциплинарное направление современной науки, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации сложных систем. Язык — это сложная и эволюционирующая система, которая с полным основанием может быть рассмотрена в рамках новой парадигмы.

Синергетика представляет собой концепцию неравновесной динамики или теорию самоорганизации нелинейных динамических сред, которая задает новую матрицу видения объекта в качестве сложного. Фундаментальным критерием «сложности» в синергетике выступает, с одной стороны, показатель сложности статического характера (структурная иерархия объекта разных уровней), а с другой стороны — показатель сложности динамического характера, определяемого как наличие имманентного потенциала самоорганизации сложных структур разных уровней.

По определению Г. Хакена, «во многих случаях самоорганизация возникает из хаотических состояний», таким образом, получается, что под самоорганизацией следует понимать спонтанный переход открытой неравновесной системы от менее сложной к более сложным и упорядоченным формам организации [Хакен 2003: 86].

Самое сложное поведение синергетической системы заключается в наличии разного рода скачков, или «катастроф», когда система при непрерывном изменении управляющих параметров резко меняет значение управляемых параметров. Только высвободившиеся из-под гнета старой структуры элементы могут сложиться в новую упорядоченность. При этом качественная определенность новой упорядоченности складывается именно случайным образом. Для того чтобы адекватно отразить случайный характер перехода от беспорядка к порядку, физика становления вводит понятие бифуркации. Таким образом, исходными понятиями в синергетике являются понятия *точек бифуркаций* и *аттракторов*.

Под *точкой бифуркаций* понимается состояние рассматриваемой системы, после которого возможно некоторое множество вариантов ее дальнейшего развития. Это одновременно состояние выбора и состояние борьбы (например, борьбы двух фронтов в атмосфере с возможными вариантами изменения погодных условий).

Согласно теории бифуркации прошлое состояние системы исчезает скачком в силу накопления в системе флуктуаций. Флуктуации означают нарушения или отклонения в способе существования системы. Флуктуации имеют место в любой системе, они связаны со сбоями в функционировании ее элементов, с поломками в структурных образованиях. Далее наступает состояние относительной устойчивости, которое как бы притягивает к себе множество траекторий развития, возможных после точки бифуркаций.

Наиболее реальные траектории возможного развития называются *аттракторами*. Французский математик Рене Фредерик Тома (1923—2002) систематизировал все катастрофы и свел их к семи элементарным, которые ложатся в основу новых аттракторов, получивших следующие названия: складка, сборка, ласточкин хвост, бабочка, гиперболическая омбилика, эллиптическая и параболическая омбилика [Википедия].

Таким образом, синергетика претендует на открытие некоего универсального механизма, с помощью которого осуществляется самоорганизация как в живой, так и в неживой природе.

В лингвистике синергетический подход к языку связан с функционально-коммуникативной теорией языка. Нелинейность, являющаяся одним из базовых концептов синергетики, открывает перспективы для исследования речевой деятельности. Не случайно в филологии языки рассмотрены как параметры порядка по отношению к индивидуальным флуктуациям [Можейко 2002: 686].

Понимание языка и речи как неравновесных нелинейных открытых систем связано с их внутренней неоднородностью, многомерностью, коммуникативной открытостью. Нелинейность языка как функциональной системы означает присущую ей способность к таким внутренним флуктуациям, которые извне воспринимаются как спонтанное рождение новых значений, словоупотреблений, смыслов в различных культурно-социальных контекстах. Система, в данном случае язык как речь, резонирует на воздействие коммуникативной среды. Неравновесность, нелинейность коммуникативной системы позволяют проявлять гибкость, свойственную живым языкам, и при этом сохранять свою целостность и идентичность.

Подобные этапы эволюции языка соответствуют понятиям бифуркации, диссипации в языке как коммуникативной системе. Сам факт их реализации имеет значение как демонстрация самоорганизующихся процессов, дающих возможность стабилизации неравновесного состояния

языка — речи. Язык как речь обладает особыми системными свойствами. Бифуркации в системе языка приводят к возникновению качественно новой системы, по-новому упорядочивающей свою организацию.

Таким в общих чертах предстает процесс самоорганизации языка как системы целостной, нелинейной, открытой, эволюционирующей. Явление многозначности, которая является результатом развития не только системных, но и скачкообразных (катастрофических) семантических дериваций, заслуживает своего отдельного исследования в рамках новой парадигмы.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. — Т. 1. Лексическая семантика: синонимические средства языка. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Вост. лит. РАН, 1995. — 472 с.
2. Википедия, свободная энциклопедия. — Режим доступа: www.wikipedia.org
3. Можейко М. А. Синергетика // Всемирная энциклопедия: Философия XX век. — М.: АСТ, 2002. — С. 677—687.
4. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. — М.: Высш. шк., 1988. — 168 с.
5. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. — СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996. — 760 с.
6. Хакен Г. Синергетика. — М.: Мир, 1980. — С. 404.

Т. А. Сироткина (Сургут, Россия)

КОГНИТИВНАЯ ЭТНОНИМИКА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

The article substantiates the necessity of such a direction of ethnonymic research, as a functional-cognitive ethnonymy. It is connected with the consideration of the names of the peoples through the prism of the world image, in particular, the category of ethnicity, which is an integral part of the world image of any people.

Keywords: *ethnonymy, conceptual field, concept, conceptual analysis, conceptsphere.*

Внедрение в гуманитарные науки антропоцентрической парадигмы, как справедливо отмечают ученые, «определило активное исследование в разных отраслях современной лингвистики процессов концептуализации и категоризации действительности» [Дубкова 2011: 12]. Активное развитие когнитивного направления языкознания не обошло стороной и ономастику, обратившую внимание на связь процесса именования и концептуальной картины мира.

В этнонимике, как и в антропонимике [Смольников 2005: 2], можно выделить, на наш взгляд, два направления — этнонимiku ресурсов, используемых для номинации человека по этнической принадлежности, и функциональную этнонимiku, рассматривающую функционирование этнических имен в социальной, жанровой, языковой среде, их репрезентацию в различных типах дискурса. Актуальным на данном этапе развития науки является, на наш взгляд, второе

направление. Его логично назвать даже функционально-когнитивной этнонимикой, поскольку функционирование этнических имен необходимо рассматривать через призму картины мира и, в частности, категории этничности, являющейся важной составляющей языковой картины мира любого народа.

В последние десятилетия усилия лингвистов направлены на решение одной из глобальных проблем — описание концептосферы языка, которая охватывает весь совокупный набор ментальных представлений народа об устройстве мира.

Концептосфера русского языка состоит из отдельных концептуальных участков — концептуальных полей. Каждое такое поле представляет собой «ментально и семантически разработанную область этнокультурного пространства, объединяющую концепты как факты культуры» [Кошарная 2002: 54].

Синонимом термина «концептуальное поле» является термин «концептуализированная предметная область языка и культуры» — такая сфера культуры, «где объединяются в одном общем представлении слова, вещи, мифологемы и ритуалы» [Степанов 2001: 74].

Названия народов, являющиеся объектом изучения особой науки — этнонимии, также, на наш взгляд, являются концептуализированной предметной областью языка и культуры, т. е. существует некое ментальное образование, которое можно назвать концептуальным полем этничности.

Центром данного поля, очевидно, является концепт «этнос», средством репрезентации которого являются различные этнонимы. На определенной территории исторически складывается система этнонимов, отражающая представления об этничности данного территориально-языкового коллектива.

Рассмотрим содержание данного концепта на примере этнонимии Пермского края.

Как отмечают ученые-когнитологи, «накопление смысла» концепта происходит в известные сроки, поэтому исследовать его необходимо не только в синхронии, но и в диахронии [Рогожникова 2010: 78]. В диалектных и фольклорных текстах рассматриваемого региона в основном актуализируются образы народов, имеющих глубокие корни на территории Пермского края. К числу их можно отнести вогулов (манси), коми-пермяков, русских, татар, удмуртов. В деревне Акчим Красновишерского района до XX века сохранялись рассказы о населяющих в прошлом край вогулах: *«Когда-то, говорят, вогулка въезжала на гору, на Писанку; Два вогула привели*

вогулку, свою девчонку. Она в совике, как куколка. Они, косы, лежат не так, и длинные, и налетут всего; На Урале вогулы-то ишо есть, болтаются так человека два, можот до пятка, а так все перевелись, нету вогулов» [Акчим]. Употребительна в народной речи и собирательная форма данного этнонима — вогульё: *«А вот вогульё раньше-то, деды сказывали, дак они раньше ни соль не знали, ни чё. Мясо берут в зубы, ножом его так р-раз»* [Акчим].

Концепт, по наблюдениям лингвистов, состоит из отдельных, но в то же время спаянных в единую структуру фрагментов — областей концепта. В силу разного рода коммуникативных задач вербализации может подвергаться только одна из областей концепта. Области активизируются и находят проявление через языковые знаки [Алимурадов 2003: 214—217].

Поскольку под этничностью понимают приущие данному сообществу язык, особенности духовной культуры и т. д., то, очевидно, концепт «этнос» состоит из областей «язык», «материальная культура», «духовная культура», «внешность» и некоторых других.

Область «язык» является наиболее важной. Отличие по языку — основное отличие одной нации от другой, что хорошо репрезентируется в текстах живой речи: *«Зырянский у них язык свой. На заводах работали. Санки у них свои были. С русскими по-русски, меж собой по-зырянски говорили; Мама! Как вогулы-то говорят? По-русски, по-татарски? Есть татаре, у их зовут «абдул непутный ревет»; Да ты никакой язык не понимаешь. Ни белорусской, ни татарской; От ихнова слова от мордовинского; Своя нация — цыганы. Говорят по-своему между собой, не поймёшь»* [Акчим].

По наблюдениям Ю. А. Сорокина, противопоставление своей и чужой культур может осмысляться как оппозиция признаков: свое — «естественное», чужое — «неестественное». «Неестественным может считаться, что существуют люди, не понимающие или не говорящие на родном реципиенту языке» [Сорокин 1988: 5].

В народной культуре существует особое восприятие соотношения языка и этнонима: *«Если украинец приедет и свой разговор — то хохол, а если разговор русский — то украинец»* [Акчим].

Подвижность и условность этнического самосознания русских в условиях коми-пермяцкого окружения связана прежде всего с наличием билингвизма: *«Наша деревня была в русском языке, мы по коми не разговаривали»* [СРГКПО: 15]; *«У меня паспорт русский, я русская считаюсь»*.

И сама русской считаю себя, а по-пермяцки знаю все, родители были пермяки» [СРГКПО: 18].

Область «материальная культура» также важна при различении «своего» и «чужого»: *«Платок-от у тебя каки-то татарской. Раньше оне фсё такие любили; Вот ляпа. Обляпалась вся. Штаны, как у татарки выпушиэны наверх. Вот чудо морское»* [Акчим].

Понятие «чужой» может связываться с носителями определенной культуры, контакты с которой либо наиболее интенсивны, либо особо значимы для культуры реципиента [Сорокин 1988: 4]. Как мы видим из вышеприведенных примеров, для русских Прикамья наиболее актуальными оказываются представления о соседнем татарском населении.

Область «духовная культура», имея не такую значительную репрезентированность в текстах, актуализируется в основном своей религиозной ипостасью: *«В Вёлсе две церкви было. Одна для русских, друга для татар»* [Акчим].

В речи диалектоносителей хорошо представлены взаимоотношения православного и старообрядческого населения. Так, православные в оценке старообрядцев являются «басурманами»: *«Не читаю я ничё у басурманина, они щепетники»* [СРГЮП: 44]. Напротив, в оценке православных старым считается поведение представителей разных старообрядческих согласий — беловеров, голбинцев: *«Беловеры ни с кем не кормили детей, каждый в отдельной чашке, и сами так же»* [СРГЮП: 49]; *«Кроме староверов-то у нас голбинцы были, в голбцах молились»* [СРГЮП: 195].

Но первое отличие, по которому можно узнать представителя этноса, — какие-либо внешние признаки. Национальный образ внешности — это «совокупность исторически сложившихся эстетических представлений в рамках данной национальной культуры о привлекательном облике человека» [Богуславский 1994: 77]. Поэтому область «внешность» также достаточно актуальна в рамках рассматриваемого концепта: *«У них своя нация — сами черные, под вид цыганов. Раньше назывались казаки. И они гордились, что так назывались»; «Возулы — народ, особая нация, степные люди, косы носят, глазки у них узенькие, похожи на первобытных людей, бог у них тоже свой. Они сюда приезжали»* [Акчим] (в данном контексте репрезентируется, наряду с областью «внешность», область «духовная культура»).

Таким образом, одним из актуальных направлений современной лингвистики является когнитивная этнонимика, основным методом исследования которой выступает концептуальный анализ. Он позволяет описать названия народов не просто как определенную систему языковых единиц, а как концептуализированную предметную область языка и культуры, как одну из составляющих концептосферы «Человек».

Список литературы

1. Алимуратов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность: монография. — Пятигорск: Пятигорский гос. лингвист. ун-т, 2003. — 306 с.
2. Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы и языка. — М., 1994. — 237 с.
3. Дубкова Ю. С. Комплексный характер исследований когнитивной лингвистики // Язык и личность в поликультурном пространстве: сб. ст. — Севастополь: Рибэст, 2011. — С. 12—28.
4. Кошарная С. А. Миф и язык: Опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. — Белгород: БелГУ, 2002. — 150 с.
5. Рогожникова Т. П. К проблеме динамики концепта: диахронический и региональный аспекты // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. ст. / отв. ред. М. В. Пименова. — Санкт-Петербург; Горловка: Изд-во ГГПИИЯ, 2010. — С. 78—82.
6. Смольников С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимии (на материале деловой письменности Русского Севера XVI—XVII веков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2005. — 38 с.
7. Сорокин Ю. А. Понятие «чужой» в языковом и культурном контексте // Язык: этнокультурный и прагматический аспекты. — Днепропетровск, 1988. — С. 4—10.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. — М.: Акад. проект, 2001. — 400 с.

Список сокращений

Акчим — материалы экспедиций в дер. Акчим Красновишерского района Пермской области из картотеки словарного кабинета Пермского государственного университета.

СРГКПО — Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. — Пермь, 2006. — 350 с.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья. — Пермь, 2010. — 390 с.

В. И. Теркулов (Горловка, Украина)

**ЛИНГВАЛЬНАЯ КОГНИТОЛОГИЯ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА БЫТИЯ**

In this work the basis of lingual cognitology theory (the science that studies lingual concepts, that are created by language and exist in language) are given. The basic lingual representation of lingual concept is nominatheme that is a language model of nomination realized in formally interrelated and conceptually equal glosses. The author suggests the classification of lingual concepts due to their position in interaction of ontological and lingual worlds, the way of representation of ontological reality referents in lingual world, etc.

Keywords: *glosse, concept, lingual, nominatheme, performative, nominational.*

Основные положения лингвальной когнитологии изложены мною, например, в [Теркулов 2010а, 2010б]. Здесь же я повторю несколько очень важных для предлагаемого мною подхода к концептуальным исследованиям тезисов.

1. Я говорю «о репрезентации в семантической структуре языка двух миров — онтологического, то есть мира внеязыковых сущностей и событий, протоколируемых в языке, и лингвального, то есть мира, созданного языком» [Теркулов 2010а: 125]. В вершину угла моей концепции, основанной на определении В. фон Гумбольдтом языка как «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984: 304], поставлено предположение о существовании организованного языком мира событий, то есть о существовании перформативного лингвального бытия социума и субъекта. Человек, на мой взгляд, является более *Homo lingualis*, чем *Homo sapiens*, поскольку чаще всего разум руководит его поступками не напрямую, а через организованную языком реальность: не язык определяет мышление, а мир, созданный языком, является миром нашего **человеческого** существования. Наше поведение обусловлено законами этого мира, хотя и имеет, в то же время, онтологические рамки. Люди существуют в первую очередь среди тех сущностей, которые либо обозначены языком (то есть существуют объективно за пределами языка и констатируются им), либо созданы им (то есть существуют только в лингвальном мире).

2. На основе такого подхода я предполагаю три типа соотношений между лингвальным и онтологическим мирами.

Первый тип — лингвальный баланс, то есть ситуация, когда язык стремится констатировать существование внеязыковой (я называю ее онтологической) реальности, но представляет ее своими средствами, а следовательно, всегда хоть как-то, но искажает ее, создавая параллельное внеязыковому бытию лингвальное бытие. Схема номинации в этом случае может быть представлена

следующим образом: онтологическая реальность → язык → лингвальная реальность.

Второй тип — перформативный баланс, то есть ситуация, когда созданные в лингвальном мире и именно для лингвального мира сущности представляются в текстах как элементы онтологической реальности. Это и перформативные концепты типа *обещать*, и манипулятивные концепты типа *демократия*, и нейролингвистические кодирующие концепты типа рекламных слоганов и т. д. Возможность существования перформативного баланса как раз и обусловлена тем, что человек воспринимает лингвальные сущности как онтологические, поскольку мы можем что-либо навязать только в том случае, если это «что-либо» не выпадает из рамок нашего обыденного существования.

Третий тип — поэтический баланс, то есть ситуация создания мира только в слове. Это баланс вымысла. Мир и слово здесь отождествляются. Читатель, погружаясь в мир слова, в сущности, погружается в лингвальный мир без остатка и переживает те события, участником (пусть пассивным) которых он становится на страницах книги. Но и это возможно только в том случае, если лингвальное существование личности становится главной формой её существования в социуме. Только тогда границы его виртуального и реального бытия становятся размытыми и способными взаимопроникать.

3. В связи с тем, что язык, пытаясь отразить внеязыковую реальность, создает свои концепты, я и предлагаю считать, что помимо ментальных концептов, которые меня как лингвиста интересуют лишь постольку, поскольку могут быть репрезентированы в языке, существуют концепты лингвального мира, которые «схвачены знаком» и поэтому навязываются нам знаком. При этом ментальные концепты как сгустки знаний об онтологическом мире и лингвальные концепты как конструкты лингвального мира хоть и взаимосвязаны, 0, т.е. являются все же разными сущностями. Лингвальные концепты не констатируют знания, а формируют его. Причем благодаря

концептуальной метафоре не так, как ментальные концепты. Например, номинатема «осел» может быть соотнесена с двумя ментальными концептами — «животное» и «упрямый человек», но только с одним лингвальным концептом. Актуализация его в животном и человеке осуществляется как расширенная референция, обусловленная отождествлением в образе этих двух денотатов. Вот как описывает этот процесс Н. А. Красавский: «В основе метафоры лежит какое-либо сравнение, определённое формальное или функциональное сходство между различными фрагментами действительности. Человеческое сознание, фиксируя подобного рода сходства, **как бы уподобляет один предмет, его признаки, в целом одно явление другому предмету, явлению** [Красавский 2006: 23] (все выделено мной. — В. Т.). В лингвальном концепте «осел» — это одновременно и человек, и животное. Язык отождествляет в лингвальной реальности человека и животное.

4. В зависимости от типа включенности лингвоконцепта во взаимодействие онтологической и лингвальной реальности различаются номинативные лингвоконцепты, стремящиеся констатировать наличие реального мира в лингвальном, например, *дом, ехать, красный* и т. д.; перформативные лингвоконцепты, созданные как приписываемые онтологическому миру сущности лингвального мира, например, *удовольствие, клясться* и т. п., поэтические лингвоконцепты, существующие в пределах лингвального художественного мира. В последнем случае любой концепт лингвального мира обретает свое языковое инобытие: дождь, существующий в онтологическом мире, репрезентируется в языке в номинативном концепте, но в художественном мире он уже не констатируется, а создается, а следовательно, приобретает статус поэтического концепта.

Следует различать номинационные и интерпретационные разновидности концептов.

Номинационные концепты констатируют существование в онтологическом мире базовых сущностей и реализуют формулу $X_0 = X_n$, где явление онтологического мира (X_0) воспринимается как неделимая и неинтерпретируемая, а только как констатируемая сущность лингвального мира (X_n). Здесь онтологический и лингвальный миры как нигде близки. Таковы, например, металлические и лингвальные концепты *есть, строение, человек* и т. д.

Интерпретационные концепты — это лингвальные образования, которые, констатируя существование номинационных концептов, помещают их в параметры лингвального мира и интерпретируют их с точки зрения последних. Я различаю

собственно интерпретационные концепты и интеграционные интерпретационные концепты.

Модель собственно интерпретационного концепта $X_n + Ул = X_{си}$, где в лингвальном мире к номинационному концепту (X_n) добавляется языковая (лингвальная) статусная характеристика ($Ул$). Например, номинатемы *обедать, закусывать, ужинать, перехватывать* и т. п. являются, в сущности, лингвальными интерпретациями номинационного концепта *есть*. Актуализированные ими концепты могут существовать только как коагулированное в языке определение статуса для данной лингвокультуры процесса поглощения пищи в созданной данным лингвальным миром системе координат. Например, когда мы *закусываем*, мы просто едим. Язык создает наименование для закусывания, не отражающее напрямую сущность обозначаемого процесса. Повторяю, эту сущность отражает глагол *есть*. Когда мы *закусываем*, мы, повинаясь законам нашего лингвального мира, привязываем процесс еды к питью крепких спиртных напитков (вино мы не *закусываем*, им мы *запиваем* еду). Но когда мы выпиваем (водку) и *закусываем* ее чем-то, мы точно так же едим и пьем (X_0), как и тогда, когда едим мясо и пьем вино, едим пирожные и пьем чай и т. д. С точки зрения онтологического мира эти процессы физиологически полностью (или почти полностью) идентичны. Мы выделяем выпивку и закуску только в лингвальном мире, поскольку, во-первых, само питье водки в нашем лингвальном мире значимо (в редких языках есть эквивалент русскому глаголу *закусывать*, в то время как эквиваленты глагола *есть* отмечаются во всех языках мира), а во-вторых, еда в этом же лингвальном мире может только сопровождать эту самую **значимую** выпивку. Но это уже не описание объектов онтологической реальности, а создание сущностей лингвального мира (не было бы слова *закусывать* — было бы просто *есть*).

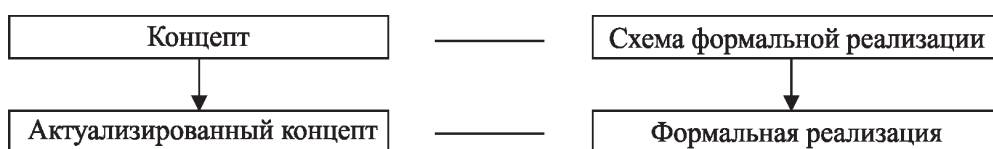
Модель интеграционного интерпретационного концепта $X_n + X_{1n} + \dots + X_{\infty n} = X_{ии}$, либо $X_i + X_{1i} + \dots + X_{\infty i} = X_{ии}$, либо $X_n + X_{1i} + \dots + X_{\infty n} + X_{\infty i} = X_{ии}$. В любом случае интеграционный интерпретационный концепт ($X_{ии}$) объединяет разнородные субконцепты (номинационные / X_n / или/и интерпретационные / X_i /) в единое лингвальное целое. Таков, например, концепт «посуда», объединяющий различные по своей фактуре и назначению, а значит и по концептуальному содержанию предметы (посуды в объективной реальности нет — это то, что только обозначается номинатемой **посуда**: разнородные предметы — чашки, тарелки, кастрюли и т. п.). Сюда же

следует отнести и многие концепты «внутреннего мира», например, *доброта* — объединение разнородных и разнотипных поступков, которое осуществляется, скорее всего, как привязка их к номинатеме *доброта*.

Трактовка любого интерпретационного концепта (в любой его разновидности) — это, на мой взгляд, трактовка не ментального концепта, не референта мира, внеположенного языку, а трактовка «конвенции», значения номинатемы, концепта лингвального мира.

5. Лингвальный концепт содержит как компонент своей структуры знание не только о лингвальном мире, но и о возможностях своего воплощения в знаке, что позволяет трактовать его

как языковой инвариант знака, определяющий границы референции (денотативной — прямое значение и коннотативной — образное значение) и коагуляции (актуализации коммуникативно значимых слотов). Базовой номинативной единицей воплощения лингвоконцепта является номинатема, представляющая собой стереотип (модель) реализации лингвоконцепта в глоссах и включающая в свой состав концепт как семантический инвариант и представление о возможной формальной взаимосвязанности глосс. Иначе говоря, основой тождества номинатемы является тождество её концептуального значения и схемы её формальной актуализации, реализованное по модели:

Таким образом, те или иные глоссы могут быть признаны находящимися в пределах тождества номинатемы только в том случае, если они являются актуализаторами одного и того же концепта и являются формально взаимосвязанными.

Мы различаем три базовые модели формализации номинатемы.

Во-первых, это все случаи ее словесной реализации: *он строит дом, дом стоит у обочины* и пр. Словом мы будем в этом случае называть единицу, которая может напрямую быть самодостаточным выразителем концепта.

Во-вторых, это все случаи развертывания номинатемы в словосочетание. Продуцирование словосочетаний имеет в своей основе актуализацию тех или иных слотов концепта в зависимом слове, которое при такой трактовке становится вербализованным компонентом семантики главной лексемы. Например, в словосочетаниях *зеленый дом, трехэтажный дом, дом у обочины, каменный дом* и т. п., имеющих тождественный референт, слова *зеленый, трехэтажный, у обочины, каменный*, указывающие только на различные характеристики этого референта, являются, по сути, реализаторами семного наполнения слотов «цвет», «размер», «местоположение», «материал» значения слова *дом* как базовой в этом случае единицы речевой номинации. Это и позволяет предположить, что указанные словосочетания являются многословными аналитическими лексико-семантическими вариантами номинатемы

дом, а не самостоятельными языковыми сущностями. Формальное тождество номинатемы обеспечивается наличием у всех указанных словосочетаний базового конструкта *дом*.

В-третьих, это все случаи употребления базового конструкта номинатемы со служебными словами. Концептуальная семантика автономных знаменательных слов-синтагм и знаменательных слов-синтагм в сочетании со служебными единицами абсолютно идентична. И *дом* и *в дом* связаны с концептом «жилое здание, строение». Различия касаются только грамматической семантики: *дом* указывает на гештальт-агент или каузатив действия (*дом быстро разрастается* и *мы любим наш дом*), а в *дом* — на аллатив (*мы входим в дом*). Однако если морфологическое варьирование автономных глосс, согласно устоявшемуся мнению, не нарушает тождества номинатемы, то и грамматическое варьирование, реализованное в сочетаниях знаменательных слов со служебными, должно быть определено как варьирование, не нарушающее ее тождества. Оно обеспечивается наличием у всех указанных сочетаний конструкта *дом*.

Итак, язык при помощи номинатем создает концепты лингвального мира, выступающие одновременно как их инвариантные семантические центры. Задача последующих исследований состоит в создании реестра номинационных и интерпретационных номинатем, описании моделей формализации номинатем в глоссах и т. д.

Список литературы

1. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. Г. В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 1984. — 398 с.
2. Красавский Н. А. Немецкие инвективы: опыт лингвогендерологического описания // Концептосфера и языковая картина мира / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. — Кемерово: Кемеровский полигр. комбинат, 2006. — Сер. «Филологический сборник». Вып. 9. — С. 21—26.
3. Теркулов В. И. Номинация и перформация: роль субъекта в номинативных процессах // Антропология языка: сб. ст. — Вып. 1. — М.: Флинта: Наука, 2010а. — С. 125—133
4. Теркулов В. И. Номинатема: опыт определения и описания. — Горловка: ГГПИИЯ, 2010б. — 228 с.

И. Н. Титаренко (Таганрог, Россия)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

The prospects of philosophical methodology application in analyzing cognitive problems of engineering sciences are presented in the article. Considering peculiarities of modern techno science, including its such feature as strengthening of interconnection of technical and cognitive subjects, the role of cognitive problems in priority of scientific-technical areas and engineering activity including mechatronics and robotics systems engineering, biomedical techniques, intellectual information systems, man-machine systems, etc. is analyzed. Systems philosophical approach makes it possible to analyze cognitive problems of engineering sciences in various aspects (ontological, logics-gnosiological, methodological, social-axiological). It contributes to the decision of some difficult theoretical and applied problems of scientific and technical knowledge and engineering activity.

Keywords: *techno science, interdisciplinary cognitive approaches, cognitive problems, cognitive sciences, technical sciences, complicated technical systems, intellectual information systems, robot technology, philosophy of science.*

Современный этап развития науки характеризуется рядом специфических особенностей, в числе которых следует назвать существенное повышение роли технических наук и инженерной деятельности в системе научного знания. Если до середины прошлого столетия соответствующие разделы технического знания рассматривались как прикладные разделы фундаментальных наук, то начиная с этого времени стал активно формироваться теоретический уровень технического знания, что привело к выделению в качестве относительно самостоятельных целого ряда теорий (радиоэлектроники, телемеханики, системотехники, прикладной информатики), а также к постепенному разделению на фундаментальное и прикладное техническое знание. Ориентация современной науки на интересы общественного производства еще более повышает роль технического знания и инженерной деятельности. Это привело к тому, что современный этап развития науки нередко называют технотехнологией. Хотя термин «технотехнология» был введен в научный оборот еще в 70-е гг. прошлого века Ж. Хоттуа и широко применяется сегодня специалистами самых различных отраслей научного знания, сам феномен

технотехнологии как «специфически современного явления» является еще недостаточно изученным [Barnes 2005: 142—165]. Методы исследования технотехнологии еще только формируются [Nowotny, Scott, Gibbons 2001: 35—39; Hottois 2004: 14—16; Юдин 2010: 45—57]. Все это требует от философии системной работы над проблемами той методологии, которая применима в современной технотехнологии и, безусловно, определена ее особенностями.

Технотехнология как качественно новая стадия развития науки и технологии характеризуется не только повышением роли технического знания и инженерной деятельности, но еще и тем, что в ней меняются взаимосвязи между отраслями науки и степень их взаимного влияния друг на друга. Так, например, технические науки и инженерная деятельность, изначально тесно связанные с математикой и естествознанием, в настоящее время испытывают все более сильную зависимость от когнитивных наук. Деятельность по конструированию и моделированию человеко-машинных систем, разработке интеллектуальных информационных систем, автоматизированных систем для биологии и медицины, которые являются сегодня приоритетными направлениями

исследований, немыслима без тесной связи с когнитивными науками (философией сознания, когнитивной психологией, когнитивной лингвистикой, когнитивной антропологией и др.). Не случайно сегодня в технической литературе по робототехнике, искусственному интеллекту, социотехническому проектированию все чаще встречаются обращения к работам философов, антропологов, психологов, лингвистов. В качестве примера можно, в частности, привести работы Дж. Люгера, который в контексте решения прикладных задач разработки искусственных интеллектуальных систем анализирует идеи Платона, Аристотеля, Гоббса, Декарта, Лейбница, Юма, Канта, Гуссерля, Гадамера и других мыслителей [Люгер 2003]; статьи по проблемам управления гуманоидными роботами Л. А. Станкевича, который вовлекает в решение прикладных задач психологические модели [Станкевич 2008]; работы А. Г. Теслинова, который при разработке систем управления применяет биполярную модель логики Инь-Янь [Теслинов 1998], и многие другие. При этом в рассуждениях по техническим вопросам не только используется материал современных когнитивных исследований, но и богатейшая историко-научная традиция. Связь с когнитивными науками проявляется чрезвычайно сильно при рассмотрении, например, таких проблем, как представление знаний, искусственные языки программирования, машинное обучение, понимание естественных языков и семантическое моделирование, автоматические рассуждения, невербальное коммуникативное взаимодействие, аттракторные сети и др.

В силу тесной взаимосвязи и взаимной обусловленности когнитивных наук, технического знания и инженерии логико-гносеологические, методологические, аксиологические проблемы, возникающие в когнитивистике, оказывают непосредственное влияние на разработку сложных технических систем и информационных технологий. Так, например, проблема машинного обучения в искусственных интеллектуальных системах непосредственно зависит от решения вопросов о том, возможно ли развить надежные методы постижения и формализации данных об опыте сознания, какими должны быть методики его описания в физических и технических терминах, каково соотношение сознательных и бессознательных процессов в чувственном восприятии, памяти, обучении, имеются ли в конкретном знании априорные элементы (философия сознания), каков объем человеческого чувственного восприятия, какие существуют типы хранения информации,

возможно ли построение психологической модели функционирования памяти (когнитивная психология), какую роль в процессах познания играют культурные аспекты мышления, внутренние концептуальные системы, управляющие реальным поведением человека, какова структура картины мира (когнитивная антропология), в чем сущность процессов понимания естественного языка, каковы особенности усвоения и обработки информации, принципы языковой категоризации (когнитивная лингвистика). Изучением этих и других вопросов занимаются в настоящее время в рамках искусственного интеллекта как междисциплинарного направления когнитивных наук (Дж. Сёрл, А. Ньюэл, Г. Саймон, Н. Нилсон, Дж. Люгер, С. Рассел, П. Норвиг, Р. Брукс, Т. Виноград, Ф. Флорес, Дж. Льюис, Д. Вейценбаум, Дж. Маккарти, П. Уинстон, Р. Дэвис, Дж. Холланд, В. Тарасов, Д. Пospelов, П. Анохин, Э. Попов и др.), когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Джакендофф, М. Джонсон, Е. Кубрякова, Ю. Апресян, А. Залевская, А. Кибрик, И. Кобозева и др.), когнитивной психологии (У. Найссер, Дж. Миллер, Дж. Брунер, А. Трейсман, Дж. Фодор, Д. Бродбент, Дж. Андерсон, Р. Локхард, Р. Солсо, Б. Величковский, В. Аллахвердов, В. Косинский и др.), когнитивной антропологии (Р. Редфилд, М. Коул, Д. Рамельхарт, Р. Кассон, С. Тайлер, Д. Холленд, Р. Д'Андрад, Дж. Келлер и др.).

Когнитивные науки в последние десятилетия развиваются чрезвычайно быстрыми темпами. Все более растет объем исследований, которые вследствие специфики их предметной области, используемой в них методологии и терминологии квалифицируются как когнитивные. За прошедшие несколько десятилетий в иностранной научной литературе появились тысячи научных публикаций по данной тематике, учреждены международные научные сообщества (например, Cognitive Science Society, Hellenic Cognitive Science Society и т. д.), проводятся международные форумы (I European Cognitive Science Conference, 2003; European Conference on Cognitive Science (ECCS), 1995, 1997, 1999, 2001, 2003, 2005, 2007, 2009 и т. д.). Внимание к когнитивным исследованиям характерно и для России. Созданы и успешно функционируют Межрегиональная ассоциация когнитивных исследований, Центр когнитивных программ и технологий РГГУ и др. Регулярно проводятся конференции по когнитивным наукам (Международная конференция по когнитивной науке — Казань, 2004; Санкт-Петербург, 2006; Москва, 2008; Томск, 2010; конференция «Философия сознания: история и современность».

Грязновские чтения» — Москва, 2003, 2005, 2009; Всероссийская междисциплинарная конференция «Философия искусственного интеллекта», Москва, 2005, 2007, 2009; РСНЭ-НБИК-2011 — Москва, 2011; Всероссийская научно-техническая конференция «Нейроинформатика» и др.). Такая активизация когнитивных исследований не в последнюю очередь обусловлена обилием тех познавательных задач, которые формулируются в процессе инженерной деятельности. С другой стороны, в когнитивных науках находят широкое применение методы, связанные с техническими науками и информатикой, что возможно обнаружить, например, при анализе модельно-символьного, модулярного, нейронно-сетевого подхода, применяемых в когнитивных науках.

Таким образом, особенности технаук требуют рассматривать в качестве целостности когнитивные науки, технические науки, инженерную деятельность и технологии, а их — включенными в процессы общественного развития. Они же определяют необходимость использования междисциплинарных когнитивных подходов к решению проблем, возникающих в технаук. То сложное переплетение философских идей, когнитивных, технических, инженерных знаний, которого требует сегодня разработка интеллектуальных информационных систем, человеко-машинных систем, с неизбежностью предполагает диалог между представителями различных научных дисциплин. Междисциплинарный подход в полной мере соответствует особенностям современного уровня научного знания и сложным предметам исследования в технаук. Как отмечает В. С. Степин, освоение сложных саморазвивающихся систем в огромном числе ситуаций осуществляется как междисциплинарное исследование, в котором действия специалистов в рамках одной научной дисциплины дополняются работой гетерогенных, с точки зрения научной специализации, исследовательских сообществ [Степин 2010: 73—74].

Так, например, междисциплинарные когнитивные подходы могут оказаться весьма продуктивными в таком приоритетном направлении развития технаук, как интеллектуальные информационные системы, составляющие необходимый элемент современных технических человеко-размерных систем, информационно-телекоммуникационных технологий, сложных систем управления, транспортных и космических систем и др. Моделирование интеллектуальных информационных систем — это одна из наиболее перспективных и быстро развивающихся научных

и прикладных областей информатики, в рамках которой разрабатываются системы, направленные на поддержку деятельности человека, в том числе решаются проблемы обработки текстов на естественном языке, моделирования знаний и баз знаний, управления знаниями, распознавания образов, нейротехнологий, интеллектуализации Internet, концептуального программирования и т. п. Разработка интеллектуальных информационных систем с необходимостью включает в себя междисциплинарные когнитивные исследования, направленные на понимание процессов сознания, памяти, обучения, опыта. Обусловлено это тем, что при разработке интеллектуальных информационных систем и технологий в целях повышения эффективности принятия решений в проблемных ситуациях любая из этих ситуаций (от социального конфликта до выбора маршрута движения) описывается в виде познавательной модели (когнитивной схемы, фрейма, архетипа и др.). Как следствие, междисциплинарный когнитивный подход и успехи в области когнитивных исследований являются необходимым условием разработки интеллектуальных информационных технологий и систем.

Междисциплинарные когнитивные подходы могут способствовать расширению когнитивных возможностей различных методов, применяемых в тех или иных отраслях современной технаук. Такие междисциплинарные подходы соответствуют мировому уровню исследований в области философии, когнитивных наук, технического знания и инженерной деятельности.

Список литературы

1. Люгер Дж. Ф. Искусственный интеллект: стратегии и методы решения сложных проблем. — 4-е изд. — М.: Вильямс, 2003. — 863 с.
2. Станкевич Л. А. Когнитивный подход к созданию систем управления гуманоидными роботами // Когнитивные исследования. — 2008. — № 2. — С. 276—292.
3. Степин В. С. Наука и философия // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 58—75, 73—74.
4. Теслинов А. Г. Развитие систем управления: методология и концептуальные структуры. — М., 1998. — 381 с.
5. Юдин Б. Г. Наука в обществе знаний // Вопросы философии. — 2010. — № 8. — С. 45—57.
6. Barnes B. Elusive Memories of Technoscience // Perspectives on Science: Historical, Philosophical, Social. — 2005. — Vol. 13. — Issue 2 (Technoscientific Productivity). — Summer 2005. — P. 142—165.

7. Hottois G. *Techno-sciences and ethics* // Agazzi E. *Right, Wrong and Science*. Ed. by Craig Dilworth. Poznań Studies in the Philosophy of Science and Humanities. — Vol. 81. — Amsterdam; N. Y., 2004. — 328 p.

8. Nowotny H., Scott P., Gibbons M. *Re-Thinking Science. Knowledge and the Public in an Age of Uncertainty*. — London, 2001. — 227 p.

А. Р. Хайрулина (Иркутск, Россия)

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ТЕРМИНА: МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС ОДНОГО АВТОРА

This article is devoted to the analysis of term «discourse» and it is focused on term «metaphorical discourse of one author» in H. Müller's Nobelist works.

Keywords: *discourse, approach, virtual reality, metaphorical discourse of one author, the content and structure of discourse.*

Среди многочисленных проблем современной лингвистики особое место занимает проблема определения дискурса, его содержания, структуры и свойств. Объектом нашего исследования является термин «дискурс», и цель состоит в определении термина «метафорический дискурс одного автора».

В первую очередь, термин «дискурс» происходит от лат. *discurrere* и означает «бегать туда-сюда», в переносном смысле — «беседа, разговор», «сообщение о чем-то» [Ошкина 2006]. Традиционно считается, что этот термин был использован французским ученым Э. Бенвенистом в 50-е годы 20 века.

Согласно ЛЭС дискурс понимается как трехстороннее явление: во-первых, это связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими (сопровождение речи, прагматическая ситуация, контекст), социокультурными (социальные и культурные условия), психологическими (ментальные процессы) и другими факторами; во-вторых, это речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессов); в-третьих, речь, погруженная в жизнь [ЛЭС 1990: 136—137]. Очевидно, что такое определение не учитывает всего широкого понятийного диапазона данного термина. Критический анализ трудов о дискурсе показывает, что его изучение осуществляется в рамках следующих подходов: коммуникативный подход (Э. Бенвенист, М. Фуко, П. Серио, Г. М. Костюшкина, В. А. Андреева и др.), структурно-синтаксический подход (Э. Щеглофф, Г. Закс и др.), социально-прагматический подход (Т. ван Дейк, В. В. Красных, В. И. Карасик, Н. Д. Арутюнова, Ю. С. Степанов, В. З. Демьянков, С. Н. Плотникова, Г. Г. Слышкин,

И. А. Стернин, В. Е. Черняевская, Е. И. Шейгал и др.). Рассмотрим основные подходы к определению дискурса.

В свете *коммуникативного подхода* дискурс предстает как «речь, присваиваемая говорящим» [Бенвенист 1974]. Согласно концепции Э. Бенвениста «язык функционирует в дискурсе, дискурс наблюдается в живом общении» [Костюшкина 2006: 28]. При этом Э. Бенвенист не учитывает фактор прагматической направленности языка, учет которого, по мнению М. Фуко, необходим для понимания сущности дискурса. В связи с этим в 60-е годы развивается концепция М. Фуко о приоритете установления позиции говорящего по отношению к другим взаимозаменяемым субъектам высказывания и выражаемой ими идеологии в широком смысле этого слова [Фуко 1996]. Следует отметить, что французские ученые (П. Серио и др.) и немецкая школа критического дискурсивного анализа, связанная с именами У. Мааса, З. Егера, Ю. Линка, Р. Водака, П. Хартмана, П. Вундерлиха и др., рассматривают дискурс и как процесс, и как результат речепроизводства, однако такое понимание не получило дальнейшего развития в отечественной лингвистике.

Структурно-синтаксический подход был разработан англо-американской лингвистической традицией [цит. по: Ошкина 2006]. Представители данной школы рассматривают дискурс как связную речь, сосредоточенную на интерактивном взаимодействии отправителя и получателя сообщения. Дискурс — это фрагмент текста, образование выше уровня предложения, развернутый смысл текста в сознании получателя информации [Пескова 2006: 12].

В рамках *социально-прагматического подхода* дискурс понимается как текст, погруженный «в жизнь», «язык в языке» [Степанов 1995].

Основоположник данного подхода Т. ван Дейк считает, что дискурс представляет собой проявление социокультурного взаимодействия, которое обнаруживается в процессе коммуникации социальных групп или отдельных личностей, с общностью интересов, целей, стилей и функций [Дейк 1989]. Вслед за ним Н. Д. Арутюнова пишет, что в таком понимании дискурс близок понятию текста, и предлагает его рассматривать как сложное коммуникативное явление, сложную систему иерархии знаний, включающую наряду с текстом еще и ряд экстралингвистических факторов [Дейк 1989; Арутюнова 1990].

Особенно актуальны параметрические характеристики дискурса. По мнению М. Л. Макарова, дискурс обладает содержанием и структурой. Содержание определяется смыслом, темой, контекстом и когнитивными моделями [Макаров 2003: 119—147]. Структура дискурса может быть представлена совокупностью речевых актов, дискурсивных единиц и категорий, обеспечивающих дискурс связностью и самоорганизацией [Макаров 2003: 162—190]. Особое значение имеют участники дискурса — «говорящий», «адресат», «слушатель» (аудитория) дискурса [Макаров 2003: 205—206]. Таким образом, М. Л. Макаров уточняет содержательную и структурную составляющие дискурса.

В исследованиях С. А. Хахаловой отмечается, что дискурс «принадлежит виртуальности, ментальному сознанию в том плане, что он стоит за текстами или над текстами в пределах одной темы» [Хахалова 2011: 299], другими словами, является «виртуальной реальностью разных типов и видов текстов». Названы следующие параметры дискурса: виртуальность, монотематичность гипертемы, нелинейность/нелинейность, фрактальность, технологичность, стратегичность, непостоянный состав коммуникантов.

Достаточно универсальным является определение дискурса С. Н. Плотниковой, утверждающей, что дискурс — это сообщение любого типа [Плотникова 2000]. В этом плане важным признаком дискурса является то, что он продуцируется вокруг некоторого концепта и характеризуется не только непрерывной последовательностью предложений, но и наличием синтагматических ограничений на возможные линейные последовательности предложений [Плотникова 2000: 8].

Таким образом, критический анализ термина «дискурс» позволяет нам сделать вывод, что дискурс — это виртуальная реальность совокупности разных типов и видов текстов с множественными экстралингвистическими факторами.

Дискурс порождается вокруг некоторого концепта и включает содержательную и структурную составляющие. К содержательной составляющей позволим отнести тему, контекст, когнитивные модели, языковые единицы, значения и смыслы; к структурной — соответственно дискурсивные единицы, речевые акты и категории. Попробуем на основании выделенного определения дискурса выдвинуть гипотезу о существовании метафорического дискурса одного автора.

Предметом нашего исследования служит дискурс нобелевского лауреата 2009 года в области литературы писательницы Герты Мюллер. Итак, если дискурс — это виртуальная реальность разных типов и видов текстов с экстралингвистическими факторами, то дискурс Г. Мюллер представляет собой виртуальную реальность совокупности художественных текстов. По форме представления это письменные тексты, по жанровой принадлежности — романы (социальные). Принадлежность дискурса Г. Мюллер виртуальности, ментальному сознанию заключается в том, что он стоит за текстами и над текстами в рамках темы фашизма. Суть дискурса Герты Мюллер состоит в трансляции знания об индивидуальном опыте пребывания в условиях диктатуры.

К экстралингвистическим факторам относится знание о внутрисполитической и социальной ситуации послевоенной Румынии после разгрома фашизма, в которой проживали представители немецкого меньшинства — банатские швабы. В дискурсе Г. Мюллер представлено давление диктаторского режима Чаушеску в 1980-е годы на банатских швабов во времена расцвета социализма в странах социалистического лагеря.

Объектом предложенного исследования являются средства вторичной косвенной номинации, а именно метафорические единицы разных уровней, именно они составляют корпус эмпирического материала. Как показывает анализ эмпирического материала, вся совокупность романов указанного автора порождается вокруг ядерного концепта MENSCH/ЧЕЛОВЕК, что образует надтекстовую суть дискурса.

Проанализируем содержательную составляющую дискурса. Темой дискурса Г. Мюллер является диктатура. Рассмотрим пример:

1. Das Kind redet weiter. Beim Reden bleibt etwas auf der Zunge liegen. Das Kind denkt sich, es kann nur die Wahrheit sein, die sich auf die Zunge legt, wie ein Kirschkern, der nicht in den Hals fallen will. Solange die Stimme beim Reden ins Ohr steigt, wartet sie auf die Wahrheit. Aber gleich nach dem

Schweigen, denkt sich das Kind, ist alles gelogen, weil die Wahrheit in den Hals gefallen ist. Weil der Mund das Wort gegessen nicht gesagt hat [Herztier 15].

Содержательная составляющая дискурса реализуется при помощи языковых средств, относящихся к одной теме — истина, языковым экспликатом которой является лексема *die Wahrheit*, задающая тон метафоричности всему тексту, что эксплицируется в сочетаниях *bleibt auf der Zunge liegen, sich auf die Zunge legen, in den Hals gefallen*. Семантическое сцепление и коммуникативная целостность интерпретируемого нами примера выражаются в коммуникативной преемственности составляющих его единиц. Соответственно, каждое последующее предложение в составе данного текста опирается в коммуникативном плане на предшествующее, продвигая высказывание от известного, «данного» к новому, вследствие чего образуется линейная прогрессия (einfache lineare Progression) [Heinemann 2002]. В дискурсе Г. Мюллер обнаруживается коммуникативная ситуации страха маленького ребенка: он боится говорить правду, страх сказать правду преследует банатских швабов с детства.

Приведем еще один пример. 2. *Jede Gegend im Land war arm geblieben, auch in jedem Gesicht* [Herztier 9]. Проведем трансформацию предложения 2 на предложение 2.1. *Jede Gegend im Land war arm geblieben, auch jede Gegend in jedem Gesicht war arm geblieben* и выявим, что смысл данного предложения раскрывается в контексте — ситуация приезда Лолы с южной, самой бедствующей и бедной в части Румынии. В описании лица человека используется односторонняя семасиологическая метафора-предложение *jede Gegend in jedem Gesicht war arm geblieben*. Проведем ее анализ, разложив на непосредственные составляющие. Рассмотрим лексику *die Gegend*. В потенциальное значение данной лексики входят следующие значения: 1) *im Hinblick auf seine Beschaffenheit oder seinen Bezugspunkt bestimmtes, aber nicht näher abgrenzte Gebiet*; 2) *Gesamtheit der Einwohnerinnen und Einwohner der Umgebung eines Stadtviertels* [www.duden.de]; 3) *landschaftliche Region* [Göttert 2007: 312]. Прямое значение слова *die Gegend* составляют следующие значения «*im Hinblick auf seine Beschaffenheit oder seinen Bezugspunkt bestimmtes, aber nicht näher abgrenzte Gebiet*» и «*landschaftliche Region*». Его объем составляет ряд семантических признаков: 1) признак категориальной принадлежности (-Lebewesen); 2) признак качества с составляющими его компонентами: а) *bestimmt*, б) *landschaftlich*; 3) локальный признак (*die Umgebung eines Stadtviertels*);

4) признак количества (+/-eins). Переносное значение слова *die Gegend* — значение «*Gesamtheit der Einwohnerinnen und Einwohner der Umgebung eines Stadtviertels*». В его объем входят следующие семантические признаки: 1) признак категориальной принадлежности (+Lebewesen); 2) признак качества с составляющим его компонентом а) *bevölkert*.

Перейдем к анализу лексики *das Gesicht*. Объем потенциального значения данной лексики составляют следующие значения: 1) *der vordere Teil des (menschlichen) Kopfes vom Kinn bis zu den Haaren*; 2) *der momentane Ausdruck des Gesichts, der die Gefühle der betroffenen Person widerspiegelt* [Langenscheidt 2010: 479]; 3) *eine Person*; 4) *äußeres Erscheinungsbild* [Göttert 2007: 328]. Объем потенциального лексического значения *das Gesicht* составляют семантические признаки: 1) признак категориальной принадлежности (+Lebewesen); 2) признак качества с составляющими его компонентами: а) *vordere*, б) *momentan*, в) *widerspiegelt die Gefühle*, г) *äußere*; 3) локальный признак (*vom Kinn bis zu den Haaren*); 4) признак количества (+eins).

Проанализируем лексику *arm*. Потенциальное значение лексики *arm* представлено следующими значениями: 1) *ohne Geld zum Leben, wenig besitzend, bedürftig, mittellos*; 2) *wenig habend, aufweisend oder hergebend, ohne nutzbringenden Gehalt, ärmlich*; 3) *unglücklich, bedauernswert, beklagenswert* [www.duden.de]. К семантическим признакам данной лексики относятся следующие признаки: 1) семантический признак категориальной принадлежности (+/-Lebewesen); 2) признак качества с составляющими его компонентами: а) *ohne Geld*, б) *wenig besitzend*, в) *bedürftig*, г) *mittellos*, д) *wenig habend*, е) *aufweisend oder hergebend*, ж) *ohne nutzbringenden Gehalt*, з) *ärmlich*, и) *unglücklich*, я) *bedauernswert*, к) *beklagenswert*.

При сравнении объемов значений данных лексем общим семантическим признаком является признак категориальной принадлежности (+Lebewesen).

В синтагматической сочетаемости лексики *jede Gegend* с лексемами *in jedem Gesicht war arm geblieben* семантические признаки качества лексики *das Gesicht* — «*widerspiegelt die Gefühle*» и лексики *arm* — «*ohne Geld*», «*wenig besitzend*», «*bedürftig*», «*mittellos*», «*wenig habend*», «*aufweisend oder hergebend*», «*ohne nutzbringenden Gehalt*», «*ärmlich*», «*unglücklich*», «*bedauernswert*», «*beklagenswert*» являются определяющими при образовании односторонней

семасиологической метафоры-предложения *jede Gegend in jedem Gesicht war arm geblieben*. В результате метафорического переноса эксплицируется следствие, что лицо отражает внешние реалии, ассоциативно связываемые с безденежьем, отсутствием имущества и средств существования, бедностью и нищетой, несчастьем человека, попавшего в условия диктаторского режима.

Информация о том, что человек в условиях диктатуры уподобляется животному, передается с помощью когнитивных моделей, и организующим стержнем этой системы становится та или иная метафорическая модель. В этом случае в текстах Г. Мюллер обнаруживается частотное употребление взаимодействующих языковых единиц — метафор, соответствующих структурной модели X есть Y, например, концептуальная метафора *ein MENSCH ist ein TIER/ ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЖИВОТНОЕ* пробуждает ассоциации человека с животным, в результате которых эксплицируется следствие уподобления *Homo sapiens* *Homo animal*. Образ человека в виде зверя с животными инстинктами составляет главную характерную черту дискурса Г. Мюллер.

Смысл дискурса Г. Мюллер заключается в том, что человек в условиях диктатуры становится зверем. Диктатура уничтожает в нем все человеческое, поработывает его, превращает в ничтожество, у которого все духовные и нравственные ценности замещаются животными инстинктами. Как показывает анализ эмпирического материала, у такого существа присутствует страх, например, *mir scheint, nur eins ist im Kopf des Menschen noch schneller als der Zement — die Angst* [Atemschaukel 40]. Страх ассоциативно связывается с прогнозируемыми негативными событиями или последствиями событий — страх за жизнь, страх за дом, страх за детей, страх за родителей, страх за семью. В предложении *er (der Mann) trug in den Augen die Dunkelheit der Stadt. Und die Gier eines mageren Hundes, schreibt Lola* [Herztier 20] заложен смысл о голодном человеке, ассоциативно связываемым с животными инстинктами голодной собаки — *die Gier eines mageren Hundes*.

Метафорика в структуре дискурса Г. Мюллер представлена такими дискурсивными единицами как метафора-слово:

3) — **das Herztier**: *Ruh dein Herztier aus, du hast heute so viel gespielt* [Herztier 40]. В данном речевом акте дискурсивная цель замысла речи говорящего по отношению к собеседнику осуществляется в акте приказа — Директив;

— метафора-словосочетание:

4) — **die frische, feuchte Lüge in ihren Augen**: *Ich glaubte ihr nicht und suchte die frische, feuchte Lüge in ihren Augen* [Herztier 151]. В рассматриваемом примере дискурсивная цель замысла речи говорящего по отношению к собеседнику осуществляется в информативном речевом акте;

— метафора-предложение:

5) — *Ich esse buchstäblich das Leben selbst, seit ich nicht mehr hungern muss* [Atemschaukel 25]. Базовая функция данного речевого акта соответствует нарративной дискурсивной цели замысла говорящего по отношению к собеседнику;

— метафора-текст (см. пример 1).

Структура дискурса Г. Мюллер представлена разными речевыми актами. Например, в локутивном речевом акте *Du bist aus Holz* [Herztier 98] осуществляется референция человека вообще с конкретным человеком (*Du*), референция артефакта, который имеет отношение к человеку с деревом на основании определенных параметров обоих референтов, черт характера человека, свойств артефактов. Иллокуция представлена тем, что говорящий пытается упрекнуть собеседника в бездушии, в равнодушии, в неумении чувствовать боль другого. Перлокутивный акт заключается в том, что собеседник признает упрек в его сторону и понимает негативное отношение говорящего к нему.

Связанность и организация обеспечиваются за счет категорий дискурса: когезии и когерентности. Когезия обнаруживается различными типами синтаксических связей между предложениями, например, союз *wenn* со значением условия: *wenn wir schweigen, werden wir unangenehm, ...wenn wir reden, werden wir lächerlich* [Herztier 252]. Союз *wenn* со значением условия выражает позиции адресатов к адресантам — нарратив. Глобальная когерентность дискурса обнаруживается в тематическом выборе автора — тема диктатуры, языковой репрезентацией которой являются метафорические единицы.

Таким образом, дискурс Г. Мюллер — это виртуальная реальность совокупности художественных текстов, порожденных вокруг ядерного концепта *MENSCH / ЧЕЛОВЕК*. Метафорику дискурса представляют метафорические единицы, позволяющие понять глубинный смысл дискурса — постоянный страх, предчувствие беды, хроническое чувство голода, бедность и нищета, унижение человеческого достоинства сопровождали банатских швабов на протяжении всей жизни в Румынии. И это было следствием отношения фашистской Германии к народам всей Европы, когда диктаторский режим поработил

человека, превратил его в ничтожество, а все духовные и нравственные ценности замещались животными инстинктами страха, голода и самосохранения.

Список литературы

1. Göttert Karl-Heinz Neues Deutsches Wörterbuch / Karl-Heinz Göttert. — Köln: Helmut Lingen Verlag, 2007.
2. Heinemann M., Heinemann W. Grundlagen der Textlinguistik: Interaktion — Text — Diskurs. — Tübingen: Niemeyer, 2002.
3. Langenscheidt, Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache: Neubearbeitung / hrsg. Dieter Götz, Günter Haensch, Hans Wellmann. — Berlin, München, Wien, Zürich, New York, 2010.
4. Müller H. Atemschaukel. — München, Wien: Fischer Taschenbuch Verlag, 2009.
5. Müller H. Herztier. — München, Wien: Fischer Taschenbuch Verlag, 2009.
6. Андреева В. А. Лингвистический нарратив: дискурс и текст: монография. — СПб.: Нор-ма, 2006. — 182 с.
7. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С. 5—32.
8. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс, 1974. — 447 с.
9. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: Прогресс, 1989.
10. Костюшкина Г. М. Прагматика и дискурс // Дискурсивный аспект языковых единиц: коллектив. моногр. Сер. 1. Вып. 4.— Иркутск: Изд-во ИГЛУ, 2006. — С. 4—59.
11. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций. — М.: Гнозис, 2001. — 270 с.
12. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 685 с.
13. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Гнозис, 2003. — 280 с.
14. Ошкина К. В. Способы языковой актуализации морального дискурса (на примере немецкоязычных СМИ) : дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2006. — 218 с.
15. Пескова Е. Н. Метафора как средство реализации интенций в политическом дискурсе (на материале текстов региональных предвыборных кампаний) : дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2006. — 171 с.
16. Плотникова С. Н. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). — Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2000. — 244 с.
17. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века: сб. ст. — М.: РГГУ, 1995. — С. 34—72.
18. Фуко М. Археология знания: пер. с фр. / общ. ред. Бр. Левченко. — К.: Ника-Центр, 1996. — 208 с.
19. Хахалова С. А. Дискурс симпатии и его этносемиотрические показатели // Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллектив. моногр. — М.: Тезаурус, 2011. — С. 295—331.

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. И. Цибахашвили (Тбилиси, Грузия)
З. К. Адамия (Рустави, Грузия)

ПИСАТЕЛЬ В ИНОЯЗЫЧНОМ МИРЕ (Пушкин на грузинском языке)

The present paper deals with the influence of Pushkin in the Georgian language. The world literature has many examples when the spirit and psyche of any nation are drawn by the writer who doesn't belong to the nation. Such a theme often has an emotional colouring which as it has already been mentioned is often emotional, positive or negative. The colouring often depends on social, military, economic, and other conditions. In Russian literature, this method was due to the works of the following giants such as Pushkin («Miserly Knight», «Feast or Famine», «Prisoner of the Caucasus», «Gypsies»), Lermontov («Prisoner of the Caucasus», «The Novice»), Leo Tolstoy («HadjiMurad»).

Keywords: translation, poetry, poem, mastership, Pushkin, Georgia, aborigines, Russian social life, mutual understanding, respect.

Из истории литературы знаем немало примеров, когда признание и слава приходили к гениям в самом начале творческого пути. Правда, иным это признание обходилось дорого (например, Лермонтову).

Пушкин тоже не мог пожаловаться на невнимательность к нему Славы. Его за многие годы до гибели (в 37 лет) признали «солнцем русской поэзии», его сочинения были названы «энциклопедией русской жизни», его имя было отождествлено с понятиями Свободы, Гения, Славы; его боялись те, кто никого не боялся, а цари и все-мощные жандармские «держиморды» были вынуждены считаться с ним и говорить обходительно. Почитателей таланта поэта его бессмертная поэзия пленяла своим гуманным содержанием и изяществом формы, ненавистников и завистников же страшило его всенародное признание, что тоже способствовало, правда, очень своеобразно, популярности поэта «по всей Руси великой» задолго до появления переводов его произведений на «сущие в ней языки».

Свое место в истории России и Российской империи в целом великолепно понимал сам поэт и без ложной скромности заявлял, что настанет время, когда о нем с благодарностью будут говорить не только «гордый внук славян», т. е. собственно русская Россия, т. е. сородичи, но и все те, кто только позже причастится к великим идеям свободы, цивилизации, справедливости, добра. Пророчества поэта оправдались, и нельзя было не оправдаться — через русскую землю в мир пришел гений, мечтавший о добре и счастье всех народов, всех людей и племен и одинаково

презиравший мундиры угнетения, независимо от их цвета и украшений.

Вот этого-то Пушкина заметили и оценили «туземцы» еще тогда, когда «родная» бюрократия старалась видеть в нем лишь чиновника надцатого класса и «для воспитания» передавала его из рук в руки тупых и жестоких чиновников.

Вот с каких пор грузинская общественная мысль стала интересоваться русским поэтом и его творчеством и переводить его стихи на грузинский язык. Первооткрывателями созвучности пушкинского духа с чаяниями грузинского народа были те грузины, которые получили образование в России и хорошо видели разницу между Пушкиным и Булгариными, хотя идеализировать никого не следует, как не следует, и страшать народы разными Ермоловыми. В те времена Тифлис буквально кишмя кишел наехавшими с севера ловцами чинов, счастья, наживы, и всех их принимали и потчевали согласно «табелю рангов».

Пушкина встречала и чествовала тифлисская элитарная интеллигенция и аристократия. Прием в Ортачальских садах был подчеркнута радостен и вызывающе приветлив, что доставило немало хлопот секретным сыщикам и жандармам. Спору нет, многие из участников приема о русском поэте знали только понаслышке. Однако общий настрой встречи ясно отражал антиимперские настроения всех слоев и сословий общества. Так неотвратимо входил Пушкин в дух и душу Грузии. Поэтому трагическая гибель великого русского поэта в Грузии была воспринята, не как сообщение из чужого далека, а утрата очень близкого, нужного человека, чьи добрые мысли и художественные

образы помогали жить и сохранять свое человеческое достоинство.

Вот какие нравственные и психологические предпосылки подготовили и предопределили непрерывающийся до сих пор плодотворный процесс перевода на грузинский язык мелких и крупных произведений великого русского писателя.

Восприятие Пушкина в Грузии обострялось тем, что он своей личностью и языком являл ту силу, против которой были направлены национальные усилия, менталитет и духовая энергия, т. е. Российскую империю, которая беспощадно угнетала Грузию.

Джавахарлал Неру в своей книге «Моя биография» отмечает, что протесты против английского колониализма в Индии иногда выливались во враждебные акты против английских культурных ценностей. В Грузии этого не случилось. Грузинское общественное сознание порой осмысленно, а нередко интуитивно чувствовало разницу между русской гуманной культурой и антинародным колониализмом, «барабанным просвещением». В Пушкине Грузия увидела не чиновника-грабителя, которые бесчинствовали на каждом шагу, а в каком-то смысле даже союзника и заступника. И это обстоятельство сыграло большую роль в появлении понятия «наш Пушкин».

И все это делает честь как Пушкину, так и его грузинским читателям.

Александра Пушкина стали переводить на грузинский язык в конце 20-х годов XIX века. Первые переводы читались в литературных салонах и распространялись в рукописях. Переводили многие и, естественно, одни переводы были сильнее, другие — слабее. Но важно было то, что грузин, посвятивших себя служению своей обездоленной Отчизне, тянуло к русскому поэту, который давал «иногородцам» нечто такое, что противоречило официальной имперской политике.

Пушкина переводили гранды грузинского поэтического слова — Александр Чавчавадзе, Григол Орбелиани, Николоз Бараташвили, Илья Чавчавадзе и др. Они, воспитанные на великих традициях пятнадцативековой грузинской поэзии, безошибочным чутьем и вкусом увидели в молодом Пушкине дар, достойный почитания, прославления и подражания.

Однако переводы того времени не есть покорный и послушный лепет неоперившихся птенцов. Это были своеобразные творческая перекличка и поэтический диспут с активизацией определенных идей, эмоций и образов (это, конечно, в современном переводе не рекомендуется). Например, кто из кавказцев воспримет с восторгом

грозное предупреждение: «Страшись, Кавказ, идет Ермолов». Или: с первых же лет «освоения» Кавказа в русском языке не без политической обусловленности появилось и закрепилось выражение «дикие народы». Тогда же это словосочетание проникло в художественную литературу и замелькало даже у Пушкина и Лермонтова. Такое «обобщение», разумеется, могло вызвать только отрицательные эмоции и ответные оскорбительные прозвища.

Обозвать дикими целые народы настолько неэтично, что литературоведы даже теорию придумали, согласно которой у Пушкина и Лермонтова «дикий» следует понимать как «живущий не по русскому образу, не по-европейски». Однако в понимании этого слова спор возник и в сфере перевода. И нередко переводчики просто уходили от этого неприятного определения, особенно когда речь шла о переводах на языки самых этих «диких» народов.

Переводы нередко повторяют судьбы оригиналов, т. е. создаются, однако их обнародование задерживается по совсем не литературным причинам. Так случилось, например, со стихотворением «Анчар». Оно четыре года пролежало в столе цензуры и увидело свет только после того, как слово «царь» было заменено словом «князь». И именно стихотворение привлекло внимание А. Чавчавадзе. Рассказ о смелом, беспощадном разоблачении преступлений сильных мира сего был понят как резкий протест против деспотизма, и цензоры, естественно, наложили лапу. Что-то в этом же духе произошло и с грузинским переводом «Анчара», выполненным Александром Чавчавадзе. В чем дело? Анчар — источник зла, и им распоряжается всемогущий злодей. Стихотворение написано вскоре после жестокой расправы над декабристами, естественно, эмоции были еще очень свежи как в обществе, так и в цензуре. Ко времени же перевода этого стихотворения на грузинский язык в Грузии до предела были накалены отношения в связи с провалом антирусского заговора 1832 года. Символика зла и злодеяний одинаково была воспринята как из подлинника, так и в переводе, тем более что переводчик был одним из участников заговора. Другой участник заговора, Григол Орбелиани, впоследствии достигший чина генерал-лейтенанта русской армии и должности второго лица в наместничестве царя на Кавказе, даже перевел отрывки из старого, запрещенного в России произведения Рылеева «Исповедь Наливайко», что сочли за отягчающее обстоятельство его участия в заговоре и выслали из Грузии. Так что переводчики

знали, что делали, а не просто заигрывали с музой. Протестантский дух Пушкина всегда сопровождал переводчиков того времени.

Так началась грузинская Пушкиниана, и с тех пор не зарастает «народная тропа» к творчеству Пушкина. Ни один юбилей поэта не был оставлен без должного внимания, в Тбилиси был сооружен один из прекрасных памятников поэту, четвертый по счету в масштабах всей Российской империи, который и теперь украшает центр города. Его имя носят улицы, учебные и культурные учреждения, даже небольшие библиотеки богаты произведениями Пушкина на русском и грузинском языках, которые активно изучаются в школе.

Пушкин фактически весь переведен на грузинский язык, и теперь идет качественное обновление переводов. Многие произведения переведены по несколько раз — даже такие крупные и сложные, как «Евгений Онегин», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Борис Годунов» и др. При этом переводили все известные писатели XIX и XX веков, с любовью приобщая грузинского читателя к бессмертным идеям и образам Пушкина.

При анализе повторных переводов в глаза бросается стремление устранить ранее допущенные неточности, которые могли появиться по разным причинам. Учитываются возросшие требования и вкусы читателя, и новые достижения переводческого мастерства. Чтобы достичь совершенства в переводе пушкинского стиха, надо быть не только ювелиром слова, но и поэтом по душе, иметь достаточную эрудицию и хорошо разбираться в версификации. К счастью, таких переводчиков становится все больше.

Методисты нашли еще один эффектный прием — привлечение переводов к процессу изучения русских писателей в грузинской школе. И при квалифицированной презентации оригинала и перевода результат получается весьма положительный. А для будущих переводчиков прекрасным примером служит великолепный, почти эталонный перевод самого Пушкина баллады Мицкевича «Будрыс и его сыновья».

Хорошей традицией стало в Грузии издание двуязычных сборников оригиналов и переводов, которые удовлетворяют интерес квалифицированных читателей. Подобные сборники повышают и ответственность переводчиков.

Грузинского читателя переводами не удивишь. И это так вот уже 15 веков. Но переводы произведений Пушкина занимают особое место. Это что-то очень близкое, очень понятное и свое. В основе такой близости лежит непоказной, светлый, добрый гуманизм, уважение к человеку независимо от национальности и социального положения без амбиции на превосходство и старшинство. Так думали наши абсолютные авторитеты И. Чавчавадзе, А. Церетели, Якоб Гогешвили, Важа-Пшавела, позже М. Джавахишвили, К. Гамсахурдия, Г. Табидзе, Г. Леонидзе.

Даже в наши, не очень-то благоприятные дни уважение к Пушкину не убывает. Это показатель того, что идеи и дух прогрессивной русской культуры не чужды грузинскому менталитету и миропониманию. И, видимо, впредь так будет.

Список литературы

1. Буачидзе Т. Русский литературный критический очерк. — Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1980.
2. В царстве гор. Грузия в жизни и творчестве декабристов-литераторов. — Тбилиси: Мередиани, 1988.
3. Талиашвили Г. История русской литературы (на грузинском языке). 2-е изд., — Тбилиси: Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1960.
4. Шадури В. Пушкин и грузинское общество. — Тбилиси: Литература და ხელოვნება, 1966.
5. Шадури В. Шумит Арагва предо мною... — Тбилиси: Мередиани, 1974.
6. Шадури В. За хребтом Кавказа. — Тбилиси: Мередиани, 1977.
7. Шадури В. Поэтический край — Тбилиси: Мередиани, 1978.
8. ბურჯანაძე ქ. მე-19 საუკუნის ქართული მხატვრული თარგმანის ისტორიის საკითხები / ქ. ბურჯანაძე. — თ., 1992.

А. С. Адилова (Караганды, Казахстан)

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
В КАЗАХСКОМ ТЕКСТЕ**

The article deals with the functioning of universally precedent or foreign expressions. Foreign precedent expressions in Kazakh texts are used in canonical and transformative types and fulfill connotative, text-forming, and informative functions. These quotations that have lost connection with their context not always preserve an invariant of perception due to diversity of linguistic competence and cognitive basis of an author or a reader.

Keywords: precedent expressions, quotations that have lost links with the source text, brevity, expressivity, emotionality, semantic memory, linguistic personality competence.

К прецедентным высказываниям исследователи относят паремиологические единицы и цитаты, потерявшие связь с породившим их текстом. Такие единицы, широко употребляемые в речи, усиливают лаконичность, экспрессивность, эмоциональность монологов и диалогов, увеличивают весомость высказываемых мыслей, заставляют человека задумываться, показывают субъективное восприятие говорящего, позволяют оценивать, уточнять, доказывать то или иное мнение, обобщая разрозненные факты или же исходя из общих фактов. Они знакомы всем членам определенного лингвосообщества и часто встречаются в их речи. Поэтому писатели и поэты используют эти единицы с различной стилистической целью в различной позиции и в разных контекстах: иногда в качестве эпиграфа, который является ориентиром для интерпретации художественного текста, а иногда в изложении самого автора для обобщения или уточнения, доказательства его мыслей. В некоторых случаях этими единицами в речи персонажей оценивается то или иное событие, другой герой, или же они служат для связи сложных синтаксических единиц. И все это благодаря тому, что они лапидарны, экспрессивны, запоминаются и воспроизводятся без особых усилий, способны образовывать подтекст.

Эти особые единицы дискурса могут воспроизводиться в инвариантном виде, а также измененном на лексическом, морфологическом, синтаксическом уровнях виде. Не чувствуется их инородность во введенном, вновь образуемом тексте, наоборот, их ассоциативная связь благодаря коннотативности и модальности обогащает и дополняет семантику текста. В некоторых случаях они легко узнаваемы, а иногда читатель должен активизировать свою когнитивную базу, чтобы узнать такие прецедентные высказывания.

По мнению исследователей В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. Б. Багаевой [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева 1997: 63], прецедентные феномены, к которым относятся

и прецедентные высказывания, можно разделить на три условных типа: социумно-прецедентные, национально-прецедентные, универсально-прецедентные, к которым позже Д. Б. Гудковым были добавлены и автопрецеденты.

В художественных произведениях казахских писателей и поэтов часто встречаются прецедентные высказывания различных типов. Функционирование национально-прецедентных и некоторых социумно-прецедентных высказываний в национальной литературе вполне естественно, а использование универсально-прецедентных, т. е. инокультурных высказываний автором текста ставит целью достижение наибольшего прагматического эффекта.

К инокультурным прецедентным высказываниям или цитатам, потерявшим связь с семантикой породившего их текста, можно отнести «и дым отечества нам сладок и приятен», «из искры возгорится пламя», «отец всех времен и народов». Эти цитаты приведены в речи персонажа и авторском изложении в текстах писателя-билингва Ануара Алимжанова, писателя, пишущего на национальном языке Мухтара Магауина и начинающего редактора научно-справочного издания.

Первую цитату произносит Фатима ханым, жена правителя Букеевской Орды, в ответ на реплику Николая I, удивленного ее легкими и грациозными движениями в танце: «Как же вы живете среди дикарей?». В ее речи это высказывание не является чужеродным, поскольку она знакома с первоисточником этой цитаты, получила образование на русском языке и воспитывалась в Петербурге. В повести «Стрела Махамбета», написанной на русском языке, автор, хорошо знающий исторический материал, тонко чувствующий и реализующий ментальные особенности, заключенные в лексике и казахского, и русского языков, на наш взгляд, совместив поверхностный и глубинные значения этого высказывания, устами своей героини выразил концептуально-содержательную информацию. Эта же цитата

в речи кого-либо из числа сопровождавших ее людей Букеевской Орды была бы неуместной, потому что не соответствовала бы их лингвистической компетенции.

Вторая цитата, ставшая эпиграфом к большевистской газете, в повести «Сары казак» М. Магауина, написанной в 1991 году, использована в авторском изложении в саркастическом ключе, хотя, по мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, она приводится, «когда нужно выразить уверенность в неизбежности победы прогрессивного дела, пусть пока и слабого. Подчеркивается конечная победа, конечное преодоление трудностей и препятствий» [Верещагин, Костомаров 1983: 180]. Цитата «из искры возгорится пламя» — из ответного послания А. И. Одоевского на стихи «Во глубине сибирских руд...» и «К Пушкину» А. С. Пушкина, имея инвариантное положительное восприятие у носителей русского языка, потеряв связь с источником, сейчас у многих членов лингвокультурного сообщества бывшего Советского Союза ассоциируется с газетой «Искра», с идеями коммунистов. И именно по этой причине, впервые упомянув эту цитату в начале повести и подвергнув ее трансформации, писатель приводит ее в предпоследних ССЕ, что приводит к изменению смысла, т. е. появляется контраст сопологаемых ситуаций: «*Искра есть — одной искры оказалось достаточно, чтобы уничтожить голос целого народа, мощь великого государства*». Когнитивная база писателя позволила с помощью этого прецедентного высказывания оценить идеологию и национальную, экономическую, демографическую политику ВКП(б), вследствие которых резко сократилась численность казахов и чуть было не было уничтожено национальное самосознание. Декодирование читателем этого прецедентного высказывания особо значимо, потому что именно оно интегрирует всю вербальную структуру в единое целое и показывает модальность текста. Надо сказать, что молодое поколение читателей, получивших среднее образование в годы суверенного Казахстана, не всегда способно распознавать прецедентные феномены различных типов в произведениях этого писателя, пишущего на родном языке. Это, на наш взгляд, связано с изменениями образовательного процесса, идеологии и информационного пространства, а также с факторами глобализации, которые проникли в жизнь нынешнего поколения.

Прецедентное высказывание «отец всех времен и народов», берущее свое начало из Библии в виде «отец народов», впервые в современной публицистике было использовано метафористически

в передовице газеты «Правда» 12 апреля 1936 года и в политическом дискурсе того времени постепенно утратило свою коннотативность. После смены политического руководства в СССР и развенчания культа личности Сталина в семантике цитаты прочно закрепился саркастический оттенок, и до сего времени она употребляется в медиадискурсе. В связи с тем, что общественно-политическая лексика русского языка была калькирована на многие национальные языки народов бывшего Союза, цитата была широко известна. Несмотря на сужение сферы и снижение частотности употребления, представители старшего поколения, учившиеся в национальной школе и пользовавшиеся единым информационным пространством, источником, регулируемым из одного центра, хорошо помнят и знают смысл этого прецедентного высказывания, чего нельзя сказать о молодых представителях пера. Автор предисловия к энциклопедии, не зная о семантике, ассоциации, коннотации прецедентного высказывания, для выражения своего восхищения использовал, на его взгляд, наиболее экспрессивную, приемлемую, уместную структуру, что привело к обратному эффекту, т. е. изменилась модальность, приведшая к снижению текста: «*Может быть, поэтому путешественник всех времен и народов Н. М. Пржевальский во время поездки на Тибет, осматривая горные пейзажи Казахстана, написал в своей записной книжке: “А ведь жизнь прекрасна путешествиями!”*». Использование в отношении Н. М. Пржевальского, известного и уважаемого в Казахстане и Средней Азии географа, этого прецедентного высказывания неуместно, поскольку в сознании читателей сразу актуализируется его отрицательная семантика.

В сатирическом романе «Легенда о застреленной девушке» С. Адамбекова главный герой характеризует себя словами «*ақындар ауылда туып, астанада өледі*». Прецедентное высказывание «*Поэты рождаются в провинции и умирают в Париже*», приписываемое персонажу одного из романов В. Гюго, не зарегистрированное ни в одном словаре крылатых выражений, трансформировано в соответствии с лингвистической компетенцией персонажа и контекстом произведения, реалиями национального быта: провинция замещена словом ауыл, а Париж — астана (столица). В трансформированном высказывании сохранено созвучие замещенных слов — *ауыл* и *астана*. Писатель использовал поверхностное значение прецедентного высказывания, которое играет важную роль в семантике текста.

Воспроизведение, актуализация таких цитат, потерявших жесткую связь с породившим их

текстом, зависит от семантической памяти и компетенции языковой личности, однако это не значит, что авторы хорошо знакомы с прецедентным текстом, поскольку в их когнитивной базе сохранен только инвариант его восприятия.

В произведениях поэта С. Аксункарулы, часто использующем все виды прецедентных феноменов [Адилова 2006: 229], это прецедентное высказывание выполняет текстообразующую функцию, актуализируя эталонную ситуацию такого типа. В стихотворении, написанном в самом начале творческого пути, поэт, живущий далеко от столицы, трансформированным в вопросительное предложение высказыванием передал все свои сомнения в правильности выбранной дороги и надежды на успех на этом поприще, придав таким образом субъективную эмоциональную окраску:

*Не выдержал ожидания тщетно —
Отправиться ли мне в столицу?
И правда ли, поэты умирают в столице,
Родившись когда-то в аулах?*

В стихотворении «Провинциальная литература», посвященном поэтам, живущим вдалеке от кипучей столичной жизни и в силу этого менее известным, но ничем не уступающим в творчестве кому-либо, это прецедентное высказывание категорически отрицает существующее мнение:

*Иду по жизни грустно, сожалея,
Воспламенившись огнем из Семеня.
Неправда, не умирают в столице
Поэты, рожденные в ауле.*

Эти стихотворения разделяет 10 лет, и модальность текстов диаметрально противоположна.

Универсально-прецедентные высказывания, таким образом, в казахском художественном тексте выполняют различные функции: коннотативную, текстообразующую, интегрирующую. Исползованные прецедентные высказывания иногда легко декодируются читателем, а иногда — нет, и причины этого заслуживают отдельного рассмотрения.

Список литературы

1. Адилова А. С. Функционирование прецедентных имен в национальной литературе. Проблемы региональной ономастики: материалы всерос. конф. — Майкоп, 2006. — С. 229—231.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. — М.: Рус яз., 1983. — 269 с.
3. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестн. Москов. ун-та. — 1997. — № 3. — С. 63—75.

Т. П. Акимова (Волгоград, Россия)

СПЕЦИФИКА СОДЕРЖАНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА ПРОСЬБЫ В РУССКОМ ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

The article deals with utterances containing the intention of request, taken from the private letters of the classical writers of XIX—XX-century Russian literature. The peculiarities of the realisation of the speech genre of request in Russian epistolary text from the point of view of the content and mounting have been defined. It has been ascertained that these peculiarities are stipulated by national-cultural specific character of the Russian lingual identity.

Keywords: epistolary text, utterance, speech act, lexical and grammatical means.

Данное исследование проводится в рамках лингвокультурологического подхода к анализу единиц эпистолярной коммуникации.

Коммуникативно-прагматическая специфика эпистолярных текстов состоит в том, что они, с одной стороны, приближены к устной речи, поскольку автор в них выступает как говорящий субъект, который строит монолог, обращенный к определенному адресату; с другой стороны, удаленность адресата в пространстве и времени обуславливает необходимость максимально точной передачи коммуникативных намерений автора письма.

Цель данной работы — установить закономерности воплощения речевого акта (далее — РА) просьбы в русском эпистолярном тексте с точки зрения их содержания и языкового оформления. В качестве материала для исследования избрано эпистолярное наследие классиков русской литературы XIX—XX веков А. С. Пушкина и М. Горького.

Анализ писем с позиции теории речевых актов [Остин 1986; Серль 1986] позволяет выявить наиболее частотные коммуникативные установки, реализуемые пишущим субъектом: сообщение информации, значимой для него и / или адресата,

вопросы к адресату или его коммуникативному окружению, интенции, связанные с соблюдением речевого этикета (приветствие, поздравление, пожелание, благодарность, извинение, прощание и др.).

Особое место в ряду эпистолярных интенций занимают коммуникативные установки, связанные с выражением просьбы. В отличие от вышеперечисленных речевых актов, в которых основным действующим лицом является субъект речи, изменяющий окружающую действительность сообщением определенных данных или попыткой их получения, а также совершающий этикетные действия, главным героем речевого акта просьбы является адресат, и именно он призван изменить мир своими действиями, к которым его побуждает пишущий. То, как адресат воспримет «непрошенное вторжение» автора письма в сферу своих интересов, во многом зависит от того, каким образом пишущий сформулировал свою просьбу.

Специалисты в области лингвокультуроведения отмечают, что РА, или, в иной терминологии, речевые жанры, «выделенные данным языком, являются <...> одним из лучших ключей к культуре данного общества» [Вежицка 1997: 111]. Прежде всего, это проявляется в том, что «жанровое своеобразие каждой культуры определяется <...> набором жанров и содержательными характеристиками, которыми наделяется каждый жанр в данной культуре» [Дементьев 2007: 6].

Исследователи отмечают, что в русскоязычной коммуникации средства представления РА просьбы весьма разнообразны [см., напр., Формановская 1994, 1998; Егорова 1995]. К ним относятся, прежде всего, императивные, перформативные, вопросительные, а также развернутые высказывания, причем основным способом выражения просьбы является императив. Н. И. Формановская отмечает, что императивное высказывание, ядром которого является повелительное наклонение глагола — *Сделай(те) это, пожалуйста* — наиболее частотное воплощение просьбы [Формановская 1998: 204].

Результаты количественных подсчетов различных способов представления РА просьбы в частных письмах русских писателей подтверждают данное наблюдение. Так, в 628 письмах А. С. Пушкина отмечен лишь 51 случай употребления (далее — с/у) перформатива *прошу*, в 1195 письмах М. Горького — 284 с/у (здесь и далее рассматриваются только способы реализации РА просьбы, представленные в эпистолярной одного из писателей не менее чем 10 с/у), в то время как РА просьбы содержатся практически в каждом

письме. В качестве семантических аналогов перформативов могут быть рассмотрены также речевые формулы *осмеливаюсь просить* (в письмах А. С. Пушкина — 10 с/у), *я просил бы* (в письмах А. С. Пушкина — 1 с/у, М. Горького — 29 с/у).

Реже перформативов в анализируемом материале для реализации РА просьбы используются вопросительные высказывания типа *(Не) можешь / можешь ли ты / Вы...?* (в письмах А. С. Пушкина — 5 с/у, М. Горького — 12 с/у) и повествовательные, т. н. развернутые — *Жду...* (в письмах А. С. Пушкина — 10 с/у, М. Горького — 18 с/у); *Буду благодарен...* (в письмах М. Горького — 22 с/у); *Хочется...* (в письмах М. Горького — 16 с/у).

Наиболее частотным способом представления РА просьбы в русском эпистолярном тексте являются императивы. Тематическая классификация глаголов, употребленных в письмах в форме повелительного наклонения, позволяет выявить наиболее частотные РА просьбы:

1) сообщить информацию автору или лицам из окружения адресата: *скажи(те)* — 78 и 66 с/у, *пиши(те)* — 47 и 44 с/у, *напиши(те)* — 38 и 53 с/у, *отвечай(те)* — 15 и 10 с/у, *ответь(те)* — в письмах М. Горького 14 с/у, *сообщи(те)* — в письмах М. Горького 62 с/у;

2) передать автору или лицам из окружения адресата что-либо: *пришли(те)* — 44 и 79 с/у, *пошли(те)* — 5 и 43 с/у, *перешли(те)* — 18 и 2 с/у, *передай(те)* — 3 и 15 с/у;

3) этикетные просьбы:

а) при извинении: *прости(те)* — 65 и 115 с/у, *извини(те)* — 27 и 76 с/у, *не серди(те)сь* — 10 и 19 с/у; *не обижайся / обижайтесь* — в письмах М. Горького 20 с/у;

б) при приглашении: *приезжай(те)* — 16 и 43 с/у;

в) при прощании: *поцелуй(те)* — 11 и 11 с/у, *обними* — в письмах А. С. Пушкина 18 с/у, *поклони(те)сь* — в письмах М. Горького 12 с/у, *передай(те) привет* — в письмах М. Горького 10 с/у;

г) при выражении внимания, заботы, утешения: *береги (себя, здоровье, детей)* — 8 и 23 с/у; *не беспокойся / беспокойтесь* — 1 и 17 с/у.

Приведем примеры реализации РА просьбы посредством императивов в каждой из выделенных групп:

1) *Скажи мне, милый мой, шумит ли мой «Пленник»? (П1: 129); Отвечай мне по extra-почте! (П1: 165); Пиши о твоём здоровье и всем прочем (Г1: 158); А что — в цензуре пьеса была? Сообщите (Г1: 224);*

2) *Пришли мне эпиграмму Грибоедова (П1: 247); Передайте прилагаемую записочку Кондурушкину (Г2: 113);*

3а) Простите мне долгое мое молчание, любезный Михаилу Петрович... (П2: 96); Пожалуйста, не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться (П3: 295); Дорогой мой — не сердитесь на меня за то, что суюсь в Ваше дело! (Г1: 411); На сердитое письмо — не обижайтесь (Г2: 365);

3б) Пожалуйста приезжай ко мне, к обеду: мне с тобою непременно надо поговорить (П3: 303); Приезжайте, мы встретим Вас — как родного (Г1: 78);

3в) Прощай, кланяйся княгине — и детей поцелуй (П1: 348); Будь здорова, поцелуй сына, не беспокойся, пожалуйста, береги себя (Г1: 163); Передайте привет мой колонистам Дзержинского (Г3: 113);

3г) Береги себя и, сделай милость, не простудись (П3: 239); Вы, Павел Хрисанфович, не беспокойтесь обо мне, я еще долго проживу! (Г2: 245).

Далее рассмотрим другие способы реализации просьб, часто встречающихся в письмах А. С. Пушкина и М. Горького. В отличие от императивов, они используются далеко не в каждой из выделенных групп (см. нижеприведенные примеры).

Перформативы:

1) ... очень прошу Вас, дорогой, поскорее ответить мне (Г1: 14);

2) Дорогой мой друг — посылаю выписку книг для ссыльных Архангельска <...> Очень прошу послать им скорее (Г1: 304);

3а) Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев (П3: 444); ...прошу не сердиться, если я не часто пишу, — есть некогда, не токмо писать! (Г1: 338).

Вопросительные высказывания:

1) Пишешь ли ты, мой собрат — напишешь ли мне, мой холосенький (П1: 33); Не скажете ли чего-либо по поводу статей Михайловского, особенно по поводу второй? (Г1: 44);

2) Брат, ты мне прилешь немецкую критику «Кавказского пленника»? (П1: 307); Быть может, в личной Вашей библиотеке есть дубликат — не пошлете ли его мне? (Г2: 140);

3б) По газетам видел я, что Тургенев к тебе отправился в Москву; не приедешь ли с ним назад? это было бы славно (П2: 544); ...да можешь ли ты обедать завтра у меня? (П3: 39); В пятницу ко мне хотел приехать Немирович, если б и Вы могли! (Г1: 181); Не надумаете ли приехать сюда, а? Вот бы славно было! (Г2: 189).

Развернутые высказывания:

1) Жду письма от тебя с нетерпением; что твое брюхо, и что твои деньги? (П3: 441); Жду обещанного письма (Г2: 147); Если напишете мне — в свободный час о литераторах,

о их тревогах, надеждах, работах, буду очень благодарен (Г2: 534);

2) Брат привезет тебе мои стихи, жду твоих, как утешения (П1: 285); Желаю успеха, верю в него и — жду снимков с «Павлинов», с новой картины и с моего портрета (Г2: 180); Буду очень благодарен, если Вы пришлете Ваш перевод пьесы Чапека... (Г2: 479);

3б) Здесь — весна. Хочется, чтоб Вы приехали (Г2: 102).

Как видим, для реализации «этикетных» просьб авторы писем предпочитают использовать императивы, в то время как просьбы, связанные с сообщением информации и передачей чего-либо могут быть реализованы и с помощью других средств представления данной иллюкции. Исходя из приведенных выше примеров, можно предположить, что перформативы и вопросительные высказывания чаще используются в письмах к адресатам, удаленным от автора письма на социально-психологической (горизонтальной) и статусной (вертикальной) дистанциях, а сама просьба, по мнению автора, характеризуется достаточно высокой сложностью исполнения. Напротив, просьба в форме развернутого высказывания предполагает социальное равенство, близость пишущего к адресату и / или невысокую «цену просьбы».

Еще одна выявленная нами закономерность в оформлении просьб, характерных для эпистолярия, состоит в том, что они нередко реализуются посредством нескольких высказываний, разных по структуре, но одинаковых по иллюктивному наполнению:

1) Между тем обращаюсь к Вам, к брату Вашему и к Языкову с сердечной просьбою. <...> Напишите мне несколько слов (не опасаясь тем повредить моей политической репутации) касательно предполагаемой газеты (П3: 53); Не знаю, где и что моя невеста. Знаете ли вы, можете ли узнать? ради бога узнайте и отпишите мне: в Лукьяновский уезд в село Абрамово, для пересылки в село Болдино (П2: 330); Ответьте поскорее, очень прошу (Г1: 94); Не сообщите ли, сколько экземпляров идет в Нижний? Буду благодарен (Г1: 22);

2) Очень просил бы прислать и Ваши работы по мифологии; если это Вас не затруднит — пришлите пожалуйста! (Г2: 262); А Вас просил бы прислать «Записки современника» — очень хочется иметь эту книгу из Ваших рук, нравится она мне (Г2: 175); Где-то у меня были очки, спроси их у мамы и пришли, прошу (Г1: 164); Пожалуйста, когда напечатаете новые вещи — пришлите мне оттиски, — ладно? Буду благодарен (Г3: 59);

3а) *Прошу извинения за испачканное письмо. Очень прошу* (Г1: 33); *А пока что дружески жму руку и прошу: не сердитесь на меня за многословие, в коем я же сам Вас упрекнул* (Г2: 130);

3б) *Не будете ли Вы к нам? Эй, приезжайте* (П3: 59); *Очень прошу, Анатолий Федорович, — буде есть у Вас возможность — приезжайте! Как это хорошо будет для всех нас!* (Г1: 100); *Не можешь ли приехать? Прошу* (Г1: 385); *Дорогой Иван Алексеевич! Не придете ли поговорить по поводу «Кобзаря» 17-го числа между 12-ю и 2-мя? Очень буду благодарен!* (Г1: 398); *Обращаясь с просьбой, не будете ли Вы любезны зайти сегодня ко мне до 7 ч. вечера <...> Очень обяжете* (Г1: 282); *Приехали бы сюда?! Так хочется повидать Вас* (Г1: 51); *А Вы все-таки приезжайте. Очень жду!* (Г2: 246)

3в) *...прошу, поклонитесь Розановым, Штангееву и всяким знакомым* (Г1: 37);

3г) *Береги Максима, повторяю, и береги себя, прошу* (Г1: 358).

Исследователи отмечают, что «удвоенная просьба (использование двойного императива!) не уменьшает, а напротив, увеличивает степень вежливости» [Ларина 2009: 171]. Но в то же время данные актуализаторы вежливости усиливают давление на адресата, делают просьбу более интенсивной.

К числу других средств актуализации вежливости, используемых в русском эпистолярном тексте, можно отнести следующие единицы: *пожалуйста* (в письмах А. С. Пушкина — 43 с/у, М. Горького — 136 с/у), *сделай(те) милость* (в письмах А. С. Пушкина — 39 с/у), *сделай(те) одолжение* (в письмах А. С. Пушкина — 31 с/у), *будьте добры* (в письмах М. Горького — 48 с/у), *будьте любезны* (в письмах М. Горького — 14 с/у), *очень (+прошу)* (в письмах М. Горького — 79 с/у): *Пожалуйста, не принимайте этого письма за отказ* (П3: 511); *Примите, сделайте милость, мое оправдание* (П2: 316); *Сделайте одолжение объяснить, на каком основании не пропускаете вы мною доставленное замечание в «Московский телеграф»?* (П2: 151); *Форму участия Вашего, как и вознаграждение за труд, будьте любезны определить сами* (Г1: 212); *Будьте добры, напишите* (Г1: 167); *Еще прошу Вас вот о чем — будьте добры поскорее ответить мне* (Г1: 17); *Дорогой друг — пожалуйста, передайте прилагаемое письмо к Толстому в «Сын отечества»...* (Г1: 370).

Вышеперечисленные единицы А. Г. Балакай характеризует следующим образом: *сделай-те милость, сделайте одолжение, очень* —

интенсификаторы вежливости и экспрессивности [Балакай 2007: 279, 344, 359]; *будьте добры, будьте любезны, пожалуйста* — интенсификаторы вежливости [Балакай 2007: 158, 259, 379]. Однако в нашем материале отмечены случаи использования интенсификаторов вежливости и в экспрессивной функции: *Да, ангел мой, пожалуйста не кокетничай* (П3: 184); *...кстати прошу — не давай никому моих книг. Пожалуйста, береги их* (Г1: 27); *Будь добр, ответь определенно, когда именно ты можешь дать денег? Положение — критическое, деньги нужны дозарезу. Ответь!* (Г1: 397).

На наш взгляд, критерием отграничения использования интенсификаторов в экспрессивной функции от употребления в функции вежливости может служить употребление интенсификаторов в «ты-высказываниях», содержащих неэтикетную просьбу: *Скажи мне, сделай одолжение, жив ли ты? что ты намерен делать? что наши?* (П2: 543); *Сделай милость, напиши мне обстоятельнее о тяжбе своей с цензурою* (П1: 148); *Во-вторых, я забыл взять с собою твои «Записки»; перешли их, сделай милость, поскорее* (П3: 452).

Для повышения интенсивности просьбы, исполнение которой важно для пишущего, используются интенсификаторы экспрессивности, в частности *ради бога* (+императив) (в письмах А. С. Пушкина — 55 с/у, М. Горького — 1), а также частица *же*, стоящая после глагола в форме повелительного наклонения (17 и 15 с/у): *Не написал ли ты чего нового? пришли, ради бога...* (П1: 148); *Скоро увидимся, милая Катя. Не беспокойся, ради бога* (Г1: 159); *Да пришлите же мне «Старину» и «Талию», господи помилуй, не допросишься* (П1: 373); *Пришлите же мне книги, взятые В[иктором] Михайловичем!* *Надо же мне!* (Г2: 278). В отличие от интенсификаторов вежливости, они выполняют только одну функцию — указывают на то, что исполнение просьбы важно для адресата. Кроме того, интенсификаторы экспрессивности обычно используются в письмах к адресату, чьи отношения с автором характеризуются как неформальные.

Предпочтение пишущим определенных средств реализации РА просьбы (например, «удвоенные просьбы» в письмах М. Горького), а также интенсификаторов вежливости и экспрессивности (например, *будьте добры* — в письмах М. Горького, *ради бога* — в письмах А. С. Пушкина) может быть объяснено эпистолярным этикетом, свойственным периоду написания текста, или же представлять собой элемент эпистолярного идиостиля

автора. Чтобы разрешить данные сомнения, необходимо исследовать частные письма современников данных авторов.

Таким образом, в результате распределения речевых актов просьбы по тематическому принципу было установлен перечень наиболее частотных просьб в русском неофициальном письме, а также выявлены способы их оформления.

Список литературы

1. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: ок. 6000 этикетных слов и выражений. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. — 767 с.
2. Вежицка А. Речевые жанры // Жанры речи. — Саратов: Колледж, 1997. — С. 99—111.
3. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи. — Вып. 5. Жанр и культура. — Саратов: Наука, 2007. — С. 5—20.
4. Егорова М. А. Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1995. — 23 с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Яз. славян. культур, 2009. — 512 с.
6. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVII: Тео-

рия речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 22—150.

7. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVII: Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — С. 151—169.

8. Формановская Н. И. Прагматика побуждения и логика языка // Русский язык за рубежом. — 1994. — № 5—6. — С. 34—40.

9. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. — М.: Икар, 1998. — 292 с.

Источники и сокращения

- Г1 — Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 28. Письма, телеграммы, надписи. 1889—1906 гг. — М.: Худож. лит., 1954. — 600 с.
- Г2 — Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 29. Письма, телеграммы, надписи. 1907—1926 гг. — М.: Худож. лит., 1955. — 671 с.
- Г3 — Горький М. Собрание сочинений. В 30 т. Т. 30. Письма, телеграммы, надписи. 1927—1936 гг. — М.: Худож. лит., 1955. — 819 с.
- П1 — Пушкин А. С. Письма. В 3 т. Т. I. 1815—1826. — М.: Захаров, 2006. — 704 с.
- П2 — Пушкин А. С. Письма. В 3 т. Т. II. 1827—1831. — М.: Захаров, 2006. — 672 с.
- П3 — Пушкин А. С. Письма. В 3 т. Т. III. 1832—1837. — М.: Захаров, 2006. — 544 с.

Н. А. Алексеева (Санкт-Петербург, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТЕ ПЕСНИ

This article is dedicated to the problem of cohesion and coherence in the song text. Song text is seen as a creolized text containing verbal and musical components, each component possessing their own elements and means of connection between them. Due to the specific character of creolized text and close relations between verbal and musical components, text categories of cohesion and coherence of each component become interdependent, that means that musical means of connection influence the way the cohesion and coherence in the verbal text is organized.

Keywords: *textual category, coherence, creolized text, verbal component, musical component, means of coherence, repetition, structure of musical component, dividedness, period, motive, dissonance, consonance, interval.*

Одним из центральных вопросов лингвистики текста является вопрос о текстовых категориях, под которыми понимаются свойства, признаки и параметры, которыми обладает текст и которые позволяют отделить текст от нетекста. Количество данных категорий и их трактовка варьируются у различных ученых. В западной традиции одной из основных считается

теория Дресслера и де Богранда о семи критериях текстуальности. В отечественной лингвистике большой популярностью пользуется концепция И. Р. Гальперина, который собственно и выдвинул термин текстовая категория. Кроме того, существуют другие концепции текстовых категорий, основывающиеся на системно-деятельностном подходе, теории отражения, рассматривающей

текст как проекцию речевого акта и его свойств, концепция функциональных семантико-стилистических категорий. Однако, несмотря на многообразие мнений по поводу того, какие именно свойства следует отнести к разряду текстовых категорий, большинство ученых сходятся во мнении, что центральными необходимо признать свойства связности и цельности текста.

Категория связности уже неоднократно рассматривалась в специальной литературе в различных аспектах, как в рамках исследования текстовых категорий, так и с точки зрения порождения и восприятия текста. Тем не менее, до сих пор неисследованным остается вопрос об особенностях реализации текстовой категории связности в особом типе креолизованного текста, которым является текст песни. Взаимодействие музыкального и вербального компонента в тексте песни создает особую среду для функционирования текстовых категорий, в том числе категории связности. Таким образом, изучение данного вопроса поможет пролить свет на проблему связности в полисемiotическом тексте.

В данной статье мы постараемся проследить особенности реализации и функционирования текстовой категории связности с целью расширить ее понимание, а также дать более детальную характеристику такому типу текста, как текст песни.

Связность понимается как соединение, сцепление компонентов текста, о чем, как отмечают многие ученые, свидетельствует и сам термин «текст», который в переводе с латыни (*textum*) означает «связь, соединение, строение». Связность — это в первую очередь категория грамматики текста, так как она формирует его структуру, способствует организации компонентов текста и не позволяет им распадаться на самостоятельные элементы.

Некоторые авторы предпочитают проводить границу между связностью на внешнем уровне (уровне формы) и глубинном уровне (содержательном уровне). Так, в уже упомянутых Дресслера и де Богранда речь идет о когезии и когерентности. Первая представлена различными лексическими, грамматическими и синтаксическими средствами связи предложений в тексте, к которым можно отнести рекуррентцию, прономинализацию, эллипсис и т. д. Когерентность является средством глубинной связи и формирует мир текста, состоящий из набора концептов. О. И. Москальская в своей работе «Грамматика текста» говорит о структурной целостности текста, маркированной специальными средствами связи между

предложениями, такими как временные формы глагола, выбор артикля, местоимения и т. п. У Т. ван Дейка мы встречаем термины «локальная» и «глобальная связность». Локальная связность осуществляется на уровне предложений, в то время как глобальная связность представлена на уровне всего дискурса. К. Бринкер говорит о связи предложений на грамматическом уровне, пропозиций на тематическом уровне и иллокуций на прагматическом уровне. В рамках психологического подхода и вопросов текстопорождения и текстовосприятия вопросами связности занимались Л. Н. Мурзин и А. С. Штерн. Они выделили два вида связи: интрасвязность как внутреннюю смысловую связь компонентов текста и эктрасвязность как внешнюю формальную связь. При этом ученые отмечали, что любая связь имеет направление и может быть анафорической и катафорической.

Л. Г. Бабенко предлагает классифицировать виды связей по уровням: связь текста с действительностью осуществляется на уровне семантики, грамматические связи и зависимости возникают на уровне грамматики, особенности авторского идиостиля формируют связи на прагматическом уровне. В качестве доминанты категории связности выступает содержательное, тематическое единство текста, красной нитью проходящее через все произведение и способствующее формированию его цельности.

Ряд ученых не проводит разграничения между формальными и содержательными средствами связи, включая их в общее понятие: например, у И. Р. Гальперина это когезия, или внутритекстовые связи, включающие не только грамматическую связность, но и ассоциативные, образные, логические связи.

Таким образом, несмотря на обилие различных формулировок, категория связности рассматривается преимущественно на двух уровнях — формальном и содержательном. При этом средствами реализации данной категории выступают: на формальном уровне — повторы, замены местоимениями полнозначных частей речи, эллипсис, уточнения, слова-связки и т. д.; на глубинном уровне — общность темы, тема-рематическое членение.

Кроме того, стоит отметить взаимосвязь категорий связности и цельности. Как отмечает К. А. Филиппов в курсе лекций по лингвистике текста, «связность всех компонентов текста автоматически не приводит к цельности, хотя, вероятно, и способствует ее становлению» [Филиппов 2007: 144]. Часто деление связей на внутренние содержательные и внешние формальные

совпадает с разграничением категорий связности и целостности: формальные связи осуществляют механическое сцепление частей текста посредством повторов, в то время как содержательное единство и последовательное раскрытие одной темы делает текст цельным. Так, например, у В. Е. Чернявской мы встречаем термин «когерентность», трактуемый ей как «глубинная содержательно-смысловая связность текста» [Чернявская 2009: 26]. Однако речь при этом идет о целостности восприятия текста.

В случае креолизованного текста песни мы имеем полисемиотический комплекс, состоящий из двух компонентов: вербального, передаваемого средствами естественного языка, и музыкального, формируемого коммуникативной системой музыки. Компоненты креолизованного текста не существуют автономно, но находятся в тесной взаимосвязи, что позволяет предположить взаимодействие, в том числе и на уровне текстовых категорий. В таком случае, если мы ведем речь о связности текста, во втором компоненте полисемиотического комплекса должно присутствовать деление на конституирующие элементы, связь между которыми осуществляется специальными средствами. В случае музыкального компонента такие составляющие имеются.

Довольно популярной в музыковедении, но оттого не менее спорной является теория интонаций Асафьева. Она заключается в том, что центральным понятием в музыке предстает понятие интонации как определенного фрагмента музыкального произведения от одного созвучия до отрезка мелодии, которое выступает для адресата в качестве смысловой значимой единицы. Для каждой эпохи характерен свой набор интонаций, посредством которых композиторы передают злободневные для своей эпохи идеи. В памяти как композитора, так и слушателя хранится устный словарь интонаций, который они привлекают каждый раз, когда слушают произведение. При этом восприятие любых новых созвучий, звуко-соотношений, мелодий, гармоний происходит путем их сравнения с уже известными интонациями. Спорным и до конца неясным остается длина и способ вычленения данных интонаций. Тем не менее, в рамках данной теории нельзя отрицать факт членимости музыкального произведения.

Л. Красинская и В. Уткин в пособии по теории музыки выделяют в структуре мелодии период, предложение, фразу и мотив. Период — это полностью законченная музыкальная мысль, характеризующаяся каденцией, т. е. завершением, которое представляет собой возвращение в устойчивую

ступень или аккорд. Он может охватывать 8 (малый) или 16 (большой) тактов. Период делится на 2 части — предложения. Предложения внутри периода, как правило, обладают сходной структурой, могут различаться только каденцией (своим завершением) и находиться в отношении А — А1, но могут иметь и совершенно разную организацию. «Мотив — наименьшая часть мелодии, которая имеет определенное выразительное значение и которую можно узнать при ее появлении (в некоторых случаях мотив и мелодическая интонация совпадают). В мотиве обычно один акцент (как одно ударение в слове в разговорной речи), поэтому наиболее типичный объем мотива — один такт» [Красинская, Уткин 1991: 223]. Кроме того, в музыкальном произведении присутствуют различного вида цезуры (паузы), которые и способствуют вычленению мотивов как отдельных тем. При этом все произведение представляется как переход от одной темы к другой.

Музыка является временным искусством, т. е. она развертывается линейно во времени. Как было показано выше, в музыкальном произведении имеется категория членимости как в графическом плане (членение на такты), так и в содержательном (выделение фраз и мотивов). В связи с этим в любом музыкальном произведении должны присутствовать средства, связующие отдельные части произведения между собой. В первую очередь к ним стоит отнести различного рода повторы, вариации и имитации. По мнению Асафьева, все музыкальные произведения строятся на двух основных принципах — тождества и контраста, которые в определенном соотношении комбинируются в рамках целого произведения. При этом существуют различные виды повторов от идентичного повторения мелодии или гармонии до их модуляций (переноса) в другую тональность, изменения ритма при сохранении мелодии или, наоборот, сохранения ритма при изменении музыкальной ткани. Повторы в музыке оказываются более значимыми в том случае, когда они употребляются нетождественно, но с определенными изменениями, так как это способствует приращению смысла.

Следующее средство связи в музыке — это паузация. На первый взгляд, музыкальные цезуры должны, прежде всего, способствовать членению музыкального текста. Однако Асафьев предлагает выделять в том числе и динамическую функцию паузы. Вот что он пишет по данному поводу: «Пауза чаще всего «срезывает» количество звучания, но срезанный звукокомплекс продолжает влиять (не теряет своих функций) и, перестав

фактически звучать, усиливает напряжение движения, а значит — вызывает еще большую напряженность внимания <...> Пауза-цезура, прерывая движение как неожиданное препятствие, как своего рода плотина, усиливает его интенсивность» [Асафьев 1971: 65]. Таким образом, пауза связывает части музыкального произведения, выступая в функции толчка к дальнейшему развитию.

Большое значение для связи отрезков музыкального произведения имеют интервалы и их консонантность или диссонантность. Музыкальное произведение представляет собой движение музыкальной ткани, которое может осуществляться по направлению вверх или вниз, скачкообразно или поступательно. Основным законом построения музыкального произведения является закон заполнения любого скачка: любое движение на определенный интервал вверх или вниз сопровождается поступательным движением в противоположном направлении. Консонантность и диссонантность определяют устойчивость аккорда или звука. К устойчивым аккордам относится тоническое трезвучие; соответственно звуки тонического трезвучия также являются устойчивыми ступенями. Все остальные звуки и аккорды в той или иной степени неустойчивы и требуют разрешения, т. е. стремятся к тонике. Таким образом, любой неустойчивый аккорд или звук оказывается привязан к устойчивому, а следовательно неустойчивого звука за неустойчивым создаст динамику музыкального произведения, которое стремится возвратиться в тонику.

Связность элементов в музыкальном произведении осуществляется как между соседними фразами, интонациями, так и «арочно», на расстоянии. При этом основным средством связи является динамика произведения, когда каждая предыдущая фраза становится толчком для последующей. Это можно выразить посредством формулы, предложенной Асафьевым: $I:M:T=i:m:t$ ($(=i):m:t(=i):m:t$), где i — стимул, m — движение, t — завершение.

Основным средством связи в тексте являются различного вида повторы: тождественный, парадигматический, деривационный, синонимический, перифрастический, гипонимический, грамматические и другие виды повторов. При этом считается, что повтор как средство связности не является тавтологией, так как передает «усложненное содержание», ведет к приращению информации. Помимо этого, в качестве средств реализации категории связности учеными называются эллипсис, временные формы глагола, артикли.

В креолизованном тексте песни средства музыкальной связности вступают во взаимодействие

с вербальными средствами, оказывая на них воздействие. Наиболее ярким примером может служить структура песенного текста. Как широко известно, она носит куплетную форму и представляет собой два-три куплета, чередующиеся с припевом. В случае припева мы имеем тождественный или близкий повтор как в текстовой, так и музыкальной ткани. Что касается куплетов, то они, как правило, исполняются на одну мелодию, при этом текст каждой строфы меняется. Таким образом, музыкальный компонент оказывается связующим звеном между двумя куплетами помимо их содержательного единства. В случае нетождественных повторов, например, вариаций исходной мелодии, его модуляции в другую тональность, сохраняется основной мотив, что позволяет связать его как с предшествующей музыкальной, так и с вербальной фразой, но при этом происходит приращение смысла, изменение тональности текста, приобретаются дополнительные коннотации.

Проследим за взаимодействием средств связности музыкального и вербального компонента на примере отрывка из песни Гатра Брукса «If Tomorrow Never Comes»¹.

Sometimes late at night
I lie awake and watch her sleeping
She's lost in peaceful dreams so
I turn out the lights
And lay there in the dark

And the thought crosses my mind
If I never wake up in the morning
Would she ever doubt
The way I feel about her in my heart

Chorus

If tomorrow never comes
Will she know how much I loved her
Did I try in every way
To show her every day
That she's my only one
And if my time on earth were through
And she must face the world without me
Is love I gave her in the past
Gonna be enough to last
If tomorrow never comes

'Cause I've lost loved ones in my life
Who never knew how much I loved them

¹ Текст песни приводится целиком в связи с необходимостью обратить внимание на его структуру. Материалом для анализа послужат первый куплет и припев песни.

Now I live with the regret
That my true feelings for them
never were revealed

So I made a promise to myself
To say each day how much she means to me
And avoid that circumstance
where there's no second chance
To tell her how I feel

Chorus

If tomorrow never comes
Will she know how much I loved her
Did I try in every way
To show her every day
That she's my only one
If my time on earth were through
And she must face the world without me
Is the love I gave her in the past
Gonna be enough to last
If tomorrow never comes

So tell that someone that you love
Just what you're thinking of
If tomorrow never comes

Структура песни представлена следующим образом: она состоит из 2 куплетов, в каждом из которых содержится 2 строфы по 4 строчки, и припева, состоящего из 2 строф по 5 строчек; кроме того, имеется заключение из 3 строк, завершающее текст. В соответствии с этим в музыкальном компоненте мы наблюдаем следующую структуру: один мотив коррелирует с куплетом, при этом он делится на 2 фразы, соответствующие 2 строфам — вторая фраза является вариацией первой; второй мотив — мотив припева, также делящийся на 2 отрезка, находящиеся в отношениях вариативности. Вариации представляют собой небольшие изменения ритмического рисунка, дробление более крупных долей на более мелкие, что способствует ускорению ритма, введение дополнительных интервалов, средств музыкальных украшений (опевания, трели). Несмотря на это, общность музыкальной линии четко прослеживается, в связи с чем осуществляется связь текстовых отрезков за счет мелодических повторов. В самом тексте присутствуют различного вида повторы, которые организуют формальную и содержательную связность текста. В тексте имеются тождественные повторы — весь текст куплета, парадигматический повтор — *love, loved*, синонимический повтор — *every day, each day*. Но наиболее распространена тематическая связность посредством введения в текст лексем одного

тематического поля: семантическое поле *sleep* в первом куплете (*late, at night, sleeping, awake, dreams, turn out the lights, dark, wake up*), поле *love*, пронизывающее весь текст и являющееся его центральной темой (*love, heart, feeling, feel, my only one, mean*), поле *try* (*try, promise, every day, in every way, each day, avoid, enough*). Тематические единства *sleep* и *try* распределяются по куплетам, а тематическое единство *love* встречается во всем тексте. Объединению первого и второго куплетов между собой служит не только общность содержания, но и тот факт, что они исполняются на одну мелодию, что вызывает их параллелизм.

Помимо этого в качестве связующих звеньев могут быть рассмотрены краткие паузы с последующим начинанием музыкального текста с идентичного, соседнего звука или тот же звук октавой выше. Подобный способ связи отрывков текста мы можем наблюдать в нескольких местах: между первой и второй, третьей и четвертой строками первого куплета; в припеве, когда, несмотря на относительно долгую паузу, не теряется связь между «If tomorrow never comes» и «will she know how much I loved her». Подобное средство связи используется на всем протяжении припева. Таким образом, осуществляются членимость и одновременно интегративность элементов музыкального, а с ним и вербального текста (динамическая функция паузы), связность как структурная, так и смысловая, поскольку каждая музыкальная фраза, обладая относительной завершенностью и самостоятельностью, структурой, оказывается включенной в общий смысл произведения при помощи неменяющихся характеристик, таких как тональность, размер, и варьирующихся свойств, как изменение мелодического рисунка, ритма, направления движения и т. д.

Подводя итоги всему выше сказанному, необходимо еще раз отметить специфику реализации текстовой категории связности в креолизованном тексте песни. Она заключается в том, что помимо языковых и текстовых средств связи в песенном тексте присутствуют музыкальные средства связности, не только распространяющиеся на музыкальный компонент, но и оказывающие воздействие на вербальный компонент.

Список литературы

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. — Л., 1971.
2. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. — М., 2004.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 144 с.

4. Красинская Л. Э., Уткин В. Ф. Элементарная теория музыки. — М., 1991.

5. Филиппов К. А. Лингвистика текста: курс лекций. — СПб.: Изд-во Санкт-Петерб ун-та, 2007. — 331 с.

6. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. — 248 с.

Н. С. Аргутина (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ АВТОРА В ПРОИЗВЕДЕНИИ ДНЕВНИКОВОГО ЖАНРА

The identification of any author's linguistic personality mainly depends on the peculiarities of the literary text, on its genre, composition, different types of characters and the language, which is obviously the most essential point of the linguistic analysis. This article presents a research of the most fundamental diary genre characteristics and an overview of the main aspects that are to be considered and examined in determining the linguistic personality of the author of a fictional diary.

Keywords: *linguistic personality, diary genre, image of author-teller.*

Изменение парадигмы современного отечественного языкознания, выраженное, прежде всего, в увеличении в его общем континууме объема антропоцентрического направления, что в свою очередь влечет за собой, с одной стороны, освоение новых научных сфер, с другой — переосмысление старых теоретических аксиом и устоявшихся постулатов. Усиление роли «человеческого фактора» приводит ученых к осознанию важности не только проблем описания языковой структуры, но и задач всестороннего исследования *homo loquens* (человека говорящего).

Языковая личность — человек в его способности к порождению и пониманию речи — становится ныне интегральным объектом изучения комплекса молодых и интенсивно развивающихся направлений науки о языке (психо-, социо-, когнитив-, прагма-, этно-, лингвистики и т. п.).

Антропоцентрическое языковедение (неолингвистика) открывает много белых пятен, неизведанных научных пространств, разработка которых требует усилий ученых. Одну из таких областей составляет проблема реконструкции языковой личности писателя.

В лингвистике существуют разногласия относительно трактовки термина «языковая личность», в нашей работе мы придерживаемся следующего определения В. В. Красных: «Личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений, в том числе и языковых» [Красных 2001: 56].

Существуют различные методы изучения языковой личности, среди которых описательный метод (С. В. Куприна), методы математической

лингвистики (В. А. Байтов и Ю. А. Сорокин), метод структурного моделирования (Ю. Н. Караулов), метод изучения языковой личности через речь литературных героев (Л. Н. Чурилина), биографический метод (Л. П. Крысин), метод языкового портретирования (Н. С. Авилова) [Ахманова 1969: 258].

Можно утверждать, что воссоздание языкового портрета писателя — масштабный процесс, предполагающий комплексное рассмотрение всех аспектов присутствия автора в художественном тексте. Специфика реконструкции языковой личности зависит от жанра художественного произведения.

В качестве материала рассмотрим особенности реализации языковой личности автора в романе Джека Лондона «Межзвездный скиталец». В данном случае мы имеем дело с художественным дневником, т. е. произведением, представляющим собой воплощение авторской фантазии, в котором герои, события и сам автор-рассказчик являются вымышленными. Художественные произведения в жанре дневника усложняют процесс реконструкции языковой личности писателя, так как ее приходится восстанавливать посредством анализа языковой личности автора вымышленного.

Анализируя произведение Джека Лондона, мы пришли к выводу, что ни один из перечисленных методов не отражает полностью особенности жанра художественного дневника, к которому относится данное произведение. В связи с этим мы решили представить собственный метод анализа языковой личности в текстах дневникового жанра, в основе которого лежат некоторые положения уже существующих методов, а именно метода структурного моделирования, биографического метода, метода речевого портретирования.

Возникновение дневника как литературной формы было обусловлено несколькими факторами, главным из которых было стремление писателей представить внутренний мир личности через документально обоснованный текст, организованный по принципу собрания достоверных свидетельств и фактов из жизни отдельного человека. Таким образом, дневник как литературный жанр — произведение, основной чертой которого является автобиографичность. Этот факт позволяет нам реконструировать языковую личность писателя посредством анализа используемых им лингвостилистических приемов. Автобиографичность также связана и во многом обуславливает основную черту дневника как предмета лингвистического анализа — монологичность. О способах выражения данной характеристики текста мы будем говорить подробнее в последующих пунктах нашей работы.

В произведениях дневникового жанра фигурирует автор-рассказчик языковая личность которого является моделью языковой личности самого писателя. Таким образом, вторым компонентом, который мы будем рассматривать, будет сам автор-рассказчик как письменная языковая личность. Данный метод анализа, в котором языковые особенности стиля автора проявляются через речь литературных героев, был заимствован нами из метода структурного моделирования. Подобный способ изучения языковой личности удобен благодаря тому, что он открывает возможности изучения различных слоев языка на предмет оригинальности и отступления от общепринятых языковых норм. С помощью данного метода мы проанализировали особенности орфографии и лексики. В рамках письменной языковой личности автора-рассказчика также могут рассматриваться наиболее яркие особенности речи исследуемой языковой личности, а именно лингвостилистические приемы, характерные для данного автора.

Лингвокультурологический и социолингвистический компоненты выбраны нами для изучения семантических полей и лексических пластов текста. Здесь также имеет смысл говорить о биографическом методе, так как дополнительная информация о происхождении автора, его занятиях и увлечениях может помочь исследователю истолковать присутствие тех или иных средств языка в тексте. Изучение вышеперечисленных компонентов распространено в лингвоперсонологии.

Таким образом, взяв за основу элементы биографического метода, метода речевого портретирования и метода структурного моделирования, мы предлагаем использовать комплексный

компонентный анализ, который отражает особенности произведений дневникового жанра в большей мере, чем иные перечисленные методы.

Среди основных аспектов, на которые представляется целесообразным опираться при восстановлении языковой личности реального автора дневника, следует выделить лингвокультурологический, социолингвистический и автобиографический компоненты, а также автора-рассказчика как письменную языковую личность.

Жанр дневника делает вполне оправданным частичное отождествление автора-рассказчика и автора действительного. Писатель наделяет своего героя чертами своей языковой личности. Это может выражаться как на уровне лексико-семантических, синтаксических и грамматических единиц, так и на социокультурном уровне языка. В данном аспекте наиболее ярким примером может служить наличие диалекта, языковых вариантов, наречия или говора. Так, для языковой личности Джека Лондона характерно использование американизмов: «*They then took away Luigi Polazzo, a San Francisco hoodlum...*»

Под социолингвистическим фактором понимаются характеристики языка, основанные на принадлежности автора к определенному социальному классу, сфере деятельности и т. д. Особенно это проявляется на уровне семантических полей. В романе Джека Лондона выделяются следующие семантические поля: сельское хозяйство, морское дело, преступления и санкции. Все семантические поля так или иначе связаны с фактами биографии автора.

По своим литературным задачам и формам выражения дневник попадает под жанр автобиографической прозы, т. е. прозы, описывающей события собственной жизни автора. Основная характеристика произведений данной жанровой формы — монологичность речи. Для жанра дневниковых записей характерны практически все речевые типы монологов, выделяемые в зависимости от функций, которые они выполняют, а именно: рассказ о событии, рассуждение, исповедь, самохарактеристика и др. В произведении Джека Лондона преобладают рассуждения, сменяемые описанием воспоминаний. Если рассматривать более подробно, можно отметить, что автобиографический компонент может выражаться на морфосинтаксическом и лингвостилистическом уровнях.

Последним компонентом является автор-рассказчик как письменная языковая личность. В письменном тексте мы имеем дело с продуктом индивидуального мышления автора, выраженным в рамках установленных языковых норм (орфография,

пунктуация). Однако, дневник — это произведение, адресованное часто самому себе, что обуславливает сужение языковых норм, заданных коллективом. Именно поэтому в выбранном нами произведении встречаются нарушения грамматических правил, сниженная лексика, большое количество междометий и другие средства.

Таким образом, языковая личность в произведениях дневникового жанра проявляется в четырех компонентах: лингвокультурологическом, социолингвистическом, автобиографическом и образе автора, в которых можно выделить лексико-стилистические и морфосинтаксические особенности.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Совет. энцикл., 1990. — 688 с.
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Совет. энцикл., 1969. — 607 с.
3. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. — М.: Гнозис, 2001 — 270 с.
4. London J. The star rover. — New York: Modern Library, 1999. — 288 p.

Т. В. Асламова (Москва, Россия)

ДИСКУРСИВНАЯ ПРАГМАТИКА КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

The article deals with a necessity of the educational system to be modernized in the course of the realization of new initiatives in the field of foreign language learning. Given the global environment, the future specialists should interact at the cross-cultural level; thus, discourse approach is to be given the lead in the process of the foreign language learning.

Keywords: *discourse competence, intercultural competence, discourse.*

В контексте Болонских соглашений университеты рассматриваются как «корпорации по производству знаний и как локомотивы дальнейшей интеграции в других сферах жизни» [Болонский процесс 2004: 17]. На современном этапе идет обсуждение широкого комплекса проблем образования и его модернизации. Перед российской системой образования стоят стратегические задачи, которые невозможно решить без переосмысления теории и практики лингвистического образования.

Особенно важен в условиях интеграции государств поиск механизма превращения многообразия языков и культур из фактора, препятствующего диалогу между представителями разных лингвосоциумов, в средство взаимного понимания и обогащения, в инструмент творческого развития социально активной и самостоятельной личности. К такому механизму можно отнести языковое образование, базирующееся на межкультурной парадигме и провозглашающее в качестве своего ведущего принципа принцип поликультурности, обеспечивающий социальную и академическую мобильность молодежи. Социальная и академическая мобильность личности призвана помочь ей глубоко чувствовать свою принадлежность к родному народу и одновременно осознавать себя гражданином страны

и субъектом поликультурной и мультилингвальной мировой цивилизации [Гальскова, Гез 2004].

Утверждение в современной науке когнитивной парадигмы знания способствует тому, что, исследуя указанные проблемы с самых разных точек зрения, ученые исходят из понимания языка как феномена, обеспечивающего доступ ко многим непосредственно не наблюдаемым процессам мыслительного, познавательного характера. Поэтому анализ любого вида языковой деятельности раскрывает заложенные в ней бессознательно используемые когнитивные возможности и ресурсы, включая разного рода когнитивные модели и фреймы, как приоритетное направление лингвистического образования.

Возрастает роль дискурсивной компетенции, которая является неотъемлемой субстанцией компетенции коммуникативной и представляет собой знание различных типов дискурсов и правил их построения, а также умение создавать и понимать их с учетом ситуации общения.

В основе дискурсивной компетенции лежит понятие «дискурс». Дискурс (от лат. *discursus* — «беседа, разговор»; фр. *discourse* — «речь, выступление»; англ. *discourse* — «рассуждение письменное или устное, речь», нем. *Diskurs* — «обсуждение, беседа, разговор») на разных языках означает речь, процесс языковой деятельности, способ говорения.

Для того чтобы обозначить специфику дискурса и его роль в обучении иноязычному профессиональному общению, необходимо прежде всего определиться с пониманием данного явления. Категория дискурса является одной из основополагающих категорий в коммуникативной лингвистике и социальных науках. Важным для понимания концепта «дискурс» является тот факт, что в английском языке слово «discourse» может быть существительным и глаголом. Следовательно, дискурс следует понимать как не только процесс взаимодействия, но и, что не менее важно, как конечный результат мыслительной деятельности и коммуникации. Следует отметить, что дискурс представляет собой социальный процесс создания и репродуцирования смыслов [Philips, Nardy 2002: 73]. В контексте данной статьи полностью разделяем мнение М. Л. Макарова, полагая, что «само определение такой категории, как дискурс, уже предполагает некоторую идеологическую ориентацию, собственную точку зрения на изучение языка и языкового сообщения» [Макаров 2003: 45].

Исследование межкультурного дискурсивного взаимодействия, рассматриваемого как процесс общения между коммуникантами, являющимися носителями разных языковых культур и, как следствие, разных культурных когнитивных моделей, ведется сегодня преимущественно с позиций социопрагматического подхода и представляет собой совершенно новое направление в анализе дискурса. Помимо собственно прагматических концепций основу этого направления составляет также современный когнитивный подход к рассмотрению взаимоотношений языка и культуры, базирующийся на определении культуры как разделяемого всеми членами.

Изучение дискурсивной деятельности человека в условиях межкультурной коммуникации с когнитивной точки зрения дает возможность описывать структуры репрезентации различных видов культурно обусловленного знания, а также их влияние на языковые стратегии дискурсивной деятельности, характерные для носителей конкретной речевой культуры. Такой подход к анализу дискурса напрямую связан с решением задачи изучения языкового образа мира, поскольку позволяет рассматривать дискурсивную деятельность человека как отражение в формах коммуникативного поведения национальной картины мира, а используемые в процессе коммуникации языковые средства — как способ выражения системы культурно обусловленных значений,

репрезентирующих разделяемые членами социума знания, пресуппозиции, оценки и ценностные ориентации.

Для теории и практики обучения ИЯ важно понимание дискурса как сложного речевого произведения, которое не ограничивается рамками конкретного высказывания, а обладает определенными экстралингвистическими параметрами, такими как: говорящий, слушающий, их личностные и социальные характеристики, другие аспекты социальной ситуации. В зависимости от сферы деятельности можно выделить стереотипный набор речевых действий, типичные ситуации общения, свойственные представителям конкретной профессии.

В контексте обучения устному иноязычному профессиональному общению, изучая особенности дискурса той или иной специальности, анализируя его форму и содержание, мы с неизбежностью входим в смысловое поле той области знания, из которой взят данный дискурс. Познавая же это специфическое поле, мы начинаем активно использовать характерные для данного дискурса выражения, тем самым обретая способность взаимодействия в различных ситуациях профессионального общения. Некоторые дискурсы более предпочтительны, чем другие, в определенных условиях, но все дискурсы детерминированы. В каждой определенной сфере профессионального общения осуществляется ориентированный выбор языковых средств, отражающих интенциональные установки коммуникантов.

В свете всего выше сказанного можно сделать следующий вывод: обучение иностранным языкам в неязыковом вузе, согласно современным целям образования и требованиям, предъявляемым специалистам, необходимо строить, исходя из парадигмы «дискурс — общение — межкультурная коммуникация».

Список литературы

1. Глобализация и образование. Болонский процесс: Материалы «круглого стола» // Научные семинары. Круглые столы. Дискуссии. — Вып. 2. — М.: Альфа-М., 2004. — С. 17
2. Гальскова Н. Д., Гез Н. И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика. — М., 2004.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М.: Генозис, 2003. — 280 с.
4. Philips N., Nardy C. Discourse Analysis: Investigating Process of Social Construction. — London: Sage Publication, 2002.

Н. Г. Асмус (Челябинск, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ (на примере блогов)

Politeness consists of efforts to save one's face for another. Following Brown and Levinson's politeness theory we divide face into two separate but related aspects — positive and negative face. Positive face concerns the desire to be appreciated and approved of by your interlocutors. Negative face concerns a person's want to be unimpeded and free from imposition. Virtual reality is characterized by polite and impolite behavioral patterns. Blog is a web site that contains an online personal journal with reflections, comments, and often hyperlinks provided by the writer which are frequently updated and intended for general public consumption. We analysed posts and entries of different blogs and distinguished two strategies of positive politeness and four strategies of negative politeness.

Keywords: virtual communication, blog genre, category of politeness, communicative strategy, negative and positive politeness.

На современном этапе развития всех гуманитарных наук вежливость является основным элементом межличностного общения. Она воспринимается как сильный и важный регулятор поведения человека в обществе, необходимый для достижения наиболее эффективного и гармоничного социального взаимодействия. Вслед за Т. В. Лариной мы рассматриваем категорию вежливости как набор стратегий, ориентированных на достижение положительного результата в общении, которые реализуются в более или менее обязательном соблюдении принятых правил этикета, норм коммуникативного общения и метакоммуникативных постулатов коммуникации, а также выборе соответствующих ситуации языковых средств [Ларина 2009: 26].

Общие положения теории вежливости представлены в работе П. Браун и С. Левинсона. Основным понятием этой теории является понятие «лицо» («public self-image face»), под которым подразумевается позитивная социальная ценность, которой обладает каждый член общества. Любое действие совершается коммуникантом с целью сохранить «лицо» или избежать «потери лица». П. Браун и С. Левинсон предлагают различать «негативное лицо» и «позитивное лицо». Под негативным лицом они понимают желание каждого человека иметь свободу действий, быть независимым, не допускать вмешательства со стороны других; под позитивным — способ языкового выражения солидарности, включение собеседника и других лиц в одну группу с говорящим. Поскольку позитивная вежливость направлена на солидарность, а негативная — на формальность, сближение и дистанцирование можно назвать коммуникативными стратегиями вежливости [Brown, Levinson 1987: 56].

Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что в процессе общения

позитивная вежливость важна в не меньшей степени, чем негативная. Разные типы стратегий связаны с разными речевыми актами. Стратегии позитивной вежливости, которые направлены на сближение собеседников, демонстрацию взаимных симпатий, связаны, прежде всего, с экспрессивами, основная функция которых состоит в выражении отношений говорящего к происходящему (приветствие, благодарность, оценка, комплимент и др.). Стратегии негативной вежливости, главная цель которых — демонстрация уважения личной автономии адресата, связаны, прежде всего, с побудительными речевыми актами, в которых говорящий оказывает коммуникативное давление на собеседника.

В отношении виртуального общения, в которое вовлечено практически все взрослое и подрастающее поколение, мы можем говорить о существовании разных типов общепринятых, устоявшихся способов использования языка, т. е. о широкой узусальной представленности интернет-дискурса. Норма каждого отдельного жанра Сети соответствует его культурному фону. Она не консервативна, но, тем не менее, служит социально-языковым кодом каждого определенного интернет-дискурса, являющегося своеобразным «пропуском» коммуникантов в то или иное интернет-сообщество, создающим эффект «своего» в этом сообществе.

В. З. Демьянков пишет о том, что атмосферу диалога определяет вся полнота человеческих эмоций и настроений: неприязнь, вражда, агрессивность, непонимание, поддержка и восхищение мыслями собеседника [Демьянков 1991: 112]. На протяжении всей дискуссии тональность полилога, как правило, неоднородна и определяется направленностью коммуникации (профессиональное или непрофессиональное общение), обсуждаемой темой, речевым поведением наиболее

активных участников. Оценивая речевое поведение собеседника, коммуникант строит свое высказывание «в знак согласия» или «в знак протеста». Конфликтное поведение можно рассматривать как стремление к выпячиванию собственного «я» и нежелание выслушать другого. Тон пользователя бывает грубым, резким, оскорбительным, саркастичным. Конфликтное речевое поведение не совместимо с поиском «общего языка» и возможностью представить обсуждаемую проблему во всем многообразии отношений и связей. Напротив, шутливая тональность помогает сглаживать конфликты и является средством самовыражения. Нейтральная тональность преобладает при обсуждении узкопрофессиональных тем, требующих детальной разработки ключевых вопросов и направленных на обмен знаниями и опытом. Уровень серьезности задается началом обсуждения и может понижаться или повышаться по мере накала страстей. Ироничные, каламбурные высказывания помогают избегать непонимания и предотвращать коммуникативные сбои. Смена настроений в виртуальной коммуникации непредсказуема и не всегда соответствует предложенной теме, общей направленности дискуссии и принятым в обществе представлениям и рамкам приличия.

Рассмотрим стратегии позитивной и негативной вежливости на примере жанра «блог». Блог — это своеобразный дневник событий, в который автор регулярно добавляет записи личного характера, изображения и/или мультимедиа, которые могут быть прокомментированы другими читателями. Исповедальная природа блога сдвигает грань между публичной и частной сферами нашей жизни, выплескивая глубоко личное на всеобщее обсуждение.

Среди стратегий позитивной вежливости мы выделяем две наиболее значимые стратегии:

- проявление внимания и интереса к слушателю, т. е. прямое цитирование, вовлечение слушателя в диалог, стремление к согласию, учет желаний и склонностей слушающего;
- создание атмосферы внутригрупповой идентичности, принадлежности к определенной группе: «Я один из вас».

Тональность общения определяется отношением участников коммуникации друг к другу, к обстановке и к предмету речи. Благоприятная, располагающая к диалогу атмосфера способствует установлению дружеских отношений, увеличению степени заинтересованности коммуникантов в обсуждаемой проблеме. Такие качества, как профессионализм, умение отстоять собственную точку

зрения и желание быть понимающим собеседником, ценятся превыше всего. Оценочные прилагательные помогают выстроить конструктивный диалог, направленный на поиск общего языка.

I'm so encouraged to hear how *incredible* everything has been.

Great use of the stamps :) *nice* layouts! *Awesome!* That's all I can say.

These are very *cute*! I So *wonderful* to see those three miracles about to celebrate Christmas.

Amazing Matt! Love your content. Keep up the good work.

Для выражения согласия с мнением автора блога и заинтересованности в предмете обсуждения читатели часто используют глаголы «love» и «like».

love it, i finally ordered these stamps and i can't wait to get them :)

LOVE this post! You totally made my heart SMILE!!!! SOOO very thankful for saying YES every day of my life!

Для создания атмосферы внутригрупповой идентичности блогеры используют эмодзи в своей переписке, что в онлайн-общении заменяет проявление эмоций:

Very uplifting article indeed. Have a wonderful birthday :)

*psssst, down the line, would love it if my kids' friends ask them «is she ur cousin?» ;) ;)

Стратегии негативной вежливости состоят в выражении солидарности говорящего со слушающим и выражаются в следующих линиях речевого поведения:

- избежание прямых просьб и использование косвенных речевых актов;
- предоставление слушающему выбора, возможности не совершать действие;
- имперсонализация участников общения;
- смещение временного плана.

Прямой стиль общения не характерен для англоязычной коммуникации, поэтому смещение акцента с адресата на самого говорящего происходит при использовании косвенных вопросов и вопросов гипотетического характера типа *a что если?*

You mentioned we should use pagination so *I'm wondering* if you also know how and if you can update your article to tell us?yours hopefully

What if you'd like to add your own classes afterwards?

Именно с целью смягчения высказывания, недопущения категоричности коммуниканты предпочитают говорить *I'd like., I'd suggest, I'd advise.*

Глаголы в сослагательном наклонении выражают предположительность, гипотетичность

со стороны говорящего и таким образом снижают прямолинейность высказывания.

Would be nice if we *could* supress the terminal part and put some graphical thing.

Very good job. I like this idea but I think that it *would be* super important if you *could* provide a small tutorial on using this Widgets Helper Class.

Выражая отрицательное мнение или давая совет не делать что либо, отрицание ориентировано не на слушающего, а на говорящего, тем самым снижая категоричность оценок и суждений.

fortunately, *I don't think* WP_User_Query works the same as WP_Query in regards to pagination and *I cannot find* any documentation which tells me either way.

Безличные предложения, как правило, выражают интеллектуальное восприятие действительности (состояния природы и среды, физическое состояние живого мира, психологическо-эмоциональное состояние человека) и выполняют функцию воздействия на других людей.

It is a timeless story of female courage, acceptance, empowerment and transformation. It is beautiful and each of us can learn something from it

Here is a link that might be of interest to you.

Формы местоимения первого лица множественного числа (*we, our*) выполняют обобщающую функцию и направлены на собеседника, причисляя его к определенному множеству.

– *you* will remain in *our* hearts as you travel on into this sweet world.

– may *we* all walk *our* days with willing hearts.

Итак, на примере сетевого жанра «блог» мы выделили тактики позитивной и негативной вежливости, которые используют коммуниканты при общении в виртуальном сообществе.

Список литературы

1. Демьянков В. З. Загадки диалога и культуры понимания // Текст в коммуникации. — М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1991. — С. 109—116.
2. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. — М.: Изд-во РУДН, 2009. — 507 с.
3. Brown P. Politeness: some universals in language usage. — Cambridge University Press, 1987 — 345 p.

Л. В. Бабина, И. В. Бочкарева (Тамбов, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ ОТ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ²

The article deals with the interpretation of words derived from proper names with the help of cognitive mechanisms. The authors demonstrate that during the interpretation it is necessary to take into account contextual information and the structure of knowledge evoked by the base proper name, which is integrative in nature and can be represented as a cognitive matrix.

Keywords: *words derived from proper names, conceptual derivation, cognitive mechanisms, matrix.*

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода, описывающего язык как когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникации, рассматриваются процессы концептуализации и категоризации, являющиеся основными способами познания человеком окружающего мира. Сложный процесс концептуализации, по мнению Н. Н. Болдырева, предполагает процесс обработки и накопления знаний различного характера и их отражение в сознании индивида в виде концептов [Болдырев 2000]. Концепты не являются застывшими

сущностями, им свойственны не только расплывчатые границы, но и изменчивый характер; они развиваются, расширяясь, сливаясь, разбиваясь на части. Мыслительный процесс, обеспечивающий формирование нового смысла (концепта) в результате определенного способа интерпретации уже вербализованного знания, называется концептуальной деривацией. Он может осуществляться за счет когнитивных моделей и механизмов.

Когнитивные модели, имеющие вид пропозиции, определяют семантику производных слов [Кубрякова 2004; Панкрац 1992; Позднякова 1999], в том числе производных от имен собственных (ИС). Пропозицию составляет предикат пропозиции и определенный набор участников — аргументов, концептов. Для выявления пропозиции необходимо определить предикат

² Научно-исследовательская работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009—2013 годы, государственный контракт № П382, проект «Исследование типов и форматов знания в языке».

пропозиции, в качестве которого может выступать либо атомарный предикат, либо операциональный концепт. Среди основных аргументов пропозиции выявляются концепты: ACTOR, OBJ/PATIENT, CONTENT, QUALITY, PLACE и другие, определяющие состав пропозициональной структуры производного слова, образованного от ИС.

Изучение производных слов, образованных от ИС, позволило выявить ряд моделей, определяющих их семантику: ACTOR — LIVE — PLACE (NewYorker, Malian, Cameroonian, Portuguese, Cairene, etc.), OBJ — NAMED AFTER — PLACE (Californium, Germanium, etc.), ACTOR — SUPPORT — CONTENT (Buddhist, Christian, Hitlerite, etc.), QUALITY — ASSOCIATED WITH — ACTOR (Panglossian, Orphic, Puckish, Chaplinesque, etc.), QUALITY — BELONG TO — CONTENT — INVENTED BY — ACTOR (Machiavellian, Calvinist, Tychonic, etc.), DO — LIKE — ACTOR (Hooverize, Clintonize, Bowdlerize, Vulcanize, etc.), OPER — PATIENT — MANNER (Tantalize, Neronize, etc.) и другие.

Вместе с тем при интерпретации производного от ИС наряду с выявленными когнитивными моделями, соответствующими словообразовательному значению производной единицы, используются также когнитивные механизмы «перспективизация», «соединение», «дистраивание», «развитие» и «дефокусирование», позволяющие уточнить элементы выявленных пропозиций.

Когнитивные механизмы представляют собой определенные схемы действия со структурами знания и над ними [Кубрякова 2004]. Когнитивный механизм «перспективизация» предполагает выделение определенных характеристик концепта, соотносимого с производящим ИС, которые заимствуются в концепт, репрезентируемый производным словом. Механизм «перспективизации» связан с механизмом «дефокусирования», за счет действия которого некоторые характеристики концепта, репрезентируемого производным словом или производящим ИС, отходят на задний план, дефокусируются, уступая место другим характеристикам, под влиянием контекста, в котором употреблено производное от ИС. Действие когнитивного механизма «соединение» предполагает согласование характеристик концепта, репрезентируемого производным словом (характеристик, заимствованных у концепта, репрезентируемого производящим ИС, и характеристик, возникающих в результате действия механизмов «дистраивания» и «развития»). Когнитивный механизм «дистраивание» обеспечивает появление новых характеристик

у концепта, соотносимого с производным словом, образованным от ИС. Данные характеристики возникают на основе перспективизируемых характеристик концепта, репрезентируемого производящим ИС, за счет обращения к когнитивным областям, в рамках которых осмысливается концепт, стоящий за производящим ИС. Когнитивный механизм «развитие» обеспечивает появление новых характеристик или их комбинаций у концепта, объективированного производным словом, за счет использования инферентных и энциклопедических знаний. Эти характеристики или их комбинации возникают на основе определенных характеристик концепта, репрезентируемого производящим словом, которые заимствуются в концепт, репрезентируемый производным словом, а также характеристик, появившихся в результате «дистраивания».

Действие вышеописанных когнитивных механизмов предполагает использование дискурсивной информации и обращение к производящим словам и структурам знания экстралингвистического характера, стоящим за ними. Анализ производных, образованных от ИС, показал, что адекватное формирование их значений требует обращения к различным концептуальным областям или когнитивным контекстам, относительно которых осмысливается производящее ИС. Вслед за Н. Н. Болдыревым знание, стоящее за производящим ИС, можно определить как знание матричного формата или когнитивной матрицы, состоящей из взаимосвязанных когнитивных контекстов. В ходе изучения производных слов, образованных от ИС — антропонимов, было выявлено, что к числу основных когнитивных контекстов, на основе которых интерпретируются их значения, можно отнести следующие: ПОЛИТИКА, РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, НАУКА, ИСКУССТВО.

Данные когнитивные контексты выступают в качестве компонентов когнитивной матрицы антропонима, ядром которой является концепт (концептуальное содержание), репрезентируемый антропонимом. Так как в роли антропонимов выступают имена реальных людей, вымышленных персонажей (литературных, мифологических, киногероев), то целесообразно для описания ядра когнитивной матрицы антропонима обратиться к концепту ИНДИВИД. Термин «индивид» определяется как «отдельное живое существо, особь, отдельный человек, в отличие от стада, группы, коллектива. В логике индивидом называют любой объект, обозначаемый единичным, или собственным,

именем» [Словарь по логике], что полностью соответствует содержанию концепта, соотносимого с рассматриваемыми антропонимами.

Исследование производных от ИС и обращение к структурам знания, лежащим за производящими ИС — антропонимами, позволило описать содержание ядерного концепта ИНДИВИД и выявить следующие его характеристики: «внешность», «характер», «физические и умственные качества», «мировоззрение», «деятельность», «ситуация», «время и место (существования, правления)».

Проиллюстрируем то, каким образом выводятся значение производных, образованных от ИС, за счет обращения к когнитивным моделям и к вышеописанным когнитивным механизмам при помощи следующего примера:

- (1) “Oh, you really aren’t so bad, Rhett. You just like to show off.”

“My word, but you have changed!” he said and laughed. “What has made a Christian of you? I have kept up with you through Miss Pittypat but she gave me no intimation that you had developed womanly sweetness. Tell me more about yourself, Scarlett. What have you been doing since I last saw you?” (M. Mitchell).

При формировании значения существительного Christian можно обратиться как к модели ACTOR — SUPPORT — CONTENT, по которой создано данное слово, так и к когнитивным механизмам. При раскрытии семантики производного слова за счет когнитивных механизмов происходит обращение к концепту, стоящему за производящим ИС — Christ, а также учитывается дискурсивная информация. Языковой контекст, в котором используется производное слово, показывает, что концепт ХРИСТОС нужно рассматривать в рамках когнитивного контекста РЕЛИГИЯ, поскольку известно, что Христос являлся центральной фигурой одной из великих мировых религий — христианства, целью которого стало распространение среди людей основных принципов данного вероучения. В своем учении Христос призывал людей соблюдать определенные заповеди и жить в соответствии с такими добродетелями, как смирение, кротость, милосердие (любовь), надежда, вера, терпимость и другие. Таким образом, при обращении к концепту ХРИСТОС происходит перспективизация характеристики «мировоззрение», которая уточняет элемент пропозиции CONTENT. Имеется в виду религиозное мировоззрение, поскольку концепт ИНДИВИД рассматривается относительно

когнитивного контекста РЕЛИГИЯ. Учет контекстуальной информации помогает за счет действия механизма «достраивание» наполнить данную характеристику определенным содержанием: «чувство сострадания», «жалость», «милосердие». За счет механизма «развитие» появляется характеристика «положительное отношение», то есть возникает положительный оценочный смысл, поскольку известно, что большинством членов лингвокультурного сообщества семантика производного слова Christian оценивается положительно. Перспективизируемая характеристика «религиозное мировоззрение», достраиваемые характеристики «чувство сострадания», «жалость», «милосердие» и характеристика «положительное отношение» согласуются благодаря действию механизма «соединение». Однако, если вспомнить главную героиню романа М. Митчелл «Унесенные ветром» — Скарлетт О’Хара, становится очевидным, что ее нельзя охарактеризовать как человека добродетельного и истинного христианина, живущего по канонам христианства. Р. Батлер употребляет языковую единицу Christian иронически, поскольку Скарлетт, отличающаяся чрезмерной гордостью и твердостью характера, проявляет в данной ситуации к Рэту несвойственные ее натуре качества: жалость, сострадание, милосердие. Об этом свидетельствуют контекст и в частности следующее предложение: «...she gave me no intimation that you had developed womanly sweetness». Таким образом, с учетом вышесказанного положительный оценочный смысл в данном контексте нейтрализуется. Характеристика «положительное отношение» дефокусируется, отходит на задний план под влиянием контекстуальной информации, поскольку слово Christian употребляется иронично. Ироничный оттенок также проявляется в реплике Р. Батлера «My word, but you have changed!», смысл которой противоположен ее значению, о чем свидетельствует манера, с которой персонаж произносит слова he said and laughed. Все это говорит о том, что капитан насмешливо называет Скарлетт благодетельной, прекрасно зная ее сущность. Исходя из сказанного, значение производного существительного Christian в данном контексте можно, скорее всего, интерпретировать как «one who pretends to support Jesus Christ’s teachings based on aspiration to be charitable and to have compassion for others».

Таким образом, значения производных, образованных от ИС, могут формироваться в ходе концептуальной деривации как за счет когнитивных моделей, так и за счет когнитивных механизмов.

Выведение значения производного слова, образованного от ИС за счет когнитивных механизмов, предполагает учет контекстуальной информации и обращение к структуре знания, стоящей за именем собственным, которая имеет интегративный характер.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. — 123 с.
2. Болдырев Н. Н., Алпатов В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2008. — № 4. — С. 5—14.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Яз. славян. культур, 2004. — 560 с.
4. Панкрац Ю. Г. Пропозициональные структуры и их роль в формировании языковых единиц разных уровней: дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1992. — 333 с.
5. Позднякова Е. М. Категория имени деятеля и пути ее синхронного развития в когнитивном и номинативном аспекте (на материале английского языка): дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1999. — 318 с.
6. Словарь логики. Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru>

А. Э. Бауэр (Гёттинген, Германия)

КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ В «ОБЫКНОВЕННОЙ ИСТОРИИ» И. А. ГОНЧАРОВА

The article has the purpose to study the concept of love in the novel «A Common Story» by Ivan Goncharov. This theme offers a lot of interpretations, because love is the most important point in Aleksandr Aduv's life. The time in Petersburg is not just the time of growing up, but a time of psychological development. The different steps of them can be seen in his love affairs. The diverse types of love show the multidimensionality of the concept of love in the work by Ivan Goncharov.

Keywords: realism, concept of love, Goncharov.

В романе Гончарова мы сталкиваемся не с одной концепцией любви, а с несколькими одновременно. Дядя Александра имеет точное представление о любви между мужчиной и женщиной, которое претерпевает некоторое развитие в рамках романа. Так же и тетя Александра выходит замуж с одним представлением, сталкиваясь в семейной жизни с другим концептом, которому ей приходится подчиниться. Наиболее интересное, на наш взгляд, и динамичное развитие претерпевает концепт любви у главного героя. Именно поэтому акцент нашей работы будет поставлен на отношение к любви главного протагониста — Александра Адуева.

Материнская сфера

Главного героя окружает огромное количество женщин, которых можно разделить на две группы: материнские и любовные отношения. В своей статье «Материнская сфера в романах И. А. Гончарова» Е. Краснова рассматривает только образ Анны Павловны Адуевой [ср. Краснова 2003]. Мы же считаем, что к материнской сфере также можно отнести и Лизавету

Александровну, жену дядюшки. Обе женщины заботятся об Александре и его внутреннем мире, исполняя при этом функцию заботливой матери и поэтому между собой эквивалентны. Анна Павловна является матерью в пространстве «Грачи», а Лизавета Александровна перенимает эту роль в пространстве «Петербург». В связи с этим наш герой считает интерес к его персоне как нечто само собой разумеющееся.

Отношение героя к матери и тетушке совсем иное. Он использует их в качестве поддержки и публики, когда ему хочется выговориться и поделиться своими проблемами. В конечном счете мать свою он быстро забывает и не заботится более о ней и ее чувствах к нему. Именно тот человек, который больше всего верил и поддерживал Александра, не вызывает у него никаких эмоций. Вернувшись домой, он опять получает полное внимание матери, даже не утруждаясь его вновь заслужить. Он впадает в свою прежнюю поведенческую колею и заботится лишь о себе самом. Смерть матери означает для Александра не только потерю опекуна, но и возможность без слез и отговорок спокойно вернуться в Петербург.

Вторая персона, которая заботится об Александре как мать, это жена дяди, Лизавета Александровна. О ней он также быстро забывает и вспоминает ее лишь в связи с собственными интересами, когда ему нужна поддержка и слушатель для душевных излияний. Тетушка в его глазах даже не является другом, так как это хорошее отношение он не заслуживает со временем, а получает сразу же. Только в моменты печали и страданий Александр появляется у тетушки, все остальное время он ее просто игнорирует.

Из этого следует, что Александр не питает никаких привязанностей к своим женским родственникам, а концентрируется полностью на своих любовных связях. Именно поэтому привязанность к дяде проявляется четче со временем. В жизни Александра отсутствовала мужская фигура, которая могла бы послужить ему примером для подражания. А вот женского внимания было всегда более чем достаточно. Именно поэтому все женщины в глазах Александра были обязаны его любить, так как он ничего другого и не поведаль в своей жизни. Мать не смогла вырастить сына мужчиной: *«Нужно было даже поменьше любить его, не думать за него ежеминутно, не отводить от него каждую заботу и неприятность, не плакать и не страдать вместо него и в детстве, чтоб дать ему самому почувствовать приближение грозы, справиться с своими силами и подумать о своей судьбе — словом, узнать, что он мужчина»* [Гончаров 1997: 180]. Так же и тетя не справилась с этой задачей, хотя Петр Иванович и обращал внимание Александра на то, что *«разве только мать могла бы так горячо принимать к сердцу все, что до тебя касается»* [Гончаров 1997: 330].

Любовная сфера

Для исследования любовной линии главного героя требуется теоретическая основа концепта любви. Поэтому при анализе концепций любви в жизни Александра мы будем ссылаться на модель социолога Дж. Э. Ли, в основу которой поставлена любовь как отношение между мужчиной и женщиной, которое может быть выражено с помощью шести подвидов любви: *eros, storge, ludus, agape, pragma, mania* [Lee 1977: 174]. С помощью параллелей между любовными связями Александра и их теоретическими соответствиями мы попробуем обозначить психологическое развитие героя и его представления о любви.

Софья

Первая любовь Александра — это Софья. Эту связь рассказчик описывает как *первую, нежную*

и розовую любовь, которая была не способна удержать Александра дома и быстро исчезнувшая в Петербурге. Этот тип любви можно отнести к *storge*, который описывает любовь как отношения между друзьями [см. об этом: Lee 1977: 179]. Софья и Александр только «играют» в любовь. *«Вещественные знаки невестественных отношений»* Александр обещает хранить до своего возвращения домой, к Софье. Эти отношения прекращаются очень быстро, а именно через дядю, который выкидывает доказательства любви в окно, а любовным письмом Александра к Софии зажигает свою сигару. Вскоре каждый из них устраивает свою жизнь порознь друг от друга. Это случается потому, что Софья не соответствует представлению Александра о будущей своей подруге. Рассказчик описывает эту молодую девушку так: *«Я буду любить просто, без затей, буду ходить за мужем, как нянька, слушаться его во всем и никогда не казаться умнее его; да и как можно быть умнее мужа? это грех! Стану прилежно заниматься хозяйством, шить; рожаю ему полдюжины детей, буду их сама кормить, нянчить, одевать и обшивать»* [Гончаров 1997: 187]. Этот образ абсолютно не привлекает Александра, так как он намерен искать в Петербурге *славу и любовь*, но не простую любовь, а *«колоссальную страсть, которая не знает никаких преград и свершает громкие подвиги»* [Гончаров 1997: 179].

Наденька Любецкая

Именно эту *«колоссальную страсть»* Александр испытывает по отношению к Наденьке Любецкой. Их отношения длятся почти целый год и играют в жизни Александра самую главную роль. Наденька привлекает Александра в первую очередь своей живой внешностью: *«Ее физиономия редко оставалась две минуты покойною. Мысли и разнородные ощущения до крайности впечатлительной и раздражительной души ее беспрестанно сменялись одни другими, и оттенки этих ощущений сливались в удивительной игре, придавая лицу ее ежеминутно новое и, нежданное выражение»* [Гончаров 1997: 253].

Александр полностью отдается этой любви, которую мы рассматриваем как единственную, настоящую любовь, которую он не сможет забыть, не потеряв свое собственное Я. В этих отношениях присутствуют и чувства, и телесное влечение. Наденьке удается разжечь в Александре именно ту страсть, в поисках которой он оказался в Петербурге. Прелестная девушка семнадцати лет играет с Александром, позволяя

ему прикасаться к ней, а также целовать. Она остается с ним наедине в парке, хотя и *«неприлично! — скажут строгие маменьки, — одна в саду, без матери, целуется с молодым человеком! Что делать! неприлично, но она отвечала на поцелуй»* [Гончаров 1997: 261].

Именно эта связь с Наденькой является ключевой во всем романе. Изначально отношения между влюбленными развивались по принципу любви *eros*, объединяя тем самым романтические чувства с телесной страстью [см. об этом: Lee 1977: 178]. Но со временем Наденька, узнав Александра поближе, не находит более точек соприкосновения, в противоположность Александру, любовь которого мутирует со временем в любовь *mania* [см. об этом: Lee 1977: 179]. Его любовь превращается в желание обладать объектом своей любви, быть всегда рядом и контролировать Наденьку. Именно поэтому Александр не способен снести ее охлаждение к нему. Наденька заменила его графом, а Александр не смог никогда более забыть как измену, так и изменщицу.

Мы считаем, что Наденька Любецкая исполняет по отношению к Александру роль *Femme fatale*. Она покоряет его сердце, дарит надежду на будущее счастье, отвлекает Александра от его дела, но в конце концов уходит к другому, нанося этим фатальный удар по чувствам Александра [ср. Бауэр 2010: 289]. Александру не удастся искоренить свою любовь к Наденьке и поэтому он постепенно умирает эмоционально. В конце романа ему чужды какие-либо чувства любви, его душа умерла, а все, что существует далее, — это его телесная оболочка, внутри которой обитают лишь только расчет и оппортунизм.

Юлия Павловна Тафаева

Инициатором отношений между Александром и Юлией является дядя Адуева. Именно он просит своего племянника «приударить» за юной вдовой. Александр сначала отказывается от этой идеи, но немного позже все же соглашается. Теперь он исполняет роль соблазнителя, Дон Жуана. Александр очень точно определяет характер и склонности Юлии, так как видит в ней своего двойника. Их отношения длятся около полутора лет и развиваются по принципу любви *eros*. Дело доходит даже до мыслей о женитьбе, но Александр расторгает связь. В центре этих отношений стоит Александр, который глядя на себя в зеркало, на свое отражение, которым является Юлия, не выдерживает наигранных чувств и страстей. Юлии не удается занять место музы, как это удалось Наденьке, так как она

не является индивидуумом, а лишь подобна Александру. Александр не может найти в Юлии той *«колоссальной страсти»*, так как он нашел ее и потерял навсегда в Наденьке.

Лиза

После долгого одиночества Александр вновь встречает молодую девушку. Лиза гуляет с отцом у пруда и обращает внимание на Александра, ловившего рыбу. Она перенимает активную роль завоевателя, а Александр превращается в пассивный объект ее вожделений. Хотя Александр на первый взгляд не заинтересовывается Лизой, он все же стилизует свою персону. В его поведении мы явно видим переключку с Алексеем Берестовым из *«Барышни-крестьянки»* А. С. Пушкина, который, так же как и Александр, *«своим мрачным и разочарованным»* видом, разговорами *«об утраченных радостях и увядшей своей юности»* сводил с ума всех барышень в губернии, а особенно Лизу Муромскую [Пушкин 2002: 231]. Но развитие отношений между главными протагонистами отличаются. Как мы знаем, Алексей влюбляется в Лизу и предлагает ей женитьбу. Александра интересует лишь телесная связь с Лизой. Он хочет влюбить ее в себя и использовать так же, как это с ним сделала Наденька.

Этот тип любви Дж. Э. Ли описывает как *ludus* [см. об этом: Lee 1977: 178—179]. Александром движет сексуальная страсть: *«Животное! — бормотал он про себя, — так вот какая мысль бродит у тебя в уме... а! обнаженные плечи, бюст, ножка... воспользоваться доверчивостью, неопытностью... обмануть...»* [Гончаров 1997: 405]. Отношения между Александром и Лизой обрываются, так как отец Лизы предотвращает второе свидание, тем самым оберегая дочь от «Дон Жуана».

Маша

По возвращении домой, в Грачи, Александр скучает. Но однажды *«воротясь домой, он похвалил девушку Машу за проворство и ловкость, и Маша была взята во двор ходить за барином»* [Гончаров 1997: 447]. Мать Александра в своей огромной заботе о сыне сразу же распорядилась и приняла меры для удовлетворения его «потребностей». Эта связь ужасна и тем, что мнение девушки о таких отношениях не заинтересовало ни мать, ни самого Александра.

О Маше мы больше ничего не узнаем. Но зато в следующем абзаце мы видим изменение в жизни Александра — он опять начинает писать. Это означает, что именно связь с девушкой Машей на

какое-то время вновь оживила Александра. Эта связь относится, конечно, к концепту любви *ludus*, так как существует лишь на уровне телесности. Покидая свое имение во второй раз, Александр оставляет там и Машу без всяких угрызений совести.

Невеста

Шестая женщина в жизни Александра — это его невеста из богатой семьи. Александр даже не утруждается спросить свою молодую избранницу о ее мнении, а заключает помолвку с ее отцом. Эту женщину Александр не любит и не может любить, так как знает о ней очень мало. Его более интересует ее приданное и ее будущая функция «заботливой жены», хотя он и говорит дядюшке, что она прехорошенькая. В конце концов он находит замену своим матерям, к которым никогда не питал глубоких чувств.

Эти отношения можно охарактеризовать как любовь *pragma* [см. об этом: Lee 1977: 179—180]. С этой женитьбой связаны не только социальный подъем Александра в петербургском обществе, но и безбедное будущее. Именно любовь *pragma* являлась главным предметом уроков дядюшки. Долгие годы он пытался объяснить Александру свой взгляд на жизнь и на женитьбу:

«А теперь запомни мои слова только: любовь пройдет, повторяю я, и тогда женщина, которая казалась тебе идеалом совершенства, может быть, покажется очень несовершенною, а делать будет нечего. Любовь заслонит от тебя недостаток качеств, нужных для жены. Тогда как, выбирая, ты хладнокровно рассудишь, имеет ли такая-то или такая женщина качества, какие хочешь видеть в жене: вот в чём главный расчёт. И если отыщешь такую женщину, она непременно должна нравиться тебе постоянно, потому что отвечает твоим желаниям. Из этого возникнут между ею и тобою близкие отношения, которые потом образуют...»

— Любовь? — спросил Александр.

— Да... привычку.

Жениться по расчёту значит жениться для денег — это низко; но жениться без расчёта — это глупо!.. Нужно жениться с определённым

расчётом» [Гончаров 1997: 243]. В конечном счете и дядя, и племянник женятся по одному и тому же принципу. Но, как ни удивительно, дядя, стремившийся выстроить свои отношения с женой по образцу любви *pragma*, оказывается совершенно в других отношениях со своей женой, а именно в любви *eros*. И наоборот, племянник, стремившийся найти любовь-эрос, находит свое «псевдо-счастье» в прагматическом браке.

В заключение хотелось бы отметить, что все фазы развития Александра и его концепции любви претерпевают постоянные изменения. Начиная с Софии и чистой, первой, невинной любви, которая является больше платонической, Александр движется в сторону эротической любви, которая превращается в любовь-манию, из которой он уже не может выйти полностью. После роковой связи с Наденькой Александр все больше и больше удаляется от душевных эмоций и движется навстречу чисто телесной страсти, которая полностью реализуется в связи с Машей. Именно это развитие подтверждает наш тезис, о том, что именно отношения с Наденькой Любецкой в корне меняют представление Александра о любви и обрекают его на бесчувственность и тем самым на личное несчастье.

Список литературы

1. Бауэр А. *Femme fatale* как литературное явление в эпохе русского соцреализма на примере романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» // Bulgaria Scientific works — Philology. — Vol. 48. — Book 1. — Part B. — 2010. — Plovdiv: University press «Paisii Hilendarski», 2010. — С. 288—296.
2. Гончаров И. А. Полное собрание сочинений и писем в двадцати томах. — Т. 1. — СПб.: Наука, 1997. — 830 с.
3. Краснова Е. В. «Материнская сфера» в романах И. А. Гончарова. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/gonchar/critics/k90/k90-186-.htm>
4. Lee J. A. A Typology of Styles of Loving. Режим доступа: <http://psp.sagepub.com/content/3/2/173>
5. Пушкин А. С. Драматические произведения. Романы. Повести. — М.: АСТ, Олимп, 2002. — 700 с.

С. В. Броженко (Челябинск, Россия)

ПРАГМАТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕСТОИМЕНИЙ В РУССКОЯЗЫЧНОМ БАНКОВСКОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

This paper considers the main components of advertising discourse existing in Russian banking. Special attention is paid to pragmatic peculiarities of the copy of the banking advertisement and its linguistic manipulation. One of the most frequent devices in bank advertising is using proper and possessive pronouns and pronouns with prepositions, which is also studied in the paper.

Keywords: *pragmatics, advertising discourse, Russian banking, pronouns.*

Банковский рекламный дискурс представляет собой совокупность компонентов, которые характерны для типовой в данном дискурсе ситуации общения «независимо от хронотопа конкретного сообщения и организующих его в соответствии с содержанием, целью и функциями той или иной коммуникации» [Белюсова 2006: 18]. Основными компонентами рекламного дискурса банковской сферы являются текст (как правило, креолизованный), контекст и пресуппозиция. При этом текст является основополагающим компонентом рекламного дискурса и в связи с этим более детально исследован, чем экстралингвистические компоненты — контекст и пресуппозиция. Под контекстом понимается окружающая рекламный текст среда, составными компонентами которой являются время действия, а также социальные, экономические, политические и другие условия. Условиями, влияющими на формирование дискурса, можно также назвать общественно-политические, экономические, культурные и т. д. события, происходящие в обществе.

Начало финансового кризиса, выпавшего на конец 2007 года, стало важным событием не только в жизни страны, но и в экономическом секторе. Банки отреагировали на это молниеносно: наперебой стали предлагать повышенный процент по вкладам, улучшенные условия кредитования и т. д.

Пресуппозицию создаёт имплицитная информация, которой располагает участник коммуникации (потенциальный потребитель), а это — знания банковской/экономической сфер, имеющиеся у представителей целевой аудитории. Примером тому может послужить использование терминологической лексики, известной потребителю.

Контекст и пресуппозиция являются неотъемлемыми компонентами формирования рекламного дискурса в банковской сфере, так как они влияют на выбор языковых средств для продвижения товаров и услуг.

Несмотря на то, что на формирование рекламного дискурса оказывают влияние экстралингвистические компоненты, рекламный текст представляет для нас интерес ввиду того, что его

структурные и содержательные компоненты оказывают воздействие на реципиента, реализуя тем самым прагматическую направленность текста.

В. Л. Наер выдвинул положение о прагматике текста, рассматриваемого им как «единица психолого-речевого и прагматического характера» [Наер 1985: 8]. В связи с этим было предложено отнести к составляющим прагматики текста следующие компоненты: собственно прагматику текста как категорию, отражающую отношение адресата к объекту коммуникации, к самому коммуникативному акту и через него к адресату; адресанта и адресата; прагматическую установку текста; прагматическое содержание (пресуппозитивный фон); программируемый прагматический эффект. Текст, по словам В. Л. Наера, в качестве единицы коммуникации преследует всегда какую-то «определенную цель, при отсутствии которой такая единица утрачивает свойства и статус коммуникативной, так как не может быть бесцельной коммуникации», а следовательно, прагматика является неотъемлемой частью текста, неотъемлемым свойством коммуникации [Наер 1985: 12]. Важной составляющей считается прагматическая установка текста, под которой мы понимаем материализованное в тексте конкретное намерение адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата.

Весьма значимым является прагматическое содержание текста, которое отличается от смыслового. Смысловое содержание направлено на отражение внешнего мира, а прагматическое содержание воплощает в себе конкретные условия и цели передачи смыслового содержания, сопутствующие ему оценочные, модальные, побудительные и иные намерения адресанта. Прагматический эффект, в свою очередь, отражает адекватность/неадекватность коммуникации намерению адресанта и зависит прежде всего от той формы, в которую облекается содержание.

Использование местоимений в рекламе позволяет напрямую обратиться к потребителю, привлечь его внимание, а не только описать рекламируемый объект. Использование личных

местоимений в рекламе связано с приемом персонификации (по В. И. Шуванову) и превращает рекламу из безличной и анонимной в доверительную личностную беседу. «Личное» обращение в тексте интимизирует изложение и реализуется за счёт личных местоимений *вы, ты*, относящихся к потребителю, и, как правило, *мы, наши*, относящихся к производителю.

Применение личных и притяжательных местоимений, а также местоимений с предложениями осуществляется по двум направлениям. Согласно первому направлению обращение к потенциальному клиенту происходит от лица представителей банка, при этом внимание акцентируется на «коллективизме» сотрудников. Средством выражения данного обращения является местоимение «мы», подразумевающее коллектив сотрудников банка, которые работают на благо потенциального клиента:

Мы убеждены, что самым ценным активом Банка «Возрождение» являются отношения с клиентами. Мы работаем в истинном партнерстве с клиентами, и наши отношения строятся на принципе отзывчивости, человечности и надежности (Банк Возрождение).

Повторяющееся местоимение *мы* идентифицирует единую позицию сотрудников и банка как такового. «Собирательное мы» выступает в подобных случаях средством создания позитивного имиджа предприятия как единого целого» [Чернявская 2006: 49].

Применение собирательного «мы», воплощающего в себе коллектив банка, является достаточно частотным в русскоязычном рекламном дискурсе, что подтверждается следующими примерами:

Мы найдем верное решение, а вы сможете сосредоточиться на главном. Например, покупке в новую квартиру... экзотической рыбки (ВТБ).

Мы придерживаемся традиций и можем показаться старомодными, но мы профессионалы и предлагаем лучшее из современных банковских продуктов (РОСТ БАНК).

Мы остановили рост цен на недвижимость! (РосЕвроБанк).

Мы всегда готовы помочь Вам. Мы не сомневаемся в том, что Вы сможете сами распорядиться деньгами. Поэтому мы не спрашиваем о том, зачем Вам они. Мы просто выдаем деньги (Росбанк).

Кто-то говорит, что кредитовать не время... А мы в УРАЛСИБе думаем иначе! Именно сейчас эффективному малому бизнесу кредитная поддержка нужна как никогда (УРАЛСИБ).

Можно предположить, что столь частотное использование местоимения «мы» связано

с особенностями российской культуры, которой, по всей вероятности, присуще «доминирование коллективизма». Большое значение при этом имеют отношения с окружающими, «представители данных культур чаще мыслят в категории местоимения Мы» [Сазонова 2000: URL].

Обращение к клиенту ведется от лица представителей банка и при помощи притяжательных местоимений и местоимений с предложениями.

Так, например, для выделения преимуществ клиентов именно данного рекламируемого банка может быть использовано притяжательное местоимение «наш»:

Наши клиенты спят спокойно. Райффайзенбанк заботится о спокойствии своих клиентов, гарантируя их вкладам абсолютную безопасность и стабильный рост! (Райффайзенбанк).

Репутация нашего банка — это успешный бизнес клиентов. Гармония интересов — вот то, что определяет наш подход к работе... Наше партнерство укрепляется единством принципов. Взаимное уважение и финансово-банковские услуги международного уровня делают наше сотрудничество взаимовыгодным (Ак Барс Банк).

Использование местоимения с предложением помогает создать семантическое поле «свои», суть которого заключается в представлении некой точки зрения, оценки, мнения не как единичных, принадлежащих только данному субъекту речи, но как общеизвестные истины. Для этого предлагается внушить адресату, что адресат сообщения мыслит и говорит точно так, как адресант.

Создаём будущее вместе с Вами!

(ЮниКредитБанк)

Управление частным капиталом в UBS означает, что мы всегда поддерживаем связь с Вами... (UBS)

В рамках второго направления обращение к клиенту происходит посредством местоимения «Вы», при этом акцентируется внимание на выделении «значимости» и возможностей клиента. Так, например, в тексте подчеркивается, что всё зависит только от выбора и желания потенциального потребителя банковских услуг:

Вы легко сможете подобрать кредитную программу, отвечающую масштабу Ваших задач... (Ак Барс Банк).

Работая с деньгами, вы полагаетесь только на себя. В европейском инвестиционном банке Saxo Bank вы контролируете свой капитал: выбираете подходящий финансовый инструмент, разрабатываете стратегию и совершаете сделку. Вы определяете результат и успешность своих инвестиций (Saxo Bank).

Срок вклада определяете Вы!

(Банк Глобэкс).

О. С. Иссерс выделяет в рамках риторического типа речевых стратегий «тактику перераспределения межличностного пространства», которая может быть представлена приемом, основанным на апелляции к снобистским чувствам покупателя, своего рода «игру на повышение» [Иссерс 2006: 228]. Любому клиенту будет приятно узнать, что все будет именно так, как хочет он.

В рекламе были выявлены случаи использования в одной фразе сочетания местоимений, обозначающих и банк и клиента:

Наши опыт работает на Вас

(ICICI — АйСиАйСиАй Банк Евразия).

Ваше процветание — наш успех!

(РУСС-Инвест).

Применение личных и притяжательных местоимений, а также местоимений с предложениями направлено на то, чтобы вызвать у потенциального клиента чувство уверенности именно в этом банке.

Список литературы

1. Белоусова Н. П. Основные характеристики слогана как субжанра современного российского рекламного дискурса : дис. ... канд. филол. наук. — Самара, 2006. — 178 с.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — Изд. 4-е, стер. — М.: КомКнига, 2006. — 288 с.
3. Наер В. Л. Уровни языковой вариативности и место функциональных стилей // Научная литература. Язык. Стили. Жанры. — М.: Наука, 1985. — С. 3—16.
4. Сазонова Н. Характеристики культуры и планирование рекламных кампаний. — Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/sazonova_harkultiplan/
5. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 134 с.
6. Шуванов В. И. Психология рекламы: учеб. пособие по специальности «Реклама». — Ростов н/Д.: Феникс, 2005. — 314 с.

Е. М. Велижанина (Екатеринбург, Россия)

ВЫРАЖЕНИЕ САКРАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКОВЫХ УРОВНЯХ В ПРИТЧЕВОМ ДИСКУРСЕ НОВОГО ЗАВЕТА (на материале немецкого и русского языков)

The article is devoted to the consideration of the lingvostylistic tendencies of the expression's form for sacral-religious interpretation in New Testament parable. We consider four linguistic levels of expression for sacral-religious metasymbols.

Keywords: *interpretation, sacral-religious interpretation, supreme sacral-symbolic semantics, supreme sacral religious metasymbol, parable discourse, sacral-religious perspective.*

В данной статье мы придерживаемся концепции Н. Д. Маровой, в которой категория интерпретации рассматривается как особая по своему статусу текстоментальная процедура. Согласно этой концепции интерпретация (в общем смысле) — это специфический способ мыслительной деятельности человека, при котором производится определение значимости какого-либо текстоментального явления относительно других текстоментальных явлений и на этой основе придание ему определенного смысла, связанного с его существованием и функционированием в данном тексте [Марова 2006].

Что касается конкретной *интерпретации текста*, то под ней понимается процесс определения

ценностного своеобразия текстовых явлений с точки зрения субъекта-интерпретатора. Это своеобразие текста, в том числе относительно евангельской притчи, связано с *духовным видением* действительности (например, тот или иной житейский предмет может наделяться определенным сакральным смыслом).

Нами определено понятие «**сакрально-религиозная интерпретация евангельской притчи**» как текстоментальный процесс усмотрения ценности своеобразия текстовых (лингвостилистических) явлений в притче в их функции выражения духовно-нравственного, сакрально-религиозного метасимволического смысла. Сакрально-религиозная интерпретация имеет

двойственную природу, сочетая в себе, с одной стороны, диалектическое взаимоотношение профанного (мирского) и сакрального (священного), а с другой — религиозного и духовно-нравственного. Далее определим понятие «притчевый дискурс».

Совокупность текстов притчей Нового Завета формирует *притчевый дискурс*, который становится «неотъемлемой частью христианского сознания» [Краснов 2005: 13]. Под термином «дискурс», вошедшим в последние десятилетия в широкое употребление, понимается интегративная совокупность текстов, связанных семантическими (содержательно-тематическими) отношениями и/или объединенных в коммуникативном и функционально-целевом отношении [СЭС РЯ 2003]. По словам Н. Д. Арутюновой, дискурс — это речь, «погруженная в жизнь» [ЛЭС 1990: 137]. С учетом сказанного под *притчевым дискурсом* можно понимать совокупность всех притчевых форм, представленных в Новом Завете. Категория притчевого дискурса становится для нас необходимой для того, чтобы учесть единство всех евангельских притч, определяемое точкой зрения интерпретатора, в качестве которого здесь выступает сакральная фигура Иисуса Христа.

Следует отметить, что особую значимость приобретает интерпретационный процесс создания метасакрального символа в текстах новозаветной притчи, когда требуется концентрация неких верховных символических семантик, которые могут вырастать только из общего массива притчевого дискурса, несущего в себе сакрально-религиозную перспективу Высшего Интерпретатора — Иисуса Христа. Поэтому в нашем исследовании системы таких метасимволов обозначены с учетом специфики исследуемого материала *верховными сакрально-символическими семантиками*, или *верховными сакрально-религиозными метасимволами*. Под *верховным сакрально-религиозным метасимволом* мы разумеем обобщенное представление сакрально-религиозной идеи, заложенной в притчевом дискурсе Нового Завета. В евангельской притче мы выделяем следующие верховные интерпретативные метасимволы: «Сердце, Душа, Дух — *das Herz, die Seele, der Geist*», «Слово о Царствии/Слово Божие — *das Wort von dem Reich/ das Wort Gottes*», «Царствие Небесное / Царство Божие — *das Himmelreich / das Reich Gottes*», «Бог, Иисус — *Gott, Jesus*», «Путь к вере — *der Weg zum Glauben*».

Для выражения верховных сакрально-религиозных символов используются фонетические, графические, лексические, синтаксические,

лексико-синтаксические и образные средства языка. Как отмечают исследователи, язык Библии богат выразительными средствами и стилистическими приемами на всех языковых уровнях [Бобырева 2007; Вежицкая 2001; Н. Н. Гончарова 2005; Джексон 2006 и др.].

Так, в притче «О лампе под сосудом или под кроватью» / «*Von der Lampe unter dem Scheffel oder dem Bett*» (Мф 5:15—16) фокализация верховного сакрально-религиозного символа «Слово о Царствии / Слово Божие (*das Wort von dem Reich/ das Wort Gottes*)» производится на **фонетическом уровне**, что выражается в немецком переводе в звуковом сходстве словоформ «*Leuchter*», «*leuchtet*», «*leuchten*», «*euer*», «*Leuten*», в повторе согласной «*L*icht», «*Leuchter*», «*leuchtet*», «*allen*», «*leuchten*», «*Leuten*», в русском переводе — в повторе согласной «*с*ветит», «*с*вет», «*с*осуд», «*с*тавят», «*подс*вечник»: «*Man zündet auch nicht ein Licht an und setzt es unter einen Scheffel, sondern auf einen Leuchter; so leuchtet es allen, die im Hause sind. So laßt euer Licht leuchten vor den Leuten*» («И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми»).

На **графическом уровне** следует отметить некоторые различия в выражении сакрально-религиозных метасимволов в немецком и русском переводах. В притче «О лозе виноградной» («*Von den wahren Weinstock*») (Ин 15:1—13) использование местоимений «Я», «Меня» с заглавной буквы в русском переводе подчеркивает особую значимость верховной сакрально-символической семантики «Бог, Иисус (*Gott, Jesus*)» с точки зрения Интерпретатора, в немецком переводе данный стилистический компонент утрачен: «*Wie mich mein Vater liebt, so liebe ich euch auch*» («Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас»).

В процессе анализа притчевого дискурса Нового Завета мы пришли к выводу, что основной **лексический ресурс** составляет стилистически окрашенная лексика, в частности архаически-возвышенная (торжественная) и религиозная лексика. Так, религиозные лексемы «*das Himmelreich*» («Царствие Небесное»), «*Vaters Reich*» («Царство Отца») выводят на сакрально-религиозный символ «Царствие Небесное / Царство Божие (*das Himmelreich / das Reich Gottes*)». В притче «О сокровище в поле» / «*Vom Schatz im Acker*» (Мф 13:44) перспективное содержание данной символики составляет сема «духовная невидимость»: «*Das Himmelreich gleicht einem Schatz, verborgen im Acker*» («Еще подобно Царствие Небесное сокровищу, скрытому на поле»). Данный пример

демонстрирует, что тенденция сравнения способствует также фокализации верховной семантики «*Царствие Небесное / Царство Божие (das Himmelreich / das Reich Gottes)*».

Среди тенденций выражения сакрально-религиозных метасимволов на **синтаксическом уровне** следует особо отметить фигуры градации (климакс, антиклимакс), антитезы, повтора и т. д. Так, использование антитезы характеризуется способностью выделять, подчеркивать и, тем самым, усиливать не только эмоциональность и экспрессивность высказывания, но и раскрыть специфику ценностного своеобразия рассматриваемой сакрально-символической семантики. Приведем пример из притчи «О доме на камне и о доме на песке» («Vom Hausbau») (Мф 7:24—27; Лк 6:47—49): «*Darum, wer diese meine Rede hört und tut sie, der gleicht einem klugen Mann, der sein Haus auf Fels baute. <...> Und wer diese meine Rede hört und tut sie nicht, der gleicht einem törichten Mann, der sein Haus auf Sand baute*» («Итак, всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне <...> А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке») (Мф 7:24; 26). Посредством противопоставления («духовное исполнения Слова о Царствии» — «духовное неисполнение») производится аспектуализация верховной символики «*путь к Вере (der Weg zum Glauben)*».

Итак, в данной статье мы кратко рассмотрели лингвостилистические тенденции выражения сакрально-религиозных метасимволов посредством различных языковых ресурсов (фонетический, графический, лексический, синтаксический). Как показал проведенный анализ, лингвостилистические тенденции на разных языковых уровнях

способствуют *аспектуализации, фокализации, или усилению значимости своеобразия* определенного сакрально-религиозного метасимвола в каждой конкретной притче.

Список литературы

1. Бобырева Е. В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения): монография; Волгоград. гос. пед. ун-т. — Волгоград: Перемена, 2007. — 375 с.
2. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелева. — М.: Яз. славян. культуры, 2001. — 288 с.
3. Гончарова Н. Н. Поэтика новозаветной притчи: опыт понимания. — М.: Спутник+, 2005. — 152 с.
4. Джексон У. Библейская стилистика // Понимание греческого языка Нового Завета: учеб.-метод. пособие / пер. с англ. Л. Голубева. — Киров, 2006. — С. 391—522.
5. Краснов А. Г. Притча в русской и западноевропейской литературе 20 века: соотношение сакрального и профанного: автореф. дис. ... канд. филол. наук; Самар. гос. ун-т. — Самара, 2005. — 21 с.
6. ЛЭС: Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Совет. энцикл., 1990. — 682 с.
7. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2 ч. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2006. — Ч. 1. — 209 с.
8. Новый завет. Псалтырь. Притчи. — М.: Рос. Библийс. о-во, 2005. — 425 с.
9. СЭСРЯ: Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 696 с.
10. Die Luther-Bibel von 1984. — Режим доступа: <http://www.die-bibel.de/online-bibeln/luther-bibel-1984/ueber-die-lutherbibel/>

Г. Р. Власян (Челябинск, Россия)

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА МЕНЫ КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ В РАЗГОВОРНОМ ДИАЛОГЕ

Turn-taking is a basic form of organization for conversation, which has been described as a process in which one participant talks, then stops and gives the floor to another participant who starts talking, so we obtain a distribution of talk across two participants. Social and psychological factors play a very important role in the regulation of turn-taking. Conversational dialogues are characterized by high involvement style which is aimed at strengthening the social contact and showing the high level of understanding.

Keywords: *conversational dialogue, turn-taking of communicative roles, natural attribute of verbal communication.*

Мена коммуникативных ролей (англ. turn-taking), или взятие репликового шага, является важнейшей категорией анализа разговора и представляет способ организации его содержательной структуры.

Изучение принципов мены коммуникативных ролей составляет один из главных аспектов исследования конверсационного дискурса. Наибольший вклад в становление и развитие концепта мены коммуникативных ролей внесли родоначальники конверсационного анализа Э. Щеглофф, Г. Сакс, Г. Джефферсон, работавшие в русле этнометодологического направления американской социологии и антропологии [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974; Schoenthal, Schlank 1983; Sacks 2005].

В своих работах, посвященных мене ролей в разговоре, исследователи выделяют целый ряд правил организации чередования реплик, которые управляют очередностью таким образом, чтобы минимизировать паузы и наложения, и в соответствии с которыми можно выделять стратегические моменты смены коммуникативных ролей. Одну из важнейших характеристик своей модели авторы видят в потенциальной применимости к любого рода диалогам, отмечая при этом возможность ее адаптации, в зависимости от конкретного социально-культурного контекста.

Согласно одному из основных принципов конверсационного анализа естественная речь, несмотря на то, что на первый взгляд она кажется хаотичной, строго упорядочена, и эта упорядоченность имеет социальный смысл. Соответственно, любой естественно возникающий разговор подразумевает наличие порядка, который не надо постоянно и вновь объяснять в ходе обмена репликами. Порядок также необходим для того, чтобы произносимое было понятно всем участникам беседы. В разговоре проявляется социальная, интерактивная компетентность людей, стремящихся объяснить свое поведение, а также поведение собеседников [Исупова 2002].

Мена коммуникативных ролей представляет собой передачу роли говорящего от одного участника общения другому, указывающую на завершение отдельного коммуникативного вклада предыдущего субъекта и взятие права на коммуникативный вклад другим. Эти правила могут пониматься как механизм деления некоего «пирога», который распределяется между собеседниками, наделяя их минимальными единицами, или «долями» говорения, после произнесения которой право говорить передается следующему собеседнику [Сусов 2009].

Тот, кто высказывается в первую очередь, в значительной степени диктует ход всей интеракции. Доминирующий партнер — это тот, кто способен изменить тему и отслеживать очередность ролей. Он контролирует, кто говорит, сколько и о чем. Контролирующий речевой акт, как правило, бывает инициальным. Он может запрограммировать последовательность сообщений собеседника, манеру и стиль речи, способ выражения [Palmer 1986].

С другой стороны, последующий говорящий имеет большую власть над высказыванием первого как интерпретатор, поскольку он на эти слова непосредственно отвечает. Собеседники также могут использовать друг друга для приглашения, приветствия или прекращения речи третьих лиц, участвующих в общем разговоре.

Необходимо отметить, что эти роли относительны. В каждый момент диалога один из собеседников оказывается в роли ведущего, а другой — в роли ведомого.

В конверсационном дискурсе мена коммуникативных ролей может происходить как по инициативе говорящего, так и слушающего. В первом случае существует три способа регуляции авторства последующей реплики при смене говорящих:

1. Следующий участник общения, которому дается слово, *назначается* посредством прямой номинации, обращения или же косвенного описания, при этом обычно от нового говорящего ожидается вполне определенный ход.

2. Посредством произнесения первой, инициативной части диалогического единства типа *вопрос — ответ* определяется следующий ход, но говорящий не назначается, хотя часто он(а) подразумевается.

3. Нередко встречается так называемая «нулевая» регуляция, когда сами участники общения должны решить, *кто* из них продолжит разговор и *каким образом*. При этом, если из присутствующих никто не захотел взять слово, то говорящий может продолжить речь до следующей «точки перехода» (*transition-relevance place*) [Sacks, Schegloff, Jefferson 1974].

Какой из способов мены коммуникативных ролей превалирует в данной неформальной интеракции, определяется во многом степенью знакомства собеседников и макроинтенцией интеракции.

К числу *сигналов мены коммуникативных ролей* (*turn-signal*) относятся интонация высказывания и многие другие компоненты фонации; паралингвистические средства, в частности, различные аспекты кинесики и проксемики; дискурсивные маркеры [Coulthard 1977: 61].

При построении фреймовой модели мены коммуникативных ролей некоторые ученые выделяют такие фазы как *намерение заговорить, разрешение заговорить, начало реплики, затягивание / сокращение реплики, прерывание реплики, продолжение / возобновление реплики и завершение реплики* [Ballmer, Brennenstuhl 1981: 36]. Каждая из фаз может быть отмечена (пара)лингвистически.

Кроме того, мена коммуникативных ролей характеризуется по типу отнесённости соседних реплик во времени. При этом выделяются три типа «взятия шага» [Henne, Rehbock 1995: 190]:

- симультанная мена коммуникативных ролей;
- «гладкая» мена коммуникативных ролей;
- мена коммуникативных ролей после паузы.

Симультанная мена коммуникативных ролей представлена двумя типами прерывающих действий — наложениями и перебиваниями.

Наложения являются результатом одновременного вступления нескольких участников коммуникации в точку, маркированной сигнальными действиями передачи коммуникативного хода, а перебивания возникают вследствие вступления одного из слушающих в коммуникативный обмен в тот момент, когда говорящий не готов передать ему право совершения очередного коммуникативного хода.

Наложения не всегда указывают на некооперативность действий участников разговора. Например, если вы заходите в комнату, в которой находится несколько человек, то вероятнее

всего, они поздороваются с вами «в унисон». Также смех в разговоре относится к действию, которое чаще всего происходит одновременно. Было бы странно, если в ответ на шутку участники разговора смеялись бы по очереди.

Мена коммуникативных ролей с перебиванием имеет место в любой из сфер общения. Но в эмоционально подчёркнутом разговоре, имеющем личностный характер, интерактанты чаще нарушают принятые в данном социуме нормы и конвенции, поскольку между ними возникают различного рода конфликты и противоречия, и каждый собеседник пытается «перехватить» коммуникативную инициативу.

В регуляции мены коммуникативных ролей огромную роль играют социальные и психологические факторы. Естественной считается мена коммуникативных ролей после длительного шага, и наоборот, аномальным является общение, в котором один участник все время говорит, а другие молчат. Это возможно лишь в формальных диалогах, где такое поведение регламентировано социальным институтом.

Мена коммуникативных ролей — это естественный и необходимый процесс языкового общения, который часто осуществляется автоматически, подсознательно. Мы не замечаем, как она происходит в нормально протекающем общении, однако фиксируем все отклонения от нормы и нарушения правил «взятия шага».

С позиций лингвистической прагматики процесс смены ролей в диалоге выглядит следующим образом: адресант, выстраивая первую, иницирующую реплику (вызов, реплику-стимул), выражает, прежде всего, свое коммуникативное намерение (интенцию) и эмоциональное состояние, соответствующее социальной и психологической роли, и, пользуясь общим со вторым коммуникантом кодом, воздействует на него либо сообщая новые знания и тем самым изменяя мир знаний партнера, либо побуждая его к совершению того или иного действия. В свою очередь, адресат, выстраивая вторую, реактивную реплику (отзыв, реплику-реакцию), понимает суть сказанного, вычленяет намерения собеседника, совершает ряд когнитивных операций и определяет направление собственного реагирования в сторону унисонных, выражающих согласие, или диссонансных, выражающих несогласие, взаимодействий с партнером [Формановская 2002: 159].

Таким образом, мена коммуникативных ролей представляет собой сложное коммуникативное целое, объединяющее субъекта и объекта речевой деятельности, социальные параметры и ситуацию

диалогического общения, интенции интерактантов, заключающиеся в реализации определенного коммуникативного намерения.

Список литературы

1. Исупова О. Г. Конверсационный анализ: представление метода // Социология. — 2002. — № 15. — С. 33—52.
2. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. — Винница: Нова Книга, 2009. — 272 с.
3. Формановская И. Н. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. — М.: Рус. яз., 2002. — 216 с.
4. Ballmer T. T., Brennenstuhl W. Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs. — Berlin: Springer, 1981. — 274 p.
5. Coulthard M. An introduction to discourse analysis. — London : Longman, 1977. — 195 p.
6. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. — Berlin; New York: de Gruyter, 1995. — 274 s.
7. Palmer M. T. Controlling conversation: turns, topics and interpersonal control // Communication Monographs. — 1986. — Vol. 56. — P. 2—18.
8. Sacks H. Lectures on Conversation. — Blackwell Publishing, 2005. — 818 p.
9. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A Simplest Systematics for the Organization of Turn-Taking for Conversation // Language. — 1974. — Vol. 50. — № 4, part 1. — P. 696—735.
10. Schoenthal G., Schlang G. Gesprochene Sprache. — Tübingen: Niemeyer, 1983. — 121 s.

Е. Б. Воронина (Иваново, Россия)

СЛОВО КАК ЗНАК (на примере романа Н. Саррот «Откройте»)

Language and speech have drawn a special attention of philosophers, linguists, literary scholars for more than a century. Not only the scientists are interested in translating ideas into speech, connections between the signifier and the signified, sign nature of a word, these questions receive as well an aesthetic perception. Thus, Nathalie Sarraute's late works deal with word and multiple modes of its interpretation. We have studied comprehension of sign nature of a word in Ouvrez, the last novel by the French writer, where words act as characters.

Keywords: word, sign, structure, signifier, signified, world perception.

Философские изыскания ученых начиная со второй половины XIX века часто проходят под знаком интереса к языку. Такие направления, как герменевтика, неопозитивизм, психоанализ, феноменология, экзистенциализм, структурализм, постструктурализм, в большей или меньшей степени затрагивают проблему языка и языкового познания мира, смысла и его выражения.

Как известно, впервые специальный подход к слову как к знаку был обозначен в работах Фердинанда де Соссюра. Единицей языка ученый считает знак, включающий в себя понятие и акустический образ, для наименования которых применяются соответственно термины «означаемое» и «означающее» [Соссюр 1977: 99—100]. Последние противопоставлены друг другу, поскольку, по мнению швейцарского лингвиста, «в языке нет ничего, кроме различий» [Соссюр 1977: 152]. Взаимодействие между означающим и означаемым является предметом исследования последователей Соссюра. К примеру, Шарль Балли выделяет в качестве ключевого фактора

не дифференциацию (различие), а ассоциацию, связь с другими знаками: «...сущность полностью мотивированного знака состоит в том, что он опирается на одну обязательную внутреннюю ассоциацию, а сущность полностью произвольного знака — в том, что он мысленно связывается со всеми другими знаками с помощью факкультативных внешних ассоциаций» [Балли 1955: 154]. Роман Якобсон, со своей стороны, определяет связь означаемого и означающего как кодифицированную смежность [Якобсон 1975: 223]. Эта стройная архитектура знака постепенно расширяется в недрах самого структурализма. Если Ролан Барт в своих более ранних работах предполагает возможность нелинейной комбинации знаков, таким образом создающих особые смысловые эффекты [Барт 2000: 229—230], то дальнейшие его работы (после 60-х гг.) не ограничиваются анализом комбинаций знаков между собой, а «деконструируют» данную структуру.

Интерпретация знака в устах теоретиков постструктурализма показывает, как изменилось

восприятие бытия и места человека в мире. Жак Деррида считает, что необходимо стереть различие между означающим и означаемым, поскольку «отсутствие трансцендентального означаемого расширяет поле и игру означивания до бесконечности» [Деррида 2000: 354]. В унисон с ним Жак Лакан разделяет означающее и означаемое, первое из которых выступает независимым элементом и может быть «скользящим» или «плавающим» [Ильин 1998: 17]. Перестройка теории знака позволяет проследить изменение мироощущения человека перед лицом хаотического мира. Из логически стройного и упорядоченного он превращается в непредсказуемый и неподдающийся объяснению. Такое мировосприятие находит свое отражение и в литературной практике. Одним из примеров художественного осмысления философской концепции деконструкции знака служит творчество французской романистки Натали Саррот (1900—1999), которая в произведениях позднего периода обращается к слову и множественности его интерпретаций. По ее мнению, за любым обыденным словом скрывается неожиданная глубина смыслов, приобретаемых в процессе индивидуального восприятия. В последнем романе писательницы «Откройте» (1997) персонажами становятся отдельные слова и фразы, в процессе беседы между собой создающие новые значения произнесенного. Как идеальные, абстрактные, «пустые» смыслы наполняются в актах означивания (с точки зрения семиологии) [Косиков 2000: 25], так и слова в «Откройте» приобретают значения в актах общения и восприятия.

Вступление романа обозначает расстановку слов-персонажей, выступающих как «самостоятельные живые существа. Когда им предстоит встреча с чужими словами, воздвигается загородка, стена. С внешней стороны остаются только те, кто может оказать визитерам достойный прием. Остальные уходят за загородку, где их накрепко запирают» [Саррот 1999: 235]. Но через перегородку запертым словам видно, что происходит: «Иногда происходящее вызывает у них непреодолимое желание вмешаться, они не выдерживают и начинают стучать, звать... Откройте!» [Там же]. С другой стороны, слова в этом произведении обнажают свою знаковую природу, и означающее способно принимать любое значение. Одна из исследовательниц творчества писательницы Рашель Буэ говорит, что, «по-видимому, слово у Натали Саррот никогда не решается закрепиться, опасаясь окончательного заключения в избранной форме» («La parole de Nathalie Sarraute semble toujours hésiter à s'inscrire, redoutant le définitif enfermement

dans une forme choisie» [Boué 2000: 154]). Иначе говоря, форма и содержание слова-знака существуют независимо друг от друга, иллюстрируя процесс отделения означаемого от означающего, на который указывают Деррида и Лакан.

В качестве слов, играющих в драме языка, романистка выбирает устоявшиеся формулы, «общие места» нашего повседневного лексикона. Но даже «самые банальные среди них, вызывающие смутные волнения [...] несут в себе постыдные задние мысли, невыразимые страхи» («...les plus banals d'entre eux soulevant des vagues troubles [qui] charrient d'inavouables arrière-pensées, d'indicibles angoisses» [Gaudreau 1999: 22]). Такие слова и выражения, как «Au revoir» (До свиданья), «Pourquoi» (Почему), «En effet» (В самом деле), «Excusez-moi» (Извините), «Quoi» (Что), «À bientôt» (До скорого), «Moi aussi» (Я тоже), «N'est-ce pas» (Не так ли) и т. д. становятся объектами рассмотрения Саррот (их «имена» пишутся в романе с большой буквы, чем подчеркивается их особая природа).

Для подтверждения своих мыслей рассмотрим вторую главу «Откройте», посвященную выражению «Au revoir» / «До свиданья». Традиционная формула вежливости имеет аналогичное значение во французском и русском языках и используется в конце встречи, разговора. Имея определенный смысл и сферу употребления, «До свиданья» не должно вызывать никаких дополнительных толкований и смутных волнений. И правда, другие слова дают ему очень лестные характеристики: «самый преданный служитель... отлично вышколенный, на великолепном счету...», «гарантия благопристойности» [Саррот 1999: 253]. Они описывают примеры ситуаций, когда «До свиданья» применяется и смягчает горечь расставания: оно придерживает дверь, захлопывающуюся с оглушительным стуком, смягчает прощальный разговор по телефону, даже помогает избежать серьезных военных конфликтов [Саррот 1999: 253—254].

Для творческого метода Саррот характерно метафорическое описание мельчайших и смутных ощущений, порождаемых тем или иным высказыванием; оно присутствует и в данном случае: «...окутывает их нежными, теплыми испарениями», «покрывает легким туманом...», «увлажняет сладостными обещаниями...» [Саррот 1999: 254]. Таким образом, значение «До свиданья» производит положительное впечатление. Но вместе с тем окружающие слова характеризуют его следующим образом: «в припадке ярости», «как черт», «буйнопомешанный, сбежавший

из психушки» [Саррот 1999: 251], что находится в антонимичных отношениях с вышеприведенным значением формулы вежливости. Данное обстоятельство проясняется с помощью ситуации, в которую попало «До свиданья» и которая отделила привычное означаемое от своей формы. «До свиданья» появилось раньше положенного срока и вместо мягкого завершения беседы по телефону оборвало ее «тяжелым молчанием» [Саррот 1999: 252]. Иными словами, вежливость обернулась оскорблением, своей противоположностью. Выражение опередило другие подготовительные фразы и не дождалось своего близнеца с другого конца провода, которое и должно было завершить беседу. Общепринятая формула стала причиной стыда, угрызений, разочарования, а после, во время бессонных ночей — предметом тщательного анализа. Преступление «До свиданья» внимательно изучается, особенно исследуется интонация его произнесения. То оно звучит «сухим, обрубающим тоном», то «слишком слащаво», то раздается, как «ни то ни се» и «неправдоподобно», а то рывкает, «как зверь» [Саррот 1999: 261—262] — интонация изменяет смысл произнесенного не меньше, чем ситуация, и становится причиной размовки.

Ущерб, нанесенный невовремя и не тем тоном сказанным словом, практически непоправим; попавшему в опалу «До свиданья» может помочь лишь «Привет» с другого конца провода, как поясняют нам собраты несчастного [Саррот 1999: 264]. Казавшееся безобидным выражение становится опасным, лишь только теряет свое обычное значение. Разъединенные форма и содержание провоцируют внутреннюю тревогу человека, теряющего связь с реальностью. Эпистемологическая неуверенность, хаотичность бытия, осмысляемые в трудах философско-лингвистической направленности, приобретают в романе Саррот конкретную интерпретацию в виде разобщенности людей, отсутствия взаимопонимания между ними, их одиночества. Одно-единственное слово, потерявшее свой первоначальный смысл, способно привести к необратимым последствиям, о чем

и предостерегает нас писательница, призывая «открывать» смысл слова.

Список литературы

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. В. В. и Т. В. Вентцель; ред., вступ. ст. и прим. Р. А. Будагова. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955. — 416 с.
2. Барт Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / пер. с фр. Г. К. Косикова // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 2000. — С. 196—238.
3. Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. А. Гараджи, В. Лапицкого и С. Фокина; сост. и общ. ред. В. Лапицкого. — СПб.: Акад. проект, 2000. — 432 с.
4. Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. — М.: Интрада, 1998. — 256 с.
5. Косиков Г. К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 2000. — М., 2000. — С. 3—48.
6. Саррот Н. Здесь. Откройте: книга прозы / пер. с фр. И. Кузнецовой. — СПб.: Инапресс, 1999. — 400 с.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. — М.: Прогресс, 1977. — 696 с.
8. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / пер. с англ. И. А. Мельчука // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. — М.: Прогресс, 1975. — С. 193—230.
9. Boué R. Le drame de la parole chez Nathalie Sarraute // Nathalie Sarraute, éthiques du tropisme: actes du Colloque Nathalie Sarraute, 7 mai 1999 / Textes éd. et présentés par P. Foutrier. — Paris; Montréal (Québec); Budapest; Torino: l'Harmattan, 2000. — P. 153—167.
10. Gaudreau H. La matière romanesque de Nathalie Sarraute // Nuit blanche, le magazine du livre. — 1999. — № 74. — P. 20—23.

Н. П. Глинская (Москва, Россия)

**МЕТОНИМИЯ И МЕТАФОРА КАК КЛЮЧЕВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ**

This article deals with the main metaphoric and metonymic models of law terminology formation as the categorization mechanisms in the judicial discourse. The dynamics of these terminology processes is discussed on the basis of the corpus of the US Supreme Court opinions written within the period of 1789—2009.

Keywords: law terminology, metaphor, metonymy, judicial discourse, US Supreme Court.

Исследование формирования юридической терминологии направлено на выявление ключевых закономерностей ее становления. Юридическая терминология отражает специфику правовой системы в тот или иной период времени и тем самым проявляет себя как фактор ее развития. Чрезвычайно важное значение для развития права и юридической терминологии имеет многоаспектная юридическая категория правовой доктрины. Основной целью данной работы является описание с позиций когнитивного терминоведения специфики метонимической и метафорической концептуализации категории юридической доктрины в американском судебном дискурсе.

Правовая доктрина — это источник права и, соответственно, правовое средство для разрешения юридических проблем разных уровней абстракции. Соответственно под правовой доктриной понимаются и общая философско-правовая концепция, лежащая в основе всей правовой системы (например, доктрина судебного прецедента — *stare decisis*, доктрина судебного контроля — *judicial review*), и теоретический принцип, сформулированный в трудах авторитетных ученых-юристов (доктрина добросовестности — *good faith*, доктрина публичного порядка — *public policy*), и конкретный правовой принцип, разработанный в процессе правоприменения и зафиксированный в Конституции, нормативном акте или прецедентном судебном решении (доктрина политического вопроса — *political question*, доктрина преимущественного права — *pre-emption doctrine*, доктрина отдельных, но равных прав — *separate but equal rights*).

Категория юридической доктрины играет существенную роль на разных этапах правового развития США, и именно специфика исторического развития обусловила своеобразие американских доктрин. Как известно, правовая система США, относящаяся к системе общего (прецедентного права), впитала в себя ряд доктрин английского права. Тем не менее, объем полномочий судебной власти в США превышает компетенцию соответствующих судебных инстанций в Англии. Если в период образования северных штатов наиболее авторитетными для поселенцев

были труды крупных английских юристов, содержащие ключевые правовые нормы, воплотившиеся в судебных решениях и актах Парламента, то уже в XIX веке, в новых условиях, в результате судебной практики воспринятые из английского права юридические понятия были усовершенствованы, а в XX веке появилось множество собственноручно американских юридических доктрин.

Правовая доктрина является сложной юридической категорией, поскольку часто является неопределенной с точки зрения ее применения. Содержание доктрины невозможно исчерпывающим образом отразить в одном тексте, а тем более закрепить в законодательном порядке, в связи с тем, что доктрина определяет не столько «букву» закона, сколько его «дух». Принимая решение по вопросу доктрины как источника права, суд должен учитывать все обстоятельства и определять заново, какова юридическая суть доктрины и насколько эта правовая идея соответствует современным условиям правоприменения. Поскольку судебная доктрина не может быть полностью вербализована, отражает субъективную правовую позицию судей и раскрывает свое значение только в конкретном социально-правовом контексте, то с когнитивных позиций — это форма неявного знания (по М. Полани), играющая определяющую роль в развитии знания. Соответственно, терминологизация доктрины, представляющая собой переход от неявного, подразумеваемого, в явное, экстериоризованное знание посредством языка — объект пристального внимания со стороны когнитивного терминоведения.

Учитывая тот факт, что формулировать и применять юридическую доктрину в качестве источника права могут прежде всего суды, в качестве материала для данного исследования был взят судебный дискурс как наиболее близкий к повседневной жизни общества, наиболее быстро отражающий результаты правового регулирования взаимоотношений физических и юридических лиц, граждан и государства, и, соответственно, наиболее активный в сфере доктринального правотворчества — дискурс высшей судебной инстанции США — Верховного суда.

Проведенный нами концептуальный анализ терминов, обозначающих разработанные судом доктрины, выявил преобладание антропоморфной модели. Наиболее представленной моделью в антропоморфной метафоре оказалась модель «ЧЕЛОВЕК». Источниками формирования антропоморфной метафоры стали прежде всего характеристики человека как живого организма и субъекта социальных отношений. Так, отношения между штатами структурируются как отношения между двумя субъектами: например, номинация доктрины двух суверенов — «*dual sovereignty*», предусматривающая поочередное уголовное преследование за деяние, признанное преступлением федеральным правительством и штатом; доктрина «минимальных контактов» («*minimum contacts*») регулирует вопросы экстерриториальной юрисдикции. Метафора чистых рук в номинации доктрины «*clean hands doctrine*», согласно которой заявитель, требующий справедливости, должен сам жить по справедливости, проецирует телесную чистоту на безупречность поведения; доктрина «*equal footing*» требует равных условий для участников правоотношений, доктрина дремлющей клаузулы о праве Конгресса регулировать торговлю («*dormant clause*») позволяет представить норму права как спящего человека, а метафорическое осмысление корпорации как юридического лица (THE CORPORATION IS A PERSON) привело к появлению доктрины «*piercing the corporate veil*» и т. п.

Существенное место в антропоморфной метафоре занимает модель «СООРУЖЕНИЯ», реализуемая на основе строительной и военной терминологии. В данной метафорической модели происходит перенос прежде всего по функции из области источника (строительство) в область цели (право). Так, например, впервые сформулированная в 1802 г. отцом-основателем Томасом Джефферсоном и закрепленная в судебном решении от 1879 г. (*Reynolds v. United States*, 98 U. S. 145) строительная метафора стены между государством и церковными учреждениями «*wall of separation*» на протяжении всей истории Верховного суда США рассматривается как ключевая доктрина, регулирующая вопросы установления религии, свободы вероисповедания. Применяя данный правовой принцип ко всем спорам в этой сфере на протяжении около полутора столетий, судьи обращаются многократно и к самой метафоре, развивая образ «стены», указывая на составляющие ее «кирпичи» (*bricks*) и т. п. Так, например, в 1947 г. в решении по делу *Everson v. Board of Education of the Township of Ewing* в

ходе доктринального толкования стена между государством и церковью описывается как *high and impregnable* в соответствии с традиционными ценностями англосаксонской культуры «*good fences make good neighbors*». Однако во второй половине двадцатого века наряду со строительной метафорой *wall of separation* судьи при обсуждении доктрины используют военные метафоры военного сооружения (щит *shield*, проволочное заграждение *entanglement*, демаркационная полоса *line of demarcation*). Приведенный выше пример показывает, что метафора как когнитивная операция носит системный, парадигмальный характер, создавая, по В. М. Лейчику, «в функциональных языках сферы, которые можно назвать метафорическими полями» [Лейчик 2010: 302], или, по словам Е. В. Падучевой, «семьи», когда «разные выражения с одним и тем же или близкими по смыслу словами оказываются неслучайным образом связаны между собой» [Падучева 2004: 200].

В качестве примера неантропоморфной метафоры, относящейся к модели «ФЛОРА», приведем доктрину «плодов отравленного дерева» «*fruits of the poisonous tree doctrine*», которая была сформулирована в решении Верховного суда США по делу *Nardone v. United States*, 308 U. S. 338 (1939). По-видимому, она восходит к библейскому высказыванию «по плодам их узнаете их» (Мф 7, 16). В соответствии с этой доктриной, если дерево «отравлено» (то есть основные доказательства добыты неконституционным образом), то и «плоды» этого дерева (любые данные, полученные в результате использования доказательств, найденных неконституционным образом) также считаются «отравленными» и подлежат исключению из рассмотрения на суде.

Проведенное исследование показало, что метафоризация является важным средством концептуализации американской юридической доктрины. Метафорические термины, обозначающие эти правовые принципы, строятся в рамках устойчивых синтаксических моделей, в соответствии с нормами английского языка, что свидетельствует о языковой системности этих терминов. Посредством метафоризации юристам удастся фиксировать абстрактные концепты правовой реальности при помощи языковых средств из других источников. Юридические термины — названия доктрин — результаты собственно правотворчества в профессиональном дискурсе. Примечательно, что термины, образованные на основе метафоры, периодически являются объектами терминологической рефлексии со стороны

самых судей Верховного суда. В частности, судья Кардозо в решении по делу *Berkeley v. Third Ave. Railway Co.* (1926) призывает своих коллег к осторожному использованию метафор в сфере права: «*Metaphors in law are to be narrowly watched... for starting as devices to liberate thought, they end often by enslaving it*».

Напротив, метонимическая модель концептуализации юридической доктрины в американском судебном дискурсе воспринимается со стороны профессионального языкового субъекта — судей Верховного суда США — как наиболее соответствующая прагматическим критериям терминологического образования. В основе метонимии лежат классические логические операции, позволяющие в итоге не только систематизировать объекты профессиональной деятельности, но и обеспечивать в процессе номинации стилистически нейтральными и информационно емкими (М. Н. Володина) с точки зрения их структурно-семантической организации языковыми единицами [Голованова 2011: 115].

По полученным данным, терминологизация доктрин в судебном дискурсе Верховного суда в результате метонимизации происходит, главным образом, при переносе ЧАСТИ на ЦЕЛОЕ. Судебные решения Верховного суда, формулирующие новые юридические доктрины, становятся прецедентами, имеющими высокую значимость для развития правовой сферы. Благодаря метонимическому переносу с имени собственного на нарицательное имена участников прецедента остаются зафиксированными в языке профессиональной коммуникации юристов США на целые столетия. За субъектом-участником правового процесса стоит целая ситуация, в результате чего «один из компонентов ситуации, или один с еще

каким-то, будучи обозначенным, проявляет затем способность вызывать в нашем воображении ситуацию в целом, или, в других терминах, активизировать соответствующий фрейм» [Кубрякова 1992: 89—90].

Проиллюстрируем образование метонимических терминов-доктрин Верховного суда на примере доктрины *Miranda*. В 1966 году Верховный суд США в своем решении по делу *Miranda v. Arizona* постановил, что полицейские, прежде чем подвергнуть допросу, должны сообщить (буквально зачитать *to read, to give*) подозреваемому уведомления *warnings* о том, что у подозреваемого есть право хранить молчание (*remain silent*), право советоваться с адвокатом и на присутствие адвоката во время допроса (*to consult an attorney, have an attorney during questioning*). Начиная с середины 70-х годов прошлого века суд формулирует строгие требования, обеспечивающие законность данной правоприменительной процедуры (*Miranda rights / standards / safeguards*). С 2000 года суд считает право подозреваемого на уведомление уже конституционным правом в рамках правовой доктрины *Miranda rule / Miranda doctrine*. Четкая этапность в ходе терминологического образования и использования составных терминов становится особенно очевидной при применении статистических методов исследования динамики лексической системы в дискурсе за достаточно протяженный период времени. Так, например, на рис. 1 показаны графики относительной частотности терминологических словосочетаний *Miranda warnings / rights / rule / claim / doctrine* в корпусе судебных решений Верховного суда (методику получения эмпирических данных см. подробно в: [Глинская 2010: 33—50]).

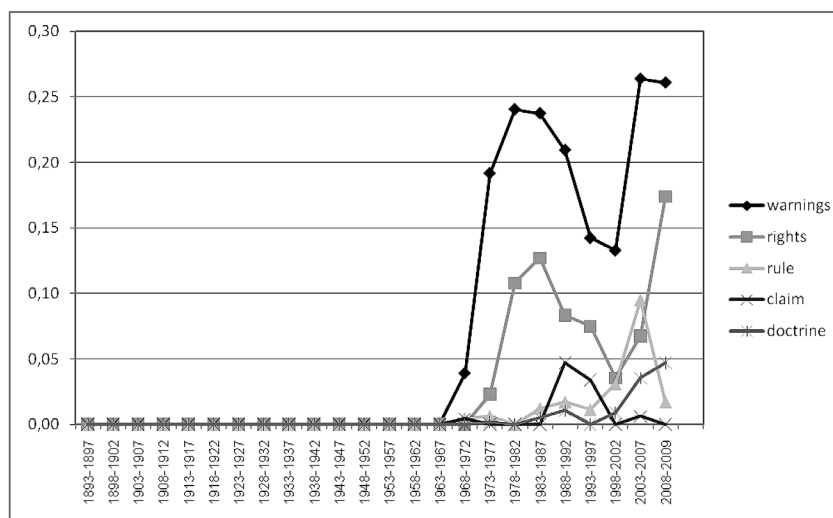

Рис. 1. Изменение относительной частотности составных терминов с участием терминологического элемента *Miranda*

Таким образом, имя субъекта *Miranda* — участника прецедентного судебного процесса *Miranda case* — переносится на тип нового юридического действия — уведомление — *Miranda warning* — затем на право на его получение — *Miranda right* — и далее на правовой принцип, регулирующий данный правовой институт в целом, — *Miranda rule / doctrine*. Событие, представляемое в виде концепта-сценария, содержит отдельные этапы, рассматриваемые как части целого. Когнитивный подход к изучению метонимии позволил объяснить очередность образования новых метонимических значений «субъект действия» — «юридическое действие» — «результат действия» — «юридический принцип».

Большинство юридических доктрин, терминологизированных по метонимической модели (*Chevron / Parker / Pullman doctrine, etc.*), относятся к идеализированной когнитивной модели «ВРЕМЯ—СОБЫТИЕ—ЭТАПЫ». Примечательно, что наблюдается и обратный процесс: в судебном дискурсе СОБЫТИЕ переходит во ВРЕМЯ. О том, что прецедент, давший начало доктрине, становится определенной вехой в истории суда, подтверждает существенное количество используемых в судебной речи таких сочетаний, как *pre-Miranda, prior Miranda, post-Miranda, after Miranda, etc.*

По результатам нашего исследования, метафора и метонимия являются важными механизмами терминологизации американской юридической доктрины на всех этапах развития американского права, однако в номинации правовых доктрин с середины сороковых годов двадцатого века преобладающим является механизм метонимии. Как совершенно справедливо указывает Е. И. Голованова, «если метафора является актуальным механизмом на этапе начального профессионального познания (а также в сфере абстрактного научного познания, где эта форма мышления используется для осмысления сложных объектов), в ее основе лежит операция сравнения, а результатом является нахождение аналогий между предметами и явлениями, то метонимия выступает в качестве механизма «продвинутого» профессионального познания» [Голованова 2011: 114].

В ходе проведенной работы выявлены доктрины, в основе номинации которых лежит смешанный метафоро-метонимический перенос, в частности, доктрина процессуальной правоспособности *the doctrine of standing*. Право на предъявление иска в суде спроецировано с физической возможности «предстать перед судом», а затем перенесено и на юридические основания иска, его юстициабельность.

По словам Е. В. Падучевой, «метафора часто возникает как следствие метонимии: метонимия черпает метафорой, поскольку при переносе фокуса внимания на смежный объект на место согласованной категории оказывается несогласованная» [Падучева 2004: 194]. Абстрактный, обобщенный характер юридических конструкций, тенденция юристов к использованию юридических фикций в ходе решения правовых проблем являются факторами, способствующими применению метафорических и метонимических механизмов концептуализации в юридической сфере. Существенная сложность процессов их дифференциации, а также «факты пересечения границ между метафорой и метонимией свидетельствуют о континуальности нашего мышления и диффузности границ между различными ментальными процессами» [Козлова 2011: 143].

Исследование терминологизации категории юридической доктрины в материале диахронического корпуса судебных решений Верховного суда США позволяет не только отслеживать новые тенденции в языке профессионального сообщества, но и проследить судьбу той или иной терминологической единицы на пути ее становления «на историческом фоне: изменения законодательства, подъемы и спады научной мысли, смена теоретических концепций, связь и дифференциация научных дисциплин, развитие культурных, в том числе зарубежных, связей, состояние лексической и стилистической системы языка и др.» [Савицкий 1987: 23].

Американское право развивается стремительно, выносятся новые судебные решения, и все более широко принимаются нормативные акты с целью совершенствования существующих правовых механизмов. Введение юридических инноваций и трансформация традиционных институтов права невозможны без изменений юридической терминологии. В связи с этим представляется актуальным дальнейшее изучение процесса терминологизации категории юридической доктрины путем механизмов метонимии и метафоры на обширном эмпирическом материале и широкомасштабном историческом фоне. Такого рода исследование может быть обращено к выявлению национально-культурной специфики указанных процессов как в рамках англосаксонской правовой семьи (в частности, сопоставление английских и американских доктрин федерального уровня и отдельных штатов), так и шире — в сравнении с юридическими концептами континентальной романо-германской семьи с целью выявления вклада метафоры и метонимии

в формирование лингвоправовой картины мира [Глинская 2004: 53].

Список литературы

1. Глинская Н. П. Юридический термин «privacy» как предмет системно-динамического исследования // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — М.: Изд-во МГУ, 2010. — № 2. — С. 33—50.
2. Глинская Н. П. Три уровня освоения лингвоправовой картины мира // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. Вып. 3. — М.: Прометей, МПГУ, 2004. — С. 51—55.
3. Голованова Е. И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. — 224 с.
4. Козлова Л. А. Метафора и метонимия: сходство и различия // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2011. — № 4 (029). — С. 137—144.
5. Кубрякова Е. С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. — М.: Индрик, 1992. — С. 84—90.
6. Лейчик В. М. Метафоризация как способ образования научных и технических терминов (на материале лексики языка компьютерного дела) // Терминология и знание: материалы II Междунар. симпозиума, Москва, 21—22 мая 2010 г. / отв. ред. д-р филол. наук С. Д. Шелов. — М.: Азбуковник, 2010. — 361 с.
7. Падучева Е. В. Метафора и ее родственники // Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. — М.: Яз. слав. культуры, 2004. — С. 187—203.
8. Савицкий В. М. Язык процессуального закона. Вопросы терминологии. — М.: Наука, 1987. — 288 с.

Ю. А. Говорухина (Красноярск, Россия)

СМЫСЛОВОЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛАКУН В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

The article deals with features of functioning of lacunas in the communicative space of literary-critical texts. The author reconstructs mechanisms of generation of senses, initiated by lacunas, as well as a pragmatic component of «emptiness» in the critical text. The research material consists of criticism of «thick magazines» of the late XX century; the theoretical basis encompasses R. Ingarden's statement about «uncertainty sites» as a space which stimulates imagination of the recipient, G.V. Bykova and Ju.A. Sorokin's researches about specificity and studying methodology of lacunas.

Keywords: *lacuna, sense, critical text, pragmatic.*

Критическая деятельность — особый вид акта понимания и коммуникации, который в снятом виде присутствует уже на первом этапе (интерпретации и оценки). Специфика деятельности критика — в ее разнонаправленности, обусловленной промежуточным положением критика между художественным произведением, автором, читателем, самим собой. Критическая — это и прагматический коммуникативный феномен, проявляющийся в некотором типе ситуаций коммуникативного взаимодействия, в которых коммуникатор, руководствуясь конкретными практическими целями, озабочен доведением до сведения адресата определенной информации. Изначальная ориентированность текста на Другого, его коммуникативный характер определяют содержание и структуру как критического текста, так и самой деятельности. Установка на адресата объединяет две различные коммуникативные процедуры — интерпретации

и продуцирования текста — и является структурообразующей для критической деятельности в целом. Понятие установки экстраполируется нами из психологии. По словам А. Г. Асмолова, «в деятельности, как и в любом движении, всегда присутствует тенденция к сохранению его направленности. Стабилизаторы деятельности находят свое выражение в своеобразной инерции деятельности. Роль такого стабилизатора выполняет установка» [Асмолов 1979: 6]. По мнению Д. Н. Узнадзе, установка — это момент динамической определенности психической жизни, целостная направленность сознания в определенную сторону на определенную активность [Узнадзе 2001: 25]. В акте критической деятельности это направленность на коммуникативный акт, будущий или настоящий, с его прагматической составляющей.

Как доминирующая эта установка проявится в акте текстообразования, однако уже на первом

этапе критической деятельности она будет присутствовать имплицитно, или, по выражению Д. Н. Узнадзе, «внесознательно, предвзято появляясь определенными фактами сознания» [Узнадзе 2001: 59]. На втором этапе критической деятельности мы имеем дело с той же установкой, но усложненной прагматически. Критику необходимо сформировать / откорректировать установку восприятия продуцируемого текста. Установка, таким образом, выполняет роль «коммуникативного вектора» [Каменская 1990].

В качестве активного компонента структуры критической деятельности критик (субъект) начинает функционировать в момент целеполагания. Одна из определяющих целей в структуре критической деятельности — убеждение, воздействие. Эта цель, вероятнее всего, должна рассматриваться как еще один компонент предзнания, сформированный исторически, генетически восходящий к периоду нерасчлененного существования критики и риторики. Наличие убеждения как сверхцели обусловлено особым типом дискурса, к которому принадлежит критика. Литературно-критическое высказывание может быть рассмотрено как вариант ментатива (ментатив — класс дискурсивных практик, которые «не просто информируют о состояниях или процессах бытия или мышления, но предполагают — в качестве следствия коммуникативного события — некоторое ментальное событие (изменение картины мира) в сознании адресата») [Тюпа 2006: 40].

Критическое высказывание характеризуется тем, что говорит не о целостном смысле литературного явления, а об актуальном для критика / критического направления / журнала. Критический текст представляет нам «вычитанный» смысл, сопряженный с эстетическими, ментальными, экзистенциальными установками критика. Образуется своеобразная лакуна, представленная не актуализированными (не вычитанными) смысловыми компонентами текста. Осмысление такого рода лакун необходимо осуществлять в контексте проблем герменевтики, смыслопорождения. Нас же интересуют такие лакуны, которые проявляются в критическом тексте как реализация процесса постижения произведения и реализация той или иной прагматической цели. Под лакуной будем понимать значимое отсутствие смыслового звена, выполняющее роль инструмента познания либо убеждения. Формы лакун разнообразны. Так, Т. Воробьева, говоря о неявном диалоге автора и читателя, происходящем на уровне подтекста, называет такие: смысловые пробелы, умолчания, недоговоренности,

подразумевания, сюжетно-композиционный параллелизм, переклички эпизодов, образов, реплик [Воробьева 1997: 182—187].

На наш взгляд, лакуна в критическом тексте может выполнять функцию особой интерпретационной стратегии. Именно такого рода лакуны обнаруживаются в критике В. Бондаренко, Д. Быкова.

В. Бондаренко позиционирует себя как критик-патриот. В основе его антилиберальных высказываний лежит главная идеологическая и аксиологическая оппозиция, свойственная патриотическому дискурсу в целом: подлинный патриотизм — (не/анти)патриотизм. «Патриотичность» как «символический капитал», который вовлекается патриотами в дискуссии политического, философского, литературного и околослитературного характера, в критической практике Бондаренко обнаруживает такие дополнительные смыслы, которые делают границу названной оппозиции проницаемой, порождая противоречивые суждения.

В критике Бондаренко второй половины 1990-х годов функции значимых идеологически понятий меняются. Не теряя своих основных значений, они теперь используются для ослабления оппозиции «патриот — либерал», делая легитимным обращение критика к фигурам Высоцкого, Ахмадулиной, Бродского в патриотическом дискурсе и др. Это происходит за счет включения промежуточного понятия в оппозиции «русский — нерусский», «народный» — «ненародный», «православный» — «неверующий», которое разбивает бинарность и начинает выполнять функцию своеобразного канала, связывающего противоположности. Чтобы такой канал образовался, необходимо было осмыслить названные оппозиции как крайности, между которыми образовалась лакуна. Ее заполнение оказывается гносеологически определяющим в текстах Бондаренко.

Бондаренко преодолевает распространенное в патриотическом дискурсе отождествление русскости и принадлежности к русскому этносу по крови. Задавая направление дискуссии о русскости и русскоязычности в газете «Завтра», он утверждает: «Если русскость — это не голос крови, не этническая формула, тогда это некое имперское, вечно строящееся, видоизменяющееся понятие, определяющее набор духовных констант» [Бондаренко 2002]. Тем самым, в оппозиции «русский — нерусский» в ее традиционном патриотическом дискурсивном варианте появляется на месте лакуны промежуточный член — «русский духовно». Актуальное промежуточное звено

«русский духовно» делает возможным выделение критиком из «чужого» литературного поля фигуры Бродского и переозначивание поэта в системе «патриотических» координат. В биографии Бродского Бондаренко актуализирует такие события, в которых поэт отказывается от еврейского (отказ выступать в синагогах, в Иерусалимском университете, неприятие западного разделения на (не)евреев), признается в принадлежности русской культуре. Выбор Бродского в пользу русской культуры оказывается тем основанием, по которому Бондаренко определяет поэта как русского (принципиальная характеристика для патриотической критики). Русскость Бродского проявляется, по Бондаренко, в следовании литературной традиции, жертвенном отношении к поэзии, погружении в русскую языковую стихию, духовном родстве с русским народом, максимализме в поведении [Бондаренко «Взбунтовавшийся...»]. Дополнительными доказательствами русскости поэта становятся его самодистанцирование от Евтушенко и Вознесенского, которые в контексте статьи лишаются признака русскости (выступают в синагогах), письмо Брежневу, высокая оценка Бродским поэзии Г. Горбовского (поэта-патриота, русского, народного в ценностной системе патриотической критики), факт творческой дружбы с патриотом-идеологом Т. Глушковой. Показательна и интерпретация критиком стремления Бродского позднеэмигрантского периода уйти из русской культуры. Бондаренко обращает внимание на то, что этот уход осуществляется не в сторону еврейской культуры, а в направлении к общемировой, более того, утверждает неосуществленность этого личного проекта («Русскости в своей поэзии и даже в жизни, в её запредельности и амбивалентности он так и не сумел преодолеть» [Бондаренко «Взбунтовавшийся...»]).

Материал статей Бондаренко, в которых появляется писатель-еврей, позволяет реконструировать типичную стратегию означивания автора как истинно русского писателя еврейского происхождения. Критик представляет биографию писателя таким образом, что выделяет как значимую ситуацию, требующую от него выбора родственной по духу культуры. Писатель выбирает русскую либо отказывается от еврейской (или космополитизма). Отказ или преодоление еврейства наряду с осознанием духовного родства с русской культурой является основанием для означивания писателя как русского. Фактор крови при этом нивелируется. Такая модель накладывается на личность и биографию Бродского, Мандельштама, Пастернака,

Мориц. По каналу, образованному промежуточным понятием «духовно русский», Бондаренко осуществляется и обратное действие — лишение русского по крови (Евтушенко, Вознесенский) характеристики «русский».

Гносеологически гибкая установка на ослабление дихотомии значимых идеологических оппозиций взаимообусловлена особой интерпретационной стратегией Бондаренко. Для его статей характерны как типичная для патриотической критики охранительная стратегия в понимании и означивании того или иного литературного явления, актуализирующая границу «своего» поля, стратегия присвоения «нового» литературного факта путем набрасывания «своей» сетки значений, так и стратегия «захвата» позиций, закрепленных в «чужом» литературном поле.

Д. Быков — идеологический оппонент В. Бондаренко. В глазах читателя он критик, публицист, обладающий сверхсозидательной энергией. А. Ганиева определяет направление этой энергии на самоудовлетворение, «душевное, коммерческое и болтологическое» [Ганиева]. Говоря о Быкове, часто употребляют определения «многостаночность», «плодовитость», «избыточность», «вездесущность». Уже эти характеристики говорят о том, что Быкову свойственна особая интерпретационная стратегия, отражающаяся и на темпе литературно-критической деятельности, и на глубине проникновения в смыслы интерпретируемого, и на коммуникативно-прагматической составляющей деятельности. Определим эту стратегию как «уход» от текста, в результате которого образуется лакуна, заполняемая затекстовыми актуальными смыслами.

В критических текстах Д. Быкова вычлениаются следующие формы «ухода» от текста: от текста к личности писателя, его мировоззрению и мировосприятию. Показательна фраза из рецензии Быкова на выход новых сборников Л. Лосева: «Но вернемся к “Полемике”, которая исчерпывающе объясняет своего создателя» [Быков 2001]; рефлексия над сюжетной ситуацией героя как над жизненной ситуацией и над героем как реальным лицом; размышления о требованиях к современной литературе, о критериях ее ценности; размышления о действительности / ментальности, породившей художественный текст(ы).

По сути, все варианты «уходов» Быкова от текста проходят по линиям основных сегментов структуры критической деятельности. Более актуальными, чем текст, оказываются затексты, связанные с восприятием самого Быкова, его со-переживанием автору и героям; с фигурой

автора, спецификой или эволюцией его мировосприятия, обстоятельствами творчества; реальностью, в породившей данный текст(ы), литературным контекстом; читателем, его ожиданиями, ментальными проявлениями. Художественный текст, находящийся в центре структуры критической деятельности, в критических опытах Быкова оказывается формальным центром, своеобразной лакуной. В рецензиях Быкова обнаруживается вместо устойчивой структуры критической деятельности ее децентрированный вариант, вместо заданного объекта интерпретации — подмененный, вместо понимания текста — уход от текста, вместо присутствия последнего — отсутствие. Корректно ли в таком случае считать опыт литературной рефлексии Быкова литературной критикой? На наш взгляд, тексты Быкова отражают особый род интерпретации, в ходе которой создается (и передается читателю) не знание о тексте, а его образ — комплекс эмоциональных, ассоциативных составляющих, опосредованных характеристик. В создании образа текста Быков настолько виртуозен, что оказывается сегодня одним из востребованных авторов малого критического жанра и занимает не последнее место в ряду авторитетных критиков для профессионального читателя.

Лакуна в критическом тексте может быть описана в плане не только гносеологии, но и прагматики. Использование прагматического потенциала лакуны — всегда результат выстраивания критической деятельности как диалога с читателем. Эффективнее всего он в условиях моделирования ситуации сотворчества критика и читателя, осуществляемого по закону, сформулированному В. Изером: «Наслаждение для читателя начинается только тогда, когда он сам становится творцом». Использование лакун в этом случае подчиняется принципу прагматической установки (В. Наер: прагматические установки — «материализованные в тексте осознанные конкретные намерения адресанта оказать соответствующее воздействие на адресата» [Наер 1985: 4—13]). Рассмотрим несколько форм лакун с выраженным прагматическим потенциалом.

Часто лакуну образуют элементы предтекстового комплекса. Заголовок статьи может не иметь прямой смысловой связи с собственно текстом, эта связь может не объясняться автором либо может иметь место значимая пауза перед таким объяснением). Такого рода лакуны стимулируют активность читателя, требуя заполнения, или «контретизации».

Так, в статье Н. Ивановой «Сладкая парочка» [Иванова 1994] смысл заглавия не объясняется,

он проявляется постепенно, путем наложения собственн суждений критика о современной литературной ситуации на пояснение значения «пара» в сноске и дополнительный иронический оттенок, который предполагает изначальный контекст употребления слов названия. В другой статье критика («Прошедшее несовершенное» [Иванова 1996]) используется лакуна другого рода. Двойное произношение слова — «несовершенное» или «несовершенное» — поддерживается контекстом статьи, актуализируя оба значения. Графическая неясность здесь, на наш взгляд, образует своего рода лакуну, которая заполняется постепенно, в результате превращаясь в свою противоположность — избыточность включенных смыслов.

Еще один вид лакуны наблюдается в тех случаях, когда автор, редуцируя прямую негативную оценку художественного произведения, вводит в текст критической статьи такую аналогию / намек, который «спровоцирует» наполнение создавшейся лакуны самим читателем нужным критику смыслом. Роль «намёка» в критике 1990-х годов нередко выполняют упоминания соцреалистического / советского (критик, конечно, осознает, что читатель ассоциирует соцреалистическое с художественно бедным, политически ангажированным). Этот прием обнаруживается, например, в статье С. Рассадина «Освобождение от свободы»: «...продолжается стыдливая имитация “школы”, “группы”... Чуть не сказал: “системы”, да почему бы и не сказать?» [Рассадин 1995: 213]. В статье Н. Елисеева «Пятьдесят четыре. Букериада глазами постороннего» аллюзия на реалии советского времени — «Вообще что-то такое донельзя знакомое, до боли знакомое есть в ауре “апокрифа” Бутина, что-то из серии “Пламенные революционеры”» [Елисеев 1999] — должна сформировать негативный ассоциативный ряд у читателя. Этот прием становится главным в статье Л. Лазарева, который соотносит утверждение / стратегию своих оппонентов с соцреалистической, официальной традицией («почти так же, как это делалось нашей пропагандой все годы существования советской власти» [Лазарев 1994: 185], «когда-то очень похожее я уже читал в партийной критике сталинских времен» [Лазарев 1994: 193], «это мы тоже в прежние времена уже проходили и хорошо знаем, что в результате получается» [Лазарев 1994: 195], «как это делали его бдительные партийные предшественники» [Лазарев 1994: 197]).

Как видим, лакуна как значимый «нуль» обнаруживается на разных этапах литературно-критической деятельности. Она может быть значимой

гносеологической установкой, определяя акт интерпретации художественного текста. Лакуна нередко оказывается важной установкой текстопорождения, отражая ту или иную выбранную критиком коммуникативную стратегию. Обладая высоким прагматическим потенциалом, лакуна участвует в процессе смыслопорождения, осуществляемого в сознании реципиента и направляемого критиком. Таким образом, проблема лакунарности в отношении литературно-критической деятельности должна изучаться на пересечении целого ряда исследовательских направлений: герменевтики, теории коммуникации, прагматики.

Список литературы

1. Асмолов А. Деятельность и установка. — М., 1979.
2. Бондаренко В. Русскость и русскоязычность // День литературы. — 2002. — № 2 (66).
3. Бондаренко В. Взбунтовавшийся пасынок русской культуры. — Режим доступа: <http://www.jig.ru/culture/021.html>
4. Быков Д. Вокруг отсутствия. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/8/losev.html
5. Воробьева Т. Проблемы текста в рецептивной эстетике (к вопросу о межтекстовой компетенции читателя ее роли в литературном процессе) // Проблемы межтекстовых связей: сб. науч. ст. — Барнаул, 1997. — С. 182—187.
6. Ганиева А. Все потопляющая каша. — Режим доступа: http://exlibris.ng.ru/tendenc/2007-05-17/9_bykov.html
7. Елисеев Н. Пятьдесят четыре. Букериада глазами постороннего. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1999/1/elis.html
8. Иванова Н. Прошедшее несовершенное // Знамя. — 1996. — № 9.
9. Иванова Н. Сладкая парочка // Знамя. — 1994. — № 5.
10. Каменская О. Текст и коммуникация. — М., 1990.
11. Наер В. Прагматика текста и ее составляющие // Прагматика и стилистика: сб. науч. тр. — М.: МГЛУ, 1985. — Вып. 245. — С. 4—13.
12. Лазарев Л. Былое и небылицы // Знамя. — 1994. — № 10.
13. Рассадин С. Освобождение от свободы // Знамя. — 1995. — № 11.
14. Тюпа В. Коммуникативные стратегии теоретического дискурса // Критика и семиотика. — 2006. — № 10.
15. Узнадзе Д. Психология установки. — СПб., 2001.

И. А. Голованов (Челябинск, Россия)

МИФО-ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОСНОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ ГЕРОЯ В РАССКАЗЕ А. ПЛАТОНОВА «МАРКУН»

The article interprets peculiarities of A. Platonov's artistic system in which myth-folklore motives take an important place. By the example of his early story «Markun» the author's most important aesthetic principles of the main characters' portrayal are revealed.

Keywords: *author's usage of folklore, author's usage of myths, artistic image, plot motive.*

Литература реализует внутренние, имманентные законы своего развития, обуславливающие потребность отражения и преобразования действительности с точки зрения художественного сознания. Именно с таких позиций целесообразно рассматривать закономерности обращения писателей к фольклору с учетом конкретных исторических условий создания произведений. Как отмечает А. Л. Налепин, «активное освоение литературой фольклорного наследия происходит обычно в годы наивысшего социально-общественного подъема, на стыке слома общественно-политических систем, когда возникает повышенный интерес общества

именно к народной культуре, и народ как ее носитель начинает осознаваться новой творческой силой истории» [Налепин 2009: 281]. Стремление художника на переломе эпох приобщиться к «мысли народной», проникнуть в психологию народа через его культуру естественным образом ведет к фольклоризации художественного повествования.

В центре внимания настоящей статьи находится феномен соединения поэтики литературы и фольклора в творчестве А. Платонова, начиная с раннего рассказа «Маркун». По-видимому, сложность избранной автором эстетической формы была обусловлена сложностью предмета художественного

осмысления — реальности 20-х гг. XX века, когда рухнуло, раскололось, было отвергнуто почти все, что было константами человеческой жизни до Октябрьской революции 1917 года. Но жизнь людей продолжалась, значит, нужны были новые основания для их существования, прежде всего идеологические, эстетические, духовно-нравственные. Человек, его разум стали осознаваться в ту эпоху как огромная сила, но вопрос заключался в том, куда она должна быть направлена.

Мировосприятие А. Платонова на раннем этапе его творчества определялось верой в энергию человека, которая «высвободилась» в результате революции. Строительство нового мира, новой жизни и человека, с точки зрения писателя, должно было происходить с опорой на науку, отсюда в его произведениях возникает пафос технического переустройства мира, а в центре внимания оказывается герой, обладающий естественно-научным типом мышления. Так, в рассказах «Маркун», «Потомки солнца» и других, традиционно относимых исследователями к научно-фантастическим, под разными именами выступает, по существу, один и тот же персонаж — философ-механик.

«Маркун» относится к числу первых произведений А. Платонова, но именно здесь обнаруживаются идеи и сюжетные мотивы, которые получают развитие в последующих сочинениях автора. Иными словами, данный рассказ можно рассматривать как факт становления художественной концепции и авторской мифологии А. П. Платонова.

Объективный анализ проблемы взаимодействия литературы и фольклора в творчестве А. Платонова требует понимания того, что термины «мифологизм», «миф», «мифо-фольклорные мотивы» затрагивают несколько смысловых уровней, значимых для литературоведческих исследований. Важно принимать во внимание глубокую диалектичность самого феномена «фольклоризм писателя». Под ним нельзя понимать лишь особенности использования в художественном тексте элементов устной народной поэзии — отрывков из песен, сказок, цитации пословиц и поговорок, упоминания имен фольклорных персонажей (хотя это, безусловно, сигналы для читателя и исследователя). При анализе художественного наследия писателя необходимо «учитывать его *латентный (скрытый) фольклоризм*, зависимый не только от фольклорных реалий, сюжетов или образов (у писателей фольклорной ориентации), а от фольклора, который проявляется на уровне мировоззрения и мироощущения в единой целостной художественной системе» [Налепин 2009: 9].

Мы исходим из того, что фольклоризм писателя определяется не столько использованием готовых форм фольклора, сколько единством художественных принципов отражения действительности в фольклоре (подробнее см. [Голованов 2009]) и литературе. Данная проблема ставилась и решалась в работах В. П. Аникина, В. Е. Гусева, У. Б. Далгат, А. И. Лазарева, Д. С. Лихачева, Д. Н. Медриша и др. По мнению А. И. Лазарева, фольклоризм — это особое качество литературного произведения, «связанное с его народностью, зависимостью от эстетики фольклора» [Лазарев 1991: 3].

Попробуем разобраться в истоках и проявлениях фольклоризма художественного мышления А. Платонова. Писатель родился в Воронежской губернии, для которой, по замечаниям исследователей, характерны вполне определенные и глубокие фольклорные традиции: уроженцами воронежской земли были знаменитый собиратель сказок А. Н. Афанасьев, поэты А. В. Кольцов и И. С. Никитин, творчество которых пронизано элементами народного творчества. Имена воронежских сказочниц А. К. Барышниковой и А. Н. Корольковой в XX веке стали известны далеко за пределами области.

Понимание связи Платонова с устной народной традицией помогает прояснить и смысл названия рассказа. Имя героя необычно и для носителя литературного языка малопонятно. Между тем, по свидетельству диалектных словарей, сходное по звучанию слово *маракун* означает «думающий, сообразительный человек», а производящий глагол *мараковать* используется в двух основных значениях: 1) понимать, смыслить что-либо; 2) делать что-либо, организовывать [Элиасов 1980: 196]. В «Словаре русских народных говоров» глагол *морковать* толкуется как «раздумывать, долго решать какой-л. вопрос»; «делать что-л. медленно, понемногу» [Словарь русских народных говоров 1982: 265]. Сравните также значения близких в структурном отношении слов из толкователя В. И. Даля: *морковать* — понимать, знать, уметь несколько, разбирать, мастерить по-маленьку; смыслить, смекать; *морокун*, *морокуша* — отгадчик, знахарь, колдун, ворожея [Даль 1989: 348] и в современных говорах: *маркаш* — муравей; *марковитый* — «легко пачкающийся» (ср. также *маркотка* — корень лука, «то, что в земле») [Словарь вологодских говоров 1989: 71—72].

Обращение к мифо-фольклорным мотивам в рассказе позволяет А. Платонову реализовать концепцию активного переустройства мира, всей вселенной. В частности, автор использует известную

мифологему Архимеда. Архимед, как образ вечного стремления человека к преобразованию природы, нужен писателю, чтобы подчеркнуть новаторство своего героя в деле «переустройства». Маркун знает, где находится точка опоры: «Эта точка была под твоими ногами — это центр земли» (I, 26³). Центр земли выступает еще одной точкой мифологически маркированного пространства.

Не менее важной для понимания отношения автора к идее «перевернуть землю» оказывается и другая аллюзия к поискам точки опоры, или тяги земной, — это песенный, преимущественно былинный мотив, который встречается в былинах о Святогоре, Самсоне и в духовных стихах об Анике-воине. Фольклорный богатырь похвывается: «Как бы я тяги нашел, так я бы всю землю поднял!» [Былины 1988: 34]. Но, найдя на дороге «сумочку переметную», в которую сложен «весь земной груз», пробует поднять его, «грузнет в землю» и погибает.

В связи с аллюзией к образу похваляющегося богатыря в повествовании возникает важная для писателя тема индивидуализма и прагматизма — в противовес гуманистическому началу. Эта тема служит испытанием «механистической» идеи Маркуна. Платонов, как и многие герои его последующих произведений, вольно или невольно подвергает сомнению итоги творческого акта героя. Не случайно внутренний монолог Маркуна насыщен формами личного местоимения «я»: «Ты не сумел, а я сумею, Архимед, ухватиться за них <...> Я обопрусь собою сам на себя и пересилю, перевешу все, — не одну эту вселенную» (I, 26).

Думается, что А. Платонову было хорошо известно, что, по народным представлениям, «всегда гнило слово похвальное». Так, Аника-воин, который хвалился своей отвагой, хитростью и силой, встретил Смерть, испугался и был ею побежден. Значимой в данном контексте оказывается и художественная деталь, призванная усилить мотив оторванности героя от мира (=человеческой общности): «Маркун любил чертежи больше книги» (I, 26). Общеизвестно, что книги — символ мудрости человечества, а «чертежи», скорее, выступают воплощением индивидуального творческого акта.

Тема единства с миром входит в рассказ в эпизоде «забытого листка», где была записана мысль о возможности быть личностью внутри сообщества: «Ты можешь быть и Федором, и Кондратом,

если захочешь, если сумеешь познать их до конца, то есть полюбить. Ведь и любишь-то ты себя потому только, что знаешь себя увереннее всего. Уверься же в других и увидишь многое, увидишь все, ибо мир никогда не вмещался еще в одном человеке» (I, 25). Но эта народная мудрость была забыта героем: проходят месяцы, он по-прежнему верит лишь в себя и идет к своей цели-мечте. И только неудача в запуске машины привела его к осознанию своей ошибки: «Я оттого не сделал ничего раньше, — подумал Маркун, — что загоразживал собою мир, любил себя. Теперь я узнал, что я — ничто, и весь свет открылся мне, я увидел весь мир, никто не загоразживает мне его, потому что я уничтожил, растворил себя в нем и тем победил. Только сейчас я начал жить. Только теперь я стал миром. Я первый, кто осмелился» (I, 31).

Другой уровень интерпретации рассказа «Маркун» — христианская мифология. Сложные взаимоотношения героя с богом проявляют себя в тексте неоднократно, но, как правило, смутно, неотчетливо. Между тем, некоторые строки произведения проясняют позицию героя, его жизненное кредо: он утратил веру в бога, перестал быть «рабом Божиим» и решил посвятить себя всем людям: «Но в детстве, когда он потерял веру в бога, он стал молиться и служить каждому человеку, себя поставил в рабы всем и вспомнил теперь, как тогда было ему хорошо. Сердце горело любовью, он худел и гас от восторга быть ниже и хуже каждого человека. Он боялся тогда человека, как тайны, как бога, и наполнил свою жизнь стыдливою жертвой и трудом для него» (I, 29).

Известно, что А. Платонов оценивается некоторыми исследователями как «воинствующий атеист» (см., напр., [Чалмаев 1984: 8]). Такая оценка излишне прямолинейна, скорее, надо говорить о том, что А. Платонов, как и его герои, такой же странник, человек, находящийся в поисках самого себя, смысла жизни, жаждущий обрести истину, еще никому не ведомую, а потому еще более желанную. Христианские истины стали частью мировоззрения Андрея Платонова, частью художественного сознания писателя. Сам он, вспоминая о своем детстве, говорит о важности нескольких моментов: «Я родился в слободе Ямской, при самом Воронеже. <...> В Ямской были плетни, огороды, лопуховые пустыри, не дома, а хаты, куры, сапожники и много мужиков на Задонской большой дороге. Колокол «Чугунной» церкви был всею музыкой слободы, его умирительно слушали в тихие летние вечера старухи, нищие и я» (III, 487). Другим, не менее важным этапом для будущего писателя стало обучение в церковноприходской

³ Цитаты даются по собранию сочинений А. Платонова; в скобках указываются номер тома и страница.

школе: «Была там учительница — Аполлинария Николаевна, я ее никогда не забуду, потому что я через нее узнал, что есть пропетая сердцем сказка про Человека, родимого «всякому дыханию», траве и зверю, а не властвующего бога, чуждого буйной зеленой земле, отделенной от неба бесконечностью...» (III, 487).

Таким образом, идея рассказа, вероятно, была предопределена влиянием ветхозаветных книг. Образ Маркуна — нового «кудесника»-творца нужен был Платонову для того, чтобы художественно ярко высказать мысль об отступлении человеческого мира от ценностей «первотворения»: на земле и во вселенной вновь хаос, и задача его героя — «упорядочить» жизнь, восстановить высшую истину и справедливость. Это дано только человеку мыслящему, познающему реальность, человеку сочувственному и чистому как духовно, так и телесно.

Маркун в начале рассказа предстает перед нами в состоянии после изматывающей болезни: «От недавней болезни у него дрожали ноги и все тело тряпкой висело на костях» (I, 25). Можно предположить, что болезнь его не только физическая, но и духовная, исходя из христианской истины, что «мы принадлежим к двум мирам: телом — к миру видимому, вещественному, земному, а душой — к миру невидимому, духовному, небесному» [<http://www.sedmitza.ru>]. Раздвоен и герой рассказа. Неожиданно он вспоминает истину, что «записал еще давно и забыл: <...> ты не только то, что дышит, бьется в этом теле» (I, 25).

«Чистота» героя абсолютна, в забытом когда-то листочке он прочел: «А вчера я видел во сне свою невесту. Но ни одной девушки я никогда не знал близко. Кто же та?» (I, 25). Невеста из сна: «веселый пароход с смеющимися красавицами»; девушка, «которая маячила в синем сумраке красноватой юбкой» — это образы с поля битвы духа и плоти, борьбы, которая непрерывно происходит в человеке, избранничество которого осознается им самим, и чем величественнее задача, тем ожесточеннее борьба.

Герой с именем Маркун, в семантике которого заключен смысл «испачканный грязью», как и сам автор, Андрей Платонов, ощущают необходимость преодоления предвзятого отношения к себе и к таким, как они: «Вы говорите о великой целомудренной красоте и ее чистых сынах, которые знают, видят и возносят ее. Меня вы ставите в шайку ее хулителей и поносителей, людей недостойных и не могущих ее видеть, а потому

я должен отойти от дома красоты — искусства, не лапать ее белые одежды. Не место мне, грязному, там» (III, 488).

Финальная фраза рассказа: «Мне оттого так нехорошо, что я много понимаю» (I, 31) — обращает героя, автора и читателей к вечной евангельской истине: во многом знании многая печаль.

Таким образом, герой рассматриваемого рассказа выступает как полисемантический образ, соединяющий в себе смысловые уровни мифологии, фольклора, литературы и современный писателю исторический контекст. Маркун — философ-«странник», он проходит путь испытаний подобно сказочному герою, переживает инициацию, обретает истину и тем самым решает художественную задачу автора произведения.

Список литературы

1. Былины / сост., вступ. ст, подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. — М.: Совет. Россия, 1988. — 576 с.
2. Голованов И. А. Константы фольклорного сознания в устной народной прозе Урала (XX—XXI вв.). — Челябинск: Энциклопедия, 2009. — 251 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Рус. яз., 1989. — Т. 3.
4. Лазарев А. И. Типология литературного фольклоризма. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1991. — 94 с.
5. Налепин А. Л. Два века русского фольклора: Опыт и сравнительное освещение подходов в фольклористике России, Великобритании и США в XIX—XX столетиях. — М.: ИМЛИ РАН, 2009. — 504 с.
6. Платонов А. Собрание сочинений: в 3 т. — М.: Совет. Россия, 1984—1985. Т. 1. — 464 с. Т. 3. — 576 с.
7. Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. — Вологда, 1989. — Вып. 4. — 218 с.
8. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин. — Л.: Наука, 1982. — Вып. 18. — 368 с.
9. Чалмаев В. У человеческого сердца (В художественном мире Андрея Платонова) // Платонов, А. Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. — М.: Совет. Россия, 1984. — С. 5—22.
10. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. — М.: Наука, 1980. — 472 с.
11. <http://www.sedmitza.ru/text/432030html>

Е. И. Голованова (Челябинск, Россия)

**ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС:
ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ**

The article highlights the problem of genre differentiation of professional discourse. The diversity of speech genres and peculiarities of their realization are revealed while analyzing A. Chekhov's discourse represented in his correspondence.

Keywords: *professional discourse, discourse format, speech genre, subdiscourse.*

Под профессиональным дискурсом в данном исследовании понимается вербально опосредованная коммуникация как процесс контролируемого взаимодействия субъектов профессиональной деятельности, характеризующийся определенным комплексом норм, стереотипов мышления и поведения.

Будучи наиболее общим понятием, профессиональный дискурс представляет собой тип институционального, или социально-ориентированного дискурса. Число разновидностей профессионального дискурса равняется числу выделяемых профессиональных сфер деятельности — как общих (типа *медицинский, педагогический, юридический* и т. д. дискурсы), так и частных (например, *фармацевтический, клинический; учительский, академический; судебный, законодательный* дискурсы).

Внутри каждого из названных выше видов профессионального дискурса (частных или общих) возможно разграничение определенных дискурсивных форматов, определяемых доминантным типом (стилем) мышления. В большинстве случаев возможно выделить два базовых формата — теоретический, основанный на рационально-логическом мышлении, и практический, связанный с особенностями интуитивно-образного мышления, опирающегося на чувственно-перцептивное восприятие объектов окружающего мира. В некоторых разновидностях дискурса (например, в медицинском, юридическом, экономическом) эти два основных формата дополняются наивным форматом, специфика которого обусловлена взаимосвязью профессиональных и обиходно-бытовых представлений.

Для всех разновидностей профессионального дискурса присущи определенные системы жанров, выступающих средствами организации и формализации социального взаимодействия. Проблема жанровой дифференциации внутри профессиональных дискурсов является, на наш взгляд, наиболее важной для современной теории профессиональной коммуникации.

Решение этой проблемы затруднено неясностью самого понятия «жанр» (см. [Дементьев 2010; Месеняшина 1996; Шмелева

2007] и др.), отсутствием исчерпывающего списка профессиональных ситуаций, требующих специального речевого оформления, неопределенностью подходов к выделению типов и разновидностей профессиональных дискурсов.

Требуется создание непротиворечивой и обладающей объяснительной силой концепции жанров профессиональной коммуникации, на основе которой возможно создание соответствующей жанровой типологии. Осуществить эту серьезную научную задачу можно лишь в том случае, если будут выявлены значимые параметры ситуаций профессионального общения. Мы склонны относить к ним такие параметры, как цель и мотивы общения, статусно-ролевые характеристики коммуникантов, модальность, или тональность [Крысин 1989; Карасик 2002], общения (официальное / нейтральное, дружеское), а также способ коммуникации (устный / письменный, контактный / дистантный).

Масштабность названной задачи предопределила поиск наиболее релевантных для профессионального речевого взаимодействия жанровых признаков в составе различных текстов. Начало этой работе положило исследование фрагментов профессионального дискурса в эпистолярном наследии А. П. Чехова. Столь неожиданный, казалось бы, выбор объекта позволил установить некоторые характерные особенности функционирования жанров, в частности «текущий», нежесткий характер их «сцепления», композиции в конкретных текстах.

Исследование фрагментов профессионального писательского дискурса в эпистолярном наследии А. П. Чехова позволило обнаружить жанровое многообразие этой сферы речемыслительной деятельности.

Нами выявлено два основных субдискурса в письмах Чехова, маркированных профессиональной тематикой: *деловой* и *литературно-критический*. Первый представлен следующими жанрами: уведомление, просьба, вопрос, уточнение, согласие, жалоба, констатация, мнение. Литературно-критический субдискурс репрезентирован такими жанрами, как оценка, замечание,

характеристика (квалификация), совет, мнение, саморефлексия, резюме. Рассмотрим особенно-сти реализации данных жанровых образований.

Жанры «в чистом виде» представлены редко. Вот один из немногочисленных примеров (уведомление):

Милостивый государь Александр Николаевич!

В декабре прошлого года я получил извещение об избрании А. М. Пешкова в почетные академии. А. М. Пешков тогда находился в Крыму, я не замедлил повидаться с ним, первый принес ему известие об избрании и первый поздравил его, затем, немного погодя, в газетах было напечатано, что ввиду привлечение Пешкова к дознанию по 1035 ст. выборы признаются недействительными. При этом было точно указано, что извещение исходит от Академии наук, а так как я состою почетным академиком, то это извещение исходило и от меня. Я поздравлял сердечно, и я же признал выборы недействительными — такое противоречие не укладывается в моем сознании, примирить с ним свою совесть я не мог. Знакомство же с 1035 ст. ничего не объяснило мне. И после долгого размышления я мог прийти только к одному решению, крайне для меня тяжело-му и прискорбному, а именно, почтительнейше просить Вас ходатайствовать о сложении с меня звания почетного академика.

С чувством глубокого уважения имею честь пребыть Вашим покорнейшим слугою. Антон Чехов. 25 августа 1902 г. Ялта (А. Н. Веселовскому, 25.08.1902).

Гораздо чаще в письме реализуется композиция жанров, например, «просьба — объяснение»:

Пожалуйста, пришлите корректуру, так как рассказ еще не кончен, не отделан и будет готов лишь после того, как я перепачкаю вдоль и поперек корректуру. Отделывать я могу только в корректуре, в рукописи же я ничего не вижу. (Ф. Д. Батюшкову, 3.01.1898);

«совет — замечание»:

Многоуважаемая Елена Михайловна, отвечаю Вам по пунктам.

1) «Бабье лето» я и читал и другим давал читать. Хорошая вещь! Но не пора ли Вам, сударыня, расширить поле Ваших наблюдений? Вы почти в каждом рассказе повторяете так или иначе мотивы «Бабьего лета», между тем мирок, Вами изображаемый, давно уже исчерпан, хотя бы, например, Салтыковым в его переписке офицера с маменькой (см. «Благонамеренные речи»), рассказ «Еще переписка». В самом деле, Вам в Австралию бы проехаться! Со мной!!

2) Присылайте Ваш новый рассказ. Буду ждать его. (Е. М. Шавровой, 18 или 19.04.1896); «оценка — совет»:

Господь послал Вам доброе, нежное сердце, пользуйтесь же им, пишите мягким пером, с легкой душой, не думая об обидах, Вами понесенных. <...> Будьте объективны, взгляните на все оком доброго человека, т. е. Вашим собственным оком, — и засядьте писать повесть или пьесу из русской жизни, не критику на русскую жизнь, а радостную песнь Щегла поводу русской жизни, да и вообще нашей жизни, которая дается только один раз и тратить которую на обличение шмелей, ядовитых жен и комитета, право, нет расчета. Милый Жан, отнеситесь к себе, к своему дарованию справедливо, пустите Ваш большой корабль плавать по широкому морю, не держите его в Фонтанке. (И. Л. Леонтьеву (Щеглову), 2.02.1900);

«просьба — оценка — совет»:

Скажи или напиши автору, что сцена в вагоне-ресторане груба и фальшива, что первая глава не нужна и что конец длинен и не нужен. Пусть автор разрешит произвести сокращения и кое-какие поправки по мелочам. Повесть, повторяю, хороша, а местами даже очень хороша. Если автор разрешит поправки, то пришли мне повесть опять. Скажи ему, что название повести пусть придумает попроще. (В. А. Гольцеву, 18.08.1903).

Есть и весьма сложные сочетания различных речевых жанров, например:

«оценка — совет — оценка — замечание — совет»:

По-моему, пьеса превосходная, люди в ней живые, она коротка и грациозна, только я бы изменил название, взял бы что-нибудь попроще, взял бы поскромнее обстановку, без телефона, без этого шика, который заставляет читателя и зрителя ждать чего-то особенного; я бы из Купоросова сделал только хорошего человека, заведомо хорошего, чтобы жаль его было (когда он, например, в костюме Фауста), я изменил бы ему фамилию, сильнее влюбил бы его в хорошего человека — учительницу, избавил бы сию учительницу от необходимости говорить в конце пьесы о деньгах, писать письмо... Конец у Вас со швейцаром очень хорош. Кокоточки хорошо сделаны. Жена и тесть героя закончены. Служащих в конторе и артельщиков надо бы, мне кажется, сделать подбрее. От злодеев на сцене всегда ждешь чего-нибудь крупного, иначе они не удовлетворяют.

Вы пишете, что торопитесь с пьесами. Для чего торопиться? Если Вы будете писать

по одной пьесе в пять лет, то и этого вполне достаточно. (С. А. Алексееву (Найденову), 29.08.1903);

«замечание — совет — резюме (оценка) — замечание — совет»:

Что же касается «Ко дню ангела», то это не рассказ, а вещь, и притом громоздкая вещь. Вы нагромождали целую гору подробностей, и эта гора заслонила солнце. Надо сделать или большую повесть, так листа в четыре, или же маленький рассказ, начав с того момента, когда баба несут в дом.

Резюме: Вы талантливый человек, но Вы отяжелели, или, выражаясь вульгарно, отсырели и принадлежите уже к разряду сырых литераторов. Язык у Вас изысканный, как у стариков. Для чего это Вашей героине понадобилось оцупывать палкой прочность поверхности снега? И зачем прочность? Точно дело идет о сюртуке или мебели. (Нужно плотность, а не прочность.) И поверхность снега тоже неловкое выражение, как поверхность муки или поверхность песку. Затем встречаются и такие штучки: «Никифор отделился от столба ворот», или: «крикнул он и отделился от стены».

Пишите роман. Пишите роман целый год, потом полгода сокращайте его, а потом печатайте. Вы мало отделяете, писательница же должна не писать, а вышивать на бумаге, чтобы труд был кропотливым, медлительным. (Л. А. Авиловой, 15.02.1895).

В целом в ходе анализа нами выявлены следующие композиции жанров в составе субдискурсов А. П. Чехова:

1) *деловой*: жалоба — уточнение — констатация — оценка; просьба — объяснение; просьба — оценка — совет; согласие — вопрос; уточнение — просьба — мнение; уточнение — характеристика (квалификация) — совет;

2) *литературно-критический*: вопрос — мнение; вопрос — оценка — мнение; замечание — совет — мнение — совет; замечание — совет — резюме (оценка) — замечание; констатация — оценка — замечание — мнение; мнение — констатация — резюме; мнение — оценка — замечание — совет; оценка; оцен-

ка — замечание — похвала — совет; оценка — замечание — совет; оценка — замечание — характеристика — мнение; оценка — замечание; оценка — замечание (-я) — резюме; оценка — совет — мнение — уточнение — просьба; оценка — совет — оценка — замечание — совет; оценка — совет; оценка — характеристика — совет; саморефлексия; совет; совет — замечание; совет — замечание — совет; совет — характеристика — замечание — извинение; совет — характеристика; (квалификация) — совет; уточнение; уточнение — оценка — замечание — саморефлексия; характеристика — замечание.

Проведенный анализ показал, что речевой жанр, будучи «вербальным оформлением типической ситуации социального взаимодействия людей» [Седов 1998: 11], привносит в речь и коммуникацию не только системность, стандарт и семиотическое начало (по Э. Бенвенисту), но и выступает гибкой категорией живого общения.

С помощью жанровой дифференциации в сфере профессиональной коммуникации возможно установить существующие границы «горизонтов ожидания» для адресатов речевых произведений и сформированные в языке модели построения для субъектов речи.

Список литературы

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. — М., 1974.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. — М.: Знак, 2010. — 600 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002.
4. Месеняшина Л. А. Деловой стиль // Русский язык для делового общения / под ред. Л. А. Месеняшиной. — Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1996. — С. 9—72.
5. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. — Вып. 27. — Саратов, 1998.
6. Чехов А. П. Собрание сочинений в 12 т. — Т. 12. Письма. 1893—1904. — М.: Худож. лит., 1964.
7. Шмелева Т. В. Жанроведение? Генристика? Генология? // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — М., 2007.

Л. Р. Давлетшина (Уфа, Россия)

ПРОЯВЛЕНИЯ НЕВЕЖЛИВОСТИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ (на основе английских художественных текстов)

The aim of the paper is to determine the main components of the lexeme «rudeness» and to study such manifestation of rudeness as impoliteness. The analysis includes such notions as non-ethical speech acts, the principle of politeness, ethical norms of metacommunication, the notion of social status, linguistic, paralinguistic, and extralinguistic means of communication.

Keywords: *rudeness, impoliteness, non-ethical speech acts, «face damage», maxims of politeness, irony, impolite emotions, social status, tabooed topics.*

Общение играет огромную роль в жизни человека, оказывая кардинальное влияние на его личностное развитие. В настоящее время общение людей друг с другом приобретает особую актуальность в связи с процессом глобализации и появлением новых видов коммуникации. Общение — это взаимодействие, направленное на достижение определенных целей коммуникативными средствами. Затрагивая эмоциональную сферу его участников, общение рождает нравственные проявления — эмоциональный отклик, желание помочь, сопереживание, соучастие. Одной из важнейших причин, затрудняющих процесс общения и делающих его неэффективным, является невежливость. Она оказывает негативное влияние на психо-эмоциональное состояние адресата. Грубость рассматривается и в рамках коммуникативного поведения, под которым Н. А. Стернин понимает реализацию в коммуникации правил и традиций общения в той или иной лингвокультурной общности [Стернин 1996: 98].

Понятие «грубость» в английском языке передается двумя лексемами — *rude* и *rough*.

Rude — *offensively impolite or bad-mannered; referring to a taboo subject such as sex in a way considered embarrassing or offensive* [COED 2004: 1257]; *impolite, offensive or discourteous* [LDCE 1995: 1115]; *not polite; offensive or embarrassing* [CED 2005: 1111].

Согласно «Англо-русскому словарю» Ю. Д. Апресяна *offensive* определяется как обидный, оскорбительный, неприятный, противный, отвратительный.

Rough — *(of a person or their behaviour) not gentle; violent or boisterous* [COED 2004: 1252]; *using force, anger, or violence* [LDCE 1995: 1113]; *dangerous or violent; not calm or gentle* [CED 2005: 1106].

Анализ дефиниций грубости в английских толковых словарях показал, что грубость включает в себя три основных значения, хотя и связанные, но не однозначные — невежливость, оскорбление и жесточенность; последнее значение мо-

жет быть как самостоятельным, так и сопутствующим проявлением грубости.

(После смерти одной из студенток в общежитии воцарилась напряженная обстановка и за завтраком все придираются друг к другу).

‘Must you be so revoltingly pious, Jean?’ demanded Valerie Hobhouse angrily [Christie 2008: 68].

Обвинение Джин, в том, что она набожна «до тошноты» (*revoltingly pious*), воспринимается как грубый упрек и сопровождается *невежливой эмоцией разоружения*. Нарушена максима Такта Лича, субмаксима А (сводите к минимуму возможный моральный вред для собеседника), а демонстрация негативных эмоций *повреждает позитивное лицо адресата*. Грубость выражается лексически (*revolting*).

Как видно из вышеприведенных дефиниций, невежливость передается такими понятиями, как *impolite, bad-mannered, discourteous*. Оскорбление выражается словами *offensive, insulting, violent*. Жесточенность передается словом *violent*.

Целью данной работы является рассмотрение понятия грубости как невежливости. Уточним значение понятия «невежливый»: *impolite* — *not having or showing good manners; rude* [COED 2004: 715]; *not polite* [LDCE 1995: 636]; *rude* [CED 2005: 640].

Согласно «Большому толковому словарю русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова невежливость определяется как явление, при котором нарушаются правила вежливости, приличия; неучтивость.

В нашей модели анализа невежливости как компонента значения лексемы «грубость» задействованы теория речевых актов, принцип вежливости, нормы метакоммуникации, социальный аспект коммуникации (статусные отношения), специфика использования экстралингвистических, паралингвистических и лингвистических средств.

Исследование механизмов и средств реализации понятия «грубость» на материале высказываний из художественных произведений Агаты Кристи и Сидни Шелдона позволило выявить следующие способы реализации грубости как невежливости:

1. Нарушение норм регулирования речевого взаимодействия.

Соблюдение норм речевого взаимодействия на уровне метакоммуникации предполагает различные формы экспликации готовности к речевому общению, особые приемы переспроса и разнообразные речевые тактики прерывания говорящего, в том числе с использованием таких стилистических средств, как подхват и параллельные конструкции [Азнабаева 2011: 50].

(Диалог между мисс Оливера и инспектором Джаппом).

Japp said 'We called on him, Miss Olivera, to see if he could throw light on the suicide of Mr. Morley that occurred this evening' <...> 'Oh, but that's absurd!' And turning on her heel she left them abruptly, and without ceremony. <...> [Christie 2011: 65]. Несанкционированность прерывания коммуникации обусловлена тем, что в данном случае после утверждения «*But that's absurd!*» должна последовать аргументация. Об этом же свидетельствует комментарий автора: «*she left them abruptly, and without ceremony*». Внезапный уход воспринимается как несоблюдение норм речевого поведения в конвенциональном общении; слова *without ceremony* в комментарии автора указывают на невежливое (грубое) речевое поведение. Прерывание коммуникации, судя по контексту, сопровождается невежливой эмоцией (раздражением). Последняя входит, наряду с гневом и яростью, в число «неэтичных» эмоций. При этом, согласно теории «сохранения лица» Браун и Левинсона, страдает негативное лицо адресата, т.к. говорящий не проявляет соответствующее уважение к человеку с более высоким социальным статусом (инспектору полиции). Грубость выражается паралингвистически (*turning on her heel she left them abruptly*).

2. Использование неэтичных речевых актов (угроза, обвинение, приказ).

Грубость как невежливость может быть вызвана использованием «неэтичных» речевых актов, например, «неэтичного» речевого акта угрозы [Филимонова 2011: 179].

(Лара завладевает участком для застройки Стива Мерчисона, ее соперника). *Lara received a telephone call the following afternoon. 'Lara Cameron?' 'Yes.' 'This is Steve Murchison. I'm going to let it go this time, bitch, because I don't think you know what the hell you're doing. But in the future stay out of my way — you could get hurt.'* [Sheldon 2000: 128]. Используется неэтичный речевой акт угрозы, который повреждает негативное лицо адресата, т.к. является актом, вынуждающим его

к каким-либо действиям. В то же время, нарушена максима Такта, субмаксима А (сводите к минимуму моральный вред для собеседника), согласно Принципу Вежливости Лича [Leech 1983: 1983]. Грубость выражена и лексически — оценочным словом *bitch*.

3. Повреждение «лица» адресата.

В теории «сохранения» лица Браун и Левинсона нарушение вежливости связано с повреждением позитивного или негативного лица коммуниканта [Brown, Levinson 1988: 182].

(Джефф решил одурачить своего родственника Баджа, и тот пытается разузнать, чем Джефф все же занимается).

'Cut the horseshit!' Budge snapped. <...> 'What are you really up to?' 'Nothing. I---' [Sheldon 2000: 232]. Страдает негативное лицо адресата, т.к. используется речевой акт приказа, «повреждающий» данное лицо, поскольку отношения между коммуникантами симметричны и ситуативно не предполагают употребление такого речевого акта в рамках конвенционального общения. Невежливая эмоция гнева усиливает грубость применения данного речевого акта. Кроме того, нарушена максима Такта Лича, субмаксима А (сводите моральный вред для собеседника к минимуму). Грубость выражается лексически — использовано грубое выражение (*cut the horseshit*).

4. Несоблюдение асимметрии статусных отношений.

В речевом взаимодействии коммуникантам свойственны как переменные, так и постоянные роли, в частности, статусные, связанные с социальным положением, профессией, возрастом, полом, положением в семье [Крысин 1976: 43].

Асимметрия отношений может быть вызвана, прежде всего, несоответствием *социальных* статусов коммуникантов, при этом несоблюдение социального статуса рассматривается как проявление невежливости или грубости [Карасик 2002: 288].

(Пуаро проходит мимо садовника и здоровается с ним, однако, ответная реплика озадачивает его). *'Good morning,' said Poirot amiably. A muttered 'Morning, sir' was the response, but the man didn't stop working. Poirot was a little surprised* [Christie 2007: 199]. Ответный речевой акт приветствия в данном случае невежлив, так как Пуаро выше садовника по статусу, поэтому краткая нечеткая реплика «*Morning, sir*», и особенно прекращение работы свидетельствуют о невежливости или даже грубости речевого поведения садовника, что подтверждается и перлокутивным

эффектом (*Poirot was a little surprised, it seemed a little unnatural*). Нарушена Максима Такта, субмаксима А — моральный ущерб для собеседника должен быть сведен к минимуму. Страдает негативное лицо адресата, т. к. садовник проявил непочтительность по отношению к вышестоящему собеседнику. Грубость выражена паралингвистически и лингвистически.

(Мисс Оливера пришла поговорить по поводу смерти ее знакомого с детективом Пуаро и инспектором Джаппом).

The girl stood on the pavement looking after them. Then, suddenly and vigorously, she ejaculated, 'Hi!' Not realizing that the call was addressed to them, neither man turned, and the girl repeated: 'Hi! Hi! You there!' [Christie 2007: 63]. Вербальная попытка девушки остановить Пуаро и Джаппа невежлива, т. к. не соблюдается асимметрия статусных отношений, в частности, возрастных. Обращение молодой девушки к пожилым джентльменам: «Hi! Hi! You there!» неэтично и даже грубо, это является нарушением вежливости и несоблюдением норм этикета, следовало сказать: «Excuse me....» Добавление «you there» лишь усиливает эффект невежливости. Нарушена Максима Такта Лича, субмаксима А (сводите к минимуму возможный моральный вред для собеседника). Страдает негативное лицо адресатов, т. к. говорящая использует несоответствующие статусно маркированные идентификаторы. Грубость выражается лексически (*hi, you there*).

5. Использование иронии, направленной на адресата.

Ироничные высказывания в адрес собеседника неэтичны, т. к. их цель — выражение насмешки, раздражения, разочарования, упрёка, сомнения в способностях адресата, возмущения и осуждения [Охримович 2011: 357].

(Александра Блекуэлл устраивается на работу в рекламное агенство, но там все встречают ее недружелюбно, т. к. считают, что она — богатая выскочка)

'What do you need?' Vince Barnes asked. The question caught Alexandra off guard. 'I—I guess I just need to learn the advertising business.' Alice Koppel said sweetly, 'You've come to the right place, Miss Blackwell. We're dying to play teacher.' <...> 'I'll try not to be a bother,' Alexandra promised. 'That would be peachy,' Alice Koppel said. The rest of the day went no better [Sheldon 2000: 338].

Высказывания собеседников Александры воспринимаются как грубость из-за иронии, которая ранит адресата («Мы просто мечтаем побыть учителями!», «Это было бы просто

замечательно!»). В данном случае Элис Коппел нарушает Максиму Одобрения, субмаксиму А (своди неодобрение к минимуму). Страдает позитивное лицо адресата, т. к. собеседница проявляет недружелюбие по отношению к Александре.

6. Нарушение этических норм пропозиционального содержания (использование табуированных тем или ситуативно неприемлемых тем).

Особое проявление грубости как невежливости — это использование запретных и спорных тем, касающихся национальности, возраста, зарплаты, религиозных взглядов, а также личной жизни человека [Газизов 2009: 132].

(Сэр Алек должен большую сумму денег Суинтону; последний шантажирует его, упоминая о жене сэра Алека в подчеркнуто грубой манере).

Swinton winked and said, 'I'll bet that sweet little wife of yours, Vivian, is a liquid asset, eh? She's got a great pair of Bristols.' Sir Alec flushed [Sheldon 2000: 52].

В речевом акте оценки затрагивается тема, которая не должна обсуждаться в приличном обществе; упоминание о физических особенностях жены адресата (большом размере ее груди) — нарушение этических норм. Нарушена Максима Такта Лича, субмаксима А (сводите моральный вред для собеседника к минимуму). Страдает негативное лицо адресата, так как говорящий делает неуместные замечания, нарушающие личную сферу собеседника. Грубость выражена не только пропозиционально, но и лексически (*a great pair of Bristols (sl.) — буфера*).

Таким образом, грубость как проявление невежливости реализуется различными способами: нарушением норм регулирования речевого взаимодействия; использованием неэтичных или ситуативно неэтичных речевых актов (угроза, обвинение, приказ); повреждением «лица» адресата (теория Браун и Левинсона); несоблюдение асимметрии статусных отношений; использованием иронии, направленной на адресата; нарушением этических норм пропозиционального содержания (табуированные темы или ситуативно неприемлемые темы).

При этом часто наблюдается сочетание нескольких из перечисленных механизмов выражения грубости как невежливости. В большинстве случаев это сопровождается невежливыми эмоциями гнева и раздражения, нарушением максим вежливости, в частности, такта и неодобрения, а также сниженной лексикой бранного, грубого и вульгарного характера.

Список литературы

1. Азнабаева Л. А. Этика речевого поведения // Коммуникация: этико-лингвистический аспект. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. — С. 10—59.
2. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб: Норинт, 2001. — 1034 с.
3. Большой англо-русский словарь / под ред. Ю. Д. Апресяна. — М: Рус. яз., 2000. — 2484 с.
4. Газизов Р. А. Коммуникативная категория вежливости в речевом общении немцев и русских. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. — 161 с.
5. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 2002. — 359 с.
6. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. — М.: Наука, 1976. — С. 42—52.
7. Охримович К. В. Ирония как фактор нарушения этики межличностного общения // Коммуникация: этико-лингвистический аспект. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. — С. 305—367.
8. Стернин И. А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. — М., 1996. — С. 97—112.
9. Филимонова Е. А. Этичные и неэтичные речевые акты класса комиссиров // Коммуникация: этико-лингвистический аспект. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. — С. 145—202.
10. Christie A. Hickory Dickory Dock. — N. Y.: Grand Central Publishing, 2008. — 307 p.
11. Christie A. One, Two, Buckle My Shoe. — М.: Айрис-Пресс, 2007. — 352 p.
12. Brown P., Levinson S. Politeness: some universals in language usage. — Cambridge, 1988. — 345 p.
13. Leech G. N. Principles of Pragmatics. L., N. Y.: Longman Inc., 1983. — Ch. 6 — P. 132—156.
14. Longman Dictionary of Contemporary English. L.: Longman Group Ltd, 1995. — 1676 p.
15. Sheldon S. Bloodline. — М.: ГЛОССА, 2002. — 464 с.
16. Sheldon S. If tomorrow ever comes. — М.: Менеджер, 2000. — 416 с.
17. Sheldon S. Stars Shine Down. — М.: Менеджер, 2000. — 448 с.
18. Soanes C., Stevenson A. (ed.) The Concise Oxford English Dictionary. Eleventh edition. — London: Oxford University Press, 2004. — 1708 p.
19. Walter E. (ed.) Cambridge English Dictionary. Second edition. — Cambridge: Cambridge University Press, 2005. — 1572 p.

М. А. Демидова (Брянск, Россия)

**ИМЕННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА
«ПРАВЕДНИК» НА СИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ
(на материале романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик»
и его английского перевода)**

This paper is a small part of the thesis that studies the representation of the concept «Righteous man» in L. Ulitskaya's novel. In this very paper the word-combinations are considered as the means of verbalization of this concept on the syntactical level.

Keywords: *concept, word-combination, representation.*

Концепт — это всеобъемлющая ментальная сущность, которая может быть выражена единицами разных языковых уровней. Ядро концепта, как правило, представлено ключевым словом-репрезентантом (термин З. Д. Поповой), а ближняя и дальняя периферии могут быть вербализованы единицами синтаксического уровня, т. е. словосочетаниями и предложениями. Словосочетания, хотя и являются частью синтаксиса, по мнению В. В. Виноградова, так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, качеств,

процессов [Виноградов 1975: 222]. Особенно это актуально применительно к именным словосочетаниям, которые в большинстве случаев дают более подробное описание какого-либо объекта. Таким образом, считаем целесообразным рассматривать словосочетания в качестве номинантов концепта на синтаксическом уровне.

В ходе исследования концепта «Праведник» были выделены две основные семантические группы, соответствующие двум ядерным значениям: *набожность, религиозность* (праведник-1) и *правильность, наличие высоких моральных*

качеств (праведник-2); а также обширная область смешанной семантики. Обнаруженные словосочетания анализируются в соответствии с их принадлежностью к одной из упомянутых групп.

Большинство составляют именные словосочетания с религиозной семантикой. К ним относятся *верующие люди, религиозные лидеры, ученики и последователи Христа, ортодоксальные евреи, верные священники, пророки Израиля, отцы церкви*.

Очень ценно, когда вера является внутренней потребностью, а не только внешним проявлением, которое имеет показной характер. Истинная вера — это когда каждое событие непосредственно связывается с Божественным провидением и воспринимается как проявление Божественной воли: «Для **верующего человека** чудо — это вмешательство Бога в естественное течение событий, и ум **верующего человека** радуется и наполняется благодарностью, когда чудо происходит» (с. 95). Перевод данного словосочетания представлен двумя вариантами: «*For a **believing person** a miracle is intervention by God in the natural course of events, and the mind of a **believer** rejoices and is filled with gratitude when a miracle occurs*» (р. 87). Первый вариант перевода абсолютно эквивалентен русскому. Словосочетание **believing person** построено по схеме причастие + существительное, где причастие **believing** соотносится с русским причастием настоящего времени несовершенного вида *верующий*. Однако английское причастие, в отличие от русского, не может употребляться самостоятельно и требует существительного. Во втором случае используется существительное, которое содержит в себе обе семы, выраженные русским словосочетанием.

«Почему синагоги создавались уже тогда? Это было историческое предчувствие? Непокколебимая вера в пророчества о разрушении Храма? Предусмотрительность **религиозных лидеров** того времени, предвидевших катастрофу?» (с. 164). На первый взгляд словосочетание *религиозные лидеры* обладает очень узкой семантикой, однако слово *лидер* само по себе говорит об уважении и признании окружающих: «...лидер — глава, руководитель политической партии, общественной организации и др.; лицо, пользующееся большим авторитетом, влиянием в какой-либо группе» [БЭС 1998: 833], что также является семантической составляющей концепта. Как известно, словосочетание как синтаксическая единица существует в предложении, и, характеризуя ее, нельзя не учитывать окружающего контекста, поскольку семантика словосочетания обусловлена не только внутренними семантическими

отношениями между компонентами, но и внешними отношениями с другими словами в предложении [Беловольская 2001: 35]. Так, опираясь на контекст, можно говорить о расширении значения, а именно, об активном стремлении религиозных лидеров передать свое учение последующим поколениям, сохранив его в первоизданном виде. В переводной версии используется дословный перевод анализируемого словосочетания: «*Why were synagogues being created so early? Was it a historical presentiment? An unshakeable faith in prophecies of the destruction of the Temple? Farsightedness on the part of religious leaders of the time who foresaw the catastrophe*» (р. 139).

«Дети **ортодоксальных евреев** в талесах итурмуют в Америке Голливуд, а в Палестине арабов. Я могу ошибаться, но мне представляется, что еврейство после Катастрофы утратило тот жёсткий скелет, который его держал» (с. 216).

Здесь особый интерес представляет семантика слова *ортодоксальный*. Согласно словарю русского языка Д. Н. Ушакова, «ортодоксальный — (книжн.) последовательный, строго придерживающийся правильного учения» [Ушаков 2005: 612]. Так, ортодоксальные евреи — это люди глубоко религиозные, строго соблюдающие все каноны своей веры. Следовательно, можно говорить о смежности понятий *праведный* и *ортодоксальный*. Ввиду своего греческого происхождения (от греч. *orthodoksos* — правоверный), слово *ортодоксальный* является интернациональным и имеет эквивалентные формы во многих языках: «*The children of Orthodox Jews who wore tallit prayer shawls are taking Hollywood by storm, and also the Arabs in Palestine*» (р. 176).

«И если *менерешиная* русская власть не совсем раздавила Православие, то заслуга в этом не учёных-богословов, а **тёмных старух** и **верных священников**, которые исповедали Христа до смерти. Нам ли не знать, какая их армия погибла в этой битве» (с. 386). Два представленных словосочетания передают семантику «испытываемой» праведности, т. е. способности человека сохранить свои религиозные взгляды и душевные качества независимо от той ситуации, в которую ставит его жизнь. *Верный* в данном случае означает преданный, надёжный, выстоявший в лишениях. Исходя из контекста, можно сделать вывод, что словосочетание *тёмные старухи* также является репрезентантом концепта «Праведник». Тёмный здесь используется в переносном смысле и означает неграмотный, невежественный, некультурный [Ефремова 2000: 514]. Автор противопоставляет *ученых-богословов* и *тёмных старух*,

как ни странно, образцом праведности оказались именно последние, при всей своей необразованности они все же были преданы своей вере до конца, несмотря на все запреты и гонения. При переводе слова *темный* используется английское прилагательное *obscure*, семантика которого, наряду с упомянутым, включает также значение непритязательности и скромности, что еще более соответствует праведности: «*If the present Russian regime has not completely crushed Orthodoxy, then that is to the credit not of learned theologians but of obscure old women and loyal priests who have professed Christ even unto death. As if we do not know that an army of them has perished in this battle*» (p. 307).

«Правда, евреи — ученики и последователи Христа — ещё не называли себя христианами. Однако раннее христианство теснейшим образом было связано с иудейской средой того времени хотя бы уже потому, что сам Иисус вышел именно из этой среды» (с. 157). Данное словосочетание может иметь обширную семантику, однако здесь речь идет о современниках Иисуса, которые приняли его веру, встав тем самым на путь праведный, и согласились нести на себе всю боль и тяжесть испытаний. Последователи Христа занимались благим делом распространения учения и просвещения народов, совершая духовный подвиг и принимая при этом зачастую мученический венец.

Английский вариант подчеркивает религиозную семантику: «*Of course, Jews who were the disciples and followers of Christ did not yet call themselves Christians. Of course, early Christianity was intimately connected with Jewish milieu of that time, if only because that was the milieu from which Jesus himself came*» (p. 134). В русском языке слова *ученики* и *последователи* являются нейтральными, в то время как в английском используется слово *disciples*, которое является религиозным термином. *Disciples — someone who believes in the ideas of a great teacher, especially a religious one, and tries to follow them* [LDE 2000: 382].

«Для апостолов Воскресение Иисуса — это то эсхатологическое событие, о котором возвещали пророки Израиля. Поэтому ученики Христа призвали всех иудеев признать, что они и есть истинный Израиль — община Нового Завета» (с. 157). Пророки Израиля занимают важное место в христианском учении. «Пророки — святые ветхозаветных времен, предвидевшие по Божественному откровению пришествие Христа Спасителя, предсказывавшие будущие события и возвещавшие израильскому народу волю Божию» [Азбука веры. Словарь]. Основываясь на толковании,

можем констатировать, что пророки, несомненно, относятся к разряду святых, праведных людей, которые выполняли определенную миссию, обладая особым даром. Это нашло свое отражение и в Библии: «Ибо никогда пророчество не было произносимо по воле человеческой, но изрекали его святые Божии человеки, будучи движимы Духом Святым» (2 Пет. 1:21). Английское слово *prophet*, которое соответствует русскому *пророк*, включает также сему лидерства и способности обучать других людей основам религии: «...a man whom people in the Christian, Jewish or Muslim religion believe has been sent by God to lead them and teach them their religion» [LDE 2000: 1132].

«Второй Ватиканский Собор 1962—1965 годов исключил большинство этих текстов, в частности те, которые были написаны отцами церкви, например Иоанном Златоустом» (с. 167).

Отцы Церкви (в Православии Святые Отцы) — почётный титул, используемый с конца IV века применительно к группе выдающихся церковных деятелей и писателей прошлого, чей авторитет имел особый вес в формировании догматики. Считается, что Отцов Церкви отличает правильность вероисповедания, святость жизни и признание Церкви.

В православии дается немного другая характеристика, так как там присутствует не только сема святости, но и аскетизма: «Святые отцы — Святые Православной Церкви, сформулировавшие и выразившие в своих творениях и соборных постановлениях ее богословское, нравственно-этическое и аскетическое учение и подтвердившие истинность этого учения своей жизнью: достижением святости» [Азбука веры. Словарь]. Так как словосочетание *отцы церкви* передает всеми признанное религиозное понятие, оно имеет идентичную репрезентацию в английском языке: «*The second Vatican Council of 1962—65 repudiated most of these texts, and in particular those written by the Fathers of the Church, for example, St. John Chrysostomos*» (p. 141).

Область смешанной семантики включает в себя следующие словосочетания: *верующие* и *доброжелательные люди*; *милые, симпатичные* и *интеллигентные христиане*; *добрый христианин*; *монахиня в миру*.

Переплетение религиозной и обыденной семантики нашло свое непосредственное отражение в следующем примере: «Таким образом, оказалось в нашем распоряжении несколько нитей, ведущих к *верующим* и *доброжелательным людям*, для которых отец Михаил большой авторитет» (с. 322). В данном случае словосочетание

содержит две характеристики, которые непременно говорят о праведности жизни: набожность и душевная доброта. В англоязычном варианте в качестве репрезентанта также используется именное словосочетание: «*We thus gained a number of leads to **believers of good-will** for whom Father Mikhail is a great authority*» (p. 256). Однако здесь для усиления религиозной составляющей вместо словосочетания *верующие люди* используется слово *believers*, а также традиционная схема построения русского субстантивного словосочетания (прил. + сущ.) заменяется английской (сущ. + of + сущ.).

Как известно, праведность — это не только беспрекословное соблюдение канонов и предписаний церкви, но и добросовестный труд и образцовое поведение в общественной жизни. В этом можно убедиться на примере следующей иллюстрации: «*После этой убийственной встречи я поехала к моему духовнику, который был настроен ещё жёстче. Сказал, что, видимо, у меня иное призвание, что **добрый христианин** и в миру может потрудиться ради Господа*» (с. 258).

Словосочетание *добрый христианин* (как и английское *a good Christian*) совмещает в себе две ядерные семы, т. е. говорит и о религиозности, и о высокой нравственности.

Субстантивные словосочетания могут иметь сложную структуру с несколькими однородными согласуемыми словами как в русском, так и в английском языках. Например: «*Конечно, о полной близости с семьёй Валевиной не могло быть и речи, потому что я каждую минуту помнил, какая непреодолимая пропасть отделяет меня, скрывающегося еврея, от этих **милых, симпатичных и интеллигентных христиан...***» (с. 173); «*Of course, I could never come too close to the Walewicz family. I was always acutely aware of the unbridgeable gulf separating me, a covert Jew, from these **dear, likeable and well-educated Christians***» (p. 145).

Следует отметить, что здесь основной акцент делается на положительных качествах личности и доброжелательном отношении к окружающим, что является неотъемлемым аспектом праведности.

«*Дорогая Валентина Фердинандовна! Именно Ваше слово так весомо для меня — поскольку Вы давно сблизились с доминиканцами и ведёте напряжённую и опасную жизнь **монахини в миру**, и так деятельно живёте, столько полезного делаете, именно от Вас мне хотелось бы услышать*

слова совета» (с. 261). Данное словосочетание на первый взгляд включает компоненты, которые совершенно не соотносимы семантически, так как монашество, как правило, ассоциируется с отшельничеством и отречением от всего мирского. «*Монашество (от греч. monachos — отшельник, монах), социальная религиозная группа, члены которой берут на себя обязательства: "уход из мира"; как правило, отказ от имуществва; воздержание (обязательно безбрачие)*» [БЭС 1998: 945]. Однако из контекста следует, что это понятие включает в себя не только служение Богу, но и служение близким, что свидетельствует о праведности. Перевод данного словосочетания осуществляется при помощи калькирования (a nun in the world), так как оно является авторским и его точный смысл может быть понятен только из контекста.

Так, именные словосочетания репрезентируют две семантические группы концепта «Праведник»: религиозную и смешанную. Группа обыденной семантики на уровне именных словосочетаний не представлена.

Список литературы

1. Азбука веры: словарь (Толкование религиозных понятий), 2005. — Режим доступа: www.azbyka.ru/dictionary/shtm
2. Беловольская Л. А. Синтаксис словосочетания и простого предложения: учеб. пособие. — Таганрог, 2001. — 55 с.
3. Большой Российский энциклопедический словарь. / гл. ред. А. М. Прохоров. — М.: Большая Рос. энцикл., 2003. — 1888 с.
4. Виноградов В. В. Избранные труды. Исследование по русской грамматике. М., 1975.
5. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000. — Т. 2: П—Я. — 1088 с.
6. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: Альта-принт, 2005. — 1239 с.
7. Longman dictionary of contemporary English / Third edition. — Longman, 2000. — 1800 p.

Источники примеров

1. Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик: Роман / Б. Л. Пастернак — М.: Эксмо, 2008. — 528 с.
2. Ulitskaya, Ludmila. Daniel Stein, interpreter: a novel in documents / tr. by Arch Tait. — New York: Overlook press, 2011. — 408 p.

С. С. Жабаяева (Костанай, Казахстан)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК СПОСОБ ПОЗНАНИЯ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

The article is dedicated to different sides of national and cultural importance of a literary text and units that compose it, as well as mechanisms of national and cultural nomination in the text. A cognitive-conceptual approach to the analysis of language facts of the literary text suggests not only lingua-literary aspects, but also a lingua-cultural approach which considers the text through the prism of concepts about literary, linguistic, and other world views.

Keywords: *national and cultural nominations, literary space, world symbolism, text mythology and imagery.*

Художественный текст, как единицу эстетической коммуникации, с точки зрения когнитивистики, все чаще рассматривают с точки зрения его антропоцентричности, т. е. познание и отражение в произведении художественной литературы направлено в первую очередь на познание человека. В то же время личность рассматривается в перспективе культурной традиции этноса, культурно-антропологического прототипа, который формируется в рамках культуры. Определенные категории культуры отражают специфику существующей системы ценностей и задают образцы социального поведения и восприятия мира, которые моделируются в художественном произведении.

Рассмотрим национально-культурный аспект художественных текстов и национально-специфические элементы национально-культурного содержания текста, а также конкретные языковые средства их выражения.

Столь сложное и многоплановое явление, как художественный текст, может изучаться с различных позиций и всякий раз предстает перед исследователем в ином качестве. В каждом тексте, в том числе и художественном, неизбежно отражаются некоторые элементы реальности (даже если она деформирована по воле автора), а зачастую и ее весьма обширные и существенные фрагменты. Следовательно, текст — носитель и источник объективной информации о мире, зеркало жизни и культуры народа. Однако в художественном тексте объективная информация составляет лишь материал, на котором реализуется авторский замысел, т. е. формируется определенное идейно-художественное содержание текста, включающее и авторскую трактовку действительности, и личное, эмоциональное отношение автора и его персонажей к описываемым фактам, и эстетические свойства произведения, и т. п. Именно на этом неразрывном сплетении объективного и субъективного в содержании художественного текста базируется его идейное и эстетическое воздействие на реципиентов. Таким образом, художественный текст — это,

несомненно, также произведение искусства, памятник культуры.

Текст всегда строится из языковых единиц нижних уровней — слов, словесных комплексов и т. п., которые наряду с обслуживанием первых двух функций текста обладают еще одной особенностью, собственной характеристикой — они занимают определенное место в системе средств языка и речи, т. е. имеют также ряд внутриязыковых свойств, делающих их неравноценными и для носителей языка, и для лиц, изучающих этот язык как иностранный. Речь идет о неодинаковом отношении составляющих текста к литературной норме, узуральности, употребительности и т. п. [Тураева 1986: 91].

В интеркоммуникации художественный текст выступает во всех названных качествах и соответственно может рассматриваться:

- как источник объективной информации;
- как источник идейно-художественной информации;
- как источник языковой и лингвистической информации.

Мера национально-культурной значимости отдельных языковых единиц в художественном тексте тесно связана с множественностью свойств, которыми он обладает в целом, и обуславливается совокупным действием этих свойств. Имеются в виду:

а) значимость языковых отрезков текста с точки зрения их места в предметно-понятийной системе соответствующей национальной культуры (общекультурная значимость). Во главе ее стоят слова и словесные комплексы, обозначающие важнейшие явления национальной культуры, наиболее существенные для жизни данного народа понятия;

б) национально-культурная значимость отрезков текста с точки зрения их места в совокупном идейно-художественном содержании данного текста (текстовая значимость). Такие единицы могут служить показателем локально-временного колорита произведения или его отдельных

фрагментов. По текстовой значимости языковые отрезки образуют самостоятельную иерархию, во главе которой стоят единицы, несущие основное идейно-обобщающее содержание текста;

в) национально-культурная значимость языковых отрезков текста с точки зрения их места в соответствующей языковой и речевой системе. Это многоплановое явление, затрагивающее различные внутриязыковые характеристики слова и словесного комплекса, сводимые к месту единицы в ряду других единиц с национально-культурным содержанием, противопоставляемых по узואальности — окказиональности, нормативности, актуальности, экспрессивности, идиоматичности.

Таким образом, каждая минимальная языковая или речевая единица, самостоятельно выполняющая функцию национально-культурной номинации в тексте, может и должна оцениваться как носитель национально-культурной информации с трех относительно самостоятельных позиций, т. е. по ее общекультурной, текстовой и языковой значимости.

Механизмы национально-культурной номинации, используемые в художественной коммуникации основываются, по крайней мере, на двух оппозициях:

- 1) понятийная или фоновая номинация;
- 2) узואальная или окказиональная номинация.

Члены первой оппозиции противопоставлены по локализации национально-культурного содержания в основном понятийном значении единицы или в ее семантическом фоне; соответственно различаются слова-реалии и фоновые слова и выражения. Вторая оппозиция противопоставляет узואальную номинацию, при которой национально-специфическое содержание облекается в привычную, регулярно воспроизводимую, устоявшуюся языковую форму, и окказиональную номинацию, при которой используются единицы, в системно-языковом понятийном или фоновом значении которых не входит то национально-культурное содержание, которое они несут в данном контексте [Тюпа 2006: 165]. Обе оппозиции дают, пересекаясь, четыре типа национально-культурных номинаций:

- 1) узואально-понятийная, т. е. слова-реалии в своем основном значении и типичном употреблении;
- 2) окказионально-понятийная, т. е. контекстуальные обозначения национально-специфических фактов;
- 3) узואально-фоновая, т. е. языковые единицы с постоянным, типичным национально-специфическим семантическим фоном;

4) окказионально-фоновая, т. е. языковые единицы с контекстуальным национально-специфическим фоном.

Из четырех намеченных выше типов национально-специфической номинации лишь первый имеет эксплицитный характер, тогда как в остальных трех национально-специфическая информация выражена имплицитно. Содержание текста не может быть воспринято адекватно авторскому замыслу, если читателю недоступна конкретная национально-специфическая предметно-понятийная, фоновая и эмоционально-ассоциативная ткань произведения, если он не располагает необходимыми для понимания фоновыми знаниями.

Когнитивно-концептуальное пространство казахской литературы имеет глубокие национально-культурные корни, обусловленные своеобразием мировосприятия, специфичной языковой символикой, мифологизмом. Художественная картина мира казахского языка богато представлена своеобразными литературными жанрами. Национальное своеобразие жанров обусловлено также философскими особенностями представления о Тюркской Вселенной.

Взгляды древних казахов на мир, своеобразие их мироощущения отражает мифология. Мифологическое мышление является ранней стадией эстетического отношения к миру. В казахском фольклоре воплощены мифологемы о мироустройстве (прекрасном, гармоничном или безобразном, возвышенном или обыденном), тесно связанные с условиями жизни обитателей степей. В небесный мир они переносили свою земную ориентацию в пространстве и времени, населяли его животными из своего реального окружения. Природный мир, чувственно воспринимаемый, — одно из оснований, на которых выросло национальное мироощущение кочевника. У каждого народа есть свой ландшафт, в восприятии которого преломляются его культурные традиции (степь и горы).

Для казахской литературы характерно художественно-философское содержание, где достоверное переплетается с мифом, где героическое сказание граничит с пристальным нравственно-психологическим исследованием. Пространственно-временная масштабность и универсализм сродни космогоническим конструкциям, свойственным древнейшему мифопоэтическому мышлению. Всеобъемлющая духовность, связь космоса с человеческим микромиром, вечности с сиюминутной бренностью сближают эти произведения с мифопоэтическими представлениями,

зафиксированными в древних памятниках словесного искусства.

Историческое время соседствует с мифологическим и часто противопоставляется мифологическому как реальность — древней и нестареющей мечте человечества. Язык этноса, его краски, художественно-изобразительные нормы очень трудно поддаются трансформации. Остаются постоянными и образные средства, рожденные в недрах традиционного миропонимания. Весь строй образного мышления, эстетических представлений народа зависит от системы обычаев, от традиций, выработанных сообразно особенностям своей жизнедеятельности. Психический склад и национальный характер проявляются в национальном искусстве и литературе в виде своеобразных черт национальной культуры, которые часто облекаются в формы обычаев и традиций. Эпосы «Кыз-Жибек», «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», например, — это история, быт, нравы казахского кочевья. Поэтому для казахской литературы, имеющей богатую устно-поэтическую традицию, было вполне естественно развитие поэзии, основывающейся на устном сложении, на импровизации. Художественная традиция фольклора, устного поэтического творчества богата и разнообразна. Но поскольку в ней воспроизводится миропонимание древнего казахского этноса, она в силу своей эпичности, мифологичности продуцирует весьма условные описания.

Целостность восприятия мира, присущая мироощущению кочевника, явственно прослеживается в айтысе — песенном состязании акынов. Айтыс строится на процессах художественно-эстетического сопереживания акына и слушателей. Эстетическая способность сопереживания в айтысе порождается не только музыкальным сопровождением, но и поэтической импровизацией, силой поэтического слова, культура которого была очень высока в степи. В айтысе зафиксирован сам характер творчества как процесса. «Воображение, фантазия создают такое поэтическое бытие действительности, когда внутренняя свобода человека в неразрывной связи со свободой самого айтыса создают целостную картину мира со своеобразным экскурсом в прошлое, связи прошлого и будущего через момент настоящего. В условиях устной культуры художественно-поэтический дар был одной из возможностей становления человека» [Шелабаева].

Своеобразие образа жизни этноса во многом определяет и своеобразие его художественного мышления. Зависимость казахского языка, точнее, зависимость образно-речевых средств

от мировосприятия и мироощущения народа обнаруживается практически во всех сферах употребления образной речи. Это сказалось на звуковой природе речи, на пространственных обозначениях. Следы национального образа мышления, сугубо казахских понятий и представлений заметны в оборотах речи, метафорах, казахской поэзии о земле и водах, о степи и горах, о природе и кочевье.

Различные пространственно-временные преобразования, как и многообразные формы художественной условности, служат цели художественного освоения действительности. Представление о времени является одним из организующих факторов, устного творчества, в частности и художественного времени в целом. По мнению исследователей, произведение искусства — это особый тип реальности, существующий в отличие от других типов реальности в виде трех его слоев и сфер, каждая из которых локализована в пространстве и времени особого типа. В реальном пространстве и времени оно представляет собой обычный материальный объект, вещь наряду с другими вещами; в концептуальном — выступает в виде некоторой модели определенного класса реальных или мыслимых ситуаций и, наконец, в перцептуальном — в форме художественного образа.

В казахском фольклоре время выступает как неделимое целое, как синтез прошлого и настоящего. Прошлое в такой же мере является настоящим, как и само настоящее, оно влито в сегодняшний день как неотъемлемая его часть. Предки умершие много десятилетий и даже столетий назад, постоянно существуют в структуре сознания живых, помогая им или, наоборот, противодействуя им.

В сказках, например, существуют лишь эмпирическое время и эмпирическое пространство: два действия не могут быть обрисованы одновременно, если они совершаются в двух местах двумя различными персонажами.

Поскольку в фольклоре время воспринимается в статике, герои, несмотря на то, что проходит много лет, остаются молодыми. Реликты нелинейного восприятия времени, с которым связано эмпирическое видение пространства, сохранились до сего времени в выражениях типа «жасы үш мүшел» — «возраст его — три мушеля», то его 37 лет, «бие сауым уақыт» — «время, равное тому, что проходит при доении одной кабылицы», «сүт пісірім уақыт» — «время, равное тому, что проходит до кипения молока», «қозы көш жер» — «путь, равный промежутку, когда при переколке ягнят останавливаются на отдых», «бойы

көтерілді күн арқан» — «солнце поднялось на высоту аркана», «шақырым» — «верста»; букв. «расстояние, на котором слышен клич человека», и т. д. Ср. у русских: «до обеда», «после обеда», «до первых петухов», «мясоед», «ставальна пора» и пр. Со статическим восприятием времени связаны и этические и эстетические оценки и характеристики в фольклоре. Они всегда строго и четко определены: положительный герой остается положительным до самого конца точно так же, как отрицательный остается таковым от начала до конца. Особенно четко этот принцип недвусмысленной этической и эстетической характеристик проводится в архаических жанрах: заговорах, сказках, а также архаическом героическом эпосе [Турсунов 2001: 11].

История казахской поэзии — наглядное свидетельство того, как традиционные понятия этноса отражают жизнь, поступки, чувства индивидов традиционными формами. В ней преобладают размышление, назидательные сентенции, вопросы нравственности (добро и зло), семья, быт, отношение к женщине и т. д. К социальной проблематике казахская поэзия обращалась значительно реже, лишь в особые исторические периоды, например в период крестьянского восстания под руководством Исатая Тайманова и Махамбета Утемисова и, конечно, в эпоху Абая. В такие периоды обостряются социальные интересы поэтов (Бухар, Шортанбай, Мурат, Шернияз, Махамбет, Суюнбай и др.). Тематическое богатство она приобретает лишь со времени Абая и Алтынсарина. Житейская философичность, дидактизм казахской поэзии предопределили ее функцию транслятора традиционных взглядов на человечность, благородство, зло, насилие и т. п.

Роды и жанры казахской литературы имеют свою фольклорную и мифологическую память. Фольклорные произведения стоят и у истоков казахского романа, берущего начало от национального эпоса, ориентированного на целостный охват жизни, исторического события. Своеобразие его состоит в том, что формирование романа шло через фольклор, устную и письменную литературу, ведущую роль в которой играла поэзия. От эстетики фольклора, эстетики коллективного

творчества, выражающей оценку традиционным сознанием прекрасного, трагического, вымышленного и т. п., казахская литература пришла к становлению и развитию индивидуального творчества.

К легенде и мифу они подчас обращаются в дидактических целях. Метафоричность, аллегоричность, условность неизменно присутствуют при их художественной обработке. «Мифологизирующее» направление стремится постичь законы мироздания. Оно окунается во мглу веков, перебирая тысячелетия, обожеествляет природу. Духи, аруахи, демоны, боги и богини живут в разных объектах — камнях, деревьях, горах, птицах, рыбах, неся в себе идею перевоплощения, переходя из одного состояния в другое. В констатации незыблемости законов мироздания непреходящий, но и трагический смысл. Переход от жизни к смерти, от физики к метафизике неуловим, иррационален, неподвластен логике с точки зрения человеческого бытия. Изменчивый и многоликий мир вместе с тем остается вечным [Шелабаева].

Символика мира в казахской прозе ориентирует на ценности традиционного мировосприятия, прежде всего на созерцание как способ отношения к миру и с миром. Созерцание как исконная культурная традиция казахского этноса предполагает многоуровневое содержание. Это и способ освоения природы, и восприятие красоты Вселенной, ее бесконечности, и осознание движения. Идеалом представляется неотъединенность культуры от жизненного мира человека. Своеобразие эстетической сферы кочевнического казахского этноса стало архетипом его современного художественного мышления.

Список литературы

1. Тураева З. Я. Лингвистика текста. — М.: Просвещение, 1986. — 127 с.
2. Турсунов Е. Д. Истоки тюркского фольклора. — Алматы: Дайк-Пресс, 2001. — С. 11—15.
3. Тюпа В. И. Анализ художественного текста. — М.: Академия, 2006. — 336 с.
4. Шелабаева Г. К. Эстетическое и художественное как реалии национального самосознания. — Режим доступа: <http://neonomad.kz/>

У. А. Жаркова (Челябинск, Россия)

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
ХУДОЖНИКА В НОМИНАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЖИВОПИСИ⁴****(на материале названий полотен немецких, русских и английских пейзажистов
XIX века)**

The subject of the article are the titles of the paintings and their peculiarities in different individual nomination styles of German, English and Russian landscape painters.

Keywords: *professional linguistic identity, art discourse, concept, pragmatics.*

Теория языковой личности, основы которой были разработаны в концепции Ю. Н. Караулова, предполагает, что носитель языка может быть охарактеризован как личность на основе анализа тех текстов, которые он производит, при этом используемые им единицы языка, речевые приемы и коммуникативные стратегии тесно связаны с его мировоззрением, сферой деятельности, прагматическими целями и другими личностными и социальными характеристиками [4]. В области исследования сущности, моделей и видов языковой личности традиционно можно наблюдать многообразие подходов и концепций, из которых продуктивными для нашего исследования являются концепция «коллективной языковой личности» Л. П. Крысина [5], понятия «профессиональной языковой личности» [1], «национального компонента языковой личности» [6].

Коллективная профессиональная языковая личность как обобщенный языковой портрет профессионального деятеля, владеющего профессиональным языком, профессиональным тезаурусом и следующего стереотипам профессионального поведения, относится к наиболее востребованным объектам в области исследования языковой личности [1]. Уровневый подход к моделированию языковой личности предполагает возможность анализа структуры языковой личности с точки зрения вербально-семантических особенностей, картины мира и прагматических установок. Когнитивный и прагматический уровни находятся, очевидно, под существенным влиянием социальных характеристик личности, прежде всего сферы его деятельности. Не случайно лингвопрагматические исследования ориентированы часто на изучение речевого поведения политиков, учителей, художников и др.

Предметом нашего анализа является реализация языковой личности художника в его речевой деятельности. Художник самовыражается прежде всего в своих полотнах, однако его творчество

часто становится темой его дневников, мемуаров, писем и интервью, именно в этих жанрах художник реализуется как языковая личность. Небезынтересен, на наш взгляд, также способ именования художником своих картин, и мы предполагаем, что создав и относительно регулярно реализуя модель наименования картины, художник не только обнаруживает структурные и семантические предпочтения, но и воспроизводит в вербальной форме некоторую часть своей картины мира как носителя национального языка и как профессиональной личности, часто представляющей ту или иную живописную школу / стиль. Кроме того, можно предположить, что в названии картины воплощаются прагматические установки автора: предвосхищение восприятия картины, помощь в интерпретации, формирование интереса к картине. Потенциал названий картин для воплощения языковой личности художника нельзя недооценивать, так как в ряде случаев эти вербальные произведения являются единственными экспликаторами художественной концепции живописца (в отличие, например, от писателя, поэта).

Наименования живописных полотен в ограниченном объеме становились объектом лингвистических исследований [3]. Отчасти названия произведений изобразительного искусства можно рассматривать как номены (термины-названия) в рамках терминоведческой концепции О. А. Ахмановой [2], закономерности их порождения и функционирования в ономастическом пространстве искусства также представляют научный интерес. Методологически интеграция в исследование наименований произведений искусства понятия языковой личности позволяет рассмотреть корреляцию способов репрезентации последней и типов / жанров порождаемых ею текстов.

В соответствии с нашей гипотезой каждый художник при номинации своих произведений проявляет себя, с одной стороны, как типаж, реализуя некоторые стереотипы профессионального поведения, при этом принадлежность художника к определенному стилю и его жанровые предпочтения

⁴ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045.

имеют существенное значение. С другой стороны, авторская индивидуальность творца, без которой нет таланта и признания, находит свое отражение в номинативном идиостиле. Взаимодействие этих взаимодополняющих тенденций, на наш взгляд, обогащает представление о языковой личности художника.

В качестве материала для исследования нами выбраны названия картин пейзажистов XIX века: К. Д. Фридриха (Германия), У. Тернера (Великобритания), И. К. Айвазовского (Россия). Все три выбранных автора принадлежат к школам романтического национального пейзажа.

Общий анализ наименований позволяет выявить несколько структурных типов наименований:

- однословные-распространенные;
- предикативные-непредикативные;
- синкретные-дискретные.

Все номинативные идиостилы характеризуются доминированием распространенных, непредикативных, синкретных наименований:

- К. Д. Фридрих: «*Eichbaum im Schnee*»;
- У. Тернер: «*Shipwreck off Hastings*»;
- И. Айвазовский: «*Буря у берегов Ниццы*».

Однако доля «нетипичных» наименований у художников существенно отличается. В частности, наиболее часто распространенные названия (до 14 слов в словосочетании) использует У. Тернер: «*The Battle of Trafalgar, as Seen from the Mizen Starboard Shrouds of the Victory*», для номинативного стиля К. Д. Фридриха характерно отсутствие дискретных названий, представляющих собой сочиненный ряд или наименование с уточнением (ср. И. Айвазовский: «*Корабли в бурном море. Восход солнца*», У. Тернер: «*Snow Storm: Hannibal and His Army Crossing the Alps*»). С точки зрения типа конструкции типичными для всех художников являются номинативные предложения с локативной, темпоративной и другой атрибуцией:

- К. Д. Фридрих: «*Eichbaum im Schnee*»;
- У. Тернер: «*Frosty Morning*»;
- И. Айвазовский: «*Морской пейзаж с обломками корабля под лунным светом*».

С семантической точки зрения характерной для пейзажных наименований всех представителей национальных школ является широкая представленность топонимов.

- К. Д. Фридрих: «*Neubrandenburg*»;
- У. Тернер: «*Warkworth Castle, Northumberland — Thunder Storm Approaching at Sunset*»;
- И. Айвазовский: «*На острове Крым*».

Кроме того, для жанра пейзажа логично изображение ландшафтных объектов (башня, берег, вал, сосна, корабль), что находит отражение

и в названиях картин. При этом национальный характер пейзажа и субжанровые предпочтения художника накладывает свой отпечаток на состав объектных наименований: К. Д. Фридрих чаще изображает и, соответственно, упоминает в названиях сосны, деревья, руины, корабли, У. Тернер — водопады, И. Айвазовский — башни, берега, корабли. Очевидно, что эти лексические особенности имеют вторичный характер.

Лингвокогнитивный анализ названий полотен позволил сделать следующие наблюдения. Безусловно, сформированная у художника картина мира воплощается им прежде всего в изображении, которое является первичным репрезентантом мировосприятия живописца. Названия полотен могут подтвердить представленную концепцию мира или более четко расставить акценты. Центральная концептосфера, представленная в названиях произведений анализируемых языковых личностей, — «природа» (*Rainbow, Snowstorm, Morgennebel, Mondaufgang, лунный свет, закат на море*), «событие» (*Fighting, Trauerszene, сражение*), концепты зрительного восприятия (*View, Ansicht, вид*). Специфический характер носит репрезентация изображенного человека. В названиях К. Д. Фридриха доминируют максимально обобщенные именованья изображенных лиц: «*Mann und Frau, den Mond betrachtend*», «*Abendlandschaft mit zwei Männern*». У. Тернер изображает прецедентных персонажей: «*Snow Storm: Hannibal and His Army Crossing the Alps*», «*Mercury Sent to Admonish Aeneas*». И. Айвазовский чаще всего в названии уточняет тот или иной атрибут изображенного лица: «*Итальянец у парусной лодки*», «*Гондольер на море ночью*». В ограниченном объеме у всех трех пейзажистов представлен концепт «движение», что связано с принципиальной статичностью жанра пейзажа. Отдельные попытки передать динамику тем не менее наблюдаются:

- К. Д. Фридрих: «*Ziehende Wolken*»;
- У. Тернер: «*Rain, Steam and Speed*»;
- И. Айвазовский: «*Ночное путешествие*».

Романтическая эстетика, ориентированная на философское осмысление действительности, доминанту духовности, одухотворение природы лишь отчасти находит отражение в названиях картин. Такие наименования, как правило, имеют метафорический характер:

- К. Д. Фридрих: «*Die Lebensstufen*»;
- У. Тернер: «*Fire of Sea*»;
- И. Айвазовский: «*Гнев моря*».

Кроме того, стоит отметить влияние религиозно-философского подхода к искусству К. Д. Фридриха, в названиях его произведений

активно реализуется концептосфера «религия», концепт «смерть»: *«Friedhof im Schnee»*, *«Das Kreuz an der Ostsee»*.

Проанализировав вербально-семантический и лингвокогнитивный уровни языковой личности пейзажистов, мы можем утверждать следующее. Именованное произведений искусства является специфическим видом речевой деятельности художника. Особенности языковой личности художника не в полном объеме, но достаточно четко могут быть выявлены на основании анализа названий произведений. Инвариантные черты коллективной языковой личности пейзажиста определяются его жанровой специализацией и стилевой принадлежностью, индивидуальные же особенности языковых личностей представителей пейзажных школ XIX века в минимальной степени на тезаурусном уровне детерминированы национальной принадлежностью, в большей степени — мировоззренческими доминантами и субжанровыми предпочтениями.

Список литературы

1. Азнамеева Е. Н. К проблеме типологизации профессиональной языковой личности музыканта // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 39. — Челябинск, 2009. № 43 (181).
2. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энцикл., 1966. — 498 с.
3. Елина Е. А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства (номинативно-коммуникативный аспект). — Волгоград, 2003.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Едиториал — УРСС, 2003. — С. 42—43.
5. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989.
6. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 4-е — М.: КомКнига, 2006. — 224 с.

Д. А. Звездин (Снежинск, Россия)

К ВОПРОСУ О ТЕКСТОВО-КАТЕГОРИАЛЬНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПРАВОСЛАВНОЙ ПРОПОВЕДИ

(на материале проповедей второй половины XX века)

The main question of the article is about the role of such text categories as dialogicity and intertextuality in the scientific research of sermon texts. These categories are closely associated with each other. In the article you can find some examples of their mutual influence as well as the typology of intertextual (mostly Biblical) forms.

Keywords: *sermon; functional style; genre; text category; dialogicity; intertextuality.*

В настоящее время в русистике активно исследуется конфессиональная языковая сфера, в частности, изучается православная проповедь как жанр, составляющий специфику⁵ [Шмелев 1999] недавно «замеченного» лингвистами церковно-религиозного стиля⁶ [Крылова 2006]. И хотя вопрос о соотношении между жанром и стилем является предметом дискуссий, поиск как функционально-стилистических маркеров, так и констант, характеризующих специфику конкретных речевых жанров (РЖ), продолжается. Стиль неразрывно связан с определенными тематическими единствами, — пишет М. М. Бахтин, — и, что особенно важно,

с определенными композиционными единствами, с определенными типами построения целого (курсив мой. — Д. З.), типами отношения говорящего к другим участникам речевого общения...» [Бахтин 1986: 255]. «Специфические признаки речевого целого, отличающие это целое (текст) от других языковых явлений» [Ильенко 2003: 364] — это текстовые категории — «признаки, свойственные всем текстам данного пласта языка исследуемого периода, то есть их типологические признаки» [Глухих 2008: 33]. Совокупность текстовых категорий, дополняющих друг друга и переплетающихся между собой, создает текст в качестве коммуникативной системы [Матвеева 2006: 534].

Текстово-категориальный подход в исследовании речевых жанров только складывается, потому не всегда ясно, «какие категории считаются общелингвистическими, какие — функциональными семантико-стилистическими» [Глухих

⁵ = ядерный жанр [Мишланов 2010].

⁶ Применяем этот термин как рабочий ввиду того, что до сих пор нет устоявшейся терминологии («церковно-проповеднический стиль», «религиозная коммуникация», «духовная словесность» и т. д.).

2008: 33]. Часто при описании одинаковых или сходных в жанрово-стилевом отношении текстов ученые оперируют различными категориальными парадигмами⁷.

Единственной на сегодня обобщающей работой, посвященной жанру проповеди и выполненной на основе текстового подхода, является кандидатское исследование Т. В. Ицкович «Православная проповедь как тип текста» [2007], в котором рассматриваются такие ее типологические признаки (во взаимодействии): *тема, композиция, хронотоп, тональность*.

Между тем, исследователи отмечают диалогичность как важнейшую для проповеди текстовую категорию. К такому выводу приходит С. Н. Ипатова, анализируя творчество свт. Игнатия (Брянчанинова) (тексты XIX в.) [Ипатова 2004] (она применяет термин *функционально-семантическая категория*). З. Г. Шабанова, изучив внушительный материал (III—XVIII вв.), к «стилеобразующим факторам гомилетического красноречия» относит «внутреннюю диалогизацию монологической речи проповеди», осуществляемую посредством вопросно-ответного комплекса; риторических конструкций и цитирования [Шабанова 2006]. Н. Ю. Ивойлова отмечает (правда, на английском материале) интертекстуальность, *диалогичность*, повышенную импрессивность как «характерные особенности строя текста» современной христианской проповеди [Ивойлова: 2003]. *Диалогичность* проповеди рассматривается и в статье В. А. Мишланова и В. А. Салимовского «Диалогичность церковно-религиозных текстов» [Мишланов 2010], в которой на современном материале (XX в.) ученые описывают существующие в данном РЖ коммуникативные

диалогические схемы⁸. С *диалогичностью* исследователи связывают как «предметное содержание», так и «экспрессию» и «оценочность речи» в проповеди. С. Н. Ипатова, считает, однако, что диалогичность проповеди «не предполагает полифонии, дискуссии, спора», ведь она «опосредована важнейшими функционально-семантическими категориями проповеди — молитвенностью и соборностью» (курсив мой. — Д. З.) [Ипатова 2004: 16]. Мы не во всем с ней согласны. Так, следуя логике М. М. Бахтина, который считал одним из аспектов реализующейся в тексте диалогичности «обращенность к другому тексту» [Бахтин 1986], мы говорим о *полифоничности* проповеди, так как гомилет воспроизводит не только «собственную» речь, но и Священное Писание — важнейший для христианского сознания прецедентный текст, а также «голоса» святых. Прямое цитирование может сопровождаться в устной речи проповедника фонетическими особенностями⁹ (темп, акценты, изменение музыкального тона и проч. параметры).

Цитатность (шире — прецедентность) в лингвистическом сознании справедливо связывается с текстовой категорией *интертекстуальности*. Существует мнение об интертекстуальности как об универсальной или «глобальной» [Филатова 2006] текстовой категории. Соглашаясь с этим суждением, отмечаем, однако особую, «генетическую», важность *интертекстуальности* для проповеди, ведь «всякая проповедь по отношению к Слову Бога, — пишет Н. Б. Мечковская, — является «текстом второго порядка», «словом наставника по поводу Слова Бога» [Мечковская: 205]. «Важнейшим проявлением диалогичности» в церковно-религиозном общении¹⁰ В. А. Мишланов и В. А. Салимовский считают «специфическую интертекстуальность»¹¹ выражающуюся «в форме осознания и воспроизведения слова Бога как своего слова» [Мишланов 2010: 24]. Подобная идея, правда, в ином масштабе (применительно к функционированию в проповеди особых мини-цитат) высказывалась¹² и нами. Так, в проповеди архим. Кирилла

⁸ я — Он (Бог) — вы; я — Он (Бог) — мы; я — Он (Бог, святой) — мы [Мишланов 2010].

⁹ Данный вопрос необходимо изучать специально.

¹⁰ Значит, одним из характерных признаков церковно-религиозного функционального стиля.

¹¹ Под интертекстуальностью понимают «включенность» «в текст фрагментов некоторых известных предтекстов — Библии, сочинений святых отцов, литургической поэзии» [Мишланов 2010: 28].

¹² Идея устно высказывалась нами на Уральских Бирюковских чтениях (ЧГПУ, 21—22 сентября 2010),

⁷ К примеру, И. Р. Гальперин выделяет следующие категории: информативности, интеграции, ретроспекции и проспекции. Л. Г. Бабенко, помимо двух универсальных категорий — целостности и связности, выделяет девять типологических признаков: информативность, интегративность, завершенность, хронотоп, категории образа автора и персонажа, модальность, эмотивность и экспрессивность; из двух категорий, определяющих связность текста, — ретроспекция / проспекция, членимость (Материалы сайта *melnikovaCo язык: прошлое, настоящее, будущее*. Режим доступа: <http://www.melnikova-co.ru/text/87>, дата обращения 13.12.2012).

Н. В. Глухих анализирует деловой эпистолярный XVIII века по семи категориям: информативности, диалогичности, категории текстового времени, текстового пространства, цельности и связности, текстовой модальности (тональности) [Глухих 2008: 149].

(Павлова), а затем и у других¹³ гомилетов мы заметили особые прецедентные лексико-синтаксические образования, «словесные формулы», удобные проповеднику для выражения собственных переживаний, мыслей. Приведем некоторые примеры, указывая на вероятные тексты-источники: [Богоматерь] *помнит страну плача и рыдания землю* [Кирилл 1999: 7]¹⁴ | *Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть...* (на отпевании *Стихира самогласна, 8 глас*) [Требник 2000: 250]; *достойно и праведно святая церковь немолчными гласы величает Матерь Божию* [105] | *Достойно и праведно...* — начало литургической молитвы; *немолчными гласы* — выражение, распространенное в акафистной литературе; «*Да не одолеет моя злота Твоей неизреченной благодати*» — воскликнул грешник [14] «Молитва св. Иоанна Дамаскина»: *Да не одолеет моя злота Твоей неизглаголанней благодати и милосердию* [Православный 1994: 51] и т. д. Вероятно, что подобные мини-цитаты в речи гомилета — следствие его многолетней жизни «в лоне» книжной церковной культуры, результат «вживания» в тексты Евангелия, молитв, акафистов, когда многократно читаемые слова становятся «своими». В. М. Живов отмечает похожее явление, характерное для средневековой книжной культуры, называя его *механизмом ориентации на тексты*. Подразумевается «воспроизведение [автором] готовых фрагментов текста, форм и конструкций, известных пишущему из того корпуса текстов, который он помнит наизусть <...> готовые блоки описания ситуаций, действий и переживаний автоматически воспроизводятся, когда [автор] следует установке на книжное изложение и вместе с тем пишет о том, что в том или ином виде уже трактовалось им в выученных им текстах» [Живов 1996: 24]. Независимо, однако, от сознательного или автоматического употребления проповедником таких мини-цитат, их важная коммуникативная функция видится нам в интегрировании коммуникативного пространства. Так, «захожанин» храма в речи пастыря, возможно, заметит лишь красивую фразу, в религиозном же

человеке (прихожанине) аналогичный словесный блок найдет эмоциональный отклик, послужит актуализации его собственного религиозного опыта, упрочит психологическую связь между адресатом и адресантом сообщения, то есть будет способствовать *диалогизации* проповеднического высказывания.

При изучении *интертекстуальности* в проповеди актуальным нам представляется термин А. Е. Супруна *текстовые реминисценции*, к которым ученый относит «осознанные vs. неосознанные, точные vs. преобразованные цитаты или иного рода отсылки к более или менее известным ранее произведенным текстам в составе более позднего текста [Супрун 1995: 17; 2001: 84]». Упомянутые исследователем в определении виды *текстовых реминисценций* представлены и в проповеди. Среди них: 1) прямые цитатные отрывки (из Библии, творений святых отцов); 2) «пересказы» упомянутых источников; 3) библийские «крылатые слова» (например, *юдоль плача* [70]; *сей мир* [57]; *тесный — пространный (широкий) путь / идти тесным — пространном (широким) путем; жизнь вечная* [63], [53], [167]); 4) прецедентные номинации, в частности, именованная Христа, Богородицы, святых. К примеру, именованная Богоматери *стена нерушимая, радость всем скорбящим* [8], *надежда ненадежных (ым)* [8, 194] заимствованы, видимо, из акафистной литературы. Многие номинации Христа имеют библийские истоки, например: *Возлюбленный Сын* [94]; *Чаяние языков* [172], *Отец будущего века* [96]; 5) сравнения и метафоры Священного Писания и в целом церковного Предания: *видеть истление* [60, 92] встречается в 15 псалме: *...душа Его не оставлена во аде и плоть Его не увидела истления* [Библия 2001: 473]; *вкусить смерть* [Евангелие от Луки (9:27)]: *...которые не вкусят смерти, как уже увидят Царство Божие* [Библия 2001: 811]; *очи сердечные* [196] Послание св. апостола Павла к Ефесеянам (1:18): *просветил очи сердца вашего* [Библия 2001: 933] и др.

Подводя итог всему сказанному, отметим, что в текстах, относящихся к жанру православной проповеди (что подтверждает исследованный материал), текстовые категории *диалогичности* и *интертекстуальности* играют важную роль. Следовательно, существующие текстово-категориальные парадигмы применительно к проповеди должны корректироваться с учетом этих категорий. *Диалогичность* и *интертекстуальность* тесно связаны, это, например, проявляется в том, что формально монологичная речь проповедника полифонична, на наш

позже она нашла отражение в статье: Звездин Д. А. Церковнославянская лексика и фразеология православной проповеди: лексикографический аспект: на примере «Слов» архимандрита Кирилла (Павлова) // Международный симпозиум «Лексикография и фразеология в контексте славистики» (МаГУ, 18—20 ноября 2011). — Магнитогорск, 2011. — С. 463—468.

¹³ В проповедях архимандритов Иоанна (Крестьянкина) и Серафима (Урбановского).

¹⁴ В последующих ссылках на книгу архим. Кирилла [Кирилл 1999] указываются только страницы.

взгляд, причем в создании «многоголосия» значимая роль принадлежит библейской цитате. Диалогичность проповеди проявляется и в психологической интеграции коммуникантов в рамках данного речевого события, осуществлению такого «слияния» коммуникантов также способствуют некоторые интертексты.

Интертекстуальность современной проповеди представлена разнообразными видами характерных для жанра интертекстом, показанных нами в типологии. Отметим, однако, что приводимая классификация нуждается в дальнейшем уточнении.

Список литературы

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. — М.: Рос. Библейское О-во, 1995.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1986.
3. Глухих Н. В. Деловой эпистолярный конца XVIII — начала XIX в. на Южном Урале: лингвистика текста. — Челябинск: Полиграф-Мастер, 2008. — 150 с.
4. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. — М.: Яз. рус. культуры, 1996. — 591 с.
5. Ивойлова Н. Ю. Строй текста современной христианской проповеди (На материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Ярославль, 2003.
6. Ильенко С. Г. Русистика: избранные тр. — СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — 674с.
7. Ипатова С. Н. Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века (На материале творчества Святителя Игнатия): дис. ... канд. филол. наук. — Вологда, 2004. — 234с.
8. Ицкович Т. В. Православная проповедь как тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 2007.
9. Кирилл (Павлов), архимандрит. Похвала Божией Матери. Проповеди. — М.: Моск. подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1999. — 204 с.
10. Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2006. — С. 612—616.
11. Матвеева Т. В. Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. — М.: Флинта: Наука, 2006. — С. 533—536.
12. Мечковская Н. Б. Язык и религия — М.: ФАИР, 1998. — 352 с.
13. Мишланов В. А., Салимовский В. А. Диалогичность церковно-религиозных текстов // Вестн. Перм. ун-та. — 2010. — № 6 (12). — С. 24—28.
14. Православный молитвослов. — М.: Изд-во Моск. Патриархии, 1994. — 384 с.
15. Супрун А. Е. Исследования по лингвистике текста. — Минск: БГУ, 2001.
16. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. — № 6. — С.17—29.
17. Требник. — М.: Сретен. монастырь, 2000. — 655 с.
18. Филатова О. М. Интертекстуальность как глобальная текстовая категория // Вестн. Удмурт. ун-та. — 2006. — №5. — С. 149—154.
19. Шабанова З. Г. Лингвистические средства воздействия в православной проповеди: в историческом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Махачкала, 2006.
20. Шмелев А. Д. Функциональная стилистика и моральные концепты // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. — М., 1999. — С. 217—230.

Е. В. Иванова (Челябинск, Россия)

**МИФОЛОГЕМА ВСЕМИРНОГО ПОТОПА
В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ**

The article is devoted to the analysis of the growth of the catastrophical consciousness in the modern society and its expression in the language.

Keywords: *metaphor, catastrophe, myth, mythologeme, archetype.*

Террористические акты, аварии, техногенные и природные катастрофы, стихийные бедствия и другие катастрофические происшествия, упоминаниями о которых пестрят сообщения в прессе и речи политиков, способствуют формированию, росту и распространению катастрофического мышления в обществе. Термин «катастрофическое мышление» был впервые предложен Сергеем Поповым в лекции «О катастрофическом мышлении», прочитанной в 1990 году на Методологической школе по педагогике и антропике в Артеке. На сегодняшний день наиболее полный обзор этого вопроса дается в книге «Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века» (по материалам международных исследований, под ред. В. Э. Шляпентоха, В. Шубкина и В. Ядова). Среди немецких лингвистов проблемой восприятия катастроф занимаются Г.-Г. Шёттлер, П. Вайнгарт, А. Энгельс, П. Панзеграу.

Страхи и катастрофическое сознание являются одной из актуальных и мало разработанных проблем даже в социологии и социальной психологии, а тем более в рамках лингвистики. Под страхом понимается реакция на потенциальную или реальную угрозу. Это одна из важнейших характеристик общества, оказывающая существенное влияние как на жизнь отдельных индивидов, так и на общество в целом и на ход исторического процесса. Возникновение страха оповещает о потенциальных или реальных угрозах человеку, группе или обществу. В основе каждого вида страха лежит испуг и как его следствие — тревожность.

В социологической практике катастрофическое сознание трактуется узко, как страх перед будущим, который определяет поведение отдельных людей, групп, наций. Катастрофическое сознание — это страх перед социально значимыми негативными событиями и процессами, оцениваемыми массовым сознанием как катастрофа. Основное внимание в данных исследованиях уделяется рассмотрению репертуара массовых страхов и выявлению уровня катастрофичности современного общества.

Катастрофическое мышление порождается, прежде всего, информационным характером

современного общества. Последнее время в СМИ довольно часто появляются материалы, посвященные боязни катастроф, различным страхам, подхлестывающим массовое сознание. Катастрофичность современной жизни интерпретируется обычно через перечень глобальных проблем современного мира (типа экологического кризиса, терроризма и т. п.), препятствующих его благополучию и гармонизации. Человек, не обладающий критическим сознанием, как правило, воспринимает такой поток информации о бедствиях крайне эмоционально. Очевидно, что в современном обществе наблюдается высокий уровень катастрофического сознания в определенных группах и высокий уровень массовых страхов в обществе в целом.

Наше исследование посвящено изучению катастрофического сознания в современном обществе, влиянию средств массовой информации и политиков на формирование и рост катастрофического сознания, выражение этого процесса в медийном и политическом дискурсах посредством использования определенного пласта лексикологии, метафорологии, символов, в которых находят отражение древнейшие мифологические архетипы человеческого сознания.

Мифология — синкретическое отражение различных явлений, событий, представлений, особенно характерное для ранних стадий развития культуры. В истории религии и философии термином «синкретизм» обозначают тенденцию искусственного смешения элементов верований и культов, идей и образов разных религий. Советский филолог О. М. Фрейденберг полагала, что под синкретизмом первобытной культуры следует понимать не первоначальную слитность всех проявлений человеческой культуры, а мышление тождеством, семантически приравнивающее речь, действие и вещь (цит. по: [Пендикова, Ракина 2008: 72]).

Изучение мифологии позволяет исследовать коллективное бессознательное человечества, которое породило все множество мифологических мотивов и образов. Вся мифология — проекция коллективного бессознательного, закрепившего в психике человека в метафорическом, символическом

или фантастическом виде физические процессы, протекающие в окружающем мире. Однако неверно полагать, что мифологическое сознание характерно лишь для ранней стадии развития культуры и человечества. Мифологическое сознание и мифологизированное восприятие мира в значительной мере присущи современному человеку, несмотря на кажущееся господство рационального сознания в сегодняшней жизни. Миф как форма сознания, безусловно, является отражением системы первобытного мышления и представляет собой определенный набор психологических и культурных архетипов. Миф можно считать вербализацией психологической реальности, которая как же конкретна, как реальность материальная.

Мифы, а также сновидения, бредовые фантазии, сказки, религиозные представления, произведения искусства и культуры — способы воссоздания архетипов. Архетипы — это врожденные элементы человеческой психики, отражающие общие модели чувственного опыта, выработанные в ходе развития человеческого сознания. К. Г. Юнг полагал, что процесс создания мифа представляет собой не что иное, как трансформацию архетипов и архетипических схем душевной жизни человека в образы реальности. Культурные архетипы — это некие базисные элементы и образцы культуры, на основе которых формируются модели духовного бытия культуры.

Принято различать универсальные культурные архетипы и этнокультурные архетипы. К универсальным относятся архетипы первоначального хаоса, огня, творения, мужского и женского начала, мирового древа, первородного греха, апокалипсиса, всемирного потопа и др. Эти архетипы в той или иной степени известны всем народам и культурам. Этнокультурные архетипы выражают и закрепляют основополагающие свойства этноса как культурной целостности, определяют особенности мировоззрения народа, представляют его коллективный опыт. Воспроизведение универсального культурного архетипа в определенной национальной традиции является национальным инвариантом универсального культурного архетипа.

Вербальное выражение культурных архетипов происходит посредством метафор и символов. По Юнгу, основная функция метафор и символов заключается именно в вербализации архетипов: архетип облачается в метафорические одежды, которые помогают ему выйти за пределы понимания обычного бодрствующего сознания [Юнг 1994].

Для обозначения мифологических сюжетов, сцен, образов, характеризующихся глобальностью, универсальностью и имеющих широкое

распространение в культурах народов мира, К. Г. Юнг и К. Кереньи вводят понятие мифологемы. Мифологема — единица мифологического мышления, образ, обладающий целостностью для культурного человека, содержащий устойчивый комплекс определенных черт. Это некая первичная сюжетная схема, кросскультурная идея, встречающаяся в фольклоре разных народов, перешедшая из мифа в эпос и волшебную сказку, затем в рыцарский роман и т. п. Базовые мифологемы, или глубинные архетипы — это общечеловеческие архетипические образы, функции, понятия и идеи, которые могут быть сведены в семантические поля и обладают внутренним единством образа и смысла [Мелетинский 1976].

Мифологема всемирного потопа представляет универсальный культурный архетип, характерный еще для архаического сознания большинства религий народов мира, обобщает глобальные, универсальные темы и сюжеты катастрофы. Всемирный потоп — страшная катастрофа, широко распространенная в мифологических представлениях народов мира и описанная в ряде религиозных текстов, представлявшая собой широкомасштабное наводнение, приведшее к гибели почти всех людей. Бог насылает на людей потоп в наказание за плохое поведение, нарушение табу, убийство животных или без особой причины. Связь сказаний о потопе с реальными наводнениями, а также изменениями уровня Мирового океана в исторический период остаётся спорной. Предания о Всемирном потопе встречаются у десятков народов мира. Следы сказания обнаружены в Вавилонии, Палестине, Сирии, Армении, Фригии, Индии, Бирме, Вьетнаме, на многих островах Индонезии, Филиппин, Андаманских островах, Тайване, Камчатке, в Новой Гвинее, Австралии, на островах Меланезии, Микронезии и Полинезии, среди множества индейских племён от Огненной Земли до Аляски. Согласно Книге Бытия Библии, потоп явился Божественным возмездием за нравственное падение человека. Бог решил истребить таким образом всё человечество, оставив в живых лишь благочестивого Ноя и его семью: Ной был единственным человеком, угодным Богу, среди всех живущих в то время на земле.

Библейская история Всемирного потопа, имеющая корни во многих мифах и религиях, анализируется учеными с целью выяснения, откуда на Земле взялась вода для столь катастрофического и глобального затопления. Многие ученые верят, что потоп был на самом деле, и рассматривают самые различные варианты его возникновения: в океан могли упасть астероид или комета, которые

вызвали колоссальное цунами, или льды растаяли от глобального потепления, и все кругом затопило, или, наоборот, похолодало — и лед перекрыл реки, вытеснил оставшуюся в океанах воду, уровень которой катастрофически поднялся, возможно, что сместилась ось планеты и от этого по суше прошелся водяной вал высотой в несколько километров. Американские ученые, обнаружившие внутри нашей планеты целые океаны, полагают, что вода для Всемирного потопа пришла из недр Земли.

С одной стороны, Всемирный потоп в СМИ рассматривается как одна из наиболее вероятных причин гибели самых известных мощнейших цивилизаций древности. По гипотезе российского ученого проф. Э. Мулдашева, руководителя экспедиции на о. Мальта, «всемирный потоп произошёл 850 тысяч лет назад вследствие поворота оси Земли на 6666 км. Огромная волна высотой до 5 км обошла земной шар. Уровень Мирового океана поднялся на 2 км. Остались только вечный материк (Тибет) да остров Платона (Бермудский треугольник). Лучшие из атлантов и арийцев, умевших входить в состояние Сомати, сохранились в глубоких подземельях Тибета» [АИФ 10.12.2008].

С другой стороны, мифологема Всемирного потопа встречается, когда говорят о вариантах грядущего конца света. Верующие убеждены, что «многие природные катаклизмы напрямую связаны с нравственным поведением людей.

Вспомним Всемирный потоп, который стал божественным возмездием за нравственное падение человечества. Тогда на всей земле Господь узрел только одного праведного Ноя с семьёй и заранее предупредил его о надвигающейся катастрофе. Ной построил ковчег и спасся вместе с близкими» [АИФ 20.01.2010].

Мифологема Всемирного потопа широко распространена в средствах массовой информации и служит для создания самых различных образов.

Список литературы

1. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа, 3-е изд., репр. М.: Наука, 2000. — 406 с.
2. Пендикова И. Г., Ракитина Л. С. Архетипы и символы рекламы / под ред. Л. М. Дмитриевой. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 303 с.
3. Шляпентох В., Шубкин В., Ядов В. Катастрофическое сознание в современном мире в конце XX века. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Katastr/index.php
4. Юнг, К. Г. Архетип и символ. — М.: Прогресс, 1994. — 336 с.
5. Аргументы и факты. От жары Россия заболевает // Аргументы и факты; № 3, 20.01.2010. Режим доступа: http://www.aif.ru/opinion/opinion/opinion_id/1239
6. Аргументы и факты. Из-за какого греха погибли самые известные цивилизации? // Аргументы и факты; № 5, 10.12.2008. Режим доступа: <http://www.aif.ru/society/article/23254>

Н. А. Калёнова (Волгоград, Россия)

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ

Phraseological units are signs of the indirect category, which are the result of cognitive-cultural exploration of the surrounding reality; the signs possess strong pragmatic potential, most effectively implementing communicative intentions of the sender. Epistolary discourse is a trinity including the text of a letter, extra linguistic data and communicative-pragmatic coordinates of a message as an act of communication. The analysis of the cognitive basis of pragmatic functions of phraseological units in the epistolary discourse opens up prospects for studying the cognitive mechanisms of functioning of the indirect nomination signs in a stream of live speech, as epistolary is much closer to the situation of direct communication.

Keywords: *phraseology, phraseological units, pragmatic function, private letter, epistolary discourse.*

Современная лингвистика проявляет закономерный интерес к взаимосвязи механизмов мышления и речи (Н. Ф. Алефиренко, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, С. Г. Воркачёв, В. З. Демьянков, А. В. Кравченко, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, З. Д. Попова, И. А. Стернин и др.). Опираясь на результаты тщательного анализа языкового

материала и учитывая новейшие теоретические изыскания, когнитология с успехом вырабатывает стройный методологический фундамент. Становится ясно, что все языковые процессы и явления имеют в своей основе когнитивную базу, изучение которой открывает новые данные, с одной стороны, в познании природы и свойств

языковых единиц, с другой — в исследовании механизмов осмысления мира человеком как языковой личностью. Фразеологические единицы (ФЕ) во все времена были объектом пристального разноаспектного анализа в силу их своеобразия (Н. Ф. Алефиренко, В. Л. Архангельский, А. М. Бабкин, А. П. Бабушкин, В. В. Виноградов, Е. И. Диброва, В. П. Жуков, М. М. Копыленко, З. Д. Попова, В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, Ю. П. Солодуб, А. И. Фёдоров, А. М. Чепасова и др.). Эти знаки не прямой номинации являются результатом когнитивно-культурологического освоения окружающей действительности, а следовательно, их анализ даёт возможность учёным сосредоточиться на проблемах отражения мира в языке, на способах кодирования познанного знаками языка. Фразеология при этом рассматривается как особая область лингвокреативного кодирования мира: «Фраземика любого языка представляет собой не только и не столько статическую систему, фиксирующую результаты ценностно-смыслового отражения внешнего мира в качестве его адекватной субъективно-оценочной модели, сколько систему динамическую» [Золотых 2007: 89]. Исследования способов фразеологической номинации окружающей действительности позволили установить, что «языковая природа и специфика знаков вторичной номинации обуславливает их органическую связь с прагматикой речевого общения» [Алефиренко 2005: 219]. Важнейшей функцией ФЕ признаётся прагматическая [Баркова 1982; Сидоренко 1982; Эмирова 1986; Телия 1996; Добрыднева 2000 и др.]. Когнитивной основой функционально-прагматических свойств ФЕ является тот факт, что «в процессе речевого общения происходит накопление и освоение культурных ценностей, норм и знаний — в ходе коллективной обработки информации складываются и совершенствуются формы человеческого мышления, происходит духовное освоение мира» [Алефиренко 2005: 42]. Рассмотрим когнитивные основы прагматической функции ФЕ в эпистолярном дискурсе. Но прежде остановимся на понятии *эпистолярный дискурс*.

Личное письмо создаётся как результат мощной личностно-ориентированной мотивации к общению: сообщить о своей жизни, обратиться с той или иной просьбой, призвать к тому или иному поступку и т. д. Эта форма коммуникации наиболее приближена к ситуации непосредственного, живого общения, хотя опосредована: информация кодируется знаками языковой системы (при этом могут быть использованы и другие знаки, например, рисунки, символы и т. д.).

Эпистолярный дискурс как объект лингвистического поиска состоялся, на наш взгляд, пока не в должной мере. Дружеское письмо заслуживает особого внимания, так как «письма наиболее приближены к ситуации непринуждённого общения, раскованы, свободны в речевых проявлениях» [Фесенко 2009: 5], а потому именно в эпистолярном дискурсе проявляется всё многообразие прагматических свойств языковых единиц разных уровней, в том числе и фразеологических. «Дружеское письмо как форма дискурса создаётся в процессе общения и характеризуется наличием ряда дискурсивных свойств» [Фесенко 2009: 9]. Создание письма базируется не только на мощной мотивационной основе, но и на огромном по объёму информационном блоке, включающем общие у адресата и адресанта знания. Таким образом, говоря об эпистолярном дискурсе, мы выделяем блок внеязыковой действительности, экстралингвистические параметры, соотносимые с процессом создания письма. Без их учёта невозможен объективный анализ дискурса, так как весь объём этой информации так или иначе объективирован в тексте письма, причем, соотношение объёмов кодируемой информации и средств их языковой объективации не всегда одинаково. Так, это хорошо видно при анализе текста письма и комментариев к ним: «Напишите, как, где живет Шура? Как Екатерина и что с домом?» (Письмо С. А. Есенина Г. А. Бениславской, 12 декабря 1924 г., Батум). Онимы Шура и Екатерина — знаки, несущие огромный пласт информации, начиная от рациональной, включающей биографические сведения о называемых людях, заканчивая эмотивно-оценочной, отражающей отношение адресанта и адресата к этим третьим лицам. К «что с домом?» в комментариях находим упоминание, что «В 1924 г. шло строительство нового дома в Константинове. 27 дек. Бениславская писала из нового дома (второй приезд в Константиново; ездила с сестрами поэта на 4 дня, 25—29 дек.): «Чуете, Сергей Александрович, откуда пишу? Небось и невдомек! Ну да! Я сейчас сижу в Константинове, у Ваших в новом доме, только что пили чай, о Вас толковали. А хорошо здесь у Вас очень. <...> Дом уже отстроен — сегодня перебрались в него совсем. Топим печь и лежанку — сейчас тихо, тепло. Мать и отец улеглись — отец на печи, Катя и Шура ушли <...> а я вот за письмо села. Дом мне нравится, просторно, чисто. Правда, еще не кончены сени и т. д. Вид из окна прямо на луга за Окой — выстроили против церкви. До чего мне здесь нравится, если б Вы знали. Завтра надо возвращаться в Москву, а не хочется»

[Есенин 1999: 187]. Иногда в сноске к одной единственной языковой единице авторы комментариев приводят огромные по информационному объёму сведения. Это означает, что адресант кодирует эту информацию одной языковой единицей, будучи уверенным, что адресат способен проделать обратную операцию и раскодировать информацию в процессе восприятия и осмысления этой единицы. Текст письма — основа эпистолярного дискурса. Безусловно, автор этого текста, создатель этого лингвокогнитивного образования, — ещё одна важная составляющая эпистолярного дискурса. Адресант — своеобразная, так или иначе проявляющая это своеобразие языковая личность. Дискурс «выступает важнейшим компонентом социокультурного взаимодействия и в этом статусе предстаёт в виде коммуникативно-событийной амальгамы языковой формы, значения и действия. Дискурс, таким образом, оказывается прагматически обращённым к когнитивно-коммуникативному взаимодействию и к речевой ситуации» [Алефиренко 2007: 49]. Исходя из этого, считаем, что эпистолярный дискурс — это триединство: 1) текста письма (в его структурной и содержательной специфике); 2) комплекса экстралингвистических факторов (охватывающих процесс и условия создания текста письма, того информационного блока, над которым строится когнитивная структура письма); 3) коммуникативно-прагматических координат письма как акта коммуникации.

В русле когнитивно-прагматических изысканий внимание к ФЕ в эпистолярии обусловлено, как уже было отмечено, природой личного письма. Тот факт, что текст личного письма фиксирует особенности устного дискурса той или иной языковой личности, позволяет учёным обратить свой взор на особенности языковой персонификации автора письма. Те или иные предпочтения в выборе языковых средств выражения коммуникативного замысла — маркеры языковой личности, определяющие и объективирующие характер автора писем, отношения с тем или иным адресатом, психо-эмоциональное состояние в момент написания письма или целого цикла писем и т. д.: «Лежу в больнице. Верней, отдыхаю. *Не так страшен черт, как его малютки*. Только катар правого легкого. Через 5 дней выйду здоровым. Это результат батумской простуды, а потом я *по дурости* искупался в середине апреля в море при сильном ветре. Вот и получилось. Доктора *пели на разный лад*. Вплоть до скоротечной чахотки» (Письмо С. А. Есенина Г. А. Бениславской, 11—12 мая 1925 г., Баку). Обратим внимание на преобразование паремиологической единицы *не*

так страшен чёрт как его малюют, реализующее коммуникативную установку адресата: автор письма кодирует самоиронию, попытка пошутить может быть расценена как желание автора убедить адресата в том, что он не пал духом, не расстроен, что всё страшное уже позади. На реализацию тех же коммуникативных установок «работают» лексема только, синтаксема *Через 5 дней выйду здоровым*. Адресат использует ФЕ *по дурости* «прост. необдуманно, легкомысленно», (пели) *на разный лад* «разг. по-всякому, по-разному». С. А. Есенин пишет письмо Г. А. Бениславской, человеку, который искренне переживает за него. Учитывая, что слухи о его болезни могут дойти до адресанта и взволновать, расстроить, Сергей Александрович сообщает о своей болезни, но не сгущает краски, а напротив, изыскивает средства успокоить адресанта. Как видим, адресат в выборе языковых единиц руководствуется тем планируемым прагматическим эффектом, который возможен при декодировании знаков адресантом.

При создании текста письма адресант стремится использовать наиболее эффективные для достижения им коммуникативной цели языковые средства. ФЕ при этом занимают особое место в системе средств реализации коммуникативного замысла. Это отчётливо наблюдается в текстах писем, написанных в особом эмоциональном состоянии. Сравним фрагменты писем: «Дорогой Михаил Васильевич! Положение мое скверное. Хожу отрепанный, *голодный, как волк*, а кругом всё подтягивают. *Сапоги каши просят, требуют, чтоб был как зеркало*, но совсем почти невозможно» (Письмо С. А. Есенина М. В. Аверьянову, 8, или 18, или 28 декабря 1916 г., Царское Село). В поисках наиболее выразительных средств автор использует ФЕ *голодный как волк, сапоги каши просят, как зеркало*, являющиеся образными, экспрессивными средствами объективации мысли говорящего. В последнем случае лишь обращение к комментариям даёт понять, что смысловое наращение ФЕ не совпадает со словарным определением ФЕ: «Действительно, в приказах по Полевому Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 за подписью полковника Д. Н. Ломана не раз обращалось внимание на то, что его подчиненные не всегда одеты по форме; прежде всего это касалось санитаров поезда, прикомандированных к лазарету № 17, среди которых был и Есенин. Из приказа № 283 от 10 октября 1916 г.: «Состоящие при лазарете санитары должны строго соблюдать Высочайше утвержденные воинские уставы. Должны быть одеты строго по форме <...> Вся состоящая при лазарете команда

должна иметь воинский вид и всем своим поведением строго охранять достоинство Организации, к которой они <т. е. члены команды> имеют честь принадлежать» (РГИА, ф. 1328, оп. 4, ед. хр. 20, лл. 285 об. — 286)» [Есенин 1999: 91]. Сравним анализируемый отрывок с другим, в котором объективируется эмоциональное состояние адресанта «Ну... Впрочем, я об этом никому никогда не расскажу, и к чему *поднимать старые раны!*.. Ох, как тяжело. Маня! Да и зачем я буду мучить себя. Слишком больно!» (Письмо С. А. Есенина М. П. Бальзамовой, 1 июня 1913 г., Москва). Адресант обращается к эмотивным языковым знакам: ФЕ *поднимать старые раны*, являющейся преобразованием от *бередить старые раны* с тем же значением «разг. экспресс. касаться того, что причиняло кому-либо страдания, душевную боль»; номинирующим эмоциональное состояние лексемам *тяжело, мучить, больно*. Подчеркнём, что интенсивность эмоциональных переживаний невелика, что и объективировано в тексте письма. Находясь в чрезвычайно взволнованном состоянии, адресант при создании текста письма, ищет экспрессивные, эмотивно-оценочные средства, объективирующие силу эмоционального состояния: «Милый Толя! *Чёрт бы тебя побрал* за то, что ты вляпал меня во всю эту историю. Во-первых, я в Ростове. Сажу у Нины и ругаюсь на чем свет стоит. Вагон ваш, конечно, улетел. Лёва достал купё, но в таких купё ездить все равно, что у турок на колу висеть, да притом я совершенно разуверился во всех ваших возможностях. Это всё за счет твоей молодости и его глупости. В четверг еду в Тифлис и буду рад, если встречу с Гришей, тогда конец этим мукам. Ростов — дрянь невероятная, грязь, слякоть и этот «Сегёжа», который торгуется со всеми из-за 2-х коп. С ним всюду *со стыда горишь*» (Письмо С. А. Есенина А. Б. Мариенгофу, февраль 1922 г., Ростов). Учтём тот факт, что адресат — близкий друг автора письма. Адресант использует разговорно-просторечные ФЕ *чёрт бы тебя побрал* и *ругаться на чём свет стоит*. ФЕ *чёрт бы тебя побрал* «прост. экспресс. выражение возмущения, негодования, досады, иногда восторга и т. п.» есть собственно эмотивная единица, призванная вербализовать некое интенсивно протекающее эмоциональное состояние, о характере которого сигнализирует семантика других единиц. Обращение *милый Толя* дисгармонизирует по эмотивности с лексемами *ругаюсь, вляпал* и других единиц высказывания. Этот приём позволяет автору обеспечить более экспрессивную вербализацию своего коммуникативного замысла. Автор

создаёт образное сравнение: *в таких купё ездить всё равно, что у турок на колу висеть* по модели ФЕ с компонентами (...) *всё равно, что* (...), имеющими в семантической структуре «разг. так, если бы...». И наконец, тот же самый адресант (в данном случае речь идёт о С. А. Есенине) включает в структуру письма обшцетную лексику и фразеологию, пытаясь реализовать весь комплекс переживаемых им эмоций и стремясь к необходимому прагматическому эффекту: «Что сказать мне вам об этом ужаснейшем царстве мешанства, которое граничит с идиотизмом? Кроме фокстрота, здесь почти ничего нет. Здесь жрут и пьют, и опять фокстрот. Человека я пока еще не встречал и не знаю, где им пахнет. В страшной моде господин доллар, на искусство начхать — самое высшее музик-холл. Я даже книг не захотел издавать здесь, несмотря на дешевизну бумаги и переводов. Никому здесь это не нужно. <...> Здесь все выглажено, вылизано и причесано так же почти, как голова Мариенгофа. Птички какают с разрешения и сидят, где им позволено. Ну, куда же нам с такой непристойной поэзией? Это, знаете ли, невежливо так же, как коммунизм. Порой мне хочется послать все это к <...> матери и наострить лыжи обратно. Пусть мы нищие, пусть у нас голод, холод и людоедство, зато у нас есть душа, которую здесь за ненадобностью сдали в аренду под смердяковщину. <...> Конечно, кой-где нас знают, кой-где есть стихи переведенные, мои и Толькины, но на кой <...> все это, когда их никто не читает» (Письмо С. А. Есенина А. М. Сахарову, 1 июля 1922 г., Дюссельдорф). Как видим, адресант кодирует некую сложную когнитивную структуру, которая так или иначе отражает информацию о его жизни и его эмоционально-оценочном отношении к переживаемым событиям, стремясь использовать наиболее эффективные коммуникативно-прагматические средства.

Выбор ФЕ обусловлен коммуникативным замыслом и нацелен на реализацию сложных когнитивных структур. Например, интересно проследить, как одна и та же ситуация объективируется одним адресантом в зависимости от коммуникативной установки. В анализируемых далее примерах речь идёт о расставании С. А. Есенина с М. П. Бальзамовой: «С тяжёлой болью я перенёс свои волнения. Мне было горько и обидно ждать это от тебя. Ведь ты говорила, что никогда меня не бросишь. Ты во всём виновна, Маня. Я обиделся на тебя и *сделал великую для себя рану*. Я разорвал все твои письма, чтобы они более никогда не *терзали* мою душу.

Ведь ты сама понимаешь, как тяжело переносить всё это. Но виновата ты. Я не защищаю себя, но всё же ты, ты виновная» (Письмо С. А. Есенина М. П. Бальзамовой, 26 января 1913 г., Москва). И ср.: «Э! Ты не жди от синьорины Бальзамовой ответа! Я уже прикончил с ней чепуху. Право слово, впоследствии для неё это будет вредно, если он<а> будет возжаться за мной. Письмами её я славню истопил бы печку, но *чёрт* меня *намекнул* бросить их в клозет. И что же... Бумага, весом около пуда, всё засорила, и, конечно, пришлось звать водопроводчика. И с ними-то беда, а с ней бы ещё хуже» (Письмо С. А. Есенина Г. А. Панфилову, ноябрь 1912 г., Москва).

Обратим внимание на датировку писем: одно письмо создано в ноябре, в нём автор иронично, даже цинично, рассказывает другу о своей «драме», о расставании с любимой девушкой; другое письмо — в январе следующего года, пронизанное болью и страданием. Где бы автор ни был искренним, и в одном, и в другом тексте он довольно убедителен. Активно используется фразеология. В письме М. П. Бальзамовой это ФЕ *терзать душу (сердце)* «волновать, становиться объектом глубоких переживаний» и окказиональный фразеологизм *сделать рану*, генетически связанный с фразеологизмом *сердечная, душевная рана (рана сердца, души)*. Совсем иное эмотивное и стилистическое (грубо-просторечное) содержание обнаруживают единицы второго письма. Коммуникативная установка обуславливает включение в текст фраземы *чёрт намекнул* в значении «грубо-прост. неизвестно зачем, по какой надобности нужно кому-либо (сделать что-либо); выражение крайнего неудовольствия, сожаления и т. п.», соответствующем ФЕ *чёрт дёрнул* и *чёрт двинул*. Как видим, выбор ФЕ обусловлен коммуникативным замыслом отправителя сообщения. В поисках наиболее эффективного средства объективации когнитивных структур, которые намерен автор сообщения

вербализовать, и проявляются когнитивные основы прагматической функции ФЕ.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф., Золотых Л. Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия): монография. — 2-е изд., испр. и доп. — Астрахань: Астрахан. ун-т, 2004. — 296 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие — М.: Флинта: Наука, 2005. — 416 с.
3. Алефиренко Н. Ф. Речевой жанр, дискурс и культура // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов: Наука, 2007. — Вып. 5. Жанр и культура. — С. 44—55.
4. Баркова Л. А. Прагматические свойства фразеологизмов и их речевая реализация // Фразеология и контекст: сб. науч. тр. / МГПИИЯ. — М., 1982. — Вып. 198. — С. 3—13.
5. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генерика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи: сб. науч. ст. — Саратов: Колледж, 2005. — Вып. 4. Жанр и концепт. — С. 5—34.
6. Добрыднева Е. А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. — Волгоград: Перемена, 2000. — 224 с.
7. Золотых Л. Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики: монография. — Астрахань: Астрахан. ун-т, 2007. — 265 с.
8. Сидоренко М. И. Прагматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке. — Л., 1982. — 108 с.
9. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты — М.: Яз. рус. культуры, 1996. — 288 с.
10. Эмирова А. М. Прагматическая фразеология: семантика и грамматика // Вопросы русской и общей фразеологии. — Самарканд: Изд-во Самарканд. гос. ун-та, 1986. — С. 32—43.

О. С. Камышева (Шадринск, Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕНТАЛЬНОЙ СФЕРЫ «МУЗЫКА» В РОМАНЕ ДЖ. Д. СЭЛИНДЖЕРА «НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ»

The article is devoted to the investigation of musical metaphors in the novel «The Catcher in the Rye» by J. D. Salinger. These metaphors are one of the ways of expressing the image of the main character. On the one hand, they express music surrounding Holden Caulfield, on the other hand, the musical metaphors transfer the outer world through musical terms.

Keywords: *metaphor, sphere-source, sphere-magnet, music, frame, slot.*

С точки зрения современного языкознания одним из способов репрезентации концепта в языковой картине мира является метафора. Теория концептуальной метафоры была впервые разработана американскими учеными Дж. Лакоффом и М. Джонсоном и предусматривает перенос знаний из одной понятийной области в другую. Фундаментальными особенностями концептуальных метафор являются *категоризация*, которая упорядочивает воспринимаемую реальность, и *системность*, позволяющая метафорам объединяться в модели. На основе этих положений в отечественном языкознании получает развитие теория метафорического моделирования (А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов). Согласно этой теории когнитивная модель метафоры включает исходную понятийную область (область-источник, сферу-донор) и новую понятийную область (сферу-магнит, сферу-мишень, реципиентную зону), которая обычно сохраняет не только структуру исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника. Метафорическая модель представляет собой концептуальную схему действительности, которая основана на *фреймово-слотовой структуре*. По определению М. Минского, фреймы «являются центрами концентрированного представления знаний о том, как связаны между собой различные предметы и явления, каким образом они используются и как они друг с другом взаимодействуют» [Минский 1979]. Типовые слоты рассматриваются как «элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» [Чудинов 2003]. Детальное описание метафорических моделей, их фреймов и слотов позволяет передать концептуальную информацию в сжатом и доступном виде.

В данной статье теория метафорического моделирования применяется к анализу музыкальных метафор из романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Следует отметить, что «Над пропастью во ржи» является единственным романом

Джерома Д. Сэлинджера. Сюжет данного романа построен вокруг бесцельных метаний подростка Холдена Колфилда, в образе которого собраны вся агрессия молодого поколения и нарочитое отрицание чопорной и лицемерной окружающей «системы». При этом Холден знает, что он сам является частью мира, и это его угнетает. Главный герой высказывает протест против порядка вещей, презирая нормы и правила. Холдена преследует мечта — спасти детей от бездонной пропасти ненавистного лицемерия.

Одним из стилистических средств создания сложного и противоречивого внутреннего образа Холдена Колфилда является музыкальная метафора. Общее количество подобных метафор в романе составляет 18 единиц. При этом наиболее частотны метафоры со сферой-магнитом «Музыка» (14 единиц). Такие метафоры позволяют передать характеристики музыкального звучания посредством обыденных понятий.

Обратим внимание на музыку, которая окружает Холдена Колфилда. Чаще всего он слышит джаз, исполняемый заурядными певцами в сопровождении фортепиано или кларнета в ресторанах и барах. Возможно, эта музыка не отличается высоким качеством исполнения, а, может быть, звучащая музыка воспринимается главным героем как часть ненавистной реальности. Так или иначе, при восприятии музыкального звучания в его сознании возникают разнообразные негативные чувственные ассоциации. Для детального анализа выделим систему основных фреймов-источников: «Зрительный образ», «Темперальный образ» и «Обонятельный образ». Опишем каждый из них.

1. Фрейм-источник «Зрительный образ»

Данный фрейм включает следующие слоты: «Человеческое поведение», «Физические недостатки», «Внешний вид».

1.1. Слот «Человеческое поведение»

Обнаруживаются следующие метафоры: *half-way decent, brassy, show-offy ripples*, что

свидетельствует о наигранности исполнения музыкальных произведений. Ср.:

I couldn't even stick around to hear old Ernie play *something half-way decent* (p. 101).

1.2. Слот «Физические недостатки»

Метафоры физических недостатков (*lousy*, *nutty* (сленг: ненормальный, не в своем уме), *dumb*) указывают на низкое качество звучания мелодии. Ср.:

He was putting all these *dumb, show-offy ripples* in the high notes, and a lot of other very tricky stuff that gives me a pain in the ass (p. 97).

1.3. Слот «Внешний вид»

Метафоры внешнего вида — *dirty*, *putrid* передают фальшивое исполнение. Ср.:

One of them played the piano — strictly *lousy* — and the other one sang, and most of the songs were either pretty *dirty* or in French (p. 164).

2. Фрейм-источник «Темперальный образ»

Импровизационное развитие основной темы (сленг. *lick*) на кларнете исполняется слишком эмоционально и воспринимается героем как горячий лед. Ср.:

...she thought Buddy Singer's poor old beat-up clarinet player was terrific when he stood up and took a couple of *ice-cold hot licks* (p. 87).

3. Фрейм-источник «Обонятельный образ»

Звуки фортепиано уподобляются неприятному запаху, отталкивая Холдена. Ср.:

He played the piano *stinking*, if you want to know the truth (p. 176).

Исследуя метафоры со сферой-магнитом «Музыка», приведем количественные данные метафор с основными фреймами-источниками. Ср.:

Таблица 1

Фреймы-источники метафор со сферой-магнитом «Музыка»

Фрейм-источник	Общее кол-во метафор
Зрительный образ	10
Темперальный образ	2
Фрейм-источник	Общее кол-во метафор
Обонятельный образ	2
Общее кол-во метафор	4

Таким образом, в основе восприятия музыкального звучания Холдена Колфилда лежит

чувственное восприятие. При этом доминирует зрительный образ, что обусловлено антропоморфным аспектом: посредством зрения человек получает до 90% информации.

Подросток Холден Колфилд использует также метафоры со сферой-источником «Музыка», которые, напротив, позволяют описать окружающий мир через музыкальные ассоциации. Чаще всего посредством таких метафор в романе описывается внешний облик человека.

1. Фрейм-источник «Музыка»

1. Слот «Певческий голос»

Звучание голоса однокурника Холдена передается как высокий певческий голос. Ср.:

He started laughing in this very high falsetto voice (p. 28).

2. Слот «Музыкальный инструмент»

Холден описывает свою спину как старинный музыкальный инструмент, предшественник клавирина и фортепиано. Возможно, Холден путает однокоренные слова — «clavichord» и «spinal chord». Ср.:

«The thing is, I had an operation very recently».

«Yeah? Where?»

«On my wuddayacallit — my *clavichord*».

«Yeah? Where the hell's that?»

«The *clavichord*?» I said. «Well, actually, it's in the spinal canal...» (p. 112).

Несмотря на то, что метафоры со сферой-источником «музыка» немногочисленны, они свидетельствуют об эстетическом восприятии героя.

Следует обратить внимание на коннотативную окраску метафор со сферой-магнитом и сферой-источником «Музыка».

Таблица 2

Коннотативная окраска метафор со сферой-магнитом и сферой-источником «Музыка»

Коннотативная окраска	Метафоры со сферой-магнитом «Музыка»	Музыка со сферой-источником «Музыка»
Отрицательная	12	—
Положительный и нейтральная	2	4
Общее кол-во метафор	14	4

Таким образом, согласно результатам табл. 2, музыка, которую слышит Холден Колфилд, вызывает неприятные ощущения, а в некоторых случаях раздражает героя, тогда как образы окружающего мира, выраженные через музыкальные

ассоциации, наделяются нейтральной или положительной окраской. Возможно, это указывает на то, что главный герой обладает определенным музыкальным вкусом и не равнодушен к музыкальному искусству. Всем своим существом интуитивно он сторонится того низкопробного музыкального звучания, которое слышит в повседневной жизни.

Список литературы

1. Минский М. Фреймы для представления знаний — М.: Энергия, 1979. — 342 с.
2. Сэлинджер Д. Над пропастью во ржи. — СПб.: Антология: КАРО, 2006. — 288 с.
3. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 248 с.

К. А. Керер (Челябинск, Россия)

РЕАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗА ПРОФЕССИОНАЛА В ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РОМАНАХ Д. ЛОДЖА

The article dwells on the lingvocultural image of «professional», the basis of the study being the industrial novels by D. Lodge.

Keywords: *lingvocultural image, professional, concept, the core of concept, conceptual zone around the core, the periphery of concept.*

В ряду лингвокультурных концептов выделяются ментальные образования, содержанием которых являются обобщенные типы личностей. Исследователи уделяют особое внимание изучению лингвистической персонологии (В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, В. П. Нерознак), занимающейся проблемами взаимоотношения языка и личности.

В данном исследовании мы приняли следующее рабочее определение понятия «лингвокультурный образ»: это узнаваемый вымышленный или реальный типизируемый персонаж, обладающий национально-культурной значимостью, стереотипизируемыми характеристиками, реализуемыми на лексическом и дискурсивном уровнях.

Анализ особенностей вербализации лингвокультурного образа профессионала начнем с ядра данного концепта, представленного существительными *expert* и *specialist*.

«Expert — a person who is very knowledgeable about or skilful in a particular area» [OxfordDictionary (En-En) (для ABYY Lingvo x5) Oxford Dictionary of English, 3rd Edition. 2010].

«Well, I am supposed to be an *expert* on the industrial novel» [Lodge 1989: 95]. «Понимаешь, меня считают настоящим экспертом в области рабочего романа» [Лодж 2004б: 93].

«Specialist — a person who concentrates primarily on a particular subject or activity; a person highly skilled in a specific and restricted field» [OxfordDictionary (En-En) (для ABYY Lingvo x5) Oxford Dictionary of English, 3rd Edition. 2010].

«Do I infer that you are a *specialist* in the work of T.S.Eliot?» [Lodge 1993: 200]. «А вы, насколько я понял, специалист по Т. С. Элиоту?» [Лодж 2004а: 99].

Перейдем к анализу приядерной зоны концепта «профессионал».

Качество выполненной профессионалом работы представлено следующими словосочетаниями:

- работать с полной отдачей (to work hard): «She and Charles *worked hard* and, despite the fact that they were pursuing the same course, without rivalry» [Lodge 1989: 45]. «Они с Чарльзом трудились в поте лица, причем без всякого намека на соперничество, хотя должны были сдавать один и тот же материал» [Лодж 2004б: 43];
- умело справляться с обязанностями (to perform smb.'s share of duties efficiently): «She *performed her share of administrative duties efficiently*» [Lodge 1989: 52]. «Она умело справлялась и с административными обязанностями» [Лодж 2004б: 50];
- быть поглощенным своей профессией (to be preoccupied with work): «They were both busy people, *preoccupied with their work* — Robyn with her supervisions and the completion of her PhD, Charles with the demands of his new job...» [Lodge 1989: 56]. «Они люди занятые, поглощенные профессией: Робин преподавала и трудилась над диссертацией, Чарльз все свое время отдавал новой работе» [Лодж 2004б: 54];
- с энтузиазмом приступать к выполнению поставленной задачи (to settle enthusiastically

to the task): «She got a contract to turn her thesis on the Industrial Novel into the book, and *settled enthusiastically to the task*» [Lodge 1989: 48]. «Затем Робин получила контракт на превращение ее исследований рабочего романа в книгу и с энтузиазмом приступила к выполнению поставленной задачи» [Лодж 2004б: 46];

- быть довольным работой (to be happy in job): «Yes, I don't earn much money, but I'm *happy in my job*» [Lodge 1989: 115]. «Мне мало платят, но я счастлива своей работой» [Лодж 2004б, с. 112];

- работать с радостью (to be glad to work): «Those women are *glad to work* here — go and ask them if you don't believe me» [Lodge 1989: 120]. «Эти женщины работают здесь с радостью. Не верите — спросите у них» [Лодж 2004б: 126];

- любить свою работу (to enjoy work): «I thought you *enjoyed your work*» [Lodge 1989: 126]. «Я думал, вы любите свою работу» [Лодж 2004: 124];

- быть занятым (to have plenty of work): «She *had plenty of work*: her teaching, her research, her administrative duties in the Department» [Lodge 1989: 214]. «И работы у нее было хоть отбавляй: преподавательская, научная, а на кафедре еще и административная» [Лодж 2004б: 210];

- уметь проявить себя (to be able to make one's mark): «She was confident that she could *make her mark* on the Rumridge Department in three years» [Lodge 1989: 52]. «Уж за три-то года она себя проявит» [Лодж 2004б: 50];

- нуждаться в работе для чувства самоуважения и самоудовлетворения (need to work for self-respect): «They may moan about it every Monday morning, they may agitate for shorter hours and longer holidays, but they *need to work for their self-respect*» [Lodge 1989: 126]. «Они могут жаловаться каждый понедельник, мечтать о сокращении рабочего дня и продлении выходных, но для самоуважения им необходимо трудиться» [Лодж 2004б: 123].

К оценочным эпитетам, вербализующим образ профессионала в производственных романах Д. Лоджа, относятся:

- способный (bright): «Though urged by the school to apply for a place at Oxbridge, she choose instead to go to Sussex University, as *bright* young people often did in 1970s, because the new universities were considered exciting and innovatory places to study at» [Lodge 1989: 42]. «Несмотря на то, что ей было предложено место в Оксбридже, Робин предпочла уехать в Сассекский университет. В 1970-е годы так поступали многие способные молодые люди: новые университеты считались средоточием передовых взглядов и блестящего образования» [Лодж 2004б: 42];

- поглощенный профессией (preoccupied with work): «They were both busy people, *preoccupied with work* — Robyn with her supervisions and the completion of her PhD, Charles with the demands of his new job — and the thought of having to adjust to another partner, to study their interests and minister to their needs, wearied them in anticipation» [Lodge 1989: 56]. «Они люди занятые, поглощенные профессией: Робин преподавали и трудилась над диссертацией, Чарльз все свое время отдавал новой работе. Мысль о том, чтобы подстраиваться под партнера, жить его интересами и делать то, что нужно ему, у обоих вызвала раздражение» [Лодж 2004б: 54];

- хорошо подготовленный (well-trained), желающий работать (well-motivated): «...make a special effort in the coming year to show themselves responsive to the needs of industry, both in terms of collaboration in research and development, and the provision of *well-trained and well-motivated* graduates for recruitment to industry» [Lodge 1989: 85]. «...В будущем году приложить дополнительные усилия и показать, что они отвечают нуждам промышленности, выпуская хорошо подготовленных специалистов, желающих работать на производстве» [Лодж 2004б: 82];

- энергичный (dynamic): «Because you're the most *dynamic* MD in the division» [Lodge 1989: 88]. «Потому что ты — самый энергичный директор в нашей региональной группе» [Лодж 2004б: 86];

- умный (smart): «Very *smart*, earns more than I do» [Lodge 1989: 181]. «Очень умная, зарабатывает больше меня» [Лодж 2004б: 177];

- потрясающе начитанный (remarkably well-read): «You are a *remarkably* well-read young woman, Angelica, do you know that?» [Lodge 1993: 28]. «Должен вам сказать, Анжелика, вы потрясающе начитанная девушка» [Лодж 2004а: 15];

- образованный (educated): «She is an *educated* girl. She is doing a PhD» [Lodge 1993: 189]. «Вообще она девушка образованная. Пишет диссертацию» [Лодж 2004а: 94];

- ведущий специалист (leading figure): «A man whose life is a conscious story of modern criticism: born (as Arthur Klingelfischer) into the intellectual ferment of Vienna at the turn of the century, he studied with Shklovsky in Moscow in the Revolutionary period, and with I.A. Richards in Cambridge in the late twenties, collaborated with Jakobson in Prague in the thirties, and emigrated to the United states in 1939 to become a *leading figure* in the New Criticism in the forties and fifties, then had his early work translated from German by the Parisian critics of the sixties, and was hailed as a pioneer of structuralism» [Lodge 1993: 93—94].

«Этот человек, чья жизнь являет собой краткую историю современной литературной критики: родившись в начале века (под именем Артур Клингелфишер) в богатой идеями Вене, он вместе с Виктором Шкловским учился в революционной Москве, а в конце двадцатых — с А. Ричардсом в Кембридже, в тридцатые годы сотрудничал в Праге с Якобсоном, а в 1939 году эмигрировал в Соединенные Штаты, в сороковые и пятидесятые став ведущим литературным критиком. В шестидесятые годы его ранние труды были переведены с немецкого на французский, а сам он провозглашен одним из зачинателей структурализма» [Лодж 2004а: 46];

- инициативный (*enthusiastic*), энергичный (*energetic*), продуктивно работающий (*productive*): «She knew she was good, and it wasn't long before she privately concluded that she was better than most of her colleagues — more *enthusiastic, more energetic, more productive*» [Lodge 1989: 52]. «Робин знала, что она хороший преподаватель, а незадолго до описываемых событий пришла к выводу, что она лучше большинства своих коллег — более инициативна, более энергична, более плодотворна» [Лодж 2004б: 50];

- прирожденный педагог (*born teacher*): «You are a *born teacher*. You go around the world putting people straight, and instead of resenting it, they are grateful» [Lodge 1989: 246]. «Ты прирожденный педагог. Всех вокруг заставляешь стоять по стойке смирно, и вместо того, чтобы обижаться или возмущаться, люди проникаются чувством глубокой признательности» [Лодж 2004б: 241];

- одаренный, настоящий, прирожденный (*natural teacher*): «You are a *natural teacher*. That stuff about metaphor and metonymy, for instance. I see them all over the shop now. TV commercials, colour supplements, the way people talk» [Lodge 1989: 355]. «Ты прирожденный педагог. Вот, например, твоя лекция про метафору и метонимию. Теперь я слышу все это по телевизору, в журналах, в том, как разговаривают люди» [Лодж 2004б: 349].

- известный (*distinguished*): «He is a very *distinguished* theologian» [Lodge 1989: 343]. «Это очень известный теолог, — сказала Робин» [Лодж 2004б: 338];

- многообещающий (*very prolific*): «Actually, Gordon Masters had decided to back Philip for the Euphoria Exchange because he wanted to give a Senior Lectureship to a considerably younger member of the Department, a *very prolific* linguist who was being tempted by offers from the new universities, and it would be less embarrassing to do so while

Philip was absent» [Lodge 2007: 25]. «На самом же деле Гордон Мастерс решил поддержать кандидатуру Филиппа, желая перевести в старшие преподаватели куда более молодого сотрудника факультета — многообещающего лингвиста, которого давно заманивали к себе новые университеты, и передать ему эту ставку в отсутствие Филиппа было бы куда проще» [Лодж 2000: 10];

- блестящий преподаватель, у которого есть чему поучиться (*brilliant, stimulating*): «Zapp described as vain, sarcastic and a mean grader, but *brilliant and stimulating*» [Lodge 2007: 68]. «Цаппа считают самодовольным, злым на язык и скупым на хорошие оценки, но вместе с тем блестящим преподавателем, у которого есть чему поучиться» [Лодж 2000: 32];

- упрямый, практичный, расчетливый (*hard-headed*): «He was industrious, ambitious and *hard-headed*» [Lodge 2007: 219]. «Он был трудолюбив, тщеславен и упрям» [Лодж 2000: 109];

- усталый (*tired*): «He kept the flat tidy while Robyn was out doing good works, and always had a cup of cocoa or a bowl of soup ready for her when she returned home, *tired* but invariably triumphant» [Lodge 1989: 45]. «Он поддерживал чистоту в квартире, пока Робин занималась благими делами. Чашка какао или тарелка супа всегда были наготове к триумфальному возвращению усталой Робин» [Лодж 2004б: 43];

- многоплановый специалист (*the most versatile*): «Lily is one of our *most versatile* employees» [Lodge 1993: 193]. «Лили — одна из самых многоплановых наших артисток» [Лодж 2004а: 96];

- хороший специалист (*good*): «This does not disturb her self-confidence; a *good* teacher, like a good actress should not be immune from stage fright» [Lodge 1989: 41]. «Впрочем, это несколько не занижает ее самооценку: хороший преподаватель, как и хороший актер, не должен быть свободен от страха перед сценой» [Лодж 2004б: 39];

- самый лучший (*the best*): «We want to show them the best» [Lodge 1989: 88]. «А мы хотим показать им лучшее» [Лодж 2004б: 86].

Отношение к профессионалу определяется следующими составляющими:

- профессионал весьма уважаем (*to be highly respected*): «He was a full professor at one of the most prestigious and desirably located universities in America, and had already served as a Chairman of his Department for three years under Euphoric State's rotating system; he was a *highly respected* scholar with a long and impressive list of publications to his name» [Lodge 2007: 43—44]. «Он имел полное профессорское звание в одном из самых престижных

американских университетов, к тому же расположенном в райском уголке, и уже три года просидел заведующим кафедрой в соответствии с принятой в штате Эйфория системой ротации персонала. Он был весьма уважаемым исследователем и имел длинный и внушительный список публикаций» [Лодж 2000: 19];

- профессионала ценят коллеги (to be highly valued by colleagues): «Three years didn't seem such a long time when one of them had elapsed, and although Robyn was satisfied that she was *highly valued by her colleagues*, the talk at the University these days was all of further cuts, of tightening belts, deteriorating staff-student ratios» [Lodge 1989: 53—54]. «И хотя Робин была довольна тем, что коллеги ее ценили, в университете в те дни продолжали говорить о грядущих сокращениях, о том, что придется затянуть пояса, и о том, что на одного преподавателя приходится все больше студентов» [Лодж 2004б: 51—52];

- профессионал воплощает собой определенное ремесло (to personify the whole profession): «I think to many people he kind of *personifies the whole profession* of academic literary studies» [Lodge 1993: 119]. «Я думаю, для многих он воплощает собой наше академическое ремесло» [Лодж 2004а: 60];

- профессионал является незаменимым работником (indispensable): «I thought he was *indispensable*» [Lodge 1989: 332]. «Я думала, он незаменим» [Лодж 2004б: 326];

- в знаниях и помощи профессионала нуждаются (to be dependent on smb's know-how): «She had worked for Pringle's for years, and Vic was heavily *dependent on her know-how* while he eased himself into the job» [Lodge 1989: 35]. «Ширли много лет работала на «Принглс», и Вик очень нуждался в ее знаниях и помощи, когда входил в курс дела» [Лодж 2004б: 33].

Рассмотрим характеристики образа профессионала, переданные соматизмами:

- мозг, постоянно занятый мыслительной деятельностью (busy brain): «...he seldom enters an aircraft without wondering with one part of his *busy brain* whether he is about to feature in Air Disaster of the week on the nation's TV networks» [Lodge 2007: 10]. «...Он частенько поднимается по трапу самолета с мыслью о том, не будет ли его имя фигурировать в еженедельном телевизионном выпуске «Жертвы авиакатастроф» [Лодж 2000: 3];

- зоркий взгляд (keen eye): «In the Department meetings that discussed draft question papers he was much feared by his colleagues because of his *keen eye* for the ambiguous rubric...» [Lodge 2007: 17].

«На заседаниях кафедры, посвященных обсуждению экзаменационных билетов, коллеги опасались его зоркого взгляда, разом замечавшего неоднозначные заголовки...» [Лодж 2000: 6];

- умелые руки (capable hands): «I 'll leave you in Robyn's *capable hands*, then, Mr. Wilcox» [Lodge 1989: 332]. «В таком случае, мистер Уилкоккс, передаю вас в умелые руки Робин» [Лодж 2004б: 326].

К одному из способов вербализации лингвокультурного образа профессионала в производственных романах Д. Лоджа можно отнести образные сравнения:

Профессионал в ходе выполнения производственных задач сравнивается с садовником (like a fussy gardener tidying a flower bed): «Bob Busby is still busy at his bulletin board, rearranging old notices around the new one, *like a fussy gardener tidying a flower bed*» [Lodge 1989: 66]. «Боб Басби все еще возится у доски объявлений, прикалывая старые бумажки вокруг новой. Он похож на садовника, пересаживающего цветы на клумбе» [Лодж 2004б: 64].

Рассмотрим периферийную зону исследуемого концепта.

Метафорическое осмысление лингвокультурного образа профессионала выражается следующими репрезентациями:

- король среди людей, объединенных одной профессией (king among literary theorists): «A *king among literary theorists*» [Lodge 1993: 119]. «Король среди литературоведов» [Лодж 2004а: 60];

- известный деятель (star of the profession): «Within a very short time they had established that none of the *stars of the profession* was in residence — no one, indeed, whom it would be worth travelling ten miles to meet, let alone the hundreds that many had covered» [Lodge 1993: 4]. «Почти сразу стало ясно, что в местном университете нет ни одного известного ученого, ради которого стоило отправляться в дорогу за десятки, а то и сотни километров» [Лодж 2004а: 2];

- завсегдатай конференций (veteran of the conferences): «To *veterans of the conferences* held in British provincial universities, these were familiar discomforts and, up to a point, stoically accepted; as was the rather inferior sherry served at the reception (a little-known brand that seemed to protest too much its Spanish origins by the lurid depiction of a bullfight and a flamenco dancer on the label); as was the dinner which awaited them afterwards — tomato soup, roast beef and two vegetables, jam tart with custard — from every item of which all trace of flavor had been conscientiously removed by prolonged cooking

at high temperatures» [Lodge 1993: 5]. «Для ветеранов конференций, проводимых в британских провинциальных университетах, подобные неудобства были привычны и, при известной доле стоицизма, приемлемы; то же касалось и низкосортного хереса, которым угощали на приеме (это была малоизвестная марка, нахально заявлявшая о своей испанской подлинности аляповатой этикеткой с изображением корриды и танцоров фламенко), а равно и ужина, ожидавшего их впоследствии: супа-пюре из помидоров, жареной говядины с отварными овощами двух видов и пирога с повидлом, облитого заварным кремом, — все блюда посредством длительной обработки при высокой температуре были намеренно лишены присущих им запаха и вкуса» [Лодж 2004а: 2];

- Франкенштейн, колдун (Frankenstein, or some kind of wizard): «His eyes gleamed with a kind of manic glee, like he was *Frankenstein, or some kind of wizard*, as if he had me locked up in that flat metal box» [Lodge 1993: 183]. «При этом его глаза сверкнули безумным блеском, как у Франкенштейна или какого-нибудь колдуна, который запер меня в этой плоской металлической коробке» [Лодж 2004а: 90].

При описании образа профессионала используются лексические единицы

- *a real groovy*: «Like he is *a real groovy* teacher and his classes are very popular» [Lodge 2007: 67]. «Он клевый преподаватель и на его лекциях всегда полно народу» [Лодж 2000: 31];

- *to be gaga about*: «Well, as you probably know, this Dempsey character is *gaga about* computers» [Lodge 1993: 183]. «Так вот, ты, наверное, знаешь, что этот фрукт Демпси помешан на компьютерах» [Лодж 2004а: 90].

Подводя итог вышеприведенному анализу репрезентаций лингвокультурного образа профессионала, мы приходим к следующим выводам: исследуемый концепт представляет собой полевое образование с ядром, вербализованным существительными *specialist* и *expert*, приядерной

зоной, репрезентированной характеристик, построенными на основе образных сравнений (like a fussy gardener tidying a flower bed), соматизмов (busy brain, keen eye, capable hands), оценочных эпитетов (bright, preoccupied with work, well-trained, well-motivated, dynamic, remarkably well-read, educated, leading figure, enthusiastic, energetic, born teacher, natural teacher, distinguished, very prolific, brilliant, stimulating, hard-headed, tired, the most versatile, good, the best), актуализации критерия качества выполненной работы (to work hard, to perform smb.'s share of duties efficiently, to be preoccupied with work, to settle enthusiastically to the task, to be happy in job, to be glad to work, to enjoy work, to have plenty of work, to be able to make one's mark, need to work for self-respect), отношения к профессионалу (to be highly respected, to be highly valued by colleagues, to personify the whole profession, indispensable, to be dependent on smb.'s know-how), а также периферийной зоной, вербализованной разговорными выражениями, относящимися к неофициальным стилистически окрашенным репрезентациям: king among literary theorists, star of the profession, veteran of the conferences, Frankenstein, or some kind of wizard, a real groovy, to be gaga about.

Список литературы

1. Лодж Д. Академический обмен. — М.: Независимая газ., 2000. — 543 с.
2. Лодж Д. Мир тесен. — М.: Независимая газ., 2004а. — 432 с.
3. Лодж Д. Хорошая работа. — М.: Независимая газ., 2004б. — 384 с.
4. АBBYY Lingvo x5: Электронный словарь. Вып.: 15.0.511.0 Артикул: 981/1. 2011 АBBYY.
5. Lodge D. Changing Places: — Penguin Books Ltd. — 2007. — 256 p.
6. Lodge D. Nice Work.: — Penguin Books Ltd. 1989. — 384 p.
7. Lodge D. Small World: An Academic Romance: — Penguin Books Ltd. 1993. — 478 p.

Г. А. Ким (Калининград, Россия)

АРГУМЕНТАТИВНЫЙ ДИСКУРС В ЯЗЫКЕ МАРКЕТИНГА

This paper deals with an analysis of argumentative discourse on the topic of marketing. German articles discussing the features of argumentative tactics in "Marketing" are shown.

Keywords: *argumentative discourse, argumentative tactics, argumentative strategies, marketing.*

Целью данной статьи является попытка исследовать особенности аргументативного дискурса на материале текстов маркетингового характера. Для достижения данной цели мы ставим следующие задачи: 1) дать определение основным понятиям: маркетинг, аргументативный дискурс, аргументативная стратегия, аргументативная тактика; 2) показать особенности тактик контрастивного (сопоставительного) анализа и указания на перспективу в немецком аргументативном дискурсе.

По мнению А. Н. Баранова и В. М. Сергеева, аргументативный дискурс включает «в качестве основного компонента тексты на естественном языке, призванные повлиять на сознание одного или нескольких участников коммуникации в нужную для говорящего сторону» [Баранов, Сергеев 1988: 105]. Это определение как нельзя лучше подходит для дефиниции аргументативного дискурса, так как именно тексты в большей степени влияют на сознание людей. Исходя из этого, мы понимаем под **аргументативным дискурсом** *монологическую или диалогическую речь в письменной / устной форме с целью убеждения кого-либо с помощью различных языковых средств в правильности / ошибочности, приемлемости / неприемлемости мнения, выбора, точки зрения, действия и т. п.*

Данная статья направлена на аргументативный дискурс в текстах области «маркетинг». «Различаются различные виды маркетинга — дифференцированный, конверсионный, концентрированный, массовый, противодействующий, стратегический, целевой и т. п. Маркетинг стратегический — изучение соотношения между внешними факторами и внутренними ресурсами, возможностями фирмы» [Райзберг 1999: 190]. На основе дефиниции мы можем утверждать, что главной задачей маркетолога является информирование, а затем и убеждение клиентов, коллег, конкурентов в своей правоте с целью продвижения на рынок того или иного продукта или товара.

Средством реализации аргументативного дискурса является язык аргументации, язык воздействия, особенности которого давно привлекали внимание ученых. Особенно интересен он для маркетологов в условиях рыночной экономики, они имеют четкие цели, преследуемые ими в процессе коммуникации с клиентами и носящие

выраженный стратегический характер. Таким образом, **аргументативная стратегия маркетологов** — это спланированная цель воздействия на аудиторию (потенциальных клиентов / коллег / конкурентов) для внесения возможных изменений в модель мира адресата или адресатов, которая направлена на стимулирование сбыта товаров, развития и ускорения обмена, привлечение клиентов и тем самым для получения прибыли. Соответственно, **аргументативные тактики** — это те языковые приемы, которые используются для реализации аргументативных стратегий, осуществляемые на уровне отбора языковых средств, направленных на достижение стратегических целей и задач.

Аргументативная стратегия в дискурсе области «маркетинг» выполняет особую функцию: она способствует осуществлению принятия решений по выбору того или иного товара, той или иной компании и т. д. Она выражается с помощью таких аргументативных тактик, как тактика контрастивного (сопоставительного) анализа, тактика указания на перспективу, тактика обоснованных оценок и тактика иллюстрирования. Мы остановимся подробнее на тактике контрастивного (сопоставительного) анализа и тактике указания на перспективу.

Тактика контрастивного анализа опирается на прием сопоставления, при этом сопоставляются факты, события, результаты, воспринимаемые получателем как убедительные аргументы.

Параметрами сопоставления являются темпоральные отношения, реже — пространственные. Е. П. Захарова при выделении коммуникативных категорий темпоральности и локальности указывает на то, что темпоральность включает в себя и ситуативно-речевое время, и время обсуждаемых событий, предшествующих данному событию, планируемых, прогнозируемых [Захарова 2001: 166].

В немецком аргументативном дискурсе большую роль для сопоставления того или иного факта играют временные глагольные формы.

Например: *Ein Vorstellungsgespräch kann also schon zu Ende sein, bevor man überhaupt das Büro des möglichen Arbeitgebers betreten hat.* (Итак, собеседование может уже закончиться, до того как зайдешь в бюро предполагаемого работодателя

[Privatsphäre online – Kein Ding der Unmöglichkeit Digitales Marketing <http://www.wuv.de/>].

Für die beiden Werber vom Prenzlauer Berg, die sich 1993 mit einer Kampagne für die ostdeutsche Club Cola (Slogan: «Hurra, ich lebe noch!») selbstständig machten, zeigt sich hier ein neuer Trend. (Для обоих специалистов по рекламе из Пренцлауер Берг, которые самостоятельно взялись в 1993 году за компанию восточно-германского клуба Cola (слоган: Ура, я еще живу!) начинается новый тренд [Lauter blaue Socken, Markt Ausgabe 13].

Большую роль по сравнению с русским аргументативным дискурсом играют календарные и статистические данные, которые используют для убеждения читателя.

Da das vergangene Jahr von wirtschaftlichen Nachrichten wie Rekordhaushaltsdefiziten, schwindelerregenden Arbeitslosenzahlen und dem Einbruch am Immobilienmarkt geprägt war, hätten die europäischen Verbraucher die Gesamtsituation ihres Landes Ende des Jahres auf einer Skala von eins bis zehn mit 4,2 Punkten bewertet. (Так как прошлый год был характерен такими экономическими новостями, как рекордный дефицит бюджета, головокружительные данные о количестве безработных и резкое падение на рынке недвижимости, европейские потребители оценили общую ситуацию своей страны в конце года по шкале от 1 до 10 в 4,2 балла [Kaufabsichten der Deutschen kreisen um Freizeit und Reisen www.absatzwirtschaft.de].

«Wie lassen sich Kundenbedürfnisse frühzeitig erkennen? Wie werden Innovationen wirtschaftlich entwickelt und umgesetzt und wovon werden wir morgen und übermorgen leben? Dazu werden Experten und Gäste Antworten geben und diskutieren». («Как можно распознать потребности покупателя заблаговременно? Как развиваются и внедряются инновации экономически, и на что мы будем жить завтра и послезавтра? На эти вопросы ответят и их обсудят эксперты и гости» [Internationales Zukunftsforum für Innovatoren www.absatzwirtschaft.de].

С помощью тактики указания на перспективу авторы пытаются дать прогноз развития событий в будущем. В немецком аргументативном дискурсе тактика указания на перспективу выражается прямой речью, дейктическими средствами (персональными дейктиками, как «мы», «я»), такими глагольными формами, как Конъюнктив I, помогающими передать высказывания других. Область употребления Конъюнктив I в грамматике немецкого языка выражается так: «Die indirekte Rede gibt die Aussage einer Person aus der Perspektive des

Sprechers wider, manchmal in verkürzter Form und mit etwas anderen Formulierungen». (Косвенная речь передает высказывание человека с точки зрения говорящего, часто в сокращенной форме и с немного измененной формулировкой) [Hall, Scheiner 2001: 119]. Например:

«Wir wissen, dass auch Amerika und die Westküste aktuell in der Krise stecken», sagt Stephan Urlings als geschäftsführender Gesellschafter und Leiter des Projekts USA, «wir haben in vielen persönlichen Gesprächen und psychologischen Studien aber die Überzeugung gewonnen, dass die USA die Krise meistern und wie gehäutet aus ihr hervorgehen werden.» Die Krise in Amerika bäte auch eine Chance für eine neue Marktforschung, die ein vertieftes Verständnis generiert und zu anderen und innovativen Marktideen führen könne. («Мы знаем, что Америка и западное побережье также находятся в состоянии кризиса», говорит Штефан Урлингс, ведущий партнер и руководитель проекта США, «но после многих личных переговоров и психологических исследований мы убеждены, что США справятся с кризисом и выйдут из него обновленными». Кризис в Америке предлагает также шанс для нового исследования рынка, которое создаст его более глубокое понимание и может привести к другим инновативным идеям на рынке [Rheingold expandiert auf amerikanischen Markt <http://www.absatzwirtschaft.de>].

Как видно из этого примера, автор передает высказывания ведущего специалиста, твердо убежденного в том, что Соединенные Штаты с честью выйдут из кризиса. Таким образом, у компаний будут большие шансы для продвижения своего товара на американском рынке. При этом используются перформативный глагол «говорить», краткое прилагательное «убежден» (в немецком языке он выражен именем существительным «убеждение»). Прямая речь с дейктиком «мы», и Конъюнктив I указывают на то, что данное выражение передает точку зрения данного специалиста на эту проблему.

Условно-предположительные отношения выражаются в немецком аргументативном дискурсе с помощью сложноподчиненных предложений, например:

Sehr viel stärker wirkt Werbung, wenn sie in ungewöhnlichen Umfeldern stattfindet, beispielsweise wenn Werbung für Bio-Joghurt an gesundheitsorientierte Nutzer auf Sportseiten ausgeliefert wird. (Намного сильнее реклама воздействует, если она происходит в необычной обстановке, например, если реклама био-йогурта передается на спортивных страницах

для ориентированных на здоровье пользователей [Intelligente Werbung lässt auf sich warten, Digitales Marketing <http://www.absatzwirtschaft.de>].

Таким образом, в немецком аргументативном дискурсе создание положительной перспективы создается с помощью речевых и синтаксических структур, с помощью формы Konjunktiv I авторы могут, не указывая на источник, показать, что данное высказывание выражает точку зрения какого-либо специалиста в той или иной области. В русском языке такой формы не существует.

Список литературы

1. Баранов А. Н., Сергеев В. М. Естественно-языковая аргументация в логике практического

рассуждения // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект. — М., 1988. — С. 104—119.

2. Захарова Е. П. Коммуникативные категории и нормы // Хорошая речь (гл. 5.1). — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. — С. 163—179.

3. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. — 2-е изд., испр. — М.: ИНФРА-М, 1999. — 479 С.

4. Hall K., Scheiner B. Übungsgrammatik für Fortgeschrittene. — Ismaning: Max Hueber Verlag, 2001. — 430 S.

С. Ю. Ким (Челябинск, Россия)

КРИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД РЕКОНСТРУКЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ РОК-ГРУППЫ «РАММШТАЙН» (на примере песенного текста «Seemann» альбома «Herzeleid»)

This article is dedicated to developing and using CDA method for reconstruction of social reality in the rock-group «Rammstein»'s lyrics discourse.

Keywords: *critical discursive analysis (CDA), conceptual metaphor (CM), CDA method, lyrics.*

Критический дискурсивный анализ (КДА) был разработан в середине 80-х годов XX века для изучения социального неравенства, несправедливости и процессов угнетения в обществе [Van Dijk 1993; Wodak, Meyer 2009]. Основным положением метода критического дискурсивного анализа можно считать утверждение, что текст и речь играют ключевую роль в освещении вышеуказанных процессов, и дискурсивный анализ используется как инструмент, чтобы выявить их [Van Leeuwen, Keith 2006; Van Leeuwen 2009]. Когнитивная лингвистика не нашла широкого применения в критическом дискурсивном анализе, практики которого предпочитали основывать исследования на более разработанных и простых в применении позитивистских теориях, предполагающих работу с грамматической и синтаксической организацией нарративов, нежели с концептами [Wodak, Chilton 2006; Wodak 2006]. Однако потребность в экстраполяции микромира отдельных текстов на макромир социума и социальной идеологии способствовала развитию социокогнитивного направления критического дискурсивного анализа [Van Dijk 1993], которое применяется в настоящем исследовании. Концептуальная метафора в рамках КДА

выступает в роли инструмента изучения культуры через язык и процессы познания, с ним связанные. Следовательно, концептуальная метафора представляется не просто как выразительное средство языка, но также определяется как элемент дискурса, включающий в себя универсальные паттерны (модели) [Hart 2008]. Следует отметить, что в этом понимании концептуальная метафора уже связана не с одним доменом, а с несколькими, что не противоречит определению концептуальной метафоры как выразительного средства, формализующего идею.

При анализе песенных текстов нами была разработана и применена модификация метода КДА, позволяющая реконструировать социальную реальность песенного дискурса немецкой рок-группы «Раммштайн» (на примере альбома «Herzeleid», 1994). Под модификацией метода критического дискурсивного анализа мы понимаем совокупность методов для анализа выразительных средств дискурса как языковых элементов концепта анализируемого явления (в контексте критического дискурсивного анализа лексема «метод» употребляется с достаточной степенью условности) [Van Dijk 1993]. Цель нашей модификации

метода критического дискурсивного анализа заключается в раскрытии социального конфликта, выраженного концептуальной метафорой.

Разработанная нами модификация метода критического дискурсивного заключается в работе над четырьмя пунктами:

1. Текстуальный анализ песенного текста.
2. Дискурсивный анализ песенного текста.
3. Выводы по текстуальному и дискурсивному анализам песенных текстов всего альбома.
4. Установление корреляции песенных текстов всего альбома с социальной реальностью.

В свою очередь каждый пункт модификации метода критического дискурсивного анализа требует выполнения следующих шагов:

1. Текстуальный анализ песенного текста:
 - 1.1. Определить тему нарратива в песенном тексте.
 - 1.2. Обозначить лирического героя в песенном тексте.
 - 1.3. Выявить все тропы в песенном тексте.
2. Дискурсивный анализ песенного текста:
 - 2.1. Обозначить субъекты социального конфликта в песенном тексте.
 - 2.2. Определить объект социального конфликта в песенном тексте.
 - 2.3. Реконструировать концептуальную метафору на основании темы нарратива и объекта социального конфликта каждого песенного текста.
3. Выводы по текстуальному и дискурсивному анализам текстов всего песенного альбома:
 - 3.1. Построение метафорических моделей определенного исследователем концепта.
 - 3.2. Установление корреляции песенных текстов всего альбома с социальной реальностью:
 - 4.1. Проанализировать прописанные социальные конфликты каждого песенного текста во взаимосвязи с исторической ситуацией (политической, экономической, социальной).

- 4.2. Обобщить результаты исследования.

При когнитивном анализе исключаются все ограничения, определяющие особенности традиционного структурного подхода, в том числе не только требования о принадлежности рассматриваемых элементов к одной лексико-семантической группе или хотя бы к одной части речи, но и ограничения, связанные с уровнями языка. В рамках единой системы мы рассматриваем собственно лексические единицы, фразеологизмы и их компоненты, а также другие воспроизводимые единицы (поговорки, афоризмы и т. п.). Нами анализируются не только собственно метафоры, но и другие тропы: метафорический эпитет, сравнение, ирония, гипербола, литота и т. п.

К разбору в данной статье согласно разработанной нами модификации метода критического дискурсивного анализа предлагается песня «Seemann» рок-группы «Раммштайн» (альбом «Herzeleid», 1994). В песенном тексте раскрывается тема смерти, отраженная ключевыми лексемами *Ende* (конец), *Boot* (лодка), *Herbst* (осень), *das Abendlicht* (вечерний свет), *Nacht* (ночь), *Kerze* (свеча). Обозначаются также группы лексем, описывающие природные явления *Sturm* (шторм), *die kalte See* (холодное море), *der Herbstwind* (осенний ветер), *Herbst* (осень) и временные рамки *das Tageslicht* (дневной свет), *das Abendlicht* (вечерний свет), *Nacht* (ночь), *Zeit* (время). Лирический герой представлен в образе *Ich* (Я), но по ходу повествования собеседник, которого лирический герой приглашает, чтобы разделить свою судьбу, занимает место лирического героя. Метафоры *komm in mein Boot* (иди в мою лодку) и *die kalte See* (холодное море) отсылают к греческой мифологии и к прообразу реки Лета — реки забвения подземном царстве Аида, бога смерти — и лодке, на которой перевозились души умерших людей. Лирический герой воссоздает образ сопровождающего в царство смерти. Песенный текст содержит природные метафоры *ein Sturm kommt auf* (надвигается шторм), *so uferlos die kalte See* (так безбрежно холодное море), *der Herbstwind haellt die Segel straff... fegt die Strasse leer* (осенний ветер туго натягивает парус), *es wird Herbst* (наступает осень) и временные метафоры *es wird Nacht* (наступает ночь), *das Tageslicht faellt auf die Seite* (дневной свет тускнеет), *das Abendlicht verjagt die Schatten* (вечерний свет прогоняет тени прочь), *die Zeit steht still* (время останавливается), *so gnadenlos ist nur die Nacht* (так безжалостна только ночь), которые в сочетании с глаголами изменения состояния и будущности создают атмосферу неизбежного приближения темного и трагичного конца, заключающего в себе одиночество. Одиночество как неизбежность прописывается метафорами *komm in mein Boot* (иди в мою лодку), *wer haelt deine Hand wenn es dich nach unten zieht* (кто держит твою руку, когда тебя тянет вниз), *jetzt stehst du an der Laterne* (теперь ты стоишь у фонаря), *das Feuer nimmst du von der Kerze* (ты снимаешь огонь со свечи), *sie sprachen nur von deiner Mutter* (они говорили только о твоей матери). Концепт «смерть» воссоздан в песенном тексте концептуальными метафорами «Я — одиночество» и «Ты — одиночество», которые отражают конфликт личности с самой собой и окружающей средой (обществом).

Личность в песенном тексте противопоставляется внешним силам. Проблемы личной безопасности и изменения климата стали доминировать в общественном дискурсе в 90-х годах XX века. Личная безопасность в массовом сознании увязывается с дневным светом (природной или божественной безопасностью), а позднее и с искусственным светом как символом безопасности, созданной руками человека. Отсутствие света — символ неизвестности. Так, наличие искусственного света вечером и ночью четко ассоциируется с заботой общества об индивидуальной безопасности, так как искусственный свет — продукт общества (в отличие от костра, который ассоциируется больше с природной стихией), и его исчезновение выражает мысль, что лирический герой покинут обществом на произвол стихии. Окружающая среда воссоздается цепочкой ключевых лексем «шторм-ночь-осень-вечер», которые создают атмосферу неизбежного приближения темного и трагичного конца. Автор использует природную метафору для описания неизбежности (фатума), отсылая к описанию стихии: *ein Sturm kommt auf* (надвигается шторм); *es wird Nacht* (наступает ночь); *so uferlos die kalte See* (так безбрежно холодное море); *der Herbstwind haellt die Segel straff* (осенний ветер натягивает паруса); *das Abendlicht verjagt die Schatten* (вечерний свет прогоняет прочь тени); *so gnadenlos ist nur die Nacht* (так беспощадна только ночь). Проблематика, связанная с изменением климата, имеет как глубокую историческую традицию в западногерманском обществе, выраженную в кельтской языческой религии (чередование сезонов), так и богатый современный контекст. К 1990-м годам, за 20 лет активного изучения последствий антропогенной деятельности, сложилось общественное мнение (зафиксированное в докладе Брудтландт) о неспособности отдельной группы людей противостоять природе, даже используя современные технические средства. Более того, использование современной техники является причиной климатической угрозы. Социальная драма в песенном тексте «Seemann» разворачивается на фоне неизбежности и угрозы, исходящей от природы. Группа онтологических метафор образует вторую цепочку слов-ключей: «нечто затягивает — время стоит — быть одиноким»: *wer haellt deine Hand, wenn es dich nach unten zieht* (кто держит твою руку, когда тебя тянет вниз); *die Zeit steht still* (время остановилось); *am Ende bleib ich doch alleine* (в конце я останусь один). Ключевые слова отражают развитие онтологического сюжета: познания роли личности во враждебной

среде. Покидаемый обществом лирический герой должен поддаться стихии, чтобы стать одиноким. Концепт «свет» коррелирует с «остановкой времени» — переломным моментом. Автор вновь использует простые и понятные архетипы, специфичные для европейской культуры: время и существование на земле. Время как онтологическая сущность занимает первое место в осмыслении европейским обществом самого себя. Социальный прогресс и появление нормирования труда и жизни каждого индивида заставляет нас воспринимать время как нечто динамическое. Нехватка времени может быть названа одной из самых частых причин стресса и самоубийств в Западной Европе. Остановка времени сама по себе воспринимается как отсутствие жизни, и воспринимается обществом со страхом. Тема «земного бытия», отраженная в песенном тексте «Seemann», отражает проблематику религиозного самосознания в европейском обществе. Из католической религии пришли популярные характеристики существования на земле: одиночество в ожидании милости Бога, искупление греха и страдание. При рассмотрении данной проблематики не следует забывать о гностической трактовке земли как чистилища, которая также оставила свой культурный след в формировании технической цивилизации.

Таким образом, роль концептуальной метафоры в песенном тексте заключается в том, чтобы сократить период когнитивного процесса восприятия песенного текста. Принадлежность к уровню дискурса определяется тем, что КМ является не только достоянием конкретного текста, в котором она существует, но также продуктом того общества, в котором она была порождена. Поэтому КМ всегда несёт на себе отпечаток культуры, истории, традиций и опыта того общества, в языковом и культурном пространстве которого она находится. Представленная нами модификация метода критического дискурсивного анализа развивает методы анализа концептуальных моделей. Описанная выше модификация развивает кросс-дисциплинарное научное знание, соединяя в себе положения социальной психологии, лингвистики и социологии. Синергия синтеза этих областей научных знаний позволяет обратить внимание на нелингвистические факторы, формирующие концептуальную метафору, которые присутствуют в дискурсе в виде аллюзий и коннотаций.

Список литературы

1. Fowler R. Language and control. — Routledge: Thoemms Press, 1979.

2. Hart C. Critical discourse analysis and metaphor: toward a theoretical framework // *Critical Discourse Studies*. — 2008. — V. 5 (2). — P. 91—106.
3. Van Dijk T. *Elite discourse and racism*. — London: Newbury Park, 1993.
4. Van Dijk T. *Principles of Critical Discourse Analysis*. *Discourse & Society*. — 1993. — V. 4 (2). — P. 249—283.
5. Van Leeuwen T., Keith B. *Critical Discourse Analysis* // *Encyclopedia of Language & Linguistics*. — Oxford: Elsevier, 2006. — P. 290—294.
6. Van Leeuwen T. *Discourse as the Recontextualization of Social Practice: A Guide. Methods for Critical Discourse Analysis*. — N. Y.: Sage Publications Ltd., 2009. — P. 144—161.
7. Wodak R., Chilton P. *A new agenda in (critical) discourse analysis: theory, methodology, and interdisciplinary*. — N. Y.: John Benjamins Publishing Company, 2005.
8. Wodak R., Meyer M. *Critical discourse analysis: history, agenda, theory. Methods for Critical Discourse Analysis*. — N. Y.: Sage Publications Ltd., 2009. — P. 1—33.
9. Wodak R. *Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA* // *Discourse Studies*. — 2006. — Vol. 8 (1) — P. 179.

Е. М. Клещенко (Челябинск, Россия)

МЕСТО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА В ТИПОЛОГИИ ДИСКУРСОВ

The object of publication is medical institutional discourse. In the article under consideration classifications of discourses of different authors from the realm of discourse-analysis have been examined, in particular typologies suggested by T. A. van Deijk, V. I. Karasik, M. A. Makarov and A. V. Olyanich. In the article not only linear classification of discourses is pointed out, but also hierarchical one. Hierarchical typology comprises different communicative components specific to the medical type of discourse in comparison with other types of institutional discourses.

Keywords: *discourse, classifications of discourses, medical institutional discourse.*

Несмотря на свою актуальность, в современной дискурсологии не существует общепринятой классификации дискурса. Наиболее сложной задачей является определение места медицинского дискурса в типологии дискурсов. Интересными с точки зрения медицинского дискурса являются типологии Т. А. ван Дейка, В. И. Карасика, М. А. Макарова и А. В. Олянич. Кроме того, в настоящее время многие ученые (Д. Хаймс, Х. Хенне и Х. Ребок) выделяют разновидности дискурса на основе компонентов социокультурной ситуации.

Зарубежный теоретик дискурса Т. А. Ван Дейк выделяет устный и письменный дискурс. Письменный дискурс ассоциируется с текстом как с письменной формой речи, устный — со звучащей, устной речью. Устный дискурс имеет ряд особенностей. Во-первых, в устном дискурсе порождение и понимание речи происходит синхронизированно. Во-вторых, устный дискурс быстрее в десять раз письменного дискурса. Кроме того, в устной речи имеет место явление фрагментации (в письменной речи это не так явно), деление речи на кванты. Устный дискурс подразумевает наличие контакта между адресантом и получателем во время передачи информации [Van Dijk 1998].

Отечественный учёный В. И. Карасик выделяет два типа дискурса: персональный (личностно-

ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) дискурс. В первом случае говорящий выступает как личность со своим богатым внутренним миром, во втором случае — как представитель той или иной социальной группы. Персональный дискурс подразделяется на две разновидности: бытовое и бытийное общение. Примером бытового общения может послужить общение между двумя друзьями или между мужем и женой. Под бытийным общением В. И. Карасик понимает общение между хорошо знающими друг друга людьми на небытовом уровне. Признаком институционального дискурса является статусная, представительская функция человека. Институциональный дискурс — это клишированная степень общения, когда адресат и адресант могут не знать друг друга, но должны общаться согласно нормам и ценностям данного общества. Ключевым моментом в институциональном дискурсе является общение двух людей, которые принадлежат различным социальным уровням: учитель и ученик, священник и прихожанин, следователь и подсудимый, врач и пациент [Карасик 1998]. Статусно-ориентированный дискурс представляет собой «речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом,

с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [Карасик 2002: 193].

М. Л. Макаров, сопоставляя разговорный и институциональный дискурс, отмечает в качестве характеристик институционального дискурса жесткую структуру при максимуме речевых ограничений, фиксированную мену коммуникативных ролей, меньшую обусловленность непосредственным контекстом, примат глобальной организации и ограниченное количество глобально определенных целей; в то время как речевой дискурс характеризуется ориентацией на процесс, минимумом речевых ограничений, свободной меной коммуникативных ролей, обусловленностью коммуникативным контекстом, приматом локальной организации и большим количеством локальных целей [Макаров 2003: 176].

В. И. Карасик выделяет большое количество подтипов в институциональном дискурсе. Применительно к современному общественному положению, он выделяет медицинский, политический, административный, религиозный, мистический, педагогический, рекламный, спортивный, юридический и другие дискурсы [Карасик 1998]. Он не исключает возможности дополнения списка институциональных дискурсов. Кроме того, он уделяет особое значение тому, что институциональный дискурс меняется в диахроническом аспекте. Например, во времена правления Екатерины II или Петра I в России можно выделить охотничий или придворный дискурс.

О. Ф. Русакова на основе сопоставления различных теорий дискурс-анализа выделяет следующие дискурс-объекты: дискурсы повседневного общения, институциональные, публичные, политические, маркетинговые, академические, культурно-мировоззренческие, медиа-дискурсы, арт-дискурсы, дискурсы деловых коммуникаций. Среди видов институционального дискурса она называет административный, офисный, банковский, педагогический, медицинский, армейский, церковный [Русакова 2006: 27].

А. В. Олянич, опираясь на теорию иерархии потребностей Маслоу, выделяет бытовой дискурс (потребность в продолжении рода), глуттонический дискурс как инструкции по добыче, обработке и приготовлении пищи (потребность в поддержании жизни), деловой дискурс и воровской дискурс (потребность в материальных благах), информационный и компьютерный дискурс (потребность в информированности), политический

дискурс (потребность во власти), религиозный и теологический дискурс (потребность в вере), юридический и военный дискурс (потребность в равенстве социальных прав и в обеспечении собственной безопасности), педагогический и научный дискурс (потребность в передаче знаний и информации), профессиональный дискурс (потребность в передаче навыков и умений), художественный, сказочный, фикциональный дискурсы (эстетические потребности), медицинский дискурс (потребность в охране здоровья), ритуальный и управленческий дискурс (потребность в обеспечении социального порядка), юмористический дискурс (потребности в снятии индивидуального и социального психологического напряжения), риторический дискурс (потребности в аргументации), презентационный и педагогический дискурсы (потребности в самопрезентации) [Олянич 2004: 51].

В связи с тем, что современное коммуникативное пространство характеризуется особым разнообразием, связанным с сосуществованием многих коммуникативных сфер, таких как политическая, медицинская, педагогическая, научная сфера, целесообразным является выделение множества дискурсивных типов, демонстрирующих свои уникальные специфические особенности. М. Л. Макаров замечает, что в настоящее время многие ученые классифицируют различные дискурсы на основе компонентов социокультурной ситуации общения. Обычно тип дискурса обуславливается участниками коммуникации, коммуникативными целями, установками, коммуникативной средой, в которой функционирует. Д. Хаймс выделяет восемь коммуникативных компонентов, объединив их в один акроним *speaking* — «обстановка» и «сцена»; участники общения; «результат» и «цели»; «последовательность коммуникативных действий»; «ключ» — психологическая, эмоциональная тональность; «каналы» передачи информации; «нормы»; речевые «жанры» [Макаров 2003: 208]. Немецкие авторы выделяют такие коммуникативные переменные в дискурсе, как жанр разговора; пространственно-временные отношения; состав участников; степень официальности, тип социальных отношений; направленность коммуникативных действий; степень знакомства; фиксированность темы [Henne, Rehbock 1982: 32].

Нами рассмотрено положение медицинского дискурса в типологии дискурсов различных авторов, включая Т. А. ван Дейка, В. И. Карасика, М. Л. Макарова, О. Ф. Русакову. Кроме того, медицинский дискурс изучен в специфике его

конститутивных признаков. В качестве основной классификации компонентов дискурса выбраны дискурсивные коммуникативные переменные немецких авторов Х. Хенне и Х. Ребок.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что Т. А. ван Дейк относит медицинский дискурс к устному типу, так как он подразумевает наличие контакта между пациентом и врачом и их дальнейшее вовлечение в ситуацию. По В. И. Карасику, М. Л. Макарову и О. Ф. Русаковой медицинский дискурс относится к институциональному типу дискурса, так как подразумевает общение между двумя различными социальными группами. В типологии А. В. Олянич медицинский дискурс определяется потребностью в охране здоровья. Согласно классификации дискурсивных коммуникативных компонентов Х. Хенне и Х. Ребок медицинский дискурс является естественным, поскольку не продуман заранее, чаще всего представляет собой общение «лицом к лицу» в диаде (межличностный диалог). Отношения между собеседниками асимметричны и полуофициальны, направленность коммуникативных действий — дискурсивная или аргумен-

тативная, по степени подготовленности коммуникантов — врач частично подготовлен в силу привычки или обычая, а пациент — неподготовлен, врач и пациент общаются в фиксированной тематической области.

Список литературы

1. Henne H., Rehbock H. Einführung in die Gesprächsanalyse. — Berlin; N. Y., 1982. — 272 p.
2. Van Dijk T. A. Ideology : A Multidisciplinary Approach. — London : Sage, 1998. — 384 p.
3. Карасик В. И. О категориях дискурса. — Волгоград : Перемена, 1998. — С. 185—197.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с.
5. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. — М. : Гнозис, 2003. — 280 с.
6. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса. — Волгоград : Парадигма, 2004. — 507 с.
7. Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ. — Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2006. — 177 с.

И. В. Кожухова (Челябинск, Россия)

ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ ВЕЖЛИВОСТЬ (на примере русскоязычного разговорного дискурса)

In the article the notions of positive and negative politeness are discussed; the common strategies of minimizing communicative pressure are given on the basis of the Russian language, though the efficiency of their usage in the chosen language is not taken into account.

Keywords: *communicative pressure, face-threatening speech act, negative politeness, positive politeness.*

Принципы вежливости Дж. Лича имеют много общего с теорией П. Браун и С. Левинсона. В основе их теоретической концепции лежит понятие общественного лица как самоуважения индивида. Существуют два основных желания, связанных с самоуважением или сохранением лица:

- 1) желание не испытывать помех в своих действиях (негативное лицо);
- 2) желание получить одобрение целей и намерений от других участников коммуникации (позитивное лицо).

Таким образом, каждая личность в процессе коммуникации обладает позитивным и негативным лицом. Эти желания определяют общие поведенческие стратегии смягчения угрозы самоуважению человека, а именно «позитивную»

и «негативную» формы вежливости («positive and negative politeness»). Негативная вежливость связана с предоставлением свободы человеку, позитивная вежливость — с демонстрацией единства и солидарности. И любое действие совершается с целью сохранить «лицо» или избежать «потери лица» [Карасик 1992: 76].

Существуют определённые средства для достижения желаемой цели. П. Браун и С. Левинсон выделяют 15 стратегий позитивной вежливости, перечислим самые основные:

1. Относись с пониманием к слушающему, к его интересам, желаниям и потребностям.
2. Преувеличивай интерес, одобрение, симпатию в адрес слушающего.
3. Ищи согласия.
4. Обеспечь общность интересов.

5. Шути.
6. Обеспечь знание говорящим нужд и желаний слушающего.
7. Обещай.
8. Будь оптимистом.
9. Обеспечивай взаимность (приводится по: [Шевченко 1999: 175]).

Основной характерной чертой стратегий позитивной вежливости является выражение солидарности говорящего со слушающим.

Список стратегий негативной вежливости П. Браун и С. Левинсона включает в себя следующие пункты:

1. Избегай прямых просьб, используй косвенные речевые акты.
2. Формулируй высказывания в смягчающей модальной упаковке.
3. Выражай пессимизм (т. е. сомневайся в том, что данная просьба выполнима).
4. Минимизируй возможный ущерб.
5. Проявляй уважение посредством принижения собственного положения и возвышения положения адресата.
6. Будь готов извиниться (объясни причины просьбы, констатируй возможные неудобства и нежелание помешать адресату).
7. Имперсонализируй участников общения (используй пассив, неопределенно-личные местоимения, безличные конструкции и т. д.).
8. Принятие на себя долга по отношению к адресату («Я Вам буду очень благодарен, если...») и т. д. (приводится по: [Карасик 1992: 78]).

Таким образом, в теории П. Браун и С. Левинсона личность, имеющая в распоряжении стратегии позитивной и негативной вежливости, способна сохранить неприкосновенность своего лица и лица своих собеседников во время коммуникации.

Используя концепцию «сохранение / потеря лица», П. Браун и С. Левинсон разрабатывают общую теорию, в которой обосновывают предсказуемость в реализации категории вежливости, исходя из оценки «весомости» речевого акта. Эта весомость определяется следующими факторами: различием в социальной дистанции и дистанции власти между говорящим и слушающим и трудоемкостью выполнения действия, связанного с угрозой потери лица.

Основная мысль данной теории заключается в положении, согласно которому, чем больше говорящий создает угрозу потери лица для слушающего (*Face Threatening Acts*), тем вежливее он будет говорить.

Концепция вежливости П. Браун и С. Левинсона широко применяется в исследовании речевых

взаимодействий, особенно тех, где речь идет об агрессивном речевом поведении, то есть ликоугрожающих речевых актов.

По мнению П. Браун и С. Левинсона, любой речевой акт может в той или иной степени угрожать лицу. Например, позитивному лицу могут угрожать критика, упрёки, насмешка, сарказм, оскорбление и т. д. Что касается негативного лица, то здесь в качестве угроз могут выступать «нескромные вопросы» или директивные речевые акты, такие как запрет и намёк.

Существуют различные стратегии минимизации негативного эффекта ликоугрожающих актов [Ларина 2003: 173]. Ниже, приводя примеры стратегий минимизации коммуникативного давления, хотим отметить, что целью данной статьи не был анализ нюансов использования выделенных стратегий. Примеры в настоящей статье служат лишь иллюстративным материалом. Также хотим отметить, что некоторые из стратегий не являются частотными и характерными для русскоязычной лингвокультуры:

— **Выражайтесь косвенно:**

На другой же день после этого разговора Белоярцев пошел погулять и, встречаясь с старыми своими знакомыми по жизни в мире, говорил:

— *А что вы к нам никогда не завернете? Заходите, пожалуйста* (Лесков 1993: 569)

Косвенное высказывание употребляется для создания более приятного климата общения. При соблюдении речевого этикета необходимо избегать эксплицитно перформативные речевые акты, которые могут быть восприняты слушающим как слишком грубые или настойчивые. Употребление косвенного высказывания в речевой деятельности дает нам возможность успешно варьировать языковую реализацию своих намерений и достигать понимания у слушающего.

— **Задавайте вопросы, будьте уклончивы:**

Содрогаясь от горя, Ипполит Матеевич все-таки спросил:

— *Почему же так дорого? Везде стоит сорок копеек!* (Ильф, Петров 1958: 48)

В условиях статусной асимметрии часто используются вопросительные и модальные конструкции, а также высказывания, содержащие условное наклонение.

— **Предоставляйте слушающему выбор, возможность не совершать действие:**

Не хочешь ли чаю покушать, Лиза? Съешь что-нибудь; ведь это я хозяйничаю (Лесков 1991: 81).

— **Будьте пессимистом:**

Может, какая-то фамилия знакомой оказалась? У вас ведь, если не ошибаюсь, семья московская, врачебная? (Рубина 2004: 223)

— **Используйте отрицательные конструкции:**

Я спросил у медика:

— *Нет ли работы у вас?* (Горький, 1956: 533);

— *Не пойдете ли няней, ко мне? У меня ребенок, восемь месяцев. Сидеть некому, положение тяжелое... А я... я вам шестьдесят рублей буду платить...* (Рубина 2004: 208)

Сомневаясь в возможности реализации действия, к которому говорящий побуждает собеседника, он тем самым уменьшает степень воздействия на него и помогает в случае необходимости отказаться от совершения этого действия.

— **Извиняйтесь и употребляйте маркеры вежливости:**

Профессор любезно обратился к Длинноволосому:

— *Простите, который сейчас час?* (Улицкая 2003: 229)

Согласно П. Браун и С. Левинсону в теории вежливости всякая личность характеризуется «лицом» — стремлением к тому, чтобы её действиям не мешали другие (негативное лицо), и чтобы её цели и намерения одобряли другие участники коммуникации (позитивное лицо). Каждая личность в коммуникации обладает позитивным и негативным лицом. В связи с этим различают «негативную» и «позитивную» фор-

мы вежливости. Негативная вежливость связана с предоставлением свободы человеку, позитивная вежливость — с демонстрацией единства и солидарности. И любое действие совершается с целью сохранить «лицо» или избежать «потери лица».

Список литературы

1. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М.: Ин-т языкознания АН СССР: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. — 330 с.
2. Ларина Т. В., Смит С. Обращение в английской коммуникативной культуре (в сопоставлении с русской) // Вестн. РУДН. Сер. «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». — М.: РУДН, 2003. — № 1. — С. 128—134.
3. Шевченко И. С. Проблемы динамики принципа вежливости в речевой коммуникации. — Харьков: Харьков. гос. ун-т, 1999. — 305 с.

Художественная литература

1. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. — М.: Моск. рабочий, 1956. — 656 с.
2. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой телёнок. — Алма-Ата: Казах. гос. изд-во худож. лит., 1958. — 550 с.
3. Лесков Н. С. Собрание сочинений: в 6 т. — М.: Экран, 1993. — Т. 4. — 638 с.
4. Рубина Д. На Верхней Масловке: повести и рассказы. — М.: ЭКСМО, 2004. — 336 с.
5. Улицкая Л. Даниэль Штайн, переводчик. — М.: ЭКСМО, 2008. — 528 с.

Л. Н. Лубожева (Челябинск, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОМ ЯЗЫКЕ

This article presents the semantic and phonetic peculiarities of economic words performance in general language.

Keywords: migration, special-purpose register, borrowing, general language, acronym, assimilation.

В последнее десятилетие в языковой системе совершаются значительные преобразования и главным образом в наиболее подвижной ее части — лексике. Происходит активизация процессов миграции лексем из одного языкового регистра в другой, в частности, переход профессиональных единиц в общелитературный язык.

Под миграцией терминов, вслед за Л. А. Морозовой, мы понимаем выход специальной единицы

за пределы узкотерминологического употребления [Морозова 1986: 17].

Попадание термина в иную функциональную среду сопровождается появлением ряда особенностей функционирования этих лексем вне специального регистра, например семантических.

Семантические особенности

Процесс перехода терминологической единицы в общелитературный язык зачастую идет по

пути выбора варианта деспециализированного термина из двух или более существующих. Под существованием нескольких вариантов специальных лексем мы подразумеваем, прежде всего, образование аббревиатурных вариантов термина и наличие заимствованных слов в общепотребительном языке.

Аббревиация экономических терминов. В современной лингвистике отмечается, что аббревиация стала одним из самых продуктивных способов пополнения словарного состава общепотребительного языка. Широкое использование различных сокращений — это своего рода ответная реакция на интенсивно развивающееся образование многокомпонентных терминологических словосочетаний (МКТС — термин заимствован у Л. Б. Ткачевой [Ткачева 1983: 32]) во всех специальных языках. Другими словами, язык немедленно реагирует на этот процесс производством компрессированных, экономичных форм. Сокращения тиражируются в общелитературном языке наравне с полными формами, а иногда и активнее, чем первоначальный несколькословный термин. Это происходит, прежде всего, потому, что из предложенных вариантов общепотребительный язык выберет тот, который соответствует принципу экономии языковой материи. И чем актуальнее и востребованнее отрасль науки и техники, тем более интенсивно идет развитие сокращенных форм специальных единиц, и, соответственно, пополнение общелитературного языка данными единицами.

В результате исследования экономических единиц, функционирующих в русском и английском общелитературном языках, в русском языке мы обнаружили следующие виды терминоаббревиатур: инициальные аббревиатуры (сокращение МКТС путем использования инициальных букв терминологических элементов): НДС — налог на добавленную стоимость, ООО — общество с ограниченной ответственностью, ЦБ — Центральный банк; усечения (сокращение МКТС путем опущения части термина или целого терминологического элемента): акциз — акцизная пошлина, бартер — бартерный обмен, инкассо — инкассирование. В отличие от русского в английском языке нами было выделено 5 видов сокращений: инициальные аббревиатуры: а) буквенные: F. B. (freight bill) — счет за фрахт, A-D (advance decline index) — показатель роста и падения акций, L. D. (letter of deposit) — залоговое письмо; б) звуковые: c. i. f. (cost, insurance, freight) — стоимость, страховка, фрахт, C. O. D. (cash on delivery) — уплата при доставке, N. A. R. (National Association of Realtors) — Национальная ассоци-

ация риэлтеров; усечения: def. (deficit) — дефицит, dis. (discount) — скидка, vac. (vacation) — отпуск; гибриды (сокращение МКТС путем сложения усеченного элемента и полнозначного слова, кроме того, возможно использование символических обозначений): T-bill (Treasury bill) — казначейский вексель, e-commerce (electronic commerce) — электронная коммерция, C4C (consumer for consumer) — «потребитель для потребителя» (система электронной коммерции), D/N (delivery note) — накладная; стяжения и контрактуры: а) стяжения (аббревиатурные образования, полученные в результате опущения средней части слова и стяжения его начального или конечного элементов): pm. (premium) — премия, gds (goods) — товары, bankcy (bankruptcy) — банкротство; б) контрактуры (аббревиатуры, образованные путем опущения некоторых букв и слогов и объединения оставшихся элементов): cml (commercial) — торговый, qlty (quality) — качество, сорт, cvt (convertible) — конвертируемый; терминоакронимы (сокращения, образованные из начальных элементов слов МКТС и сходные или совпадающие по своей форме с обычными словами): JOB (just over broke) — только что разорившийся, CAR (compound annual return) — накапливаемый годовой доход, PAYE (pay as you earn) — оплата в кредит.

Заимствование общелитературным языком специальных лексем сферы экономики. Внутрисоциальное развитие общества, разнообразные виды связей между разными народами, прогресс науки и техники, в частности, бурное развитие информационных технологий обусловили появление иноязычных заимствований. В русском языке выделяются следующие виды заимствований: оригинальное заимствование (заимствуются материальная форма слова и его значение): демпинг (damping) — бросовый экспорт, андеррайтер (underwriter) — гарант, фритредер (fee-trader) — человек, занимающийся беспошлинной торговлей; калькирование (заимствуется только значение): аренда (rent) — найм помещения, земельной площади во временное пользование, индемнитет (amends) — возмещение, компенсация, маклерство (brokerage) — посредничество; смешанное заимствование или гибриды (заимствуется одна часть лексемы, вторая переводится или уже существует в языке): денонсация (denouncement) — расторжение договора, эмиссия (emission) — выпуск бумажных денег; бизнес-леди (businesswoman) — женщина-предприниматель. Англицизмы, мигрируя в русский язык, постепенно включаются в русскую языковую систему,

испытывая на себе влияние этого языка. Так, нами было выявлено, что процесс заимствования экономических терминов английского языка сопровождается их ассимиляцией на фонетическом и лексическом уровнях.

Под ассимиляцией мы, вслед за С. В. Гриневым, понимаем максимальное сближение разных лингвистических характеристик лексемы с соответствующими нормами принимающего языка [Гринев 1993: 164]. Ассимиляция заимствований на фонетическом уровне осуществляется по принципу умеренного приспособления, в основе которого лежит сближение звуков, чуждых русскому языку, со звуками данного языка, путем замены первых артикуляционно близкими им русскими звуками: оферент (*offerer* ['ofəɾə]) — участник торгов, конвергенция (*convergence* [kən'və:dʒəns]) — сближение систем банковского регулирования, фрахтовщик (*freighter* ['freɪtə]) — судовладелец. На лексическом уровне ассимиляция осуществляется посредством образования деривационных рядов по словообразовательным правилам принимающего языка: *import* — импорт, импортный, импортер, импортировать, импортироваться, импортированный, импортация; *credit* — кредит, кредитовать, кредитоваться, кредитовый, кредитор, кредитоспособный, кредитно-денежный, кредитный.

Итак, к семантическим особенностям миграции экономических единиц в общеупотребительный язык относится расширение синонимических рядов за счет образования аббревиатурных вариантов и проникновения иноязычных лексем. Оба способа пополнения словарного состава общелитературного языка имеют свои отличительные черты. Так, несмотря на наличие терминоаббревиатур в обоих анализируемых языках, процесс сокращения шире распространен в английском языке, доказательством чего является существование разных видов данных единиц в общеупотребительном узусе английского языка. В русском языке мы часто встречаем заимствованные единицы (в частности, англицизмы) в неспециальном тексте. Этот способ обогащения русского языка сопровождается ассимиляцией чуждых лексем.

Список литературы

1. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М.: Моск. лицей, 1993. — 309 с.
2. Морозова Л. А. Особенности функционирования специальной лексики в неспециальной литературе // Современные проблемы в русской терминологии. — М.: 1986. — С. 107—123.
3. Ткачева Л. Б. Омский терминологический центр научно-технической литературы и документации // Научно-техническая информация. Сер. 2. — 1983. — С. 30—32.

О. М. Лунцова (Магнитогорск, Россия)

КОНЦЕПТ «МИР» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

The article deals with the concept 'peace' in the Russian and English linguistic consciousness. The paper advances lexicographic and association analysis, which results in revealing world image differences between the Russian and English cultures.

Keywords: *concept, peace, linguistic consciousness, association experiment.*

При исследовании концепта, которое включает не только анализ его непосредственного, смыслового содержания, но также анализ тех ассоциаций, которые возникают у носителей определенной лингвокультуры в связи с данным концептом, ассоциативный эксперимент, вскрывает психологическую структуру значений языковой единицы, представляющей имя концепта, а также позволяет описать реальную, а не искусственно смоделированную и «рафинированную» лексикографами структуру значения. Данный метод позволяет выявить многие дополнительные признаки концептов, обнаруживаемые в ассоциативных

связях слова [Попова 2002: 92]. Кроме того, ассоциативный эксперимент является продуктивным методом для изучения национального характера определенного народа, его ценностных ориентиров [Караулов 2000: 191], что является очень важным при исследовании концепта.

В данной работе концепт «мир» рассматривается в рамках сферы социальных отношений в связи с изучением смежных концептов «дружба» и «вражда».

В статье представлены результаты изучения концепта *мир* в ассоциативно-вербальной сети носителей русского и английского языков посредством

применения метода свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 100 русскоговорящих испытуемых (из них в возрасте от 20 до 30 лет — 42 %, от 30 до 40 лет — 36 %, от 40 до 60 лет — 22 %, студенты — 30 %, лица с высшим образованием — 70 %, мужчины — 52 %, женщины — 48 %) и 84 англоговорящих испытуемых (из них в возрасте от 25 до 30 лет — 45 %, от 30 до 40 лет — 30 %, от 40 до 60 лет — 25 %, лица с высшим образованием — 100 %, мужчины — 60 %, женщины — 40 %).

Ассоциативная статья в данной работе оформлена по принципу ассоциативной статьи, предложенной Ю. Н. Карауловым другим учеными в русском ассоциативном словаре [РАС 1994]:

МИР 100 — гармония 22; отсутствие войны (боевых действий) 19; лад 20; отсутствие вражды 17; дружба, дружественные отношения 15; спокойствие в стране 11; доброжелательность, взаимопонимание 9; согласие в доме (в семье), счастье 8; любовь 7; согласие, планета (Земля), большой 6; покой, абсолютный мир на планете (на Земле), природа, мир, труд, май 5; гармоничное сосуществование народов, благополучие, борьба за мир 4; дружба народов, единение против войны, круглый, во всем мире 3; интересы не пересекаются и нет смысла спорить (ничем друг другу не обязаны — живем мирно), радость, добрый, дружный, весна, голубое небо, существование, люди, хрупкий, внутренний мир 2; яркие краски; толерантность; будущее; примирение между людьми; веселье; все хорошо; прекрасен; светлый; я; целый; история; напряженная обстановка в мире; спорт; ценность; существо; огромный; красота; разный; удивительный; любопытный; умиротворение; тишина; общность; мирные отношения между народами; цветочный луг; окружающая человека действительность; никогда не наступит; добрые отношения между людьми; уверенность в завтрашнем дне; жвачка; без агрессии; доброта; мирно и ладно; возобновился; меняется; содружество; нужен всем; наслаждение жизнью; ровный; понимание; после войны; уверенность; глобальный; гармония с природой; взаимная любовь; беспокойный; огромный; душевное спокойствие 1;

280 + 86 + 0 + 51.

Обработка результатов свободного ассоциативного эксперимента позволяет интерпретировать полученные ассоциаты как отражение тех или иных концептуальных признаков исследуемого концепта. При этом сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщены в определенные семантические группы. Так, ассоциативная статья *мир* может быть представлена в виде следующих групп ассоциатов:

Ассоциаты, связанные с восприятием мира как отсутствия вражды (всего 20 %): отсутствие войны (боевых действий) 19; отсутствие вражды 17; спокойствие в стране 11; абсолютный мир на планете (на Земле) 4; интересы не пересекаются и нет смысла спорить (ничем друг другу не обязаны — живем мирно) 2; толерантность; примирение между людьми; без агрессии; после войны 1.

Ассоциаты, связанные с восприятием мира как гармонии и согласия в отношениях между людьми (всего 42,8 %): гармония 22; лад 20; дружба, дружественные отношения 15; доброжелательность, взаимопонимание 9; согласие в доме (в семье), счастье 8; любовь 7; согласие 6; гармоничное сосуществование народов, благополучие 4; дружба народов, единение против войны 3; дружный 2; толерантность; примирение между людьми; общность; мирные отношения между народами; добрые отношения между людьми; мирно и ладно; содружество; ровный; понимание; взаимная любовь 1.

Ассоциаты, связанные с участниками мирных отношений (всего 4,3 %): гармоничное сосуществование народов 4; дружба народов 3; люди 2; примирение между людьми; мирные отношения между народами; добрые отношения между людьми 1.

Ассоциаты, связанные со стремлением к миру (всего 2,8 %): борьба за мир 4; единение против войны 3; примирение между людьми 1.

Ассоциаты, связанные с абсолютизацией мира (всего 3,2 %): абсолютный мир на планете (на Земле) 5; во всем мире 3; глобальный 1.

Ассоциаты, связанные с чувствами и эмоциями (всего 7,5 %): счастье 8; любовь 7; радость; яркие краски; веселье; все хорошо; красота; наслаждение жизнью 1.

Ассоциаты, связанные с оценочными суждениями о мире и ожиданиями (всего 4,3 %): благополучие 4; напряженная обстановка в мире; ценность; никогда не наступит; будущее; уверенность в завтрашнем дне; доброта; нужен всем; уверенность 1.

Ассоциаты, связанные с восприятием мира как умиротворения, душевного покоя (всего 11,4 %): гармония 22; покой 6; умиротворение; тишина; ровный; душевное спокойствие 1.

Ассоциаты, связанные с восприятием мира как окружающей действительностью, природой (всего 7,8 %): планета (Земля) 6; природа 5; весна, голубое небо, люди 2; яркие краски; цветочный луг; окружающая человека действительность; жвачка; гармония с природой 1.

Оценочные ассоциаты, связанные с миром как окружающей действительностью, природой

(всего 9,6 %): большой 6; круглый 3; добрый, дружный, хрупкий 2; яркие краски; прекрасен; светлый; целый; огромный; красота; разный; удивительный; любопытный; меняется; беспокойный; огромный 1.

Ассоциаты, связанные с внутренним миром человека (всего 1,1 %): внутренний мир 2; я 1.

Представляется интересным сравнить данные ассоциативного эксперимента с семантическими признаками имени концепта «мир», представленными в лексикографических источниках. По данным толковых словарей, слово «мир» определяется следующим образом:

- 1) дружеские отношения [ТСУ];
- 2) согласие, отсутствие разногласий, вражды и ссоры [МАС, ТСУ, БТС];
- 3) отсутствие войны, вооруженных действий между государствами; согласное сосуществование государств, народов [МАС, ТСУ, БТС];
- 4) соглашение между воюющими сторонами об окончательном прекращении военных действий; мирный договор — «подписать мир», «договор о мире» [МАС, ТСУ, БТС];
- 5) покой, спокойствие [МАС, ТСУ, БТС].

Вполне очевидно, что все перечисленные семантические признаки нашли отражение в ассоциативной статье «мир». Другими словами, эти семантические признаки также могут служить наименованиями групп представленных ассоциатов. При этом необходимо отметить, что эксперимент выявил дополнительные признаки концепта «мир», которые отсутствуют в словарях: *согласие в доме (в семье), толерантность, понимание, взаимная любовь, доброта* и т. д. Кроме того, именно ассоциативный эксперимент позволяет зафиксировать оценки и ценности, а также ожидания испытуемых, связанные с изучаемым концептом на определенном этапе его формирования и развития. Например, в сознании испытуемых мир ассоциируется с *яркими красками, весельем, красотой, наслаждением жизнью*. Они дорожат миром и высказывают свое отношение: *ценность, никогда не наступит, будущее, уверенность в завтрашнем дне, нужен всем* и т. д.

В результате эксперимента с носителями английского языка, была составлена следующая ассоциативная статья «peace»:

PEACE 84 — harmony 16; absence of war 15; absence of strife (fight) 14; calm (tranquility, quiet, serenity) 12; tolerating differences 11; living in harmony, living side by side (coexistence), stopping aggression 8; war, neighbours, neighbourly, respect 7; stopping hostility, understanding, agreement 5; friendliness, friendship (friendly relations),

neutrality, not meddling (not interfering) 4; goodwill, negotiation, coming to agreement, joy 3; learning to get along, cooperation 2; something we should always strive for; Needs to be worked at slowly and with good intentions; bridge; finding ways to cooperate; peace will ensure the success of a nation; stopping quarrels and fistfights; Mankind must learn to live in peace if it is to survive; Most people get along with each other; Most nations are at peace; Peace is needed on earth and in space; nonviolence; eternal 1. **184 + 37 + 0 + 12.**

Приведенные реакции на стимул *peace* можно представить в виде следующих групп ассоциатов:

Ассоциаты, связанные с восприятием мира как отсутствия вражды, войны (всего 18,5 %): absence of war 15; absence of strife (fight) 14; neutrality 4; nonviolence 1.

Ассоциаты, отражающие стремление к миру (всего 24,5 %): tolerating differences 11; stopping aggression 8; stopping hostility 5; not meddling (not interfering) 4; negotiation, coming to agreement 3; learning to get along, cooperation 2; Something we should always strive for; Needs to be worked at slowly and with good intentions; bridge; finding ways to cooperate; stopping quarrels and fistfights; Mankind must learn to live in peace if it is to survive; Peace is needed on earth and in space 1.

Ассоциаты, связанные с представлением мира как гармонии и согласия в отношениях между людьми (всего 40,2 %): harmony 16; living in harmony, living side by side (coexistence) 8; neighbourly, respect 7; understanding, agreement 5; friendliness, friendship (friendly relations) 4; goodwill, joy 3; cooperation 2; Most people get along with each other; Most nations are at peace 1.

Ассоциаты, связанные с участниками мирных отношений (всего 2,2 %): peace will ensure the success of a nation; Mankind must learn to live in peace if it is to survive; Most people get along with each other; Most nations are at peace 1.

Ассоциаты, связанные с восприятием мира как покоя, умиротворения (всего 15,2 %): harmony 16; calm (tranquility, quiet, serenity) 12.

Ассоциаты, связанные с чувствами и эмоциями (всего 7,6 %): friendliness, neutrality 4; goodwill, joy 3.

Ассоциаты, связанные с оценочными суждениями о мире и ожиданиями (всего 3,3 %): something we should always strive for; Needs to be worked at slowly and with good intentions; Peace will ensure the success of a nation; Mankind must learn to live in peace if it is to survive; Peace is needed on earth and in space, eternal 1.

Сравним полученные данные эксперимента с данными лексикографических источников, согласно которым имя концепта «peace» имеет следующие значения:

1) the normal, nonwarring condition of a nation, group of nations, or the world; [RHWUD, MWCD, OALD] — «*After years of war, the people long for a lasting peace*»; a state or period of mutual concord between governments [MWCD];

2) cessation of or freedom from any strife [RHWUD, MWCD] or dissension [RHWUD];

3) an agreement or treaty to end hostilities (and abstain from further fighting or antagonism) between those who have been at war or in a state of enmity [RHWUD, MWCD, OALD] — «*to sign peace*»;

4) harmony in personal relations [RHWUD, MWCD] or the state of living in friendship with sb without arguing [OALD] — «*They simply can't seem to live in peace with each other*»; harmony between groups [RHWUD] — «*The two communities live together in peace*»;

5) public quiet, order and security [RHWUD, MWCD];

6) freedom of the mind from annoyance, anxiety [RHWUD, MWCD];

7) silence, stillness [RHWUD, MWCD].

Представленные семантические признаки имени «peace» можно использовать в качестве наименований групп ассоциативных реакций на данный стимул, поскольку они в своем ядре совпадают со значениями ассоциативных реакций. При этом, как и следовало ожидать, ассоциативные реакции испытуемых значительно обогащают материал, используемый для моделирования концепта «peace», отраженного в сознании носителей английского языка. Например, согласно результатам эксперимента обнаруживаются следующие ассоциации: *tolerating differences, respect, understanding, not meddling (not interfering), joy, learning to get along, cooperation* и др.

Сопоставительный анализ данных, характеризующих языковое сознание носителей обоих языков в рамках исследуемого концепта, выявляет как сходные, так и отличительные черты. Сходные семантические группы сведены в следующей таблице:

Таблица

Семантические группы

Семантические группы	мир	peace
Отсутствие вражды, войны	20%	18,5%
Гармония и согласие в отношениях между людьми	42,8%	40,2%
Участники мирных отношений	4,3%	2,2%
Стремление к миру	2,8%	24,5%
Чувства и эмоции	7,5%	7,6%
Оценочные суждения и ожидания	4,3%	3,3%
Покой, умиротворение	11,4%	15,2%

Как видно из таблицы, все, кроме одной семантической группы, имеют примерно одинаковое количественное наполнение реакциями. Поразительное различие наблюдается лишь в группе *стремление к миру*: 24,5% английских реакций и 2,8% русских. При этом большое значение в стремлении к миру в английском языковом сознании имеет *толерантность* (25% реакций среди 15 различных реакций в данной группе или 11 реакций на стимул peace против 1 реакции на стимул мир). В русской ассоциативной статье, как и в английской, наименования участников мирных отношений в целом совпадает (*народы, люди, mankind, most people, most nations*).

Семантические группы *мир как окружающая действительность* и *внутренний мир человека*,

выявленные нами в ходе анализа русского ассоциативного поля мир, в данной работе не рассматриваются.

В сознании носителей обоих языков «мир» («peace») является безусловной ценностью. Высокая оценка заключена в положительных ассоциациях, связанных с такими реакциями испытуемых, как *счастье, радость, ценность, благополучие, наслаждение жизнью, уверенность в завтрашнем дне; joy, goodwill*. «Мир» / «peace» — необходимость, к которой нужно стремиться (особенно в английском языковом сознании): *нужен всем, единение против войны, борьба за мир; something we should always strive for; Needs to be worked at slowly and with good intentions; Peace will ensure the success of a nation; Mankind must learn to live in peace if it is to survive; Peace is needed on*

earth and in space. Для русского языкового сознания, как и для английского, желаемым является мир на всей Земле: *абсолютный мир на планете, во всем мире, Mankind must learn to live in peace if it is to survive; Peace is needed on earth and in space.* Среди русских реакций встречается одна, выражающая сомнение по поводу наступления мира: *никогда не наступит.*

Итак, изучение языкового сознания носителей определенного национального языка представляется необходимым условием при моделировании концепта, поскольку оно предоставляет уникальную возможность исследовать отдельные характеристики концепта в определенный момент его развития. Сопоставительный анализ данных различных языков при этом позволяет более отчетливо сформулировать лингвокультурные особенности изучаемого концепта.

Список литературы

1. БТС: Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира : сб. науч. ст. — М.: ИН РАН, 2000. — С. 191—206.
3. МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стер. — М.: Рус. яз., 1986—1988. — Т. 1. — 698 с.
4. Попова З. Д. Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. — Изд. 2-е, стер. — Воронеж: Истоки, 2002. — 191 с.
5. РАС: Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. — М.: Помовский и партнеры, 1994. — Ч. I. — 224 с.
6. ТСУ: Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. — М.: Совет. энцикл., 1935.
7. MWCD: Merriam Webster's Collegiate Dictionary. — Eleventh ed. — Merriam-Webster, Inc., Springfield, 2003. — 1622 p.
8. OALD: Oxford Advanced Learner's Dictionary. — Sixth edition. — ed. S. Wehmeier. Oxford University Press, Oxford, New York, 2000. — 1541 p.
9. RHWUD: Random House Webster's Unabridged Dictionary. — Second edition. — Random House, Inc., New York, 2001. — 2230 p.

Е. Н. Лучинская (Краснодар, Россия)

ПОСТМОДЕРНИЗМ ДОНАЛЬДА БАРТЕЛЬМИ

The given article is devoted to the problem of studying the post-modern texts and especially the stories and novels by Donald Barthelme that are rich of allusions, parody and intertexts. Intertextuality is such text phenomenon that indicates the precedent texts are used with a new meaning in the post-modern fiction texts. Intertextuality is the main technique of creating the fiction texts by Donald Barthelme. It's necessary to analyze the actual language means of intertextuality for adequate understanding the author's message. The interpretation includes such markers of the intertexts as pasticcio that indicate the intertexts in the novels by Donald Barthelme.

Keywords: *postmodernism, intertextuality, hyperspace, intertext, pastiche, allusion, parody, allusion and collage.*

В современных художественных произведениях реализуется один из основополагающих для поэтики постмодернизма принцип интертекстуальности, согласно которому все текстовое гиперпространство вовлекается в глобальный процесс межтекстового взаимодействия.

Интертекстуальность — основной принцип текстопостроения в постмодернистских произведениях Д. Бартельми.

Дональд Бартельми — один из крупнейших (наряду с Т. Пинчоном и Дж. Бартом) представителей американской «школы черного юмора». Непревзойденный мастер короткой формы,

Бартельми по-новому смотрит на процесс творчества, опровергая многие традиционные представления. В числе его произведений — романы «Белоснежка» (Snow White, 1967), «Мертвый Отец» (Dead Father, 1975) и «Рай» (Paradise, 1986); сборники рассказов «Возвращайтесь, доктор Калигари» (Come Back Dr. Caligari, 1964), «Деяния неслыханные, вещи невозможные» (Unspeakable Practices, Unnatural Acts, 1968), «Городская жизнь» (City Life, 1970), «Печаль» (Sadness, 1972), «Великие дни» (Great Days, 1979), «Шестьдесят рассказов» (Sixty Stories, 1982), «Путь в ночи ко многим дальним городам» (Overnight to Many

Distant Cities, 1983), «Сорок рассказов» (Forty Stories, 1987) и др.

Для произведений Д. Бартельми наиболее важна техника монтажа, повлиявшая и на выбор тем, и на особенности художественной формы: фрагментарность Д. Бартельми считал определяющей чертой современного искусства. Тексты его произведений — яркий репрезентативный материал для изучения механизмов и способов актуализации интертекстуальных взаимоотношений в жанре пастиш — жанре «лоскутного одеяла».

Интертекстуальная составляющая художественных произведений Д. Бартельми реализуется на разных уровнях организации текста с помощью единиц различных языковых уровней. В них становится главным принцип множественной интерпретации, принцип создания одного из многих возможных пространств. Постулаты теории возможных миров применимы к пониманию литературы, поскольку вымышленный мир художественного текста понимается как один из возможных миров. Таким образом, выстраивается взаимодействие типа «текст внутри текста», которое в науке описывается как интратекст (Ю. Е. Прохоров), гипертекст (Н. А. Фатеева), сверхтекст (Н. А. Купина), прецедентный интекст (Ю. Ю. Саксонова), паратекст (Т. А. Липатов) и др. Для анализа интертекстуальности применяются следующие методы: структурно-семиотический (Р. Барт, Ю. М. Лотман, Р. С. Р. Schank и др.), интертекстуальный (Ю. Кристева, Р. Simpson, Р. Verdonk и др.), метод лингвостилистического и лингвокультурологического анализа текста (И. В. Арнольд, И. Р. Гальперин, В. А. Кухаренко, J. R. Searle, M. Short и др.).

Пародия и стилизация рассматриваются как виды вторичного текста, текстовая реализация которого рассматривается на материале произведений Д. Бартельми. Пародийные, стилизованные и прочие виды производных текстов, являясь самостоятельным произведением, одновременно остаются связанными с исходным текстом. Эта связь и взаимодействие становятся возможными благодаря повтору или воспроизведению разнообразных текстовых элементов, т. е. автор либо цитирует, либо ссылается на текст-донор с помощью аллюзий.

Анализ произведений Д. Бартельми показал, что оригинальный текст романов характеризуется высочайшей степенью аллюзивности и требует обширного комментария. Рассказ «Стеклянная гора» представляет собой сто пронумерованных предложений, каждое из которых содержит совершенно конкретную информацию об отдельных «свойствах», «особенностях»,

практически интересных чертах описываемого феномена.

С лингвистической точки зрения интересен другой рассказ «Предложение», который представляет опыт автора, преследующего цель установить, до каких пределов можно продлить фразу, не утрачивая ее смыслового единства (автору удалось продлить ее до восьми страниц). Оправдание подобных экспериментов Д. Бартельми пытался дать в новелле «Как Кьеркегор оказался несправедлив к Шлегелю». Устами Кьеркегора высказывается художественный принцип, который характеризует не эстетику датского мыслителя, а кредо самого Бартельми. «Ирония обладает незаменимым свойством — она дает тому, кто ею владеет, субъективную свободу... Ирония — это способ лишить объект его реальности, после чего субъект может ощутить себя полностью свободным». Владея подобным образом понятой иронией, Бартельми заменяет реальное «поэтическим», иначе говоря, «надреальностью», выстраиваемой, если автору это необходимо, без малейшей заботы об отображении действительности в ее подлинном облике.

Специфический микрокосм «маленького человека», персонажа, напоминающего героев Чарли Чаплина, но живущего уже в совсем иную, «рационалистическую», бездуховную эпоху, раскрывается у Бартельми в его неподдельном драматизме. Используя мотив отчуждения между персонажами, писатель заставляет их существовать в разных измерениях. В его рассказах, как правило, две точки отсчета, два плана. Д. Бартельми стремился подчинить форму прямому изображению абсурдного и бессвязного потока самых разнородных побуждений и впечатлений, составляющих духовный мир его персонажей. Во многих рассказах 70-х годов («Перепетуя», «Гений», «Голуби улетают из дворца», «Домье») наблюдается разрыв художественной ткани повествования, композиционный хаос. Д. Бартельми заменяет логику подчеркнутой алогичностью, подчеркивает фрагментарность, бессвязность и конечной бессмысленность всякого индивидуального опыта.

В текстах Д. Бартельми несколько уровней пародирования. В последнем романе Д. Бартельми «Король» (The King, 1990) мы видим пародийное переложение рыцарских романов и легенд о короле Артуре.

Напомним, что принципами постмодернизма являются эклектичность, дискретность, децентрация и др. понятия, отличающие данное культурное пространство от других направлений культуры. Эклектичность, т. е. соединение разнородных, внутренне противоположных принципов,

взглядов, теорий, художественных элементов, так называемая полифония постмодернистского дискурса, или плюрализм — одно из ключевых понятий рассматриваемого явления.

К этой особенности причисляют принцип децентрации, т. е. отсутствие единого центра в хаотично-игровой ситуации постмодернизма, при всем наличии богатства и разнородности его составляющих. Однако в работах отечественных ученых — философов языка (Ю. С. Степанов, Д. И. Руденко и др.) просматривается новое направление, развивающее концепцию «центрированной интертекстуальности» в ситуации после постмодернизма с «субъективным демиургом», который оказывается «новым центром» своего «возможного универсума» и порождает центры философского дискурса [Руденко 2001: 241].

Другой принцип — дискретность, т. е. прерывистость, как специфика постмодернизма, также считается типобразующим признаком. Постмодернистский писатель и теоретик Д. Бартельми заявляет, что фрагменты — это единственная художественная форма, которой он «доверяет» [Barthelme 1968: 160]. По его мнению, «вдумчивый (гипертекстуальный) читатель имеет возможность читать беспорядочно, комбинируя текст на свое усмотрение, чтобы прийти к неожиданным результатам» [Ibid: 160].

Сейчас, в эпоху постмодернизма, мы можем ожидать расширения новых возможностей локальных дискурсов, т. е. не линейную одномерность знакового ряда, а пространственную многолинейность означающих. Метадискурсивность в постмодернизме оправдана вековой культурной практикой и постоянно проявляется в современных реалиях в виде «культовых текстов» и новой игровой мифологии. В тексте и других манифестациях (произведениях искусства, например, картинах, инсталляциях, кинофильмах и иных артефактах) принципы постмодернизма выражаются в тотальной аллюзивности и цитатности, использовании шоковых приемов, обращении к эпатазирующим темам и приемам.

Метасемантика — обязательное свойство постмодернистских произведений — достигается с помощью различных коннотативных средств, общим для которых является игра, когда между искусством и смыслом исчезает какая-либо однозначность. Игра, основанная на равновесии действительного и вымышленного, порождает многозначность произведения. Ирония и самоирония, языковая игра — важнейшие конструктивные элементы постмодернизма, дают выход в глубокую народную традицию: в культуру смехового

мира. Пастиш, ключевое слово постмодернизма, представляет своеобразную форму самопародии и самоиронии, при помощи которой писатель намеренно растворяет свое сознание в иронической игре цитат и аллюзий.

Особенность языкового сознания в постмодернистском дискурсе состоит не столько в его текстуализации, сколько в его нарративизации, т. е. в способности человека описать себя и свой жизненный опыт в виде связного повествования, выстроенного по законам жанровой организации художественного текста. Рассказы Д. Бартельми, С. Беккета, романы М. Павича, И. Рида представляют типичный пример постмодернистских произведений. В них нет «центра», определенной исходной повествовательной точки. Текст не является связным, опирающимся на «линейно» развивающуюся фабулу — он разорван на клочки, фрагменты, «листочки». Персонажи, многочисленные «Я», читают газеты, делают из них вырезки, вставляют эти коллажи в текст, что усиливает впечатление общей хаотичности и бессистемности. Исходное качество постмодернистского текста — ориентация на изначальный хаос, порождающий бессистемность, фрагментарность, эклектичность, разностильность, пародийность и самопародию. По мнению Л. Г. Андреева, «мир постмодернистского искусства — мир симулякров, ложных видимостей, мир означающих, освободившихся от референтов» [Андреев 2000: 324]. Текст произведений постмодернизма часто разбит на фрагменты, которые читатель волен собрать на свое усмотрение. Это сделать непросто, так как по пространству текста перемещаются не характеры и ситуации, а потоки духовной энергии, не считающиеся с местом и временем, блуждающие между сном и явью, вымыслом и реальностью. В ряде случаев использования аллюзии и цитаты отсылочный контекст в тексте рассказов удается установить лишь с помощью авторского комментария, в противном случае невозможно полное и адекватное декодирование. Итак, отметим, что вопрос изучения интертекстуальности как феномена постмодернистского произведения требует всестороннего филологического изучения.

Список литературы

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. — М.: Прогресс, 1994. — 616 с.
2. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М.: Интрада, 1996. — 251 с.

3. Красных В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций. — М.: Гнозис, 2001. — 270 с.

4. Пешё М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / пер. с фр. Л. А. Илюшечкиной // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса / под ред. Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс, 1999. — С. 225—290.

5. Постмодернизм : энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко; отв. ред. А. И. Мерцалова. — М.: Интерпрессервис: Книжный дом, 2001. — 1040 с.

6. Андреев Л. Г. Чем же закончилась история второго тысячелетия? (Художественный синтез и постмодернизм) // Зарубежная литература

второго тысячелетия. 1000—2000. М., 2001.

7. Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / под ред. Ю. С. Степанова. — М.: Прогресс, 1999.

8. Курицын В. Русский литературный постмодернизм. — М., 2000.

9. Руденко Д. И. «Новый русский реализм»: в берегах и вне берегов постмодернизма // Язык и культура: Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. М., 2001.

10. Barthelme D. Sixty Stories. / D. Barthelme. — N. Y., 1989.

11. Daugherty T. Hiding Man: A Biography of Donald Barthelme. — St Martin's Press. — N. Y., 2009. — 581 p.

В. В. Майба (Ростов-на-Дону, Россия)

«ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ» КАК КОНЦЕПТ-РЕГУЛЯТИВ

The paper studies the «political correctness» as a regulative concept and the peculiarities of its functioning, especially in Russian language and culture.

Keywords: *political correctness, regulative concept, intercultural communication.*

Любой концепт предполагает регулятивное, предписывающее начало. Это справедливо даже для концептов, которые на первый взгляд не содержат ярко выраженной ценностной составляющей. Общим местом лингвокультурологии стало утверждение о том, что концепты определяют категоризацию действительности. Именно в этом заключается регулятивная сила концепта: он предписывает носителю языка, какие из свойств, аспектов действительности являются значимыми, а какие нет.

Однако более продуктивными являются отказ от такого размытого понимания регулятивного начала концепта и выделение особой разновидности регулятивных концептов. Как пишет В. И. Карасик, «концепты-регулятивы в концентрированном виде содержат оценочный кодекс той или иной лингвокультуры. Они в своем системном выражении объясняют культурные доминанты поведения, например, созерцательность и приоритет морали в русской культуре либо агентивность и приоритет права в англоязычном мире» [Карасик 2005: 98].

«Политкорректность», бесспорно, представляет собой концепт-регулятив. Во-первых, политкорректность предполагает ярко выраженное оценочное начало («хорошо» / «плохо»). Во-вторых, эти оценки напрямую связаны с формированием культурных доминант поведения,

которые напрямую проявляются в поступках представителей культуры, в том числе речевых («допустимо» / «недопустимо»). Правда, следует отметить, что оценки, задаваемые идеологией политкорректности, осложняются оценками самой этой идеологии со стороны ее противников. В силу этого многое из того, что считается «правильным» с точки зрения политкорректности, оказывается «неправильным» в противоположной системе координат.

Имеется еще один важный аспект. В первом приближении «политкорректность» — это концепт, который описывает стереотип «правильного» (с точки зрения соответствующих принципов) поведения и, соответственно, задает отклонения от этого правильного поведения. Однако «политкорректность» также правомерно квалифицировать как метаконцепт, поскольку он соотносится с речевой деятельностью и регламентирует ее. Термин «метаконцепт» используется в современной лингвистике неоднозначно. Например, его применяют для обозначения единиц высшего уровня обобщения вроде «предмет», «объект» [Махова 2007], а также для концептов, которые могут использоваться в различных типах дискурса, то есть не привязаны к конкретному типу дискурса (например, научному или политическому) [Прибылова 2011]. Согласно определению Г. Г. Слышкина «метаконцепты образуются в результате осмысления

продуктов предшествующей концептуализации, оформленных как семиотические образования (такие, как язык, текст, жанр, стиль, перевод, дискурс и др.). В метаконцептах реализуется рефлексия носителя языка по поводу знаковой деятельности, объектом и/или субъектом которой он является» [Слышкин 2004: 8—9], ср. [Белозерова 2007]. С этой точки зрения метаконцепт соотносится не с внеязыковой реальностью, а с самим языком, а также его реализациями в речи. Именно это понимание, тесно связанное с традицией употребления приставки «мета-» (ср. «метаязык» — языкописание языка), будет считаться основным в данной работе.

Естественно, критерий оценки «политкорректно / неполиткорректно» может быть применен не только к продуктам речевой деятельности. Совокупность оценок и принципов, формирующих представление о политкорректности, может быть распространена на любые взаимодействия между большими социальными группами, выделяемыми на основании национальной и расовой принадлежности, пола, возраста, сексуального поведения и т. д. Тем не менее, нельзя отрицать того факта, что речевая составляющая политкорректного поведения является одним из наиболее ярких проявлений политкорректности.

Выделение особой метасоставляющей у концепта «политкорректность» важно с точки зрения лингвистического описания рассматриваемого феномена. Смысловые составляющие концепта «политкорректность» являются объектом лингвистики, хотя их реализация в поступках и решениях находится за пределами компетенции лингвистики. В то же время метаязыковая составляющая закономерно должна изучаться лингвистикой как в плане смыслового содержания, так и в конкретных последствиях своего функционирования, то есть в виде языковых новаций, которые порождены идеологией политкорректности.

Концепт «политкорректность» может выступать в роли «саморегулятива», то есть служить мотивировкой коммуникативных действий самого адресанта. Например, ссылка на политкорректность может служить основанием для отказа говорить о чем-либо, давать оценки, рассуждать на какую-либо тему: *Рассуждать о кризисе даже как-то неполиткорректно* («Известия», 2004).

Однако наиболее часто концепт «политкорректность» функционирует как средство оценки чужих коммуникативных действий. Например: *Более лояльный к власти, в том числе и к спикеру СФ, председатель комитета Совета федерации по международным делам Михаил Маргелов*

политкорректно предпочёл воздержаться от комментариев, «я даже не знал программу его поездки» (П. Акопов, «Известия», 2002). Положительный или отрицательный характер оценки определить не всегда легко, и приведенный пример иллюстрирует это. Обусловлено это прежде всего неоднозначностью оценки политкорректности как явления, которая характерна как для Европы и Америки, так и для России.

Иногда концепт «политкорректность» используется для мотивировки поступков других людей, то есть служит обоснованием мотивов, по которым другие люди могут не совершать каких-либо действий, в частности коммуникативных: *Стариков за 25 на экранах обижать не будут: неполиткорректно* (Ю. Гладильщиков, «Известия», 2002). То же справедливо и для невербальных действий, которые не совершаются в силу их неполиткорректности: *С имамами, которые спокойно смотрят на то, как христианские церкви в мусульманских кварталах забрасываются камнями, а общественность молчит, потому что это неполиткорректно — защищать христиан* (Д. Асламова, «Комсомольская правда», 2005). Осуждающий характер последнего суждения очевиден и демонстрирует типичную для русскоязычных текстов негативную окраску концепта «политкорректность».

Как следует из приведенных выше примеров, в русской публичной коммуникации (например журналистике) концепт «политкорректность» довольно часто реализуется в контексте осуждения политкорректности как явления. При этом создается впечатление, что такое негативное использование концепта является для России более типичным. Этот факт заслуживает самостоятельного анализа, но находится за пределами проблематики данной статьи. Поэтому ограничимся несколькими характерными примерами.

Говорящий может прекрасно осознавать, что его высказывания не являются политкорректными: *То, что я говорю, — неполиткорректно! Неполиткорректно говорить, что еще недавно африканские диктаторы жрали своих подданных! Неполиткорректно говорить, что мусульмане пользуются оружием, аппаратурой, автомобилями, да практически всем, что придумали и сделали христиане!* (М. Веллер, Великий последний шанс). Однако эти эмоциональные заявления представляют собой намеренное, осознанное, даже демонстративное нарушение норм политкорректности. Автор неоднократно открыто заявляет о том, что политкорректность для него неприемлема, и объясняет причины этого.

В других случаях нарушение нормы оказывается более мягким, и в этом случае характеристика собственных слов как неpolitкорректных звучит скорее как извинение: *Это звучит неpolitкорректно, но коллаборационизм вписан в украинскую политическую культуру современ-гетманичины, что ярко проявлялось во время войн* («RBKDaily», 2007); *Сейчас неpolitкорректно говорить о различиях между цивилизациями, но одно различие — как шло в мешке, которое не утаишь* (М. Соколов, «Известия», 2001). Фактически в таких случаях ссылка на неpolitкорректность служит средством смягчения слов, которые последуют далее.

На основании приведенных примеров нетрудно сделать вывод, что регулятивные аспекты концепта «politкорректность» в русской лингвокультуре недостаточно действенны. Это те принципы, которые естественно нарушать, причем несмотря на то, что адресант сообщения хорошо осознает сущность принципов politкорректности и даже готов допустить, что они являются существенными и значимыми для публичной коммуникации.

Есть еще один аспект, в котором реализуется регулятивная природа politкорректности. И воплощается он в различного рода описаниях politкорректности как явления, причем не только практической, но и теоретической направленности.

Здесь будет уместно ввести противопоставление двух пониманий politкорректности. Первое можно назвать объективно-научным (взгляд «извне»), второе — субъективно-оценочным (взгляд «изнутри»).

Исследователь, занимающий объективно-научную позицию, сосредоточивается на установках, стоящих за politкорректностью, а также на конкретных последствиях, в том числе языковых, к которым приводит следование этим установкам. В этом случае исследователь, опираясь на анализ языковых фактов, может говорить о «торжестве» politкорректности или, наоборот, препятствиях, с которым данное движение сталкивается на своем пути. Однако его позиция исключает универсализацию данного явления.

С точки зрения объективно-научного подхода politкорректность правомерно рассматривать как социокультурное и языковое явление, привязанное к историческому контексту. В самом деле, politкорректность имеет дату и место рождения, а также ареал первичного распространения. Становится очевидной и связь между politкорректностью и социально-политическими и идеологическими условиями ее

возникновения. И примеры politкорректных выражений в этом случае оказываются относительно недавним, новым языковым явлением. А предысторией politкорректности становятся не примеры аналогичных выражений из истории языка, которые легко объяснить более общим стремлением к эвфемизации, а факты «вековой истории доминирования и угнетения», если использовать точную формулировку, предложенную Н. В. Банщиковой [Банщикова 2010: 12]. В самом деле, конкретные языковые новации, выработанные сторонниками politкорректности, направлены не столько на гармонизацию языка в целом, сколько на решение конкретных социально-политических задач (защита прав женщин, расовых, национальных и сексуальных меньшинств, лиц с физическими и психическими отклонениями и т. д.).

Однако имеется целый ряд научных работ, в основу которых явно или неявно кладется представление о politкорректности как универсальном явлении. С позиции «изнутри» politкорректность — это набор универсальных и общезначимых принципов. Вследствие этого примеры politкорректных выражений легко найдутся в языковом материале предшествующих эпох, а politкорректность подспудно превращается в универсальное, вневременное явление [Иванова 2002; Кипрская 2006; Маклакова 2010; Прядыльников 2006]. И любой языковой факт может быть оценен либо как politкорректный, либо как неpolitкорректный, либо как безразличный с точки зрения принципов politкорректности. При этом оценка осуществляется независимо от исторического контекста, в котором этот языковой факт возник. В частности, politкорректными оказываются такие русские номинации, как *оператор машинного доения* (вместо *дойрка*) или *механизатор* (вместо *тракторист*), которые возникли в СССР независимо от идеологии politкорректности и задолго до ее появления.

Нельзя сказать, что эта точка зрения («изнутри») является абсолютно неверной и недопустимой. Однако ее целесообразно охарактеризовать как «субъективную». Язык действительно может быть рассмотрен (и рассматривается) сторонником politкорректности с точки зрения основополагающих принципов всеобщей терпимости, равноправия и социальной гармонии. Но это не позиция ученого, который описывает факты объективно. Скорее, это позиция реформатора языка, который либо указывает на проблемы и предлагает конкретные пути их решения, либо просто констатирует явления, заслуживающие положительной или

отрицательной оценки с точки зрения тех принципов, которыми он руководствуется.

Данное разграничение подходов к политкорректности имеет смысл само по себе. Однако в рассматриваемом контексте оно приобретает дополнительный смысл. Концепт «политкорректность» начинает функционировать как регулятив уже в рамках субъективно-оценочного подхода. Это происходит даже в том случае, когда субъективно-оценочный подход становится основой для научного описания политкорректности. И можно утверждать, что именно субъективно-оценочный подход является границей, отделяющей рассмотрение политкорректности как объективного факта от функционирования политкорректности-идеологии, которая управляет сознанием и поступками человека.

Список литературы

1. Банщикова Н. В. Предпосылки возникновения социального движения за политкорректность и создание языка политкорректности // Женщина. Общество. Образование. Материалы 13-й междунар. науч.-практ. конф., 17 дек. 2010 г. — Минск: ЭНВИЛА, 2011. — С. 12—15.
2. Белозерова Е. В. Реклама как жанровый метаконцепт (на материале современной русской лингвокультуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. — 24 с.
3. Иванова О. Политкорректность в России // Вестник Евразии. — 2002. — №3. — С. 62—71.
4. Карасик В. И. Концепты-регулятивы // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. Вып. 30. — М.: МАКС-Пресс, 2005. — С. 95—108.
5. Кипрская Е. В. Национально-специфические особенности политкорректной лексики (на примере английского и русского языков) // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сб. тез. и ст. по материалам междунар. науч. конф. в ознаменование 65-летия фак. лингвистики ВятГГУ, Киров, 6—7 дек. 2006 г. — Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. — С. 101—109.
6. Маклакова Е. А. Политическая корректность и тональность общения как семантические признаки наименований лиц (на материале контрастивных исследований в русском и английском языках) // Политическая лингвистика. — 2010. — № 3. — С. 93—104.
7. Махова А. А. Семантизация метаконцептов ВЕЩЬ, ПРЕДМЕТ, ОБЪЕКТ: словообразовательный аспект // Материалы докладов XIV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/19/mahova_aa.doc.pdf
8. Прибылова А. В. Вербальная репрезентация концепта «терроризм» в институциональных дискурсах США // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — 2011. — № 8 (223). — Сер. «Филология, искусствоведение». Вып. 51. — С. 109—111.
9. Прядильникова, Н. В. Эвфемизация речи в социокультурном аспекте // Вестн. Самар. гос. аэрокосм. ун-та. — 2006. — № 3 (11). — С. 143—149.

К. А. Морсова (Челябинск, Россия)

СИНТАКСИС РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА

(на материале англоязычных видеороликов косметических средств)

This article focuses on inherent features of syntactic constructions of advertising discourse. Due to the fact that commercials aim at attracting attention of potential customers in order to sell products or services, some constructions are more appropriate than others. This article presents the frequency of sentence types, syntactic constructions, conjunctions and stylistic devices.

Keywords: *advertising discourse, offer, means of expression.*

Реклама — информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная крупу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [Федеральный закон о рекламе 2006].

В нашем понимании реклама — неперсонифицированная, оплаченная передача информации о товарах и услугах посредством различных носителей с целью ускорения их продажи; средство, содействующее появлению у покупателя заинтересованности и желания купить данный товар.

Основной целью рекламного дискурса является привлечение внимания адресата к товару или услуге, что достигается путем внедрения вербальных и невербальных средств в рекламное сообщение. При этом синтаксические конструкции играют немаловажную роль.

Все рекламные дискурсы характеризуются краткостью, сжатостью и лаконичностью, что облегчает восприятие информации. Цель рекламы обуславливает некоторые особенности синтаксиса рекламного дискурса.

Основной единицей структурно-синтаксического уровня является предложение. Предложение является минимальной единицей языка, грамматически организованным соединением слов, обладающей смысловой и интонационной законченностью [Розенталь 2002: 30].

По структуре предложений доминируют простые (составляют 70 % всего количества предложений), что способствует простоте и удобству восприятия:

The arm on the left becomes dry and itchy.

This is new moisture whip lipstick.

Однако для придания динамичности, живости и экспрессивности вкрапляются сложные, в частности сложносочиненные предложения, которые составляют 25 % всех предложений:

Moisture goes deep down, conditioning goes extreme!

Pull out the brush and it wipes off.

Также вкрапляются предложения, осложненные однородными членами — 50%:

In the following demonstration we apply Old Spice Swagger to the man on the right and nothing to the man on the left.

Подобные конструкции позволяют создать контрастные идеи и использовать сравнение, при этом не разрывая целостности предложения.

Сложноподчиненные предложения встречаются еще реже (составляют 5 % всех предложений):

Because when oil is replaced with water, there's no oil to pollute your pores.

As you can see, the arm on the right smells great.

Подобные конструкции используются в качестве средств выразительности в рекламном тексте и помогают установить связи между названными компонентами и реальностью.

За редким исключением используются вводные слова и предложения — 30%:

I, Bryan O'Lacker, challenged thee to an honour duel.

Luckily, Old Spice makes a variety of smelling scents.

Они используются для подчеркивания личностного и более правдоподобного характера рекламного сообщения, выражают отношение говорящего к информации.

Значительная часть простых предложений односоставные, а именно определено-личные или назывные:

Old Spice. Refreshing, invigorating, sensual.

Try Old Spice.

Me!

Основная функция таких структур — донести идею, заключенную в реме, создать ощущение живой, спонтанной речи.

В видеороликах преобладают (75 %) побудительные и восклицательные предложения:

Consider your lips warrant!

It's the smoothest and the most sumptuous color ever!

Побудительные предложения подразумевают скрытый диалог со зрителем, в котором презентующее лицо является доминирующим, советчиком в силу своих знаний, они являются важными раздражителями в рекламном сообщении. Подобные сообщения легко и быстро запоминаются.

Восклицательные предложения, в свою очередь, подчеркивают важнейшие характеристики товара и одновременно отражают эмоции, с которыми они ассоциируются.

Нередко встречаются риторические вопросы, которые являются элементом рассуждения и заставляют получателя информации задуматься и самому сделать выбор (вопросы построены таким образом, что они наталкивают реципиента на «правильный», желаемый ответ):

How will you be remembered?

Longer wearing lip gloss?

Вместе с этим вопросительные предложения используются для высказывания мыслей адресата, что значительно повышает доверие к видеоролику:

Did you know women prefer Old Spice for their men one bagillion times more than lady-scented body washes?

Использование вопросительных предложений в данном случае отражает широту кругозора отправителя сообщения и позволяет прислушиваться к нему в качестве советчика.

Как показало исследование, наиболее распространенные союзы (70%) — соединительные, особое место среди которых занимает союз «and». Общим значением этих предложений является указание на связь явлений, которые либо происходят одновременно, либо следуют одно за другим. Далее по степени убывания расположены противительные союзы, в частности «but» (20%). Предложения, относящиеся к этому типу, указывают на противопоставление или на сопоставление двух явлений. Разделительные (наиболее распространенным из которых является союз «or») используются в 30% видеороликов. Они используются для выражения взаимоисключения и чередования.

Double impact has striped together moisturizer and body wash.

A man and a priverder.

It's prescription strength wetness protection, but you don't need a prescription to get it.

Never cakey or flat!

Eat, drink or touch!

Из подчинительных союзов наиболее значимыми для рекламных сообщений являются: определительные (в 20% видеороликов — that, which), условия (в 20% — if), изъяснительные (в 40%),

времени (в 20% — before, when), сравнительные (в 20% — as), причины (в 10% — because, for), следствия (в 10% — so).

Plus, it lasts longer than the other guy, which I love more even than the odour protection.

Because when oil is replaced with water, there's no oil to pollute your pores.

Синтаксические средства выразительности — основное средство эмоционального воздействия.

Наиболее важным для рекламного сообщения является повтор — 57%:

Now look at your man. Now, back to me. Now, back at your man. Now, back to me.

No compromise! No more compromise!

Повтор обеспечивает наибольшую запоминаемость информации (заостряет внимание на отдельных фактах). Он может выступать как средство интенсификации авторского воздействия, передачи различной модальности действия, а также как средство композиционного и архитектурного членения текстового целого, оформления абзацев. Основная функция повтора в рекламном сообщении — усиление выразительности.

Важным приемом для придания выразительности сообщению является антитеза — 23% от всех синтаксических средств выразительности:

Smells like an Old Spice and not a lady.

Some women wear foundation. Others wear sensation!

Антитеза помогает подчеркнуть важнейшие выгодные качества рекламируемого товара и противопоставить их невыгодным качествам товаров аналогов. В рекламном сообщении данный прием помогает при создании образа, либо стиля.

Параллельные конструкции — еще один распространенный элемент рекламного сообщения 15%:

Step 1: extra-extra length. Step 2: extra-extra volume.

Super soft! Super shining! Purely natural, purely flawless!

Подобные конструкции упрощают восприятие информации, придают сообщению некоторую логичность, подчеркивают структуру.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В. Н. Ярцева. — 2-е изд. — М. : Большая Рос. Энцикл., 1998. — 685 с.
2. Розенталь Д. Э., Фомина М. И. Современный русский язык. — М. : Высш. шк., 2002. — 528 с.
3. Рафел М., Рафел Н. Как завоевать клиента. — СПб : Питер, 2006. — 352 с.

4. Ромат Е. Реклама и теория коммуникаций. Режим доступа: <http://www.inventech.ru/lib/reklama/reklama-0001/>

5. Тулупов В. В. Материалы Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов «Журналистика, реклама и связи с общественностью: новые подходы». — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2005. — 192 с.

6. Федеральный закон о рекламе Режим доступа: <http://www.consultant.ru/popular/advert/>

7. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. — С. 11—22.

И. А. Наумова (Челябинск, Россия)

МЕТАФОРЫ СО СФЕРОЙ-ИСТОЧНИКОМ «ТЕХНИКА» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ.

The article studies the peculiarities of realization of the main functions of metaphors from the source-domain «Technique» in the political discourse of Great Britain on the material of The Guardian and The Independent.

Keywords: *political discourse, the function of metaphor, metaphorization.*

Феномен метафоры является одним из уникальных культурно и социально значимых явлений художественной, публицистической и научной речи. Метафора — универсальный способ познания и оценки окружающего мира и явлений общественной жизни. Метафора — это сочетание настоящего и прошлого, известного и неизвестного, внешнего и внутреннего смыслов. Метафора — один из актуальных и распространенных речевых приемов, придающих высказыванию меткость, образность и выразительность [Максимова 2004: 229].

Феномен метафоры представляет интерес для ученых еще со времен Аристотеля. Сегодня, во время многообразия научных подходов, метафора изучается в различных аспектах — в плане происхождения, грамматического построения и функционирования в различных стилях речи.

Метафора как речевой прием достаточно популярна и в политической речи. Использование метафор делает речь более глубокой, выразительной и символической по смыслу. Метафора также сильный убеждающий фактор в речи политика в силу своих специфических художественных свойств. Наблюдая над современными политическими текстами, слушая выступления сегодняшних политиков, убеждаешься в распространенности процесса «метафоризации» речи. Это позволяет говорить об актуальности исследования использования метафоры в политическом дискурсе.

Прежде чем приступить к анализу политических текстов с использованием приема метафоры, сформулируем определение метафоры, которым

будем руководствоваться в своей работе.

В основе нашего определения лежит традиционное литературоведческое определение данного понятия.

«Метафора (от греч. *metaphora* — перенос) — переносное значение слова, основанное на уподоблении одного предмета или явления другому по сходству или по контрасту; скрытое сравнение, построенное на сходстве или контрасте явлений, в котором слова «как», «как будто», «словно» отсутствуют, но подразумеваются» [Мещерякова 2003: 170].

Таким образом, метафора — это художественный прием, построенный на основе уподобления одного явления или предмета другому по сходству или контрасту. Источником происхождения метафор являются явления, предметы и понятия разных отраслей жизни — литература, наука, техника и т. д. В качестве основы уподобления явлений или предметов, в результате которого возникает «метафорическое» значение, могут выступать:

— внешний вид явления;

— свойства, характеристики предмета или процесса;

— функции предмета [Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 479].

Функции метафоры варьируются в зависимости от речевой разновидности, в которой этот прием используется.

Так, в поэтической речи главной функцией метафоры является эстетическая (метафора как украшение речи) и так называемая активизационная (метафора как средство активизации восприятия адресата. Познавательная же функция

метафоры в художественных текстах отходит на второй план. И наоборот, познавательная функция метафоры является основной в научном дискурсе: метафора в научных текстах позволяет осмыслить новый объект исследования, опираясь на знания о других типах объектов.

В политическом дискурсе метафора выполняет эвристическую функцию, служа средством осмысления постоянно меняющейся политической реальности и формулирования новых политических программ и аргументирующую функцию, служа средством убеждения аудитории в правильности политических взглядов. Близкой к этим функциям является номинативно-оценочная функция метафоры в политическом контексте — одновременное название и оценка какого-либо политического явления или процесса. Есть у политической метафоры и функции, не характерные ни для поэтического, ни для научного дискурса. Благодаря своей фигуральности, небуквально-сти, она выполняет прагматическую функцию сглаживания наиболее опасных политических высказываний, затрагивающих спорные политические проблемы, минимизируя ответственность говорящего за возможную буквальную интерпретацию его слов адресатом. Данная функция метафоры особенно актуальна в современное время — время свободы мыслей и «разгулявшейся» гласности. Кроме того, поскольку метафора в политическом дискурсе (в отличие от поэтического) всегда апеллирует к фонду общих знаний, она тем самым создает у партнеров по коммуникации общую основу, опираясь на которую субъект речи может более успешно вносить в сознание адресата необщепринятые мнения [Максимова 2003: 228].

Предметом нашего анализа являются разрозненные отрывки политических текстов Великобритании, в которых использованы метафоры со сферой-источником «техника». Мы анализируем эти тексты с точки зрения основы «метафоризации», смысловой нагрузки метафоризированного слова или словосочетания, его стилистической и художественной функций.

Обратимся непосредственно к анализу:

«Совет безопасности, который успешно тормозит конфликт, не должен быть подачкой для нестойкого общественного сознания. Единогласие получено потому, что Франция желает военной добычи, Россию можно купить, а воздержавшиеся китайцы не предлагают никакого морального одобрения».

В данном контексте метафоризированный глагол — *тормозит*. Переносное значение этого слова основано на сходстве с автомобильным тормозом,

с помощью которого можно замедлить или остановить движение транспорта. Использование данного глагола в метафоризированном виде позволяет усилить ощущение значимости действий Совета безопасности — *тормозить* в данном случае приобретает значение «уберечь, спасти от возможных неприятных последствий». Таким образом, глагол-метафора *тормозит* в анализируемом тексте выполняет познавательную, причем с усиливающим значением называемого действия эффектом, активизационную и аргументирующую функции.

«Ни одна женщина не фигурирует в жалких разоблачениях ребяческих рекламных плакатов, между тем как Милберн, Прескотт и Браун приветливо улыбаются нелепостям с экрана. Закулисные, утомительные старые генералы возвращаются для того, чтобы вновь принять участие в затухших войнах 97 года. «Вперед, а не назад!» таков лозунг блестящей компании лейбористов. Сколько старых солдат понадобилось, чтобы включить эту лампочку гениальности?»

В этом контексте метафоризировано словосочетание *включить лампочку гениальности*. Метафоричность данного словосочетания основана на сходстве действия включающейся лампы и действий солдат. В данном контексте *включить лампочку гениальности* значит зажечь, активизировать. Но при этом чувствуется авторская ирония в отношении лейбористов: это подчеркивает бессмысленный и вызывающий улыбку лозунг «вперед, а не назад» и эпитет блестящей со значением, противоположным словарному. Таким образом, в данном тексте основная функция словосочетания-метафоры номинативно-оценочная функция, с акцентированием иронического отношения.

«Средства массовой информации сосредотачивают внимание на высших эшелонах системы правосудия, и скрывают тот факт, что неотложной, не озвученной проблемой для нее является нынешний Суд короны (Уголовный Суд присяжных), а не завтрашний Верховный Суд. Слишком много судей выносят обвинительные приговоры в страхе перед политической шумихой, и изо всех сил стараются не попасть в колонки «Дейли Мейл» как оставшиеся не у дел старикашки, спускающие с привязи косоглазых грабителей старушек, натравливая их на нацию».

Данный контекст несет в себе обвинительное, критическое отношение к судьям, которые ни на что не способны, как выносить обвинительные приговоры в отношении обычных грабителей и убийц. Метафоризированное словосочетание *косоглазые грабители старушек* и служит для обозначения этих грабителей и мошенников. Эпитет

косоглазые только подчеркивает жалость и беспомощность этих людей. Таким образом, метафора в данном контексте также выполняет номинативно-оценочную функцию.

«Если финансово-бюджетная и кредитно-денежная политика не будут соответствовать требованиям устойчивости, то скоро начнет процветать параллельный рынок, с фактически плавающим валютным курсом. Как правило, растет параллельная премиальная выплата, затормаживается регулирование капитала, а сам официальный курс вынужден изменяться».

Данный отрывок носит явный финансовый характер, и поэтому использование в нем слов-метафор *плавающий* и *затормаживать* «смягчает» официальность высказываемых мыслей. Функционально данные метафоры использованы как художественный прием, придающий тексту дополнительную образность и выразительность. Метафора в данном случае более точно и метко выражает суть содержания — так реализуется аргументирующая функция метафоры. Интересна здесь грамматическая форма глагола *затормаживается* именно с точки зрения «технического» происхождения: в разговорном обиходе не употребляется глагольная форма *затормаживать* — есть только *притормозить*, где приставка *при-* имеет значение «замедлить движение». В форме *затормаживать* же приставка *за-* вносит дополнительный смысловой оттенок «замедляется процесс регулирования капитала, что имеет негативные последствия для всей экономики».

«Вчера члены парламента и пэры вынесли окончательный вердикт и заявили, что до заседания парламентского комитета будет созвано заседание министров, для того, чтобы установить, действительно ли они были «умышленно неосведомленными» о полетах ЦРУ через аэропорты Великобритании».

Большинство аналитиков прогнозируют более высокие цены на нефть, при наличии проблем на Ближнем Востоке. Но если они ошибаются, то реальная или воображаемая роль нефтяного будущего как локомотива инфляции, может резко закончиться».

Использованное здесь словосочетание-метафора *локомотив инфляции* выполняет номинативно-оценочную функцию: прямое значение существительного *локомотив* как приводящего в движение состав поезда машины переносится на экономическую значимость нефти, нефтяных богатств для государства. Таким образом, нефть — это локомотив всех движений и процессов в структуре государства, особенно в финансовой сфере.

«Правда, вчерашние цифры на самом деле не служат подтверждением этого заявления. Покупная цена еще не «зашкаливает», и благодаря умной поддержке и целевому исследованию рынка компания сумела значительно расширить клиентскую базу, охватив не только поклонников строгой спортивной диеты и фанатов голливудских фильмов. Тем не менее, передача главного содержания с учетом различных позиций потребует серьезных капиталовложений».

Слово-метафора *зашкаливает* выделено кавычками — это только подчеркивает его переносный характер и придает мысли большую выразительность. В основе метафоризации данного слова лежит внешнее сходство со шкалой измерительных приборов.

«Если г-н Браун будет назначен ответственным во время майских выборов, и они пройдут плохо, то это будет кошмарным началом его деятельности на посту руководителя».

«Хартия слабака» Буша также предоставила потенциальный «казус белли», то есть формальный повод к объявлению войны там, где никакого повода не было. Если военные инспекторы докладывают о существенном нарушении со стороны Саддама, то пусковой механизм, запускающий серьезные последствия, приведен в действие».

«Давно, во времена обоюдных разрушений, казалось, что мир в любую минуту может взорваться при нажатии кнопки. И как странно думать, что сейчас нам следует бояться еще больше. Государства-инородцы могут создавать оружие, вычисляя угрозу, которая будет держать Америку в безвыходном положении».

В этих двух обособленных отрывках notably сходство характера метафоризации, поэтому проанализируем их вместе. В случае с этими метафорами «техническое» происхождение их актуализировано и именно ассоциация с некой машиной, от одного нажатия кнопки которой может начаться война и разрушения на земле, с максимальной силой передает значимость и серьезность возможных последствий политической деятельности оппозиционных государств. Таким образом, эти метафоры носят подчеркнуто прагматический характер, апеллируя к человеческому чувству самосохранения и предостерегая от возможных страшных последствий. И именно источник происхождения данных метафор помогает передать всю значимость авторского высказывания. Кроме того, данные метафоры помогают «сгладить», обойти острые политические углы.

«Британия находится в натянутых отношениях с Францией из-за снижения ассигнований в сельское хозяйство. Согласно вчерашнему сообщению «Санди Тайме», посол Британии в Польше, Чарльз Кроуфорд, в электронном письме своим коллегам предъявил обвинения к Общей Сельскохозяйственной Политике ЕЭС, касающиеся выплат, которые «раздувают» число французских землевладельцев и «накачивают» цены на продукты питания в Европе, тем самым, вызывая бедность в Африке».

В данном контексте метафоризирован глагол *накачивать*: накачивать цены значит намеренно их завышать. При этом ассоциация с накачиванием колес насосом подчеркивает намеренность и целенаправленность действий французских землевладельцев. То есть здесь актуализируется опять же номинативно-оценочная функция метафоры.

«Маргарет Тэтчер не была за такой поворот. Тони Блэр сказал своей партии, что *«задней передачи у него нет»*. Но в подобном изменении отношения к Европейской конституции можно увидеть один из самых неуклюжих поворотов на 180 градусов британских политических взглядах за последнее время».

В данном контексте метафоризировано словосочетание *нет задней передачи* со значением «не возможно двигаться назад, в обратную сторону». Налицо «техническое» происхождение данной метафоры, благодаря чему наиболее точно и метко выражается авторская мысль. То есть метафора здесь выполняет номинативно-оценочную и аргументирующую функции.

На основании проведенного анализа сформулируем выводы:

1. Метафора в политическом контексте используется достаточно часто.

2. Метафора в политическом дискурсе выполняет следующие функции:

– номинативно-оценочную (метафора называет какое-либо политическое явление или процесс и содержит в себе определенную оценку его);

– эвристическая функция (метафора помогает наиболее точно и детально передать смысловые

оттенки и наиболее полно осмыслить выражаемую ею мысль);

– аргументирующая функция (благодаря образности и выразительности метафоры усиливается убедительность выражаемых мыслей);

– прагматическая функция сглаживания острых политических вопросов. Эта функция метафоры особенно актуальна в современное время. Благодаря этой функции, с одной стороны, передается значимость обсуждаемых вопросов, а с другой, именно эта функция метафоры позволяет избежать возможных неприятных последствий как для конкретного политика, так и для государства в целом.

3. Принимая во внимание то, что мы анализировали метафоры со сферой-источником «техника», следует сказать, что именно «техническое» происхождение метафор усиливает убедительность высказывания, помогает наиболее полно и метко передать мысль и придает речи большую образность и символичность.

4. Таким образом, использование метафоры в политическом дискурсе помогает сделать официальную политическую речь более живой, яркой и выразительной.

Список литературы

1. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — М.: Педагогика-Пресс, 1994. — 248 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцев. — 2-е изд., доп. — М.: Большая Рос. Энцикл., 2002. — 843 с.
3. Мещерякова М. И. Литература в таблицах и схемах. — М.: Айрис-пресс, 2003. — 224 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 тыс. слов и фразеолог. выражений / Рос. акад. наук; Ин-т рус. яз. и лит. им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
5. Стилистика и литературное редактирование / под ред. проф. В. И. Максимова. — М.: Гардарики, 2004. — 496 с.

С. А. Никифоров (Тюмень, Россия)

УСТНО-ПИСЬМЕННЫЙ ХАРАКТЕР КОММУНИКАЦИИ
В TWITTER-МИКРОБЛОГЕ

Abstract: the article discusses one of the linguistic features of Twitter microblogs, namely the communication being characterized by a combination of spoken and written forms of language.

Keywords: computer communication, microblogging, Twitter, speaking, writing.

Вследствие своей популярности и распространенности компьютерная коммуникация представляет интерес для ученых многих профилей, в том числе и для лингвистов. Одним из относительно новых жанров данного типа коммуникации является микроблог. Микроблог — это специальный интернет-сервис, веб-сайт, позволяющий пользователям писать и публиковать на своей странице короткие сообщения длиной обычно около 140—200 символов [Grosseck, Holotescu 2008: 1]. Одним из первых сервисов микроблогинга и самым популярным на сегодняшний день является Twitter [Wiesenhofer, Ebner, Kamrat 2010: 1].

По мнению ряда ученых (например, [Кутузов 2006: 64; Лепшеева 2009: 92; Михайлов 2006: 9; Морослин 2010: 11] и др.), компьютерная коммуникация имеет устно-письменный характер, то есть она обычно фиксируется графически, на письме, но при этом имеет многие черты устной разговорной речи. Мы считаем, что эта особенность присуща и микроблогам в Twitter. Цель данной статьи — рассмотреть способы реализации устно-письменного характера коммуникации в Twitter-микроблоге. Материалом исследования послужил корпус микроконтекстов в количестве 250 сообщений из пяти Twitter-микроблогов американских губернаторов (Скотта Уокера, Стива Бешеара, Бобби Джиндала, Кристин Грегуар и Рика Пери).

В результате исследования были сделаны следующие выводы.

На **синтаксическом** уровне рассматриваемая особенность проявляется следующим образом:

1. Преобладают простые предложения (что характерно для разговорной речи, особенностью которой является простота выражения):

— *Upcoming initiatives will increase budget flexibility for protecting LA higher education and health care.*

— *I toured the state today. People are ready for a vote. We just need the 14 Senators to come home.*

2. Часто используются неполные предложения (характерны, прежде всего, для разговорной речи — они придают ей живость, естественность, непринужденность):

— *On w/Robbie Johnson in Appleton.*

— *Went to La Crosse to make the case for the 14 Senators to come home.*

3. Часто используются восклицательные предложения (обнаруживают повышенную эмоциональность, экспрессивность, что характерно для разговорного стиля):

— *LA named 2010 State of the Year by Business Facilities magazine!*

— *Another jobs win!*

Для особого усиления может использоваться не один, а сразу несколько восклицательных (или вопросительных) знаков:

— *Stop by!!!*

— *@iamjonathancook Having any luck getting that date?? :)*

На **лексическом** уровне рассматриваемая особенность проявляется следующим образом:

1. Часто используются разговорные слова и выражения: *guys, mom, kid, folks, kick-off, thanks, check out, grads, congrats, hey, Aggies, buck the trend, feds, biz, champs, exec, tech, k* (= one thousand pounds or dollars), *way to go, vet* и т. п. — в словарях все эти примеры даются с пометой **INFORMAL / SPOKEN** [Cambridge Advanced Learner's Dictionary; Macmillan English Dictionary for Advanced Learners].

2. Часто используются слова с широкой / размытой семантикой (они характерны для лексики разговорной речи): *get, thing, do, good, great, very.*

— *Got this sticker from a union print shop in Sheboygan.*

— *At each place I got people who said they are behind what we are doing!*

— *... we are doing the right thing.*

— *... I was doing the right thing.*

— *the need for the Senate Democrats to do the same*

— *Good discussion w/ other Govs on Medicaid & health care*

— *Great stop in Green Bay*

— *Very poor treatment*

3. Используются неформальные сокращения / аббревиатуры: *bal* (= to balance), *FDR* (= Franklin Delano Roosevelt), *MLK* (= Martin Luther King, Jr) и т. п.

4. Используются фразовые глаголы (в разговорной речи они часто применяются вместо более формальных нефразовых глаголов с эквивалентным значением): *come back* (= return), *go back* (= return), *pull together* (= unite), *come up* (= approach), *call on* (= demand), *lay out* (= present), *charge up* (= excite) и т. п.

5. Лексика формального регистра используется крайне редко (в разговорной речи, для которой характерна неформальность, ее использование ограничено). Немногочисленные примеры такой лексики: *affirmation*, *to implement*, *to aid*, *to pay one's respects* (в словарях даются с пометой *FORMAL*) [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners; Oxford Advanced Learner's Dictionary].

6. Лексика книжного / высокого стиля практически отсутствует (для разговорной речи характерна простота выражения, поэтому использование книжной лексики ограничено, так как она придает разговорной речи искусственный, неестественный характер). В проанализированных сообщениях мы встретили всего три примера таких лексем: *quest*, *warrior* и *beloved* (в словарях даются с пометой *LITERARY / MAINLY LITERARY*) [Macmillan English Dictionary for Advanced Learners].

На **морфологическом** уровне рассматриваемая особенность проявляется следующим образом:

1. Часто используются сокращенные формы типа *we're*, *don't*, *I'm*, *it's*, *we've* и т. п. (так называемые *contractions*; contraction = «a shortened form of a word or combination of words which is often used instead of the full form in spoken English» [Cambridge Advanced Learner's Dictionary]; такие формы характерны в первую очередь для устной формы речи, а на письме они используются вместо полных форм преимущественно в разговорной, неформальной речи): *...what we're asking...; Unions don't want...; I'm asking...; It's time to...; ...we've distributed...; ...we're optimistic they'll be less than ten percent.*

2. Используется расщепленный инфинитив (инфинитив с отделенной частицей *to*, англ. *split infinitive*). Данная конструкция чаще используется в устной речи, а на письме в некоторых случаях ее рекомендуют избегать (см. [Split infinitives: Oxford Dictionaries Online]):

— *Today received TEK Task Force report-recommendations will help our efforts to better prepare KY students for success in the 21st century.*

3. Часто не соблюдаются правила согласования времен (мы придерживаемся точки зрения Б. А. Ильиша, согласно которой использование настоящего времени в придаточном предложении

после прошедшего времени в главной части предложения является элементом разговорной речи [Ильиш 1971: 330]):

— *A guy came up and said his mom is a retired teacher and she and his family support us.*

— *At each place I got people who said they are behind what we are doing!*

На **графическом** уровне рассматриваемая особенность проявляется следующим образом:

1. Часто используются неформальные сокращения / аббревиатуры, принятые при общении с помощью различных технических средств (компьютера, мобильного телефона): *Thx* (= thanks), *\$\$* (= money), *2* (= to), *4* (= for), *r* (= are), *Pls* (= please), *w/* (= with), *@* (= at), *2day* (= today), *u* (= you) и т. п. Специфика таких сокращений заключается именно в их графической форме, поэтому мы относим их к графическому уровню.

2. Присутствуют элементы субстандартного языка (они обнаруживают меньшую нормативность, характерную для разговорной речи, а также усиливают общий неформальный, непринужденный характер коммуникации):

— графоны: *Who Dat!* (= Who is that?), *U da Man!!* (= You are the man!);

— эрративы: *Geaux Tigers!* (= Go Tigers!);

— использование строчных букв вместо прописных: *talking politics today with Bret Baier on Fox News @ 5pm CDT; medicaid; twitter* и т. п.;

— ненамеренное (в отличие от приведенных выше примеров) нарушение орфографических норм и разного рода опечатки:

clean up (в качестве существительного); правильное написание — в одно слово (*cleanup*) или через дефис (*clean-up*) [New Oxford American Dictionary];

Line up (в качестве существительного); правильное написание — в одно слово (*lineup*) или через дефис (*line-up*) [New Oxford American Dictionary];

et.al.; правильное написание — *et al.* (также допускается *et al*, но точка после *et* в любом случае не ставится) [New Oxford American Dictionary];

For those who cherish a great naval military, read try Jim Hornfischer's new book Neptune's Inferno. <http://tinyurl.com/4vytcta> (по-видимому, опечатка);

None Iraq War Vet Troy Yocum & wife Mareike w/ Harley & Emmie @walkacrossusa <http://yfrog.com/h09r9orj> (по-видимому, опечатка);

Meeting China Pres. Hu Jintao at WH state dinner tonight. China is our largest trade partner — working tonight to strengthen our ties (опечатка).

— опущение точки в конце предложения (хотя лимит символов в одном сообщении еще далек

от превышения): *On Studio B with Shepard Smith in about an hour*

3. Используются эмодзи (с одной стороны, они отражают большую экспрессивность, эмоциональность, с другой — имеют оттенок неформальности, которая характерна для разговорной речи): @iamjonathancook *Having any luck getting that date?? :)*

Итак, мы рассмотрели способы реализации устно-письменного характера коммуникации в Twitter-микроблоге. Хотя мы анализировали сообщения из микроблогов политической направленности, на основании наших наблюдений мы полагаем, что полученные результаты справедливы и для большинства Twitter-микроблогов в целом. Данные нашего исследования, таким образом, подтверждают выводы ряда лингвистов о тяготении компьютерной коммуникации к новой, устно-письменной, форме существования языка.

Список литературы

1. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка: учеб. по курсу теорет. грамматики для студентов пед. ин-тов (на англ. яз.). — Ленинград: Просвещение, 1971. — 367 с.
2. Кутузов А. Б. Модель функционирования терминологического сленгизма в дискурсе сетевых форумов: дис. ... канд. филол. наук. — Тюмень, 2006. — 170 с.
3. Лепшеева Н. А. Жанровые особенности компьютерного дискурса // Вестн. Челяб. гос. ун-та. — Челябинск, 2009. — № 43 (181). — С. 88—94.
4. Микроблог Бобби Джиндала. Режим доступа: <http://twitter.com/#!/bobbyjindal>
5. Микроблог Кристин Грегуар. Режим доступа: <http://twitter.com/#!/govgregoire>
6. Микроблог Рика Пери. Режим доступа: <http://twitter.com/#!/GovernorPerry>
7. Микроблог Скотта Уокера. Режим доступа: <http://twitter.com/#!/govwalker>
8. Микроблог Стива Бешеара. Режим доступа: <http://twitter.com/#!/govstevebeshear>
9. Михайлов С. Н. Компьютерная коммуникативная среда как фактор оптимизации процесса обучения РКИ: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — СПб., 2006. — 19 с.
10. Морослин П. В. Лингвокультурологические основы теории функционирования Рунета в пространстве межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 2010. — 40 с.
11. Cambridge Advanced Learner's Dictionary — 3rd edition. Электронный словарь. CD-диск.
12. Grossek G., Holotescu, C. Can we use Twitter for educational activities? 2008 URL: <http://www.scribd.com/doc/2286799/Can-we-use-Twitter-for-educational-activities>
13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners — 1st edition. Электронный словарь. CD-диск.
14. New Oxford American Dictionary — 2nd edition. Электронный словарь. CD-диск.
15. Oxford Advanced Learner's Dictionary — 8th edition. Электронный словарь. CD-диск.
16. Split infinitives: Oxford Dictionaries Online URL: <http://www.oxforddictionaries.com/page/147>
17. Wiesenhofer H., Ebner M., Kamrat I. Is Twitter an Individual Mass Communication Medium? 2010 URL: <http://www.scribd.com/doc/29219338/Is-Twitter-an-Individual-Mass-Communication-Medium>

Ж. А. Никифорова (Оренбург, Россия)

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОНЯТИЙ ТЕКСТ — ИНТЕРТЕКСТ — ГИПЕРТЕКСТ

The article is devoted to the research of such basic constructs of the theory of the text as «text», «intertext», and «hypertext» applied to the text of a newspaper.

In this article the differences between the notions «text» and «hypertext» are presented. The next problem dealt with in the article is the problem of differentiation between the notions «intertext» and «hypertext».

Keywords: *text, intertext, hypertext, text attributes and categories, intertextuality, hypertextual.*

В последние десятилетия интерес к тексту как лингвистическому объекту постоянно возрастает. Учеными проведены исследования различных сторон данного объекта в контексте разных теорий и с различных позиций. Ученые

по-разному определяют понятие текста, рассматривают его категории, особенности, характеристики.

Н. С. Валгина определяет текст «как динамическую единицу высшего порядка, как речевое

произведение, обладающее признаками связности и цельности — в информационном, структурном и коммуникативном плане» [Валгина 2002: 2].

В исследованиях по лингвистике текста выделяют несколько признаков текста, основными признаками текста называются связность, цельность (целостность) и членимость, воплощающиеся в целом ряде текстовых категорий: когезия, континуум, сцепление, информативность, ретроспективность / проспекция, модальность, интеграция и завершенность, интеграция, прогрессия / стагнация, образ автора, художественное пространство и время, причинность, подтекст, упорядоченность и т. д. [Гальперин 1981, Дымарский 2001, Тураева 1986: 81].

Рассмотрим проявление основных текстовых категорий в гипертексте, например, в гипертексте газеты.

Когезия, без сомнения, присуща гипертексту, так как на формальном уровне газетный текст — это текст связный, все его структурные элементы внешне связаны друг с другом. *Когерентность* также характерна для газетного гипертекста, так как его компоненты связаны друг с другом в смысловом плане, особенное семантическое пространство гипертекста газеты представляют заголовки статей. *Информативность и содержательность* — не вызывает сомнения тот факт, что данные категории наиболее полно раскрываются в газетном гипертексте, призванном нести информацию широкому кругу читателей. Категория интенциональности также присутствует в данном виде текста, если принимать во внимание намерения авторов статей (журналистов), письма читателей и общую установку главного редактора. *Прагматическая направленность* — обязательная категория газетного текста, поскольку все статьи пишутся с целью побуждения к размышлению, к каким-либо действиям или просто с целью вызвать определенные эмоции у читателя. Без данной категории, на наш взгляд, само создание газеты не имеет никакого смысла. *Интертекстуальность* — наиболее четко выраженная категория газетного гипертекста, поскольку газета объединяет в себе множество текстов, разной и похожей тематики, определенным образом связанных между собой. Главным связующим звеном в данном случае будет выступать заголовок газетной статьи, который мы рассматриваем в качестве гиперссылки. *Ситуативность* — не вызывает сомнения тот факт, что каждый номер газеты обусловлен конкретной ситуацией, яркой иллюстрацией тому служит подборка материалов номера,

приуроченных к какой-либо знаменательной дате, спортивному событию.

Итак, основные текстовые категории могут проявляться в гипертексте. В связи с этим возникает вопрос, можно ли считать гипертекст текстом?

Можно отметить, что в работах по гипертексту выделяются две точки зрения. Представители первого направления считают, что гипертекст — это прямой перенос существующей в сознании автора сети идей в информационное пространство. Согласно второй точке зрения гипертекст — это иерархия текстов, их мозаика. При том и другом подходе остается открытым вопрос, является ли гипертекст просто разновидностью текста (если рассматривать его как лингвистический объект) или же это новая форма организации информации.

Как отмечает А. С. Махов, «гипертекст, являясь, прежде всего, текстом, обладает всеми признаками традиционного линейного текста, такими как: последовательность, развернутость, связность, целостность, законченность, статика и динамика. Специфика гипертекста как определенной модели текста заключается как в нелинейности его построения, так и восприятия» [Махов 2010: 10].

Н. Ф. Буторина указывает на следующие различия между понятиями текст и гипертекст [Буторина 2010: 4]: линейность текста / нелинейность гипертекста; конечность, законченность традиционного текста / бесконечность, незавершенность, фрагментарность, открытость гипертекста; точное авторство текста / отсутствие авторства (в традиционном понимании) у гипертекста; снятие (при помощи гипертекста) противопоставления между автором и читателем, интерактивность читателя гипертекста; субъективность, односторонность обычного текста / объективность многосторонность гипертекста; однородность обычного текста / неоднородность гипертекста. Однако автор подчеркивает, что единственным труднопреодолимым противопоставлением остается различие по принципу линейности / нелинейности.

В качестве структурных элементов гипертекста можно выделить: 1) отдельную информационную единицу и 2) гипертекстовую ссылку (средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой. Гипертекстовая ссылка считается основным средством реализации когезии и обеспечения когерентности в электронном гипертексте. Гипертекстовые ссылки разделяются по возможности перехода на однонаправленные и двунаправленные (перекрестные) и в зависимости от места расположения информационных

единиц на внутритекстовые и межтекстовые. Роль гиперссылок в газетном тексте, на наш взгляд, могут выполнять заголовки статей. Таким образом, в качестве структурных элементов газетного гипертекста мы выделяем заголовки и текст статьи.

Как мы уже сказали, гипертекст часто рассматривается в кругу других лингвистических объектов, тесно связанных с ним. Одним из таких объектов является интертекст и проблема интертекстуальности разных типов текста.

«Интертекст — основной вид и способ построения художественного текста в искусстве модернизма и постмодернизма состоящий в том, что текст строится из цитат и реминисценций к другим текстам» [Руднев 2003].

Интертекстуальные ссылки в любом виде текста способны к выполнению различных функций из классической модели функций языка, предложенной в 1960 г. Р. Якобсоном: экспрессивная функция, аппеллятивная функция, поэтическая функция, референтивная функция, метатекстовая функция. Сравним данные функции интертекста с функциями гипертекста. Анализ теоретических работ позволил выделить следующие функции гипертекста: коммуникативную, когнитивную, тезаурусную, культуuroобразующую, эстетическую. Можно сделать вывод, что функции гипертекста и интертекста различаются друг от друга. Однако функции, присущие интертексту, могут выполнять отдельные тексты, входящие в гипертекст (например, газетные заголовки, которые выполняют аппеллятивную функцию).

В исследовании вопроса интертекстуальности, нельзя не сказать о проблеме соотношения понятий «интертекстуальность» и «гипертекстуальность», понимаемые учеными по-разному. Существует две точки зрения, которые эти два понятия либо полностью отождествляют, либо разграничивают.

М. Риффатер сформулировал некоторые положения, по которым различаются интертекстуальность и гипертекстуальность [Riffaterre 1979: 496—501]:

— во-первых, последняя собирает всю доступную информацию, но такое исчерпывающее, сплошное включение предоставляет читателю изобилие не относящейся к делу информации. Интертекстуальность же наоборот исключает ненужную информацию. Она подчеркивает основные пункты текста, делая понятной ту информацию, которая только имплицирована или подразумевается в тексте, таким образом, определяя ее уместность;

— во-вторых, гипертекстуальность — это металингвистическое средство анализа и интерпретации

существующего текста. Этот анализ можно осуществить вне текста, создавая его разновидности. Интертекстуальность — это лингвистическая сеть, соединяющая существующий текст с другими текстами, существовавшими ранее или потенциальными, теми, которые появятся в будущем. Она «стимулирует» чтение;

— в-третьих, гипертекстуальность открыта и находится в постоянном развитии. Интертекстуальность — это взаимообмен текста передающего и текста принимающего. Так как эта цепь определяет автономию текста и зависит от обязательно воспринимаемых знаков, она объясняет собственно литературное общение, то есть она отвечает за читательскую реакцию, точно контролируемую текстом.

Полагаем, что понятия «интертекст» и «гипертекст» являются двумя разными понятиями, которые тесно взаимосвязаны друг с другом, могут взаимодействовать друг с другом одновременно в одном информационном массиве, но различаются по своим характеристикам и функциям. То есть это два разных объекта исследования.

Таким образом, гипертекст, интертекст и текст являются разными объектами, тесно связанными и взаимодействующими друг с другом, но отличающимися по функциям и структуре.

Список литературы

1. Буторина Н. Ф. Гипертекст versus текст // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 15 марта 2010 г. — Самара: ПГСГА, 2010. — С. 4—6.
2. Валгина Н. С. Теория текста. — М., 2002.
3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. — М., 1981.
4. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. На материале русской прозы XIX—XX вв. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 328 с.
5. Махов А. С. Типология художественных гипертекстов на основе немецкоязычных Интернет-сайтов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2010. — 26 с.
6. Руднев В. П. Словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 2003.
7. Тураева З. Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): учеб. пособие для студентов пед. институтов по специальности № 2103 «Иностранный язык». — М.: Просвещение, 1986. — 127 с.
8. Riffaterre M. La syllepse intertextuelle // Poétique. — Paris, 1979. — № 40. — P. 496—501.

М. Ю. Олешков (Нижний Тагил, Россия)

ДИСКУРС И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Discursive space as a «mental» sum of speech activity within a certain society is the environment in which an ethnos realizes the native language system. Nonetheless discourses generated in the space of communication also create, develop and transform the mental space of social being.

Keywords: *discourse, mentality, communication.*

Ментальность социума является когнитивно-культурной характеристикой, определяющей функциональную способность общества создавать и накапливать интеллектуальный опыт. Носителем этого опыта является индивидуальная личность. Можно считать, что ментальность определяет способ выражения интеллектуальных способностей как отдельного человека, так и социальной системы в целом.

Структурной единицей бытия культуры (в широком понимании) является смысл. При формировании новых смысловых элементов меняется ментально-информационный континуум социума, то есть происходит деформация ментальных стереотипов. Таким образом, в философско-социальном (статичном) понимании ментальность — это **результат** процесса унификации способа мировосприятия и миропонимания членами социума.

Ментальность, язык и культура нации взаимобусловлены, а следовательно, ментальная основа любого социума во многом текстуальна, существует (в рамках культуры как семантической формации) в информационном пространстве текстов.

Реальная жизнь индивидуума в социуме представляет собой совокупность дискурсивных (коммуникативных) практик, важнейшую формообразующую функцию в которых выполняют акты номинации. Именно оперирование ими (понимание, адекватная интерпретация, процессуальная реализация и др.) на ментальном уровне обеспечивает «включенность» отдельной личности в процессы идентификации в конкретной социальной среде. В итоге именно язык структурирует пространство представлений человека, что позволяет индивидууму анализировать, описывать и классифицировать реалии окружающего мира. Следовательно, в дискурсивно-речевом (динамичном) аспекте ментальность можно трактовать как социально обусловленный **процесс** символическо-семиотического моделирования, обеспечивающий когнитивно-эмоциональное единообразие картины мира лингвокультурного сообщества индивидов.

В рамках национальной ментальности объективно существуют варианты социально-группового менталитета. Считается, что менталитет

отдельных социальных групп может оказывать определенное влияние на общенациональный менталитет и на всю национальную культуру. Например, «гламурный» менталитет определенного слоя современного социума посредством интенсивного воздействия СМИ (прежде всего телевидения) существенным образом сказывается на изменении национально-культурных российских традиций и в определенном смысле деформирует традиционную систему ценностей русского этноса.

В какой-то мере понятие «ментальность» синонимично понятию «картина мира», хотя уровень осознанности личностью этих категорий различен: *ментальность* бессознательна, она чувственно, эмоционально понимается и поведенчески реализуется, но не формулируется для индивида как дефиниция; *картина мира* фиксируется сознанием человека на уровне мировоззрения и идеологии, в частности при восприятии культурных артефактов (ср.: «художественная картина мира»).

Изучение ментальной модели, ментальной характеристики общества в любой социальной сфере деятельности необходимо для понимания реальных процессов, происходящих в социуме.

Известно, что этнос, который использует тот или иной язык, определенным образом влияет на его развитие, поддерживая или ограничивая его процессуальную составляющую: разрешая или запрещая что-то вплоть до ограничения этнического языкового общения в целом. Такие примеры известны, и они касаются прежде всего переломных моментов в истории, когда в результате смены парадигмы общественного сознания (революции, борьбы за независимость и т. п.) под влиянием идеологии происходили изменения в языковой политике. Так, при анализе социальных конфликтов, связанных с дискриминацией одних групп людей другими, дискурсивные психологи предлагают учитывать культурные факторы, влияющие на то, как человек категоризирует мир и производит идентификацию. В частности, результаты кросс-культурных исследований показывают, что дети из разной культурной среды не похожи в том, как они в повседневном

общении дискриминируют другие группы [Филлипс 2004: 160—161].

В то же время не вызывает сомнения тот факт, что взаимосвязь языка и общества гораздо сложнее, чем просто «коррекция» языка под влиянием той или иной идеологии. Начиная с процесса номинации, который обеспечивает представление индивидуума об объекте, и заканчивая всей совокупностью процессов чувственного опыта в их синтезе, язык обуславливает мышление представителей нашего вида как «человека разумного». Согласно современной трактовке гипотезы Сепира-Уорфа система языка не только влияет на формирование устойчивых представлений об окружающем мире и на тип мышления, но и, обеспечивая самоидентификацию, организует «включение» каждого индивида в общий и единый ментальный процесс познания мира через конкретный язык, а также диктует обязательные для каждого члена данного сообщества «правила игры» — конвенции. При этом язык реализует себя в форме дискурсивных практик на уровне интерактивности носителей языка — членов того или иного социума (языковой общности).

В начале XXI века в рамках антропоцентрической парадигмы в философии, культурологии, лингвистике, психологии, лингвокультурологии, социологии и других гуманитарных направлений научного знания человек стал реальным объектом изучения. Более того, большинство из перечисленных наук сегодня интересует не «человек вообще», а «человек в языке». Именно язык (и дискурс как «реализация» языка) является единственным средством, позволяющим исследователю проникнуть в скрытую от нас сферу ментальности, так как, формируя языковую картину мира индивидуума, он способен «информировать» о процессах, происходящих в сознании человека.

Трактовка *ментальности как дискурса* оформилась в работах постструктуралистов (Р. Барт, М. Фуко и др.). Анализируя способы знакового закрепления социокультурных представлений, представители этого направления отмечали наличие в языке своеобразного «фильтра», который присущ той или иной социальной группе и который, в итоге, формирует ее мировосприятие. Такая «социально обусловленная» картина мира, как совокупность концептов, детерминирует формы взаимодействия индивидуума с реальным миром. Формы этой детерминации исследованы и обобщены М. Фуко, выразившим их посредством категории «порядок дискурса».

Сегодня с большой долей уверенности можно считать, что ментальность как семиотическая

система (образ) модели мира в рамках лингвокультурной общности прагматически функционирует как дискурс, как текст, обладающий некоторыми социокультурными характеристиками. Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев отмечают, что «в естественном языке экстралингвистическая реальность представляет собой мир, взятый в интерпретации его людьми вместе с их отношениями друг к другу <...> любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» [Булыгина 1997: 7]. О. А. Алимуратов и М. А. Каратышова подчеркивают: «Наличие в сознании языковой личности сформированных концептуальных систем, которые определяют «персональные» ментальные пространства, во многом обеспечивает координацию коммуникативных действий участников общения, т. е. процесс протекания их совместной дискурсивной деятельности» [Алимуратов, Каратышова 2010: 111].

Результаты современных лингвистических исследований позволили сформулировать гипотезу о существовании универсальных категорий, совпадающих по своим характеристикам с «понятийными категориями». «Этнокультурная и социокультурная специфика языкового сознания и коммуникативного поведения предполагают признание универсальных характеристик человека, культуры и общения» [Карасик 2007: 5].

Объективация сознания с помощью языка является условием человеческого существования. В основе когнитивного подхода исследования сознания лежит положение о том, что язык является одной из базисных составляющих ментальной деятельности человека. Для того чтобы индивидуум смог вербализировать структуру знания, в числе его когнитивных способностей должны наличествовать способности к категоризации и концептуализации мира. Акты семиозиса предполагают изначальное существование определенной когнитивной инфраструктуры мозга, позволяющей осуществлять категоризацию мира. Как отмечает В. В. Колесов, «особенность современного «дискурса» определяется установкой на современный аспект языка как основной, ведущий, от которого зависят и которым определяются все прочие, в том числе и главные стороны его функционирования, например речемыслительная (ментальная)» [Колесов 2004: 174].

И действительно, зафиксированные различия в «формациях дискурса» (термин М. Фуко) свидетельствуют о существенных различиях в «наивной картине мира» представителей отдельных социумов как носителей определенной ментальности.

Однако эти различия не затрагивают семиотическую природу реальности. Границы между различными моделями реальности — не в онтологии, а в прагматике. Семантическая прагматика дискурса определяет не только индивидуальность личности, но и индивидуальность культуры (субкультуры) социума.

Обращение к ментальности дискурса в прагматическом аспекте непосредственно связано с проблемой моделирования процесса коммуникации на уровне текста в «информационном» плане. Эта проблема актуальна сегодня для лингвопрагматики, когнитивной лингвистики, теории информации, лингвистики текста и других направлений изучения коммуникативных процессов. Анализ и моделирование вербального взаимодействия позволяют выявить «многоплановость» ментально-семиотических сфер коммуникантов. Считается, что в процессах вербализации пропозициональной структуры при минимальной «расчлененности» смысла может использоваться слово; при намерении не «разворачивать» смысл в предикативную структуру — *словосочетание*; при реализации задуманного отношения в виде предикативной структуры — *предложение*. Рассматривая исторический аспект «концептума», В. В. Колесов отмечает, что «ментализация заключалась в соединении знака—звучания с символом—смыслом» [Колесов 2002: 398].

В реальном мире наши знания — это, в самом общем приближении, вся та информация, которую мы получаем в процессе онтогенеза. Но это не просто стохастический набор разнородных сведений и имеющегося в памяти личного опыта: человек упорядочивает получаемую информацию и обобщает свой опыт, объединяя множества фактов и явлений, номинируя их, формируя для себя категории, осуществляя иерархию и таксономию, что позволяет «не запоминать» каждый отдельный элемент действительности. Фрагментируя мир в «кластерном» режиме, мы добиваемся «когнитивной экономии»: уменьшаем количество информации, которую должны воспринять, декодировать и запомнить. В итоге, семантический потенциал совокупности слов определенной «смысловой» сферы реализуется за счет извлечения из исходного значения и связанной с ним прототипической *ситуации* семантической *схемы*, которая и используется на ментальном уровне для концептуализации типологически адекватных событий по принципу аналогии.

По наблюдениям исследователей, некоторые качества языковых явлений могут проявляться, лишь

начиная с определенных количеств [Воробьева 1993]. Таким образом, для того чтобы в ментальных сферах коммуникантов информационная «составляющая» сообщения проявилась с достаточной полнотой и развернутостью, необходим соответствующий формат языковой единицы — текст. Соответственно, и ментальная составляющая текста в его «информационной» насыщенности связана с размерностью текста и его объемом, что непосредственно влияет на качество и количество информации, передаваемой говорящим / пишущим. Фактически в современных направлениях коммуникативной лингвистики единица анализа изменилась: от предложения через сложное предложение и ССЦ исследователи перешли к *тексту*.

Итак, информация организуется в тексте, который можно дефинировать как сложный коммуникативный акт [Дейк 1989] с учетом таких параметров, как непрерывность и связность, маркировка коммуникативных установок, прагматические цели автора и др. Процесс вербального взаимодействия (обмен информацией) в итоге имеет когнитивно-дискурсивную основу, проявляющуюся на ментальном уровне.

Н. Ф. Алефиренко отмечает, что участники коммуникативного акта не могут произвольно выйти за рамки потока дискурсивного сознания — той среды, вне которой речемышление не может быть полноценным. Ведь для каждого человека «непрекращающаяся жизнь “с языком” и “в языке” является когнитивно-дискурсивным пространством его существования. В этом пространстве язык выступает одновременно и *как объект*, используемый коммуникантами в разных денотативно-прагматических ситуациях, и *как среда*, в которой речемыслительная деятельность совершается и которую знаковые продукты этой деятельности видоизменяют и обогащают [Алефиренко 2007: 147].

Любое коммуникативное событие реализуется в *дискурсивно-речевом пространстве* — системном интегративном субстрате, в котором происходят процессы реального речепроизводства. «Люди, взаимодействуя друг с другом, создают языковую среду, которая определяет специфику когнитивного развития каждого отдельного человека с момента его рождения» [Кравченко 2011: 25]. Возникающие в этой особой среде тексты существуют как объекты человеческой культуры, которой определяется их аксиологическая и семантическая ментальная специфика. Текст при этом проявляет себя как актуализированное в речи смысловое единство предложений (высказываний), реализующееся

в коммуникативной функции воздействия, как компонент дискурсивно-речевого пространства, формально-содержательные характеристики (показатели) которого могут быть зафиксированы.

Исследователи выделяют такие показатели, как *континуальность* дискурсивного пространства (фиксация его целостности и непрерывности), *закрытость / открытость, связность, позиционность* (статусность участников) и связанные с этим показателем диспозиционность и иерархичность (см. [Палагута 2010]). Социальное бытование индивида подразумевает его «существование» в одной из социальных позиций, детерминируемых ментальностью и спецификой того дискурсивного пространства, в котором он находится.

Таким образом, дискурсивное пространство как «ментальная» совокупность речевых практик членов социума является той средой, в рамках которой этнос реализует систему родного языка на уровне коммуникации (в широком смысле этого слова). При этом дискурсы, порождаемые в коммуникативном пространстве, в свою очередь, создают, развивают и трансформируют ментальное пространство бытования социума.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Семиологический потенциал дискурса // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Вып. 5. Ставрополь : Изд-во ПГЛУ, 2007. — С. 34—43.
2. Алимуратов О. А., Каратышова М. А. Красота в языке: гендерный и прагмалингвистический анализ комплиментарного речевого поведения. — Пятигорск : СНЕГ, 2010. — 140 с.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира: (На материале русской грамматики). — М.: Яз. рус. культуры. — 1997. — 574 с.
4. Воробьева, О. П. Текстовые категории и фактор адресата. — Киев, 1993. — 154 с.
5. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М. : Прогресс, 1989. — 310 с.
6. Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград : Парадигма, 2007. — 520 с.
7. Колесов В. В. Философия русского слова. — СПб. : ЮНА, 2002. — 448 с.
8. Колесов, В. В. Язык и ментальность. — СПб. : Петерб. востоковедение, 2004. — 240 с.
9. Кравченко А. В. Экология языка и языковая политика // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: ежегод. журнал. Вып. XIII / под ред. д-ра филол. наук проф. Т. Ю. Тамерьян; Северо-Осетин. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2011. С. 24—29.
10. Палагута В. И. Исследование топологических характеристик дискурсивного пространства субъекта // Грани, 2010. — № 1 (69). — С. 34—38.
11. Филлипс Л., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. — Харьков : Гуманитар. центр, 2004. — 336 с.

О. Ю. Подъяпольская (Челябинск, Россия)

СИСТЕМА СИМВОЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ И. АЙХИНГЕР
«ЗЕРКАЛЬНАЯ НОВЕЛЛА»

The present article is devoted to the description of the system of symbols in I. Aichinger's work «Mirror Novel». «Mirror» as the central symbol of the novel and two groups of symbols which are organized around the subjects «Guilt/Sin» and «Guiltlessness» are analyzed in the article.

Keywords: retrospection, effect of alienation, the mirror as the central symbol of the novella, the character ambiguity «mirror», the characters of «guilt / sin», the characters of «innocence».

Главная роль в творчестве австрийской писательницы И. Айхингер отводится жанру рассказа. Некоторые её рассказы признаны классическими. К их числу относятся «Spiegelgeschichte», «Der Gefesselte», «Die geöffnete Order», «Das Fenstertheater», «Wo ich wohne». «Зеркальная новелла», написанная И. Айхингер в 1949 году, в 1952 году была удостоена премии сообщества немецкоязычных писателей «Группа 47» [Metzler Autorenlexikon 1986: 3]. В данном произведении повествуется о банальном на первый взгляд событии — предсмертной агонии умирающей от подпольного аборта девушки. Однако представлена эта история в достаточно неординарной форме: события происходят как бы в зеркальном отражении, т. е. развиваются в ретроспективе. Молодая девушка переживает свою небогатую на события жизнь с момента панихиды до момента рождения. Подобный способ повествования создает эффект отчуждения, позволяющий читателю воспринять происшедшие события как экстраординарные.

Центральным символом новеллы выступает зеркало, важность которого подчеркивается уже в названии произведения. Данный символ многозначен. Зеркало — это источник магической силы, позволяющий главной героине повернуть события вспять и вернуть утраченного ребенка, нарушая законы природы.

«Mach mir mein Kind wieder lebendig!» Das hat noch keine von der Alten verlangt. Aber du verlangst es. Der Spiegel gibt dir die Kraft. Der blinde Spiegel mit den Fliegenflecken lässt dich verlangen, was noch keine verlangt hat.

Зеркало маркирует также границу между грехом и невинностью. Как видно из вышеприведенного примера, оно появляется в кульминационной сцене новеллы — в сцене аборта: в мутном зеркале старухи, зарабатывающей на выпивку грязным ремеслом, происходит чудо возвращения ребенка. Вместе с этим грешница очищается от своего греха.

«Und da erschrickt die Alte. Und in dem großen Schrecken, in dem blinden Spiegel erfüllt sie deine

Bitte. Sie weiß nicht, was sie tut, doch in dem blinden Spiegel gelingt es ihr».

Таким образом, основное назначение зеркала — возможность искупления греха: *«Im Spiegel tut man alles, daß es vergeben sei».*

В свете рассказанных событий зеркало становится также символом совести, поскольку дает возможность взглянуть на себя со стороны. В течение всего рассказа девушка обращается к самой себе. Возможно, это ее двойник-отражение вступает в разговор.

«Geh jetzt! Jetzt ist der Augenblick! Alle sind weggerufen. Geh, eh sie wiederkommen und eh ihr Flüstern wieder laut wird, geh die Stiegen hinunter, an dem Pförtner vorbei, durch den Morgen, der Nacht wird. <...> Geh nach Hause! Und leg dich in dein eigenes Bett zurück, auch wenn es in den Fugen kracht und noch zerwühlt ist. Da wirst du schneller gesund!»

Зеркало — не единственный символ новеллы, но оно выступает организующим началом для целой группы символов, которые, с нашей точки зрения, группируются вокруг понятий «вины / греха» и «невинности». Так как за достаточно небольшой промежуток времени героиня переживает всю жизнь, то естественно, что вспоминает она только значимые события и важные детали. Данный факт дает нам право утверждать, что упоминание этих деталей приобретает особое символическое значение, знаменуя те или иные вехи ее жизненного пути, важные переживания. Рассмотрим данные символы более подробно.

Обратимся сначала к символам группы «вина / грех».

Прежде всего отметим, что действие новеллы разворачивается в портовом городке, поэтому несколько символов связаны с морем. Так, например, **корабли** (точнее, ревущие корабли — «heulende Schiffe») в новелле выступают отражением внутреннего состояния героини. Глагол «heulen» имеет в немецком языке следующие значения: «выть, завывать» и «рыдать». Таким образом, словосочетание «heulende Schiffe» можно перевести двояко: и как «ревущие», и как «рыдающие корабли». Испытывая боль, героиня

постоянно слышит рев, «рыдания» кораблей в порту, символизирующие ни на минуту не утихающую физическую и душевную боль девушки:

«Und die Schiffe heulen, wohin du immer gehst, die heulen überall. Und die Schmerzen schütteln dich, aber du darfst nicht schreien. Die Schiffe dürfen heulen, aber du darfst nicht schreien».

Дождь также может быть отнесен к группе символов, соотносимых с понятием «грех». В новелле существительное «Regen» (дождь) часто упоминается в одном контексте с существительным «Tränen» (слезы), что позволяет нам говорить о том, что в рассматриваемом произведении данное природное явление выступает символом скорби. Так, в следующем примере во время панихиды дождь дарит возлюбленному девушки слезы:

«Der junge Mann nimmt seinen Kranz und streicht verlegen alle Bänder glatt, er hebt für einen Augenblick die Stirne, und da wirft ihm der Regen ein paar Tränen über die Wangen».

Дождь идет также в то время, когда похоронная процессия возвращается с кладбища: *«Dein Wagen wartet an der Kreuzung auf das grüne Licht. Es regnet schwacher. Die Tropfen tanzen auf dem Wagedach».*

Одним из символов смерти в новелле является **венок**, который укладывают на гроб героини:

«Gleich darauf kommt auch der junge Mann und bringt den Kranz zurück, es war schon hohe Zeit. Die Männer ordnen die Schleifen und legen ihn vorne hin, da kannst du ruhig sein, der Kranz liegt gut».

Символично в новелле и упоминание **желтых цветов**. Они ассоциируются со смертью, символизируют увядание, прощание с жизнью, поскольку именно желтые нарциссы вплетены в венки: *«An allen Fenstern stehen gelbe Narzissen, wie sie ja auch in alle Kränze gewunden sind».*

Этот образ всюду преследует героиню. Желтые цветы она видит даже в доме старухи: *«Am Kamin stehen die gelben Blumen, und das sind dieselben, die sie in die Kränze winden».*

Еще одним символом греха мы считаем образ **проклятого дома** (das verdammte Haus). Из контекста новеллы становится понятным, что именно в этом заброшенном доме произошло грехопадение: девушка не смогла противостоять напору возлюбленного и своим чувствам.

«An diesem Tag spiegelt der blinde Spiegel das verdammte Haus. Verdammt nennen die Leute ein Haus, das abgerissen wird, verdammt nennen sie das, sie wissen es nicht besser. Es soll euch nicht erschrecken. Der Himmel ist jetzt blaß genug. Und wie der Himmel in der Blässe erwartet auch das Haus am Ende der Verdammung die Seligkeit. <...> Wenn

ihr das Haus verläßt, liegt sie vor euch. Wenn ihr durch die eingesunkenen Fenster wieder aussteigt, habt ihr vergessen. <...>

Von da ab drängt er dich, mit ihm hineinzugehen. Aber in dem Eifer entfernt ihr euch davon und biegt vom Strand ab. Ihr wendet euch nicht um. Und das verdammte Haus bleibt hinter euch zurück. Ihr geht den Fluß hinauf, und euer eigenes Fieber fließt euch entgegen, es fließt an euch vorbei. Gleich läßt sein Drängen nach».

Обратимся теперь к символам, отнесенным нами к теме «невинность».

Важным символом в данной связи, с нашей точки зрения, выступает **зеленый цвет** (grün), знаменующий воскрешение, новую, вечную жизнь. Он упоминается уже в первом предложении новеллы, обозначая цвет неба:

«Wenn einer dein Bett aus dem Saal schiebt, wenn du siehst, dass der Himmel grün wird, und wenn du dem Vikar die Leichenrede ersparen willst, so ist es Zeit für dich, aufzustehen leise, wie Kinder aufstehen...»

Именно в тот момент, когда небо становится зеленым, героиня оживает. Позже этот символ появляется снова, когда главная героиня начинает дышать:

«Sie lassen dich allein. So allein lassen sie dich, dass du die Augen aufschlägst und den grünen Himmel siehst, so allein lassen sie dich, dass du zu atmen beginnst, schwer und röchelnd und tief, rasselnd wie eine Ankerkette, wenn sie sich löst. Du bäumst dich auf und schreist nach deiner Mutter. Wie grün der Himmel ist!»

В следующем примере зеленый цвет моря можно интерпретировать, как надежду героини на счастливую жизнь с молодым человеком, которая, однако, впоследствии не оправдывается: *«Und hinter allem, was ihr tut, liegt grün die See».*

Надежду на новую жизнь, на лучшее будущее дает и зеленый свет светофора на перекрестке: *«Dein Wagen wartet an der Kreuzung auf das grüne Licht».*

В тексте новеллы, таким образом, можно проследить оппозицию «зеленый — желтый»: цвета, обозначающие соответственно жизнь и смерть.

Как демонстрируют предыдущие примеры, в «Зеркальной новелле» часто упоминается **небо**, которое символизирует Бога, высшую силу, приносящую покой и умиротворение: *«Sie öffnen deine Augen, und die funkeln weiß. Sie sagen jetzt auch nichts mehr davon, dass du friedlich aussiehst, dem Himmel sei Dank dafür...»*

Небо выступает в роли покровителя, защитника: возлагая руку на крыши домов, оно будто благословляет людей, живущих там: *«Es regnet*

schwächer. Die Tropfen tanzen auf dem Wagendach. <...> Die Straßen sind frisch getauft, und der Himmel legt seine Hand auf alle Dächer».

Завершая рассмотрение данного символа, отметим, что он часто подкрепляется символической зеленой краской. Небо придает силы, вдыхает жизнь в умирающую (героиня досыта «напивается» зеленым небом): *«Da wirst du schneller gesund! Da tobst du nur drei Tage lang gegen dich und trinkst dich satt am grünen Himmel...»*

Наряду с небом в новелле часто упоминается **море**. Вода обладает способностью поглощать все негативное, смывать грязь и выступает в произведении, с нашей точки зрения, символом очищения, чистоты:

«Die Kohlenberge weichen hinter euch zurück, da seid ihr an der See und seht die weißen Boote wie Fragen an der Grenze eures Blicks, seid still, die See nimmt euch die Antwort aus dem Mund, die See verschlingt, was ihr noch sagen wolltet».

Чувства молодых людей гармонируют с природой, с движением воды. Их страсть течет им навстречу, как река. Но затем чувства утихают (поскольку события представлены в обратном порядке), как схлынувшая во время отлива вода. Море очищает чувства молодых людей от греховного, остужает их страсть, делая возлюбленных нерешительными и робкими, возвращая их к невинным истокам отношений:

«Ihr geht den Fluß hinauf, und euer eigenes Fieber fließt euch entgegen, es fließt an euch vorbei. Gleich läßt sein Drängen nach. Und in demselben Augenblick bist du nicht mehr bereit, ihr werdet scheuer. Das ist die Ebbe, die die See von allen Küsten wegzieht. Sogar die Flüsse sinken zur Zeit der Ebbe. Und drüben auf der anderen Seite».

Невинность символизируют в новелле в первую очередь **дети**. Их образы сопровождает героиню на протяжении всего повествования. В начале повествования, когда похоронная процессия движется по улице, героине видны лица детей за закрытыми окнами: *«Kinder pressen ihre Gesichter an die verschlossenen Scheiben».*

Возвращаясь от старухи, несчастная также встречает детей: *«Die Kinder spielen mit den Kugeln am Weg. Du läufst in sie hinein, du läufst, als läfst du mit dem Rücken nach vorn, und keines ist dein Kind. Wie soll denn auch eines davon dein Kind sein, wenn du zur Alten gehst, die bei der Kneipe wohnt».*

В конце новеллы девушка возвращается к состоянию детской невинности и неопытности, она изображена в окружении других детей, которые пока еще не имеют представления о взрослой жизни: *«Überall gehen kleine Kinder nach Hause, die ihre Prüfung bestanden haben, wie du. Ihr alle wißt nichts mehr».*

Кроме детей невинность героини символизируют ее **косы**. Существительное *Zöpfe* (косы) чаще всего употребляется в сочетании с глаголом (*sich*) *lösen* (в значении «распускать(ся), расплетать(ся)»): *«Jetzt wirst du auch die Zöpfe bald lösen dürfen».* Еще один пример из сцены знакомства девушки с будущим возлюбленным: *«Du dankst ihm und wirfst ein wenig den Kopf zurück, und da lösen sich die aufgesteckten Zöpfe und fallen herab. „Ach“, sagt er, „gehst du nicht noch zur Schule“?»*

Как нам кажется, именно в словосочетании «распускать косы» проявляется символическое значение, а именно — невинность, поскольку здесь можно провести параллель: подобно тому, как волосы связаны в косы, взрослые люди связаны условностями. Детей же характеризует в первую очередь непосредственность.

Следующим символом в новелле являются **птицы**: *«Der junge Mann starrt durch das Fenster in den Hof hinunter, da paaren sich zwei Tauben und gurren laut, geekelt wendet er sich ab».*

Мы считаем, что в данном контексте воркующие голуби символизируют любовь (в том числе физическую). Стоя у постели умершей девушки, молодой человек при виде голубей с отвращением отворачивается, поскольку они напоминают ему возлюбленную.

Кроме того, в новелле упоминаются воробьи, которые являются символом полноты жизни. Они воплощают радость существования, беззаботность: *«Die Spatzen schreien fröhlich. Sie wissen nicht, dass es verboten ist, die Toten zu erwecken».*

В завершение отметим, что сложная система символов в новелле создает мощный эмоциональный фон, вовлекающий читателя в душевные муки и переживания главной героини, заставляя сопереживать ей.

Список литературы

1. Metzler Autorenlexikon. Deutschsprachige Dichter und Schriftsteller vom Mittelalter bis zur Gegenwart / Herausgegeben von Bernd Lutz. — Stuttgart, 1986. — S. 2—4.

О. В. Прибылова (Челябинск, Россия)

**ДИНАМИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА
«ТЕРРОРИЗМ» В АМЕРИКАНСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ**

The article focuses on the verbal representations of the concept «terrorism» paying special attention to the changes in the set of the conceptual links. The analysis of the dynamic aspect reveals that the scope of the considered concept varies in accordance with the political and social background. The research is based on the data from the American mass media discourse.

Keywords: *the concept of «terrorism», massmedia discourse, dynamics, conceptual links.*

Конец прошлого века и начало XXI века характеризуется динамичным развитием каналов массового распространения информации — радио, телевидения, прессы, Интернета. Использование языка в сфере массовой коммуникации во многом характеризует языковую ситуацию в современном обществе. Одной из важнейших характеристик медиатекстов является их социально-регулятивная природа, а именно способность интерпретировать реальность, формируя у реципиентов определенную картину мира.

В рамках настоящего исследования мы обратимся к рассмотрению особенностей вербализации концепта «терроризм» в американском массмедийном дискурсе, обращая особое внимание на изменения в наборе языковых репрезентаций анализируемого концепта за период с 1991 по 2011 год.

В период с 1991 по 2001 год наиболее продуктивными являются *эквивалентные оппозиции*, т. е. отношения пересечения. К концептам, вступающим в данный тип отношений с концептом «терроризм», относятся:

– «Политика» — терроризм рассматривается как средство достижения политических целей, инструмент влияния на правительство, действия которого вызывают недовольство у определенных категорий населения:

«Tehran's leaders», says the report issued last month, «view terrorism as a valid tool to accomplish the regime's political objectives, and acts of terrorism are approved at the highest levels of government in Iran» (Time, «Diplomacy of terror», 31.05.1993). («Тегеранские лидеры, — как изложено в докладе, опубликованном в прошлом месяце, — рассматривают терроризм как допустимый инструмент достижения политических целей, и террористические акты получают одобрение на самом высоком правительственном уровне Ирана».)

– «Публичность, привлечение внимания» — действия террористов, помимо запугивания, внушения страха, направлены на создание общественного резонанса вокруг произошедшей трагедии,

обсуждение теракта в СМИ. Террористы стремятся привлечь внимание к проблеме:

«Now that nerve gas has been used on ordinary citizens, it may possibly happen again: the fact that terrorists are copycats and hungry for publicity makes it a near certainty» (Time, «The price of fanaticism», 03.04.1995). («После того как нервнопаралитический газ был использован против обычных граждан, это может произойти вновь: тот факт, что террористы являются подражателями и жаждут общественного внимания, делает это практически неизбежностью».)

– «Страх» — террористические акты, влекущие за собой гибель людей и разрушения, вселяют в массы страх, во-первых, повторения произошедшего, во-вторых, опасения, что правительство не может защитить их, обезопасить от подобных трагедий:

«The attack raised fears of a new wave of terrorism in the capital» (BG, «Moscow Mourns Victims of Walkway Blasts»). («Нападение вызвало страх новой волны терроризма в столице».)

Дизъюнктивные оппозиции представлены связями с концептом «модернизация»:

«This is the dark side of Islam, which shows its face in violence and terrorism intended to overthrow modernizing, more secular regimes and harm the Western nations that support them» (Time, «The Dark Side of Islam», 04.10.1993). («Это темная сторона ислама, которая показывает свое лицо посредством насилия и террора, нацеленных на свержение светских режимов и нанесение вреда поддерживающим их западным странам».)

Терроризм противопоставляется также концептам «демократия», «либеральность». Применение террористических методов исключает возможность соблюдения демократических свобод, а отсутствие демократического режима, соответственно, делает потенциально возможными вспышки терроризма:

«Terrorism can try the soul of any democracy. Under attack by the savage and cruel, liberal concepts such as human rights and due process can appear

irrelevant» (BG, «Torture has no place», 27.08.1995) («Терроризм может подвергнуть испытанию сущность любого демократического режима. Под нападками диких и жестоких, либеральные понятия, такие как права человека и нормы правосудия, могут потерять значение».)

Привативные отношения связывают терроризм с такими концептами, как «насилие» и «преступление».

К примеру, комментируя события в Северной Ирландии в связи с деятельностью террористической организации ИРА, которая борется за независимость Северной Ирландии от Великобритании, журналист называет террористические действия членов ИРА разновидностью насилия:

«I believe that the type of violence we have seen for 30 years has ended, and we are entering a new phase in the type of approach we have to the political process» (NYT, «Clinton in Ulster: The Mood», 04.09.1998). («Я считаю, что разновидность насилия [терроризм], которую мы наблюдали на протяжении 30 лет, выходит на новый этап, в соответствии с нашим подходом к политическим процессам».)

Отношения *тождества* связывают терроризм с концептом «война». В рамках данных отношений действия террористов позиционируются как разновидность войны — спланированные, организованные, а не стихийные военные действия, направленные против мирных жителей США и правительства страны:

Действия террористов, их тактика выбора жертв — среди мирного населения, внезапность нападения, очевидное преимущество перед теми, кто подвергается насилию, — все это приравнивает терроризм к проявлению *трусости*. Террористы не обладают смелостью вести открытую войну, они ждут удобного момента, затаившись, а затем наносят удар по самым незащищенным, тем, кто а priori не может дать отпор:

«Bombing is a coward's way of hurting somebody» (Взрыв бомбы — это способ нанести вред кому-либо, к которому прибегают трусы) (NYT, «Terrorism Now Going Homespun As Bombings in the U. S. Spread», 25.08.1996).

В период с 2001 по 2011 год продуктивные концептуальные связи рассматриваемого концепта представлены привативными, эквивалентными и дизъюнктивными оппозициями, а также отношениями тождества.

Привативные оппозиции представлены такими ожидаемыми концептами, как «преступление» и «насилие». Наиболее продуктивными, как и в случае с рассмотренным выше периодом,

являются *эквивалентные оппозиции*. Для рассматриваемого периода времени характерна сопряженность с упомянутыми ранее концептами «политика», «публичность», «страх». Отличным является гораздо более высокая продуктивность концептуальных связей с концептами «гнев» и «финансы».

О тесной связи концептов «терроризм» и «деньги» свидетельствует частотное употребление словосочетаний типа «terrorism coverage» («объем страховой защиты на случай терроризма»), «terrorism financing» («финансирование терроризма»), «economic cost of terrorism» («экономическая стоимость терроризма») и др. Терроризм, будучи зависимым от финансовых поступлений, нуждается в спонсорах:

«This doesn't mean that Al Qaeda sponsored terrorism emanating from Yemen isn't a big deal...» («Это не означает, что спонсируемый Аль-Каедой терроризм, исходящий из Йемена, не представляет реальной угрозы...») [Time, «Non-event of the year (so far)», 11.01.2010].

Достаточно частотными в массмедийном дискурсе могут считаться *дизъюнктивные оппозиции*, предполагающие взаимное исключение сопоставляемых концептов. Данный вид отношений представлен противопоставлением «терроризма» концептам «свобода» и «мечь»:

«Russia's black widows: terrorism or revenge?» («Черные вдовы России: терроризм или мечь?») [Time, «Russia's 'black widows': terrorism or revenge», 07.04.2010].

Приведенный выше пример опровергает расхожее мнение о том, что теракт может совершаться из соображений мести.

Отношения *тождества* связывают терроризм с такими концептами, как «война» и «манипуляция»:

«He [the terrorist] was a Nigerian jihadist on a combat mission, deployed to a foreign battlefield» («Он [террорист] был нигерийским джихадистом на боевом задании, переброшенным на вражеское поле») [WP, «Holder's ignorance», 4.02.2010].

Примечательно то, что манипуляция рассматривается не только как феномен управления поведением широкой аудитории, населением страны за счет его устрашения, запугивания, но и по отношению к действиям самих террористов, которые являются пешками в руках вышестоящего «мозгового центра».

Приведем сопоставительную таблицу наиболее частотных и продуктивных концептуальных связей терроризма с разбивкой на два временных периода.

Таблица 1

Концептуальные связи терроризма в американском массмедийном дискурсе

Тип концептуальных связей	1991—2001 гг.	2001—2011 гг.
Привативные оппозиции	Насилие Преступление	
Эквивалентные оппозиции	Политика Публичность Страх	
		Гнев Деньги
Дизъюнктивные оппозиции	Модернизация Демократия	Свобода Мсть
Отношения тождества	Война	
	Трусость	Манипуляция

Обращая внимание на различия в вербализации концептуальных связей, отметим, что для периода с 1991 по 2001 год специфичными являются дизъюнктивные оппозиции с концептами «модернизация» и «демократия», а также отношения тождества с концептом «трусость». Более поздний период (с 2001 по 2011 год) характеризуется отношениями дизъюнкции с концептами «свобода» и «мсть», эквивалентными оппозициями

с концептами «гнев» и «деньги», а также отношениями тождества с концептом «манипуляция».

Общими для обозначенных периодов являются следующие связи:

- привативные оппозиции связывают концепт «терроризм» с «насилием» и «преступлением»;
- отношения тождества с концептом «война»;
- эквивалентные оппозиции с концептами «политика», «публичность» и «страх».

И. В. Прихода (Челябинск, Россия)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ МЕТАТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ПРОЗЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА (на примере «Эстетики Не-Х» Н. Байтова)

The article deals with the concept of metatextuality in the study of literature and linguistics: from the beginning in the humanities to the modern conceptions. It is given a brief description of post-modernism's works, which have the biggest concentration of metatextuality among works of art today. It is given the analysis of one of the post-modernism's works and conclusions about language expression of metatextuality.

Keywords: *metatextuality, metatext, postmodernism, self-reflection, means of language.*

Элементы метатекстуальности встречались в литературных произведениях с тех пор, как человек начал задумываться о специфике и сущности литературы, размышлять над творческим процессом как таковым. Обычно появление феномена метатекстуальности в литературе связывают с проникновением рефлексивного начала в структуру художественного текста. На определенных этапах своего развития литература раздвигает свои границы и вводит в сферу эстетического анализа сам художественный процесс. Постепенно метатекстовый «слой» становится самостоятельной частью художественного произведения, имеющей особые функции и особое содержание.

Как среди литературоведов, так и среди лингвистов нет единого толкования понятия «метатекстуальность», как и нет единого мнения о том, когда появился данный феномен.

Общим и основным источником современной концепции метатекстуальности является идея диалогичности М. М. Бахтина, вносящая и раскрывающая понятия «чужое слово» и «двуголосое слово» (его можно рассматривать как метаструктуру) в литературоведческий диалог.

Именно метатекстуальность (как средство реализации — метатекст) выводит произведение во внешний мир, связывает повествователя с адресатом. В нем (метатексте) содержится множество прямых обращений к фиктивному читателю,

вопросов, советов, инструкций, пожеланий и т. д., что не может не отражаться на восприятии произведения конкретным реципиентом. Также метатекст создает иллюзию одновременности повествования и рецепции, что содействует формированию ситуации диалога, со-творчества.

Метатекстуальность в литературном произведении — важное условие для наиболее адекватного восприятия и понимания. Можно сказать, что именно метатекстуальность позволяет реализовать коммуникативный потенциал произведения наиболее полно.

Произведения, обладающие метатекстуальностью, связывают в основном с постмодернизмом. Что отличает этот пласт произведений? Прежде всего повышенная литературоцентричность, стремление постмодернистских писателей к эклектике, включению в свое творчество всего (не только литературного) опыта мировой культуры, к расширению контекста и вовлечению нового материала в сферу литературы. Способствует последнему и интерес писателей к процессу означивания, который эксплицируется в многочисленных автокомментариях, метаописаниях, встраиваемых в повествование. Это напрямую связано с онтологией метатекста, отсылающего читателя не к чужеродным текстам, а к претексту, осмысляемому писателем в процессе творчества. Затем ризоматичность, фрагментарность, неиерархичность произведений, нелинейность и многомерность повествований с метатекстовым компонентом. Метатекст может выступать некоторым метаорганизатором достаточно независимых, иногда разобщенных частей повествования, эксплицируя связи между ними.

Благодаря метатексту малозаметное в классическом нарративе событие рассказывания становится полноправным и самоценным событием постмодернистского художественного произведения.

М. Н. Липовецкий в монографии «Русский постмодернизм (Очерки исторический поэтики)» говорит об изменении качества авторского сознания в произведениях постмодернизма, о «разрушении прерогативы монологического автора на владение высшей истиной», о преобладании многоуровневого диалога точек зрения [Липовецкий 1997: 200].

Понятие «метатекст» в лингвистике стало широко использоваться после статьи А. Вежбицкой «Метатекст в тексте». Авторский монологический текст рассматривается как «двутекст»: само высказывание и высказывание о высказывании, или комментарий к высказыванию. Подобные диалогические отношения возможны к высказыванию

в целом или к отдельным его частям или словам. Это происходит, когда автор отделяет себя от высказывания, говорит с внутренней оговоркой, показывает дистанцию по отношению к своему высказыванию, разграничивает свое авторство.

Как упоминалось ранее, среди лингвистов нет единства во мнениях относительно метатекстуальности и средств ее выражения в произведении (тексте). Рассмотрим основные, наиболее важные и интересные для нас концепции.

В. А. Лукин как средства реализации метатекстуальности рассматривает собственно метатекст, метатекстовые элементы и метатекстовые фрагменты. Метатекстовые элементы не являются текстовыми знаками. Все они либо языковые знаки, выполняющие метатекстовую функцию, либо представляют собой речевые клише и устойчивые словосочетания. Во-первых, они по преимуществу выполняют функцию связности; во-вторых, не связаны семантически со всем пространством текста и, в-третьих, не являются знаками, способными к представлению содержания текста или значительной его части в сжатом виде. Сумма подобных сегментов конкретного текста не складывается в отдельный текст или метатекст. Они едины для всех текстов и образуют часть словаря метатекстовых средств языка.

А метатекст в тексте Лукин понимает как «такую часть текста, которая обладает свойствами связности и цельности (то есть в пределе — вполне самостоятельный, семантически автономный текст)» [Лукин 1999: 112].

Если метатекстовый знак не является равным тексту, Лукин предлагает называть его метатекстовым фрагментом. Метатекстовый фрагмент образует или занимает сильную позицию, он в значительной мере семантически автономен, хотя чаще всего не обладает самопонятностью. В отличие от метатекстовых элементов, служащих средством когезии, собственно метатексты в тексте и метатекстовые фрагменты стремятся к выполнению функции глобальной связности, будучи соотнесены со всем пространством материнского текста.

А. В. Шаймиев выделяет и исследует метатекст двух типов: «интраметатекст» и «сепаративный метатекст». Интраметатекст представляет собой метатекстовые операторы, вплетенные в ткань основного текста. Сепаративный метатекст — это композиционно дистанцированные от основного текста образования (введение или предисловие, комментарий, примечания в форме сносок, аннотация).

Рассмотрим типичное произведение постмодернизма — «Эстетику Не-Х» Н. Байтова.

Формально «Эстетика Не-Х» является сборником рассказов, некоторые из которых имеют четкую событийную линию, другие же представляют собой размышления автора о том, что писать, как писать, т. е., говоря словами Вежицкой, размышления «о речи в момент речи» [Вежицкая 1978: 410].

Последние для литературоведов представляют особый интерес, так как соответствуют литературоведческому определению метатекста — текста о тексте и (или) текста в тексте.

Обобщая мнения лингвистов, можно сделать вывод о том, что метатекстуальность присуща любому виду текста — от художественного до бытового.

Предпоследний рассказ «Траектория Дед Мороз» — чистый диалог с читателем, раскрывающий размышления автора по поводу своего и вообще художественного творчества. Сюжет — сам процесс создания, творчества, повествования. Можно рассматривать данный рассказ как метатекст ко всему сборнику.

Попробуем проанализировать его как целостное и самостоятельное произведение, как претекст или материнский текст.

Наиболее ярко метатекстуальность рассказа проявляется в комментариях автора. Пользуясь терминологией В. А. Шаймиева, обозначим их как сепаративный метатекст произведения, служащий адекватному восприятию целого текста. Сепаративный метатекст, как правило, связан с функционированием текста в определенной ситуации. («1. Неразборчиво: не могу разобрать свой собственный почерк; что я тут писал? да это ли я? — прошло столько лет, что, что уже и почерк разобрать не могу; подозреваю, однако, что здесь должны были стоять слова «надежду я питал» или «вопрос этот ставил» (м. б. «задал»?...»), («4. Непонятно, чье поведение, и теперь мне кажется (почему я и решил уточнить), что я имел в виду поведение обоюдное: и объектов, и пилота ...»). Метатекст в данном случае составляет $\frac{3}{4}$ всего произведения, что опять же подчеркивает то, что во главе угла — не события, а сам процесс написания, создания.

Периодически подобные автокомментарии появляются и в самом тексте произведения: «...я уже давно взял себе за правило писать короче, правда, я не помню, писался ли этот текст, это лирическое эссе до того, как я принял это решение, или позже, однако же, судя по многим внутренним признакам, писался он вскоре после 85-го года...»; «...тем не менее ясно, что я имею в виду общепринятые нормы, которым должен худо-бедно соответствовать художественный текст...»; «Здесь

отступление: придётся пояснить. — Задача реконструкции утраченного текста (или симулякра утраченного, чем так виртуозно владел Пушкин) — одна из старейших постмодернистских задач. Ею занимались люди, которым ещё и во сне не снилось слово «постмодернизм», — например, Брюсов и Ходасевич (оба в применении к Пушкину)». В данном случае функция метатекста — развертывание текста, экспликация прагматических речевых смыслов. Принимая терминологию Шаймиева, мы относим его к интраметатексту.

Принято считать, что исследование метатекста в лингвистике началось со статьи А. Вежицкой «Метатекст в тексте». Рассмотрим основные ее положения (статьи) применительно к анализируемому произведению. Для этого выделим функции метатекста согласно автору статьи.

1. Прояснение «семантического узора» текста. Этому служат вводные слова и обороты с семантическим элементом «говорить» и собственно метатекстовый плеоназм «говорю...». «Сначала — чтобы сразу пояснить — я обозначаю свои эмоции...», «Но критики не понимают (лучшие критики, умные, — про быдло, надменно воротящее нос от «самодеятельности», я не говорю)...», «...без всякой, так сказать, экологической совести...», «Вот поэтому я и утверждаю, что...», «Хотя глупости я говорю: кому она может быть памятна, кроме меня?», «Повторяю: не твоё дело», «...и редко, надо сказать, ошибаются...», «...на котором лётчик, скажем, выполняет боевую задачу...», «...без всякого, надо сказать, намерения...», «хотя обе они предполагают непривнесение ничего, так сказать, художественного...», «однако, позволь заметить, что...»

2. Отстранение от своих слов. Автор показывает дистанцию по отношению к своему высказыванию. «Это надо было бы быть полным отсталым деревенщиной, чтобы верить, как при советской власти, будто бы искусство...», «что, дескать, всё, что он (то есть я) пишет...»

3. Указание темы высказывания. «Что касается Кима, то его проект...»

4. Связь между фрагментами высказывания. Здесь А. Вежицкая выделяет несколько групп: **ход мысли «в сторону»**: «Впрочем, всё было иначе...», «...а между тем разница между научной и боевой задачей всё же есть», «...как тут не вспомнить, кстати, и Канта...»; **очередность высказывания**: «Во-первых, это должна быть неуверенность...», «Второй принцип — это эклектика...», «...а не является ли, напротив, сам наш

социум инерционным продолжением детского сада?» — или дальше, замирая от омерзения...», «...или ещё дальше, проваливаясь наконец в такие подозрения...» (пунктуация автора), «...однако дальше следует вот что: быть может, гибель настигает нас...» Вежицкая выделяет основной связующий элемент «о котором я говорил...». Мы отнесем к данной группе предложения, отсылающие читателя к уже недавно автором сказанному, написанному, объявленному: «...как я уже объявил...», «...как ясно из вышесказанного...», «Я сказал, что Х-эстетика тоталитарна...», «...объектов, о которых я завёл речь...»

5. Установление эквивалентности и квазиэквивалентности. «И это всегда есть делание так называемого «ненастоящего» искусства, — иными словами, самодеятельность», «...которое, таким образом, выступает в виде “настоящести”, “бытийности”, то есть не качеств вовсе...», «И хоть я пятнадцать лет занимался совершенно другим делом, а точнее сказать — не занимался ничем...», «...Одним словом, это был из самых бездарно сработанных рекламных листов...», «...в себе много лет, а точнее говоря всю жизнь», «...если мыслить, так сказать, “здорово”, то есть я имею в виду мнение гипотетического здравомыслящего, укоренённого в объективном мире сознания...», «...представив себе нечто вроде корабля или лучше, пожалуй, самолёта, на котором лётчик, например, выполняет боевую задачу...», «...маски, за которой естественно предположить пустоту, или точнее, безразлично, что за ней предположить...», «...и значит — более отвратительная для меня, верней сказать, не “отвратительная”, а — я бы чувствовал от неё сильный дискомфорт...», «...без всякого, надо сказать, намерения, то есть произвольно обозначая...», «...а тогда от чего же зависит сам способ как не от нашего произвола, а точнее, от какой-то нашей склонности...», «...когда тот принимает любую форму, которая ему предлежит, или, лучше сказать, безличной субстанции пилота...»

Некоторые автокомментарии, обозначенные нами, как метатекст в тексте, выделены графически: «...*(а как мне надоело, что мои поставленные вслед друг за другом буквы не дают существенно никому ничего!)*, *(а как это сравнивать?)*», что позволяет говорить о метатекстуальной функции невербальных средств языка.

Таким образом, метатекстуальность в тексте могут выражать следующие средства языка:

1. Предложения (также придаточные) с элементом «говорить» (все поле значений) во всех временах.
2. Вводные слова и словосочетания с модальным значением, выражающие оценку говорящим

степени достоверности сообщаемого (уверенность, предположение, сомнение, неуверенность и т. п.)

3. Вводные слова и словосочетания, указывающие на связь мыслей, последовательность изложения.

4. Вводные слова и словосочетания, указывающие на приемы и способы оформления мыслей, на экспрессивный характер высказывания.

5. Вводные слова глагольного типа, выраженные инфинитивами, инфинитивными сочетаниями и деепричастиями.

6. Вводные предложения

7. Вставные конструкции

8. Частицы

Метатекстуальность способствует наиболее адекватному пониманию и восприятию данного произведения, приближению автора и читателя за счет формирования ситуации диалога, связи разобщенных частей произведения в одно целое.

Список литературы

1. Байтов Н. Эстетика Не-Х. Режим доступа: <http://www.levin.rinet.ru/FRIENDS/BYTOV/index.html#3>
2. Бахтин М. М. Из предистории романного слова // Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 335
3. Бахтин М. М. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке Режим доступа: <http://sgulingv.narod.ru/seminar/bahtin2.doc>
4. Вежицкая А., Метатекст в тексте. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402—421.
5. Волошинов В. Н. [Бахтин М. М.] Марксизм философия языка. М., 1993. С. 25
6. Горобинский М. Металингвистическая концепция современности Михаила Бахтина // Два Михаила Бахтин и Горобинский : [персон. сайт] / М. Горобинский. — Режим доступа: <http://bakhtin.narod.ru/metalingvistics.htm>
7. Липовецкий М. Н. Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики): монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1997. 317 с.
8. Лотман Ю. М. Роман в стихах Пушкина «Евгений Онегин». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста (1975). СПб., 2003. С. 417
9. Лукин, В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. М.: Ось-89, 1999. — 189 с.
10. Шаймиев В. А. Метатекст и некоторые его признаки // Лингвистический семинар. Вып. 1. Язык как многомерное явление: межвуз. сб. науч. тр. СПб.; Бирск, 1996. С. 83

О. В. Ровная (Екатеринбург, Россия)

АТТРАКТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА
В ЖУРНАЛИСТСКОМ ФРАНЦУЗСКОМ ДИСКУРСЕ

A structural changes of the grammatical form, to which adjectivity is implied, are conditional upon the forms semantic stuff. Therefore, the transformations of the two basic structures (attributive and predicative) which usually generates the adjective meaning, may regards as the result of the relevance of the grammatical meanings to the different fields of extralinguistic reality — objective and significative ones.

Keywords: *discourse, French journalistic discourse.*

Современные издательские дома французских газет и журналов стремятся не только к информативности, но и к достижению максимального прагматического воздействия на читательскую аудиторию.

Газетная и журнальная речь (так называемый язык прессы) относится к публицистическому стилю — одному из книжных, но отличается тем, что используемые языковые средства рассчитаны больше на эмоциональное воздействие на адресата, поскольку здесь «важен не столько смысл сказанного, а эмоции, рожденные сказанным» [Шаховский 2008: 272]. Журналистский текст — продукт коммуникативной деятельности и всегда обращен к «эмоционально-волевой сфере» читателя [Чудинов 2004: 207].

Тем не менее в языке прессы действуют стилевые принципы функционирования языковых средств. Он обладает достаточной целостностью и речевой системностью, но оказывается наиболее восприимчив к различного рода экспериментам и инновациям. Своеобразие данного стиля обусловлено тем, что в т. н. «эксперименте» авторы используют языковые средства разных уровней: лексического, морфологического и синтаксического и их комбинации.

Настоящее время отмечено всплеском новых концептуальных реалий и ответными речевыми новообразованиями. Их разнообразие в современной французской периодической печати поддерживается бесчисленными лингвистическими экспериментами, а адъективные новообразования, на наш взгляд, точно отображают механизм «креативного переосмысления» действительности и порождения «окказионального слово- и фразообразования» [Шаховский 2008: 272].

Так, в материалах французского еженедельника «L'Express» часто встречаются прилагательные или слова в функции адъектива с усилением значения (...*mis en relief*), которое может происходить, например, за счет метафоризации, и речь тогда идет о двойном усилении. Например: *Mais toutes les sociétés familiales n'ont pas les moyens de se payer les meilleurs conseils de France et de*

Navarre pour effectuer les meilleurs montagnes en matière de transmission... / Но не все семейные предприятия имеют средства оплатить лучшие консалтинги Франции и Наварры, для того чтобы принять оптимальные решения по финансовым операциям [Exp 15—21/09/05]. В адъективной синтагме *Meilleurs conseils de France et de Navarre / Лучшие советы Франции и Наварры* автор усиливает семантику препозитивного прилагательного *meilleur* дополнением *Франции и Наварры*, восходящим к давно забытой формуле: *Sa majesté très-chrétienne, roi de France et de Navarre / Его христианнейшее величество, король Франции и Наварры*. Адъективная синтагма *meilleurs conseils de France et de Navarre / лучшие советы Франции и Наварры* является парافразом *королевские советы (les conseils Royaux)*. Известно, что королевство Наварра было территорией, присоединенной к Франции в результате династических браков. Исторический контекст и аллюзия усиливают современную семантику, содержащую сему «авторитетный, неприкаемый». Адъективная синтагма *meilleurs conseils de France et de Navarre* корреспондирует с синтагмой *les meilleurs montagnes*.

Постпозитивное усиление возможно также за счет уточняющих конструкций, структурных и графических маркеров. Приведем примеры: *Enfin il est possible de remettre à son notaire en présence de deux témoins un testament sous pli scellé — dit mystique / Наконец возможно вручить своему нотариусу в присутствии двух свидетелей запечатанное завещание — так называемое мистическое [Exp 15—21/09/05].* Адъективная синтагма *un testament sous pli scellé* (завещание в запечатанном конверте, запечатанное завещание) восходит к конструкции *Envoyer un message sous pli cacheté (scellé) / Отправить послание в сложенной бумаге*. Сложенная и соответствующим образом склеенная бумага служила конвертом, но дефисное выделение выражения «*dit mystique*» / «так называемый мистический» усиливает контекст. Таинственность действительно становится более ощущаемой. Данные приемы часто встре-

чаются в текстах французской прессы. Приведем отдельные примеры: *La loi oblige tous les candidats à la présidence de la République à remettre au Conseil constitutionnel, sous pli scellé, une déclaration complète de patrimoine, qui sera rendue publique... Mais l'époque les incite, aujourd'hui, à desceller l'enveloppe / Закон обязывает всех кандидатов на президентский пост Республики предоставить в Конституционный Совет в запечатанном конверте, скрепленном печатью, исчерпывающую декларацию об имуществе, которая будет обнародована... Но время требует сегодня от них снять печати с конверта [Exp 25/01/07].* Сема «тайна» дополняется глагольной синтагмой *desceller l'enveloppe / снять печати с конверта*. Приведем пример графически маркированного уточнения, выраженного предикативно оформленным определением: *Mais il est un homme de droite sculpté d'une pâte particulière! Comme Victor Hugo le fait dire à Hernani, «c'est une force qui va», un homme d'action / Это был представитель правых, сделанный из особого теста, как говорил Эрнани у Виктора Гюго, «это олицетворение движущей силы», человек действия [P 04/12/08].* В конструкциях постпозитивного определения часто используются трансформы паремиологических единиц или устойчивых выражений: «...*les décisions mi-chèvre, mi-chou / решения и вашиим, и нашиим*. По словарям, выражение соотносится с паремиологической единицей *ménager la chèvre et le chou / вести спор так, чтобы не принимать ничьей стороны*. В современном контексте актуализируется аспект целесообразности принятый компромиссных политических решений. Авторы завуалированно относят действие к имеющим место геополитическим и геоэкономическим противоречиям в нашем мире. Приведем аналогичные примеры: *Ce contrat de gré à gré établirait un triple partenariat / Этот контракт по взаимному соглашению установил бы тройственное партнерство [Exp 18—24/10/07].* Адъективная синтагма включает устойчивое сочетание *de gré à gré / по любовно, по взаимному соглашению*. В самом начале статьи, посвященной первому государственному визиту Н. Саркози в Марокко, автор использует устойчивое выражение с нейтральной семантикой *Le royaume chérifien accepterait de signer un protocole d'accord pour la réalisation d'un TGV / подписать протокол согласования*. Однако при появлении «добавочной» эмотивно маркированной контекстной семы автор вводит стилистически маркированную единицу *de gré à gré*. Семантика изменена. Стилистическое маркирование позволяет не только усилить и «приукрасить»

прагматику речевой единицы, но и реализовать так необходимую в языке прессы политкорректность (*une visite sans tambour ni trompette / визит «без почестей»*). В адъективной синтагме *...comédie mi-figue, mi-raisin située dans le milieu littéraire parisien... / ...комедия о парижской литературной среде — «странная и двойственная» по смыслу компонент mi-figue, mi-raisin* восходит к идиоме *mi-figue, mi-raisin*, которая означает «двусмысленность или неоднозначность ощущения от чего-то комичного или серьезного».

Обособленная атрибутивная препозиция усиливает субъективно-оценочную семантику: *Mi-figue, mi-raisin, Zorzi remache volontiers l'humiliation infligée à sa patrie, dit-il, par ce Napoléon dont il parle au présent [Exp/25/07/05].* Текст посвящен проблемам Венеции. Автор обращается к директору самой старинной библиотеки Италии «Марсиана» — Марино Зорци, который с горечью говорит о временах, когда войска Наполеона определяли быт и культуру Венеции. Однако ситуация наших дней ещё более печальна. Венеция и её знаменитая площадь Сен Марк стали местом «грязного» коммерческого бизнеса. Автор недоумевает — и это главное для него: в чем же целесообразность массового туризма, разрушающего уникальную культуру?

По справедливому мнению Е. Э. Бабаевой, появление добавочной образности к идентичному смыслу обусловлено непрерывным процессом ассоциативного мышления как «мерцанием тех или иных представлений (или ощущений)» или как «постоянной сменой в «поток сознания фокуса внимания». В основе семантики «обусловленных смыслов», как полагает Е. Э. Бабаева, лежат идеи, формирующие «разные значения или блоки значений, которые в свою очередь проистекают из комплекса представлений», получающих вариативную синтагматическую реализацию [Бабаева 2006: 780—781].

Подтверждением являются адъективные синтагматические структуры, смысл которых формируется из аллюзий и реконструируемых исторических или культурологических контекстных элементов прошлых лет. Например: *Cette formule «en trois cahiers» semble inspirée d'exemple anglo-saxons / Эта формула «три тетради» кажется вдохновленной англо-саксонским примером [Exp 15/09/05].* По одному из значений LNPR 2009 выражение «*en trois cahiers*» — устойчивое, означающее «точные предписания исполнения того или иного политического решения». Исторический факт забыт и прототипический инвариант значения деактуализирован. В указанном нами варианте

употребления значение метафорично, поскольку включает сему успешность, не совсем уместную в данном контексте. Таким же образом усилена аттрактивность в следующем примере: *...de même le toilettage en profondeur du Code Civil qui va être discuté par le Parlement d'ici à la fin de l'année / ...глубокий пересмотр основ Гражданского Кодекса, который будет обсужден Парламентом до конца года...* [Exp 15/09/06]. Автор использует ассоциативную аллгорию — в значении ощущается ирония. Действительно, Франция до сих пор живет по знаменитому Кодексу Наполеона, который с 1804 года практически не претерпел изменений и по-прежнему является основанием континентальной гражданско-правовой традиции. «Ровно в 1890 году, в конце девятнадцатого века, впервые прозвучала структура *fin-de-siècle*, используемая в функции прилагательного, означала завершение девятнадцатого столетия — передового, модернистского <...> если не принимать во внимание хронологию, двадцатый век завершился событиями 1989 года» [Д. Лукач 2003: 234]. Этот же прием использован в другом примере: *Nous avons déjà affaire à plusieurs situations qui marquent des différences d'approche entre les pays: l'espace Schengen ou la zone euro ne concernent pas tous les membres de l'Union / Мы уже имеем дело с множественными ситуациями, которые отражают различия в подходах по сближению между странами: Шенгенское пространство или зона евро касаются не всех членов Союза* [Exp 18/10/07].

Фактором, определяющим выбор аттрактивных языковых средств при формировании речевых единиц с адъективной семантикой, как показывают наблюдаемые факты, является в большей степени экстралингвистический контекст. Например: *Après le communisme, son entreprise d'Etat a été liquidée, comme tant d'autres. ...Sur un banc, Stefan, 59 ans, le menton sali de barbe, lève ses yeux lourds: «Moi, j'ai 135 euros par mois — ça peut être le diable qui gouverne, je m'en fous...» Le principal était de sortir du communisme sans bain de sang, analyse le sociologue Marcin Erybes / После коммунизма его государственное предприятие было ликвидировано, как множество других.*

...На скамейке — Стефан, 59 лет, с небритым лицом, поднимает глаза с тяжелым взглядом: «Я лично получаю 135 евро в месяц. Да пусть хоть черт всем управляет, мне на это наплевать...» «Главное было выйти из коммунизма без кровавой бани», — анализирует социолог Марсин Эрибес. *Après coup, il s'est créé un sentiment d'abandon de la base sociale et un vide, rempli par la droite populiste / После свершившегося,*

возникли чувство социального забвения и вакуум, переполненный правым популизмом [Exp 18/10/07].

Для воссоздания ситуации абсурда и невероятности вооруженного разрешения социально-экономического конфликта на рубеже веков, автор использует ряд адъективных предложений (по А. А. Шахматову), которые усилены адъективными синтагмами. Кроме того, примененная образная символика, подтверждает утверждение В. И. Шаховского, что идиоматика «словных лингвокультурем связывает ту рефлексивную часть человеческого сознания, которая управляет эмоциями».

Фразеологические корреляты с признаками идиоматичности дополняют фонд языковых средств межкультурной эмоциональной коммуникативной ситуации. Не все единицы имеют параллели образов и ассоциаций, но денотативная прототипичность и экстралингвистический контекст позволяют понимать смыслообразующие компоненты. Например: *...comme une menace à peine voilée de Téhéran... aux couloirs pétroliers en cas d'escalade sur la question du nucléaire / ... как едва завуалированная угроза со стороны Тегерана ...в нефтяных кулуарах в случае эскалации ядерного вопроса* [Exp 29/08/07]; *Concernant la Syrie, le ton de discours devait être en revanche beaucoup plus sec, le président français appelant ce pays à sortir d'une logique d'enfermement et à respecter la souveraineté de ses voisins / Что касается Сирии, то тон речи должен был стать, напротив, намного более сухим, так как президент Франции призвал эту страну отступить от логики закрытой страны и уважать суверенитет её соседей* [Exp 29/09/07]. Следует отметить, что данное положение актуально и для русской прессы, например: *Активисты-общественники смеются: «Мы те, кто работает по принципу “с деньгами и дурак сможет, а ты без них попробуй”». С окончанием холодной войны широкое распространение получили феномены «недееспособного государства» и «неуправляемых территорий» внутри отдельных государств* [С 09/07]; *Само понятие «своя группа» может быть сколько угодно широким: от «мы-я, мой муж и дети» до «мы-жители планеты Земля»; Для них понятие «мы-поляки» — сплав религиозного («мы-католики»), культурного и гражданского смыслов* [И 05/05/07], [Exp 18/10/07].

Происходит связывание контекстных диверсифицированных смысловых нюансов в аттрактивные речевые структуры, отличающиеся эстетической простотой и тем самым — высоким

аттрактивным потенциалом. Приведем примеры из литературной рубрики журнала: *Au début nous imaginons un usage sur le mode balade-loisir se souvient Gilles Vesko/ Вначале мы выдумывали способ прогульно-развлекательный, вспоминает Жиль Веско... [Exp 15—21/09/0].* Адъективная конструкция *le mode balade-loisir / прогульно-развлекательный способ* образована дефисным соединением слов: *balade / прогулка* и *loisir / отдых, развлечение*. Связанные дефисом, близкие по смыслу слова, в синтагматической последовательности усиливают тонкую гамму чувств. В следующем примере — *Cypora Petitjean-Cerf, 31 ans, écrivait un conte malicieux tendre-amer aux sirens / Сипора Петижан-Серф, 31 год, написала язвительную и хитрую нежно-горькую сказку о сиренах... [Exp 21/09/06]* — в синтагме *un conte malicieux tendre-amer/язвительная нежно-горькая сказка* прилагательные *malicieux, tendre-amer* находятся в нестандартной постпозиции по отношению к определяемому слову. Привлекает внимание конструкция *tendre-amer / нежно-горький* в сочетании с прилагательным *malicieux / злой, злобный, колкий, язвительный, насмешливый*. Несогласованная конструкция *tendre-amer* усиливает семантику прилагательного *malicieux*. Язвительная колкость стилистики романа Сипоры Петижан-Серф является своего рода «коктейлем», состоящим из нежности и горечи. Вкусовые ощущения, передаваемые прилагательными «сладкий», «горький», «кислый», выражают определенную эмоциональную оценку: положительную или отрицательную; где сладкий» и «горький» чаще всего связаны с ностальгией по прошлому как прекрасному времени или напротив — печальными воспоминаниями. Метафоры «сладкое / горькое время» предполагают выбор субъекта, присутствие которого предполагается в конструкции «сладкое / горькое время для кого-то».

Таким образом, нельзя исключить, что усиление оценочной семантики логического бинама субъективность / объективность а priori предполагает множественные лексические и морфологические манипуляции в синтаксисе. Периферически выделенные аттрактивные конструкции используются не только для определения номинальной группы и передачи дополнительной образной информации в «условиях времени» (А. А. Шахматову), но и как предложение во фразе — для акцентуализации субъективного мнения автора.

Список литературы

1. Александрова О. В. Кубрякова Е. С. Дискурс // Категоризация мира: время и пространство. — М., 1991.
2. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сб. ст. / науч. ред. П. Е. Бухаркин. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1999. — 444 с.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт / отв. ред. Г. В. Степанов. — М.: Наука, 1988. — 338 с.
4. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. — М.: 1990. — С. 9—12.
5. Бабаева Е. Э. Формирование семантической структуры слова простой в русском языке // Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю. Д. Апресян. — М., 2006. — С. 761—842.
6. Балли Ш. Язык и жизнь / пер. с фр. И. И. Чельшевой, Е. А. Вельмезовой; предисл. В. Г. Гака. — М., 2003. — 232 с.
7. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации: сб. обзоров / ред.-сост. Н. А. Безменова, Л. Г. Лузина. — М., 1986. — С. 100—143.
8. Быков А. Журналистика в мире коммуникации. — Екатеринбург, 2008. — 159 с.
9. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
10. Мамудян, М. Лингвистика / пер. с фр. Л. Г. Ведениной. — М.: Прогресс, 1985. — 200 с.
11. Растье Ф. Интерпретирующая семантика / пер. с фр., примеч. А. Е. Бочкарева. — Н. Новгород: Деком, 2001. — 367 с.
12. Слово и ключевые смыслы в современных медиа-текстах. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2004. — 229 с.
13. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — 5-е изд. — М.: Изд-во ЛКИ, 2011. — 624 с.
14. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. — М.: Гнозис, 2008. — 414 с.
15. Balle F. Médias et sociétés : édition, presse, cinéma, radio, télévision, Internet, CD, DVD / — 13. éd. — Paris: Montchrestien, 2007. — 793 p.
16. Baylon Ch., Mignot X. Sémantique du langage : Initiation. — Paris : Nathan, 1995. — 255 p.
17. Charaudeau, P. Grammaire du sens et de l'expression. — Paris : Hachette Education, 1992. — 883 p.
18. Eriksson O. La phrase française: essai d'un inventaire de ses constituants syntaxiques. — Paris : Svenkst Tryck, Surte, 1993. — 408 p.

19. L'énonciation médiatisée / Zlatka Guentchéva (éditeur). — Louvain : Peeters, 1996. — 322 p.

20. Charaudeau P., Mainguéneau D. Dictionnaire d'analyse du discours. — Paris : Editions du Seuil, 2002. — 666 p.

Сокращения:

LNPR — Le nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. — Paris., 2005—2009.

«Exp» — «L'Express».

«P» — «Le Point».

«C» — «Смысл».

Л. М. Салатова (Челябинск, Россия)

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС КАК СФЕРА-МАГНИТ ДЛЯ МЕТАФОР СО СУБСФЕРОЙ «ЧЕЛОВЕК»

The article contains the analysis of mass-media about the economical crisis in conditions of financial instability in the world economy. The economical constituents of crisis are shown in the examples of Russian and American mass-media discourse.

Keywords: *metaphorical modeling, anthropocentrism, the economic crisis, the frame.*

Метафора является одним из основных средств, используемых в газетных текстах для создания экспрессивного эффекта, оценочного смысла и новых образов. В данной работе метафоры экономического кризиса рассматриваются на основе теории метафорического моделирования действительности — направления, развивающегося в рамках когнитивной лингвистики (Дж. Лакофф, М. Джонсон; А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов; Е. С. Кубрякова; А. П. Чудинов и др.). Когнитивная лингвистика представляет метафору не просто как образное средство, а как ментальную операцию. «Метафоры человека — это особого рода схемы, по которым человек думает и действует» [Чудинов 2001].

Антропоцентризм является ключевой парадигмой современной лингвистики. Центром лингвистического когнитивного исследования является «внутренняя и внешняя жизнь человека, ценности материальной и духовной культуры, отношения между людьми и отношение к себе» [Пименова 2003: 5]. С древних времен человек моделирует, ассоциирует окружающий его мир исключительно по своему образу и подобию, наделяет различные объекты и явления наиболее близкими и понятными ему свойствами и характеристиками [Чудинов 2003: 248].

Рассматривая современный этап экономического развития, можно с уверенностью утверждать, что одной из главных задач для человечества является преодоление кризиса, затронувшего практически все сферы жизни человеческого общества. Кризис экономический стал объектом всеобщего внимания с осени 2008 года и носит

вполне катастрофический и глобальный характер. Данная статья посвящена метафорическому моделированию образа современного экономического кризиса, создаваемого российскими и американскими СМИ.

Антропоморфная метафора представляет экономический кризис в виде человеческого организма, который зарождается, развивается, дышит, питается и умирает. Рассматриваемая метафорическая модель «Кризис — это человеческий организм» является актуализированной в данном дискурсе. Для исследования были выбраны метафорические единицы (МЕ) в российском и американском медиа-дискурсе и выделены следующие фреймы: «Части тела», «Физиологические процессы организма», «Физические действия организма», «Родственные отношения».

1. Фрейм «Части тела»

Причины экономического кризиса, его последствия метафорически изображаются в виде различных частей тела. Они могут быть внешне обычные, уродливые или даже пугающие. Фигурально лицо кризиса имеет обычные, но чаще отталкивающие черты. Высказывания данного фрейма обладают коннотацией с отрицательным вектором:

«Гримасы кризиса: гигантские скидки разоряют москвичей» [Комсомольская правда, 16.07.09].

«В то время как во всем мире экономика под зубами кризиса трещит по швам, в Китае она растет» [АиФ, 10.03.09].

«Когда он придет, встанет здесь на пороге, растопырит свои страшные ноги и руки, то

разрушатся все иллюзии, замолкнут сладковатые речи.» [Завтра, 24.03.2010].

«Two years have passed since the worst economic crisis dealt an ugly body to the world economy» [Alameda Times, 07.11.2010]

Два года прошло с тех пор, как самый ужасный экономический кризис распростер свое уродливое тело над мировой экономикой.

«An economical crisis always hand in hand with currency woes...» [Time magazine, 01.01.2009]

Экономический кризис всегда идет рука об руку с валютными бедствиями.

Ведущая функция метафор, составляющих данный фрейм, — вызвать яркую негативную ассоциацию у читателя. В анализируемых примерах наблюдается явление персонификации, где кризис предстает в роли живого агрессивного существа, несущего в себе угрозу для всех присутствующих.

2. Фрейм «Физиологические процессы организма»

Данный фрейм метафорически представляет экономический кризис в виде существа, живущего по естественным физиологическим законам.

«Кризис поглотил банкротов» [Коммерсант, 08.04.09]. *«Кризис "съел" половину бизнес-ланчей»* [Комсомольская правда, 10.11.08].

«The subprime economic crisis has sucked an enormous amount of liquidity from our markets; without this liquidity, banks have become unwilling, or unable, to extend credits to our consumers» [Times-Journal, 10.10.2008].

«Нестандартный экономический кризис высосал огромное количество ликвидности из наших рынков, без этой ликвидности банки стали неспособными выдавать кредиты нашим потребителям».

Данные метафоры представляют образ существа, способного к поеданию чего угодно и кого угодно, перед лицом которого люди чувствуют свою безысходности и беспомощность.

«Финансовый кризис в Китае отдает сталью» [Коммерсант, 02.10.08].

Данная метафора репрезентирует кризис как живой организм, имеющий свой специфический запах, далеко не притягивающий, а скорее наоборот, — имеющий отталкивающий, холодный, неприятный оттенок.

3. Фрейм «Физические действия организма»

Действия, последствия экономического кризиса метафорически ассоциируются с движением рук.

«Масло в огонь подливает мировой экономический кризис...» [Независимая газета, 10.05.2009]. В представленном примере автор апеллирует к хорошо известному фразеологизму «подливать масло в огонь», обладающего прагматическим смыслом — усиливать воздействие и последствия.

«...когда экономический кризис обрушил на россиян чертову кучу стрессов» [Независимая газета, 17.06.2009].

«...a financial crisis has touched every American's life and reverberated around the world» [Daily Home, 23.10.2010]

«...финансовый кризис затронул жизнь каждого американца и оказал влияние на весь мир...»

«...a deepening economic crises has shaken much of the nation» [Alameda Times-Star 17.01. 2008].

«...углубляющийся экономический кризис потряс большую часть нации...»

В данных примерах кризис фигурально предстает перед нами человеком с длинными руками, способными рушить, наносить вред, трясти.

«Мировой финансовый кризис дал завершающий пинок слабейшему бизнесу» [Комсомольская правда, 24.09.2008].

«Two years have passed since the worst financial crisis dealt an ugly body to the world economy» [Alameda Times, 07.11.2010].

«Два года прошло с тех пор, как самый худший финансовый кризис распростер свое уродливое тело над мировой экономикой».

В данных примерах наблюдается явление персонификации: кризис метафорически представлен как действующее лицо, полноправный субъект экономической и социальной жизни общества.

4. Фрейм «Родственные отношения»

Метафора родства по отношению к экономическому кризису используется для олицетворения его в качестве живого субъекта, имеющего родственные связи как любой человек.

«Прочитано в "Гардиан": отцы кризиса: поименный список» [Комсомольская правда, 27.01.09], *«Братья по кризису»* [Коммерсант, 20.10.08].

Необходимо отметить, что метафоры данного фрейма отсутствуют в американских источниках. Вероятно, это связано с тем, что тема семьи, родственных отношений метафорически не ассоциируется с таким понятием, как кризис.

Проведенный анализ метафорической модели «Кризис — это человеческий организм» показал, что в текстах российских и американских СМИ, представляющих экономический кризис 2008 г.,

присутствует антропоморфная метафора, имеющая негативную коннотацию с векторами агрессивности, жестокости, подавляющей силы, направленной против внешнего мира. Современный кризис сравнивается с неким живым существом, или объектом, имеющим свой жизненный цикл, способным совершать негативные действия, поступки, чреватые разрушающими последствиями. В антропоморфной метафоре усиленно эксплуатируются семы агрессивности, которые помогают репрезентировать отрицательное воздействие экономического кризиса.

Список литературы

1. Ворошилова М. Б. Кризис сквозь смех: метафорический образ мирового кризиса в русской политической карикатуре // Политическая лингвистика: сб. науч. тр. — Екатеринбург, 2008. Вып. 28. С. 89—93.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. — М., 1990.
3. Пименова М. В. О типовых структурных признаках концептов внутреннего мира человека (на примере концепта душа) // Язык. Этнос. Картина мира. — Кемерово: Графика, 2003.
4. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000). — Екатеринбург, 2001.

А. Г. Салахова (Челябинск, Россия)

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПРОПОВЕДИ¹⁵

(на материале текстов пятничных проповедей)

The article is dedicated to the pragmatic characteristics of the modern religious sermon. The sermon as a genre of religious discourse has a wide diversity of means to persuade the recipient. Rhetorical functions and their realization are analyzed on the base of Muslim Friday sermons.

Keywords: *Pragmatics, religious discourse, Muslim sermon, rhetorical functions.*

Современная религиозная проповедь как основной жанр религиозной коммуникации имеет целью приобщить слушающих к вере, раскрыть основы вероучения, сформировать морально-нравственные принципы. Являясь жанром ораторской речи, религиозная проповедь выполняет целый ряд коммуникативных функций. Так, христианские гомилеты выделяют информативную функцию (*narratio*), выражающуюся в повествовании; функцию религиозной презентации, реализующуюся как «свидетельство» (*testimonium*) говорящего, отражающее его искренность и достоверность сказанного; коммуникативную функцию (*communicatio*); функцию разъяснения определенной ситуации и помощи в ее успешном преодолении и т. д. Выделенные нами (см.: [Салахова 2006, 2008, 2009]) функции современной христианской немецкоязычной проповеди характерны не только для католической и протестантской проповедей, но и для православной, а также для исламской пятничной проповеди. К ним относятся следующие функции: апеллятивная, информативная, метаязыковая, экспрессивная и риторическая

функции. В рамках данной статьи мы рассмотрим функционально-прагматическую характеристику пятничной проповеди как жанра религиозной коммуникации.

Доминирующей функцией проповеди как типа публичного выступления признается апеллятивная функция, суть которой заключается в обращении проповедника к слушателям с целью оказания религиозно-мотивированного воздействия на поведение слушателей, формирования у них определенной позиции и совершения определенных действий. Это достигается посредством убеждения, внушения им определенных максим христианского вероучения, эмоционального воздействия. Проповедник не только апеллирует к слушателям, но и в первую очередь обращается к суперагенту религиозного дискурса — Богу, Аллаху. При этом он обращается к Всевышнему от лица всех собравшихся: «Просим Аллаха даровать ещё больше почета и благословения самому любимому из всех Пророков и Посланников — Мухаммаду сыну 'Абдуллаха, мир Ему! А также приветствуем Его потомков, наилучших сподвижников и всех Пророков и Посланников». Призыв к Богу сочетается с восхвалением его, признанием его наивысшим

¹⁵ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант 12-04-00045.

авторитетом. Особенностью мусульманских проповедей является их открытый призыв к определенным действиям, формированию мнения, оценке событий. Например, обращение говорящего в Праздничной проповеди — Курбан-Байрам от 14 октября 2010 г. (www.islamayat.org) начинается словами: «Напоминаю о богобоязненности и призываю себя и каждого из вас быть богобоязненными, соблюдая обязанности и сохраняя себя от совершения грехов». Проповедник открыто призывает к соблюдению религиозных норм поведения, установленных в Священном Писании. Повествуя о смысле богобоязненности, говорящий использует прием наррации. В конце рассказа он делает вывод: «Необходимо взять поучительный урок из этого рассказа, особенно молодежи, чтобы они были послушными и поддерживали родителей в выполнении повелений Всевышнего». Таким образом, в проповеди реализуется апеллятивная функция. Описывая религиозно-одобряемую модель поведения, говорящий апеллирует к слушателям, среди которых он выделяет молодежь и родителей. При этом он дает четкие инструкции всем слушателям (необходимо взять урок), молодежи (чтобы они были послушными и поддерживали...) и старшему поколению (выполнении повелений Всевышнего). Такое открытое утверждение своего мнения говорящим определяется особым статусом проповедника. Как правило, говорящий — наиболее уважаемый, опытный, мудрый человек, знающий Священное Писание, живущий по законам ислама, имеющий непререкаемый авторитет не только среди мусульман, но и в социуме в целом. Кроме того, такой статус проповедника определяется высоким индексом дистанции власти коллективистского мусульманского общества, что также обусловлено исламом. Например, все верующие определяются как «Рабы Аллаха», не отходящие от Единобожия и строго соблюдающие Шари'ат — Закон Божий. В ходе исследования было выявлено, что в мусульманской проповеди наиболее частотны открытые призывы к желаемому поведению. Однако есть случаи имплицитного выражения апеллятивной функции. Они выражены, как правило, противопоставлением. Говорящий противопоставляет истинных верующих неверующим и тем, кто считает себя верующими. Он описывает негативно оцениваемое с позиции ислама поведение, предостерегая верующих от таких ошибок. Тем самым говорящий определяет круг чужих и предостерегает слушателей следовать поведению неверных. Например, «От такого человека не принимаются хасанат — благодеяния,

точно так же, как и 'Абдуллаху ибн Джад'ану не помогли его благие деяния такие как: щедрость, посещение родных и близких, и тому подобное. Он никогда не слышал призыва к Исламу, поэтому Аллах не накажет его, но ему не будет никакого сауаба — вознаграждения». В данном отрывке проповедник разделяет группу своих и группу чужих по признаку веры в Аллаха и предостерегает верующих от возможных ошибок. Несмотря на желаемое поведение (благие деяния), которое приветствуется в исламе, те, кто не слышит «призыва к Исламу», не получают вознаграждения, т. е. не попадут в рай, что недопустимо по канонам ислама. В данном случае проповедник предостерегает от ошибок и подчеркивает сущность ислама в вере, призывая к укреплению веры внутри себя.

Проповедь является не только текстом, апеллирующим к чувствам и разуму слушателей, но и просвещающим, информирующим о событиях в прошлом, и анализирующим причины поведения людей в то далекое время. В данном случае проповедь выполняет информативную функцию. Если проповедь представляет собой информирующую речь, то в ней превалирует изложение. В таком случае ее предназначение — сообщать, передавать новые знания; восполнять пробелы в знаниях; ликвидировать различия в знаниях реципиентов; ранжировать имеющиеся запасы знаний по степени их важности. Апеллятивный характер информирующей речи реализуется через наглядные примеры. При этом реализуются ментальные действия (думать вместе), вербальные действия (осведомиться, возразить) и акциональные действия (что-то делать). Иллюстрацией такого типа проповеди может служить Праздничная проповедь — Курбан Байрам, приводимая выше. Проповедник, говоря об истоках мусульманского праздника, ссылается на Коран и рассказывает о жертвоприношении Ибрагима, жившего по заветам Корана. Его рассказ начинается словами: «Пророку Ибраһиму было повелено во сне, чтобы он принес в жертву своего единственного ребенка (на то время), своего долгожданного и близкого его сердцу сына». Далее говорящий описывает действия Ибрагима, появление ангела и спасение Исмaила. При этом проповедник приводит в доказательство достоверности своих слов Суры из Корана (Сура «Ас-Саффат», Аят 102) или «В другом Аяте Священного Кур'ана сказано...» В конце своего повествования говорящий заключает: «Необходимо взять поучительный урок из этого рассказа, особенно молодежи, чтобы они были послушными и поддерживали родителей в выполнении повелении Всевышнего. Сейчас,

конечно же, не требуется приносить себя в жертву в буквальном смысле, но нужно достойное отношение к родителям». Здесь реализуется апеллятивная функция проповеди (необходимо взять, не требуется, но нужно). Так с помощью описания прецедентной ситуации из Корана проповедник проводит параллели с современной жизнью и дает наставления молодому поколению, указывая на правильное поведение и призывая к нему.

Наряду с информативной функцией проповедь как информирующая речь выполняет метаязыковую функцию посредством сообщения словарной дефиниции, лингвистического анализа, уточнения значения имеющегося выражения в языке. Следует заметить, что данная функция реализуется в мусульманской проповеди по отношению к словам из Корана, требующего четкого толкования и формулировки религиозных истин для верующих. Например, в проповеди о мусульманской вере говорящий заключает: «Аллах не принимает благое дело от неверующего, то есть, нет ему вознаграждения от Творца, даже если от его дел была польза мусульманам». Метаязыковая функция реализуется посредством толкования сути благого дела, которое вводится маркером «то есть». Тем самым говорящий подчеркивает, что под благим делом понимается только то, что сделано мусульманином, верующим в Аллаха, а не просто хорошим человеком. Маркеры «то есть», «это означает» и т. д. очень часто используются в мусульманской проповеди, поскольку в ней есть много цитат из Корана на арабском языке, который не все верующие понимают. Приведем еще один пример из пятничной проповеди «Вера — условие принятия добрых дел»: «Также Пророк Мухаммад, мир Ему, сказал: «*هِيَ فَكَيْفَ أَلَمْ يَأْتِ الْإِنْسَانُ الْخَلْقَ*» Это означает: «Самое лучшее дело — это Вера, в которой нет никакого сомнения». В данном случае метаязыковая функция определяется необходимостью перевода слов пророка Мухаммеда. Зачастую метаязыковая функция реализуется синтаксически. Как правило, это относится к религиозным терминам арабского происхождения, требующим перевода на понятный слушателям язык, в данном случае русский. Например, случаи реализации метаязыковой функции в следующих цитатах из пятничных проповедей: «хасанат — благодеяние», «Шари'ат — Закон Божий», «сауаб — вознаграждение» и т. д.

Экспрессивная функция проповеди осуществляется в выражении позиции проповедника к сообщаемым фактам и событиям. В центре внимания проповеди находятся морально-нравственные

проблемы бытия, слова предостережения и утешения. Экспрессивная функция реализуется как правило через возвышенную тональность, характерную религиозной коммуникации в целом, а также через особую лексику, религиозный социолект. Примером могут служить лексические единицы с абстрактным значением, относящиеся к семантическому полю «религия», а также «воспитание», «культура», «мораль», образные сравнения, апелляция к этосу и пафосу. Так, в мусульманских проповедях любое упоминание прецедентных имен сопровождается словами «мир Ему» и «да благословит его/ее Аллах», тем самым формируется уважительное, благоговейное отношение к нравственным образцам мусульманской религии.

Орнаментальная функция основана на ассоциативно-метафорическом типе связи, на привлечении внимания к самому сообщению. При произнесении проповеди решающее значение проповедник отдает выбору слов и выражений, риторических приемов убеждения. Орнаментальная функция понимается как способ эмоционального убеждения адресата в каком-либо мнении говорящего. В мусульманской проповеди использование орнаментальной функции обусловлено самой восточной культурой, направленной на высококонтекстуальную коммуникацию, образность мышления, иносказательность. Это доказывает текст Священной книги мусульман — Корана. Наибольшее количество эпитетов обращено к Аллаху: Всевышний, Творец Всемогуший, Всевидящий и Всеслышающий, Всезнающий Создатель и т. д. Сама проповедь начинается с обращения к Богу: «Хвала Аллаху Всевышнему. Хвала Аллаху, равному Которому нет и нет ничего подобного Ему, Который создал вселенную Своим Всемогушеством без чьей-либо помощи...» Орнаментальная функция в данном примере реализуется не только на лексическом уровне посредством эпитетов (Всемогуший, Своим Всемогушеством) и отрицаний и отрицательных сравнений (нет, без, ничего подобного), но и на синтаксическом (параллелизм, эпифоры, анафоры), а также на графическом уровне с помощью заглавных букв, служащих маркерами обращений к Богу (Который, Своим Всемогушеством). Данная функция служит эффективным средством прагматического воздействия на слушателей / читателей и придает речи торжественность, возвышенность, посвященность в религиозную жизнь.

Итак, современную мусульманскую проповедь отличает многофункциональность, связанная с ее многоплановой природой. Важнейшими функ-

циями пятничной проповеди являются информативная, метаязыковая, апеллятивная, экспрессивная и орнаментальная функции, определяющие стратегический характер коммуникативного взаимодействия в проповеди. Особенности реализации данных функций в мусульманской проповеди являются открытое выражение ценностей ислама, прямая апелляция к религиозно одобряемому поведению, особая роль метаязыковой коммуникации, определяемая необходимостью перевода слов Корана, дефиниции религиозных терминов, представляющих собой заимствования из арабского языка, использованию орнаментальной функции при обращении к Высшему существу — Аллаху. Все это отражается в возвышенной тональности пятничной проповеди. Эксплицитность религиозной коммуникации определяется сутью ислама, целями проповедника в процессе коммуникации и свидетельствует о непрерываемом авторитете говорящего, определяемом самим мусульманским обществом.

Список литературы

1. Вера — условие принятия добрых дел. Пятничная проповедь. 25.11.2011. — Режим доступа: www.islamayat.org/pyatnichnye-propovedi/vera-uslovie-prinyatiya-dobryx-del.html
2. Праздничная Проповедь — Курбан-Байрам. Пятничная проповедь. 14.11.2011. — Режим доступа: www.islamayat.org/pyatnichnye-propovedi/prazdnichnaya-propoved-kurban-bayram.html
3. Салахова А. Г. Проповедь как институциональный и бытийный дискурс // Язык и общество: материалы междунар. науч. конф., 26 окт. 2006 г. Т. 2 / отв. ред. И. Н. Тупицына. — М.: РГСУ, 2006. — С. 84—87.
4. Салахова А. Г. Современная религиозная проповедь как креолизованный речевой жанр // Филологическое науки. Вопросы теории и практики. В 2 ч. — Тамбов: Грамота, 2008. — № 1 (1). — Ч. 1. — С. 153—155.
5. Salakhova A. Study of cognitive model of religious discourse // Text Processing and Cognitive Technologies. Collection of Papers. Issue 18. Cognitive Modeling in Linguistics: Proceeding of the XI International Conference. — Kazan: KSU, 2010. — P. 137—141.

М. А. Самкова (Челябинск, Россия)

КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В РАМКАХ УЧЕБНОГО ДИСКУРСА

The article considers the usage of cognitive strategies in communicative, intensive, learner-centered approach teaching English as a second language.

Keywords: *cognitive strategies, communicative method, intensive method, student-centered method.*

К основным вопросам современной прикладной лингвистики, педагогики, дидактики относятся эффективность применения разнообразных методов обучения иностранному языку в рамках учебного дискурса, среди которых выделяют методы коммуникативного, интенсивного, личностно-ориентированного обучения. Данные методы выражаются в познавательных, стратегиях, которыми в ходе активной деятельности пользуются учащиеся, тем самым повышая свой общий уровень развития и эффективность обучения.

Первоначально необходимо сформировать представление об учебном дискурсе как о самостоятельном, целостном объекте и дать его определение.

Целью учебного дискурса является формирование новых знаний в различных областях человеческой деятельности. В связи с этим любой

обучающий материал является текстом (в письменной или устной форме) — учебником, справочником, учебным диалогом, лекцией, то есть составляет основу учебного дискурса.

Определение учебного дискурса в широком смысле было предложено А. А. Леонтьевым — авторитетным исследователем в области педагогики: «...профессиональное общение преподавателя с учащимися в процессе обучения и воспитания» [3]. Учебный процесс как дискурсивная практика представляет собой систему ряда отношений, предполагающих взаимодействие двух сторон. По В. П. Яссману, взаимодействующими сторонами в учебном дискурсе одновременно являются учащийся — преподаватель, учащийся — учебная дисциплина, учащийся — книга (текст) и т. д. [4].

Вслед за Т. Илюшня мы полагаем, что основой учебного дискурса является отношение

преподаватель — учащийся, в процессе которого преподаватель, владеющий профессиональным знанием, оказывает воздействие на учащегося посредством текста (устного или письменного), в самом широком смысле представляющего содержание определенной учебной дисциплины — учебную информацию, в результате которого у учащегося формируется система профессиональных знаний и представлений [2].

Учебный дискурс всегда характеризуется рядом отношений, в центре которых находятся два коммуниканта — преподаватель и учащийся. С этой стороны учебную коммуникацию можно представить как интерактивный процесс.

В настоящее время возрастает все больший интерес к изучению иностранных языков, в частности английского языка. На современном этапе использование традиционных методов обучения становится малоэффективным. Им на смену приходят новейшие методы, отвечающие потребностям учащихся. Интенсивный метод относится к новейшим нетрадиционным методам обучения иностранным языкам. Он основан на коммуникативном подходе, который предполагает, что процесс обучения должен опираться на содержательную сторону — реальное общение. А также основа метода заключена в динамизме, напряженности, насыщенности языковым материалом, активности учащихся на единицу времени. Для этого необходимо использовать подлинные коммуникативные задания, адекватные поставленной цели, определенным образом организованный учебный материал (специальные учебники), особую форму организации занятий и, конечно, специально подготовленных преподавателей.

К сторонникам интенсивного метода относятся А. С. Плесневич, Э. В. Сировский, Г. А. Китайгородская, которая обращает особое внимание на личность обучаемого, его творческий и интеллектуальный потенциал, его роль в коллективе. Разработанный Г. А. Китайгородской метод активизации резервных возможностей личности и коллектива рассматривает обучение как процесс общения и диалога, который носит характер взаимно опосредованной коммуникации между преподавателем и учащимися, когда учение играет ведущую роль по сравнению с обучением. Кроме этого, метод Г. А. Китайгородской привносит в интенсивные методы элементы личностно-ориентированного обучения (learner-centered approach).

Понятие «личностно-ориентированное обучение», по-нашему мнению, опирается на такие категории как личность, языковая личность и коммуникативная личность. Главными компонентами

этого подхода являются признание уникальности каждого учащегося и его индивидуальной учебной деятельности. Здесь роль преподавателя состоит не в передаче знаний, умений и навыков, а в организации такой образовательной среды, которая позволяет учащемуся опираться на свой потенциал и соответствующую технологию обучения. Преподаватель и учащийся создают совместную образовательную деятельность, которая направлена на индивидуальную самореализацию учащегося и развитие его личностных качеств.

Освоение любого языка, как родного, так и иностранного, с нашей точки зрения, требует задействования практически всех аспектов субъектного опыта индивида. Для того чтобы обучение иностранному языку стало эффективным, необходимо сначала учитывать естественные механизмы обучения родному языку в сочетании с особенностями, которые появляются при освоении второго и более языков. При этом необходим учет личностной составляющей в обучении, которая выражается, прежде всего, в когнитивных стратегиях.

Когнитивные стратегии представляют собой умения, используемые для управления и регулирования когнитивными процессами: внимание, восприятие, кодирование, поиск и извлечение информации из памяти и мышление. В последнее время стала широко исследоваться роль когнитивных стратегий в регулировании или модификации др. когнитивных процессов научения и памяти, таких как внимание, кодирование и извлечение информации из памяти. При целенаправленном обучении и сознательном использовании учащимися такие стратегии составляют важнейшую сторону метапознания.

Как установили исследователи, когнитивные стратегии рождаются из когнитивных стилей. Изучившие эти стратегии применительно к обучению иностранным языкам Д. Рубин и Х. Стерн назвали семь характеристик, необходимых для хорошего овладения языком [7]:

- желание догадываться и точность догадок;
- сильная мотивация к общению;
- раскованность;
- внимание к языковой форме;
- поиск партнеров по общению;
- самоконтроль речи;
- внимание к смыслу [8].

Более поздние исследования Дж. М. О'Мэйли и др. выявили 24 стратегии изучения иностранного как второго языка, которые можно разделить на три большие группы:

- метакогнитивные стратегии, включающие предварительное планирование учения, осознание процесса учения, оценку результатов и т. п.;

- когнитивные стратегии, связанные непосредственно с оперированием учебным материалом, используемые учащимися для выстраивания словаря и грамматического минимума (повторение, группировка, дедукция, конспектирование, запоминание ключевых слов и т. п.);

- социоаффективные стратегии, подразумевающие сотрудничество, а также компенсаторные стратегии для выяснения непонятного (переспрос, парафраз, примеры и т. п.) [5].

Помимо этого, в качестве конкретных педагогических стратегий можно рассматривать две большие группы, разработанные Д. Рубин и А. Томпсон:

- метакогнитивные стратегии;
- когнитивные стратегии [9].

Метакогнитивные стратегии характеризуются как методы управленческого типа, направленные на самостоятельное контролирование обучаемым учебного процесса.

К метакогнитивным стратегиям можно отнести следующие:

1. *Планирование.* Овладение данной стратегией способствует развитию навыков самостоятельно принятия решения относительно необходимого объема изучаемого материала, а также относительно порционного распределения всего объема материала в целях более полного охвата содержания. Аналогичному планированию самостоятельной деятельности необходимо обучать при овладении различными учебными предметами.

2. *Постановка целей.* Данная стратегия обучения направлена на формирование навыка постановки целей относительно того, что конкретно изучать и что необходимо понять, что конкретно читать и что понять из прочитанного, какой будет цель готовящегося письменного сообщения по той или иной учебной задаче.

3. *Мониторинг* (стратегия наставительного, контролирующего характера). Ориентирована на умение оказать помощь самому себе при овладении различным учебным материалом. В данную стратегию включена система развития навыков по идентификации источников, пониманию, умению изолировать проблемные моменты.

4. *Оценка.* Умение оценивать эффективность стратегий, которые были задействованы на различных этапах овладения учебными дисциплинами.

Когнитивные стратегии рассматриваются, соответственно, как методы реагирования на специфические учебные проблемы. Среди наиболее распространенных когнитивных стратегий выделяются следующие:

1. *Предваряющая текстовая деятельность.* Данная стратегия формирует умение высказывать предварительную трактовку текстового содержания с последующим сопоставлением с реальным текстом. Стратегия базируется на зрительных опорах, собственном опыте обучаемых, жанре предъявляемого для просмотра или чтения фрагмента, информации из самого электронного текста, логики построения фабулы, действий и взаимоотношений.

2. *Слуховое и зрительное восприятие знакомого материала.* Стратегия ориентирована на развитие навыков обучаемых узнавать как на слух, так и зрительно знакомую или частично знакомую информацию.

3. *Запись основной информации по ходу чтения учебного материала.* Стратегия направлена на развитие умения выбирать основную информацию из всего объема читаемых текстов, анализировать и систематизировать данную информацию.

4. *Синтезирование* всех предыдущих ресурсов в целях более полного понимания просмотренного, прослушанного или прочитанного.

На каждом этапе изучения языка стратегии изменяются.

Согласно Т. А. Байтукалову существуют четыре основных этапа изучения иностранного языка:

1. Первое знакомство с языком, с использованием аудио материалов.

2. Моделирование носителей языка по видеокурсам.

3. Моделирование носителей по фильмам и аудиокнигам.

4. Освоение дополнительной лексики и знакомство с социальными реалиями [1].

Первый этап представляет собой моделирование по преимуществу в одной модальности — аудиальной. На данном этапе учащимися реализуются следующие когнитивные стратегии:

- усвоение лексики из социо-культурного пространства (word pick-upping) [5], которая способствует непосредственному расширению словарного запаса;

- угадывание значений слов из контекста / смысловая догадка (guessing), помогает справиться с коммуникативной ситуацией при восприятии текста на слух. Особенностью данной стратегии является то, что она продуктивна на любом этапе изучения английского языка. Данная стратегия сопровождается другой компенсаторной стратегией: использование синонимов и жестов для передачи значения [6].

Второй этап предполагает включение наглядного материала — видеокурсов. Мы полагаем,

что помимо видеоматериалов необходимо предоставить учащемуся дополнительный материал — публицистические статьи, отрывки из художественных произведений.

На данном этапе учащимися реализуется ряд универсальных стратегий, которые активно используются на протяжении всего курса изучения иностранного языка. К данным стратегиям относятся:

- стратегии извлечения информации о языке;
- повторение и отработки структур изучаемого языка.

На третьем этапе (просмотр фильмов, чтение художественной литературы, прослушивание аудиокниг) учащиеся активно используют упомянутые стратегии, осуществляет коммуникацию на языке, несмотря на проблемы, возникающие в связи с недостаточным владением языком.

И на заключительном этапе освоения дополнительной лексики и знакомство с социальными реалиями у учащихся преобладают стратегии организации самостоятельной, поисково-творческой деятельности и стратегия личностно-рефлексивного осознания мотивации и развитие взаимосвязанных умений самоанализа.

В заключении хотелось бы отметить, что современные методики предполагают большое количество стратегий, применяемых в процессе изучения иностранного языка, и можно с определенной долей уверенности утверждать, что данные процессы могут быть серьезно облегчены, если не только преподаватель, но и учащиеся будут знать об этих стратегиях, будут иметь

возможность выбирать наиболее подходящие для себя и использовать в процессе работы в группе и самостоятельной работы.

Список литературы

1. Байтукалов Т. А. Быстрое изучение иностранного языка от английского до японского. — М.: РИПОЛ-классик, 2009. — 160 с.
2. Илющенко Т. Специфические черты учебной дискурсивной практики. Режим доступа: <http://frgf.utmn.ru/mag/21/39>
3. Леонтьев, А. А. Педагогическое общение // Новое в жизни, науке, технике. — Сер. «Педагогика и психология». — М.: Знание, 1979. — № 1. — С. 3—22.
4. Яссман В. П. Психолингвистические аспекты понимания в процессе подготовки специалистов. Режим доступа: <http://journal.sakhgu.ru/archive/2004-02-7.doc>
5. O'Malley J. M., Chamot A. U. Learning Strategies in Second Language Acquisition. — Cambridge: CUP, 1994.
6. Oxford R. Language Learning Strategies. What Every Teacher Should Know. — N. Y.: Newbury House, 1990.
7. Rubin J. What the «good language learner» can teach us. — TESOL Quarterly, 1975. — P. 41—51.
8. Stern H. H. What can we learn from the good language learner? Canadian Modern Language Review. — 1975. — P. 304—318.
9. Thompson I., Rubin J. Can Strategy Improve Listening Comprehension. — Foreign Language Annals, 1992, — 263 с.

О. А. Сараева (Петропавловск, Казахстан)

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ И СПОСОБЫ ИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

The article investigates some questions connected with revealing and analysing the specific character of gender stereotypes in a fiction discourse. The culture values are mediated in a language, that in its turn finds expression in a particular mark of lexical units, reflecting the specific character of understanding the world of definite language speakers who are also able to explain the gender marked information. Careful studying of gender in different cultures helps developing of modern trends in linguistics connected with intercultural communication, ethnological and linguistic aspects.

Keywords: *stereotype, gender stereotypes, language world, the artistic discourse.*

Человек, формируя знания об окружающем мире, фиксирует их в языке. Языковая картина мира — это особенности культуры народа, отразившиеся в языке. Язык — не форма культуры, он служит основным средством ее выражения, являясь

материальной базой создания любых культурных ценностей, орудием накопления, хранения и передачи информации. Для обозначения хранящейся в языковом сознании человека в сжатом, концентрированном виде информации используют термин

концепт. Концепты не только содержат культурную информацию, но и помогают понять природу такого конструкта, как гендер. Гендерные концепты регулярно актуализируются в текстах, в наибольшей мере концентрирующих в себе бытовую оценочность, т. е. в фольклорных смеховых текстах — анекдотах. Мужчина и женщина в пространстве смеховой культуры чаще всего описываются как *мужик* и *его жена*. В сфере общественного бытия *мужик* выступает как деятельное начало, выполняет различные задания, занимает разнообразные ступени социальной иерархии. *Женщина* социально малодетельна, круг ее трудовых функций ограничен, иерархическое положение низко: «женщина чаще выступает как объект, а не как субъект деятельности: чукча говорит жене; жены «новых русских»; «новый русский» сидит с девушкой в ресторане. В национальных анекдотах женщина выступает как равноправный член национального ряда: *на необитаемом острове оказались русский, грузин, еврей и женщина; в купе ехали грузин и три женщины*. Имущественное положение оказывается неактуальным для женщины, поскольку в анекдотах на тему материального благосостояния она обычно выступает как объект обладания или возжеланная цель» [Слышкин 2002: 72]. Вспомним сцену из «Бесприданницы» Н. Островского, где Кнуров и Вожеватов разыгрывают право обладания Ларисой в орлянку. Став невольной свидетельницей их разговора, Лариса говорит о себе: «Вещь!.. Да, вещь. Они правы, я вещь, а не человек...» Отношение к женщине как к вещи можно считать устоявшимся в русской культуре. При создании семьи, выборе невесты и жениха считалось правильным такое положение: мужчина дает женщине свою фамилию, а она ему — свое приданое. В какой-то мере это было своеобразным способом поправить мужчине свое материальное состояние. Так, например, поступает Паратов, герой пьесы «Бесприданница». «Ваш взгляд на женщину чисто утилитарный, — писал В. Г. Белинский, — почти коммерческий: она для вас — капитал с процентами, деревня, дом с доходом...» [Белинский 1984: 55].

Понятие концепта тесно связано с понятием стереотипа. По мнению А. П. Садохина, «стереотипы помогают человеку дифференцировать и упрощать окружающий мир. В целом можно сказать, что стереотипы являются определенными убеждениями и привычными знаниями людей относительно качеств и черт характера других индивидов, а также событий, явлений, вещей» [Садохин 2006: 219].

В отношении формирования стереотипов, в том числе и гендерных, написано немало (Г. Г. Слышкин, Е. С. Кубрякова и др.). А. В. Кирилина определяет гендерный стереотип как «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражения в языке» [Кирилина 1995: 27]. Для гендерных стереотипов характерна стабильность, преемственность и малая изменчивость в ходе развития общества. Основу гендерного стереотипа составляет культура, включающая нормы морали и нравственности, определенные ценности, традиции и пр. Гендерные стереотипы во многих культурах схожи: мужчины воспринимаются как агрессивные, авторитарные, дерзкие, доминирующие, изобретательные, сильные, независимые, грубые, умные; женщины — как эмоциональные, мечтательные, чувствительные, покорные и суеверные. Е. П. Ильин [Ильин 2002] приводит в качестве примера эксперимент, в котором испытуемых, представителей 25 стран мира, попросили написать наиболее употребительные прилагательные, характеризующие личностные качества мужчин и женщин. По данным эксперимента, для большинства респондентов мужчина ассоциируется с напористостью, силой, активностью, а женщина — с покорностью, мягкостью, чувствительностью и т. д., что соответствует гендерным ожиданиям общества.

Однако есть и отличия. Так, например, в странах с высоким социально-экономическим развитием в гендерной идеологии общества отмечается равенство, а в странах с мусульманской культурой, таких как Пакистан, Нигерия и др., обосновывается желательность гендерных различий. Особого внимания заслуживает Япония как высокоразвитая страна с традиционной гендерной идеологией. С одной стороны, японские женщины образованы настолько хорошо, что могут обучать своих детей от школы до университета, однако они не спешат на работу, так как это сфера жизни мужчин, и женщина может там играть только второстепенную, вспомогательную роль. Поэтому многие современные японки предпочитают заботу о детях и роль хорошо образованной мамы, нежели усердную работу на производстве. С другой стороны, в настоящее время 85 % выпускниц университетов хотели бы после окончания учебы иметь работу [Введение в гендерные исследования 2001: 338—339].

Исторические и культурные ценности определенного общества, национальный характер и мировоззрение народа — все это находит отражение в художественном дискурсе, где ярко проявляются не

только гендерные стереотипы, но и их национальная специфика. Обратимся к произведению казахского писателя М. Жумабаева «Грех Шолпан». Главная героиня рассказа Шолпан, боясь потерять любовь мужа, решает не иметь детей, а всю себя посвятить только ему. Однако через несколько лет супружеской жизни она понимает, что дом без детей пуст и уныл, и пытается вымолить у аллаха ребенка, но все тщетно: брак оказался бездетным по вине ее мужа. И тогда Шолпан решает родить ребенка от молодого любовника.

«Моральный кодекс» женщины в любом обществе жестче, чем «моральный кодекс» мужчины. Сравним: *Девушка — не травушка, не вырастет без славушки, девушка на ноженьке, а слава по дороженьке; Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет; Муж согрешил — так в людях грех, а жена согрешила — домой принесла.*

Как видим, сексуальная активность и опытность женщины не одобряется социумом, в отличие от мужчин, наименования которых — «женолюб», «ловелас», «мышинный жеребчик» — несут положительное значение, так как мужчине положено быть сексуально активным. В русском языке, а также в славянских и западных, встречается целый ряд определений, которые в применении к мужчинам имеют положительные оценки, а для женщин — нейтральные, амбивалентные, но чаще негативные. В качестве примера — украинский анекдот, в котором обыгрывается прилагательное «честный»:

— У тебе жінка чесна?

— Не знаю, ще досці нічого не вкрала.

Честный «применительно к мужчине — это «достойный», «тот, кто говорит правду» — характеристики положительные. Словосочетание «честная женщина» — тоже предполагает положительную характеристику, но иного рода — это прежде всего «верная», «смирная», «не изменяющая себе и другим» [Пушкарева 2004: 249].

В казахском обществе моральные нормы, традиции по отношению к женщине особо суровы, о чем свидетельствует пословица: *Жігітке отыз үйден, қызға қырық үйден тыйю.* — Для парня существует 30 запретов, а для девушки 40.

За совершение плотского греха (измена мужу) Шолпан жестоко поплатилась: ее, избитую до

полусмерти мужем, раздевают и выливают на нее 40 ведер ледяной воды.

Таким образом, в произведении находит отражение гендерный уклад казахского общества, где женщине предписывалось вести хозяйство, заботиться о муже, быть верной. Образ женщины в русской языковой картине мира не имеет такой жесткой заданности, напротив, для русской культуры характерно наличие женского взгляда на мир: *Моя коса, хочу совью, хочу распуцу; Замуж иди — в оба гляди.*

Как видим, стереотипы, хранящиеся в сознании, выступают в роли канона и определяют поведение людей. Более того, гендерные стереотипы тесно связаны с социальными и культурными стереотипами. Иными словами, гендерные стереотипы определяются социальными и культурными установками, нормами и правилами определенного общества.

Список литературы

1. Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. — М.: Сов. Россия, 1984. — 96 с.
2. Введение в гендерные исследования. Ч. 1 / под ред. И. А. Жеребкиной. — Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. — 708 с.
3. Ильин Е. П. Дифференциальная психология мужчины и женщины. — СПб., 2002. — 544 с.
4. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. — 150 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой. — М.: Филол. фак. МГУ, 1996. — 248 с.
6. Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. — 150 с.
7. Пушкарева Н. Л. Гендерная теория и историческое знание. — СПб.: Алетейя: Женский проект СПб., 2004. — 496 с.
8. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация. — М.: Альфа: Инфра-М, 2006. — 288 с.
9. Слышкин Г. Г. Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания. Гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации. — М., 2002. — С. 66—73.

Л. В. Сафронова (Алматы, Казахстан)

МОДЕЛЬ ЭМИГРАЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

The novel of Serzh Kibalchich about work of the russian teacher of slavich philology at the american university in the nineties the XX-th centuries is considered as emigrant text «double transition», endured by the author-hero — emigrant personal and system-social all-Russian.

Keywords: *poetics of transition, the dominant semiotic relations, emigration identity.*

Кризис локальной советской социокультуры и вызванный им глобальный кризис национальной идентичности на всем постсоветском пространстве активизировал в 90-е годы XX века «феномен странничества», импульса к поиску идеального состояния за-предельности. Это выразилось, в том числе, в отказе части евразийского населения от оседлости, активизации специфичного постмодернистского номадизма — генетического реликта татаро-монгольских времен. Смысл целой серии э/мигрантских текстов этого переходного для стран СНГ периода, когда авторефлексивный писатель-путешественник создает художественное самописание — этнографический очерк как акт первотворения мира заново на чужой территории — в сверхкоменсации за инициационные проблемы и неудачи. «...Странническая креативность, — пишет И. П. Смирнов, — была предопределена к тому, чтобы повторять свое рождение, не давшее чаемых, национально всезначимых результатов, и оставаться при этом метемпсихозе вне отчетливых легитимных рамок. Попытка, не достигающая цели, вызывает к тому, чтобы в компенсационном порядке быть принимаемой еще и еще раз» [Смирнов 2006: 241].

Состояние э/миграции как своего рода инициационного этапа в судьбе переселенца, когда жизнь как бы начинается с нуля, типологически выстраивает эмигрантский текст как иерархическую структуру восхождения по «вертикали власти», к вожделенному статусному переходу в более высокие социальные слои. В работе о восточнославянских моделях дороги Т. Б. Щепанская пишет о властной роли странника, которая вменяется ему, когда принимающая сторона впадает в кризис [Щепанская 2003].

Роман Сержа Кибальчича о работе преподавателя русистики в американском университете в 90-е годы XX века в этом смысле — типичный инициационный генотекст «двойного перехода», переживаемого автором-героем, — э/мигрантского личного и системно-социального. Странничество — архаизирующая повествовательная тенденция. Неизбежная матричная архаичность в сюжете инициации эмигрантского письма (в частности, актуализация мифа первотворения

мира) провоцирует реактуализацию первичных филогенетических психических парадигм: «подростковых» комплексов и различных фобий. «Андрею пришлось учиться обычным вещам, которые на Фрикантрии¹⁶ знал каждый ребенок. Он чувствовал себя так, как будто бы заново рождается и взрослеет. Сходить в магазин, снять деньги со счета, купить билет на поезд, подключить телефон, заплатить за электричество — все превращалось в проблему, и так как на Фрикантрии все это делалось не выходя за пределы собственного дома, то главное, от чего предстояло избавиться, — это от страха перед *мембранодержателем*¹⁷, который по-прежнему вызывал у Анджело устойчивую оторопь» [Кибальчич 2008: 43].

Комплект эмигрантских неврозов (от ананкастического синдрома, замещающего разного рода страхи несостоятельности, до параноидальной мании преследования) характерологично связан с брешью в системе безопасности индивида, оказавшегося вне своего родового коллектива, отражая глубинные реликтовые формы реагирования и внутриличностной саморегуляции в стрессовой ситуации обостренной и проблематичной конкурентоспособности. Ананкастическое, архаически ритуальное (антисобытийное) сознание героя, который «нередко ощущал себя белкой, бежавшей по бесконечному колесу» [Кибальчич 2008: 34], обусловленное страхом перед актуализирующей в новой среде неизвестностью будущего, наполняет роман интертекстуальной формульностью пушкинско-набоковских сюжетов и суеверно-магическими мыслительными конструкциями, типа «если за рулем был белый весельчак с набором оживленных тропических присловий и неизбежно одобрительным: Watch your step! перед выходом — значит, сегодня уже ничего плохого случиться не могло» [Кибальчич 2008: 41], делающих это болезненное будущее иллюзорно предсказуемым, то есть безопасным.

Обсессия, генетически связанная с магической идеей защитительной подконтрольности мира, рождает у героя с архаическим «викторианским»

¹⁶ В Америке.

¹⁷ Телефоном.

прототипом веру во всемогущество своего мышления («на самом деле он, как всегда, увлекся и пустился в самые отвлеченные рассуждения о смысле тех messages, которые мы получаем от жизни, и о том, какой разный, иногда даже противоположный смысл они обретают, проходя через разные стороны нашего внутреннего опыта» [Кибальчич 2008: 23]) и одновременно чувство вины, обусловленное этой верой, *попытки защититься от чувства вины посредством упорядочивания пространства* («вещи лежали на, казалось бы, раз навсегда подобранных для них местах» [Кибальчич 2008: 32]), *педантичной аккуратности* («По правде говоря, Андрей предпочел бы всему свое время» [Кибальчич 2008: 40]) и *модальности долженствования* («Он не взял ее тогда, надо сказать честно, не из каких-либо особых добродетелей, а просто из трезвого сознания, что остаток ночи целиком уйдет на службу Афродите, а завтра ему спозаранку надо было вещать во *Вколачивателе*¹⁸») [Кибальчич 2008: 24]. Так герой пытается справиться с пугающей неизвестностью э/мигрантского бытия: «Смысл повести получался вот какой: то в нашей жизни, что часто представляется нам результатом слепой судьбы, есть на самом деле действие мудро-го Провидения» [Кибальчич 2008: 22].

Анальные истоки obsessions¹⁹ задают полярную реактивную архитектуру эмигрантского текста: с одной стороны, его «грязный стиль», физиологичность всех прокреативных процессов, включая процесс письма — «беллетристических грехов» писателя, «испражнявшегося иногда подобными безделками» [Кибальчич 2008: 7], с другой — «поэтику очищения» и катарсиса: в виде образа напояженного Санта-Клауса, возлюбленной, напоминающей девочку-снегурочку, аккомпанирующих любви персонажей снежных ландшафтов и стержневого образа романа — русской метели, аналога мудрого Провидения, судьбы, устанавливающей изначальный порядок, гарантирующей чистоту жизненного эксперимента. И нечистота, и чистота в мифе — сакральны, однако нечистота опасна в качестве индивидуального проявления, тогда как чистота знаменует собой спасительную социократию, обезвреживающую ту угрозу, которую представляет для общества маргинальная личность [Douglas 1966]. Ориентация на пушкинскую новеллу «Метель» выдает предзаданную автором ретроактивность

текста, «снятое время», так как новелле свойственно завершение сюжета уже в начальных тактах рассказывания [Gerlach 1985: 160]. Являясь артефактом промежуточной культуры, которая оставляет позади себя мифоритуальную, но еще не приходит к историческому принципу изображения, этот жанр «выводит на сцену такого персонажа, который стремится повернуть историю вспять, но терпит провал» [Смирнов 2008: 168]. Показательно в этом смысле, что автор-герой романа так и не проходит инициацию в Америке: постоянной работы он не нашел, отношений с Изабелой не удержал.

В. фон Геббсатель соотносит загрязнение у ананкастов с невозможностью компульсивно расстаться с прошлым, а очищение — с ориентацией в будущее [Геббсатель 2001: 293, 295]: «Надеюсь, что ты будешь помнить обо мне больше, чем мой tushey²⁰ только» [Кибальчич 2008: 118]. Поэтому в «Поверх Фрикантрии...» просматриваются матричный компульсивный, апокалипсический сюжет обратного знания, «недолгой любви и непреходящих расставаний»: «А на веранде, выходящей во двор, у нее была подвесная скамейка, на которой без страха быть замеченными с улицы они укачивали друг друга до бесконечности, как будто то была люлька их нежности, а не секундомер отпущенного судьбой времени» [Кибальчич 2008: 32].

Грязь / полная захваченность прошлым ассоциируется также со смертью, с «мертвым». Это соответствует и стадильности инициации, когда подросток как бы отправляется в хтоническую мертвую зону, где, как правило, благодаря действию наркотических препаратов, «встречается» с душами предков, где время останавливается и собственно совершается подготовка к статусному рывку. В современной реальности таким остановленным временем в судьбе может быть не только армейская служба, но и период ученичества, пребывание в университете, перелет куда так и маркируется в романе: «Но этого Андрей уже не чувствовал: едва ощутив во рту привычную терпкость коньяка, который он всегда выбирал, вызывая почти ничем не выдаваемое удивление фрикантрийского Харона...» [Кибальчич 2008: 12]. К. Н. Банников, например, связывает инициационное явление дедовщины не только с армейской службой, аналогом архаической инициации, но и с иерархичностью вузовской системы [Банников 2002].

¹⁸ Университете.

¹⁹ См. главу седьмую «Задница в кубе», главу тринадцатую «Снова попа» и т. п.

²⁰ Зад.

Этим инициационным процессом и фундируются жанр мужского романа-травелога, по своему протожанровому генезису в какой-то мере аналога «дембельского альбома», невротически перенасыщенного архетипическими значениями, интертекстуальными перекличками с претекстами (дух-овным наследием русской культуры), а также его символические хронотопические характеристики, «забытые викторианского романа» [Кибальчич 2008: 17]: идеализация обильных снегопадов, «надежного снежного покрова», «благословенного успокоения зимы», в целом обездвижения как метафоры временной смерти иницируемого: «Дороги были занесены, транспорт считался парализованным...» [Кибальчич 2008: 17]. «...Опускающийся снег при ярком солнце стал навсегда их погодой, каким-то загадочным сопровождением всего их романа» [Кибальчич 2008: 19]. Для э/мигрантов, социальной протоплазмы, конкретный хронотоп размыт и как бы вообще не существует. «Лиминальные существа ни здесь, ни там, ни то, ни се; они — в промежутках между положениями, предписаниями» [Тернер 1983: 169]. Кроме того, на уровне мифологического, бессознательного восприятия зимой, когда в мире преобладает хтоническая магия, территория как бы уступается разного рода маргиналам [Михайлин 2001].

«...В случае обсессивно-компульсивного невроза имеет место символическое повторение прошлого», блокирование течения жизни [Руднев 2007: 177]. Такая нелинейная, циклическая мифологическая модель романного времени Сержа Кибальчича по своей жанровой праоснове аналогична и «малому ритуалу» типа заговора или заклинания, с помощью которого закадровый создатель автобиографического текста, возможно, пытается вернуть свою собственную любовь, выстраивая композицию книги как ситуацию ошибки, восходящую к «Метели» А. Пушкина, и надеясь на чудесно-компульсивное, «исправленное» судьбой повторение истории в счастливом ее исходе уже в собственном жизненном сюжете. «Это впечатление усугублялось тем, что скриптуолог²¹ скорее всего lamentировал в этой новелле по поводу своего собственного несостоявшегося много лет назад брака, который, совершенно очевидно, не вписывался в его последующую жизнь...» [Кибальчич 2008: 87].

Г. Блюм связывает анальные истоки поведения компульсивной личности не только со стремлением к безопасности, но и с влечением к превосходству [Блюм 1996: 105—109], столь актуальному

в эмигрантском инициационном бытии, которое выражает себя затем в паранойальном дискурсе, следующей стадии прогрессирующего обсессивного невроза. Из навязчивых обсессивных повторений вырастает бред преследования, отдавание своего «Я» во власть Ужасного, капитуляция перед миром, с которым никак не получается совладать: «Автор откровенно — как вымершие еще в эпоху Отца Всех Народов *трубачи* — пытается всего лишь спасти ускользающие остатки реальности...» [Кибальчич 2008: 6].

Паранойальный дискурс подпорогово пародиен и антиутопичен [Загидуллина 2009], являясь карикатурным заострением и искажением социофилософских систем одинаково как покинутой родины, так и страны пребывания эмигранта — «в сердце вражеского штаба»²². Структурированный шпионскими страстями, всяческими подозрениями по поводу фрикантрийской и университетской «разведки», «политики полной сегрегации эйлинцев»²³ фрикантрийцами²⁴ [Кибальчич 2008: 7] дискурс преследования является проекцией социального эдипова комплекса — в какой-то мере наследия советского авторитаризма: «Печатаемое ныне сочинение было найдено на дискете одного из правительственных чиновников высшей эйлинской иерархии»²⁵ [Кибальчич 2008: 5]. Паранойальный семиозис, повышенно знаковое восприятие мира, где означающее превалирует над означаемым, везде ищет скрытые мотивы, тайные цели, особое значение, проникая и в интимные страхи автора-героя: «В процессе употребления дивана становилось ясно, что эта пара пружин следовала за человеческой плотью, как сумасшедший с бритвою в руке» [Кибальчич 2008: 31]; «Черное длинное пальто — холодным зимним вечером они вместе бредут из Сквиррел Хилла в Хайлэнд Парк, безуспешно пытаюсь скрыться от вездесущих, направленных как будто бы прямо на

²² В качестве ультимативного выражения антиисторизма утопия учитывает странничество и делает его своей предпосылкой [Смирнов 2006: 246].

²³ Русских.

²⁴ Американцами.

²⁵ Как пишет американский психоаналитик и литературовед Д. Ранкур-Лаферьер, «что же касается более общей идеи параллелизма политических и индивидуальных репрессий, я бы сказал, что в русскоязычной литературе, даже издающейся в демократических странах, искажение правды или сокрытие правды под влиянием внутренней самоцензуры свидетельствует о том, как основательно советский (или экс-советский) автор усваивает первоначальный опыт внешних политических репрессий» [Ранкур-Лаферьер 2004: 99].

²¹ Писатель.

них фар автомобилей — в действительности бывших также и прожекторами огромного, все время наблюдающего за ними *Чудовища-Минотавра* [Кибальчич 2008: 51].

Неоднократно накладываясь на личную реальность персонажей («...как и большинство фрикантриек, Изабела была невротичкой. Когда Андрей будил ее по утрам, она вскакивала с постели с таким тревожным выражением лица, как будто во сне видела атомную войну» [Кибальчич 2008: 32]), инициационный бред преследования, так называемая здоровая паранойяльность, выражает подспудную экстраактивную идентификацию автора-героя с СуперЭго (с фигуральным Отцом всех народов и с его собственной возлюбленной, которая на статусной шкале э/мигранта оказывается выше него самого), его личную эдипову борьбу, неизбежную в плане результативности инициации. Выходя из «оседлого советского состояния» постсоветский человек уже перестает раздваивать свое самосознание так, чтобы делегировать активно-творческую роль Большому Другому, удовлетворяясь ролью пациента, а, наоборот, помещает себя в авангард исторического движения. Происходит отождествление текстуального самовыражения автора с агрессивным динамическим началом, так как отцовское суперэго — это в первую очередь говорящий Другой Ж. Лакана [Лакан 1997]: взять слово — значит взять власть. Этот бредовый Другой, по Ж. Лакану, и есть фрейдовский мертвый Отец, законообразующий Предок, то есть само сознание субъекта, противопоставленное его бессознательным асоциальным желаниям, в частности, «беззаконной любви» преподавателя и студентки.

Связь с СуперЭго — предохранительная. Главный механизм защиты от бреда преследования — проекция зеркально отвергнутых частей личности автора-героя в текст: «предвзятость отношения к признанному в те времена лидеру развития Универсума» [Кибальчич 2008: 6]. А проекция на языке психоанализа означает, «что это не я виноват, это они виноваты». Снятие вины за непройденную инициацию — также важная функция эмигрантского невротического стиля. Когда невозможно поступить как должно, выполнить предписания СуперЭго, человек попадает в психологический капкан, регрессию. Регрессии (психозу) можно противостоять, если наряду с функцией запрета в структуре личности формируется функция воображаемого, то есть представление о вариативности судьбы. Художественный вымысел как раз и существует для того, чтобы реализовать эту вариативность жизненных программ, нейтрализующую невротизацию как следствие неудачи в судьбе.

Источник развития лежит в инстинкте конкуренции, являющейся изначальным двигателем коммуникации. В психоанализе установлена прямая зависимость между диалектикой преследования и гомосексуальным дискурсом, боязнью субъекта контроля над собой, фундаментальной в человеческой экзистенции, обостряющейся в инициационный период. Мужской роман-травелог Сержа Кибальчича, таким образом, есть эскалация разного рода властных дискурсов (и их зеркальных, бессознательных противоположных проекций) как компенсаторного фактора в ситуации незавершенной инициации. Это «боевой» текст с военной лексикой и ритуализацией насилия (затянувшейся дефлорации), где любовники, символически олицетворяющие Россию и Америку, беспрестанно меряются силами, обмениваются гендерными ролями и половыми признаками.

Инициационная гиперсексуальность центрального героя — это и реализация универсальной мифологемы трикстера. Социализация через соблазнение эмигрантом дочери высокостатусного резидента страны э/миграции (отец Изабелы — профессор другого, гораздо более именитого университета), воспроизводится как социально-статусная парадигма архетипа жизненных сил по отношению к конкурентам. Таким образом, и жанровая новизна мужского романа-травелога в целом, и сексуальное «раблезианское поведение» автора-героя — маркирует его «анти-структурное» состояние, порождая ритуализацию насилия (дефлорации) как в какой-то мере статусное и компенсаторное.

В итоге именно агрессия как потенция конкурентноспособности становится генетическим системообразующим фактором эмигрантского романа, структурируя систему персонажей, их внутренний мир, композицию лиминальности, внутритекстуальную и затекстовую дискурсивную коммуникацию произведения в целом. Метаэкспансивность как генеральная установка э/мигрантского письма является и главным культурогенным фактором, провоцирующим автора на творчество в жанре мужского романа-травелога / «дембельского альбома» по местам «боевой славы», генотекста переходного периода, самого сильного образующего личность писателя воспоминания, поскольку актуализация брутальности есть защитная реакция психики в этот осевой для судьбы человека период инициации.

Список литературы

1. Банников К. Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской

Армии. — М.: Инс-т этнологии и антропологии РАН, 2002. — 399 с.

2. Блюм Г. Психоаналитические теории личности. — М.: КСП, 1996. — 222 с.

3. Гебсаттель В. фон. Мир компульсивного. Экзистенциальная психология. — М.: 2001.

4. Загидуллина М. «Поверх Фрикантрии» Сержа Кибальчича. Режим доступа: // <http://www.newruslit.ru>

5. Кибальчич Серж. Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела. — СПб.: Петрополис, 2008. — 286 с.

6. Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. — М.: Рус. феноменолог. о-во: Логос, 1997. — 300 с.

7. Ранкур-Лаферьер Д. Мальчики из Ибанска, или Фрейдистский взгляд на некоторые аспекты современной русской сатиры // Русская литература и психоанализ. — М.: Ладомир: Науч.-исслед. центр, 2004. — С. 96—111.

8. Михайлин В. Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса. Режим доступа: <http://www.nlo.magazine.ru/shop/index.html>

9. Руднев В. П. Философия языка и семиотика безумия. Избранные работы. — М.: Территория будущего, 2007. — 528 с.

10. Смирнов, И. П. Генезис. — СПб.: Алетейя, 2006. — 288 с.

11. Тернер В. Символ и ритуал. — М.: Гл. ред. восточ. лит. изд-ва «Наука», 1983. — 277 с.

12. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX—XX вв. — М.: 2003, — 428 с.

13. Gerlach, J. Towards the End. — Alabama: University of Alabama Press, 1985.

14. Douglas M. Purity and Danger. An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo. — London: Harmondworth, 1966 — 142 с.

Т. А. Синеева (Челябинск, Россия)

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ ВЕКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА ПУТИНСКОЙ РОССИИ В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ

The French press used to present the image of Russian ex-president V. Putin in the light of metaphor. In this point it is interesting to retrace the metaphorical evolution of this politician in its negative and positive ways.

Keywords: *cognitive metaphor, political metaphor, the French press, discourse, metaphorical simulation.*

Пресса является одной из важнейших составляющих в группе средств массовой информации. Говоря о влиянии СМИ, С. Московичи писал: «Проникая повсюду, СМИ превращают человеческие умы в массовый разум. Благодаря своего рода телепатии у многих людей вызываются одни и те же мысли, образы, которые как радиоволны распространяются повсюду» [Московичи 1998: 50]. Таким образом, традиционные и электронные СМИ, являясь одним из основных институтов современного общества, становятся важнейшим инструментом реализации политического процесса. Пресса способствует не только поддержанию необходимого информационного уровня общества, но и определяет восприятие и интерпретацию важнейших явлений и событий, происходящих в мире. С этой точки зрения журналисты становятся новыми творцами политических идей и мифов наряду с политиками, политологами, социологами и нередко принимают непосредственное

участие в политических играх [Мирошниченко 2003; Цуладзе 2003].

Особо отметим, что дискурс прессы оказывает значительное влияние на формирование образа политика, который является основным действующим лицом политической коммуникации. Его имидж выстраивается в рамках триады паблик рилейшнз — объект, аудитория, канал [Почепцов 1990: 112], где каналу информации принадлежит далеко не последняя роль. Учитывая прозрачность жанровых границ настоящего дискурса, мы считаем, что, тексты, встречающиеся в прессе, являются наиболее репрезентативными, поскольку именно в них наиболее ярко проявляется элемент мифологизации, который имеет определяющее значение для подачи и восприятия образа политика.

Анализ современной публицистики (С. Cabanne, Е. Tchistiakova; Н. Carrère d'Encausse; D. Eckert; G. Favarel-Garrigues, K. Rousselet; A. Le Huérou, A. Merlin, A. Regamey, S. Serrano) позволяет установить, что в XXI веке представители

французской культуры воспринимают Россию как страну контрастов и парадоксов, непредсказуемую и загадочную. Среднестатистический француз видит в России страну с коммунистическим прошлым, отягощенным авторитарической традицией [Favarel-Garrigues, Rousselet 2004]. В рамках данного предубеждения современный политический курс России (укрепление вертикали власти, «железная рука» власти) отождествляется с воссозданием полицейского авторитарного государства. Наиболее яркий пример, иллюстрирующий суждение французов о захватническом характере российской политики, — война в Чечне: колониальный захват Россией Чечни (*la conquête coloniale russe*), установление власти в Чечне (*la domination soviétique dans les relations entre la Tchétchénie et la Russie*) [Le Huérou, Merlin, Regamey, Serrano 2005]. Некоторые авторы считают агрессивность России обратной стороной её боязни внешнего мира («dans le cas russe... la peur de l'extérieur avec sa double traduction dans l'expansion et l'agressivité») [Carrère d'Encausse 2000].

Образ России, будучи для французского адресата «новой», непосредственно ненаблюдаемой мыслительной областью, моделируется и структурируется в процессе познания при помощи более простых и конкретных наблюдений, порождающих концептуальную метафору: к примеру, дискурс французской прессы активизирует целые системы метафор при характеристике главных лиц государства. Приоритет, отдаваемый тому или иному метафорическому образу в имидже политического деятеля, ведёт к «коннотативной лакуарности» [Шейгал 2002], формирует определённое отношение коммуникантов к нему. Поскольку французские СМИ склонны практически отождествлять понятия *страна* и её *руководитель* (*Russie de Poutine* —

Путинская Россия), следовательно, оценка политической эволюции России сквозь призму анализа трансформации метафорического образа В. В. Путина представляется вполне объективной и достоверной.

На фоне изменений, внесенных президентскими выборами 2008 года, французские обозреватели и аналитики проявляют постоянный интерес к персоне премьер-министра России. Оставив президентское кресло, В. В. Путин отнюдь не утратил своей популярности — экс-глава государства по-прежнему занимает ведущие позиции по количеству упоминаний на страницах крупных и авторитетных печатных источников.

Детальное изучение материалов французской печати за период 2006—2011 гг. позволяет судить о высокой степени экспансии образа России в концептуальной картине мира французских читателей. Важно подчеркнуть, что для Франции характерен политический плюрализм, а значит, и множественность периодических изданий различного толка. Именно поэтому в нашей работе мы уделяем особое внимание тому, к какому политическому блоку тяготеют те или иные источники публикации, демонстрируя некоторую ангажированность, пристрастность в подаче информации. Так, в основу нашего исследования вошли издания, адресованные аудиториям с разными интересами, интеллектуальными запросами и политическими пристрастиями: «Le Monde» — один из самых солидных и влиятельных источников аналитической информации, «Libération» — газета интеллигенции «поколения 1968», «L'Humanité» — оплот Французской коммунистической партии, а также центристские и правоконсервативные газеты «L'Express» и «Le Figaro» (см. табл. 1).

Таблица 1

Издания различного политического толка

← Левый Правый →					
Издание	L'Humanité	Libération	Le Monde	L'Express	Le Figaro
Политический толк	Коммунистический, очень близок к PCF	Социально-демократический	Левولیберальный	Близок к центристским буржуазным партиям	Правый с консервативным оттенком

Анализ корпуса политических метафор (351), встречающихся в периодике, показал доминирующее положение моделей В. В. ПУТИН — ЭТО МОНАРХ и В. В. ПУТИН — ЭТО ЧЛЕН ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА как наиболее детально структурированных, частотных и продуктивных. Очевидно, что данные модели не охватывают всего реального спектра метафор, но дают относительно полное представление о восприятии французскими реципиентами личности политика.

Однако применительно к В. В. Путину негативно оцениваемые качества приобретают ещё большую отрицательную коннотативную нагрузку, поскольку в когнитивных структурах представителя французской лингвокультуры закреплено представление о президенте как о защитнике прав и свобод граждан своей страны теми методами, которые прописаны в конституции.

Таблица 2

L'Humanité	Libération	Le Monde	L'Express	Le Figaro
« <i>Le président russe souhaite un plébiscite qui lui permettrait d'asseoir pleinement son pouvoir et de rendre sa succession incontournable</i> » (01/12/07)	« <i>Vote pour un despote: Dimanche, les Russes sont convoqués pour un scrutin législatif joué d'avance en faveur du parti de Poutine</i> » (02/12/07)	« <i>La poigne de Poutine: Chez un ancien officier du KGB, la répression est une seconde nature</i> » (27/11/07)	« <i>Malgré la Constitution, qui lui interdit de briguer un troisième mandat d'affilée, Poutine veut rester l'homme fort de la Russie, l'arbitre des clans à épaulettes ...</i> » (05/12/07)	« <i>Les deux hommes, le tsar et son dauphin, ne se ressemblent pas. Boris Eltsine, dépassé, fait mine de croire que Vladimir Poutine saura «poursuivre» la réforme...</i> » (23/04/07)

Средства массовой информации Франции активно используют на своих страницах монархическую и криминальную метафоры, стереотипизируют образ президента РФ, сводя к минимуму запас положительных суждений о российском политике (см. табл. 2). Суть явления, вероятно, кроется в том, что образ В. В. Путина является «чужим» для французской культуры. Следовательно, ассоциативное поле данного понятия в «чужой»

культуре беднее и заимствуется из «своей» культуры, поскольку «уровень фоновых знаний «своих» носителей языка намного выше, чем у представителей чужой культуры» [Шейгал 2002: 237].

Статистика также показывает, что накануне выборов президента РФ в 2008 году радикально настроенные издания склонны были надеяться модели метафор жесткими, категоричными оценками:

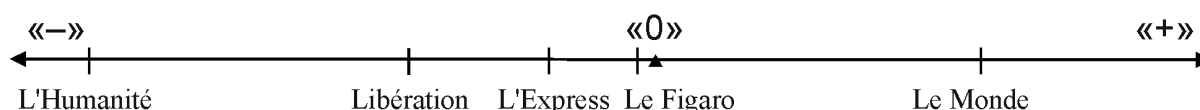

Рисунок 1

Так, леволиберальная газета «Le Monde» проявляет большую лояльность по отношению к В. В. Путину, в то время как прокоммунистическая «L'Humanité» не скупится на метафоры с явно агрессивным эмоционально-оценочным вектором.

Стоит заметить, что в конце второго мандата имидж президента Путина обретает более негативную окраску, чем в начале его руководства страной. В этой связи можно предположить, что в начале 2000-х Россия со своими долгами и проблемами вызвала у Запада чувства презрения и жалости. На том этапе Россией было легко манипулировать. К моменту выборов Федерация превратилась в страну независимую и мощную — Путинскую Россию (Russie de Poutine),

что заставило мировое сообщество увидеть в ней скорее противника, чем партнёра.

Дальнейшее исследование дискурса французской прессы позволило определить, что после выборов метафорическая модель В. В. ПУТИН (ПРЕМЬЕР) — ЭТО МОНАРХ практически полностью вытеснила прочие представления о российском лидере (см. табл. 3).

Несмотря на то, что большинство изданий также метафорически ассоциирует президента Д. А. Медведева с монархом, фигура премьер-министра все же остается «на престоле». Отсюда возникает тренд к развитию образа «двуглавого» правления: *Medvedev couronné, la Russie désormais bicéphale* (Le Monde 04/03/2008). Кроме того, усиливается тенденция к представлению В. В. Путина

Калигулой и Иваном Грозным: *L'empereur Caligula fit son cheval sénateur. Le Premier ministre russe, Vladimir Poutine, a lui nommé député son chanteur préféré, Nikolaï Rastorgouev (Le Monde 28/01/2010); Tsar, romanesque et violent: ...Mais on peut évidemment voir dans ce portrait d'Ivan le Terrible, premier tsar de toutes les Russies, le miroir*

d'un pays qui, d'Ivan à Staline et à Poutine... (L'Express 12/01/2010).

Значительные метаморфозы в плане характеристики образа премьер-министра России иллюстрирует приведенная ниже шкала — на рис. 2 четко прослеживается стремление эмоционально-оценочного вектора метафор к нулю:

Таблица 3

L'Humanité	Libération	Le Monde	L'Express	Le Figaro
«Le premier ministre russe Vladimir Poutine a tendu la main hier au futur président américain... sa toute-puissance au sommet de l'État » (05/12/08)	«Mirant du côté d'une toile intitulée les Princes Oleg et Igor de 1972, Vladimir Poutine a cédé à la raison de son état d'homme fort... » (12/06/09)	«Et l'on imagine toutes les retouches qu'il aurait prescrites à un artiste comme Picasso... Un chef tout-puissant, détenteur de l'arme nucléaire... » (13/06/09)	«Même si Poutine n'est pas, à l'identique, Ivan le Terrible, il décide aujourd'hui... de ce qui est vrai ou faux » (13/01/10)	«Il avait organisé sa succession en désignant comme dauphin M. Medvedev, souvent considéré pour cette raison comme une simple figure de transition » (04/12/09)

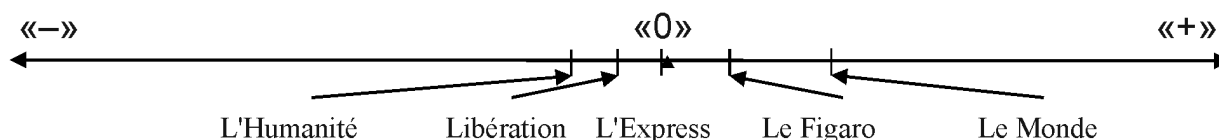

Рисунок 2

Сопоставив рисунки 1 и 2, мы можем судить о серьезном пересмотре позиций леворадикальной и социально-демократической прессы в отношении образа российского политического деятеля: после марта 2008 метафорические представления о премьере стали менее рельефными и колкими. В то же время образ, олицетворяющий Россию, несколько померк в глазах консервативных изданий. Можно предположить, что подобный нейтралитет обусловлен не столько сменой проводимого премьером политического курса, сколько концентрацией внимания на сплотившемся странном мировом финансовом кризисе.

За несколько месяцев до начала избирательной кампании 2012 г. внимание французских СМИ вновь обращается к персоне главы правительства РФ. Интерес, подогреваемый полемикой вокруг декабрьских выборов в Госдуму, находит отражение в развитии метафорических образов кукловода, самодержца и гегемона (см. табл. 4).

Наиболее оптимистично настроенная право-консервативная пресса предрекает стабилизацию и демократизацию политического режима Федерации в случае возвращения В. В. Путина на пост президента. Прокоммунисты, напротив, больше склонны драматизировать обстановку (рис. 3).

Таблица 4

L'Humanité	Libération	Le Monde	L'Express	Le Figaro
«Medvedev apparaît comme un pantin et Poutine comme obnubilé par le pouvoir » (02/12/11)	«...celui-ci a été inauguré la semaine dernière par l'incontournable Poutine, qui tient désormais tous les énergéticiens européens dans sa main » (17/09/11)	«...une vague de mécontentement populaire inédite depuis le début du règne de Vladimir Poutine, les autorités russes ont procédé ces derniers jours à une série de nominations... » (29/12/11)	«Le parti Russie unie, créé dans la foulée de l'accession au pouvoir de Vladimir Poutine, en 2000 <...> en jeu son hégémonie » (04/12/11)	«Au service du prince — Poutine, puis Medvedev, puis à nouveau Poutine —, il excelle dans son rôle » (15/12/11)

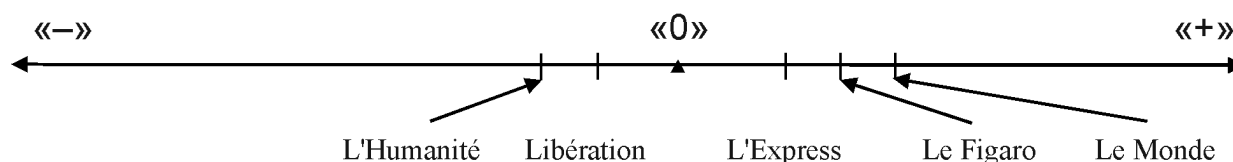

Рисунок 3

Обращаясь к вопросу о различиях в оценках внешней политики России, можно констатировать, что, рассматривая данную сферу, французские обозреватели исходят, как правило, из национальных интересов своего государства. То есть, при освещении внешней политики значительно сглаживается идеологическая дифференциация изданий. Различия мы находим лишь в тональности: левые зачастую добавляют несколько более едкие акценты в критическое отношение к российской политике, чем правые.

В результате анализа мы получили возможность зафиксировать отражение изменения статуса В. В. Путина в формировании моделей политических метафор, строящих образ современной России, а также проследить зависимость оценочного вектора метафор от политической принадлежности печатных СМИ.

Список литературы

1. Мирошниченко Е. Г. Между Россией и вечностью // Роман-журнал XXI век. — М.: 2003. — № 2. — С. 42-43.
2. Московичи С. Век толп. — М.: 1998. — 304 с.

3. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 110—123.

4. Цуладзе А. М. Политическая мифология. — М.: 2003.

5. Шейгал Е.И. Политическая мифология как средство социальной идентификации // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. — Воронеж, 2002. — С. 230—239.

6. Cabanne C., Tchistiakova E. La Russie: perspectives économiques et sociales. — Paris, 2002. — 287 p.

7. Carrère d'Encausse, H. La Russie est-elle un pays comme les autres? URL: <http://www.editions-fayard.fr>

8. Eckert D. Le monde russe. — Paris, 2004. — 239 p.

9. Favarel-Garrigues G., Rousselet K. La société russe en quête d'ordre avec Vladimir Poutine. — Paris, 2004. — 114 p.

10. Le Huérou A., Merlin A., Regamey A., Serrano S. Tchétchénie: une affaire intérieure? — Paris, 2005. — 166 p.

А. С. Смагина (Воронеж, Россия)

СОВЕТ КАК ДИСКУРСИВНОЕ СОБЫТИЕ В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (на материале текстов гендерно-ориентированного продукта СМИ)

The article presents a comparative analysis of the discourse strategies, regularly employed by language users to realize the communicative event of giving advice in American and British cultures. Selected texts of the advice columns culled from the American and British editions of the Cosmopolitan magazine were used as the empirical material for the study. Despite the similarity of the fundamental cognitive and communicative patterns of the speech event, via detailed analysis of the qualitative data the study reveals certain notable differences in the discourse structures and language means, which are generally exploited in the analyzed cultures.

Keywords: *discursive event, speech act, the council, cultural conditioning, gender, media, discourse, communicative and pragmatic approach.*

Исследование, результаты которого описываются в данной статье, было проведено нами в рамках коммуникативно-прагматического подхода к изучению речевого общения. Данный подход оформился как относительно самостоятельная система

взглядов на языковую деятельность и способы ее анализа в конце XX века на основе знаний и опыта лингвистической прагматики и теории коммуникации. В первую очередь он сфокусирован на процессуальных аспектах языковой деятельно-

сти, рассматривая в качестве основного объекта исследования естественно протекающее межличностное вербальное взаимодействие в единстве со всем множеством сопутствующих ему экстралингвистических факторов, образующих определенную коммуникативную ситуацию, то есть дискурс. Коммуникативная направленность данного подхода проявляется в стремлении исследовать такие свойства языковых единиц, которые проявляются исключительно в процессе общения и включают в себя интенциональные, социальные и другие «сугубо коммуникативные» смыслы [Формановская 2002].

Согласно ключевым принципам данного подхода в процессе речевого общения мы не просто сообщаем друг другу определённую информацию, а совершаем целенаправленные речевые действия. В то же время в условиях естественного дискурса эти речевые действия не совершаются изолированно, многие из них тесно взаимосвязаны и образуют целые дискурсивные события (ДС) — единства речевых актов, выполняющих разные функции в процессе достижения единой глобальной коммуникативной цели в одной коммуникативной ситуации. В сознании коммуникантов знания о совершении определенного дискурсивного события хранятся в виде общей прототипической схемы его осуществления (состоящей из совокупности семантических и интерактивных условий данного дискурсивного события) и набора реализующих её ситуативно-специфичных скриптов и стратегий. Данный набор когнитивных моделей и реализующих их дискурсивных стратегий культурно обусловлен и во многом культурно специфичен [Цурикова 2002]. При этом значительные различия между интерактивными схемами и коммуникативными стратегиями осуществления одного и того же дискурсивного события наблюдаются не только в значительно отличающихся друг от друга, но и в близких друг к другу культурах. Именно это мы и попытаемся продемонстрировать в данной статье, сравнив дискурсивные стратегии реализации речевого события совета, свойственные американской и британской языковым культурам.

Гендерная проблематика была выбрана нами в свете недостаточного количества работ, анализирующих различия в концептах «женственности» и «мужественности», свойственных разным культурам, которые опять же могут быть значительны, даже если речь идет о родственных друг другу культурах.

Источником эмпирического материала послужили тексты рубрики психологических советов,

в которой эксперты отвечают на вопросы читателей, американского и британского изданий женского глянцевого журнала *Cosmopolitan*. Современная коммуникативно-прагматическая трактовка дискурса как межличностного вербального взаимодействия вне зависимости от формы / канала его осуществления, позволила нам проанализировать данные письменные тексты с позиций их деятельностных / динамических и ситуативных / контекстных характеристик, с учетом влияния различных экстралингвистических факторов на их форму и содержание.

Нами было проанализировано 181 ДС совета, зафиксированное в американской версии журнала, и 165 ДС совета, обнаруженных в британском издании.

Рассмотренная нами рубрика советов американской версии журнала *Cosmopolitan* затрагивает исключительно тему взаимоотношений женщины с мужчиной (мужем, бой-френдом, поклонниками и т. п.), в то время как проблемы, обсуждаемые в аналогичной рубрике британского издания, могут касаться не только взаимоотношений женщины с мужчинами, но и с другими людьми: родителями, детьми, друзьями, коллегами и т. д., а также носить индивидуальный характер и касаться только женщины (например, её самооценки и самоощущения). В качестве эксперта в американской рубрике выступает молодой мужчина, информация о котором ограничивается его именем: какие-либо сведения о его роде деятельности или профессиональной квалификации полностью отсутствуют. Данные факты позволяют сделать вывод о том, что единственным и достаточным основанием для представления его как эксперта является его принадлежность к мужскому полу, которая автоматически выступает гарантом того, что он понимает мужчин лучше, чем читательницы журнала, и может помочь последним наладить с ними контакт. В британской же версии журнала *Cosmopolitan* в роли экспертов выступают женщины старше 35 лет, чьи специальность (психолог, психотерапевт) и квалификация (доктор) всегда указываются. Таким образом, для британского *Cosmo* более важную роль играют профессиональная подготовка и опыт экспертов, нежели их гендерная принадлежность.

В результате можно заключить, что американская версия в большей степени, нежели британская версия, сфокусирована на традиционно приписываемой женщине роли спутницы и помощницы мужчины, а также придает намного больше важности гендерному фактору, противопоставляя

мужчин и женщин на основании исключительно гендерного критерия и видя источник всех возникающих между ними проблем и непониманий в их гендерных различиях.

Данные обстоятельства во многом находят свое отражение в речи экспертов. Так, американский «гуру мужской психологии» часто обобщает разбираемую проблему до уровня непонимания между мужчинами и женщинами вообще и использует обобщающее «we» для обозначения себя, мужчины-участника проблемной ситуации и всех других мужчин и обобщающее «you» для обозначения участницы-женщины и всех женщин мира. Британские же эксперты, если и используют данные местоимения как обобщающие, то для обозначения всех людей на свете, независимо от их гендерной принадлежности.

Однако перейдем к непосредственному анализу дискурсивного события совета. Нами было рассмотрено 231 и 215 дискурсивных событий совета, зафиксированных на страницах американского и британского изданий журнала *Cosmopolitan* соответственно.

И в американской, и в британской культуре данное дискурсивное событие включает в себя титульный речевой акт (РА) совета и ряд поддерживающих речевых актов.

Практически всегда титульный РА совета реализуется косвенно, посредством совершения вторичных речевых актов. РА совета, реализованные прямым способом с использованием перформативного глагола («I recommend»), были зафиксированы только в американском издании, и их процентная доля по сравнению с показателем косвенных РА оказалась ничтожно мала — всего 1,5 %.

Среди косвенных средств осуществления РА совета в рубриках обоих изданий преобладают речевые конвенции, среди которых наиболее частотными являются императивные конструкции (56 % американских и 58 % британских примеров). Второе место по частотности в рубриках обеих версий журнала занимают повествовательные конструкции с модальными глаголами (26 % американских и 12 % британских примеров), однако типы самих конструкций и выбор модальных глаголов значительно различаются. Например, в американской рубрике превалирует конструкция «You MV do X» (где MV — модальный глагол, а X — каузируемое действие: You need to stop traveling in a pack), использованная в 18,93 % всех зафиксированных РА совета. В британских же советах данная конструкция встретилась всего в 3,76 % случаев — в большинстве примеров

с модальными глаголами в роли подлежащего либо выступает не адресат, а некое третье лицо, либо используется пассивный залог, например: *Al-anon.com can help you make your father address his alcoholism.*

Определенные различия можно отметить и в выборе конкретных модальных глаголов. Так, в американском издании наиболее частотными являются конструкции с модальными глаголами «need» (10 %) и «have to» (4,3 %). В текстах британской версии журнала «need» также употребляется чаще других модальных глаголов, но, несмотря на это, процент зафиксированных нами примеров с этим модальным глаголом значительно ниже, чем в американской версии, и составляет всего 4 %. Модальное выражение «have to» и вовсе было использовано британскими авторами лишь в 1 % примеров. Наиболее часто встречающимися в текстах советов британских экспертов, после глагола «need» (4 %), являются глаголы «can» (3,3 %) и «could» (2,3 %), пользующиеся меньшей популярностью у американских авторов (3 % и 1,7 % соответственно). Только в американской версии журнала были зафиксированы речевые акты совета, выраженные высказываниями с модальным глаголом «should» (2,16 %): *You should think about how much you want to be with someone who is so possessive.* В то же время, только британские авторы использовали для осуществления совета модальный глагол «must» (0,5 %): *You must be clear with your friends that you have different needs to them and explain that even though you're at different stages of your life it doesn't mean you can't meet in the middle.*

Многие зафиксированные нами конвенциональные средства выражения совета характеризуются значительной разницей в частотности употребления. К ним можно отнести:

— условные предложения первого типа, главное предложение в составе которых описывает результат, достигаемый при выполнении условия и являющийся бенефактивным для адресата, как полагает говорящий (6,5 % в американской версии против 2 % в британской версии). Например: *If you do let your guy see you in your new sexy duds, he'll be beyond excited;*

— утверждения, построенные по схеме «N is to do X / doing X», где N — именное словосочетание или существительное (например, the best thing, the only way out и т. п.), а X — каузируемое действие (3,5 % в американской рубрике против 1,5 % в британской рубрике); например: *The only way to read the other person's rhythms is to pay attention to what your partner is doing;*

– утверждения, построенные по схеме «You want / don't want to do X», где X — рекомендуемое (или, напротив, не рекомендуемое) действие (3,9%, американских примеров против 0,5% британских примеров). Например: *You want to create some ambience using candles, so you don't feel like you're exposed.*

В то же время нами были зафиксированы средства выражения совета, специфичные только для одного из изданий. В британском издании это были высказывания, построенные в соответствии с конструкциями: «Why not do X?» (1,86% всех примеров, например: *Why not plan to go there for your next holiday?*), «It is important to do/you do X» (1,86%; *it's important you articulate what your anxieties are*), «It's time to do X» (1%; *It's time to talk to your boyfriend*). Только в американской рубрике была зафиксирована конструкция «doing / to do X is a good/bad idea» (0,8%; *Talking about each other's past is a pretty bad idea*).

Также было обнаружено, что британцы значительно чаще прибегают к неконвенциональным средствам реализации РА совета, нежели американские авторы. В таком случае роль вторичных РА, косвенно реализующих совет часто выполняются поддерживающие РА.

В роли поддерживающих РА могут выступать констативные высказывания, сообщающие о достижении бенефактивного для адресата результата после выполнения рекомендуемого действия или объясняющие причины для выполнения каузируемого действия. В американских текстах поддерживающие РА более многочисленны, в то время как в британских текстах они иногда становятся средством косвенного выражения титульного РА совета. Это становится возможным благодаря тому, что «в средствах реализации вторичного РА, обладающего буквальным характером, затрагиваются условия успешности косвенно осуществляемого акта» — в данном случае, условие бенефактивности каузируемого действия для адресата [Сёрль 1986: 198].

В американских текстах поддерживающие речевые акты более многочисленны, что, вероятно, частично объясняется большим объемом текста экспертного совета: в американском издании он составляет, в среднем, 185 слов, в то время, как в британской версии журнала весь совет эксперта умещается, в среднем, в 105 слов.

Очевидно, по тем же причинам текст, порожденный американским экспертом в ответ на письмо читателя, лучше структурирован и обычно разделен на абзацы, тогда как типичный текст британских экспертов представляет собой единое монолитное речевое произведение, не разделенное на абзацы и отличающееся сложным переплетением смысловых, интенциональных, и, как следствие, семантических и грамматических связей. Неудивительно, что в подобных условиях поддерживающие речевые акты зачастую становятся средством косвенного выражения титульного речевого акта совета, что в высшей степени свойственно для британского издания.

Также отметим, что очень часто в обеих версиях журнала фактор бенефактивности эксплицируется косвенно, через описание противоположного, нежелательного результата при выполнении действия, которое адресант рассматривает как неправильное, не рекомендуемое. Особенно это касается советов, выраженных условными предложениями различных типов, как в следующем примере: *If you berate him, you will just make him so defensive, he'll keep the beard out of spite.*

Подводя итог всему вышесказанному, следует отметить, что, несмотря на фактически полное сходство общих коммуникативных моделей совершения речевого события совета в американской и британской лингвокультурах, мы можем наблюдать значительные различия в конкретных коммуникативных стратегиях и языковых средствах их реализации. При этом общность языка общения ещё раз доказывает тот факт, что источником данных различий служат не столько внутриязыковые механизмы, сколько нелингвистические факторы, и, прежде всего, принадлежность к разным, хотя и родственным, культурам.

Список литературы

1. Сёрль Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов / общ. ред. Б. Ю. Городецко-го. — М.: Прогресс, 1986. — С.195—222
2. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. — М.: Рус. яз., 2002. — 216 с.
3. Цурикова Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. — 256 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

Д. А. Алания (Тбилиси, Грузия)

О ПЕРЕВОДЕ ТЕРМИНА

The article discusses the difficulty of term translation as one and the same term can be used in various spheres of science. In case of absence of a term equivalent in scientific text, it is adopted or borrowed or a new one is created, or some literary unit is given new terminological meaning. The main condition of equivalence is to preserve the exact meaning, the exact identical idea, which reflects terms. The language system reflects the functioning of term-system as a realization act of intercultural communication realization in the sphere of science.

Keywords: *term, translation, text, equivalent, communication, scientific, linguistic, intercultural.*

Переводу терминов и их межъязыковому сопоставлению в научной литературе уделяется огромное внимание, т. к. именно они определяют информационное содержание специального текста. Термины в специальном научном тексте употребляются настолько часто, что даже преобладают над другими словами. Как и обычные слова, они могут быть разнозначны в зависимости от контекста.

Полисемантическое свойство термина ставит перед переводчиком те же задачи, что и всякое многозначное слово, являющееся носителем нескольких значений, из которых в контексте реализуется одно. Поэтому предпосылкой верного перевода является правильное понимание контекста и совершенное знание предмета, о котором идет речь.

В большинстве случаев при переводе специальных научных текстов пользуются уже готовыми существующими терминами в языке в соответствующей отрасли научной литературы. Решающую роль при этом играет уровень специальных и научных знаний, филологическая образованность, определяющая смысл термина, терминологическую норму языка, на котором делаются перевод, и, конечно же, умелое пользование словарями. Поиски того или иного термина по словарю всегда нужно ограничивать нужной областью знания. Например, слово *steuerregelung* (налоговое регулирование) употребляется в качестве термина в экономике для обозначения меры косвенного воздействия на экономику путем изменения вида налогов и установления налоговых льгот. В автомобилестроении этот же термин обозначает регулировку управления.

Для понимания проблем перевода термина необходимо знать и специфику термина.

Традиционно под термином понимается слово или словосочетание, означающее понятие

специальной области знания, предметы, явления. Это однозначные слова и словосочетания, нередко иноязычного происхождения.

Термин — элемент подязыков науки специальной литературы, в основном выполняющий назывную функцию; попадая в текст иного жанра, он может служить средством осуществления определенной стилистической задачи. Независимо от своего происхождения термин входит в язык каждого народа, являясь достоянием всего человечества.

Многие термины созданы и создаются искусственно на материале греческого и латинского языков на различных этапах развития языка: например, слово «терминология» состоит из латинского элемента *terminus* — граница и греческого *logos* — наука.

В русской лингвистической терминологии много греко-латинских заимствований: [Алания 2004: 80]: *лексика* (лат.), *морфема* (греч.), *номинация* (лат.), *антоним* (греч.), *постфикс* (лат.), *прагматика* (лат.), *тавтология* (греч.), *спряжение* (лат.), *палеография* (греч.), *орфография* (греч.), *суффикс* (лат.), *тема* (греч.), *тезаурус* (греч.), *орфотия* (греч.), *паронимия* (греч.), *рема* (греч.) и многие другие.

В русской лингвистической терминологии наблюдаются заимствования терминов и из европейских языков: *аббревиатура* (итал.), *ассимиляция* (нем.), *архаизм* (франц.), *каламбур* (франц.), *калька* (франц.), *парцелляция* (франц.) и многие другие.

Термины имеют различную структуру [Алания 2000: 24].

1) термины-слова (непроизводные: *звук, вид*; производные: *стилистика, сказуемое*);

2) сложные термины, образованные сложением основ (слоγοраздел, местоимения);

3) аббревиатуры: СГОК (сложные существительные с глагольным опорным компонентом (Д. А. Алания, к. д. сложные существительные

с глагольным опорным компонентом в русском языке и их грузинские эквиваленты (на материале словарей) [Сухуми, 1982: 7]);

4) термины словосочетания (гласный звук, производная основа, несклоняемые существительные);

5) составные термины (значение формы настоящего времени, деепричастие совершенного вида);

6) многословные термины (искусственность терминологических наименований по сравнению со словами общелитературного языка).

Термин не имеет коннотативных значений, независимо от контекста термин переводится термином — полным и абсолютным эквивалентом.

Только в идеале термин однозначен и лишен коннотаций и говорить о его полной переводимости термин — термином можно лишь в научном стиле. При отсутствии в ПЯ термина эквивалента в научном тексте его заимствуют или создают новый (калька, неологизм, составной термин и т. д.) или придают терминологическое значение общелитературной единице [Влахов, Флорин 1980: 279].

Термины (слова и словосочетания) в последнее время, в эпоху НТР, очень часто встречаются за пределами научной литературы: в научно-популярных, научно-фантастических и общественно-публицистических произведениях, в беллетристике, поэзии.

Благодаря активности СМИ общим достоянием становятся узкоспециальные термины. Итак, термин становится составной частью лексики, отражающей состояние современного литературного языка.

В науке, в своей естественной среде, термин играет только назывную роль, указывающую на определенное понятие; в художественном же произведении он может исполнить поставленную автором стилистическую задачу, не теряя и своего предметного значения. Прежде чем переводить термин, нужно распознать его в научном тексте. Важнейшим условием эквивалентности является сохранение в переводе содержательной точности единиц ИЯ и обеспечение абсолютной идентичности понятий, выражаемых терминами ИЯ и ПЯ.

При переводе могут возникнуть затруднения из-за омонимии, так как один и тот же термин может входить в разные терминологии данного языка [Алания 2004: 81]. Например, *речь* — в языкознании, психологии, физиологии и медицине; *редукция* — в фонетике, философии, юриспруденции; *ассимиляция* — в фонетике и этнографии и т. д. Перевод же зависит от той сферы, в которой он применяется.

Быстрый темп развития в экономической сфере вызывает образование большого количества новых, специальных понятий и соответствующих им терминов.

Существует технический перевод, где важно знать принятые за рубежом стандарты обозначений тех или иных понятий. Например: *Realeinkommen* — реальный доход — денежный доход граждан, исчисленный с учетом реальных цен на товары и услуги и взимаемых налогов. *Schattenwirtschaft* — теневая экономика — экономические процессы, которые не афишируются, скрываются их участниками, не контролируются государством, не фиксируются официальной государственной статистикой.

В сфере экономики много терминов англоязычного происхождения, и их число постоянно растет. Многие новые английские термины образованы метафорически, что затрудняет возможность их адекватного перевода. При этом следует учесть еще различия в менталитетах разных языков.

Все эти обстоятельства мешают унификации экономической терминологии и затрудняют ее качественный перевод.

Для многих слов, которые несут моральную и эмоциональную оценку, нет точных эквивалентов: английские слова «aggressive» и «ambitious» лишены отрицательного оттенка, присущего русским эквивалентам «агрессивный» и «амбициозный». Поэтому, «aggressive marketing» следует перевести как «активный маркетинг».

В зависимости от семантического объема терминов различных языков, между ними могут существовать семантические отношения:

1) полной эквивалентности разноязычной лексики, при которой термин одного языка имеет точное смысловое соответствие с термином другого языка: *accountant* — «бухгалтер», *working capital* — «оборотные средства», *ენათმეცნიერება* [enatmesnieriēba] — в грузинском языке. Перевод их представляет собой поиск полных эквивалентов в языке перевода и для переводчика не составляет большой трудности;

2) частичной эквивалентности, когда термин или одно из его значений является эквивалентом лишь одного или нескольких значений терминованного слова другого языка. Такое отношение свойственно многозначным терминам: *tax* — «налог», «членские взносы», «плата по счету», «облагать налогом», «назначать цену» и т. п. Вид глагола — *ზმნის ასპექტი* [zmnis aspekti] — в грузинском языке;

3) без эквивалентности, когда на данном отрезке времени в одном из них нет готового смыслового

соответствия для иноязычного термина, что обусловлено спецификацией быта и культуры разных стран. Например, термина «деепричастие» нет в английском, немецком, грузинском языках, соответственно не существует его эквивалента в этих языках, хотя в грузинском языке иногда его именуют — აბსოლუტოზო [absolutiv].

Итак, основной функцией термина является по возможности точное выражение специальных понятий; термин — основной структурный элемент специального текста, передающий знания о мире и обновлении информационно-

научной картины мира и обеспечивающий эффективность межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Алания Д. А. Лингвистическая терминология — семантика и прагматика. — Тбилиси, 2004.
2. Алания Д. А. Лингвистическая терминология русского языка (научные и прагматические аспекты). — Тбилиси, 2000.
3. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. — М., 1980.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. — М., 1968.

Г. В. Андреева (Шадринск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ПЕРЕВОДА ПОВТОРЯЮЩИХСЯ ЛЕКСЕМ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

The article is devoted to comprehension and interpretation of lexical and syntactical units recurring in a literary text.

Keywords: *repetition, intercultural communication, translation, belles-lettres.*

Осуществляя процесс межъязыковой коммуникации, переводчик может ставить перед собой различные цели, стремясь достигнуть определенных результатов. При этом главной целью любого перевода, независимо от вида и жанра текста, является адекватная передача лексических, семантических и стилистических компонентов оригинала средствами языка перевода. А так как смысл слова, его семантическая емкость не автономна, а зависит как в оригинале, так и в переводе от контекста, проявляется только в контексте, то учет внутритекстовых связей является важным аспектом переводческой деятельности.

Не случайно частное языкознание многих живых языков последние десятилетия много и плодотворно поработало над выявлением моделей связи единиц языка выше предложения, моделей построения текста как наиболее полного и законченного произведения речевой деятельности человека. При работе переводчика с письменным текстом, как отмечают многие теоретики перевода (Л. С. Бархударов, В. Н. Комиссаров, Т. А. Казакова и др.), возникает целый ряд факторов как лингвистического, так и психологического порядка, без решения которых перевод как вид речевой деятельности не может состояться.

Исходный текст существует для переводчика как словесно выраженный замысел, зафиксированный в письменном виде на языке оригинала.

Без осознанной деятельности переводчика, без идентификации знаков исходного текста и их замены на эквивалентные знаки на языке перевода создать текст перевода не представляется возможным. Исходный текст — это знаковая система, динамическое пространство, обладающее конечностью, значимостью, и репрезентирующее ту или иную предметную ситуацию. Переводчик моделирует аналогичную мысль средствами другой системы знаков в виде переводного текста. При этом исходный текст несет на себе печать авторского субъективного видения мира, а переводной является результатом интерпретации, то есть одним из допустимых смысловых вариантов исходного текста, эмпирическим результатом переводческой деятельности [Казакова 2004: 12—14].

Сложнее всего становится задача семантического отождествления. Для ее решения необходимо, чтобы предметно-логические или, по крайней мере, лингвистические картины мира, отраженные исходным тестом и его получателем — переводчиком, наложились одна на другую.

Анализ текстовых связей показывает, что расхождения в информационной насыщенности текста и его информативности объясняются тем, что не вся информация, заложенная в тексте оригинала, достигает получателя, а лишь та, которая опирается на способность переводчика более или менее адекватно применять механизм

психического восприятия, аранжировку и умение толковать избыточность и ассоциативность. В основе этих механизмов находится взаимодействие информационно-языковых и речепсихологических факторов, определяющих закономерности переводческого процесса.

Повторение контактно и дистантно расположенных единиц текста можно рассматривать как результат повышенной упорядоченности на линейно-речевом уровне, которая осуществляет «постоянно пульсирующую связь частей друг другом и с целым» [Ларин 1974: 93]. Намеренное нарушение постулата количества и нагнетание одного и того же знака в речевой цепи, избыточное с точки зрения фактуальной информации не бывает случайным. Принципиальная значимость повтора может быть различной в поэтическом и прозаическом текстах. С одной стороны, повторы интенсифицируют и углубляют мысль, с другой стороны, не вводя новой информации, повтор может создавать объемность и многоаспектность образа.

Как отмечает А. Ф. Папина, повтор лексем, объединенных общностью одного семантического центра, довольно часто встречается в художественном тексте и помимо связующей функции вносит дополнительные нюансы в трактовку образа [Папина 2002: 18].

В романе Сидни Шелдона «Are You Afraid of the Dark?» детектив характеризует сложный случай повтором синонимических лексем: «Gentlemen, we have a riddle wrapped in a mystery, inside an enigma. In the fifteen years I have been in office, we have investigated serial killers, international gangs, mayhem, patricide, and every other crime imaginable». He paused. «But in all those years, I have never come across anything like this...» [Sheldon 2005: 91]. Существительное «riddle» определяется как «puzzling person or thing», «enigma» и «mystery» являются синонимическими эквивалентами «riddle». Перед переводчиком возникает проблема: сохранить или же нейтрализовать повтор в переводном тексте. Решение подсказано контекстом. Если опытный полицейский никогда не встречался с таким загадочным преступлением, то его образную характеристику желательно сохранить, хотя бы частично подбором синонимов: *джентльмены, перед нами проблема, окутанная тайной и представляющая загадку. За пятнадцать лет работы... я не сталкивался ни с чем подобным.*

Особенно сложным для переводчика может стать так называемый дистанцированный повтор. На первый взгляд, повтор единиц текста в последующем контексте может показаться случайным.

Без опоры на предшествующий контекст он может быть не замечен. Такая оплошность может нарушить целостность авторского видения и, соответственно, затруднить понимание.

Рассмотрим фрагменты дистанцированного повтора на конкретном примере — контексте романа Даниэлы Стил «Ransom» [Steel 2005: 226—235]. Лексические единицы «puzzle», «pieces», «sky» повторяются на страницах 216—235 при описании мыслительной деятельности полицейского. При этом мотивированная связь между ними четко просматривается только в одном, начальном контексте. В данном отрывке писатель создает образ-метафору: «Police work is like putting a puzzle together, one of those ones with a thousand pieces, where about eight hundred of them are sky, and the rest are water. It all looks like nothing for a long time and then little by little, you get a chunk of sky together, or a little bit of ocean, and pretty soon enough starts to fit together and you figure out what you are seeing. Right now, all we have is a piece of sky, a very small piece of it, but I don't like what I am seeing» [Steel 2005: 226]. *Работа полицейского напоминает сложную мозаику с большим количеством деталей. Из тысячи кусочков восемьсот изображают небо, а остальные — водное пространство.* Образная мотивация понятна.

По цвету все эти кусочки схожи и трудноразличимы. Ключевые лексемы образа повторяются в разных комбинациях на страницах 229 и 232, но их дистантное расположение мешает увидеть их связь с образом-мозаикой, поэтому в предложении «I don't know anything for sure but the pieces started falling into place for me a few hours ago» [Steel 2005: 229] лексема «pieces» нуждается в идентификации и семантическом развитии при переводе: *я ни в чем еще не уверен, но несколько часов тому назад детали мозаики начали складываться в картину.* При смысловом развитии можно было бы дать и другой вариант: например, *отдельные подозрения подтвердились.* Однако этот вариант не подходит, так как на странице 232 образ получает дальнейшее развитие: «It's a little piece of that puzzle right now, a piece of sky». Возможен вариант перевода: *сейчас в моих руках оказался маленький кусочек мозаики-фрагмент неба.*

Появление лексемы «sky» в последующем контексте на странице 235 «suddenly there is a lot of sky on the table and I think there is a storm coming» покажется абсурдным, если от внимания переводчика ускользнет рекуррентность образа. Одним из возможных вариантов перевода может стать следующий: *...детали с фрагментами неба*

становятся в мозаичной картине на свои места, и я понимаю, что надвигается буря / развязка.

Совершенно очевидно, что перевод лексемы «sky» в последнем предложении был бы невозможен без учета ее связи с предыдущими контекстами, связанными с образом сложной мозаики. Соответственно, дистанцированный повтор требует от переводчика предельного внимания, так как он выполняет в романе как связующую, так и эстетическую функции, являясь составной частью художественного образа. Переводчик должен оценить принципиальную значимость повтора и решить: сохранять повтор в переводе или отказаться от него, тем самым утратив художественную деталь оригинала.

Повторы могут способствовать актуализации деталей, выделяя их на сюжетном уровне. Такие детали нередко перерастают в символ. В романе Д. Стил «Southern Lights» автор актуализирует противоречия между Югом и Севером Соединенных Штатов, в том числе и в характеристике персонажей. Говоря о характере южан, Д. Стил упоминает поведенческий стереотип: «What's this 'Bless her heart' thing everyone says? They are always saying 'bless her heart'... That means they hate them. First you say something really mean about someone, and then you say 'bless her heart' right after. My mama does it all the time. So does my grandma. We call that nasty-nice here» [Steel 2010: 177]. «...Savannah told her about the 'bless her heart' thing that southerners seemed to say before or after making a particularly bitchy

comment» [Steel 2010: 225]. «Bless her heart» повторяется на страницах 226, 227 и в тех фрагментах сюжета, в которых оговаривается неискренность и лицемерие дам-южанок как своего рода поведенческий стереотип. В этом случае переводчик должен сохранить повтор как клише: *Храни ее господи!* Возможный вариант перевода: *Что это за выражение «Храни ее господи», которое все употребляют? Они всегда говорят «храни ее господи». Это означает, что они вас терпеть не могут. Скажут какую-нибудь гадость про человека, а затем добавят «Храни ее господи!».* Моя мама так говорит и бабушка. Стереотип речевого поведения важен для сюжетного развития, и поэтому прямой повтор желательно сохранить при переводе.

Таким образом, выбор эквивалента при переводе повторяющихся лексем и сочетаний слов в художественном тексте зависит от контекстного окружения, авторского видения ситуации и от динамики художественного образа.

Список литературы

1. Казакова Т. А. Практикум по художественному переводу: учеб. пособие — СПб.: Феникс, 2004.
2. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя: сб. ст. — М.: Худож. лит., 1974.
3. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории. — М., 2002.
4. Steel D. Ransom. — Corgi Books, 2005.
5. Steel D. Southern Lights. Corgi Books, 2010.
6. Sheldon S. Are You Afraid of the Dark? — Harper Collins Publishers, 2005.

Е. А. Аносов (Челябинск, Россия)

О МЕХАНИЗМАХ СОЗДАНИЯ СТЕРЕОТИПНОСТИ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА

The following article deals with the matters of stereotypical expression of men and women's traits in Russian proverbs and sayings. It also describes some of the most prolific mechanisms of stereotype creation. The most productive types of the latter prove to be different kinds of metaphoric transference, hyperbole and antithesis.

Keywords: *proverb, saying, паремия, stereotype, male, female, gender, metaphor, hyperbole, antitheses.*

Паремии языка являются отражением народной мудрости отдельно взятой нации. В них собраны образы людей, описано их поведение в различных ситуациях. Будучи обобщёнными суждениями, пословицы и поговорки несут в себе неизбежное упрощение жизненных ситуаций и свойств человеческого характера. Стереотипность образов, описываемых в паремиях, способствует более

лёгкому их восприятию и последующей интерпретации воспринимаемым субъектом [Рябова 2003: 121].

Данная статья имеет целью лишь выявление и описание методов создания стереотипности мужских и женских образов в пословицах и поговорках и не затрагивает функционирование паремиологических единиц в речи, случаи

употребления, сочетаемости с другими единицами, либо иные их аспекты.

Способы и механизмы создания гендерных стереотипов в паремиях в стилистическом плане весьма разнообразны, а само формирование образов в пословицах и поговорках происходит под влиянием нескольких факторов. При этом, как правило, учитываются особенности языка, рождающего языковые единицы. В общем и целом, несмотря на некоторые отличия структурного и функционального плана между различными языковыми системами, можно выделить сходные признаки формирования образов в паремиях, характерные для русского, английского, а также ряда других европейских языков, и основанные в большинстве своём на различных типах переноса значения свободного словосочетания [Жуков 1986: 21]. В данной работе способы создания стереотипов будут рассмотрены на материале русского языка.

Образы, описываемые в пословицах и поговорках, метафоричны. Метафоричность сочетаний бывает разного свойства: она может достигаться переносом по сходству действия (*Жениться — не лапоть надеть; Женское сердце что котёл кипит; Женское сердце видит больше, чем глаза десяти мужчин*), признака (*Жена не балалайка (гусли), поиграв, на стену не повесишь; Жена не сапог (лапоть), с ноги не сбросишь; Бабий язык — чёртово помело; Жена мужу пластырь, а он ей пластырь; Жена, как тень: беги за ней — убегают, убегай от неё — догоняет; Девичья краса — как майская роса*) или положения (*Муж в дому, что крест на церкви; Муж в тюрьме, а жена в сурьме*). Возможно сходство с физическим состоянием от пребывания в каком-либо месте (*В тени леса лучше, чем в тени листка, а под мужниным крылом лучше, чем в тени леса*) либо с конкретным физиологическим ощущением (*С немым жениться — заживо в гроб ложиться; Умная жена, как нищему сума*). Отдельную группу составляют метафоры, образованные на основе сходства с поведением животного (*Мужик без бабы, что гусь без воды; Мужик богатый, как бык рогатый; Собака умней бабы: на хозяина не лает; Птица радуется весне, а младенец матери; Пусть мужик, как ворона, а всё ж бабе оборона; Женится петух, а прихорашивается курица; Неженатый — как волк, а женился — как шёлк*). Часть метафор базируется на внешнем сходстве (*Умница — как пёстрая курица*), сходстве от внешнего воздействия (*То ли его жена гладила, то ли его кошка поцарапала*), а также на сходстве с интенсивностью и результатами

протекания физических явлений (*Поженился, как на льду обломился; На богатенькой женился, под пятою очутился*).

Как видно из вышесказанного, перенос по сходству признака и по сходству с поведением животного являются наиболее распространёнными и действенными среди метафорических способов создания стереотипных образов в паремиях. Сравнение мужчин и женщин с предметами и животными на основе какого-либо признака позволяет наглядно и упрощённо выразить их взаимоотношения в отвлечённой форме и способствует лучшему пониманию мотивов их поступков и действий.

Причиной необычайной продуктивности метафорических переносов в языке и речи, по словам О. И. Глазуновой, является «плодотворное сочетание в их структурной организации нескольких функций» [Глазунова 2000: 173]. «Наряду с информативной функцией <...> метафора обладает широким спектром прагматических возможностей: эстетических, оценочных, стилистических и экспрессивных», что мы и наблюдаем в приведённых примерах.

Помимо метафорического переноса, существует несколько других весьма распространённых и продуктивных способов выражения стереотипов в паремиях. Одним из них является антитеза: *Муж пьёт — полдома горит, жена пьёт — весь дом горит; Муж — голова, жена — душа; Жена умирает, а муж со смеху помирает; Муж на дудочке играет, а жена с голодухи помирает; Мужика на двор, бабу в дом; Баба да кошка в избе, мужик да собака на дворе; Мужик тянет в одну сторону, баба в другую; От мужика пахнет ветром, а от бабы дымом; Чужая жена лебёдушка, своя жена полынь горькая!* [Даль 1866]. Её использование позволяет усилить степень выраженности описываемого качества или признака и тем самым акцентировать на нём внимание воспринимающего субъекта.

Высказывания типа «чёрное — белое» априори являются стереотипными, представляя собой антонимичную пару, где один из компонентов наделён признаком, имеющим социально одобряемую оценку, а другой — признаком с противоположным значением. Именно поэтому использование антитезы в качестве основного приёма создания образности, а вместе с тем и стереотипности языковых единиц, является наиболее эффективным.

Пословицы и поговорки часто содержат совет, выраженный в форме императива и адресованный мужчине: *Не кайся — рано вставиши да молод женившись; Не ищи красоты,*

красота приглядится; Не верь коню в поле, а жене в доме; Жену выбирай не глазами, а ушами; Люби жену, как душу, трясى её, что грушу; От пожара, от потопа, от злой жены — Боже сохрани! [Фелицына 1988]. Такая организация языковых единиц позволяет без лишних предисловий получить руководство к действию и понять суть ситуации.

Приём гиперболизации в пословицах и поговорах также весьма частотен в использовании: *В ямочки на женских щеках даже крепости проваливаются; Когда жена сбежать захочет, то ров и стену перескочит; У женщины больше хитростей, чем у самого чёрта; Влюблённая жаба и море переплывёт.* Его применение многократно усиливает эмоциональную окраску пословицы и её экспрессивность.

Паремии в форме риторического вопроса не столь частотны, однако этот приём также увеличивает степень экспрессивности языковой единицы: *Девушки хороши да пригожи, да отколь же злые жёны берутся? Зачем мне мягкие губы, когда сундук пустой?*

Способы создания стереотипности в паремиях русского языка различаются как в стилистическом плане, так и по частоте использования. Наиболее действенными и часто используемыми среди них являются антитеза, гиперболизация и метафорический перенос по сходству признака, что обеспечивает большую экспрессивность и эмоциональность паремий для более лёгкого их восприятия.

Список литературы

1. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000. — 190 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — СПб., 1863—1866.
3. Жуков В. П. Русская фразеология. — М., 1986.
4. Рябова Т. Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. — М., 2003. — Вып. 1—2. — С. 120—139.
5. Фелицына В. П. Прохоров Ю. Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановед. слов. — М.: Рус. яз., 1988. — 272 с.

Ж. Т. Балмагамбетова (Караганда, Казахстан)

ИНТЕГРАТИВНО-КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Interest of researchers to the problems of linguistic consciousness and specific features of the mentality in modern linguistics is still relevant. The problem stated in the article is preconditioned by the interest to the issue of harmonization of cross-cultural communication on the basis of literary texts. New approach to the study of literary translation presented in the article allows to prove that translator takes possession of the ability to make the concepts explicit in the translation of text into the target language.

Keywords: *lingvocultural approach, concept, cognitive strategies, lingvocultural units, cultural constants, conceptosphere, lacuna, concept of endemism.*

Переводоведческие исследования последних лет плодотворно используют достижения психолингвистики, этнопсихолингвистики, семиотики, определяя художественный перевод как специфическую речевую деятельность. В нашем исследовании, доминантой которого выступает психокогнитивный и культурологический подходы получает теоретическое обоснование интегративно-концептологический аспект перевода в русле интерпретативной теории перевода как обеспечивающей сохранение национально-культурной самобытности художественного текста в переводе. Проблемы определения сущности перевода и разработки основ и «каркаса будущей интерпретативной теории

перевода» освещаются в работе В. Н. Базылева и Ю. А. Сорокина «Интерпретативное переводоведение».

Учеными акцентируется «интегрированность» теории перевода с теорией межкультурной коммуникации, психолингвистикой, когнитивной лингвистикой, что дает возможность более релевантно обосновать процесс трансформации и транслирования национально-культурной составляющей ментального опыта одной лингвокультурной общности в другую. Для деятельности переводчика важным является понимание как овладение смыслами. Переводческое понимание трактуется как контроль над адекватностью уже понятого, а после осуществления

процесса перевода понимание переведенного как установление идентичности пространств понимания оригинала и перевода, при этом смысловой уровень является основополагающим, так как переводчик обязан следовать точности передачи смыслов, что является необходимым условием качества перевода.

Исследователи приходят к выводу, что текст является «конденсатором культурной памяти», способным организовывать вокруг себя смысловое пространство, вступающее в определенные отношения с культурной памятью. В основе концепции Ю. А. Сорокина лежит изучение возникновения зон понимания (непонимания) при взаимодействии в цепи «реципиент — текст» в рамках сопоставления культур. Появление зон непонимания при трансляции текстов из одной лингвокультурной общности в другую свидетельствует о наличии «семантических пустот» в структуре менталитета того или иного этноса. Степень полноты понимания зависит от размеров культурологической дистанции между культурами, а также от знаний реципиентов, их потребностей и целей.

Переводчик не вербализует языковые средства одного языка на другом, а транспонирует смыслы, которые всплывают или образуются в его когнитивном пространстве, то есть эквивалентом сообщения становится образ. Иными словами, смысл исходного текста транспонируется в смысл переводного текста таким образом, что происходит постоянное разворачивание или свертывание текста.

В качестве «бессознательного» приема, используемого для конструирования и оригинальных, и переводных текстов, могут служить этнодифференцирующие культураны — зооморфизмы, культураны-цветообозначения и культураны, обозначающие чувства и волеизъявления, особым образом специфицирующие текст. Как показывают результаты экспериментального исследования Н. В. Дмитрюк, учет подобия частичного подобия / неподобия этих культуран также необходим, если соблюдать в переводческой деятельности принцип функциональной адекватности текста на ИЯ тексту на ПЯ [1: 77].

Целесообразно рассматривать переводческий процесс как специфический творческий процесс, который «с когнитивной точки зрения распадается на четыре этапа: подготовка, инкубация, просветление и проверка. При переводе как виде речевой деятельности, опирающейся на когнитивные схемы-структуры (фреймы), принимается «неструктурированное решение». Оно считается

особым видом деятельности, в которой сочетаются интуиция и расчет, эмоциональная оценка (фон) и логическое мышление [1: 105].

Таким образом, исследователи утверждают: «Сейчас позволительно предположить, что именно в рамках интерпретативной теории можно придать операциональный характер таким понятиям, как хронотоп, «точка зрения» и композиция анаграммы, коннотативный репертуар, смысловые вехи (ключевые слова), лакуны, значение, смысл и представление, модальные миры автора, читателя и текста с точки зрения их взаимосвязи, ритмическая и метрическая (для поэтических текстов) адекватность / неадекватность» [1: 78].

В одной из своих работ Ю. А. Сорокин [2] останавливается на основных понятиях и моментах, которые должны быть учтены в процессе формирования методологических основ концепции интерпретативной теории перевода. В частности, это: 1) проблемы хронотипических ориентаций (пространственная ориентация реального и мыслимого типа, физическая и ментальная близость в пространстве, «топологический» взгляд на человека), представленных в текстах, принадлежащих различным лингвокультурным общностям; 2) проблемы различий в ассоциативных представлениях тех или иных носителей языка, различий в этноментальных структурах, определение лакунизированных текстовых фрагментов; 3) необходимые исследования, ориентированные на сопоставление состава образов, лежащих в основе фразеологизмов, метафор, анимализмов, как единиц со специфической внутренней формой; 4) проблемы каталогизирования и описания прецедентных феноменов, обслуживающих ту или иную лингвокультурную общность; 5) проблемы отражения и передачи невербальной семиотики (так, он утверждает, что возможны «проксемографическое и кинесикографическое переводоведение»; 6) проблемы конкретизации метода установления лакун как необходимого для определения степени взаимной резистивности текста, подлежащего переводу, и для выбора приемов, помогающих создавать его квазиподобную версию [2: 38—42].

Настоящее исследование ориентировано на разрешение проблемы передачи национальной специфики культурных констант в процессе перевода. В результате проведенного нами исследования определены основные принципы переводческого процесса, связанные с концептологическими проблемами и трансформацией

лингвокультурем в переводе: 1) принцип определения характера и места культурного компонента в содержательной структуре лингвокультуры; 2) принцип выявления связи лингвокультурем с архетипическими представлениями этноса, отраженными в концептах; 3) принцип применения резистивной стратегии перевода, векторная направленность которой позволит максимально полно отразить культурологическое пространство текста оригинала.

В обиход введены новые научные понятия, образующие концептуальный аппарат исследования. Так как работа выполнена в интегративном аспекте, то отмечаем, что такие понятия лингвокультурологии, как концепт, типология концептов и лингвокультурема, становятся понятиями интерпретативного перевода. В данном случае мы говорим о лингвокультурном концепте.

Концепты можно классифицировать по разным основаниям, каждое из которых будет отражать когнитивную «реальность». Базовые концепты связаны друг с другом и находят отражение в концептах низших иерархических ступеней.

Стратегия перевода зависит не только от особенностей дискурса, но и от личности самого переводчика, его профессиональных качеств, степени владения фоновыми знаниями, психологических особенностей самого процесса перевода. Вопрос о дифференциации видов стратегий получил в переводоведении неоднозначное решение. Т. А. Казакова разделяет стратегии на стратегии ориентирования на способ выражения, принятый в ПЯ, и стратегии ориентирования на сохранение особенностей исходной формы выражения [3: 14].

Е. Д. Дернова, И. К. Ситкарева предлагают чередование двух альтернативных стратегий: адаптивной и резистивной [4]. В процессе перевода различаются две когнитивные стратегии, которые получают разное терминологическое обозначение у современных переводоведов. Так, различаются две тенденции: 1) перевод, ориентированный на оригинал, — резистивный перевод; 2) перевод, ориентированный на текст перевода, — адаптивный перевод. Проблема сохранения национально-культурного своеобразия текста оригинала достигается использованием резистивной стратегии перевода. Специфика концептуальной лакунарности заключается в несоответствии коммуникативных ситуаций. Резистивный перевод направлен преимущественно на отображение способа презентации культурно специфического в культурологической лакуне. Нередко при резистивном переводе информативная нагрузка и социокультурная коннотация раскрываются

переводчиком по методу контекстной реконструкции, когда смысл подается читателю имплицитно, путем последовательных этапов опосредования содержания. Резистивная стратегия применяется главным образом при трансляции культурологических лакун, играющих ключевую роль в художественном мире произведения. Можно заключить, что адаптация представляет собой процесс и результат когнитивно-семиотической деятельности переводчика по репрезентации ценностного опыта культуры оригинала в культуре перевода, основу которого составляют процедуры сопоставления и дифференциации.

Национальная специфика концептов проявляется в наличии эндемичных концептов, характерных только для одной культуры. Значит, наиболее ярко национальная специфика концептов проявляется в наличии безэквивалентных концептов в национальных концептосферах. Примером такого эндемичного концепта казахской лингвокультуры можно считать концепт *намыс*.

При рассмотрении базовых аксиологических концептов необходимо помнить, что они опираются на мифологическое сознание. Обратимся к этимологической памяти слова, стоящего за концептом *ар-намыс* в казахской лингвокультуре. Концептуальная картина мира кочевой казахской культуры рассматривается в рамках общетюркской картины мира. Так, в мировоззрении казахов слово *ар* имело мифическую основу и обозначало высокую степень морально-этических качеств. С. Кондыбай в своей работе «Казахская мифология. Краткий словарь» делает попытку реконструировать изначальный смысл слова *ар*. Итак, **ар** в мифологии прототюрков означал особое абстрактное понятие чего-то высшего, доступного лишь избранным, отсюда возникли его другие производные значения — правда, честь, совесть, порядок, суть, благое деяние. В казахском языке слова, восходящие к этой праформе, имеют в своем значении семы: /высший/, /избранный/, /достойный/: **арлы** — имеющий честь, совесть, **арыс** — достойный уважения человек; все они положительно окрашены» [5: 70—71].

Таким образом, в «культурной памяти» слова *ар-намыс* хранится информация о его предшествующей истории, которая объясняет смыслы, связанные с ним в казахской лингвокультуре.

Концепт *намыс* — это ядро самосознания и характера казахской нации. Историческое содержание концепта *намыс* и его истинная суть, его бытие внутри себя формируются в неукротимом характере, глубинных структурах чувств, самосознании, в духовном мире человека. Концепт

наделен такими характеристиками, как «честь», «достоинство», «благородство», «совестливость», «связь слова и дела», «активность», «ответственность за поступки», «беспрекословное соблюдение этических норм чести», «стыд», «добродетель», «вера», «воля», «сострадание», «правдивость», «гуманность», «гордость», «любовь к родине».

Намыс — желание, стремление человека в полной мере соответствовать высоким критериям, которые предъявляет общество к каждому человеку. Нормативные требования к человеку в традиционной казахской культуре выступали в форме неписаных законов и касались всех сфер жизнедеятельности человека и общества: человек должен отвечать за свои действия, должен стремиться к знаниям, уметь налаживать отношения с людьми, ставить значимые не столько для него лично, сколько для всего народа цели и достигать их, быть готовым оказать помощь нуждающимся. Соответствие этим высоким критериям формирует как высокую самооценку и самоуважение самого человека, так и объективную оценку его качеств, действиям, всей жизни человека со стороны его окружающих, общества в целом [6].

В тюркской, в частности, казахской культуре сетка философских мировоззренческих категорий начинается с понятия качества. Свойства оказываются содержанием качества, его потенциальной возможностью. Данное качество более всего присуще мужчинам, которые выступали защитниками родной земли: *ер намысы*. Понятие чести для батыра — обостренное чувство, честь превыше жизни. В казахской культуре был сформирован институт рыцарства. В силу исторических причин возрастает потребность в героической личности, которая достойно репрезентировала свободу духа и мысли. По мнению А. М. Наурызбаевой, «по всей вероятности смысл благородности и достоинства восходит к системе этических ценностей сакского митраизма, которые затем в едином Ирано-тюрко-монгольском мире приняли форму батырского кодекса чести: воин-всадник, который не нарушает данную клятву» [7: 102]. Это было связано с размахом территории, необходимостью ее защиты и ролью оборонительного фактора. Являясь концентрацией мощи и силы народа, персонификацией лучших свойств и черт этноса, батыры прекрасно справлялись с полководческими задачами, отличаясь особыми качествами от природы, разумом, благородными качествами. Этничность ассоциировала этический идеал «достойного» как чувство достоинства, аристократизм духа, которому

должен следовать каждый член общества. Символами достоинства являются мифологемы кочевой жизни, признание свободы, воинской доблести, верности слову как высших ценностей этноса. Так, в кочевой, казахской культуре он выражает готовность идти на риск, самопожертвование, тесно связан с понятиями достоинства, чести, благородства мужчины, батыра-защитника. В истории казахской нации батыр — это и герой, и военачальник, и политик, и дипломат, и поэт, человек слова, честный справедливый правитель, наставник молодежи, хранитель памяти предков. Непрерывная героическая борьба нации за свободу и независимость формирует у нее гордый дух и душу, накапливает в недрах самосознания потенциал в виде концентрированного духовно-душевного, психологического, идейно-нравственного заряда. И этот заряд накапливается в *намысе*, который является ядром характера нации. Испытания, выпавшие на долю казахского народа в разные исторические периоды, когда решалась судьба всей нации, явились тем истоком, на котором зарождался *намыс*. Во времена джунгарского нашествия в XVIII веке в результате мудрой политики трех дальновидных государственных деятелей той эпохи Толе би, Казыбек би и Айтеке би батыры сумели объединить народ и направить на борьбу с завоевателями. Имена батыров навсегда остались в памяти казахского народа как пример героизма, их подвиги отражены в народном героическом эпосе, в письменной художественной литературе.

Намыс воплощает в себе индивидуально-личностные, социально-исторические, общенациональные, межнациональные аспекты осознания чести, совести, стыда, достоинства, воли, добра и соответствующие им поступки.

Теперь обратимся к анализу фрагментов переводного текста романа известного казахского прозаика И. Есенберлина «Кочевники», выполненного М. Симашко, определяя способы и приемы передачи концепта *намыс* на русский язык: в оригинале: *намысқор...*

В переводе: «*Песчаная буря помогла храброму батыру Елчибеку оставить Туркестан. С отрядом смельчаков, скрываясь днем в камышах и двигаясь только ночью, направился он в Сауран, чтобы дать там достойный отпор джунгарам*» [8: 49].

В оригинале актуализируется коннотативная сема «чувство обостренного и поправленного самолюбия, достоинства», «чувство досады и ненависти одновременно» Елчибека, которое связано с тем, что казахи потерпели поражение в сражении с джунгарами и пришлось отступить,

оставив Туркестан. К сожалению, в переводе данная экспрессия не передана.

Рассмотрим следующие отрывки оригинала и перевода: «...елінің намысы» [9: 235]. — «Но душу его охватила ярость, терзали горечь потери единственного брата, которого он любил больше жизни, ревность, стыд и позор перед людьми, неистовый гнев и досада» [10: 168].

«Байтабын не заставил себя долго ждать... В тот же миг сокол упал на землю с левого плеча Наурызбая... Вдох послышался в толпе, но лица у батыров были каменные. Они понимали, что Байтабын сейчас своим выстрелом спас единство обоих жузов. Кенесары подошел и поцеловал его в лоб, чего никогда еще ни с кем не делал» [12: 150—151].

Данные переводы, на наш взгляд, представляют собой брак переводчика, так как в них утрачена образная основа концепта, переводчик использует перифрастический перевод с конкретизацией. Перевод «поцеловал его в лоб» совершенно неприемлем, так как в казахской культуре данная модель невербального поведения характерна для родителей по отношению к детям, поэтому такой домысел переводчика вызывает недоумение, в переводе использована иная образность.

Таким образом, анализ концепта *намыс* позволяет утверждать, что концепт в казахском языке объединяет эмоциональную сферу внутреннего мира (чувства), ментальную (разум), императивную (воля, сила), нравственную в единое целое. Образно-смысловая доминантность концепта в казахском национальном самосознании прослеживается не только на понятийном, концептуально-онтологическом уровне, но и на лексико-фразеологическом уровне.

Отмечаем, что данный концепт переведен различными лексемами: честь, храбрость, совесть, позор, стыд, единство, борьба за независимость. Это объясняется тем, что в русском языке нет концепта, равнозначного по семантической емкости концепту *намыс*. В связи с этим его концептуальные смыслы могут передаваться набором лексических единиц, актуализирующих те или иные смысловые признаки, чаще все-

го именно такой способ перевода используют переводчики либо переводят описательно. Нам представляется адекватным перевод данного концепта с использованием транслитеремы, сопровождающейся подробным лингвокультурологическим комментарием. Перевод лингвокультурного концепта должен осуществляться не только на уровне переводимого слова, а с учетом всех контекстов употребления данного концепта, образующих целостную картину мира.

Список литературы

1. Базылев В. Н., Сорокин Ю. А. Интерпретативное переводоведение. — Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2000. — 134 с.
2. Сорокин Ю. А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры. — М.: Гнозис, 2003. — 160 с.
3. Казакова Т. А. Практические основы перевода. — СПб., 2001. — 320 с.
4. Ситкарева И. К. Лакуны в художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. — Пермь, 2001. — 231 с.
5. Кондыбай С. Казахская мифология: крат. слов. — Алматы: Нурлы алам, 2005. — 272 с.
6. Ахметжанова З. К. Ядерные концепты казахской культуры как основа казахской языковой картины мира: материалы междунар. конф. — Алматы: Ин-т языкознания МН РК, 2009. — С. 14—19.
7. Наурзбаева А. М. Гуманизм как концепт антропологического дискурса культуры: дис. ... д-ра филос. наук. — Алматы, 2002. — 276 с.
8. Есенберлин И. Кочевники / пер. с каз. М. Симашко. — Алма-Ата: Жазушы, 1986. — Кн. 2. — 224 с.
9. Есенберлин І. Көшпенділер. — Алматы: Жазушы, 1976. — 2 кітап. — 320 б.
10. Есенберлин І. Көшпенділер. — Алматы: Жазушы, 1976. — 3 кітап. — 344 б.
11. Есенберлин И. Кочевники / пер. сказ. М. Симашко. — Алма-Ата: Жазушы, 1986. — Кн. 2. — 224 с.
12. Есенберлин И. Кочевники / пер. с каз. М. Симашко. — Алма-Ата: Жазушы, 1986. — Кн. 3. — 230 с.

А. К. Васильева (Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

(на материале фразеологических единиц из романов Ф. М. Достоевского)

This article is devoted to the problem of translation of phraseological units of the Russian and the English languages. The author touches upon the aspects of equivalency between phraseological units of two languages and describes the methods of translation. All examples are given from Fyodor Dostoevsky's novels.

Keywords: *phraseological units, translation, equivalency between phraseological units, Fyodor Dostoevsky.*

Фразеологизмы в любом языке — это те особые единицы, которые наделены образностью, обладают национальной спецификой и отражают реалии окружающего мира того или иного народа. В данной статье мы попытались рассмотреть основные проблемы перевода русских фразеологизмов на английский язык.

Для правильного перевода фразеологизмов нужно проанализировать их с двух точек зрения: эквивалентности / безэквивалентности и адекватности / неадекватности, т. е. на уровне языка и уровне речи.

Дж. Мрикария в своей работе «Структурные и семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в русском языке в сопоставлении с английским» делит ФЕ на восемь групп по степени их межъязыковой эквивалентности. Аспекты сопоставления: семантика, внутренняя форма (мотивирующий образ), грамматическая характеристика, экспрессивно-стилистическая характеристика. В нашем материале из этих групп присутствуют только шесть.

Так, к I группе относятся ФЕ, у которых все четыре сопоставляемых аспекта совпадают. Ср.: рус. *горячая голова* — *a hot head*. Пылкий, увлекающийся, вспыльчивый человек.

II группу составляют ФЕ с неполным тождеством их мотивирующих образов при тождестве прочих параметров. Ср.: рус. *смотреть смерти в глаза* — *to look death in the face* (букв. в лицо). Находиться в опасности, осознавать возможность своей гибели.

Есть III группа с оборотами, которые при тождестве остальных параметров имеют грамматические расхождения. Здесь можно выделить две подгруппы. В группу III А входят ФЕ с расхождением форм отдельных компонентов фразеологизмов (рус. *с головы до ног* (мн. ч.); англ. *from head to foot* (ед. ч.), а в группу III Б входят ФЕ разных лексико-грамматических типов, что можно определить также как различие грамматических параметров (рус. *злой язык* у кого — субстантивная ФЕ; англ. *have a malicious (evil) tongue* — глагольная ФЕ).

IV группа характеризуется неполным тождеством внутренней формы ФЕ, а также расхождением в лексико-грамматических типах. Ср., рус. *камень на душе (на сердце)* у кого — *smb's heart is heavy*. Кто-либо испытывает тяжелое, гнетущее чувство.

Все ФЕ вышеназванных четырех групп можно отнести к полным межъязыковым эквивалентам.

V группа характеризуется различиями во внутренней форме разноязычных ФЕ при обязательном сходстве семантики и при разной степени сходства грамматических и стилистических параметров. Ср.: рус. *точить [вострить, острить] зубы (зуб)* на кого, на что — *to bear (have) a grudge against smb. To have smth, smb <lined up> in one's sights*. Испытывать злобу против кого-либо или чего-либо, стремиться причинить вред кому-либо или чему-либо. Хотеть, стремиться захватить, завладеть кем-либо или чем-либо. В основе русского фразеологизма лежит образ животного, а в основе английского — отношение к человеку. Таким образом, внутренняя форма ФЕ различна. Фразеологизмы этой группы являются частичными межъязыковыми эквивалентами.

Наконец, VI группу составляют безэквивалентные ФЕ. Например, для таких русских фразеологизмов, как *брат за бока* кого, *желтый билет*, *хоть в воду* и др., нет эквивалентов среди английских ФЕ.

Основной проблемой перевода фразеологических единиц с одного языка на другой является адекватная передача авторского замысла в том виде, в каком он представлен на языке оригинала. Как правило, полные эквиваленты не представляют трудности для переводчика. Трудности возникают, когда нужно выбрать подходящий фразеологический оборот из нескольких соответствий или подобрать то или иное изобразительное средство для адекватного перевода.

Среди различных способов перевода ФЕ с одного языка на другой можно выделить следующие:

- 1) полные эквиваленты переводятся полными эквивалентами;
- 2) частичные эквиваленты переводятся частичными эквивалентами;

3) безэквивалентные ФЕ переводятся: калькированием, описательным переводом, словом.

Рассмотрим способы перевода на конкретных примерах из произведений Федора Михайловича Достоевского.

— *Вот и я!* — дружески и весело заговорил князь, — только несколько часов как воротился. Все это время вы **не выходили из моего ума** (он нежно поцеловал ее руку), — и сколько, сколько я передумал о вас! [Униженные и оскорбленные 2004: 174].

«*Here I am!*» said the prince with friendly gaiety. «*I've only been back a few hours. You've never been out of my mind all these days*» (he kissed her hand tenderly) «*and how much, how much I have thought about you...*» [The Insulted and Humiliated 2001: 211].

Не выходит [нейдет] из головы [из памяти, из ума]. Постоянно присутствует в сознании, в мыслях, не забывается [Молотков 1986: 98]. **X не выходил у Y-а из головы = Y couldn't get X out of Y's mind <head>; thing X wouldn't go out <leave> Y's mind; X was constantly on Y's mind; Y's mind kept going back to X** [Лубенская 2004: 137]. Этот фразеологизм переведен полным эквивалентом.

Ну, да вот вы всё меня перебиваете. Приехали мы к княгине, и я начал с того, что стал куртизанить с Мими. Эта Мими — старая, гадкая, самая мерзкая собачонка, к тому же упрямая и кусака. Княгиня без ума от нее, не надышит; она, кажется, ей ровесница. [Униженные и оскорбленные 2004: 493]

*But you keep interrupting me. We arrived at the princess's and I began making love to Mimi. Mimi is a most disgusting, horrid old dog, obstinate, too, and fond of biting. The princess **dots** on her, she simply worships her; I believe they are the same age* [The Insulted and Humiliated 2001: 117].

В данном случае мы имеем дело с переводом слова, которое имеет значение «любить до безумия».

*Я узнал, что вы рассорились с вашим семейством, знаю тоже, что ваш отец **всеми силами** против вашего брака с моим сыном.* [Униженные и оскорбленные 2004: 104].

Всеми силами. Любыми средствами, способами; прилагая все усилия [Молотков, 1986: 424].

*I know now that you have quarreled with your family; I know, too, that your father is **absolutely** against your marriage with my son* [The Insulted and Humiliated 2001: 127].

В данном примере русский фразеологизм переведен наречием, которое менее экспрессивно, в результате чего потеряны экспрессивность и образность высказывания.

*Я замечала в жизни не раз, что тещи не очень-то бывают мужьям по сердцу, а я не только не хочу быть хоть кому-нибудь даже **в малейшую тягость**, но и сама хочу быть вполне свободно...* («Преступление и наказание», с. 65)

*I have noticed more than once in my life that husbands don't quite get on with their mothers-in-law, and I don't want **to be the least in anyone's way**, and for my own sake, too, would rather be quite different...* (Crime and Punishment, p. 35).

Фразеологизм *быть в тягость* (обременять, стеснять, тяготить кого-либо [Тихонов 2008: 297] переведен фразеологизмом *to be in smb's way*, который имеет значение «быть помехой, мешать, стоять кому-либо поперек дороги» [Кунин 2004: 53]. Таким образом, в тексте перевода реализуется совсем другое значение по сравнению с текстом оригинала.

Таким образом, самое сложное в работе переводчика — донести до иностранных читателей мысли автора, написанные на языке оригинала. К сожалению, не всегда это удается.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М.: Худож. лит., 2005. 576 с.
2. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. М.: Эксмо. 2004. 640 с.
3. Лубенская С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь. М.: Аст-Пресс-Книга, 2004. 1056 с.
4. Мрикария Дж. Структурные и семантические особенности фразеологических единиц с соматическим компонентом в русском языке с сопоставлением с английским: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: РУДН, 1999. С. 9—16.
5. Фразеологический словарь русского языка: св. 4000 слов. стат. / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. под ред. А. И. Молоткова. М.: Рус. яз., 1986. 543 с.
6. Фразеологический словарь русского языка / сост. А. Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А. Г. Ломов, Л. А. Ломова. М.: Рус. яз.: Медиа: Дрофа, 2008. 334 с.
7. Fyodor Dostoevsky. Crime and punishment. Ware, Hertfordshire, 2000. 485 p.
8. Fyodor Dostoevsky. The insulted and humiliated. M., 2001. 431 p.

Е. Г. Вахина (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НЕОЛОГИЗМОВ

The following article deals with the problems in translation of neologisms from English into Russian which occur due to the development of the language together with the development of the world. The author discusses the topic giving examples of neologisms and their translations, provides with different variations of these translations and gives some techniques for translation.

Keywords: neologism, transliteration, transcription, loan translation.

Под неологизмами понимаются любые новые словарные и фразеологические единицы, появившиеся в языке на данном этапе его развития и или обозначающие новые понятия, возникшие в результате развития науки и техники, новых условий жизни, социально-политических изменений, или выражающие новыми словами, созданными в целях эмоционально-стилистических, уже существующие понятия. Следует различать неологизмы двух видов: новые слова, и новые значения, которые появились у «старых» слов. Оба вида представляют трудности для перевода, потому что каждому переводчику хорошо известно, что любой словарь отстает в области регистрации новейших слов и значений, по крайней мере на несколько лет.

Как же поступать переводчику в тех случаях, когда он встречается с неологизмом? Прежде всего, ему следует понять значение неологизма на основе контекста и анализа его структуры. В другом случае может помочь корневая структура слова. Так, слово *reacenik* сравнительно недавно появилось в английском языке. Разбив слово на две части *rease* + *nik*, легко догадаться, что *nik* — это суффикс для образования существительных. Под влиянием русского суффикса (ср. *sputnik*, *lunik*) в английском языке слова такого рода стали появляться все чаще. Следовательно, *reacenik* — это участник мирных демонстраций, манифестант, борец за мир [Каде 2006: 70].

Выражение *to go straight* буквально означает «идти прямо». В последнее время данное выражение стало употребляться фигурально в смысле «встать на честный путь», «жить как все нормальные люди», «образумиться». Словарь «*The American Heritage*» дает следующее толкование этого выражения *to go straight (informal) = to reform after having been a criminal* — «изменить свое поведение, отбыв заключение». В результате использования этого выражения в языке хиппи оно приобрело несколько иное значение: «порвать с дурной привычкой», «покончить (с наркотиками)» (Например: *You know, he goes straight now.* — Вы знаете, он «завязал»).

У слова *together* также появилось новое значение — «в хорошем расположении духа». Например: *You're looking really together these*

days. И, наоборот, его антоним *into downs* означает «в дурном расположении духа». Например: *Charlie's into downs today.* — Сегодня Чарли не с той ноги встал.

В переводческой практике, в тех многочисленных случаях, когда отсутствует эквивалент перевода, при передаче неологизмов с английского языка на русский используется ряд приемов. К ним относятся: транслитерация, транскрибирование; калькирование; описательный перевод; прямое включение.

Способ транслитерации заключается в том, что при помощи русских букв передаются буквы, составляющие английское слово, например, *blog* — блог. Перевод неологизмов при помощи калькирования заключается в замене составных частей, морфем или слов (в случае устойчивых словосочетаний) единицы оригинала их лексическими соответствиями в языке перевода, например, *cyber store* — интернет-магазин. Часто переводчики прибегают к комбинированным способам и наряду с калькированием применяют транскрибирование или транслитерацию, как, например, при переводе слова *web-page* — веб-страница. [Мисуно, Шаблыгина]

Описательный перевод используется в случае, когда затруднительно передать значение неологизма при помощи описанных ранее способов. Чаще всего это происходит в тех случаях, когда предмет, явление или понятие, которые называет неологизм, отсутствуют в заимствующей культуре, например, *carsharing* — совместное пользование автомобилем (например, соседями) с целью сокращения количества транспортных средств на дорогах и уменьшения, таким образом, отрицательного воздействия на окружающую среду.

В последнее время при передаче неологизмов применяется также прием прямого включения, который представляет собой использование оригинального написания английского слова в русском тексте. Такой способ представляет собой путь наименьшего сопротивления и минимальных трудозатрат [Мисуно, Шаблыгина]. Чаще всего на страницах периодической печати можно встретить слова, состоящие из двух частей: английской,

с сохранением оригинального написания, и русской: web-страница, on-line-доступ и др.

Как правило, один и тот же неологизм можно перевести различными способами, однако спустя некоторое время один из вариантов вытесняет другие. Основными критериями, которые должны быть приняты во внимание переводчиком при поиске соответствия английскому неологизму в русском языке, являются краткость и однозначность толкования. Предложенный переводчиком вариант должен быть понятен получателю перевода.

Список литературы

1. Каде О. Проблемы перевода в свете теории коммуникации // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. — М.: Междунар. отношения, 2006.
2. Мисуно Е. А., Шаблыгина И. В. Способы перевода неологизмов. Режим доступа: http://www.rodichenkov.ru/Perevodovedenie/neologism_translation/index.html

Т. А. Волкова (Челябинск, Россия)

СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ В МОДЕЛИРОВАНИИ ПРОЦЕССА ПЕРЕВОДА

The variety of existing translation models, as well as new paradigms of linguistic research that are anthropocentric, expansionist, functionalistic, and explanatory in character require new approaches to translation modeling. The paper outlines a number of current concepts of translation modeling in textual, discursive, and communicative contexts, and describes the authorial discourse and communication translation model.

Keywords: *translation modeling, discursive and communicative contexts, principals of linguistic modeling, institutional discourse, translation strategies.*

Понятие модели многозначно в различных научных областях. Модель объекта рассматривается как дедуктивная система, интерпретация формальной системы, абстрактное понятие эталона, представление общих характеристик явления, общая схема описания системы. Модель понимается как мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его так, что ее изучение дает нам новую информацию об объекте [Штофф 1966].

Моделью перевода называется условное описание ряда мыслительных операций, выполняя которые переводчик может осуществить перевод всего оригинала или некоторой его части. В лингвистической теории перевода модели перевода представляют процесс перевода в виде ряда мыслительных операций над языковыми или речевыми единицами, т. е. в виде лингвистических операций, выбор которых обуславливается языковыми особенностями оригинала и соответствующими явлениями в языке перевода. Задачи модели заключаются в том, чтобы описать последовательность действий, с помощью которых можно решить данную переводческую задачу при заданных условиях процесса перевода. Модель перевода представляет процесс перевода в целом, указывает общее направление движения мысли

переводчика и последовательные этапы перехода от оригинала к переводу [Комиссаров 1990].

Вопросы моделирования перевода освещаются в работах ряда авторов (В. В. Андриянов, В. Н. Базылев, Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, Ю. И. Гурова, В. В. Гусев, С. В. Евтеев, О. Каде, В. Н. Комиссаров, А. Н. Крюков, Е. Ю. Куницына, Дж. Кэтфорд, Л. К. Латышев, М. Ледерер, А. Г. Минченков, Р. К. Миньяр-Белоручев, Ю. Найда, К. Норд, И. И. Ревзин, Я. И. Рецкер, В. Ю. Розенцвейг, А. П. Седых, Д. Селескович, Е. А. Селиванова, С. В. Тюленев, А. В. Федоров, Л. Г. Федюченко, М. Я. Цвиллинг, А. Д. Швейцер, А. Ф. Ширяев и другие). Исследователи рассматривают герменевтическую, диалогическую, информативную, когнитивно-эвристическую, коммуникативную, констелляционную, лингвокультурологическую, людическую, психолингвистическую, семантическую, семиотическую, ситуативно-денотативную, трансформационную, функционально-прагматическую (динамическую) модели перевода, эмпатическую модель в формировании стратегии перевода, использование фреймов при выстраивании структуры переводимого текста, лингвокультурологические схемы перевода с учетом предпочтительных структурно-функциональных моделей представления реальности в различных языках, модель социальной

регуляции переводческой деятельности, коммуникацию перевода, понятие интерпретативно-порождающего дискурса и т. д.

К основаниям построения моделей перевода относят эквивалентность, соответствие, сдвиг, деконструкцию, функцию, дискурс [Алексеева 2010]. По мнению Н. Л. Галеевой, представляется очевидным, что при наличии большого количества теорий или моделей перевода «онтологизировались» и приобрели статус достаточно полной «картины переводческого мира» субститутивно-трансформационный и деятельностный подходы, отличающиеся друг от друга отношением к деятелю и деятельности [Галеева 1997: 18]. Деятельностная теория перевода представляется как психотипическая / интерпретативная теория [Сорокин 2000]. Поскольку конструирование объекта перевода есть сложный процесс, требующий мыслительных затрат переводчика, рассматривается понятие рефлексии переводческой деятельности, положенное в основу деятельностных теорий перевода [Алексеева 2010].

Сопоставляя традиционное (структурное) и когнитивно-деятельностное (личностно-ориентированное) направления в переводоведении, представляется возможным отметить ряд различий в целях (изучение пределов варьирования языкового знака в текстах оригинала и перевода — выявление природы переводческой деятельности), задачах (достижение адекватности перевода — создание коммуникативно-пригодного текста перевода), определении объекта исследования (партитивный — интегральный, единицы перевода — стратегия перевода). Намечаются различия в используемых методах: монопарадигмальные — полипарадигмальные, основанные на лексико-грамматической эквивалентности — основанные на анализе дискурса, субституционно-трансформационные — когнитивные, формальный анализ — интерпретативный анализ [Алексеева 2010].

Процесс перевода рассматривается как «коммуникация перевода» [Базылев 2008]. Переводчик получает непосредственное знакомство с информацией на языке оригинала, определяет тематику, стиль и смысл текста, его субстанциональность и модальную характеристику; информация возникает в сознании переводчика в виде знака или ряда знаков с их значением, составляющих первичную интерпретанту. В процессе перевода наиболее эффективным признается прагматический метаязыковой семантико-лексический выбор фактических, целевых и результативных аспектов перевода, используемого для направленного межъязыкового общения [Базылев 2008].

В основе дискурсивно-коммуникативной модели перевода [Волкова 2010] лежит двухуровневая структура переводческих стратегий, включенная в общую схему интерреляции понятий «текст», «дискурс», «коммуникация». В дискурсивно-коммуникативной модели перевода лингвистические (стилистические, лексико-семантические, синтаксические, прагматические) особенности исходного текста, его дискурсивные характеристики (авторство, адресность текста, нарратив), узловые точки дискурса, его конститутивные признаки (цели, ценности, хронотоп, языковое воплощение, тематика, участники дискурса, интердискурсивность), функции, типовые свойства и стратегии коммуникации определяют переводческие решения, формируют микростратегии перевода на уровне текста и макростратегии перевода на уровне дискурса и коммуникации.

Дискурсивно-коммуникативная модель перевода носит объяснительный характер и предлагает вариативный набор параметров, на основе которых формируется стратегия перевода; позволяет прогнозировать возможные переводческие трудности, установить взаимосвязь параметров текста, дискурса и коммуникации и переводческих решений, образующих стратегию перевода и определяющих результат (текст) перевода, что дает исследователю и переводчику новые данные о процессе перевода. Исследование интердискурсивности переводит параметры текста, дискурса и коммуникации на новый уровень взаимодействия в процессе перевода, открывая дополнительные возможности для формирования переводческой стратегии. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода позволяет определять интердискурсивность по следующим параметрам: поле (тематика) и направление (участники) дискурса, цели и ценности дискурса, узловые точки дискурса, лингвистические особенности и дискурсивные характеристики отражаемого дискурсом текста (форма дискурса), типовые свойства и функции коммуникации, применяемые коммуникативные стратегии.

В перспективе дискурсивно-коммуникативная модель перевода позволяет разработать теоретико-методологические основы интегрального подхода к моделированию процесса перевода на основе интерреляции понятий «текст», «дискурс», «коммуникация», которые могут быть использованы в качестве оснований для систематизации существующих моделей перевода и междисциплинарных подходов к моделированию

процесса перевода. К основным этапам такого исследования представляется возможным отнести изучение и систематизацию основных принципов моделирования в переводе, уточнение необходимого содержания понятий «модель перевода», «стратегия перевода», изучение динамики развития подходов к моделированию процесса перевода, сравнительно-сопоставительный анализ традиционных (классических) моделей перевода и современных парадигм, систематизацию подходов к моделированию процесса перевода на указанных основаниях. Интеграция моделей перевода позволяет разработать системный подход к моделированию процесса перевода, проследить взаимосвязь различных концепций в русле дискурсивно-коммуникативного направления исследований, вносит вклад в развитие смежных перспективных направлений: формальная реализация моделей перевода, комбинаторная и квантитативная лингвистика, моделирование языковых сущностей и человеческого мышления, представление и моделирование знаний.

Список литературы

1. Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестн. Перм. ун-та. — Вып. 1 (7). — Пермь: Перм. гос. ун-т, 2010. — С. 45—51.
2. Базылев В. Н. Семиотическая модель перевода // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. — Вып. (1) 24. — Екатеринбург, 2008. — С. 115—117.
3. Волкова Т. А. Дискурсивно-коммуникативная модель перевода: монография. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2010. — 128 с.
4. Галеева Н. Л. Основы деятельностной теории перевода. — Тверь: Изд-во Твер. гос. ун-та, 1997. — 80 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
6. Сорокин Ю. А. Интерпретативная или деятельностная теория перевода? // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. — М.: ИЯ РАН, 2000. — С. 107—115.
7. Штофф В. А. Моделирование и философия — М.; Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1966. — 301 с.

И. В. Денисова (Челябинск, Россия)

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПЕРЕВОДА ПРИ ПЕРСОНИФИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ²⁶

The article deals with the gender aspect of translation while using personification in literary text. This phenomenon is illustrated by two translations of O. Wilde's fairy tale «The Happy Prince» where gender aspect influences on the adequacy of translation.

Keywords: *gender, the personification of the gender stereotype.*

Персонафикация представляет собой приём перенесения свойств одушевлённых предметов на неодушевлённые. Данный приём часто применяется в художественных произведениях при изображении природы, животных и растений, которые наделяются теми или иными человеческими качествами.

Основными функциями персонафикации в художественном тексте можно считать:

- 1) формирование художественной структуры текста (случаи, когда персонафикация является смысловым центром текста);
- 2) выражение «настроения» персонажа, лирического героя или всего текста в целом;
- 3) создание экспрессивности отдельных частей текста, формирование смысловых центров [Воскресенская 2007: 8].

Для понимания художественного образа и структуры текста реципиент должен обладать достаточным количеством экстралингвистической информации. Следовательно, широкий спектр знаний и ассоциаций способствует отчётливому очертанию и восприятию образа. Слова при персонафикации осмысляются сквозь призму опыта реципиента, его знаний о мире, посредством знаний о произведении и представлений о его направленности, включая гендерную.

Гендерные признаки образов можно выявить путём анализа контекста (в основном приписываемых поведенческих характеристик в соответствии с гендерными стереотипами). Гендерный компонент художественного произведения может проявляться через имена персонажей,

в частности, их грамматический род, влияя на создание художественного образа и характер не только его восприятия, но и произведения в целом.

Важным представляется мнение М. В. Барменковой, согласно которому «наименования животных и птиц приобретают художественную значимость, когда подчёркивается не половая дифференциация (самки или самцы), а «очеловечивание животных», основанное на следующих факторах:

1) психологические и поведенческие особенности и характеристики животных, свойственные человеку;

2) использование имён собственных;

3) местоименная отнесённость (she / he);

4) способность к мыслительной деятельности и к речи» [Барменкова 2004: 108].

В художественной литературе, особенно в сказках, категория рода является важным элементом в персонификации образа, соотнося неодушевленные предметы с местоимениями she / he. В сказке О. Уайльда «Счастливый принц» гендерная специфика отражается через персонификацию персонажей. Гендерные характеристики являются структурообразующим

элементом сказки, формируя две сюжетные линии — отношения мужчины с женщиной и мужчины с мужчиной. Следовательно, передача данных характеристик является залогом адекватного перевода.

В переводе П. В. Сергеева, Г. А. Нуждина художественные образы мужчины и женщины, а также обозначенные сюжетные линии переданы адекватно: сохранено противопоставление маскулинности и фемининности персонажей *Swallow* (Скворца) и *Reed* (Тростинки), проявляющееся через имена и поведенческие характеристики, и отношения Скворца и Счастливого Принца.

К. И. Чуковский тоже сохраняет данное противопоставление, но он меняет пол героев — *Swallow* (Ласточка) становится женским персонажем, а *Reed* (Тростник) — мужским.

У О. Уайльда «*Swallow*» (дословно — Ласточка) является персонажем мужского пола, а «*Reed*» (дословно — тростник, камыш) — персонажем женского пола. Прежде всего, на это указывают местоимения мужского (he, his) и женского рода (her) соответственно (см. табл. 1).

Таблица 1

О. Уайльд	П. В. Сергеев, Г. А. Нуждин	К. И. Чуковский
One night there flew over the city a little Swallow . His friends had gone away to Egypt six weeks before, but he had stayed behind, for he was in love with the most beautiful Reed . He had met her early in the spring as he was flying down the river after a big yellow moth...	Как-то ночью над городом летел маленький Скворец . Его друзья еще шесть недель назад улетели в далекий Египет, а он остался. Скворец был влюблен в прекрасную Тростинку . Он встретил ее ранней весной, когда в погоне за желтым мотыльком летел вниз по реке...	Как-то ночью пролетала тем городом Ласточка . Ее подружки вот уже седьмая неделя как улетели в Египет, а она отстала от них, потому что была влюблена в гибкий красивый Тростник . Еще ранней весной она увидела его, гоняясь за желтым большим мотыльком...

Казалось бы, такое незначительное изменение, но оно приводит к искажению текста, так как на биологические признаки наслаиваются личностные и поведенческие характеристики, и всё это в сумме конструирует гендерную идентичность персонажа.

При переводе сказки следует обращать внимание на гендерно-маркированную лексику, которая помогает создать гендерный образ персонажей.

Анализ женского образа «*Reed*» показал наличие фемининных признаков. Прежде всего, это фемининность внешнего описания. Автор использует при описании «*Reed*» прилагательное «beautiful», которое в большинстве случаев характеризует именно внешние данные женщин.

Кроме всего, подчеркивается стройность фигуры героини посредством словосочетания «her slender waist» (описание стройности талии — фемининная характеристика) (см. табл. 2).

Отчетливо выделяется гендерный стереотип женского кокетства, приписываемый персонажу «*Reed*» (см. табл. 3).

Автор в данном отрывке показывает, что персонаж «*Reed*» олицетворяет женщину. На это указывает обращение к героине — «lady-love», которое имеет в своем составе единицу с гендерным компонентом «lady». Автор показывает, что «*Reed*», возможно, кокетка, флиртующая с ветерком. Данную фемининную характеристику К. И. Чуковский приписывает мужскому персонажу (Reed — Тростник).

Таблица 2

О. Уайльд	П. В. Сергеев, Г. А. Нуждин	К. И. Чуковский
...he was in love with the most beautiful Reed	Скворец был влюблен в прекрасную Тростинку	(Она) была влюблена в гибкий красивый Тростник
...and (he) had been so attracted by her slender waist that he had stopped to talk to her	Его так очаровала ее грациозность , что он остановился поговорить с ней	(Она) так и застыла, внезапно прельщенная его стройным станом

Таблица 3

О. Уайльд	П. В. Сергеев, Г. А. Нуждин	К. И. Чуковский
After they had gone he felt lonely, and began to tire of his lady-love . «She has no conversation», he said, «and I am afraid that she is a coquette , for she is always flirting with the wind». And certainly, whenever the wind blew, the Reed made the most graceful curtseys	Когда пришла осень, птицы улетели. Скворец почувствовал себя одиноким, и возлюбленная стала понемногу надоедать ему. «Она даже не умеет разговаривать, — заметил он. — Наверное, она кокетка — она все время флиртует с ветром». Даже после легкого дуновения Тростинка рассыпалась множеством изящных реверансов	Когда они улетели, Ласточка почувствовала себя сиротой, и эта привязанность к Тростнику показалась ей очень тягостной. — Боже, ведь он как немой, ни слова от него не добьешься, — говорила с упреком Ласточка, — и я боюсь, что он очень кокетлив: заигрывает с каждым ветерком. И правда, чуть только ветер, Тростник так и гнется, так и кланяется

Проанализировав противопоставление мужского (Swallow) и женского (Reed) образов и их передачу на русский язык, можно сделать вывод, что перевод П. В. Сергеева, Г. А. Нуждина является адекватным с точки зрения гендерного фактора, так как система гендерных образов текста перевода соответствует тексту оригинала по всем гендерным параметрам: имени персонажа, внешнему описанию и поведенческим характеристикам. Перевод К. И. Чуковского мы не можем признать адекватным в плане гендерного аспекта, так как обозначенные гендерные параметры переданы некорректно. Во-первых, через перевод имён героев К. И. Чуковский меняет пол персонажей (Swallow — женский персонаж (Ласточка), Reed — мужской (Тростник)), во-вторых, эта замена влечёт за собой смещение гендерных стереотипов — женские стереотипные качества приписываются мужскому персонажу, что искажает смысл текста перевода по сравнению с оригиналом и художественное впечатление от произведения.

Таким образом, передача гендерного компонента при описании художественных персонажей является трудной задачей, так как они могут выступать в качестве животных или растений, которым автор приписывает различные качества, в том числе и имеющие гендерную маркировку. Необходимо тщательно проанализировать, какую роль играет гендерный аспект в художественной структуре текста оригинала, системе персонажей и формировании сюжетных линий для создания адекватного перевода.

Список литературы

1. Барменкова М. В. Олицетворение, маркированное категорией рода, в англоязычной художественной литературе: дис. ... канд. филол. наук. — М., 2004. — 187 с.
2. Воскресенская С. Ю. Гендерные стереотипы лексико-грамматической персонификации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2007. — 16 с.

О. В. Дубкова (Новосибирск, Россия)

**КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ НЕСООТВЕТСТВИЙ
ИСХОДНОГО И ПЕРЕВОДНОГО ТЕКСТА
(на материале переводов с китайского языка на русский)**

Comparative analysis of source and target texts shows that the presence of lexical inadequacies that are not translation errors is connected not only to systemic differences in the source language and target language, ethno-national characteristics, but also with the cognitive experience of the interpreter directly related to the native language. To identify universal and specific in the national communications it is essential to carry out a comparative analysis of translations of foreign texts by different languages speakers.

Keywords: *cognitive science, translation, vocabulary, Chinese.*

При сопоставлении исходного текста (ИТ) и текста перевода (ТП) мы часто обнаруживаем, что набор языковых средств ТП значительно отличается от инвентаря, используемого в оригинале. Обычно предполагается, что это связано с системными несоответствиями языка оригинала и языка перевода. Как отмечает В. В. Красных, необходимо проводить сопоставительные исследования текста оригинала и текста перевода [Красных 2002: 34], что позволит определить универсальное и национально-специфическое в коммуникации, тем самым создать более или менее адекватный тезаурус, позволяющий избежать «коммуникативных провалов» при межкультурном общении.

Коммуникативные «удачи» и «неудачи» хотя и встречаются очень часто в межкультурном речевом общении, однако только при сопоставлении ИТ и ТП возможно выявить причины их появления. К настоящему времени создано несколько типологий переводческих ошибок (см., например, работы К. В. Гарбовского, Д. Б. Гудкова, В. Н. Комиссарова, И. С. Латышева и др.). Так, на основании анализа кодов межкультурной коммуникации Д. Б. Гудков выделил 4 типа ошибок: технические ошибки (неверное фонетическое или графическое оформление речи); системные ошибки (слабое владение системой языковых значений и способов их выражения); стереотипные ошибки (нарушения в использовании стереотипов); идеологические ошибки (различия в мировоззрении коммуникантов) [Гудков 2003: 68—82]. На наш взгляд, важной составляющей переводческой деятельности является степень близости к переводчику исходного языка и языка перевода. Чем ближе к переводчику исходный язык и, соответственно, ИТ, тем дальше от него может находиться ТП, и наоборот. По мнению практиков и теоретиков перевода, перевод информации напрямую связан с компетенцией переводчика в области языка оригинала и языка перевода [Алексеева 2010: 139; Чужакин, Яжгунович 2009: 6]. Можно

предположить, что наличие различных переводческих ошибок и несоответствий в первую очередь связано с тем, какой язык является родным, и лишь во вторую — с «коммуникативным кодом». Для примера сравним переводы с китайского языка, выполненные китайским автором и русским автором.

ИТ: *悠扬的马头琴、欢快的民族舞，再加上烤羊排、烤羊腿这些蒙古族特色菜肴，每一个在场的人都沉浸在快乐当中。*

ТП 1 (китайский переводчик): *Мелодичные звуки монгольского народного инструмента, весёлые национальные танцы. Удивительный монгольский деликатес — жареная баранина. И каждый человек радуется в такой атмосфере.*

ТП 2 (русский переводчик): *Каждый человек, находящийся здесь, не может не радоваться переливчатому монгольскому цзиню, веселым народным танцам и особым монгольским кушаньям — запеченным ребрышкам и окорокам молодого барашка.*

Китайский переводчик обращает особое внимание на перевод лексики и использует различные лексические трансформации, а именно модуляцию, опущение, генерализацию и др. (отметим, что для китайца печеная баранина — блюдо незнакомое и очень экзотическое). Российский автор, напротив, для сохранения прагматического уровня ИТ использует грамматические трансформации и «сохраняет» лексические единицы ИТ. Сопоставительный анализ ИТ и двух вариантов переводов показал следующее: во-первых, существуют различия в «схеме мысли» ИТ и текстов переводов, выполненных носителями разных языков, и, во-вторых, различия в концептуальной структуре ИТ и ТП. Как отмечает Е. Ф. Тарасов, «специфика общения при использовании конкретного национального языка состоит 1) в специфике построения речевой цепи, осуществляемого по грамматическим правилам этого языка, 2) в специфике образов сознания, отображающих предметы

конкретной национальной культуры» [Тарасов 2003: 7]. При сопоставлении ИТ и ТП становится понятным, что в сознании переводчика происходит процесс трансляции образов, заложенных в ИТ, на лексическом и грамматическом уровне, которые трансформируются в новые образы и выражаются лексическими и грамматическими средствами языка перевода. При этом на первом месте может быть как лексические смыслы (структуры когнитивного опыта), так и грамматические категории.

Для выявления системных несоответствий ИТ и ТП, определения семантико-когнитивных различий исходного языка и языка перевода, а также когнитивного анализа ИТ и ТП необходимо использовать два (и более) варианта перевода. Попробуем проверить данное положение на нескольких примерах:

Пример 1

ИТ: 孔子的哲学强调个人与统治集团的道德、社会关系的合理性、以及公正和真诚。

ТП 1 (китайский переводчик): *Философия Конфуция подчёркивает значимость моральных ценностей для личности и для правителя, рациональность общественных отношений, справедливость и искренность в управлении страной.*

ТП 2 (русский переводчик): *Главным в философии Конфуция является мораль личности и правящих кругов, целесообразность социальных отношений, а также справедливость и честность.*

В данном примере основные расхождения в ТП 1 и ТП 2 связаны с выбором синонимов, обозначающих социальные отношения, что, вероятно, связано с различием в понимании социальных норм и стереотипов.

Пример 2

ИТ: 从那以后，登山、佩戴茱萸、喝菊花酒成了重阳节的传统习俗，用来驱灾避祸。

ТП 1 (китайский переводчик): *С тех пор люди, чтобы избавиться от бед, 9-го числа 9-го месяца стали подниматься в горы, брать с собой траву чжу-юй и пить вино, настоящее на лепестках хризантем.*

ТП 2 (русский переводчик): *С того времени подъем в горы, украшение себя веточками кизила и употребление вина из хризантем стали традиционными обычаями Праздника двойной девятки (Праздника восхождения), и это дает возможность избавиться от бед и избежать несчастий.*

Пример 3

ИТ: 中秋节吃月饼就像西方人圣诞节吃百果馅饼一样，是必不可缺的。圆圆的月饼中通常包有香甜的

莲子馅或是红豆馅，馅的中央还会加上一个金黄的咸鸭蛋黄来代表月亮。

ТП 1 (китайский переводчик): *Подобно рождественскому пирогу на Западе, первое место среди жертвенных даров на Празднике Луны занимает «лунный пряник» (юэбин), имеющий форму лунного диска. Лунные пряники готовят из муки с начинкой из семян лотоса, фасоли или яичного желтка, они бывают сладкими и солеными.*

ТП 2 (русский переводчик): *На празднике Середины осени нельзя обойтись без «лунного пряника» — юебина, так же, как на Западе нельзя обойтись на Рождество без рождественского пирога. Начинка круглого китайского кушанья обычно состоит из сладких семян лотоса или красной фасоли, внутри также может быть соленый утиный желток, который символизирует луну.*

Примеры 2 и 3 показывают различия в репрезентации традиций и актуализации разных смыслов в национальной культуре китайцев для представителей разных этнокультур. Если для китайца важно сохранить «национальную специфику» ИТ, то для русского переводчика важно трансформировать текст таким образом, чтобы он был понятен русскому читателю. Необходимо заметить, что это напрямую связано с адекватностью и эквивалентностью перевода: чем текст перевода адекватнее, тем он менее эквивалентен, и наоборот. Стремление сделать текст эквивалентным для ТП 1 и ТП 2 делает его менее адекватным, но уровни в данных примерах адекватности не совпадают.

Пример 4

ИТ: «一年之计在于春，一日之计在于晨。」 哈尔滨人深深理解这句话的含义。

ТП 1 (китайский переводчик): *В году самое хорошее время года — это весна, а самое хорошее время суток — конечно же, утро. Харбинцы хорошо знают значение этой фразы.*

ТП 2 (русский переводчик): *«Весна — решающее время года, а утро — решающее время суток», — харбинцы чрезвычайно глубоко понимают значение этой пословицы.*

В данном примере ТП 1 полностью соответствует лексически и частично грамматически ИТ, однако данный ТП для русского читателя идеальным не является. Русскому переводчику благодаря лексико-грамматическим трансформациям удалось достичь уровня прагматической адекватности ИТ и ТП.

Пример 5

ИТ: 剪纸作品题材广泛，飞禽走兽、花鸟鱼虫、神话传说，单大娘一把小剪刀剪出了大千世界。

ТП 1 (китайский переводчик): *Произведений госпожи Шань много. Например, птицы, животные, цветы, рыбы, даже целые легенды, — весь этот разноцветный мир госпожа Шань вырезала ножницами.*

ТП 2 (русский переводчик): *Тематика вырезных орнаментов из бумаги очень разнообразна: птицы и звери, цветы и птицы, рыбы и насекомые, мифы и легенды, — госпожа Шань вырезала маленькими ножничками безграничную вселенную.*

В данных примерах необходимо обратить внимание на перевод номинативной лексики. В ТП 1 отсутствует название особого китайского искусства вырезания из бумаги, а также его разновидностей. В данном случае китайскому переводчику пришлось нарушить принцип точности, вероятно, чтобы избежать сложных грамматических конструкций.

Последний пример связан с грамматическими трансформациями ИТ и ТП. В данном случае ТП 1 и ТП 2 различны по грамматической структуре, что связано со способами трансляции смыслов в китайском и русском языках.

Пример 6

ИТ: 我几乎跑遍了拉萨所有的寺庙。我看到，每一座建筑、每一尊雕塑都得到了很好的保护和修缮，人们享有充分的信教自由。

ТП 1 (китайский переводчик): *Я обошел почти все храмы в Лхасе. Я увидел, как хорошо сохраняют и ремонтируют все здания, все статуи, а люди пользуются полной свободой вероисповедания.*

ТП 2 (русский переводчик): *Я побывал почти во всех храмах Лхасы и увидел, что каждая постройка, каждая статуя хорошо охраняется*

и ремонтируется, люди обладают полной свободой вероисповедания.

Мы полагаем, что для выявления универсального и национально-специфического в коммуникации необходимо проводить сопоставительный анализ переводов ИТ, выполненных носителями разных языков и культур. Наличие в ИТ и ТП лексических и грамматических несоответствий, которые не являются переводческими ошибками, связано не только системными различиями в исходном языке и языке перевода, национальной этнокультурной спецификой, но и когнитивным опытом переводчика, напрямую связанным с нативным языком. Только сопоставительный анализ переводов ИТ на разные языки позволит выявить универсалии и уникалии когнитивного опыта.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. — СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ; М.: Академия, 2010. — 368 с.
2. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации — М.: Гнозис, 2003. — 288 с.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
4. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение — новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М.: Изд-во РАН, 2003. С. 7—22.
5. Чужакин А. П., Язгунович О. А. Основы последовательного перевода и переводческой скорописи. — М.: ИНСА, 2009. — 88 с.

А. Н. Злобин (Саранск, Россия)

ПРОБЛЕМЫ АСПЕКТУАЛИЗАЦИИ ПЕРЕВОДА

(Переводоведение, перевод, многоаспектное знание, аспектуализация, типология знаний о переводе, когнитивное представление и форматирование)

In the course of conceptualization and categorization process in the present world, the problem of translational competence typology is set up in its cognitive presentation and versatile structurization.

Keywords: *translation, multi-faceted knowledge, typology of knowledge of translation, cognitive representation and formatting.*

Продолжение процесса концептуализации и категоризации перевода в современном мире ставит проблему типологии знаний о переводе, решение которой видится в его когнитивном представлении и форматировании как многоаспектного знания.

Хотя обычно говорят о переводе с одного языка на другой, отмечает В. Н. Комиссаров, но в действительности в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В переводе сталкиваются различные культуры, разные личности, разные складывания мышления,

разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки. Переводом интересуются культурологи, этнографы, психологи, историки, литературоведы, и разные стороны переводческой деятельности могут быть объектом изучения в рамках соответствующих наук. В то же время в науке о переводе — переводоведении — могут выделяться культурологические, когнитивные, психологические и прочие аспекты [Комиссаров 2000: 11]. Перевод как сложнейшая интеллектуальная деятельность, дополняет Н. К. Гарбовский, представляет собой объект изучения многих научных дисциплин. Не только лингвистика, литературоведение и литературная критика, история языка и литературы изучают перевод. Некоторые аспекты переводческой деятельности изучаются психологией, социологией, религиоведением, кибернетикой, информатикой и другими научными дисциплинами [Гарбовский 2004: 13].

По мнению М. Я. Цвиллинга, спектр проблем, затрагиваемых переводоведением, непрерывно расширяется. В качестве подтверждения он перечисляет выделенные еще В. Н. Комиссаровым (см. [Комиссаров 1989]) следующие приоритетные направления исследований. Среди них: изучение истории переводческой деятельности и историческое осмысление развития переводческих концепций; изучение процессуальных и эвристических аспектов действий переводчика, в том числе и под психолингвистическим углом зрения; исследование специфики переводческого билингвизма; типологизация перевода по характеру переводимых текстов и специфическим особенностям соответствующих областей человеческой деятельности (научно-техническая информация, массовая коммуникация, деловое общение, художественное творчество и т. д.), по способу осуществления перевода (письменный и устный перевод), без опоры на технические средства или с использованием таковых (компьютеры, мультимедийное обеспечение, информационные сети и т. п.) [Цвиллинг 2009: 86—87]. Тем не менее, при всей широте указанной аспектуализации перевода как многоаспектного знания за её рамками остались не только собственно литературоведческие, но и поэтические и общеэстетические вопросы перевода, а также пока еще редко попадающие в поле зрения переводоведов нейролингвистические и патологолингвистические проблемы. Одним словом, констатирует М. Я. Цвиллинг, предметная область, затрагиваемая переводческими исследованиями, прямо-таки по-прутковски

необъятна, и едва ли может считаться оправданным стремление «объять» её какой-либо единой в своих исходных посылах теорией [Там же: 88]. Соглашаясь с М. Я. Цвиллингом в том, что рассмотрение вопросов, так или иначе попадающих в сферу интересов переводоведения, можно продолжать до бесконечности, мы, тем не менее, считаем оправданным наше стремление к синтезированию, когнитивному представлению и форматированию многоаспектных знаний о переводе, что и попытаемся обосновать в данной статье.

В настоящее время многие переводоведы едины во мнении о том, что перевод репрезентирует многоаспектное знание, о чем пишет в своей статье, в частности, Е. Лебедева: «Mit den weitaus komplexeren Problemen des Übersetzens beschäftigt sich die Translationswissenschaft, ein interdisziplinäres Fach, das Linguistik, Literaturwissenschaft und Komparatistik ebenso einbezieht wie Informatik, Psychologie und Neurologie. Die moderne Translationswissenschaft bezieht auch Informatik, Kommunikationswissenschaft, Psychologie und Neurologie ein» [Lebedeva URL]. Достаточно полную картину аспектуализации или своего рода форматирования перевода как многоаспектного знания мы находим у И. С. Алексеевой, которая вслед за В. Коллером [Koller 1977] разграничивает десять основных аспектов переводоведения, среди которых:

- 1) общая теория перевода;
- 2) специальная теория перевода (лингвистическое переводоведение, ориентированное на конкретную пару языков);
- 3) транслатология текста (теория перевода, ориентированная на текст);
- 4) теория процесса перевода (процессуальная транслатология);
- 5) теория отдельных видов перевода;
- 6) научная критика перевода;
- 7) прикладное переводоведение;
- 8) гуманитарное осмысление перевода;
- 9) история перевода;
- 10) дидактика перевода [Алексеева 2004: 48—51].

Отмечая как положительный момент включение и теоретической, и практической ветвей переводоведения, а также широту подходов в разграничении аспектов переводоведения, тем не менее, хотелось бы указать и на имеющиеся недостатки, связанные прежде всего с его механическим копированием, без учета уже имеющихся работ в этой области у отечественных исследователей перевода. Так, например, А. В. Федоров [2002] и В. Н. Комиссаров [1990] выделяют

традиционные разделы лингвистической теории перевода, среди которых общая теория перевода, частная и специальная теории перевода. В дальнейшем В. Н. Комиссаров, осознавая узость лингвистического подхода или формата, уже пишет о том, что теоретическое переводоведение включает общую, частные и специальные теории перевода [Комиссаров 2000: 112]. Н. К. Гарбовский также противопоставляет общую теорию перевода частным и специальным теориям перевода [Гарбовский 2004: 4]. Другие авторы, как например С. В. Тюленев, в целом придерживаются традиционной аспектуализации, подчеркивая, что «частная теория перевода и так называемая специальная его теория в большей степени занимают как раз прикладными аспектами переводческой деятельности» [Тюленев 2004: 33].

В отличие от И. С. Алексеевой Л. Л. Нелюбин и Г. Т. Хухуни представляют знания о переводе в более редуцированном виде, указывая следующие основные разделы: историю перевода, общую теорию перевода, частные теории перевода, методику перевода и критику перевода [Нелюбин, Хухуни 2006: 5—6]. Как видим, ранжирование выделенных аспектов перевода во всех случаях носит явно выраженный субъективный характер (ср. ранжирование выявленных характеристик в структуре концепта «деятельность» [Козырькова 2008: 211]).

Кроме того, при сравнении традиционной аспектуализации с аспектами переводоведения по И. С. Алексеевой обнаруживаются недопустимые, с нашей точки зрения, расхождения, поскольку и без того терминология переводоведения проявляет неустойчивость [Сальмон 2002: 439]. Имеющиеся определения специальной(ых) теории(й) перевода: 1) «...занимается изучением особенностей отдельных видов перевода, их классификацией в зависимости от типов переводимых текстов и специфических требований, предъявляемых к переводам каждого типа» [Комиссаров 2000: 112]; 2) «...раскрывают условия работы переводчика, характер переводимых текстов, особенностей различных видов перевода» [Нелюбин 2003: 208]; 3) «...лингвистическое переводоведение, ориентированное на конкретную пару языков, описывает потенциальные варианты соответствий между этими языками (эквивалентны), а также факты и критерии их выбора» [Алексеева 2004: 48] — свидетельствуют о наличии терминологической путаницы.

Анализ выделенных аспектов перевода показывает, что они, обладая относительной самостоятельностью, тесно связаны (или интегрированы)

между собой и представлены как знание концептуально-сложного формата, о чем свидетельствует имеющая в них место дальнейшая аспектуализация или доаспектуализация знаний о переводе. Например, аспект «история перевода» включает в себя:

- 1) историю перевода как рода деятельности от истоков до наших дней. Роль перевода для различных эпох;
- 2) национальные истории перевода (см. [Семенин, Панасев 1989]);
- 3) историю переводческих взаимосвязей различных культур;
- 4) историю культурного усвоения через перевод отдельных произведений, творчества отдельных авторов, отдельных жанров, целых литературных произведений;
- 5) анализ и оценку отдельных переводческих достижений в переводческом контексте;
- 6) творчество отдельных переводчиков.

Причем сама доаспектуализация производится по-разному от подробного перечня дополнительных аспектов (подаспектов), как это было показано выше, до простого указания на междисциплинарные связи, как, например, в аспекте дидактика перевода «...развивается в тесном контакте с психолингвистикой, методикой преподавания иностранных языков, а также общей дидактикой» [Алексеева 2004: 51].

О том, что доаспектуализация знаний о переводе отнюдь не завершена и что наука о переводе живет и развивается, т. е. процессы концептуализации и категоризации в сфере перевода продолжают, свидетельствуют все новые и новые аспекты и подаспекты перевода, предлагаемые переводоведами. К примеру, до сих пор практически не привлекавшие интереса, но весьма перспективные в научном отношении:

- филогенез и онтогенез перевода как одного из естественных проявлений двуязычия;
- источники и пути форматирования «естественной» системы межъязыковых соответствий (в частности зарождение двуязычных переводческих словарей тезаурусов в дописьменный и младописьменный период развития языков и на ранних этапах межъязыковых контактов);
- перевод в условиях дефицита языковых знаний и речевых навыков и в этой связи роль и место внеязыковых факторов в реализации различных видов перевода (напр., быт, военное дело, драматургия, религия) [Цвиллинг 2009: 87—88].

Сравнительный анализ приведенных выше аспектуализаций показывает, что проблема типологии знаний о переводе не решена до сих пор,

а сами знания о переводе зачастую представлены в виде неупорядоченного массива данных, где отсутствует некая систематизирующая и интегрирующая основа. Поэтому знания о переводе, как и любые другие виды информации, должны быть не только систематизированы, но и отформатированы для того, чтобы они могли быть должным образом усвоены переводчиком.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Академия, 2004. — 352 с.
2. Гарбовский Н. К. Теория перевода. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.
3. Koller W. Einführung in die Übersetzungswissenschaft. 4., völlig neu bearbeitete Auflage, 5. aktualisierte Aufl. — Heidelberg: Wiesbaden, 1997. — 343 S.
4. Козырькова Л. Н. Этапы анализа концепта «интенсивная целенаправленная деятельность человека» (на материале англ. и рус. яз.) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. Н. Болдырев. — Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. — С. 209—218.
5. Комиссаров В. Н. Советское переводоведение на новом этапе // Тетради переводчика. Вып. 23. — М., 1989. — С. 3—14.
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: курс лекций. — М.: ЭТС. — 2000. — 192 с.
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистич. аспект). — М.: Высш. шк., 1990. — 253 с.
8. Lebedeva J. Mit anderen Worten. Die vollkommene Übersetzung bleibt Utopie. Режим доступа: <http://www.uni-heidelberg.de/presse/ruca/ruca07-3/wort.html>
9. Нелюбин Л. Л. Толковый переводческий словарь. — 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 320 с.
10. Нелюбин Л. Л., Хухуни Г. Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). — М.: Флинта: МПСИ, 2006. — 416 с.
11. Сальмон Л. О перспективах развития переводоведения в рамках новейших научных направлений // Университетское переводоведение. Вып. 3: Мат-лы III междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», 26—28 окт. 2001 г. — СПб., 2002. — С. 436—449.
12. Семенец О. Е., Панасьев А. Н. История перевода. — Киев: Изд-во при Киев. ун-те, 1989. — 296 с.
13. Тюленев С. В. Теория перевода. — М.: Гардарики, 2004. — 336 с.
14. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ; М.: Филология три, 2002. — 416 с.
15. Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках: сб. науч. ст. — М.: Вост. кн., 2009. — 288 с.

Д. В. Исаев (Оренбург, Россия)

СИТУАЦИЯ БИЛИНГВИЗМА В КАНАДЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

The problems of the modern language policy and bilingual situation in Canada are the subject of the article. The other important point is the state influence on the change of the complex of language attitudes and motivations.

Keywords: *sociolinguistics, bilingualism, linguistic situation, sociolinguistic motivation.*

Современная лингвистика накопила значительное количество фактов, характеризующих особенности процесса языкового взаимодействия во всей его сложности и многогранности. Сами взаимодействия языковых систем входят в предметную область социальной лингвистики.

Рассмотрение языка как объекта социальной действительности относится ко второй половине XX века. С этого времени особое внимание уделяется анализу социальных процессов как факторов, непосредственно влияющих на языковую систему.

Одними из основных объектов исследования социолингвистики является билингвизм, развитие и взаимодействие языков в ситуации близкого контакта, а также социальная и ситуативная детерминация использования определенных единиц языка в речи и в системе.

Особый интерес для исследователя представляет социолингвистическая ситуация в Канаде, характеризующаяся, с одной стороны, билингвизмом, близким контактом двух языков, с другой стороны, пестрой социальной картиной, значительным количеством факторов, оказывающих

влияние на формирование национальных вариантов английского и французского языков. Развитие билингвизма в Канаде может быть рассмотрено в контексте общемировых тенденций. Билингвизм становится главным способом существования полиэтнического государства. В связи с этим особый интерес для государства приобретают формы билингвизма, сферы его влияния, отношение государства к двуязычию. Расширение сфер применения билингвизма, его поощрение и государственная поддержка становятся приоритетными направлениями языковой политики Канады на протяжении последних 50 лет. Социальный престиж билингвизма подерживается на достаточно высоком уровне.

Билингвизм понимается как попеременное использование одним человеком двух языков в зависимости от коммуникативной ситуации. Также существует государственный билингвизм, то есть фактическое существование двух официальных языков на единой территории.

В настоящее время официальными на федеральном уровне являются английский и французский языки. Общее распределение говорящих на официальных языках за последние 50 лет изменялось следующим образом: по результатам анализа данных на 1961 год в Канаде говорили исключительно на французском 19,1 % населения, исключительно на английском — 67,4 %, тогда как к билингвам относились 12,2 % всего населения [Реферовская 2007: 58—59]. Данные 2006 года показывают следующее: исключительно на французском говорят около 13 % (4 миллиона жителей из 31 миллиона населения против 18 в 1961), 17,5 % владеют обоими языками, порядка 68 % говорят только на английском, около 1,5 % не владеют ни одним из официальных языков [9]. Если же сопоставить темпы распространения билингвизма в последние годы, то можно отметить, что с 1996 по 2006 год количество билингвов выросло практически на миллион, тогда как с 1961 по 1996 год прирост составил около двух миллионов. Ускорение темпов развития билингвизма связано как с государственной политикой, так и с изменением социолингвистической мотивации.

Под социолингвистической мотивацией понимается комплекс отношений к языковой подсистеме, а именно ее престиж и представленность в обществе, доминирующие рамки употребления и наличие или отсутствие стремления ее изучать.

Канадский английский представляет собой результат не только простого развития языка, но и воздействия американского варианта (доминирует в плане разговорной, повседневной лексики, «низших» тенденций развития), британского

варианта (произношение, во многом попытки стандартизации, некоторые единицы), а также воздействия французского и индейских языков. Естественно, что все внешние воздействия, равно как и внутренние процессы, испытывают влияние социолингвистической мотивации.

Таким образом, прогнозирование и изменение языковой ситуации возможно при условии как непосредственного, так и опосредованного влияния на социолингвистическую мотивацию. Предполагаемым результатом воздействия общества на язык в Канаде считается билингвальное общество.

Языковая политика Канады может быть разделена на два течения: билингвизм на государственном уровне с одной стороны и, как вариант, создание двух монолингвальных обществ, одно с центром в Квебеке, другое — остальная часть Канады. Фактически получается асимметрия с преобладанием двух монолингвальных сообществ и билингвальной «переходной зоны». Примерами политики стремления к монолингвизму могут быть Закон об официальных языках Квебека 1974 года, провозглашающий французский официальным языком провинции.

Таким образом, можно говорить о столкновении данных тенденций в полярных регионах и принятии билингвизма в регионах со смешанным населением. Отмечается не только противодействие, но и отсутствие значительной поддержки государственной политики билингвизма.

Отсюда можно сделать принципиальный вывод: государственная языковая политика в Канаде стремится продвигать билингвизм, но в связи с неравномерностью распределения носителей языка по территории, в связи с социокультурными особенностями и определенным общественным противодействием, процесс принимает форму разделения на два монолингвальных общества, хотя и размытых.

Основным элементом воздействия государства является социолингвистическая мотивация. В данном случае можно говорить об определенном смещении акцентов во взаимодействии двух компонентов языковой ситуации (английского и французского), что говорит о том, что при целенаправленном воздействии на социолингвистическую мотивацию, проводимом с учетом закономерностей развития социолингвистических систем, возможно определенное изменение характера взаимодействия.

В частности, за последние 50 лет произошло серьезное переосмысление отношения и мотивации по отношению к каждому из компонентов

языковой ситуации. Канадский английский первоначально воспринимался как региональный вариант, промежуточный, переходный, всего лишь содержащий в себе черты американского и британского английского, соответственно собственнo канадские языковые явления и единицы рассматривались как нечто негативное, подлежащее устранению. Французский язык Канады воспринимался как занимающий подчиненное положение не только по отношению к французскому в Европе, но и по отношению к английскому в Канаде. В результате языковой политики государства и изменения социолингвистической мотивации произошло изменение отношения к языку как на дилетантском, так и на научном уровне. Возрос социальный престиж билингвизма, сместились акценты, в настоящее время представитель наиболее образованных слоев общества с большой вероятностью владеет двумя языками.

Кроме того, произошло изменение исследовательской парадигмы. Выпуск словаря «*Canadian Oxford Dictionary*», содержащего более 2000 единиц, относящихся к канадскому национальному варианту, показывает, что специфические лексические единицы не рассматриваются больше в данном контексте как негативное явление. Схожая ситуация наблюдается и с французским языком. Прежде всего, его подчиненное положение на основных франкофонных территориях сменилось доминирующим, особенно это касается провинций Квебек и Нью-Брансуик. Кроме того, произошла смена парадигмы по отношению как к национальным особенностям французского в Квебеке, так и по отношению к ситуациям смешения и переключения кодов, заимствований и подобных явлений, характеризующих близкий контакт языков.

Таким образом, основная цель языковой политики Канады не является выполненной в полном объеме прежде всего за счет неравновесного положения языков в обществе как по числу говорящих, так и в международной социально-коммуникативной функциональности, хотя и можно говорить об определенных положительных тенденциях в данном направлении. В настоящее время прослеживается укрепление тенденции к формированию двух монолингвальных полюсов, тем не менее, как отмечалось выше, присутствует определенное расширение сфер использования билингвизма.

Список литературы

1. Ахманова О. С., Марченко М. Н. Основные направления в социолингвистике // ИЯШ. 1971. № 4.
2. Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде — М.: Изд-во ЛКИ, 2007. — 216 с.
3. Швейцер А. Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы — М.: URSS, 2008. — 178 с.
4. Holmes J. An introduction to Sociolinguistics. — London; New York: Longman, 1992.
5. Dittmar Norbert. Grundlagen der Soziolinguistik. — Berlin, 1996.
6. Labow W. Social stratification of English in the New York City. — Washington. 1966.
7. Sociolinguistic and Language Teaching. — Cambridge University Press, 1996. — 484 p.
8. Telfer G. Dictionary of Canadianisms. — Canada: Folklore Publishing, 2009. — 352 p.
9. Population by knowledge of official language, by province and territory. Режим доступа: <http://www40.statcan.ca/l01/cst01/demo15-eng.htm>
10. British-Canadian-American Vocabulary. Режим доступа: <http://www3.telus.net/linguisticsissues/britishcanadianamericanvocaba.html>

А. Д. Каксин (Абакан, Россия)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И МИРАТИВНОСТИ
ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ

Article is devoted to determining the major role of categories evidentiality and mirative in language. These categories with specific load play an irreplaceable role in any natural language, and it is very important to consider this circumstance while translating. In examples the material of Khakass and Russian is presented.

Keywords: *evidentiality, mirative, means of expression, Turkic languages, Russian, the theory of translation.*

Под эвиденциальностью (или засвидетельствованностью) мы понимаем указание на источник или способ получения информации, а под миративностью — выражение неожиданности информации для говорящего.

Тюркологи бесчисленное число раз писали о глагольных формах тюркских языков, выражающих эвиденциальность и миративность, часто — без подробного анализа, просто терминологически фиксируя именно эту семантическую роль разбираемых форм. Для примера приведем выдержки лишь из нескольких работ последнего времени.

«Некоторые тюркологи считают, что хакасская форма прошедшего времени на =ган является аналогом турецкого прошедшего субъективно-го времени на =miş. Как известно, форма на =miş указывает на факт совершения действия в прошлом, подчеркивая при этом субъективный характер информации... В хакасском языке это значение передается формой прошедшего “заглазно-го” на =тыр» [Боргоякова 2002: 186—187].

«В тутальском говоре среднечулымского диалекта встречаются формы прошедшего времени на -(G)A(n), прошедшего (миратива) — на -(Ip)tlr...» [Лемская 2010: 35].

Пример из алтайского языка:

Жастыра айдын ийип калтырым, ачынбар, карганай «(Я) неправильно (нечаянно) **сказал, оказывается**, не обижайтесь, бабушка» [Тазранова 2011: 192].

Этот пример наглядно показывает, что глагол ий= «посылать, отправлять» в функции вспомогательного глагола часто употребляется в эвиденциальных конструкциях (способствует выражению значения «действие совершено неосознанно, оно прошло мимо внимания говорящего»).

Об эвиденциальных и миративных формах в алтайском языке более подробно было написано ранее. «В зону маркированной прямой засвидетельствованности, помимо формы на -ды (недавно-прошедшее), входят и другие специализированные формы: настоящее эвиденциальное на =адыр, передающее непосредственное восприятие в момент речи, и серия форм с частицей эди: Tv-ган эди — засвидетельствованное отдаленное

прошедшее, Tv-атан эди — засвидетельствованное прошедшее хабитуальное (регулярно повторяющееся действие в прошлом). ...Косвенная засвидетельствованность выражается совмещенно с миративностью формой на -нтыр (устар.) и производными от нее частицами болтыр, болуптыр, эмтир. Появление миративного значения обусловлено теми же параметрами, что уже многократно описывались в типологической литературе: миративность проявляется в высказываниях от 1 и 2 л., а также в случаях, когда из контекста ясно, что имело место непосредственное наблюдение, тогда как при поступлении информации извне (пересказ) доминирует значение неполной достоверности информации. ...Усилить миративный компонент можно также с помощью частицы не (эмтир не, болтыр не).

Косвенная засвидетельствованность в варианте пересказываемости имеет также специализированные формы представления — конструкции с участием грамматикализованных форм глагола говорения де- (дежет и др.). Наконец, имеются и формы, специализированные на выражении только миративной семантики — причастия в сопровождении спрягаемых частиц туру не, турбай. ...Все формы, способные выражать миративность, можно представить в виде шкалы; крайнее правое положение на ней займут конструкции с частицами турбай, туру не, специализирующиеся на выражении семантики миративности в интенсивном ее варианте (самая высокая степень неожиданности информации и тем самым удивленности говорящего — у формы туру не): (-нтыр), болтыр / болуптыр < эмтир < болтыр не < эмтир не < турбай < туру не» [Скрибник, Озонова 2007: 546—547].

Итак, выше перечислены все грамматические средства тюркских языков, задействованные для выражения эвиденциальных и миративных значений. В русском языке названные значения передаются исключительно лексически и интонационно [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 303; Темпоральность. Модальность 1990; Козинцева 1994; Плунгян 2000: 321—322]. Анализируя переводы текстов с подобной

семантикой (например, с хакасского языка на русский), приходим к выводу, что самым употребительным словом русского языка в аналогичных контекстах является лексема «оказывается».

Волостың сурағчы *килтір* [БІа: 79] «Из волости следователь *приехал, оказывается*».

Кычың Пычонның хойын чар парарға *килтір* [БІа: 250]. «Кычын *пришел, оказывается*, чтобы отделить овец Пычона».

Эне зе, Хапың, *таныс полтырзар*. Арса, пірее чарғы-чахаан пирген поларлар? — сурча Хапыңнаң [БІа: 262]. «*Вот оно что*, Хапын, *вы знакомы, оказывается*. Может быть, какое-то указание они дали? — спрашивает у Хапына».

— Сын... саңай *чабас партыр*, — сыбырананған Сабис [БІа: 85]. «Правда, совсем *смирный стал, оказывается*».

И еще ряд примеров, теперь — из текстов национальной газеты:

Аар-пеер харахсынзаң, тағлар хойрах-хайрых хырларынаң харах читпесче *сөй тартыл парыбыстырлар* [Чт]. «Если оглядываешься туда-сюда, горы своими неровными вершинами *протянулись, оказывается*, так, что глаз не достает».

Аңчыл кізі, ікі азахтығ сошказын чапчан турғызып, мылтиин киртігіне салып, көстеп киліп, хыйлаан *назыбыстыр* [Чт]. «Охотник, быстро поставив свою двуногую сошку, свое ружье наставив на плечо, целясь, *нажал* на курок, *оказывается*».

Пуұр пазын *мөкейте тудыбыстыр*... Ікіншізін аңның мойнына урухты *кире тастабыстыр* [Чт]. «Волк голову *опустил, оказывается*... Во второй раз аркан на шею зверя *закинул, оказывается*».

Мин, сала маай арах кізі, одырғанча, чииттер нымзах орыннарға толдыра *одырыбыстырлар* [Чт]. «Пока я, медлительный человек, заходил (в автобус), молодежь, *оказывается, заняла* все мягкие места».

Көклөнің кибін хызычах хара плистең *тіктір* (ам сала хоор партыр) [БІтт]. «Одежду для куклы девочка *шила, оказывается*, из черного плиса».

Көклөнің тоны тиин теерізінең *хураалалтыр*. Тойға, улүкүнге кисчен пай *тоны одыр* [БІтт]. «По краям шубы куклы *нашита, оказывается*, шкурка белки. Это, *оказывается, шуба*, которую одевали на свадьбу, на праздник».

Ічелері, уучалары паза пичелері хызычахтарны *күстенің үзгетчен осхастар* [БІтт]. «Матери, бабушки и сестры *старались учить, оказывается*».

Пір дее кізі тузында аның чазын иптеп *санабиндыр* [Іт]. «Ни один человек в свое время *не считал, оказывается*, сколько ему лет».

Ирепчі кізілер, ол хустарны илееде чапсып көріп, *турып алчаң полтырлар* [Іт]. «Супруги долго, с удивлением глядя на этих птиц, *застаивались обычно, оказывается*».

Пу чоохты И. А. Побызиков улуғларынаң *истір* [Іт]. «Этот рассказ И. А. Побызиков от своих старших *слышал, оказывается*».

Ол тын даа ыраххы тус полбаза, чон чаахнаң *на тузаланчаң полтыр* [Іт]. «Хоть это было совсем недавно, люди, *оказывается, пользовались* только луками».

Пір туста албанны род кнезі Сур теен кізі *апарчан полтыр* [Іт]. «В одно время налог *отвозил, оказывается*, начальник рода, человек по имени Сур».

Чарыста уттырза, Сур Албутха Халтарын *пирібізерге кирек полтыр* [Іт]. «Если Сур оставался побежденным в соревновании, он *должен был, оказывается, отдать* Албуту своего коня Халтара».

Ол ағас суг үстүнзер *чада өскен полтыр* [Іт]. «Это дерево *росло, оказывается*, прямо над водой».

1827 чылдағы устағ-пастағ реформа хоостыра Асхыс істіндегілер Кузнецк (Аба тура) уездінең Минсуғ уездіне *кіртірлер* [Іт]. «По управленческой реформе 1827 года Аскизские (т. е. жившие на территории Аскиза) с Кузнецкого уезда *перешли, оказывается*, в Минусинский уезд».

По вышеприведенным тюркским примерам видно, что значение, передаваемое по-русски словом «оказывается», в исходном языке заключено в глагольной форме (которая может быть аналитической). Нельзя сказать, что в тюркских языках нет специальных лексем, соответствующих русским «оказывается», «мол», «дескать», «де», «однако», «видать», «похоже на то» и другим. Они есть, но зачастую не употребляются, потому что избыточны.

Одним из самых распространенных эвиденциально-миративных слов тюркских языков является слово *инес / инеш* «оказывается». В сборнике «Başkirica» (2004) помещена статья Т. М. Гарипова *Тюрко-славика в «Слове о полку Игореве»*, написанная в 1996 году. В числе прочего в этой статье автор дает оценку этимологии Олжаса Сулейменова относительно некоторых *темных мест* в «Слове о полку Игореве». Свои замечания Т. М. Гарипов сгруппировал в три рубрики, и во второй группе, о вполне мыслимых, но недостаточно доказательных этимологиях О. Сулейменова, пишет как раз о предложении (протографе) со словом *инес*.

«Восстановленный, по мнению Сулейменова, протограф: *бусоврамне блеснь скана болони беши*

дебрь кисан ю инес ошлюк син — «бусурмане: знаешь, как вернуть разум? Пять железных пут омой, мстливый ты» — есть первое тюркоязычное предложение, обнаруженное в славянском источнике до XIII века. Не забудем о... поправке на пять веков. Попутно дарим Олжасу свою этимологию *инес* из башкиро-татарского *имеш* / казахского *эмис* — мол, оказывается» [Гарипов 2004: 124].

По нашему мнению, донныне сохраняющееся в тюркских языках слово *инес* / *инеш* / *имеш* / *эмис* «мол, оказывается» в свое время перешло в другие языки, в т. ч., например, в хантыйский язык (в виде *нэш*, с тем же значением, «мол, оказывается»). (Пример из хант. *Щи па щякар няң, нэш, вёлмен!* «Вот какой скупой ты, *оказывается!*» Подробнее об этом см.: [Каксин 2010: 188—212].)

В любом языке модальные и вводно-модальные слова (и сочетания), а также примыкающие к ним экспрессивы, слова и обороты со значением эмоционально-качественной оценки, играют значительную роль. Но только в последние два десятилетия была осознана необходимость составления толковых словарей функциональных слов (частиц, союзов, междометий и т. п.). Поскольку в последнее время общепринятым является отграничение эвиденциальности и миративности от модальности, считаем необходимым добавить к списку подобных функтивов также (вводно-)эвиденциальные и (вводно-)миративные слова и сочетания. В частности, достаточно много слов и сочетаний с указанной семантикой мы находим в имеющихся словарях тюркских языков. К примеру, словарей хакасского языка разного рода — достаточно много, вышел уже и двуязычный словарь академического типа [Хакасско-русский словарь 2006]. В последнем содержится определенное количество эвиденциальных и миративных слов, например:

Ноо I 1. мест. 1) что; *ср. ниме; ноо кирек* что нужно; *ноо полды* что случилось; *нооны чаратсан, аны аларбын* что позволишь, то и возьму; *ноодыр?* что это?; *ноодаң полды?* отчего это?; / *ноо ниме* а) что это; б) кто это; *ноо ниме чадыр* что лежит; *ноо ниме пілген анын чойланарын* кто знал, что он будет лгать; *ноо даа кізі* любой, каждый человек; 2) какой; *ср. хайдаг; ноо кирекнең* по какому делу; *ноо тогысха хынчазың* какая работа тебе нравится; *ноо кізі ол* кто это такой, какой это человек;

2. *нареч.* зачем, почему; *ср. нога; ноо килдін* зачем [ты] пришел; *ноо парғазың* почему [ты] ушел; *ноо даа полза* хоть что; *ноо полза, ол ползың* будь, что будет; *ноодаң даа* как бы то ни было, во что бы то ни стало.

Ноо II 1) част. препозит.-усилит. что за, какой; *ноо ниме полды* а) что произошло?; б) что за оказия?; *ноо кізі* а) кто это?; б) что за человек?; *ноо туза* что за польза, какая польза, что толку; 2) *част. постпозит.-утверд.* да, же; *ол ноо* да это же он; *хазыр ноо* да и строгий же; *тынанар ноом* да отдохну же я; *піске кірген син полган нооң* да ведь у нас ты же был; 3) *в постпозиции употр. для образования формы собирательности:* см. *ниме* (в 3 знач.)... [Хакасско-русский словарь 2006: 283].

Но, как видим, большой толковый словарь не может отобразить в полной мере эвиденциальную (или миративную) семантику слова. В приводимых примерах, у того же слова *ноо I 2*, эвиденциальное значение затемнено. А в нижеследующих предложениях, взятых из текста художественного произведения, эвиденциальность проявляется в полной мере. Подобными случаями мы и предлагаем иллюстрировать эвиденциальность (или миративность) в специальном словаре (эвиденциально-миративной лексики).

Ол ам минің сазым *чулар ноо?* [Чх: 27]. «Теперь она мои волосы *будет выдирать, что ли?*»

Кізі улуғ род *полчаңох ноо!* — теен Манон Петрович [Чх: 76]. «У человека большой род тоже *бывает, видимо!* — сказал Манон Петрович».

Анфиза, Таназар хази көріп, теен: «Хасхы *айланган ноо!*» [Чх: 77]. — Анфиза, взглянув пронзительно на Тану, сказала: «Беглянка *вернулась, оказывается!*»

В заключение, исходя из рассмотренного материала, мы хотим дать небольшую предварительную типологию языков «эвиденциального пояса Старого света» [Плунгян 2000: 321] по наличию грамматических форм и конструкций, специализированных на выражении эвиденциальных и миративных значений. В первую группу включаем языки, в которых есть морфологические формы (и парадигмы), имеющие статус наклонений. При этом наклонение может и не иметь собственно-го показателя: маркерами эпистемологического наклонения служат показатели темпоральности. В эту группу входят большинство самодийских языков (имеющие аудитив, латентив и др. под. наклонения), хантыйский язык (имеем в виду наклонение, которое в наших последних работах, в т. ч. в диссертации [Каксин 2010], мы назвали «эвиденциалис»).

Вторую группу составляют языки, в которых эвиденциальность и миративность выражаются преимущественно лексически и интонационно (например, восточнославянские). Ярким примером здесь является русский язык. В русском

языке эвиденциальность и миративность не находят грамматического выражения и передаются в основном лексическими средствами типа вводных «мол», «видно», «оказывается», «ба!», «эвон!»

Наконец, в третью группу, по нашему мнению, входят языки, занимающие промежуточное положение: в них есть, конечно, соответствующие лексические, а также интонационные, средства, но основную роль при выражении эвиденциальности и миративности играют специфические аналитические формы и конструкции (с участием служебных, или вспомогательных, глаголов). Ядро этой группы и составляют тюркские языки.

Список литературы

1. Боргоякова Т. Н. Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в языках разных систем (на материале хакасского, турецкого и английского языков) // Актуальные проблемы изучения языка и литературы: материалы Всерос. науч. конф., 25—27 нояб. 2002 г., Абакан. — Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2002. — С. 184—187.
2. Гарипов Т. М. Тюрко-славика в «Слове о полку Игореве» // Гарипов Т. М. Baškirica: Моноборник избранных работ по башкироведению и тюркологии. — Уфа: Вост. ун-т, 2004. — С. 116—125.
3. Каксин А. Д. Средства выражения модальности и эвиденциальности в хантыйском языке (на материале казымского диалекта): дис. ... д-ра филол. наук. — Ханты-Мансийск, 2010. — 302 с.
4. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. — 1994. — № 3. — С. 92—104.
5. Лемская В. М. Глагольные системы чулымско-тюркских диалектов: временные формы // Урало-алтайские исследования. — 2010. № 2 (3). — С. 19—35.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Совет. энцикл., 1990. — 685 с.
7. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: учеб. пособие. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 384 с.
8. Скрибник Е. К., Озонова А. А. Средства выражения засвидетельствованности и миративности в алтайском языке // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: сб. ст. памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В. С. Храковский. — СПб.: Наука, 2007. — С. 519—551.
9. Тазранова А. Р. Инновационные синтетические формы алтайского языка // Историко-культурное наследие Хакасии: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения д-ра ист. наук, археолога Якова Ивановича Сунчугашева, г. Абакан, 20—21 окт. 2011 г. / отв. ред. И. К. Кидиекова. — Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2011. — С. 189—195.
10. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко. — Л.: Наука, 1990. — 263 с.
11. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк — Новосибирск: Наука, 2006. — 1114 с.

Сокращения

- Чт — Чолдагы тоғазығлар (Чорых блокнодынаң) / Я. Сунчугашев // Ленин чолы. 1977. 17 февр.
- Чх — Костяков И. Чібек хур / Шелковый пояс. Роман: на хакасском и русском языках. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006.
- Ыа — Доможаков Н. Г. Ыраххы аалда / В далеком аале. Роман. На хакас. и рус. яз. — Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2010.
- Ытт — Ыраххы тустар танығлары / Я. Сунчугашев // Ленин чолы. 1977. 17 авг.
- Іт — Ікі тирек / Я. Сунчугашев // Ленин чолы. 1977. 6 окт.

К. А. Кардаш (Красноярск, Россия)

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КИТАЙСКИХ И РУССКИХ НОВОГОДНИХ ПОЗДРАВЛЕНИЙ:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ И ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

This article is devoted to the problem of structural and semantic study of the New Year greetings in Chinese and their translation into Russian. The given examples of the greetings illustrate cultural peculiarities of the original text. Our aim is to keep the semantic components and traditional specifics in the text of translation.

Keywords: *congratulations, structural and semantic analysis, the New Year, Chinese, language translation.*

Взаимодействие двух разных культур невозможно без исследования их традиций и языковых особенностей. Поздравления как речевой жанр и элемент культуры заслуживают наибольшего исследовательского интереса.

М. М. Бахтин в своей статье «Проблемы речевых жанров» отмечал, что каждая область человеческой деятельности располагает сложным и разнородным, открытым репертуаром речевых жанров. Жанровые образцы являются формой видения и осмысления действительности, которые нельзя понимать только как готовые формы высказывания. Если различать высказывания и предложения, то следует считать, что «наша речь отливается только в устойчивые, данные нам формы предложений», «нормативные» формы высказывания. «Даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как дан нам родной язык» [Бахтин 1979: 257—260].

Т. В. Шмелева определяет четыре типа речевых жанров: информативные (информация: ее предъявление или запрос, подтверждение или опровержение); императивные (вызвать осуществление особого события, поступка в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума); оценочные (изменить самочувствие участников общения, соотнося их поступки, качества и все другие манифестации с принятой в данном обществе шкалой ценностей); этикетные жанры (осуществление особого события поступка, предусмотренного этикетом данного социума) [Шмелева 1997: 91—93].

Вслед за Т. В. Шмелевой придерживаясь типологии речевых жанров, а именно этикетного речевого жанра «поздравление», перейдем к исследованию новогодних поздравлений в китайской и русской лингвокультурах.

М. Бахтин выделяет следующие составляющие структуры жанра: 1) отправитель; 2) получатель; 3) отношения между ними; 4) функции текста; 5) тема; 6) предмет речи; 7) текстовый материал; 8) представление и выражение; 9) код.

Используем данную структуру применительно к этикетному речевому жанру «поздравление».

Поздравления в аспекте перевода в двух разных лингвокультурах (китайской и русской) [Кардаш 2011: 88] еще недостаточно изучены. Попытки определить специфику этикетно-речевого жанра «поздравление» [Соляян 2009: 105], а также рассмотреть семантическую ситуацию поздравления выявили необходимость исследования поздравлений в сопоставительном и структурно-семантическом аспектах.

Материалом послужили поздравления с поздравительных китайских и русских интернет-сайтов. Перевод китайских поздравлений представлен в авторской интерпретации. Мы исследовали порядка ста поздравлений с Новым годом и сделали следующий вывод. Все поздравления схожи по структуре, контенту и используемой лексике. Адресоваться они могут как коллегам по работе, так и друзьям, близким и родным.

Например:

1. 新年的钟声里, 我举起杯, 任一弯晶莹的思绪, 在杯底悄悄沉淀, 深深地祝福你快乐!

Перевод на русский: «В новогодний колокольный звон я поднимаю бокал, чтобы кристально блестящее настроение тихо опустилось на дно бокала, и я глубоко пожелаю тебе счастья». Трепетное отношение и глубокое уважение отправителя к адресату подчеркивается такими выражениями, как *悄悄沉淀*, *深深地祝福*, «тихо опустилось», «глубоко пожелаю».

2. 新的一年, 每年都有新的变化, 但我的心没有变, 我的誓言没有变, 我要 ... 陪你一起变老。

Перевод на русский: «Опять новый год, а каждый год новые перемены, но только мое сердце не меняется, мое клятвенное обещание не поменялось, я хочу вместе с тобой стариться». Такое пожелание может быть адресовано только «своей второй половине», так как здесь идет речь о «сердце, которое не меняется», о «клятвенном обещании, которое не поменялось», и о том, что адресат желает «стариться вместе» с отправителем. То есть тема поздравления, любовные сердечные

дела, постоянство чувств. Единственно, что невозможно определить, это гендерные признаки адресата и отправителя.

3. 高山上的人总能最先看到新一年的日出,有了您的高瞻远瞩,您的事业必然前景辉煌。祝您鹏程万里!

Перевод на русский язык: «Человек, который находится на высоте горы, всегда первым видит восход нового года, с Вашим видением Ваш бизнес будет всегда блистательным. Желаю большому кораблю большого плавания!»

Сохранив семантическую составляющую поздравления, необходимо адаптировать его под адекватный перевод на русский язык. Для русской лингвокультуры не характерно частое использование природных составляющих, поэтому перевод представим следующим образом: «Дальновидный человек всегда первым достигает успехов. Желаю дальнейшего процветания Вашего бизнеса. Большому кораблю — большое плавание!» В пожелании используется фразеологический оборот, что также характерно и для русских поздравлений.

4. 新年到了,送你一篮水果,愿你: 苹安福贵, 橘祥如意, 梨想事成, 杏福快乐, 柿事顺利, 核家欢乐, 梅有烦恼, 甜如甘蔗, 幸福如葡萄, 请笑纳!

Перевод на русский язык: «Новый год наступил, дарю тебе корзину пожеланий и желаю тебе: счастья, удачи, успехов во всем, веселья, успехов в делах, радости, чтобы не было проблем, сладости, настоящего счастья, пожалуйста, принимай!»

Если бы мы это поздравление переводили дословно, то получилось бы следующее: «Новый год наступил, дарю тебе корзину фруктов и желаю: яблочного счастья, апельсинового везения, грушевого успеха во всем, абрикосового веселья, успехов в делах как хурма, крепкой семьи как ядро, абрикосовой гладкой жизни, сладкой жизни, как сахарный тростник, много счастья как виноград, пожалуйста, принимай!» Представленный перевод отражает культурную специфику китайского поздравления, но абсолютно непонятен не носителю китайского языка, поэтому необходимо представить такой перевод, который отражал бы семантическую составляющую текста оригинала и не противоречил восприятию на языке перевода. Итак, получаем следующее: «Новый год наступил, дарю тебе фруктовые пожелания: пусть будет счастье ярким как наливные яблоки, пусть удача будет сочной как апельсин, дела завершенными как созревшая груша, веселье ароматным как абрикос, успех в делах твердый как хурма, семья крепкая, как ядро плода, гладкой жизни как кожура абрикоса, сладкой жизни как вкус сахарного

тростника, много настоящего счастья, как спелого винограда, пожалуйста, принимай!»

Примеры на русском языке также были взяты с интернет-сайтов.

1. Примите искренние поздравления
С наступающим 2011 годом!
Пусть Вам и Вашим близким
Сопутствует *процветание, успехи в делах*
И семейное благополучие в Новом году!
Крепкого Вам *здоровья, счастья,*
Отличного настроения
И исполнения всех желаний!

2. Спешу сказать самые теплые слова в этом новом 2011 году!

Пусть ваша *жизнь будет красочной, дом — гостеприимным*, пусть будут вашими *верными спутниками — везение и любовь!*

3. Пусть *Новый год* *кота*
морщинок не прибавит,
А старые разгладит и сотрет,
Здоровье укрепит, от *неудач* *избавит*
И много радости и счастья принесет!

4. С Новым годом!
Желаю *оседлать* успех,
Поймать удачу ловко...
...быть круче и счастливей всех
И хвост держать морковкой!

Для русских поздравлений характерно использование таких общих фраз, как «здоровья, счастья, отличного настроения, исполнения всех желаний, много радости и счастья». Очень часто поздравления оформлены в стихотворения. Заимствование восточного гороскопа наложило отпечаток на русские новогодние поздравления: «пусть *Новый год* *кота* морщинок не прибавит». То есть поздравление в контексте года животного. Хотя Новый год по восточному календарю не совпадает с Новым годом по григорианскому, такого рода поздравления все же часто используются и постепенно входят в русскую культуру. Например, Новый год кролика (кота) по восточному календарю приходится на 3 февраля 2011 года, следующий Новый год дракона — 23 января 2012 года, а русский Новый год — постоянная дата, и начинается он всегда 1 января, начало нового календарного года. А такие выражения, как *оседлать успех, поймать удачу, хвост держать морковкой*, характерны для шуточных поздравлений, адресованных близким друзьям.

Структурно-семантический анализ в аспекте перевода позволяет выявить культурные особенности китайских поздравлений и наиболее корректно употреблять поздравления в китайском языке. Частое употребление глагола «祝» «желать,

поздравлять», «您» местоимения «Вы», «健康» «здоровье», «幸福» «счастье», «快乐» «веселье» указывают на схожесть с поздравлениями на русском языке, наличие лексики, обозначающей природные и погодные явления, животный мир, свидетельствует о специфике китайских поздравлений, поэтому для более адекватного перевода необходимо учитывать семантическую составляющую поздравительных текстов.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров (1952) // Эстетика словесного творчества. — М., 1979. — С. 237—281.
2. Кардаш К. А. Ситуация празднования в аспекте перевода (китайско-русские параллели) // Лингвистическое образование в контексте XXI века: VI межвузов. науч.-практ. конф. — Чита: ЧитГУ, 2011. — С. 87—90.
3. Кардаш К. А. Concepts «Праздник» and «节日»: Linguocultural and Pretranslational Aspects // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. «Гуманитарные науки». — Красноярск, 2011. — С. 1058—1069.
4. Солоян К. А. Культурная и структурно-семантическая специфика китайского поздравления // Вестн. Иркут. гос. лингвист. ун-та. № 4 (8). — Иркутск, 2009. — С. 105—112.
5. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. — С. 88 — 99.
6. Примеры новогодних поздравлений на русском языке. Режим доступа: http://otmetimka.ru/publ/pozdravlenija/novyj_god/pozdravlenija_s_novym_2011_godom/3-1-0-15
7. Примеры новогодних поздравлений на китайском языке. Режим доступа: <http://www.pbdigg.net/show.php?tid=16109>

Т. В. Кудрявцева (Москва, Россия)

ИЗ ОПЫТА ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ Н. РУБЦОВА НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

This is a report about a trial to translate some poems of Nikolai Rubtsov into German and to introduce him to German readers as one of the most popular lyricist in Russia of today. The most typical and the most famous poems were translated. The goal was to reflect the individual features of his poetic style so that the German reader could recognize its peculiarity and enjoy its expression in German. In the article are given some points showing the main difficulties due to the different systems of Russian and German versification.

Keywords: Russian poetry, reception, literary translation, German poetry, poetry.

До 2004 г. имя русского поэта Н. М. Рубцова в Германии было известно лишь узкому кругу славистов. Уже в 1980 г. известный славист В. Казак вводит Рубцова в контекст русской поэтической традиции как представителя «русофильского направления» [Kasack 1980: 49]. В энциклопедическом «Новом литературном словаре Киндлера» 1998 г. имеется статья Райнера Гольдта о Н. М. Рубцове, вводящая немецкоязычного читателя в жизнь и творчество русского поэта [Goldt 1998: 393]. Швейцарский славист Лоренцо Амберг опубликовал в том же году свой доклад о художественно-эстетических особенностях поэзии Рубцова «"Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто..." — отсылка к Н. М. Рубцову» [Amberg 1988: 7], прозвучавший на X Международном конгрессе славистов в Софии. В 1990 г. в Лейпциге была защищена кандидатская диссертация, посвященная поэтическому осмыслению русским поэтом Рубцовым истории [Waber 1990].

Многочисленные подстрочники цитат из стихотворений Рубцова содержатся в книге немецкого

русиста Иоганна Майхеля «В поисках альтернативы — современная советская поэзия в поле напряжения социально-экономических и культурно-политических тенденций» (1988) [Meichel 1988]. Несколько стихотворений Н. М. Рубцова в переводах известных поэтов Гюнтера Дайке и Юргена Реннерта были в 1970-е гг. опубликованы в журналах ГДР «Зинн унд форм» и «Советлитератур». В журнале «Советская литература» был опубликован сокращенный вариант статьи Е. Евтушенко из «Литературной газеты» от 18 августа 1976 г. в переводе на немецкий язык как «Хлеб сам себя несет» [«Das Brot trägt sich selbst...» 1977: 150].

В 2001 г. возникла идея создать первую книгу переводов стихотворений Н. М. Рубцова на немецкий язык. В качестве переводчиков выступили регенсбургский поэт и писатель, музыковед Раймонд Дитрих, писатель и поэт из Бибераха (земля Баден-Вюртемберг) Хартмут Лёффель и автор данной статьи. Примером того, как трудно публиковать поэзию, может служить реакция

50 издательств на предложение выпустить подготовленное в 2003 г. двуязычное собрание избранных стихотворений Рубцова [Rubcov 2004]. Признавая важность такого рода проекта, большинство издательств ответили отказом, мотивируя его тем, что велика степень финансового риска, поскольку поэзия не пользуется спросом на рынке, тем более, если речь идет об авторе, не известном читателю. Книга под названием «Komm, Erde» (начальные строки из перевода стихотворения Рубцова «Давай, земля, немножко отдохнем!», выполненного Г. Дайке) вышла тиражом в 300 экземпляров, была распродана (а большая часть подарена) лишь к 2011 г. На книгу опубликованы несколько положительных рецензий в средствах массовой информации [Lafleur 2005].

Исходя из расширительного толкования неотъемлемого атрибута современной западной культуры, известного понятия «modern» (словарь Дудена приводит следующие примеры употребления слова в значении «открытый для современности, вписывающийся в нынешнее время»: «современная = новая техника, пища, современные дома, современный человек, современный брак, современная жизнь, современный мир, современное искусство (музыка, литература)» [Der Duden 1963: 447], немецкие переводчики сочли возможным зачислить Рубцова в классики модерна. Именно с таких позиций Р. Диттрих в послесловии к книге [Dittrich 2004: 116] попытался вписать творчество русского поэта, «столь чуждого, по мнению другого переводчика, Х. Лёффеля, для современного культурного немецкого сознания» [Zepp 2004], в контекст современной западной литературы. Предстояло объяснить западному читателю, что стихи Рубцова — «это живые стихи, плод личных переживаний автора, и в то же время — выражение русской культуры: не авангардного, а славянского направления — ценности, к которой сегодня возвращаются в России. Это поистине народная лирика» [Князева 2005: 24].

Главной задачей издателей было донести до немецкого читателя своеобразие русской ментальности Рубцова и передать на чужом языке неповторимое звучание русской поэзии. А для этого, как отметил Лёффель в своем выступлении на презентации книги, состоявшейся 22 мая 2005 г. в Музее Н. М. Рубцова при библиотеке № 95 ЮЗАО в Москве, необходимо было в мыслях унести вместе с Николаем Рубцовым в те края, где он жил и творил и глазами Рубцова увидеть Россию.

Предстояло сделать первый шаг — выбрать из 400 стихотворений Рубцова малую толику, в которой, как в капле воды, отразился бы весь

многомерный мир его поэтического Слова. За основу было взято собрание стихотворений, подготовленное В. Д. Зинченко, «Николай Рубцов. Сочинения в трех томах» (М.: Терра, 2000). В итоге в корпус издания вошли сорок стихотворений, созданных в разные годы (от «Да, умру Я!» («Ja, ich sterbe!»), 1954, и «Первый снег» («Erster Schnee»), 1955, до «Дорожной элегии» («Landstraßenelegie»), 1971, и «Что вспомню я?» («Worab werde ich mich erinnern?»), 1971, расположенных в хронологическом порядке. При отборе стихотворений учитывалась степень их известности и популярности в самой России. Читатель найдет в книге и знаменитый, ставший шлягером «Букет» (Blumenstrauß), и «В горнице» («In der Stube»), и «Тихую мою родину» («Mein stilles Heimatland»), и «Видения на холме» («Visionen auf dem Hügel»).

Творчество Н. М. Рубцова, основанное на традициях русской классической поэзии, оказывается для современного немецкого читателя, выросшего на традициях модерна, с его приверженностью к свободной форме выражения, несколько старомодным. Не случайно в последние десятилетия стало модным переводить стихи русских поэтов верлибром. Сами немецкие поэты прибегают к рифме и метру достаточно редко, чаще всего в контексте постмодернистской игры с традицией. Один из переводчиков, Р. Диттрих, считает традиционное использование рифмы банальным украшательством, которое к тому же требует много сил. В этой связи его переводы стихотворений Н. Рубцова, выполненные для сборника «Зов земли», стали своего рода мерилем творческих потенций немецкого поэта. Точность в передаче мелодико-ритмического и вокально-гармонического рисунка поэтических произведений Рубцова была поставлена во главу угла при переводе оригинала на немецкий язык. В немалой степени это было обусловлено и тем, что все стихотворения Рубцова положены на музыку, а стало быть, их можно было бы исполнить и по-немецки.

При этом, стремясь донести до немецкого читателя природу русского текста, переводчики постоянно помнили о том, что отличная от немецкой поэтическая стихия русского поэта должна быть прочувствована немецким читателем с помощью средств родного языка. А он, в отличие от русского языка, уже давно обходится без сантиментов, например в виде использования лексем высокого стиля. «Златоглавый, величавый» и пр., уменьшительные ласкательные суффиксы — все это уже давно отработанный материал, пригодный лишь для пародии. Любопытно сравнить в этом

смысле перевод русского слова «матушка» в стихотворении В. Кирстена «Сентябрь у подножия Эттерсберга» (1991), которое начинается словами «Ах, Россия, матушка, нет тебе конца» (Russland, Mütterchen) [Kirsten 1995: 88], с переводом на немецкий язык строк Н. Рубцова «Матушка возьмет ведро» из стихотворения «В горнице» как «Mutter kommt noch leis herein» [Rubcov 2004: 33]. В первом случае мы имеем дело со стилистической адаптацией, намеренным использованием русизма, что подтверждает и наличие во второй строке уменьшительного существительного «тучка» (Wölkchen). Обе лексемы призваны по замыслу автора восприниматься в контексте стихотворения, имеющего политическую окраску (показ негативных сторон — в частности беспощадная расправа с дезертирами — в укладе ограниченного контингента советских войск, базировавшегося на территории ГДР), именно как чужеродные этнонимические вкрапления. Для немца, бывшего долгие годы отлученным от понятий «патриотизм», «любовь к родине» и т. п., было бы немисливо использовать в подобном контексте уменьшительный дериват слова «Mutter». В связи с этим не представлялось возможным передать тончайшие смысловые оттенки прямого, исторически укорененного в современных русских говорах слова «матушка». Отчасти отсутствие полноценной коннотативной нагрузки было восполнено за счет введения в текст слова «leise» (тихо), указывающего также и на особенности поведения женщины в тексте оригинала «молча».

Большую трудность для перевода представляли часто встречающиеся у Рубцова трехсложные размеры, когда в оригинале могут следовать друг за другом до трех и более безударных слогов. В этих случаях перевод ограничивался лишь сохранением количества слогов, само же чередование ударных и неударных слогов так или иначе нарушалось. Наиболее зримо эта сложность проявилась при переводе стихотворения «Январское» («Jahreswende»). В данном случае переводчик Х. Лёффель, почитатель Гейне и не менее виртуозного современного стихотворца Петера Рюмкорфа, пошел по пути вольного переложения оригинала на язык органично воспринимаемой немецким ухом отечественной традиции свободных (нерегулярных) ритмов. В результате получилось произведение сродни немецкой народной песне, но передающее дух, а не букву оригинала, как, если такое сравнение уместно, в случае с конгениальным переводом «Горные вершины»:

Im Lichte der Sterne streift der Frost
durch Wald und die weißen Wiesen,
indem er lustvoll den Schnee knirschen läßt
und tändelnd die Zweige liebkost.
Und schlendernd, daß er die Tannen bestrickt,
macht er den Schönen den Hof,
worauf er sie mit Atlasschnee schmückt
und prompt auf den Neujahrsweg schickt!
Dann wirft er sich selber in Schale,
wird plötzlich zum nächtlichen Fest —
wen käm da nicht Feierlust an?
Er läuft durch bedrohliche Wälder
mit seltenen Gaben bestückt
und flirtet erneut mit den Zweigen,
und zwinkert den Sternen zurück.
Und Eisstückchen antworten klirrend,
doch eilt er zum Volk hin — na klar:
mit Sekt, mit Musik und mit Prosit
fürs ruhig verflossene Jahr!
Dort ist er gut Freund und mit allen bekannt,
und das Leben beginnt in Wahrheit
voll Überschwang wie von neuer Hand —
mit frostiger Frische und Klarheit

Мороз под звездочками светлыми / По лугу
белому, по лесу ли / Идет, поигрывая ветками, /
Снежком поскрипывая весело. / И все под елками
похаживает, / И все за елками ухаживает, — /
Снежком атласным принаряживает! / И в новогодний
путь — проваживает! / А после сам принаряжается,
/ В мальчишку вдруг преобразается / И сам на праздник
отправляется: / — Кому невесело гуляется? — /
Лесами темными и грозными / Бежит вперед с дарами
редкими, / И все подмигивает звездами, / И все поигрывает
ветками, / И льдинки отвечают звонами, / А он спешит,
спешит к народу / С шампанским, с музыкой, с поклонами
/ Спокойно прожитому году; / Со всеми дружит он и знает-
ся, / И жизнь в короткой этой праздности / Как будто снова
начинается — / С морозной свежести и ясности! [Rubcov 2004: 101].

Наверное, не случайно это стихотворение было удостоено читателями почетного звания «стихотворение дня» в преддверии 2007 г. на известном Интернет-портале «Brigitte.de» наряду с произведениями таких известных поэтов, как Э. Ласкер-Шюлер, Й. Рингельнац и Р. М. Рильке [<http://bfriends.brigitte.de/foren/bri-com-stammtische/34974-gedicht-des-tages-15-a-88.html>].

Другая особенность поэтики Рубцова, затрудняющая передачу звуковой стороны его стихотворений на немецкий язык в силу особенностей фонетического строя последнего и поэтому

довольно непривычного для немецкоязычной традиции версификации, — скопление следующих друг за другом слов с ударными ассонасными окончаниями, как в стихотворении «Я люблю судьбу свою» («Ja, mein Schicksal liebe ich»). Р. Диттрих, отмечая эту особенность вокализма Рубцова [Dittrich 2004: 133], тем не менее достаточно удачно передает ее на немецком языке. В его переводе гласный «о» получает по-немецки звучание «и». Нарушена ли при этом смысловая заданность автора — решать специалистам-стиховодам:

Jeder stirbt.
Doch liegt ein Sinn darin,
daß du geboren bist als Dichter,
andere — als Feldbeschicker...
Ab tritt jeder.
So war's seit jeher...

Все умрем. / Но есть резон / В том, что ты рожден поэтом. / А другой — жнецом рожден... / Все уйдем. / Но суть не в этом... [Rubcov 2004: 83.]

В сборник, к сожалению, не вошло известное стихотворение Рубцова «Поэт». Причина кроется в его многослойной постмодернистской метафорике и многочисленных аллюзиях, не понятных немецкому читателю.

Особое место в творчестве Рубцова занимают стихи для детей. В книгу «Зов земли» были включены несколько подобных стихотворений. К сожалению, переводчики не ставили перед собой задачи вникнуть в детскую психологию. По этой причине, в частности, глубоко личностное стихотворение «Ласточка» было переведено скорее как произведение, адресованное взрослому читателю, для которого привычен внеличностный, очужденный характер поэзии модернистского плана:

Schrei einer Schwalbe im Fliegen! —
tief fiel ihr Junges vom Nest,
Kinder, die sahen's dort liegen
Leid, das sie hinlaufen läßt!

Einen Metallsplitter fand ich,
scharfte dem nestling ein Grab,
sie aber schwirrte in
Panik hoch und voll Hoffnung herab.

Lange noch rufend und klagend
strich sie ums nest unterm Dach,
wie nur und wohin dich wagend
sahst du nicht fürsorglich nach?

Стихотворение Рубцова, сопереживающего боли ближнего, напротив, близко в равной степени и взрослым, и детям:

Ласточка носится с криком.
Выпал птенец из гнезда.
Дети окрестные мигом
Все прибежали сюда.

Взял я осколок металла,
Вырыл могилку птенцу,
Ласточка рядом летала,
Словно не веря концу.

Долго носилась, рыдая,
Под мезонином своим...
Ласточка! Что ж ты, родная,
Плохо смотрела за ним?

[Rubcov 2004: 89]

Когда весной 2011 г. был задуман перевод детского цикла стихотворений Рубцова, переводчики, Стен Лафлер и автор данной работы, решили проверить, как воспринимает эти стихи пятилетний ребенок. Оказалось, непросто достичь адекватного перевода, доступного детской читательской аудитории, используя вокабуляр, известный взрослому носителю немецкого языка. Для того чтобы достичь желаемой реакции ребенка, узнаваемой прежде всего в его мимике, потребовалось немало усилий для поиска, с одной стороны, синонимов, известных детям этой возрастной группы, с другой — пришлось объяснять значение новых лексических единиц. Ребенок, выступивший в данном случае в качестве литературного критика, оказался лакмусовой бумажкой, позволившей судить о художественных достоинствах перевода стихотворения Рубцова «Коза»:

In Richtung Obstgarten lief die Ziege
Dort standen Leute am Lattenzaun
— Willst du etwa uns're Äpfel klau'n?
Nun sah man die Ziege zu Boden schau'n
Doch kaum machten die Leute die Biege
Lief sie wieder zum Garten hin, die Ziege

Список литературы

1. Amberg L. «Ja slyšu pečaľnye zvuki, kotorych ne slyšit nikto...» — ein Hinweis auf N. M. Rubcov // Schweizerische Beiträge zum X. Internationalen Slawistenkongress in Sofia, September 1988. Bern, 1988. S. 7—25.
2. «Das Brot trägt sich selbst...» (Gedanken zur Lyrik Nikolai Rubzows) // Sowjetliteratur. 29. 1977. H. 4. S.150—155.
3. Der Duden. In 10 Bdn. Wien; Zürich, 1963. Bd. 7. S. 447.
4. Dittrich R. Ein Leben in Gedichten. Zur Poesie Nikolaj Rubcovs (1936—1971) // Komm, Erde. S. 116—139.

5. Goldt R. Rubcov, Nikolaj Michajlovič // Kindlers Neues Literaturlexikon. Bd. 22 (Supplement L—Z. München, 1998. S. 393—395.

6. Kasack W. Die russische Literatur 1945—1976. Mit einem Verzeichnis der Übersetzungen ins Deutsche. 1945—1979. München. 1980.

7. Kirsten W. September am Ettersberg // Jahrhundertwende: deutschsprachige Lyrik der Gegenwart / A. Kutsch. Weilerswist, 1995. S. 88.

8. Lafleur S. Nicolaj Rubcov: Schweifen und begreifen // <http://www.booksports.de/Rubcov.html>

9. Meichel J. Auf der Suche nach einer Alternative — sowjetische Poesie der Gegenwart

im Spannungsfeld sozioökonomischer und kulturpolitischer Tendenzen. Mainz, 1988.

10. Rubcov N. Komm, Erde: ausgewählte Gedichte; Russisch und Deutsch / R. Dittrich, T. Kudrjavceva, H. Löffel. Schweinfurt: Wiesenburg, 2004. 160 S.

11. Waber S. Lyrisches Subjekt und poetisches Geschichtsbild im Werk des russischen sowjetischen Dichters Nikolaj Rubcov, Dissertatin A, Leipzig, 1990.

12. Zepp A. Nikolaj Rubcovs Gedichte sind gelebt. Interview mit Hartmut Löffel // Schwäbische Zeitung. (Regionale Kultur). 27.12.2004.

К. И. Леонтьева (Смоленск, Россия)

ЛИНГВО-КОГНИТИВНАЯ АСИММЕТРИЯ ОБРАЗНЫХ СИСТЕМ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ПОЭЗИИ И СПОСОБЫ ИХ ГАРМОНИЗАЦИИ

The author analyzes the problem of image component transfer and different metaphorical transformations which help to overcome linguo-cognitive asymmetry in poetry translation. To create a harmonious translation the translator should use strategy of functional analogy and take into account all structural, cultural and conceptual links of the source-language text elements. The essential requirement for a correct interpretation is a certain similarity of the author's and the translator's conceptual and poetical pictures of the world.

Keywords: poetic translation, poetic image, linguistic and cognitive asymmetry; metaphorical transformation, interpretation, harmony of translation.

Ведущим компонентом поэтического текста является художественный образ. Именно за счет концентрации образно-тропических средств реализуется то экспрессивно-эмоционально воздействие поэзии на читателя, которое составляет прагматическую сущность поэтической коммуникации. Следовательно, образная компонента оригинала составляет обязательное ядро инварианта перевода. Но в ходе каждой новой интерпретации некоторая модификация на уровне образности и определенная компрессия заключенной в образах эстетической и эмоциональной информации при переводе поэзии неизбежна. Причина заключается в том, что образ одновременно является элементом языковым и концептуальным, поэтому и факторы, предопределяющие стратегию перевода при переносе в текст образной компоненты, обусловлены одновременно объективной асимметрией двух языков и культур и субъективным когнитивно-эмотивным диссонансом между переводимым поэтом и переводчиком.

Первым фактором является «словесная форма существования образа» [Кизима 1981: 132]. В целом существуют две разновидности поэзии — автологический текст с употреблением слов в их прямом значении и металогический текст

с фигуральными оборотами, однако в чистом виде они не встречаются. Автология и металогия реализуются в комплексном «химическом соединении» [Гончаренко 1976: 81], и на стадии интерпретации необходимо дифференцировать художественно значимые элементы (в том числе и преднамеренно автологические) и так называемый «упаковочный материал», т. е. нейтральные элементы, не являющиеся в данном тексте «объектом особой авторской рефлексии» [Григорьев 1979: 133]. Автологические элементы обычно переносятся в новый текст при помощи лексического перевода, здесь значение генетически первично по отношению к производному от него окказиональному смыслу. Однако металогические образы такого перевода не допускают, так как поэтический образ — это в первую очередь образ концептуальный, а не языковой, а концепт как сущность образа не привязан к конкретному слову и значению и может быть выражен разными языковыми единицами, это некий глобальный смысл, ментальная единица.

Поэтому для верной интерпретации образа одного лексического значения слова недостаточно, оно не может стать инвариантом. Инвариантом здесь выступает «поэтический потенциал тропа»

[Гончаренко 1976: 82—83], который помимо определенной концептуальной сущности образа включает ещё две составляющих (в комплексе, а не по отдельности) — фактуальную достоверность (возможность тропа в реальности) и инновантность (неожиданность, свежесть тропа).

При этом свежесть тропа (это наиболее важная его характеристика) исторически изменчива, что выражается в «девальвации» тропа со временем, в стирании метафоричности, в его узуализации. При переводе подобных узуальных (языковых) образов¹ следует находить столь же традиционные и привычные образы в языке перевода, либо использовать замену лакунарного узуального образа оригинала таким же привычным для переводящей культуры образом: (1) *Earth, receive an honoured guest: / William Yeats is laid to rest*² → [7] → *Прими, Земля, достойно гостя, / Уильям Йейтс сложил здесь кости* [1]. В данном случае парадигма образа выглядит следующим образом: «*to dye* → *lay to rest*» и «*умереть* → *сложить кости*». Это трафаретные обороты, которые в обоих языках лишены индивидуальной эмоционально окраски, субъективной оценочности, поэтому эмоционально-экспрессивный потенциал тропа при переводе остается неизменным (см. [Гончаренко 1976; Григорьев 1979]).

При передаче окказиональных, авторских (творческих, уникальных) образов свобода переводческого выбора напротив падает до минимума. Часто подобные авторские образы переводятся дословно, возможно и логическое описание образа: (2) *But for him it was his last afternoon as himself* → *Но для него это был последний день, / когда он был в себе* [2]. Сравните с не совсем удачным дословным переводом: (3) *А для него был последний полдень самого себя* [3].

Но и незначительные модификации образа, к которым в ряде случаев приходится прибегать под давлением языковой нормы или поэтической формы — например, замена вида тропа или некоторая спецификация образа с помощью добавления, перераспределения или опущения слов или семных компонентов, — также не меняют его

сущностных характеристик и сохраняют его основную прагматическую направленность: (4) *Let this Irish vessel lie / Emptied of its poetry* → *Сей сосуд да ляжет в пух, / от ирландских песен сух* [2]; (5) *And the seas of pity lie / Locked and frozen in each eye* → *Реки жалости в слезах / Заморожены в глазах* [3]. Тем не менее, в некоторых случаях переводчик вынужден идти на существенную модификацию авторского образа, поиск его функционального аналога или даже на полное снятие образа — в первую очередь по причине конфликтующей языковой валентности слова в двух языках. Кроме того, у каждого слова есть свой образный потенциал, своя образная перспектива и ассоциативность³, которые в двух культурах и двух языках также могут не совпадать.

Подобная асимметрия связана в первую очередь с различиями в компоновке, дистрибуции сем внутри семантической структуры слова, даже при условии их внешней словарной эквивалентности, когда слова на первый взгляд в одинаковом объеме отражают конкретный денотат. Дело в том, что в поэзии язык является носителем *коннотативной* эстетической значимости, поэтому из синонимического ряда при текстуализации концептуального образа поэт выбирает именно то слово, в котором необходимый ему признак представлен максимально ярко (при параллельном «затухании», нивелировке всех прочих, иррелевантных для конкретного образа сем). А в языке перевода данная сема может занимать периферийное положение в семантической структуре слова или вообще отсутствовать (см. [Коралова 1981]).

Выдвижение некоторых сем в образной перспективе слова наблюдаются в следующем примере: (6) *The words of a dead man / Are modified in the guts of the living*. Слово «*guts*» — полисемант, и помимо основного значения «*кишки, внутренности*» в разговорной форме оно означает «*характер, сила воли*». Английского читателя это слово потенциально способно отсылать к многовековому спору материалистов и идеалистов: с одной стороны, поэзия поэта преобразуется в желудках живых поклонников поэта, а с другой стороны, она претерпевает изменения в их душах. Но в русском языке подобной полисемантической нет, и в большинстве переводов отражен только физиологический аспект: (7) *Слова покойника претерпевают ряд / метаморфоз среди желез живущих* [2]; (8) *Покойного слова / Преображаются*

¹ Узуальные образы — автоматизированные, конвенциональные, стертые языковые «штампы», принятые в культуре и обычно зафиксированные в словарях (в том числе в форме стилистических помет).

² Анализ трансформаций проводился на примере шести переводов [1—6] стихотворения У. Х. Одена «In Memory Of B. W. Yeats» [7: 88—90]. Стихотворение выбрано в качестве материала для анализа ввиду значительного текстуального объема и за счет богатой авторской метафоричности и аллюзивности.

³ «Образные ассоциации» слова (см. [Коралова 1981]) вызваны традиционным восприятием слова в социуме, его оценочной «аурой», давлением самого текста (текстуализация, контекстуализация).

в *кишечниках живущих* [5]. В целом русский образ в переводе получается очень странным и не совсем понятным.

Крайне неудачную замену образа мы находим и в другом переводе: (9) *Слова умершего / Живут иной жизнью в печенках у тех, кто жив* [4]. Во-первых, неясно, зачем переводчик заменил желудок на печенку, а во вторых есть устоявшийся разговорный русский оборот «*сидеть в печенках*», и при чтении такие ассоциации у русского читателя неизбежны. Оба значения слова сохранены только в одном переводе, хотя для этого пришлось расширить метрические рамки строки: (10) *Слова умершего, меняясь, станут частью / души живых, а также их желудков* [6].

Рассмотрим ещё один пример асимметрии образных перспектив слова в двух языках: (11) *In the prison of his days / Teach the free man how to praise*. Слово «*praise*» в совокупности с образом «*vineyard of the curse*» из предыдущей строфы стихотворения образуют библейскую аллюзию (Быт. 3:17, Быт. 9:20). В английском языке помимо простой похвалы и дифирамб этот глагол употребляется и в отношении восхваления, воспевания святых, но в русском эквиваленте «*хвалить*» подобная сема занимает периферийное положение (восхвалять, прославлять). И перевод «*славить, прославлять*» оттесняет этот элемент образа на периферию: (12) *Чтобы стал темницу дней / славить всяк живущий в ней* [2]. Сравните с другим переводом, в котором архаическая английская религиозная коннотация эксплицирована через более точную контекстуальную замену: (13) *В тюрьмах дней, и душ, и глаз / научи молиться нас* [6]. В одном из переводов утраченная сема компенсирована в пределах строфы: (14) *Пусть иссохшие сердца / Напоит родник творца, / Ты в темнице их же дней / Обучай хвале людей* [3]. Предельно эта библейская аллюзия вскрыта в следующем переводе: (15) *Из пустыни поведи / К светлым водам впереди / И в темнице наших дней / Покажи пролом в стене* [4]. Это прямая отсылка к странствиям Моисея с еврейским народом по пустыне, когда по повелению Божию он добыл воду из скалы горы Хорива, ударив в нее жезлом (Исх. XVII, 11, 12). Подобная расширенная аллюзивность, созданная за счет совокупности переосмысленных образов, избыточна по отношению к оригиналу. И здесь мы подошли ко второму предопределяющему перевод образов фактору.

Этот фактор проявляется в том, что каждый образ функционирует в рамках сжатого пространства поэтического текста как целого. Как отмечает В. Ганиев, переводчик может трансформировать,

т. е. видоизменять тот или иной образ, но не пренебрегать им, даже когда образная система оригинала не поддается прямому воспроизведению: «Правильное решение переводчик примет лишь тогда, когда сумеет разобраться в образной системе и понять особенности поэтики оригинала» [Ганиев 1964: 89]. Следовательно, наиболее значима при переводе именно *система* отношений, которую поэт устанавливает между акцентными образами-символами в образно-концептуальной *структуре* текста. И при переводе необходимо вскрыть именно структуру, а не передавать разрозненные «клочковатые» образы, «культяпки», как называл их К. И. Чуковский [Чуковский 2008].

Таким образом, объектом анализа при переводе поэзии становится не единичный образ, а некоторая их совокупность, основанная на художественно-логических связях образов в художественной системе подлинника. Поэтому критерием концептуальной и эстетической гармонии будет выступать не равенство потенциалов одного тропа в двух текстах, а равный потенциал *группы* взаимосвязанных тропов.

Так, Е. В. Скугаревская [Скугаревская 2000: 187—190] предлагает расщеплять макрообраз на микрообразы, суммарный потенциал которых в двух текстах должен примерно совпадать. Однако выделение каждой микроединицы субъективно и зависит от «произволения переводчика» [Гончаренко 1976: 86] в ходе интерпретации, поэтому перспектива возможных переводческих решений становится бесконечной и постоянного фиксированного количества компонентов-микроединиц образа не существует. Вместе с тем, транспонирование в образную систему перевода (и образную среду языка перевода в целом) компонентных микрообразов расщепленного макрообраза должно происходить без существенного изменения экспрессивно-семантического потенциала оригинального макрообраза. А возможно это в первую очередь благодаря введению в текст перевода в качестве компенсации новых образов, которых нет в оригинале, но которые функционально эквивалентны утраченным исходным микрообразам: (16) *Earth, receive an honoured guest: / William Yeats is laid to rest. / Let this Irish vessel lie / Emptied of its poetry.* → *Расступись, земля, скорбя: / сходит Вильям Йейтс в тебя. / Сей сосуд да ляжет в пух, / от ирландских песен сух* [2].

В целом содержание художественного образа неисчерпаемо. И хотя в своё время С. Флорин подчеркивал значимость главной переводческой заповеди: «Не прибавляй. Не убавляй. Не изменяй. Не украшай» [Флорин 1983: 169], все же

переводчик может в рамках определенного значения дать своё, индивидуальное толкование конкретного образа. Однако подобное «толковательное» воспроизведение не значит «переосмысление». Например, в переводе следующей строфы наблюдаются чрезмерная гиперболизация и привнесение чуждых оригиналу и прагматически избыточных эпитетов, разрушающих концепцию строфы за счет аллюзии на Древний Рим: (17) *The provinces of his body revolted, / The squares of his mind were empty / Silence invaded the suburbs* → *Окраины тела имперского взбунтовались, / Сенатская площадь разума опустела, / Молчанье вошло в предместья* [4].

Наиболее точно степень «переосмысления» образа выявляется при сопоставлении нескольких переводов одного текста с самим оригиналом, а также друг с другом. На основе подобного сопоставления можно установить примерную трансформационную динамику и реконструировать приблизительный инвариантный концептуальный макрообраз оригинала.

Третий детерминирующий перевод фактор проявляется в том, что в поэзии образ всегда выражает авторское осмысление сущности предметов и явлений, пропущенных сквозь призму его индивидуально-авторской модели символизации. Поэтому для воссоздания адекватной, гармоничной оригиналу образной структуры в переводе, необходима близость поэтических картин мира автора и переводчика. Особую роль играют и «вечные образы», обычно выполняющие функцию ключевых элементов концептосферы переводимого автора, для которых характерна некая внутренняя соотнесенность, переключка (см. [Матвеева 2009: 168]). Следовательно, при интерпретации и передаче образа в переводе необходимо опираться на весь контекст творчества переводимого поэта, а не только на один переводимый текст. Кроме того, необходимо учитывать и особенности этнокультурной символизации, так как поэтический образ потенциально способен перерасти в символ, который всегда осложнен некоторым протитипическим употреблением, определенной степенью конвенциональности, неким культурным ассоциативным потенциалом. А в разных языках символы зачастую получают совершенно различное содержательное наполнение.

Проведенный нами анализ переводов стихотворения У. Х. Одена «*In Memory Of W. B. Yeats*» показал, что в перевод переносится обычно не более половины авторских образов, а остальные передаются либо нейтральными лексическими средствами, либо языковыми штампами, либо образами,

чуждыми образной структуре оригинала и авторскому идиостилю в целом. При этом многие образы переводчик модифицирует не столько по объективным причинам, например, из-за наличия лингвокультурных лакун, языковой асимметрии или доминирования формальных структур над образными, но в первую очередь из-за субъективного переосмысления (осознанного или неосознанного), неверного или полного непонимания этих образов.

Введение обширного количества новых образов в перевод за счет реметафоризации, расщепления или сцепления образов, как правило, приводит к общеэстетической нормализации (выравниванию) образного потенциала (внутренней формы) оригинала параллельно с нейтрализацией в тексте перевода внешних формальных особенностей. Нормализация не сводима к какой-либо конкретной трансформации и как комплексное явление протекает в пределах целостного пространства текста, распространяется на различные взаимосвязанные ярусы поэтической структуры и тесно связана с семантическими процессами и процессами языковой концептуализации. В целом выравнивание является результатом воздействия на процесс перевода двух внешних факторов — субъективного эмотивно-когнитивного диссонанса между переводчиком и переводимым автором и объективной асимметрии двух языков, двух поэтических традиций и двух культур.

Чтобы избежать общеэстетического выравнивания и достичь гармонии перевода, при передаче образной компоненты оригинала следует исходить из стратегии функциональной аналогии, а не переосмысления образов, учитывать внутритекстовые структурные и внетекстовые культурно-концептуальные связи (потенциальная коннотативность, сверхзначимость и ассоциативность) всех элементов оригинала, которыми он «пропитан» и которые в совокупности составляет его общий образный потенциал. Однако в первую очередь для верной интерпретации необходима определенная степень лингво-когнитивной близости концептуальных и поэтических картин мира автора и переводчика, без которой гармонизация образных систем оригинала и перевода невозможна.

Список литературы

1. Ганиев В. Образность как элемент точности // Мастерство перевода: сборник 3. — М.: Совет. писатель, 1964. — С. 63—89.
2. Гончаренко С. Ф. К вопросу о поэтическом переводе // Тетради переводчика. — М., 1976. — Вып. 9. — С. 81—91.

3. Григорьев В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии — М.: Наука, 1979. — 344 с.
4. Кизима М. П. Художественный образ и поэтический смысл // Тетради переводчика. — М., 1981. — Вып. 23. — С. 131—139.
5. Коралова А. Л. Прагматические аспекты передачи образности в тексте перевода // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. Мориса Тореза. — Вып. 178. — М., 1981. — С. 94—105.
6. Матвеева Н. А. Реализация концептуальной образности в рамках силлабо-тонического стихосложения // Вест. МГОУ. Сер. «Лингвистика». — № 1. — 2009. — М.: Изд-во МГОУ. — С. 167—171.
7. Скугаревская Е. В. К вопросу о трансформации образа в поэтическом переводе // Университетское переводоведение. Вып. 1. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2000. — С. 187—191.
8. Флорин С. Муки переводческие: Практика перевода. — М.: Высш. шк., 1983. — 184 с.
9. Чуковский К. И. Высокое искусство — М.: Азбука-классика: Авалонъ, 2008. — 448 с.

Список источников

1. Оден У. Х. Памяти У. Б. Йетса. Режим доступа: <http://spintongues.msk.ru/auden5.html>
2. Оден У. Х. Памяти В. Б. Йейтса // Бродский И. Изгнание из рая: Избранные переводы. — СПб.: Азбука, 2010. — С. 42—45.
3. Оден У. Х. Памяти Йейтса // Американская поэзия в русских переводах (XIX—XX века) / сост. С. Б. Джимбинов. — М.: Радуга, 1983. — С. 385—389.
4. Оден У. Х. Памяти У. Б. Йейтса // Оден У. Х. Собрание стихотворений. — СПб.: Евразия, 1997. — С. 185—191.
5. Оден У. Х. Памяти У. Б. Йетса. Режим доступа: <http://kotlet.net/article.php?story=20050325082217242>
6. Оден У. Х. Памяти Уильяма Батлера Йейтса // Олеар А. М. Оконный блюз. — Томск: ТомГУ, 2007. — С. 103—105.
7. Auden W. H. Selected Poems — New York: Vintage Books, 2007. — P. 88—90.

Э. М. Ляпкина, Е. И. Алферова (Челябинск, Россия)

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НАЗВАНИЙ ФИЛЬМОВ

The main objective of the study is to determine the linguistic nature of movie titles and to establish the strategies of their translation in Russia and in France. It's revealed that movie titles («filmonyms») are the proper names and are studied by onomastics. Moreover, the research contains the results of an in-depth study and comparison of translation strategies concerning that a very specific kind of proper names — movie titles.

Keywords: movie title translation, movie title, translation strategies.

Первое, на что обращает внимание потенциальный зритель при выборе фильма, — его название. Исходя из этого, можно сделать вывод, что написать, придумать яркий и правильный заголовков — определенное искусство. Но не меньшее искусство — правильно его перевести.

Перевод названий фильмов скрывает за собой огромное количество проблем. Производство кинолент на западе поставлено на поток, новые фильмы появляются очень быстро, вследствие чего переводчики не всегда уделяют достаточно внимания и сил тому, чтобы их перевод был качественным. Эта проблема особенно характерна для перевода названий фильмов, зачастую они искажаются кинопрокатчиками при переводе. Вместе с тем, комплексный анализ переводов кинозаголовков показывает, что во многих случаях изменения обусловлены влиянием культурно-языковой специфики страны, где выходит в прокат иностранный фильм.

Для обозначения названий фильмов применимо понятие «фильмоним» [Милевич 2007], т. к. названия фильмов являются разновидностью имен собственных и входят в область изучения ономастики. В большинстве случаев при переводе имена собственные транскрибируются или транслитерируются [Ермолович 1981]. Однако фильмонимы помимо выполнения номинативной функции должны привлекать внимание зрителей и частично раскрывать содержание фильма, указывая на его жанр или сюжет. Исходя из этого, транслитерация и транскрипция применимы при переводе фильмонимов лишь в тех случаях, когда они состоят из личных имен (*Léon*). В остальных случаях используются следующие способы перевода:

1. Смысловой перевод.

Этот вид перевода не требует особого пояснения, так как заключается в точной передаче

названия-оригинала средствами другого языка. В основном такой стратегии подвергаются названия фильмов, где отсутствуют неперебиваемые культурно-специфические компоненты (экзотизмы, реалии-меры и т. п.) и нет конфликта формы и содержания: *Европут* — *Eurotrip*, *Операция «тушенка»* — *L'opération corned-beef*, *The Aviator* — *Авиатор*, *Address unknown* — *Адрес неизвестен*, *Coast Guard* — *Береговая охрана*, *A Better Way To Die* — *Лучший способ умереть*, *Chicken Run* — *Poulets en fuite*, *Seven* — *Sept*.

2. Перевод с примечанием переводчика.

Часто переводчики включают в название краткое изложение фильма, которое отсутствует в оригинале. Это может быть вызвано желанием заинтересовать зрителей, побудить их к просмотру фильма. Например, название *Правила съема: метод «Хитча»*, должно привлечь больше внимания, чем смысловой перевод *Хитч* (*Hitch*). Во французском варианте перевода тоже присутствует примечание переводчика — *Hitch — Expert en séduction*.

Примечание также может пояснять неизвестные местной аудитории реалии. Так, переводчики перевели название *The assassination of Richard Nixon* как *Убить президента: покушение на Ричарда Никсона*, полагая, что российский зритель может не знать, кто такой Ричард Никсон.

3. Вынужденное изменение оригинального названия.

В некоторых случаях оригинальное название невозможно передать средствами другого языка. Например, когда в названии встречаются фразеологизмы, каламбуры или диалектная лексика. Иногда перевод осуществляется при помощи эквивалентного выражения: *Крепкий орешек* (*Die Hard*), либо переводчик дает свое название фильму, исходя из сюжета: *48 h pour vivre* (*Die Hard 2*).

Наиболее трудный для перевода тип номинаций — названия, содержащие игру слов или диалектизмы, когда потери при переводе практически неизбежны. Например, оригинальное название фильма *Bienvenue chez les Ch'tis* означает *Добро пожаловать в Шти*. Шти — северный регион Франции со своеобразным диалектом и не самым благоприятным климатом. Перевести это название крайне трудно, так как в России диалектов нет, только говоры. В итоге фильм получил русское название *Бобро пожаловать* и переводчикам пришлось изобретать целый «язык» для перевода диалектов в самом фильме.

4. Индивидуальное творчество переводчика.

Очень часто переводчики переименовывают фильм без видимых на то причин. Так, название

фильма *Breakfast at Tiffany's* во французском варианте звучит как *Diamants sur canapé*. Известный американский анимационный фильм *Shark tale* в России вышел под названием *Подводная братва*, а во Франции *Gang de requins*.

Оригинальное название фильма *No Strings Attached* является выражением, часто используемым в английском языке при составлении договоров, и обозначает юридический термин «без условий», «условия не подразумеваются». По нашему мнению, такие переводы названия фильма как: *Без стрингов* и *Больше, чем секс* не совсем корректны.

Среди недавно вышедших фильмов можно отметить следующие не очень удачные переводы: *Так себе каникулы* (*Old dogs* — «старые псы»), *Области тьмы* (*Limitless* — «без границ»), *Джонни Ду* (*Public Enemies* — «враги народа»), *Простые сложности* (*It's complicated* — «это сложно»).

Иногда название меняется с конкретными целями. Известный во всем мире сериал *Lost* в России известен как *Остаться в живых* и был так назван по аналогии с реалити-шоу *Последний герой*, которое незадолго до премьеры сериала транслировалось на отечественном ТВ.

Такие переводы фильмонимов преобладают в России.

5. Ошибки переводчика.

Переводчик выбирает одно из существующих значений переводимого названия, и оно оказывается неверным. Так, американское название *Firewall* было переведено на русский язык как *Огненная стена*, хотя «файрвол» — это система компьютерной защиты.

Еще один пример — перевод названия фильма *The Faculty* (*Факультет*). Герои фильма учатся в школе и не имеют никакого отношения к факультету. Более того, слово «faculty» может обозначать еще и преподавательский состав учебного заведения (по сценарию в учителей вселяются пришельцы). Французское название *Les enseignants* намного лучше передает исходный смысл. Однако такие ошибочные переводы встречаются крайне редко.

Особая тенденция перевода американских фильмонимов наблюдается в последние годы во Франции — перевод с английского на английский. Такие переводы невозможно отнести к рассмотренным выше способам, и их следует рассмотреть отдельно. Можно выделить три основных вида «англо-английского» перевода фильмонимов, к которым прибегают французские переводчики:

1) *сокращение оригинального названия* — слова, не знакомые большинству французов,

выпускаются: *Basic instinct 2 (Basic Instinct 2: Risk Addiction)*; *Love Song (A love song for Bobby Long)*;

2) *расширение когнитивной информации* — оригинальное название может дополняться переводом (*Inside man — L'homme de l'intérieur (Inside Man)*) или комментарием на французском языке (*Le Secret de Brokeback Mountain (Brokeback Mountain)*);

3) *новое английское название* — самый странный вид перевода, при котором фильм получает совершенно новое название. Объясняется это либо стремлением упростить оригинальный кинозаголовок, чтобы оно стало понятным большинству французов: *Lucky girl (Just My Luck)*, либо не объясняется ничем, и выбор нового названия не понятен даже самим французам: *Twilight: Tentation (Twilight: New Moon)*; *Good Morning England (The boat that Rocked)*.

Анализ более 500 примеров американских, французских и российских фильмонимов показал, что существуют как общие стратегии перевода (смысловой перевод, вынужденное изменение названия и индивидуальное творчество переводчика), так и специфические, характерные лишь для одной страны. Так, при переводе на русский язык часто наблюдалась стратегия «перевод с комментарием переводчика» (32%), а при переводе на французский преобладал англо-английский перевод (44%).

Мы также установили, что основные трудности при переводе названий фильмов связаны с преобладающей в них рекламной функцией. Переводчики должны не только передать заложенный в оригинальном названии смысл, но и заинтересовать потенциальных зрителей, в связи с чем исходное содержание названия нередко отходит на второй план. Исходя из этого, транслитерация и транскрипция применимы при переводе фильмонимов лишь в редких случаях.

Следовательно, можно сделать вывод, что в первую очередь переводчики стараются адаптировать оригинальное название под отечественную реальность, а сохранение оригинального смысла отходит на второй план, что не всегда оправдано и может мешать восприятию фильма.

Список литературы

1. Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. — М.: Р. Валент, 1981. — 100 с.
2. Милевич И. Г. О понятии фильмонима // Русский язык за рубежом. — 2007. — № 5. — С. 65—71.
3. Англоязычная интернет-база фильмов. Режим доступа: <http://www.imdb.com>
4. Русскоязычная интернет-база фильмов. Режим доступа: <http://www.kinopoisk.ru>
5. Франкоязычная интернет-база фильмов. Режим доступа: <http://www.allocine.fr>

А. В. Матвеева (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИМЕН СОБСТВЕННЫХ на примере серии произведений Дж. Роулинг «Гарри Поттер»

The article touches the questions of translation of proper nouns, especially names of people, places and institutions. The author concentrates on the importance of their meaning and the importance of semiotics of sound combinations.

Keywords: *the proper noun, translation, transcription, transliteration, alliteration.*

Значение имен собственных (имен людей, фамилий, названий) играют немаловажную роль не только в теоретическом плане, но и при коммуникации, как межкультурной, так и межъязыковой. Как известно, любое знакомство начинается с названия или имени, и это имя несет в себе определенное значение, которое является первым впечатлением о человеке, несущим определенные эмоции и ассоциации, причем эти впечатления могут быть вызваны не только значением имени, но и его звучанием.

Особую роль имена собственные играют в художественной литературе, так как автор нередко

использует то или иное имя с определенной целью — характеристикой персонажа или места. Особенно ярко это проявляется в именах вымышленных.

Как правило, имена собственные не переводятся, а транслитерируются, то есть записываются побуквенно с учетом соответствия знаков алфавитов. В качестве примера мы можем взять такие имена, как Harry, Hermione, Ron [Rowling 1998: 100] — имена главных героев саги Дж. Роулинг. Так, в русском переводе эти имена звучат как Гарри, Гермиона и Рон [Роулинг 1998: 95]. Здесь

особое внимание стоит обратить на соответствия знаков h и g. Многие лингвисты и фонетисты до сих пор спорят о том, в чем причина выбора буквы, соответствующей букве h. В английском языке звук, соответствующий этой букве, произносится с придыханием и, строго говоря, почти неслышен. В русском языке данной букве может соответствовать звук [x], однако произносится он жестче, является заднеязычным. Но звук [г] также не является эквивалентом звука [h], хотя бы потому, что он звонкий. В русском языке предпочтение чаще всего отдается звуку [г], как в нашем примере, Harry — Гарри, Hermione — Гермиона, однако иногда все же происходит замена на [x], примером такого соответствия является имя лесничего Хагрида [4], в оригинальном варианте записывающееся как Hagrid [Роулинг 1998: 36].

Некоторые имена собственные записываются с учетом их произношения в языке-оригинале. Например, Lovegood [Rowling 2005: 45], Dumbledore [Rowling 1998: 13], Dudley [Rowling 1997: 16], Granger [Rowling 1997: 46], Wisley [Rowling 1997: 40], Ginny [Rowling 1997: 39], Goyle [Rowling 1997: 102] в русском переводе звучат как Лавгуд [Роулинг 2005: 46], Дамблдор [Роулинг 1997: 10], Дадли [Роулинг 1997: 14], Грейнджер [Роулинг 1997: 55], Уизли [Роулинг 1997: 40], Джинни [Роулинг 1997: 42] и Гойл [Роулинг 1997: 103]. Совершенно очевидно, что в данном случае имена записывались с учетом их звучания, например: ['lʌvgʊd], ['dʌmbldɔː], ['dʌdli], ['greɪndʒə], ['wɪzli], ['dʒɪni], [goɪl].

Но все же некоторые собственные имена выглядят и звучат отлично от оригинала. Эти имена переводились с учетом семиотики частей или характеристики героя, носящего это имя. Рассмотрим некоторые имена из романов о Гарри Поттере в официальном переводе издательства «РОСМЭН».

Longbottom [Rowling 1997: 56] в русском переводе становится Долгопупсом [Роулинг 1997: 55], от long — длинный и bottom — дно, нижняя часть тела. Вполне понятно, что данное имя дано герою не случайно и является определенной характеристикой или говорящим именем. Если вспомнить содержание книги, то Невилл Долгопупс — это нерешительный, медлительный мальчик с плохой памятью, на первый взгляд, трусоватый и наивный. Эти качества, на наш взгляд, вполне отражены в русском эквиваленте «Долгопупс»: нерешительность и медлительность — в первой части слова «долго», а наивность и инфантильность — в части «пупс». Если вспомнить описание этого героя (невысокий, пухлый мальчик), то

выбор слова «пупс» в качестве второй части становится вполне понятным: в русском языке слово «пупс» является разговорным вариантом слов «малыш» и «ребенок». Слово «пупс» также созвучно со словом «пуп», близким по значению со словом «bottom».

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают имена профессоров Хогвартса. Рассмотрим некоторые: Professor Hooch [Rowling 1997: 105], Professor Sprout [Rowling 1997: 67] и Professor Slughorn [Rowling 2005: 35]. В русской версии мы видим: профессор Трюк, профессор Стебель [Роулинг 1997: 60—110] и профессор Слизнорт [Роулинг 2005: 37]. Сначала обратим внимание на фамилии Трюк и Стебель. Если обратиться к содержанию книг, то следует вспомнить тот факт, что профессор Трюк обучает полету на метле, а профессор Стебель — преподаватель травологии, науки о магических растениях. «Hooch» в переводе с английского означает «выпивка», «лачуга», что совершенно не связано с деятельностью профессора школы чародейства и волшебства. Возможно, сочетание «ch» произносится как [k], тогда слово «hooch» созвучно слову «hook» — «крюк», что, скорее всего, ассоциируется с траекторией полета на метле. Полеты, в свою очередь, нередко ассоциируются с трюками, отсюда и необычная фамилия мадам Трюк. «Sprout» в переводе с английского означает «росток», «корешок», «черенок», что, очевидно, связано растениями, однако, буквальный перевод недопустим, так как фамилия «Росток» или «Черенок» не является серьезной для профессора или преподавателя, тогда как «Стебель» для русского человека звучит достаточно чинно. Перейдем к фамилии профессора зельеварения — «Slughorn». «Slug» в одном из значений этого слова — «слизень», что оправдывает такой перевод, как «Слизнорт», созвучный слову «слизняк». Нетрудно определить, что данная фамилия является говорящей, так как характеризует персонажа как человека не очень приятного (несомненно, это вызвано ассоциацией со словом «слизняк») и медлительного, что опять же связано с тем, что слизняк — это улитка, медленное животное.

Обратимся теперь к названиям факультетов: Gryffindor, Slytherin, Hufflepuff и Ravenclaw [Rowling 1997: 75—80] — факультеты, названные в честь их основателей. Названия первых двух факультетов в переводе издательства «РОСМЭН» транслитерируются, то есть русские читатели увидят факультеты Гриффиндор и Слизерин [Роулинг 1997: 76—82]. Однако с названиями двух других факультетов дело обстоит

иначе. Начнем с факультета под названием «Когтевран». Очевидно, что название калькировано с оригинального варианта, но переводчики посчитали целесообразным поменять местами части слова из соображений благозвучия: «raven» с английского — «ворон», «claw» — «коготь». Ознакомившись с содержанием, нам становится понятно, что название выбрано автором не случайно, так как на этот факультет набирают самых талантливых и умных учеников, что объясняет наличие слова «ворон». Во многих языках мира ворон символизирует мудрость и ум. Коготь в данном случае является символом остроты ума. «Пуффендуй» не является словом, обозначающим какое-либо реальное явление, скорее всего, оно обязано своим появлением похожему сочетанию звуков.

На наш взгляд, особое внимание нужно обратить на семиотику некоторых звуковых сочетаний, присутствующих в именах героев саги о Гарри Поттере. Так, например, Longbottom и Долгопупс несомненно несут информацию в сочетании звуков. Аллитерация звонких согласных звуков [l], [n], [g], [b] и [m], на наш взгляд, несомненно, является средством художественной изобразительности и в данном случае указывает на храбрость, присущую герою с этим именем. Такое же языковое средство используется автором в названии факультета Gryffindor, отличающегося храбрецами. Достаточно вспомнить имена самых известных его выпускников: Harry, Hermione, Ronald Wisley, Albus Dumbledore и др., — нетрудно заметить, что во все этих именах преобладают звонкие согласные. Если обратиться к названиям двух других факультетов школы Хогвартс — Hufflepuff и Slytherin — становится очевидным, что звуковые сочетания в этих именах имеют определенное значение. Так, например, факультет Hufflepuff (Пуффендуй в переводе «РОСМЭН») принимал не самых талантливых волшебников, как правило, простых, добрых и радушных.

Аллитерация глухих согласных [h], [f], [p] придает этому слову характер непримечательности, «неброскости», но при этом слово звучит мягко и не отталкивающе. Факультет Slytherin — полная противоположность. Обращаясь к содержанию саги, выясняем, что факультет и его основатель, Салазар Слизерин (Salazar Slytherin), отличались избирательностью при приеме учеников: лишь чистокровные волшебники могли обучаться здесь. Примечателен и другой факт: Салазар Слизерин был змееустом, то есть обладал способностью говорить со змеями. Проведя анализ содержания, обратимся к сочетанию согласных звуков в названии факультета Slytherin: [s] и [ð]. Нетрудно заметить, что эти два звука ассоциируются в нашем сознании с шипением змей, и само слово, таким образом, становится похожим на змею, что, несомненно, является яркой языковой характеристикой.

Проанализировав содержание серии романов Дж. Роулинг «Гарри Поттер» и обратив особое внимание на перевод собственных имен существительных, а также на семиотику звуковых сочетаний, мы пришли к выводу, что перевод имен и названий подчас играет особую роль, а аллитерация определенных согласных звуков является одним из важных средств художественной изобразительности.

Список литературы

1. Rowling J. K. Harry Potter and the Half-Blood Prince. — Scholastic Inc., Scholastic Press, 2005. — 671 p.
2. Rowling J. K. Harry Potter and the Sorcerer's Stone. — Scholastic Inc., Scholastic Press, 1997. — 327 p.
3. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Принц-Полукровка. — М.: РОСМЭН-Пресс, 2005. — 685 с.
4. Роулинг Дж. К. Гарри Поттер и Философский Камень. — М.: РОСМЭН, РОСМЭН-Пресс, 1997. — 399 с.

Г. Г. Москальчук (Оренбург, Россия)

**ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ НА УРОВНЕ ТЕКСТА:
СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Translation equivalence on the text level is not fully studied. Theorists of translation often confine themselves to general observations which appeal to intuition. We discuss the urgency of post-translation analyses of relations «text↔text» and the text form-building categories. Procedures of comparison of texts on the basis of their form are necessary and correction of the translation according to the attractor is supplied. Comparison of different variants of translation of one and the same text allows to determine the degree of approximation to the origin, to work out ways of approximation, to choose the best ways of correction of the translation on the basis of analyses of losses and/or achievements of different translators.

Keywords: *form of the text, metro-rhythmic matrix, creative attractor, related texts family, translation, integral ratings of the quality of translation.*

Вопрос о переводческой эквивалентности на уровне текста редко обсуждается. Чаще теории перевода ограничиваются в этом вопросе самыми общими замечаниями, апеллирующими к интуиции. Критики же переводов дают довольно обобщенные интегральные оценки целостных качеств перевода (адекватно / не адекватно, хорошо / плохо, точно / вольно и т. д.). Полагаем, что анализ самих оценок может дать набор принципов оценивания качеств перевода, поэтому нужно систематизировать эти оценки и их деятельностное наполнение.

Наиболее распространены оценки отдельных компонентов перевода (соответствие стилю автора, эпохи; точность передачи на другом языке стиховых параметров, рифм, размера...). Весьма популярны также оценки, касающиеся лексико-семантической ткани текста (точность / вольность выбора значения в многозначном слове, синонимия, фразеология). Редко отдельные грамматические формы являются предметом обсуждения. Синтаксические же параметры текста еще менее попадают в круг обсуждения, а здесь важное значение для судеб формы текста имеют форматы и пропорциональные соотношения размеров текста, предложения, отдельных композиционных частей и т. п. Популярно обсуждение стилистико-эстетических качеств текста и его фрагментов (языковая игра, ирония, аллюзии, пародирование...). Иными словами, практически и теоретически интересны интегральные оценки качеств перевода, поэтому актуальна разработка способов оценивания качеств перевода, базирующихся на операциональных и целостных качествах текста.

Методика интегральных оценок может опираться на ряд моделей: «идеальный», «неудачный» перевод, оригинал, подстрочник. Их пересечение позволит обрести модель перевода, являющегося оптимальным для данного времени и данного состояния языка и культуры.

Предполагаемые параметры необходимо «вычитывать» из некоторого массива переводной продукции. Для успешной оптимизации постпереводного оценивания качеств перевода необходимо систематизировать и обобщить в виде операциональных моделей: 1) качества самих текстов (оригинал, переводы); 2) качественные и количественные критерии, предъявляемые переводчиками к переводам, то есть суждения самих переводчиков как экспертов в данном вопросе о том, каков идеальный / плохой перевод; 3) характер типичных недочетов и ошибок переводчиков данного типа текстов. Указанные выше модели и критерии их построения позволят очертить деятельностное пространство оценивания вторичных текстов.

Интересным для подобных целей корпусом текстов представляются сонеты У. Шекспира, имеющие на русской почве около трех тысяч различных переводов, представляющих собой гнездо родственных текстов. При этом можно рассмотреть как переводы всего цикла, так и отдельные переводы сонетов разными поэтами. Кроме того, данный корпус текстов обладает богатым собранием текстов с рефлексиями по поводу переводческой деятельности (как литературоведов, так и самих переводчиков). Иными словами, перед нами практически естественный эксперимент, нуждающийся в психолингвистическом осмыслении.

Поскольку дискурсивное бытие текста порождает комплекс вопросов, связанных со средами, в которых функционирует текст, то текст на данном этапе рассматривается недискурсивно, то есть самозамкнутая на самое себя автономная структура, как самозамкнутый циклически-периодический процесс формообразования, вписанный в некое конечное пространство-время. Время отражает последовательное сосуществование языко-речевой материи в некотором пространственном континууме, создаваемом вертикальными его измерениями с градацией,

интенсивностью, ритмами протекающих в нем процессов, с вероятностными характеристиками единиц и единств, вовлеченных в создающееся внутритекстовое объемное, но длящееся пространство.

Результатом спонтанного процесса текстообразования является форма текста как конструкт высшего лингвистического порядка. Форма текста базируется на метроритмической матрице как серии вписанных во внутритекстовое пространство-время серий пропорций золотого сечения, обнаруженных в результате анализа значительного корпуса устных и письменных текстов. Матрица отражает оптимальность структурирования внутритекстовой среды, порожденную разнонаправленностью процессов осознаваемого и неосознаваемого процесса текстообразования субъектами речемыслительной деятельности [Москальчук 2003].

Метроритмическая матрица может рассматриваться как одна из языковых универсалий, так как во всех языках мира продуцируются устные и письменные целостные речевые произведения (тексты). Тексты обладают определенными размерами, выражаемыми в лингвистических единицах и единствах (от буквенных или звуковых, до слогов, морфем, слов, высказываний и т. п.). Дискретный характер текстов реализуется относительно временной оси, однонаправлено, от абсолютного начала текста к его абсолютному концу.

При этом ограниченные естественными обстоятельствами психофизические возможности человека предопределяют наиболее вероятный (инвариантный) ритм речемыслительной деятельности, отражающийся в необходимости повторять тематический компонент (элементы симметрии) формируемого информационного пакета, актуализировать тему, чтобы на ее базе наращивать новую порцию информации (элементы асимметрии). Поэтому инвариант структуры текста построен на позиционном соотношении симметрии / асимметрии.

Метроритмическая матрица служит шкалой измерения состояний структур и процессов внутри текста относительно теоретически выявленной естественно реализуемой шкалы, отражающей оптимальное состояние режимов текстообразования. Матрица вписана в целое, относительно заданных позиций организуются все высказывания, формирует ритм протяженностей как серии внутритекстовых пропорциональных соотношений единиц и единств текста.

Рассмотрим некоторые качества текста, на которые можно опираться при сравнении оригинала

с его переводами (то есть дериватами исходного текста). Определяющим параметром целостного сравнения оригинала и перевода является характер формы как финитной просодемы [Москальчук 2003].

Форма текста, записанная в виде условных символов как его формула, уже содержит гармонизированные в ее границах элементы целостного речемыслительного процесса, воплощенные в языковых структурах, их порядке, эмотивных и просодических характеристиках всех высказываний, составляющих текст. Иными словами, всё, что хотел сказать этим текстом автор, уже в нём содержится в структурах, отражающих творческую волю и коммуникативно-прагматические намерения автора. Форма текста является информационным пакетом, где вся заключенная в нем информация воплощена в структуры [Москальчук 2003].

Форма текста — это сценарий согласования разнонаправленных параметров многофакторного процесса спонтанной и осознаваемой организации целого. Необходимость интегральных оценок восприятия (воздействия) текста требует разработки процедур и параметров оценивания. В ряде лингвистических исследований предложены и проверены на большом текстовом материале, подтвержденном статистически достоверными экспериментальными данными, предложены некоторые оценочные процедуры, базирующиеся на свойствах формы текста как финитной просодемы, на различиях самих форм текста (243 теоретических варианта), на свойствах аттрактора текста вмещать смысловую и структурную доминанту целого. Позиционная детерминация доминант текста позволяет предсказывать наиболее вероятное направление правки динамических характеристик целого, добываясь их локализации в аналогичных условиях, в том числе процессуально-динамических [Москальчук 2003].

Исследование Е. А. Коржневой убедительно показывает, что теоретический позиционный анализ текста является альтернативой проверки доминантных смыслов и структур испытуемыми в психолингвистических экспериментах. Позиционный анализ текста неизмеримо экономнее и точнее по своим результатам, ибо отражает инвариантное состояние структуры текста [Коржнева 2003]. В работе Э. Т. Болдыревой, посвященной эвристическим возможностям креативного аттрактора (далее — КА) как компонента структуры текста, показано и доказано на материале русского и английского языков, что коллективное восприятие наиболее важной

информации текста предопределяется ее попаданием в силу случайно сложившихся (зачастую не прогнозирувавшихся автором) сугубо структурных обстоятельств в область креативного аттрактора, делает данную информацию заметной, воспринимаемой испытуемыми с большой вероятностью. КА является доминантой текста в смысловом и структурно-стилистическом отношениях [Болдырева 2007]. Н. В. Добрынина экспериментально доказала интерпретативные возможности креативного аттрактора в процессе понимания русского и английского текста, а также возможности достройки целого текста по содержанию его аттрактора [Добрынина 2009].

Таким образом, качества КА (его положение, объем, языковой состав, просодические и стилистические характеристики) могут быть основой переводческого анализа текста с перспективой правки перевода по оригиналу. То есть, если перевод наиболее приближен к оригиналу по параметрам аттрактора и других целостных характеристик формы, то такой перевод наиболее приближен к оригиналу по основным параметрам целого.

Полагаем возможным привлекать к постпереводному анализу отношений «текст ↔ текст» категорий формообразования текста: формула текста, мероритмическая матрица, дифферент формы, локализация, размер и просодико-симметрологические качества креативного аттрактора (см. подробнее: [Москальчук 2003: 241—253]).

Метроритмическая матрица является просодемой, динамически организованным суперконструктом, вмещающим как все процессы спонтанной, так и осознаваемой субъектом речемыслительной деятельности по производству и окончательному редактированию переводимого текста. В качестве рабочей гипотезы мы полагаем, что все те впечатления от восприятия оригинала, которые вписаны в текст как процессуальную целостность, должны присутствовать в переводе и поступать к его читателю желательно в том же порядке, с той же интенсивностью воздействия, как и в оригинале.

Формула текста свертывает ряд качеств целого в статике и динамике: размер целого в любых избранных для измерения единицах от графического символа до строфы, главы, строки, абзаца и т. п. Данные измерения могут проводиться с помощью компьютера. Результирующая просодическая динамика формы текста реализуется как ведущий способ направленного изменения, как различие финитного конструкта на входе и выходе (дифферент формы): восходящесть, нисходящесть, стабильность.

Динамическое соотношение КА и формы текста в их основных просодических характеристиках позволяет фиксировать в модели механизм самонастройки целого, сравнивать аналогичные процессы в оригинале и его дериватах. Этот вопрос изучен слабо: как подстраивается КА в своих структурообразующих качествах к форме целого, есть ли изоморфизм формы и аттрактора, какие характеристики сохраняются, а какие расходятся и к каким эффектам в восприятии текста это приводит?

Объектом анализа становится текст в кругу других текстов. Предметом — структура перевода относительно оригинала. Выстраивается система: оригинал ↔ подстрочник ↔ перевод». При этом важное и теоретически недооцененное значение имеет подстрочник (как компьютерный, так и сделанный переводчиками в прозе или почти в стихах). Подстрочник является заместителем оригинала, адаптированным к принимающему языку по смыслу и основным синтаксическим параметрам. Буквальность может в некоторых случаях рассматриваться как достоинство подстрочника.

Сравнение вариантов перевода одного и того же текста позволяет анализировать степень приближения к оригиналу, вырабатывать способы приближения, выбирать оптимальные пути правки перевода на основе анализа утрат и/или достижений различных переводчиков. Анализ перевода по целостным качествам формы позволяет надеяться на приближение к желаемой переводчиками эквивалентности текстов на уровне целого, а не в его отдельных компонентах и деталях, как это происходит сейчас. Известно, что буквальность слов и отдельных конструкций не является гарантией буквальности целого и характера его воздействия на читателя. Воздействие — это ритмически организованный процесс, заложенный автором, поэтому его желательно также сохранить для читателя.

В качестве иллюстрации существенности формы текста для суждений о текстовой эквивалентности переводов оригиналу приводятся данные о русских переводах сонета 66 У. Шекспира, порой существенно отклоняющихся по многим параметрам от оригинала (табл. 1). КА в оригинале находится в интервале конца текста (0,146 долей от целого), в переводах же может занимать различные позиции, обладать несходной протяженностью. Так, эти же параметры в переводах составляют: Чайковский 66 и Румер 66 (интервал пред-ГЦ, 0,236 от объема текста); Гербель 66 и Пастернак 66 (от пост-ГЦн до пост-ГЦ, 0,618 от целого); Маршак 66 (интервалы от зачина до пост-ГЦ, 0, 854); Червинский 66 (интервалы от пред-ГЦн до пост-ГЦ, 0,708) и т. д.

Таблица 1

**Положение и объем аттрактора в оригинале и его переводах
(аттрактор затенен)**

Текст	Интервал					
	Зачин	Пред-ГЦн	Пост-ГЦн	Пред-ГЦ	Пост-ГЦ	Конец
Оригинал 66						
Червинский 66						
Гербель 66						
Пастернак 66						
Маршак 66						
Чайковский 66						
Румер 66						
Объем интервала	0,146	0,09	0,146	0,236	0,236	0,146

Процедуры сравнения текстов на основе их формы, делает возможной правку формы текста по аттрактору (см. подробнее: [Москальчук, гл. 2.4]). Сравнение вариантов перевода одного и того же текста позволяет анализировать степень приближения к оригиналу, вырабатывать оптимальные способы приближения и совершенствовать пути правки перевода на основе анализа утрат и /или достижений различных переводчиков.

Список литературы

1. Болдырева Э. Т. Креативный аттрактор как структурный компонент текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Челябинск, 2007.
2. Добрынина Н. В. Восприятие англоязычных текстов носителями русского языка как синергетический процесс: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2009.
3. Коржнева Е. А. Деятельность лингвиста-экспериментатора при исследовании структуры текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2003.
4. Москальчук Г. Г. Структура текста как синергетический процесс. — М.: УРСС, 2003.

Н. С. Олизко (Челябинск, Россия)

САМООРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА В УСЛОВИЯХ ФЛУКТУАЦИОННОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Self-organization of translator's linguistic identity includes such notions as self-control, introspection and self-regulation that help to harmonize structural complexity of translator's linguistic identity by providing self-adaptability in conditions of fluctuational environment.

Keywords: *linguistic identity, interpreting, synergy, self-organization, fluctuations.*

Языковая личность переводчика может быть представлена как «коммуникативно-активный субъект, способный в той или иной мере познавать, описывать, оценивать, преобразовывать окружающую действительность и участвовать в общении с другими людьми средствами иностранного языка в иноязычно-речевой деятельности» [Плехов 2007: 3]. Косвенная номинация переводчика «посредник», «a go-between, a man (woman) in the middle» актуализирует его центральную статусную позицию, акцентируя «местоположе-

ние посередине» в коммуникативном процессе. В толковом словаре термин «посредничество» определяется как «содействие соглашению, сделке или примирению между сторонами». Другими словами, переводчик — это не просто «человек посередине», а «миротворец меж двух «противоборствующих» сторон». Его медиативная («срединная») функция всегда разворачивается, перефразируя мысль М. М. Бахтина, на рубеже двух сознаний, двух субъектов, двух языков, двух культур, реализуясь, однако, в одном сознании —

переводчика, направленном на успешное осуществление коммуникации. От профессионализма переводчика и качества представленного перевода зависит уровень общения представителей двух лингвокультур, а также те действия, которые могут быть ими предприняты или нет.

Структура языковой личности переводчика представляет собой следующую трехуровневую модель. На вербально-семантическом уровне актуализируются лексические навыки, связанные со смысловым анализом текста, и структурно-композиционные навыки, регулирующие выделение логико-смысловой структуры законченного отрезка речи. Когнитивный уровень воплощен в тезаурусе языковой личности переводчика и зависит от национальной культуры и национальной языковой картины мира. Мотивационный уровень охватывает коммуникативно-деятельностные потребности личности. Применительно к личности переводчика третий уровень означает, что переводческая деятельность задается и координируется требованиями к продукту перевода — тексту.

Переводчик, как известно, испытывает на себе влияние того, кого он переводит, и ориентируется на потребности того, для кого он это делает. Это не может не сказаться на динамических преобразованиях характера его речевой деятельности и в целом языковой личности, тем более что, по мнению психологов, «личность возникает в результате иерархизации системы деятельностей» [Леонтьев 2000: 8]. Соответственно, можно предположить, что иерархизация мотивов посреднической деятельности, постоянно происходящие в сознании / мышлении переводчика обмены информацией (смыслом), энергией (в виде эмоций), веществом (телами знаков) способствуют переструктурированию языковых способностей переводчика, наделяя его как языковую личность чертами синергетической системы.

Основоположник синергетических идей, почетный профессор Штуттгартского университета, глава Центра синергетики в Институте теоретической физики и синергетики Герман Хакен отмечает, что синергетика занимается изучением систем самой различной природы, исследует общие принципы, управляющие эволюцией самоорганизующихся структур и функций [Хакен 1985]. Предложенный Г. Хакеном термин, образованный из греческих слов *син* — «совместное» и *эргос* — «действие», акцентирует внимание на согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как единого целого.

Именно самоорганизация как динамическое явление, а не статичная организация объекта, может

выступать, на наш взгляд, основой изучения особенностей реализации языковой личности в условиях флуктуационной (флуктуация означает колебание, периодическое изменение) переводческой деятельности. Термин «самоорганизация» первоначально возник в экспериментальной физике. Немецкий ученый Г. Хакен, исследуя природу действия тока в лазере, пришел к выводу, что световая волна не только определяет порядок в электрической системе, но и упорядочивает поведение отдельных атомов, то есть отдельных частей системы. Это позволяет говорить не просто об организованности системы, но о «параметрах порядка» в рамках системы. Эти параметры не установлены заранее, а вводятся в процессе функционирования системы. Вот это спонтанное формирование структур в нелинейных средах Г. Хакен и назвал «самоорганизацией». В дальнейшем отмеченная закономерность стала обнаруживаться в других системах самого разнообразного происхождения. Процессы самоорганизации в сложных системах были выявлены в биологии, нейрологии, химии, социологии, экономике. В общем виде под «самоорганизацией» стали понимать процесс, в ходе которого создается, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы. Отличительная особенность таких процессов — их целенаправленный, но вместе с тем спонтанный характер» [Фещенко 2006: 98].

Термин «самоорганизация» предполагает ряд вариантов-синонимов, указывающих на конкретные аспекты этого явления:

- самосозидание (начальные условия системы определяются характером самой системы или обстоятельствами ее возникновения);
- самоконфигурация (система сама определяет расположение своих составных частей);
- саморегуляция (система контролирует направленность своих внутренних преобразований);
- самоуправление (система контролирует направленность своей внешней деятельности);
- самоподдерживание (система поддерживает свое функционирование и свою форму);
- само(вос)производство (система воспроизводит сама себя или производит другие системы, идентичные ей);
- самоотнесенность (значимость системы определяется только в отнесении к себе самой) [Фещенко 2006: 98—99].

Когда речь идет о самоорганизации языковой личности в условиях переводческой деятельности, на первый план выходят такие понятия, как «самоконтроль», «самоанализ», «саморегуляция», обеспечивающие структурную гармонию

сложного целого языковой личности переводчика посредством обеспечения самоприспосабливаемости в условиях воздействия постоянно меняющейся (флуктуационной) внешней среды. Для проведения преобразований и сохранения вновь обретаемого состояния (то есть поддержания стационарного режима самовоспроизводства интегрального качества целого) необходимы постоянный приток ресурса в виде моральных и материальных затрат (речь идет о самосовершенствовании и повышении квалификации через обучение) и интенсификация энергообмена (под которой понимается регулярная практическая переводческая деятельность).

В целом выделяют три типа самоорганизации системы как сложного явления:

1. Самозарождение организации. Возникновение из некоторой совокупности целостных объектов одного уровня нового объекта — системы более высокого уровня организации.

2. Сохранение системой своей организации при изменении внешних или внутренних условий.

3. Процесс качественного изменения системы, направленный на ее развитие и самосовершенствование.

Первый и второй типы самоорганизации языковой личности переводчика реализуются в рамках вузовского образования. При этом педагог, влияя на личность студента различными методами, должен стремиться не ущемлять свободы и творческой активности последнего. Активность студентов в процессах как личностной, так и межличностной организации становится реальной предпосылкой для развития более высокого уровня профессионального самосовершенствования, проявляющегося в деятельностном саморазвитии.

Самосовершенствование (самоорганизация третьего типа) — процесс работы над собой, в результате которого появляется способность принятия осознанного правильного решения в системе более высокого порядка по сравнению с ранее достигнутым уровнем. Анализ деятельности переводчика профессионально ориентированных текстов показывает необходимость постоянного самообразования, саморазвития переводчика-профессионала в течение всей трудовой жизни.

Особую роль в самообразовательной деятельности переводчика играет развитие и совершенствование письменной речи (чтение и письмо). Все выдающиеся личности (на определенных этапах своего развития), как правило, много читали (и, разумеется, много размышляли и переживали

по поводу прочитанного), а также регулярно занимались письменной деятельностью (ведь для того, чтобы мысли и чувства стали твоими и могли быть переданы другим, их нужно правильно — по нормам данного языка — сформулировать).

Отношения, которые возникают между переводчиком как языковой личностью и его окружением, сложны и неоднозначны. С одной стороны, мировосприятие переводчика создается им самим, он сознательно формирует собственную переводческую картину мира, с другой стороны, осознание переводческой картины мира придает его деятельности созидательный характер. Речь идет о приращении смысла, что имеет место в любом качественном переводе. Именно в этом заключается синергетический эффект процесса перевода, так как в переводческом пространстве в каждом из полей формируется и осознается свой смысл, а интегральный смысл не есть сумма всех смыслов, но их синергия, их новое качество. При этом переводчик стремится выявить и транслировать доступными средствами национальную специфику обеих культур, то есть минимизировать асимметрию межкультурной коммуникации.

Таким образом, самоорганизация является внутренним механизмом личностного роста специалиста, одним из способов конструирования темпов самопродвижения личности к пределам своих личностных возможностей в профессиональном пространстве, где происходит освоение и принятие им содержания образования и культурологических ценностей иноязычного диалога, выработка индивидуально-творческого стиля общения.

Список литературы

1. Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. — М.: Смысл, 2000. — 509 с.
2. Плехов А. Н. Психологические условия развития вторичной языковой личности преподавателя-лингвиста: автореф. дис. ... канд. психол. наук. — Н. Новгород, 2007. — 23 с.
3. Фещенко В. В. Autopoietica как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики // Семиотика и Авангард: антология / ред.-сост.: Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин; под общ. ред. Ю. С. Степанова. — М.: Акад. проект : Культура, 2006. — С. 54—122.
4. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / пер. с англ. Ю. А. Данилова; под ред. Ю. Л. Климонтовича. — М.: Мир, 1985. — 420 с.

А. М. Поликарпов (Архангельск, Россия)

СЕМИОТИКА УСТНО-ПОРОЖДАЕМОЙ РЕЧИ И ПЕРЕВОД

The article deals with the problem of interpretation as a complex intersemiotic system and takes into account the new integrative approach to the theory of translation and interpretation. The intersemiotic system of interpretation is based on the interaction of a number of systems. For successful interpretation the whole range of semiotic systems is to be taken into consideration: the systems of contact languages and oral speech norms of source language and target language; encoded sense systems (implied by the author and encoded by him in the original text); decoded sense systems (when the interpreter tries to decode the original text and then verbalize the target sense systems); cognitive systems (systems of information in two languages); nonverbal systems: pitch and volume of the voice, intonation, kinesics, mimics, gestures, eyes signals, sign usage of space and time, etc.

Keywords: *speech semiotics, orally produced speech, translation, integrative model of interpretation process, integrative interpretation studies.*

Интегративная модель процесса перевода, разрабатываемая в научно-образовательном центре «Интегративное переводоведение приарктического пространства» Северного Арктического федерального университета имени М. В. Ломоносова, объединяет в себе ценные положения существующих моделей процесса перевода и базируется на принципе интегративного подхода к факторам, влияющим на процесс перевода.

Инновационный характер интегративного переводоведения обусловлен активным протеканием процессов глобализации в мире и состоит в том, чтобы исследовать не только лингвистические, но и семиотические, когнитивные, этнокультурные, социальные, морально-этические, психологические, эстетические, производственно-экономические и многие другие аспекты, значимые для переводческой деятельности.

Переводческий процесс моделируется, таким образом, с учетом не только лингвистической составляющей и коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод. Идея интегративности представляется продуктивной в толковании ментальных процессов, происходящих в мозгу переводчика. Интегративное переводоведение исходит из предположения о том, что в мозгу переводчика в момент переводческой деятельности параллельно протекает целый ряд мыслительных процессов, связанных между собой транслятологической идеей и вызывающих в качестве реакции соответствующие переводческие операции и действия по переводу концептов в вербальные структуры. Таким образом, в качестве основы для моделирования нами используются психолингвистическая и лингвокогнитивная идеи о процедуре переводческого процесса.

При моделировании переводческого процесса, а в нашем случае вербальном представлении процедуры осуществления процесса перевода,

интегративный принцип представляется особенно важным ввиду его системообразующего и системосохраняющего характера.

Интегративное переводоведение изучает переводческий процесс как разновидность когнитивно-вербальной деятельности переводчика с учетом его творческого потенциала. Краеугольным камнем предлагаемой модели перевода является антропоцентризм, позволяющий поставить в центр процесса перевода переводчика как креативную личность, а не как простого «перекодировщика». Под креативностью в данном случае понимается внутренний ресурс переводчика, позволяющий отказаться от стереотипных способов мышления и обнаруживать новые способы вербального решения переводческих задач.

Особое внимание в интегративной модели процесса перевода уделяется владению переводчиком специальными предметными знаниями в сферах человеческой деятельности, в которых осуществляется перевод. Для переводчиков приарктических территорий России, например, необходим когнитивный багаж в таких отраслях, как добыча нефти и газа, использование биоресурсов, судостроение, экология и многих других [Поликарпов 2011: 170].

Семиотические факторы процесса перевода являются, с нашей точки зрения, наиболее универсальными (ввиду их принадлежности к семиосфере общечеловеческой культуры), а потому особенно важными при изучении переводческой деятельности. Они занимают в иерархии констант перевода главенствующую позицию, ибо все другие факторы сами по себе имеют семиотические основания и вкуче позволяют подробно раскрыть интерсемиотический характер переводческого акта.

Лингвосемиотические основания используются отдельными переводоведами в целях выявления

и понимания сущности и механизма процесса перевода [Бархударов 1975; Сыроваткин 1978; Гарбовский 2004]. Следует согласиться с тем, что некоторые категории лингвосемиотики «оказываются чрезвычайно важными для понимания сущности и механизма переводческого процесса» [Гарбовский 2004: 245].

Л. С. Бархударов разработал семантико-семиотическую модель перевода, утверждая, что процесс перевода «непосредственно зависит от того, что в науке о знаковых системах — семиотике — называется двусторонним характером знака» [Бархударов 1975: 9—10]. Исходя из того, что «любой знак характеризуется наличием двух сторон или, как их еще называют, планов: плана выражения или формы и плана содержания или значения» [Бархударов 1975: 10], ученый выделяет в общем содержании текста такие компоненты, как денотативный, сигнификативный, внутрилингвистический, прагматический и обосновывает порядок очередности передачи вышеназванных содержательных компонентов. Он показывает, что при переходе от исходного текста к тексту перевода сохраняется не все содержание оригинала, а лишь инвариантная его часть.

С позиций функциональной лингвосемиотики теория перевода изложена в работе С. Н. Сыроваткина [Сыроваткин 1978]. Перевод трактуется автором как кодовый переход, семиозис, т. е. знаковый процесс, в ходе которого осуществляется ряд операций перехода от различных систем прообразов к единому образу — языковому знаку. С. Н. Сыроваткин расширяет предложенное Ч. Моррисом рассмотрение семиотики в трех измерениях (синтактике, семантике и прагматике) посредством включения в семантическое измерение таких компонентов, как перцептика (отношения между экспонентом знака, т. е. его физическим субстратом, и его понятийным содержанием), сигнифика (отношения между экспонентом знака и его чувственным образом) и сигматика (отношения знака к объекту). В прагматике им выделяются два отдельных аспекта: инструментальный и эмотивный (экспрессивный).

Н. К. Гарбовский применяет лингвосемиотический инструментарий для объяснения целого ряда положений общей теории перевода. Введение универсального понятия «языковой знак» в целях объяснения процесса перевода вместо конкретных языковых и речевых единиц, например, позволяет более гибко изложить проблему единицы перевода. Изоморфизм и алломорфизм в отношениях семиотических систем текста оригинала и текста перевода позволяют

по-новому посмотреть на проблему переводимости. Принципиальная возможность интерпретации знаков одной семиотической системы посредством знаков другой [Гарбовский 2004: 243] позволяет положительно решить традиционный вопрос о «переводимости».

Следует согласиться с Н. К. Гарбовским в том, что попытки рассмотреть процесс перевода в семиотическом ключе «позволяют объяснить, что на самом деле переводит переводчик: слова, их значения или смыслы, которые рождаются исключительно из определенных сочетаний знаков, обладающих определенной индивидуальностью» [Гарбовский 2004: 244].

Изучение лингвосемиотического аспекта перевода с позиций интегративного переводоведения приводит к необходимости разграничения семиотики языка и семиотики речи, поскольку знак как элемент языковой семиотической системы с устойчивыми свойствами существенно отличается от знака как семического акта, т. е. акта конструирования сентенционального знака (высказывания). В последнем обнаруживаются некоторые окказиональные свойства, обусловленные спецификой конкретного речевого акта [Сыроваткин 1978: 42]. Выделение семиотики речи в качестве особого аспекта изучения лингвосемиотических свойств переводческого процесса позволяет посмотреть на конкретный акт перевода с учетом систем норм устной или письменной речи.

Интегративное переводоведение позволяет показать, что процесс перевода как системная деятельность представляет собой сложную интерсемиотическую систему, складывающуюся путем функционирования и определенного взаимодействия целого ряда семиотических систем: когнитивных систем (систем знаний на двух языках); систем исходного и переводящего языков; систем норм письменной или устной речи (в зависимости от вида перевода и типов контактирующих языков); систем исходного текста и текста перевода (закодированных с помощью естественных языков и накладываемых на них вторичных моделирующих систем в зависимости от жанра переводимого текста); систем смыслов исходного текста (в двух ипостасях: для говорящего и для слушающего); интерпретирующих смысловых систем (полученных путем интерпретации переводчиком исходного текста и вербализованных в тексте перевода); различных невербальных систем передачи и получения информации с учетом систем контактирующих культур.

Многослойность и многоаспектность семиотических систем и их отношений, реализуемых

в процессе перевода, предполагает необходимость тщательного изучения отдельных видов перевода в семиотическом разрезе.

Семиотический подход к изучению различных подвидов устного перевода, например, требует скрупулезного исследования семиотики устно-порождаемой речи. Имеющиеся работы по семиотике устной речи выявляют лишь общие семиотические закономерности устного общения. Так, Б. М. Гаспаров в своем исследовании приходит к выводу, что устная спонтанная и устная подготовленная речь принципиально не отличаются друг от друга, утверждая, что «при неспонтанном произнесении (чтении наизусть, зачитывании готового написанного текста) обстоятельства если и меняются, то лишь для говорящего, но не для слушающего» [5]. Ученый выдвигает идею о необходимости рассмотрения устной речи как единого феномена «с точки зрения стратификации семиотического механизма культуры», несмотря на существующие различия «в способе ее реализации, тематике, ситуации и задачах общения» [Гаспаров 1978]. Не оспаривая данную идею в общем лингвосемиотическом отношении, с позиции семиотики речи позволим себе напомнить о том, что устно-порождаемая речь и устная подготовленная, а тем более выученная наизусть речь в значительной степени отличаются друг от друга. На примере изучения особенностей устно-порождаемого синтаксиса в связи с исследованием проблем устного перевода это показывается в специальной научной статье [Поликарпов 2008].

В устно-порождаемых монологических высказываниях и в диалогических репликах как бытового, так и профессионального характера отправитель информации, ориентируясь на конкретную ситуацию общения, постоянно апеллирует к знаниям и опыту партнера по коммуникации. В результате такой ситуативности речи возникает своеобразный «сплав» вербального и невербального. Многоканальный способ порождения устной спонтанной речи, включающий как языковые компоненты (лексические, грамматические и фонетические в их тесном взаимодействии), так и паралингвистические средства (мимику, кинесику, праксемику и др.), является самой важной ее характеристикой. Благодаря наличию многоканальной обратной связи говорящий видит, понимают ли его, может уточнить сказанное, ответить на переспрос, при необходимости изменяет стратегию речевого поведения.

Интеракция говорящего и слушающего при устно-порождаемом общении позволяет некоторым ученым наряду с так называемыми

референтными речевыми актами, связанными с передачей объективной информации, выделять вспомогательные акты, обеспечивающие постоянное взаимодействие коммуникантов. Г. И. Бубнова подразделяет такие вспомогательные акты на экстравертированные (ориентированные на адресата) и интровертированные (помогающие говорящему рефлексировать механизм обратной связи, способствующие возникновению «огрех»). Последние характеризуются следующим образом: «Речевое поведение интровертированного типа реализуется в информативно слабых точках дискурса и является примером компенсационного взаимодействия синтаксиса и просодии. С одной стороны, интегрирующие возможности просодии позволяют скрыть синтаксическую неплавность, а с другой стороны, наличие такой возможности укрепляет деструктурирующие тенденции в устном синтаксисе, делает их нормативными» [Бубнова 2001: 115].

Поскольку главной особенностью устно-порождаемой речи является ее спонтанность, будем считать, что важнейшей характеристикой спонтанного порождения речи будут колебания в ее структурировании, которые проявляются в виде сегментной хезитации, в повторах, самоперебивах, «топтании на месте» и приводят в конечном итоге к так называемому деструктурированию.

Следует заметить, что в своей научной статье «Семиотика устной речи» Б. М. Гаспаров при всем желании отойти от сопоставления устной речи с речью письменной все же остается на позициях их противопоставления [Гаспаров 1978]. При исследовании семиотики устно-порождаемой речи логичным представляется использование принципа не противопоставления ее семиотике письменной речи. Более значимыми при таком подходе становятся феномены устной речи, не коррелирующие непосредственно с письменной речью, такие, например, как интонация, сила голоса, темп, голосовой регистр, тембр, агогика, мимика, жесты, направление и характер взгляда, кинезис речевого процесса, знаковое использование специальных и парафонических средств, времени и пространства.

Важно осознавать, что при устном порождении речи планирование и собственно продуцирование протекают параллельно. «Говорящий <...> лишен возможности выхода из временного течения речи, из ее процессуальной необратимости, поэтому вербальное означивание процесса речевой деятельности становится эксплицитным» [Бубнова 2001: 108].

«Семиотический» взгляд на устно-порождаемую речь и ее перевод позволяет осознать роль смыслообразующих факторов при переводе семиотически осложненных текстов [Поликарпов, 2009]. Семиотика устно-порождаемой речи чрезвычайно сложна, и проявляется не в простом суммировании речевого эффекта задействованных разноканальных систем и их сегментов. Многочисленные семиотические системы и их сегменты вступают во взаимодействие между собой, при этом часто возникает их совмещение не только на синхронных участках задействованных каналов. Так, смена мелодических характеристик речи может стать значимой не только для участков их реализации, но и для предшествующей части речи. Одномоментно переданный по визуальному каналу жест «может относиться к дальнейшему течению речи на значительном протяжении, и следовательно, накладываться на информацию, генерируемую вербальным и мелодическим каналом, на всем соответствующем участке» или «замыкать вербальную последовательность, и ретроспективно апплицироваться к этой последовательности, внося соответствующую коррекцию в ее смысл» [Гаспаров 1978].

Занимаясь изучением проблем перевода устно-порождаемой речи, необходимо учитывать четыре стороны научно-транслятологической деятельности: 1) изучать специфику спонтанного речепорождения именно в условиях межъязыкового и межкультурного общения (поскольку многоканальность речепорождения и, тем самым, взаимодействие вербальных и невербальных семиотических систем при переводе играет по сравнению с обычным устным спонтанным речепорождением несколько иную роль); 2) выявлять в первую очередь особенности и основные характеристики этапа рецепции переводчиком устно-порождаемой речи (поскольку ограниченность во времени вынуждает переводчика выявлять и интерпретировать задействованные системы смыслов особым образом); 3) всестороннему изучению должна быть подвергнута устно-порождаемая речь переводчика (поскольку используемые им семиотические системы в значительной мере отличаются от систем, функционирующих в реальном повседневном одноязычном устном общении: невербальные системы, например, задействуются менее активно); 4) необходимо прояснить роль восприятия «переводческого» дискурса со стороны его реципиента (поскольку именно рецепция продуктов переводческой деятельности и декодирование задействованных в них смысловых систем позволяют в первую очередь оценивать качество перевода).

Таким образом, при переводе устно-порождаемой речи согласно принципам интегративного переводоведения предлагается по максимуму учитывать семиотические системы, задействованные в переводческом процессе. Помимо двух пересекающихся при переводе когнитивных систем, систем контактирующих языков и систем норм устно-порождаемой речи, реализуемых в исходном и переводящем дискурсах, в переводческом процессе должны учитываться мелодические компоненты (темп, сила голоса, тембр, регистр, агогика), а также такие невербальные факторы, как кинесика, мимика, жестикуляция, язык глаз, знаковое использование пространства и времени и пр. Самыми важными при переводе устно-порождаемой речи являются так называемые «интерпретируемые» и «интерпретирующие» системы смыслов, которые превращают переводчика как посредника межкультурной и межъязыковой коммуникации в творческую личность, постоянно заботящуюся о том, чтобы понимать и быть понятым. Вербальные и мелодические характеристики устно-порождаемого дискурса, реализуемые в реальной переводческой ситуации, необходимо исследовать в семиотическом ключе при сопоставлении контактирующих языковых и речевых систем. Невербальные средства коммуникации, значимые для переводческого процесса, должны подвергаться специальному изучению при учете этнокультурных, социальных, морально-этических, психологических и эстетических аспектов перевода.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода: учебник. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 239 с.
2. Бубнова Г. И. Устнопорождаемая речь в зеркале письменной // Проблемы психолингвистики: теория и эксперимент: сб. науч. тр. — М.: Ин-т языкознания РАН, 2001. — С. 105—118.
3. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. — 544 с.
4. Гаспаров Б. М. Устная речь как семиотический объект. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/gasparov1.htm>
5. Поликарпов А. М. Интегративная модель процесса перевода // Лингвистика и перевод: сб. науч. ст. и материалов. Вып. 1. — Архангельск: САФУ, 2011. — С. 168—179.
6. Поликарпов А. М. Перевод семиотически осложненных текстов // Язык и мысль: традиции и новые парадигмы. Вторые Ярославские лингвистические чтения: сб. науч. тр. между-

нар. конф., 16—18 июня 2009 г.: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. О. С. Егорова — Ярославль ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2009. — С. 185—189.

7. Поликарпов А. М. Синтаксические особенности устно-порождаемой речи и перевод // Теория и практика перевода и профессиональной подготовки переводчиков: Устный перевод:

материалы междунар. науч.-метод. конф., г. Пермь, 30 нояб. — 2 дек. 2007 г. — Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2007. — С. 131—48.

8. Сыроваткин С. Н. Теория перевода в аспекте функциональной лингвосомиотики: учеб. пособие. — Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1978. — 84 с.

О. А. Радчук (Костанай, Казахстан)

СЛОЖНОСТИ ПЕРЕВОДА ЛИРИЧЕСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ НА ИНТОНАЦИОННОМ УРОВНЕ

Radchuk Olga A., Kostanay Branch of Chelyabinsk State University. Translation complications of lyric poem on the intonation level. This work considers concept of poetry translation, differences between German- and Russian versification (rhythm and rhyme), relying on comparative analysis. It consists of German lyric poems and their translations.

Keywords: translation, lyric poem, the level of intonation, rhythm and rhyme, the aesthetic function.

По определению Л. С. Бархударова, «художественный стихотворный перевод есть вид художественного творчества, где оригинал выполняет функцию, аналогичную той, которую выполняет для оригинального творчества живая действительность. Соответственно своему мировоззрению переводчик отражает художественную действительность избранного им произведения в единстве формы и содержания; в соотносительности частного к целому».

Поэзия, в особенности лирическая, всегда представляла большую сложность для художественного перевода, чем эпическая сюжетная проза. Дело здесь в нескольких причинах. Во-первых, концептуальная и эстетическая нагрузка в лирической поэзии напрямую связана с национальным лингвистическим и лингвокультурологическим своеобразием оригинального текста — речевой композицией, грамматикой, лексикой, культурным контекстом. Во-вторых, лингвистическая и лингвокультурная составляющие реализуются в лирике в рамках определенной стихотворной формы, которая обычно бывает присуща национальной традиции. В-третьих, сочетание указанной специфики стихотворного текста создает ряд особых эффектов содержательного характера. В-четвертых, в лирике чаще, чем в эпосе и драме, оказывается непроясненной концептуальная составляющая произведения. Даже ближайшее тематическое содержание стихотворения нередко оказывается за границами рационального осмысления читателя. И, наконец, в лирике особенно трудно определить

эстетическое своеобразие произведения, реализуемое на базе сложного комплекса средств.

Переводоведение постоянно осмысливает вопрос о том, как соотносить перевод лирического стихотворения с оригиналом, какая степень трансформации здесь допустима, как оценивать качество перевода.

С одной стороны, идеальный перевод лирического стихотворения, безусловно, должен отражать все названные особенности оригинала. С другой стороны, столь же очевидно, что воплотить этот идеал в реальность невозможно. Это, во-первых, убежденность в том, что при переводе лирического стихотворения художественно значимые элементы формы неизбежно трансформируются, а во-вторых, тезис о практической невозможности перевести весь комплекс эстетически значимых смыслов стихотворения. Соответственно, вопрос о степени адекватности художественного перевода в лирике приобретает особое звучание. Конечным критерием такой адекватности считается не близость лингвистически проявленных смыслов и не общность речевых и поэтических приемов, а единство концептуального содержания и сопоставимость эстетического воздействия на читателя.

Интонационный уровень является одним из сложных уровней, так как сохранение ритма и рифмы оригинала не всегда удается в процессе перевода, и стихотворение уже приобретает другой оттенок, который свойственен русскому стихосложению или характеру отправителя, его свойственной черте. Так, в стихотворении К. Бальмонта «Радостный путник» поэт

сохраняет свойственную Эйхендорфу точность словоупотребления, но пользуется иными конструктивными средствами: он отказывается от перекрестной рифмовки, заменяя ее опоясывающей, видоизменяет ритм — менее плавное звучание на более размерное и музыкальное:

У Эйхендорфа:	У Бальмонта:
- <i>en</i>	- <i>em</i>
- <i>ot</i>	- <i>e</i>
- <i>en</i>	- <i>e</i>
- <i>ot</i>	- <i>em</i>

Стремясь к звуковому воздействию, он, помимо суффиксальной рифмы (благословенье — теченье — забвенье), использует также и внутренние стиховые созвучия (дает, пошлет, светлых — высоких, иду — найду, вольной — печальный).

Или, например, если сопоставить стихотворение Гете «Ein Gleiches» с переводами, выполненными М.Ю. Лермонтовым, В. Брюсовым и А. Анненским, то сразу же становится заметным, что при переводе поэты отступают от оригинала. Стихотворения Гете, Анненского и Брюсова написаны дольником. Лермонтов использует трехстопный хорей. Отметим, что рифма у всех поэтов точная:

Гете	Анненский	Брюсов	Лермонтов
- <i>ipfeln</i>	- <i>рной</i>	- <i>инах</i>	- <i>ины</i>
- <i>uh</i>	- <i>тишь</i>	- <i>ой</i>	- <i>ой</i>
- <i>ipfeln</i>	- <i>рной</i>	- <i>инах</i>	- <i>ины</i>
- <i>и</i>	- <i>тишь</i>	- <i>ой</i>	- <i>ой</i>

Первые четыре строки у всех поэтов имеют перекрестную рифму. У Гете и Брюсова последние четыре строки имеют опоясывающую рифму. Лермонтов и Анненский отступают от оригинала — последние четыре строки в переводе Лермонтова и Анненского имеют перекрестную рифму. У Гете преобладает женская рифма, только вторая и четвертая строки имеют мужскую рифму, что способствует мелодичности звучания. Лермонтов строит стихотворение на чередовании мужских и женских рифм, поэтому ритмический рисунок стиха определен четко и созвучен в произношении. У Брюсова и Анненского вторая и четвертая строки состоят из одного слова с мужской рифмой. Обилие знаков препинания в последних строках у Анненского и Брюсова ведет к выделению слов, наличию длительных пауз, изменчивости ритма. Это вызывает чувство напряженности, ожидание чего-то непоправимого.

В процессе анализа стихотворения М. Ю. Лермонтова «Они любили друг друга» с оригиналом стихотворения Г. Гейне «Sie liebten sich beide»

были обнаружены расхождения с художественным строем оригинала, начиная с ритма — трагически напряженного дыхания длинных, точно перенасыщенных строк с восклицаниями и выдержанными паузами у Лермонтова и почти разговорных интонаций коротких, легко переходящих друг в друга строк Гейне. Изменилась и система рифмовки: у Гейне рифмуются четные стихи, у Лермонтова в первой строфе рифмовка смежная, во второй — перекрестная. В переводе усилился трагический пафос, скрытый у Гейне. Ритмико-синтаксическое строение стихотворения Гейне претерпело в переводе существенные изменения. Тонический трехударный стих подлинника передан Лермонтовым своеобразным стихом, сочетающим правильный четырехстопный трехсложник с весьма редкой в русском стихосложении трехсложной анакрузой, обычно имеющей ослабленное дополнительное ударение на втором слоге.

Но, несмотря на различия в стихотворениях с их переводами, наблюдается эстетическое намерение автора, которое он хотел выразить, используя другую рифмовку, при этом где-то увеличивая или уменьшая мелодичность звучания стиха. Например, при сопоставлении стихотворения И. Эйхендорфа «Nachts» с переводом В. Я. Брюсова система рифм в переводе сохраняется достаточно точно, хотя рифма Брюсова, основанная на тождестве согласных при чередовании безударных и ударных гласных во 2—3 строфах: «мерно — деревень», «серна — тень», «единым — сну», «вершинам — страну» и на тождестве ударных гласных, кроме третьего стиха, в первом четверостишии: «леса — облака», «завеса — река» не вполне соответствует рифмовке Эйхендорфа, где рифма основана на тождестве только согласных: *en — nd: en — ein: el — nd*. Перевод поэтического произведения представляет собой три четырехстрочные строфы с перекрестной рифмовкой.

На фонетическом уровне в стихотворении у немецкого поэта аллитерирующий ряд шипящих (*stehe, Waldesschatten, Strom, schlagen, erschrecken, stillen*) и сонорных согласных (*Lebens, Rand, Länder, Wälder, gleich, Traum, Herr, Land*), усиливая звуковую инструментальность и интонационную выразительность стихотворения, придает ему взрывной, тревожный ритм и пульсирующую мелодику. Передать адекватно звуковую связь оригинала в переводе сложно, но Брюсову удается осуществить взрывной рисунок мелодии стиха, выстроенный повторением согласных «р, б, в, д»: (*прогнала, река, деревень, серна, ударяет, далекий, дрогнут, вершинам*).

Несмотря на то, что Брюсов добился в переводе удач на фонетическом и ритмическом уровнях, он все же создал стихотворение, по сути дела, противоположное миру оригинала. Если у Эйхендорфа мы видим согласие и гармонию лирического героя с бытием, к чему он приходил в процессе духовного переживания, то у Брюсова, напротив, в холодной рассудочности и отстраненности его героя от предметно-образного и религиозного мира преобладает отчужденная холодность состояния.

Такое же явление, как сохранение ритмического рисунка оригинала, наблюдается в переводе стихотворения Г. Гейне «Lorelei» А. Блока. В ходе исследования на фонетическом уровне отмечена наполненность оригинала сонорными, 1 встречается 22 раза, n — 45, m — 18. Например, в четвертой и пятой строках повтор с сонорными передает монотонность действий, усыпляет бдительность реципиента, который, как и герой стихотворения, успокоен царящей тишиной. В шестой строфе актуализируются шипящий звук «ш» и щелевой «ф». Сами эти звуки вызывают неприятную ассоциацию, нарушают идиллию, предвещают беду. Шестикратный повтор этих звуков передает надвигающуюся угрозу гибели. На фоне ожидаемого подобная звуковая замена является неожиданной, непредсказуемой.

Особая мелодичность стихотворения достигается выбором ритма, размера, количества стоп, рифмы, типом чередования рифм. В оригинале на протяжении всего стихотворения перекрестно чередуется женская и мужская рифмы.

- *bedeuten* — женская
- *bin* — мужская
- *Zeiten* — женская
- *Sinn* — мужская

Поэт использовал перекрестную рифму и трехстопный размер, который, в свою очередь, придал стихотворению легкий ритм, передающий движение набегающей волны. Союз «und» ритмизирует стихотворение при помощи концентрации предлогов «aus», «in», «auf», «bei», «mit», предложных и пространственных наречий «oben», «dort» достигается впечатление динамики происходящего события.

Блок, в свою очередь, стремится не только не ослабить энергию оригинала, сохраняя при этом ритмико-синтаксическую структуру, воссоздавая его «музыку» на русском языке, но и в ряде случаев старается показать характерные его особенности. Общий ритм стихотворения определяет звуковой ряд и создаваемую им мелодию, выделяющую вторую, третью и четвертую стро-

фы. Игровое сочетание звуков второй строфы, периодически повторяющихся (*ла, су, в, э, р, э, ти, а, то, в, э, р, э, а, ча, л, э, в, э, ши*), создает в образе романтического пейзажа, рождающего смысловые ассоциации, ощущение чего-то тревожного, ожидание опасности. Звуковой ряд третьей и четвертой строф (*а, то, де, ди, сы, де, ри, то, а, ла, сы* и т. д.) служит аккомпанементом образу завораживающей Лорелеи, чему также способствуют звучащие диссонансом дифтонги (*ое, аи, ае*). И если сопоставлять оригинал с переводом того же произведения, но выполненным В. Левиком, то наблюдается сохранение ритмичности. Переводчик на фонетическом уровне сохраняет музыкальность стихотворения благодаря большому числу сонорных звуков и звука «л», который прослеживается по всему контексту. В переводе наблюдается сходство ритмической структуры, метра и, самое главное, рифмы, которая в оригинале чередуется (мужская, женская), что играет немаловажную роль для мелодики стихотворения:

- ою
- а
- ою
- а,

Сопоставив перевод Фета «Майская песня» с оригиналом стихотворения Гете «Mailed», можно отметить, что поэтическая речь обоих поэтов строится по принципу внутреннего монолога и, как всякая внутренняя речь, характеризуется нарушением последовательности, прерывистостью, непосредственностью. У Фета и Гете — простейший вид строфы — четверостишие с урезанной строкой. Между стихами нет тесной логической связи, ослаблена логическая зависимость между предложениями: можно переставить строфы или строки, и смысл и впечатление при этом сохраняются. Особая выразительность стиха достигается благодаря обилию восклицательных предложений и с помощью стилистических фигур.

Например:

У Гете:

У Фета:

Восклицательные предложения:

<i>Wie ehrlich leuchtet</i>	<i>Как взор твой светел!</i>
<i>Mir die Natur!</i>	<i>Люби меня!</i>
<i>O Erde, o Sonne!</i>	<i>Ты оживила</i>
<i>Wie du mich liebst.</i>	<i>Мои мечты.</i>

Анафора:

<i>Wie glänzt die Sonne!</i>	<i>Все нежит взоры,</i>
<i>Wie lacht die Flur!</i>	<i>Все нежит слух.</i>

<i>O Erd! O Sonne!</i>	<i>Я вижу ветви,</i>
<i>O Glück, o Lust!</i>	<i>Я слышу птичек.</i>
<i>Wie lieb ich dich!</i>	<i>Люблю тебя!</i>
<i>Wie liebst du mich!</i>	<i>Люби меня!</i>

Повторы:

<i>O Lieb, o Liebe!</i>	<i>Все нежит взоры,</i>
<i>O Mädchen, Mädchen</i>	<i>Все нежит слух.</i>
<i>Und Freud und Wonne</i>	<i>Не ты ли это,</i>
	<i>Любовь, любовь</i>

Анализ показал, что тон обоих стихотворений — светлый, радостный, основное настроение — настроение душевного подъема. Упоение красотой, любовью, природой — вот основное эмоциональное содержание. Мелодичность стихотворения Гете точно передана в переводе Фета. Подбор звуков:

У Гете:	У Фета:
<i>leuchtet — lacht</i>	<i>люблю — люби</i>
<i>Freud — Erd</i>	<i>вижу — ветви</i>
<i>Lieb — Liebe</i>	<i>любовь — вновь</i>
<i>Lerche — Luft</i>	<i>роза — заря</i>
<i>Blut — Mut</i>	<i>оживила — жить</i>
<i>ich — dich</i>	<i>мечты — счастлива</i>
<i>mir — Mut</i>	

Ритм, мелодия, стиха, интонация повышения и понижения голоса, повторение одних и тех же слов слились в своего рода мелодию, выражающую чувство восторга влюбленного героя.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по итогам анализа на интонационном уровне. Первое, что было обнаружено, это значительные расхождения оригинала с переводом. В большей степени наблюдаются несоответствия в рифме и размере стихотворения. Многие из поэтов не сохраняют рифму оригинала, заменяя опоясывающую на перекрестную (М. Лермонтов, А. Анненский, А. Блок), чередуют женскую и мужскую рифмы, что предает стихотворению иную тональность и мелодичность.

Данное преобразование, во многих случаях благодаря удачно подобранному звуковому ряду, является целесообразным, так как реципиент в ходе прочтения стихотворения определяет его настроение — либо это успокаивающая мелодия, либо тревожное звучание надвигающейся угрозы. Но следует отметить, что стремление достичь адекватности на интонационном уровне не всегда оказывается необходимо. Как, например, стихотворение Брюсова «Ночью», в котором поэт отступает от ритмической структуры оригинала и создает стихотворение, аналогичное оригиналу на фонетическом и ритмическом уровне, но при этом стихотворение теряет свой изначальный смысл и приводит к искажению восприятия главной идеи. А реципиент не может до конца оценить и определить эстетическое намерение автора.

Следовательно, совпадение ритмического рисунка стихотворения и оригинала не всегда влечет за собой сохранение эстетической функции и не раскрывает идейного замысла автора.

Список литературы

1. Томашевский Б. Теория литературы. Поэтика. — М.; Л., 1927. — 230 с.
2. Якобсон Р. Работы по поэтике. — М., 1987. — 318 с.
3. Лотман Ю. М. Языки культуры и проблемы переводимости. — М., 1987. — 154 с.
4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. — М.: Междунар. отношения, 1975. — 75 с.
5. Бархударов Л. С. О лексических соответствиях в поэтическом переводе // Тетради переводчика. — М.: Междунар. отношения, 1964. — 34 с.
6. Лозинский М. Искусство стихотворного перевода // Перевод — средство взаимного сближения народов: сб. ст. — М.: Прогресс, 1987. — 110 с.
7. Гей Н. К. Художественность литературы. Поэтика. Стиль. — М.: Наука, 1975. — 255 с.

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

ПОЭТИЧЕСКИЙ ОРИГИНАЛ И ПОЭТИЧЕСКИЙ ПЕРЕВОД: СИММЕТРИЯ, ИЗОМОРФИЗМ И ИЗОМЕРИЯ

The article deals with the set of the categories of translation studies which reflect the nature of specific relations between the original text and its translation. The study covers the traditional translation categories of equivalence and adequacy along with the relatively «new» translation categories of symmetry, asymmetry, isomorphism and isomery. The usage of these universal categories of science in the poetic translation area reveals the modern tendency of sciences, humanities and arts unification and permits to find the most effective strategies of translation. The special attention is paid to the notion of poetic text as an object-system and the typology of symmetric, isomorphic and isomeric relations between poetic original and poetic translation.

Keywords: poetic translation equivalence, adequacy, a system isomorphism, symmetry, asymmetry, isomerism.

Наука о переводе обладает рядом ключевых («вечных») задач, решение которых в конечном итоге позволит определить наиболее эффективные стратегии перевода, дать универсальное определение единицы перевода, выявить надежные критерии оценивания качества перевода и т. д. Перечисленные задачи ни в коей мере не исчерпывают всего списка актуальных переводческих задач, которые еще ждут своего решения, но все они неизбежно связаны с необходимостью определения характера отношений, существующих между оригиналом и переводом, поскольку именно наличие определенных отношений (определенной связи) свидетельствует о том, что переводной (вторичный) текст является производным от текста оригинального, обладает определенной степенью сходства с исходным текстом, а также служит доказательством самого факта состоявшегося перевода.

Установление природы отношений между оригиналом и переводом напрямую связано с проблемой переводческого тождества, поскольку именно наличие переводческих связей определяет способность перевода как особого вида языкового посредничества «в максимально возможной мере приблизить опосредованную полиязыковую коммуникацию к прямой монологической коммуникации» [Соколовский 2009: 21]. Проблема переводческого тождества в теории перевода регулярно рассматривается в контексте переводческой категории соответствия. Традиционными гипонимическими категориями, описывающими соответствие оригинального и переводного текстов, являются адекватность и эквивалентность, представляющие собой разные, но взаимосвязанные методологические подходы к решению ключевой переводческой проблемы — проблемы тождества. Исследование вопроса переводческого тождества позволило прийти к выводу о том, что «тождество — идеальная, абсолютная цель

переводческой деятельности, продиктованная одним из основных философских принципов интеллектуальной и практической деятельности и потому действующая на подсознательном уровне» [Воскобойник 2007: 43]. Как понятие переводческого тождества, так и переводческая категория соответствия восходят к тождеству как одному из основных законов логики.

Определение соответствия оригинала и перевода с позиции категории эквивалентности приобрело регулярный статус после публикации в 1959 году известной работы Р. Якобсона («On Linguistic Aspects on Translation»). Такой подход широко представлен в исследованиях, выполненных во второй половине XX — начале XXI века (В. Н. Комиссаров, Л. Л. Нелюбин, И. С. Алексеева, Н. К. Гарбовский, J. Catford, P. Newmark, E. Nida, B. Hatim, W. Wills). Известно, что категория эквивалентности заимствована в переводоведении из математики и логики, где данная категория обладает свойствами рефлексивности, транзитивности и симметричности. Соотношение оригинала и перевода также могут быть описаны в терминах данных доминантных категориальных свойств, но не посредством механического перенесения свойств математической эквивалентности на эквивалентность переводческую, а с учетом особенностей языковой и речевой системности. К наиболее значительным достижениям в изучении переводческой категории эквивалентности относятся теория уровней эквивалентности [Комиссаров 1973], теория формальной и динамической эквивалентности [Nida 1982], а также теория функциональной эквивалентности [Егер 1978]. Перечисленные выше теории свидетельствуют об уровне и относительном характере переводческой эквивалентности.

Применительно к явлениям перевода категория адекватности впервые стала регулярно использоваться в работах А. В. Федорова также для

обозначения определенного переводческого соответствия: «В целом ряде работ по теории перевода... Вместо слова «точность» выдвинулся термин «адекватность», означающий «соответствие», «соответственный», «соразмерность» [Фёдоров 2002: 171]. А. Д. Швейцер напрямую связывает адекватность с условиями межъязыковой коммуникации и разграничивает адекватность и эквивалентность: «Если эквивалентность ориентирована на соответствие создаваемого в итоге межъязыковой коммуникации текста определённым параметрам, задаваемым оригиналом, то адекватность связана с условиями межъязыковой коммуникации, с её детерминантами и «фильтрами» (селекторами, определяющими выбор конкретного варианта), с выбором стратегии перевода, отвечающей данной коммуникативной ситуации» [Швейцер 1989: 34]. Важным отличием адекватности от эквивалентности является аксиологический характер категории адекватности. Привлечение данных переводческих категорий к рассмотрению проблемы переводческого тождества, несомненно, внесло значительный вклад в науку о переводе, но все-таки оставило определённую часть теоретических и практических переводоведческих вопросов без ответа. В последнее время к категориям эквивалентности и адекватности добавились и некоторые другие научные категории, что отражает очевидную современную тенденцию к унификации исследовательских подходов в различных научных областях, в искусстве [Кальоти 1998; Урманцев 1974] и, несомненно, в переводоведении [Разумовская 2011].

Так, в лингвистике, а далее и в переводоведении появились категории изоморфизма, симметрии и изомерии, которые ни в коем случае не исчерпывают списка «неокатегорий» современного переводоведения, но являются наиболее значимыми. Значимость категорий определяется, прежде всего, тем обстоятельством, что они позволяют определить степень и природу сходства (подобия) оригинального и переводного текстов посредством несколько иных методологических подходов.

Художественный текст, и в особенности текст поэтический, — это сложная многоуровневая система, состоящая из большого числа взаимосвязанных и взаимодействующих элементов. В отношении художественного текста плодотворной может оказаться идея о том, что художественный текст как художественный объект (композиция, единство) вслед за аналогичным понятием, разработанным в рамках общей теории систем, может быть более точно определен как объект-система [Урманцев 1988]. Таким образом,

отношения соответствия в переводе устанавливаются относительно двух и более объектов-систем, представленных объектом-системой оригинала и одним и более объектами-системами переводов (при условии, что перевод одного оригинального текста осуществлялся несколько раз на один или несколько иностранных языков).

Рассмотрение переводческого тождества в контексте ряда универсальных научных категорий неизбежно сталкивается с проблемой определения конкретной категории и присущих ей характеристик посредством других категорий, привлекаемых для анализа переводческого тождества, включая и рассмотренную выше категорию эквивалентности.

Понятие изоморфизма (равнооформленности) берет начало в естественнонаучной области (Э. Митчерлих) в первой трети XIX века. В дальнейшем понятие изоморфизма стало употребляться в математике и других научных областях и определяться как сходство обычно довольно высокой степени, устанавливаемое главным образом по морфологическим признакам, отражающим сходство формы и структуры. В рамках общей теории систем Ю. А. Урманцев предлагает понятие системного изоморфизма, которое, по мнению исследователя, является универсальным во всех областях знаний и может заменить понятие эквивалентности. Отношение системного изоморфизма между объектами-системами определяется как отношение, обладающее рефлексивностью (объект-система изоморфична сама себе) и симметричностью (два объекта-системы изоморфичны друг другу). Системный изоморфизм является очевидной экспликацией отношения сходства. Высшей формой системного изоморфизма является тождество, наиболее распространенной формой существования — неполное сходство, а частным случаем — эквивалентность. Исследователь считает, что любой объект схож с любым другим объектом по отношению, что данный объект является объектом-системой и принадлежит хотя бы одной системе объектов данного рода. По данному отношению любой объект-система выступает изоморфической модификацией другого объекта системы независимо от разделяющего их расстояния, что позволяет Ю. А. Урманцеву сформулировать закон сохранения системного сходства: какие бы превращения объекты-системы ни испытывали, системное сходство как с самими собой, так и с другими объектами-системами сохраняется.

В лингвистике наиболее часто встречается традиционное понимание изоморфизма как

параллелизма в организации звуковой и смысловой сторон языка. Современное изучение лингвистического изоморфизма берет начало от работы польского языковеда Е. Куриловича, применившего изоморфный подход к обозначению структурных аналогий между звуковыми и семантическими единицами [Курилович 1962: 21]. Плодотворная идея изоморфизма была заимствована через лингвистику в переводоведение, где стали появляться исследования, выполненные с позиции категории изоморфизма. В частности, Ю. Найда излагает идеи по поводу применения понятия изоморфизма для поиска переводческих эквивалентов [Найда 1996: 38]. Т. А. Казакова также считает, что применение понятия изоморфизма к исследованию процесса перевода и его результатов дает дополнительный эффективный оператор, позволяющий логически доказать характер эквивалентности [Казакова 2002: 279].

Как было отмечено выше, симметрия одной из характеристик изоморфизма является особым видом структурной организации объектов. С одной стороны, симметрия понимается как единство тождества и различия, при этом объекты, являющиеся исходным пунктом и результатом преобразований симметрии, будучи различными, рассматриваются как эквивалентные по ряду существенных признаков. С другой — симметрия трактуется как единство сохранения и изменения, причем преобразования симметрии, будучи изменениями объектов, понимаются как не затрагивающие их сохраняющиеся инвариантные характеристики. Категории тождества и различия, сохранения и изменения, неразрывно связанные с категориями части и целого, характеризуют диалектические взаимосвязи объекта и раскрывают философское понятие симметрии [Пономаренко 2007].

Исследуя вопросы языковой системности, В. А. Карпов отмечает, что тождество является разновидностью симметрии, а нетождественность — разновидностью асимметрии. При частичном совпадении и одновременно частичном несовпадении признаков сопоставляемых объектов принято говорить о диссимметрии [Карпов 2003]. Симметрия является одной из наиболее фундаментальных и одной из наиболее общих закономерностей природы и общества и признана одним из самых сильных средств познания первоначально в математике, а позднее в науке и в искусстве [Шубников, Копчик 1972; Урманцев 1974].

Еще одной неокатегорией современной науки о переводе является категория изомерии. В химии изомерия традиционно определяется как

явление, заключающееся в существовании веществ (преимущественно органических), одинаковых по молекулярному составу и молекулярной массе, но различающихся по строению или пространственному расположению атомов и различающихся вследствие этого по физическим и химическим свойствам. В специальной литературе отмечается, что явление языковой изомерии было предсказано сравнительно недавно Ю. А. Урманцевым при разработке авторской общей теории систем [Урманцев 1974]. Ю. А. Урманцев дает общее определение изомерии как системы объектов одного и того же рода, состоящей из объектов-систем, одинаковых по составу — числу и виду — «первичных элементов», но различных по взаимоотношениям последних. Изомерия представляет собой множество перестановок или размещений «первичных элементов». В рамках подхода, развивающего идею языковой системности, В. А. Карпов считает, что суть феномена языковой изомерии заключается в том, что сложные языковые конструкции могут быть одинаковыми по составу элементов нижележащего уровня, но благодаря разному порядку следования этих элементов, конструкции имеют различные свойства, что полностью соответствует общему определению изомерии [Карпов 2001]. В. А. Карпов выделяет лексическую и синтаксическую изомерию и отмечает связь изомерии с другими универсальными языковыми феноменами (например с омонимией), что поддерживает очевидную тенденцию к изомеризации языковой системы в целом. Развивая идеи В. А. Карпова об языковой изомерии, С. Г. Барбук выдвигает гипотезу о том, что лингвистическая изомерия соответствует математическому определению изомерии, имеет отличительные черты и представлена на различных языковых уровнях. Исследователь описывает грамматические и семантические особенности изомерии, предлагает классификацию лингвистической изомерии и отмечает, что изомерия может иметь развитие в виде симметрии / асимметрии (диссимметрии) [Барбук 2000].

Рассмотрение вопросов переводческой тождественности поэтического текста и его переводов с позиции категорий изоморфизма [Разумовская 2008], симметрии [Разумовская 2010а, 2010б] и изомерии позволяет выдвинуть гипотезу о том, что переводческий изоморфизм представлен на различных языковых уровнях и предполагает подобие структур двух объектов-систем (текста-оригинала и текста-перевода), вовлеченных в процесс перевода. Переводческая изомерия

основывается на отношении соответствия состава (элементов) двух объектов-систем, при котором сходство состава объектов-систем сопровождается различными межэлементными отношениями. Переводческая симметрия / асимметрия определяет различные виды равенства / неравенства, существующие между оригиналом и переводом и имеющие лингвистическую и экстралингвистическую основу. Использование ряда «неокатегорий» переводоведения в настоящее время имеет преимущественно дескриптивный характер, что, однако, не противоречит перспективе создания теории перевода, основанной на принципах комплементарности и унификации.

Список литературы

1. Барбук С. Г. Анализ лингвистической изометрии на разных уровнях. автореф. дис. ... канд. филол. наук — Минск, 2000. — 20 с.
2. Воскобойник Г. Д. Диалектика тождества и когнитивного диссонанса: к вопросу о становлении переводческой эпистемы // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур: сб. науч. докл. междунар. конф., 20—31 янв. 2007 г. / сост. О. М. Готлиб. — Иркутск: ИГЛУ, 2007. — С. 43—48.
3. Егер Г. Коммуникативная и функциональная эквивалентность // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике: сб. ст. — М.: Междунар. отношения, 1978. — С. 137—155.
4. Казакова Т. А. Изоморфизм как условие перевода // Университетское переводоведение: материалы III междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения», 26—28 окт. 2001 г. — СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2002. — С. 274—284.
5. Кальоти Дж. От восприятия к мысли. О динамике неоднозначного и нарушениях симметрии в науке и искусстве. — М.: Мир, 1998. — 221 с.
6. Карпов В. А. Проблемы структурной языковой изометрии // Труды ученых лингвистических вузов. — Минск: Изд-во БелГУ, 2001. — С. 127—133.
7. Карпов В. А. Язык как система. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 304 с.
8. Комиссаров В. Н. Слово о переводе — М.: Междунар. отношения, 1973. — 215 с.
9. Курилович Е. Очерки по лингвистике — М.: Изд-во иностр. лит., 1962. — 240 с.
10. Найда Ю. Изоморфные связи и эквивалентность в переводе // Перевод и коммуникация / отв. ред. А. Д. Швейцер, Н. К. Рябцева, А. П. Василевич. — М.: Инс-т. языкознания РАН, 1996. — С. 35—42.
11. Пономаренко И. Н. Лингвистическая аспектизация универсального принципа симметрии // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Филология». Т. 20 (59). № 3. 2007. — С. 283—287.
12. Разумовская В. А. Русский поэтический текст в переводах: звуковая симметрия и асимметрия // Вестн. Иркут. гос. ун-та. № 4, Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингвист. ун-та, 2010а. — С. 142—149.
13. Разумовская В. А. Симметрия художественных текстов и переводов // Язык и культура. № 4. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010б. — С. 30—43.
14. Разумовская В. А. К вопросу унификации науки, искусства и перевода // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. № 3 (69). СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та экономики и финансов, 2011. — С. 32—37.
15. Соколовский Я. В. Соотношение оригинала и перевода художественного текста: изоморфно-когнитивный подход: дис. ... канд. филол. наук. — Красноярск, 2009. — 233 с.
16. Урманцев Ю. А. Симметрия природы и природы симметрии / Ю. А. Урманцев. — М.: Мысль, 1974. — 229 с.
17. Урманцев Ю. А. Общая теория систем: состояние, приложения и перспективы развития // Система. Симметрия. Гармония. — М.: Мысль, 1988. — С. 38—124.
18. Фёдоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) — СПб.: СПбГУ; М.: Филология три, 2002. — 416 с.
19. Швейцер А. Д. Эквивалентность и адекватность перевода // Тетради переводчика: науч.-теорет. сб. — М.: Высш. шк., 1989. — С. 31—39.
20. Шубников А. В., Копчик В. А. Симметрия в науке и искусстве — М.: Наука, 1972. — 380 с.
21. Nida E. A., Tiber C. R. The Theory and Practice of Translation — Lieden: E. J. Brill, 1982. — 218 p.
22. Razumovskaya V. A. Изоморфизм поэтического текста и проблема переводимости // Russian Language and Literature Studies. № 3 (Serial № 21). Harbin, 2008. — p. 42—46.

М. В. Рявкина (Челябинск, Россия)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНОВ

The article discusses the main problems, which complicate the translation of advertising slogans. The possible solutions are presented for each of these cases. This work contains the recommendations that facilitate the procedure of adaptation a slogan for foreign consumers.

Keywords: slogan, advertisement, translation, problem.

В XXI веке роль рекламы возросла до предела. На сегодняшний день просто невозможно представить рынок товаров и услуг без столь значительного атрибута. Именно реклама является посредником между покупателем и продавцом. Она побуждает потенциального клиента стать фактическим обладателем конкретного продукта.

Как известно, у каждого покупателя есть так называемый психологический «барьер осторожности», препятствующий приобретению чего-то нового, ранее неизвестного. Однако благодаря слогану — неотъемлемой и наиважнейшей части рекламы, — у человека появляется желание купить конкретный продукт. Именно поэтому особенно важно наиболее точно и полно перевести данный лаконичный текст. Такая процедура является одной из самых сложных в сравнении с остальными моментами адаптации текста рекламы под иноязычных потенциальных покупателей. Здесь недостаточно лишь одного знания иностранного языка, ведь порой, понимая весь смысл высказывания в целом и каждого его отдельного компонента, переводчик не в состоянии подобрать лаконичный эквивалент, который бы в полной мере соответствовал первоисточнику. К тому же, рекламный слоган не только должен передавать смысл, но и привлекать потенциальных покупателей. Однако часто это задача трудноосуществима. Для того чтобы быстрее найти ее решение, необходимо подробнее изучить сам рекламный слоган [Алексеева 2001: 234].

Данный лаконичный текст совмещает в себе две функции, которые и раскрепощают действия потребителя. В первую очередь это информирующая функция, благодаря которой мы узнаем о пользе и назначении продукта. Во-вторых, это воздействующая, то есть побуждающая к покупке и оказывающая влияние на наши чувства и действия. Можно с уверенностью сказать, что две эти функции в неравной степени представлены в рекламном слогане. Одна из них доминирует, тем самым выходя на первый план, а другая уходит в тень, но, разумеется, продолжает выполнять свои задачи. Прежде чем начинать переводить рекламный слоган, следует установить, какая из данных функций является наиглавнейшей,

то есть что нужно будет обязательно передать в конечном варианте: наиболее полную информацию или экспрессию при помощи окказионализмов, сленговых выражений, повелительных конструкций и т. д. Так, например, американский слоган шоколадного батончика Snickers «Hungry? Grab a Snickers» был переведен при помощи созданного самим переводчиком окказионализма: «Проголодался? Сникерсни!» Тем самым можно утверждать, что воздействующая функция здесь является доминирующей. Для слогана японских автомобилей Nissan Qashqai «UrbanProof» был подобран следующий эквивалент: «Бросая вызов городской стихии». Таким образом, переводчик посчитал, что информационная составляющая данного высказывания должна превалировать, даже несмотря на то, что автор стремился к лаконичности слогана [Бреус 1998: 152].

Следует отметить, что при переводе рекламных слоганов можно столкнуться с одной из самых распространенных проблем, а именно с проблемой адаптации данного высказывания к иным национальным особенностям населения. Некоторые рекламные слоганы содержат в себе идиомы, наименования определенных предметов или явлений, не имеющие эквивалентов в других языках. Также иногда в них заключена информация, указывающая на определенное произведение или кинокартину, которые, предполагается, население данной страны должно непременно знать. Однако при переводе отсылка может просто не сработать. Именно поэтому приходится подбирать наиболее близкие аналоги таких языковых элементов. Так, например, слоган американского безалкогольного напитка Coca-Cola «Coca-Cola — The Coke side of life» по-русски звучит как: «Все будет кока-кола». При переводе специалист столкнулся с проблемой адаптации идиомы под русскоговорящее население. Старая американская поговорка «sunny side of life» имеет в нашем языке следующие наиболее близкие к оригиналу эквиваленты: «светлая сторона жизни» или «все будет хорошо». Именно второй вариант был обыгран переводчиком, тем самым ему удалось точно передать смысл высказывания. Другой пример, слоган датского пива Carlsberg: «Carlsberg — probably the best lager in the

world», был переведен как «Carlsberg — пожалуй, лучшее пиво в мире». Поскольку в русском языке нет аналога слову «lager», его значение было приравнено к значению слова «beer», то есть был употреблен такой литературный прием, как синекдоха [Беспалова 2010].

Другая не менее значительная проблема — это стихотворная рифма рекламного слогана. Не каждый переводчик является поэтом, к тому же если нужно еще и наиболее полно донести смысл оригинала. Поэтому перед нами встает задача либо передать информативность высказывания, но пренебречь ярким экспрессивным приемом — рифмой, либо сохранить ее, поскольку она играет важную роль в оказании воздействия на потенциального потребителя и остается у него в памяти надолго. Приведем пример: слоган пшенично-картофельной закусочки Pringles «Once you pop you can't stop» приобрел русский аналог: «Попробовав раз, ем и сейчас». Переводчику в данном высказывании удалось не только передать весь заложенный смысл, но и сохранить рифму. Другой не менее удачный пример — слоган американского средства для лечения никотиновой зависимости Nicorette «Nicorette, Nicorette, you can beat the cigarette!» по-русски звучит как «Никоретт, Никоретт, можно жить без сигарет!» Иногда при переводе специалисты используют рифму для наибольшего привлечения покупателей, хотя оригинал был в прозе. К тому же в результате слоганы редко соответствуют первоисточнику. Например, слоган итальянских колготок Omsa «What legs! Much more than legs! Omsa knows how to be admired!» получил русский эквивалент: «От Парижа до Находки “Omsa” — лучшие колготки». Другой пример — слоган американского моющего средства Mr. Clean «Mr. Clean will clean your whole house and everything that's in it» по-русски звучит как «С Mr. Proper веселей, в доме чисто в два раза быстрее» [Злобина 2010].

Благодаря такому активно функционирующему процессу, как глобализация, иностранные языки активно проникают в другие государства. Тем самым все большая аудитория имеет определенное знание английского, немецкого, французского и других языков. Поэтому некоторые лаконичные тексты, в которых присутствует наиболее простая лексика, не подвергаются переводу. Например, слоган французских автомобилей Citroën «Creative Technologie» остался в других государствах нетронутым. То же самое произошло и со слоганом немецких автомобилей Volkswagen «Volkswagen. Das Auto». К тому же, этот нехитрый способ позволяет привлечь потенциальных

покупателей: ведь лаконичный текст на иностранном языке для некоторых людей служит показателем качества товара. Таким образом, перед тем как переводить рекламный слоган, специалист должен задуматься, стоит ли адаптировать выражение под иностранных граждан или оно будет наиболее выигрышно смотреться в первоначальном виде. Ведь приведенные выше примеры доказывают, что иногда нетронутый оригинал является наилучшим решением, поскольку именно он привлекает большее количество потребителей по сравнению с иноязычным аналогом [Петрова 2010].

Актуальной проблемой при переводе рекламных слоганов остается и выбор лексики. Для этого нужно уметь четко определять, на какую целевую аудиторию рассчитан данный товар, а следовательно, и реклама. Если она ставит своей задачей привлечь молодое поколение, то уместно будет использовать сленговые выражения, даже если в оригинале они не присутствовали. Так, например, слоган французских мужских дезодорантов Ахе «Wake Up & Stay Alert» звучит по-русски как «Проснись на раз, врубись на два». Переводчик, чтобы заинтересовать юношей новым продуктом, вместо выражения «stay alert» с нейтральной окраской, имеющего русский эквивалент «будь бдителен», использовал молодежный жаргон «врубись». Если же товар ориентирован на разные возрасты, то следует придерживаться общеупотребительной лексики, ведь подростковые слова в рекламе рискуют быть непонятными или негативно воспринятыми старшим поколением [Беспалова 2010].

Таким образом, прежде чем начинать переводить рекламный слоган, его нужно проанализировать. Чтобы осуществить данную задачу наиболее эффективно, следует установить: 1) нуждается ли в переводе данный слоган или его можно оставить нетронутым; 2) какая функция рекламного слогана (воздействующая или информирующая) является в данном случае доминирующей, то есть что будет важнее отразить в переводе; 3) на какую целевую аудиторию он рассчитан; 4) официальный или неофициальный стиль речи в рекламном слогане; 5) можно ли пренебречь рифмой (если оригинал содержит ее) или именно она играет важную роль в оказании воздействия на потребителя; 6) содержит ли рекламный слоган национальные особенности определенной страны, которые будут непонятны иностранцам, и поэтому его нужно будет адаптировать под культуру каждой конкретной страны [Алексеева 2001: 235—239].

Соблюдая приведенные выше правила, можно улучшить и ускорить процесс перевода столь

коварного текста, как рекламный слоган. Не следует забывать, что это лаконичное высказывание требует к себе особого подхода, именно в нем выражается весь ваш творческий потенциал. Ведь от того, как будет переведен оригинал, зависит количество людей, стремящихся приобрести данный продукт, а значит и успех самой фирмы.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика: учеб. пособие по устному и письм. переводу для переводчиков и преподавателей. — СПб.: Союз, 2001. — 288 с.
2. Беспалова Н. В. Безэквивалентные реалии в английских рекламных текстах. — Режим доступа: <http://www.study-english.info/article029.php>
3. Бреус Е. В. Основные теории и практики перевода с русского языка на английский. — М.: УРАО, 1998. — 208 с.
4. Злобина И. С. Особенности перевода английских рекламных текстов на русский язык. Режим доступа: <http://www.alba-translating.ru/index.php/ru/articles/2010/161-advertisingtranslation.html>
5. Петрова Е. Е. Особенности перевода рекламных слоганов. Режим доступа: <http://tt.pstu.ru/mnp10/mnp10/s8/Petrova.htm>

Ю. А. Салимова (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АББРЕВИАТУР С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

The article deals with problems of translation abbreviations from English language to Russian one. It shows different variations, main characteristics of abbreviations and ways of translation abbreviations from one language to another.

Keywords: *abbreviation, acronyms, backronyms, set expressions, foreign abbreviations.*

Рассмотрим понятие «аббревиатура», под которым понимают сложносокращённое слово, составленное из начальных элементов (морфем) словосочетания. Проблема связи звучания и значения аббревиатур — одна из центральных, наиболее сложных и спорных проблем в теории аббревиации. Называя аббревиатуры лексическими единицами, мы должны признать в них и единство звучания и значения, причем значения, связанного не с отдельными звуками (фонемами), из которых состоит данная аббревиатура, а с особым образом организованным звуковым комплексом, каковым является аббревиатура.

Основная задача аббревиатур — это экономия речи и письменного текста. При произношении аббревиатура по времени звучания примерно в пять раз короче соответствующего ей понятия, а при написании экономия еще более впечатляющая. Однако преимущества такой экономии хороши только до тех пор, пока аббревиатуры понятны собеседникам и их переводчику [Арбекова 2002: 109].

В. Б. Шеметов говорит, что аббревиатура характерна для:

- терминов;
- реалий;
- иноязычных языковых вкраплений;
- устойчивых сочетаний.

Аббревиатура, обладая исключительно назывной функцией, переводится эквивалентом или близким понятием [Шеметов 2005: 121].

Существуют следующие разновидности аббревиатур:

- буквенная;
- звуковая (акроним);
- буквенно-звуковая;
- бэкроним;
- усеченные слова;
- омоакронимы.

Буквенные сокращения образуются из начальных букв сокращенных слов и словосочетаний. Такие инициальные сокращения слов произносятся полностью как исходные слова («р» (page) — страница).

Сокращения словосочетаний произносятся чаще всего по буквам, согласно их алфавитному названию, а в некоторых случаях начальные буквы сокращения сливаются и образуют как бы новое слово, которое произносится в соответствии с английской произносительной нормой (UNESCO [ju:'neskou] — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры).

Акроним — аббревиатура, образованная из начальных букв, частей слов или словосочетаний, произносимая как единое слово, а не побуквенно. Например: LOL = Laughing Out Loud переводится как «умирать от смеха».

Буквенно-звуковая аббревиатура образована частично из названий начальных букв, частично из начальных звуков слов исходного словосочетания.

Бэкроним — слово, толкуемое в качестве акронима (или аббревиатуры), который исходно не подразумевался. Примером бэкронима служит истолкование аббревиатуры *SÉCAM* в качестве сокращения слов «System Essentially Contrary to American» («Система, по сути противоположная американской») [Балашова 2010: 7].

Усеченные слова. При этом способе сокращения может отпадать:

- начальная часть слова, причем оставшаяся часть читается как новое слово: chute [Su: t] = parachute — парашют;
- конечная часть слова: min = minute — минута;
- средняя часть слова: Ry = railway — железная дорога.

Омоакронимы, т. е. акронимы, омонимичные обычным словам. Например, HEAR «hospital emergency ambulance radio» — «рация больницы неотложной медицинской помощи» и to hear «слышать»; a top — «наивысшая точка чего-либо» [Балашова 2010: 13].

Следует отметить, что система сокращений в любом языке является неотъемлемой частью его общей лексико-семантической системы и поэтому системы сокращений в разных языках существенно различаются. Весьма различается частота употребления конкретных групп сокращений, в частности в английском е. g. (exempli gratia), в то время как в русском языке предпочтительнее употреблять в аналогичных случаях «например». Из этого видно, что не следует стремиться в каждом случае передавать иностранные сокращения на русском языке также сокращением [Виноградов 2004: 38].

Существуют основные способы передачи иностранных сокращений на русском языке:

- передача иностранного сокращения эквивалентным русским сокращением;
- заимствование иностранного сокращения (с сохранением латинского написания);
- передача буквенного состава иностранного сокращения русскими буквами (транслитерация);
- передача фонетической формы иностранного сокращения русскими буквами (транскрипция);
- описательный перевод;
- создание нового русского сокращения;
- передача иностранного сокращения эквивалентным русским сокращением.

Аббревиация стала в последнее время одним из наиболее продуктивных способов пополнения словарного состава многих языков. Число сокращенных лексических единиц в развитых языках составляет десятки тысяч.

Если перевод речи трудностей практически не вызывает, то аббревиатуры иногда становятся непреодолимой преградой. Проблема аббревиации привлекает все большее внимание лингвистов. Широкое использование самых различных сокращений — это своего рода ответ языка на происходящую в мире научно-техническую революцию. И не удивительно, что наиболее интенсивно аббревиация используется именно для пополнения лексики новых, бурно развивающихся отраслей науки и техники: космонавтики, ракетного дела, радиоэлектроники, ядерной энергетики, программирования и т. д.

Список литературы

1. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка. М., 2002. — С. 109
2. Балашова А. О. Способы переводов терминов-аббревиатур. Режим доступа: <http://referat.bookap.info/work/41905/Sposoby-perevodov-terminov-abbreviatur>
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М., 2004. — С. 38.
4. Шеметов В. Б. Лекции по теории перевода / М., 2005. — С. 121.

Е. С. Сотникова (Челябинск, Россия)

ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА РУССКОЯЗЫЧНЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ НА АНГЛИЙСКИЙ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЯЗЫКИ на примере романа «Мы» Е. Замятина

The following article deals with the problems in translation of Russian literature into other languages which are caused by a boundless potential of word-formation and free word-order of the Russian language. The author discusses the topic on basis of Russian novel «We» by Yevgeny Zamyatin and its translations.

Keywords: translation, original works, Yevgeny Zamyatin, «We».

Утверждение, что книги нужно читать в оригинале, всегда подвергалось критике. С одной стороны, для людей, не знающих язык, перевод — единственная возможность познакомиться с произведением иностранного автора, с другой — очень часто невозможно перевести фразу так, чтобы ее структура и смысл остались неизменными. И если легкие современные произведения не пострадают при переводе, то многие шедевры мировой литературы могут претерпеть серьезные изменения. Это зависит, конечно же, от особенностей того или иного языка.

Русский язык, характеризующийся почти свободным порядком слов и широкими возможностями словообразования, зачастую ставит перед переводчиками непосильную задачу: как перевести тот или иной оборот без потери смысла? Никак, потому что восприятие языковых средств носителями языка носит более глубокий характер, и некоторые моменты могут быть недоступны тем, кто этот язык изучает, пусть и на высоком уровне.

Роман Евгения Замятина «Мы» и стиль автора очень интересны с точки зрения грамматики, ведь Замятин использует большое количество неполных предложений и определений, которые расшифровываются скорее на уровне ощущений и восприятия, чем грамматически и по смыслу.

Разумеется, наиболее любопытно будет проследить то, как это отразилось на переводах этого романа. Для примера возьмем два первых издания на английском (1924) и французском (1929) языках.

Возьмем, например, фрагмент текста из французского издания и попробуем перевести его обратно на русский язык:

«Écoutez, dis-je à mon voisin en le tirant par la manche, Écoutez, je vous dis! Répondez-moi: de l'autre côté de la limite de votre univers fini, qu'y a-t-il?» Il n'eut pas le temps de me répondre car un bruit de pas descendait vers nous... [Zamiatine 1929: 294].

«Послушайте, говорю я соседу, дергая его за рукав, послушайте, говорю я вам! Ответьте мне: что там, за границей вашей вселенной?» Он не

успел мне ответить, потому что к нам приближался звук шагов...

Сравним получившийся перевод с оригинальным текстом:

— Слушайте, — дергал я соседа. — Да слушайте же, говорю вам! Вы должны — вы должны мне ответить: а там, где кончается ваша конечная Вселенная? Что там — дальше? Ответить он не успел; сверху — по ступеням — топот [Замятин 1989: 113].

Теперь таким же образом рассмотрим фрагмент английской версии.

Yes, epilepsy, a mental disease, a pain. A slow, sweet pain, bite, and it goes deeper and becomes sharper. And then, slowly, sunshine — not our sunshine, not crystalline, bluish, and soft, coming through the glass bricks. No, a wild sunshine, rushing and burning, tearing everything into small bits... [Zamiatin 1924: 18].

Да, эпилепсия, душевная болезнь, боль. Медленная, сладкая боль, укус, и она идет глубже и становится острее. А затем, медленно, солнечный свет — не наш солнечный свет, не прозрачный, голубоватый и мягкий, идущий сквозь стеклянные кирпичи. Нет, дикий свет, несущийся и горящий, разрывающий всё на кусочки.

В оригинальной русской версии этот фрагмент звучит так:

Да, эпилепсия — душевная болезнь — боль... Медленная, сладкая боль — укус — и чтобы еще глубже, еще большее. И вот, медленно — солнце. Не наше, не это голубовато-хрустальное и равномерное сквозь стеклянные кирпичи — нет: дикое, несущееся, опаляющее солнце — долой все с себя — все в мелкие клочья [Замятин 1989: 13].

Как видно из приведенных выше цитат, возникновение различий между оригиналом и переводом неизбежно из-за несоответствий в грамматиках языков. Основная особенность русского языка, и в частности языка Е. Замятина, — это обилие неполных предложений, дословный перевод которых влечет за собой потерю смысла. То, что носителю языка понятно интуитивно, всегда требует раскрытия при переводе. Порядок слов

в русском языке играет намного более важную смысловую роль, чем в английском или французском, где места членов предложения практически неизменны. Многозначность слов английского языка также затрудняет понимание, ведь зачастую два-три значения могут удачно «вписаться» в контекст, передавая общую идею, но авторский смысл будет утерян.

Таким образом, можно сделать вывод, что основной особенностью русскоязычных текстов является необычайная точность используемых в них слов и конструкций, оттенок которых улавливается только носителями языка. Это, разуме-

ется, создает определенные преграды как для переводчиков, так и для иностранных читателей русской литературы. Как сказал однажды французский философ и лексикограф Пьер Буаст, «перевод есть не более чем гравюра; колорит неподражаем».

Список литературы

1. Zamiatin E. *We* / пер. с рус. Gregory Zilboorg, N. Y.: Dutton, 1924.
2. Zamiatine E. *Nous autres* / пер. с рус. B. Cauvet-Duhamel. Paris: Gallimard, 1929.
3. Замятин, Е. Мы. — М.: Книж. палата, 1989.

К. С. Фатхуллова, А. Ш. Юсупова (Казань, Россия)

ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

The article deals with the problem of the translation. It highlights the translational issue as means of intercultural communication.

Keywords: *translation, intercultural communication.*

Использование материалов периодической печати, газетно-информационных текстов при обучении татарскому языку как неродному играет весьма важную роль, потому что изучение языка невозможно в отрыве от культуры, а газета как источник новейшей информации является частью культуры народа. Студенты, практически овладевая татарским языком как средством межкультурного и межличностного общения, учатся работать с материалами периодической печати, извлекать необходимую информацию из сайтов татарской прессы (*matbugat.ru*). Обращение к газетному материалу в процессе изучения татарского языка как неродного обусловлено несколькими причинами. Во-первых, газетная лексика является актуальной и современной, через её призму обучающиеся понимают особенности стилистики и специфичные явления в татарском языке. Во-вторых, информация, содержащаяся в газетных публикациях, помогает студентам понять современные тенденции политического, экономического, научного и культурного развития нашей республики, быть в курсе важнейших событий и новостей, а также давать им свою оценку. В-третьих, газетные материалы содержат дискуссионные вопросы, которые помогают организовать обсуждение и тем самым развивают навыки устного общения с использованием новых лексических единиц по заданной теме. В процессе работы над газетными статьями мы развиваем у студентов навыки комплексного подхода: овладение различными

видами чтения (поисковое, просмотровое, ознакомительное, изучающее); работа с контекстом для правильного использования лексико-грамматических единиц в речевой коммуникации. Кроме того, газетная лексика и различная тематика статей являются прекрасным материалом для развития навыков говорения. Всё это в целом способствует достижению основной цели обучения татарскому языку на современном этапе — формированию у студентов коммуникативной компетенции.

Для развития у русскоязычных студентов навыков чтения и понимания информационных статей, кратких сообщений, статей обзорного характера мы используем в своей работе газеты «Ватаным Татарстан», «Шәһри Казан», «Татарстан яшьләре», журналы «Татарстан», «Идел», «Ялкын» и т. д.

Для успешной организации этой работы мы опираемся на труды известного переводоведа В. Г. Гака, в которых рассматриваются вопросы двустороннего перевода общественно-политической лексики и даются пояснения, способствующие развитию навыков, необходимых для преодоления переводческих трудностей при работе с материалами периодической печати. По его мнению, «в задачу перевода входит не только точное изложение содержания мыслей, сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения. Именно эта задача — вос-

создание единства содержания и формы — отличается перевод от иных способов передачи содержания, изложенного на другом языке» [Гак 1980: 8]

Для подготовки студентов к этой работе сначала используются подготовительные упражнения, состоящие из отдельных слов, словосочетаний и предложений, с тем чтобы они научились различать лексические особенности контактирующих языков при переводе с татарского языка на русский, и наоборот.

Для полноценной передачи содержания газетной статьи большое значение имеет выбор лексического соответствия. Поэтому этот тип трудностей связан, во-первых, с многозначностью лексических единиц татарского и русского языков; во-вторых, с несовпадением объема значений слов в двух языках; в-третьих, с несовпадением синонимических рядов и, в-четвертых, с наличием в газетных текстах определенных реалий и фразеологических единиц. Как в татарском, так и в русском языке слова отличаются разнообразием значений и смысловых оттенков, поэтому студенты испытывают определенные трудности при их переводе и обращаются прежде всего к контексту. Возьмем, например, свободные и устойчивые словосочетания, наиболее часто встречаемые в материалах периодической печати, в состав которых входит слово *жизнь*, и посмотрим, как они передаются на татарском языке: *возникновение жизни — тереклекнең барлыкка килүе; в течение всей жизни — гомере буена; общественная жизнь — иҗтимагый тормыш; находиться между жизнью и смертью — яшәү белән үлем арасында тору; ни в жизнь — беркайчан да (гомердә дә); отдать жизнь за кого-либо — үзеңне корбан итү* и т. д. Если обратиться к различным сочетаниям со словом *тормыш* в татарском языке, то мы обнаружим при их переводе множество смысловых оттенков: *тормыш иптәше — супруг, супруга; тормыш юлы — жизненный путь; тормыш корырга — создать семью; тормышка ашмаслык — неосуществимый; тормышка бирергә — выдать замуж* и т. д. Приведем другой пример, чтобы продемонстрировать, как передаются смысловые оттенки слова *мир* в татарском языке в различных контекстах: *происхождение мира — дөньяның барлыкка килүе; всем миром — бергәләп; не от мира сего — күктән төшкән; жить в мире — дус яшәү; борьба за мир — тынычлык өчен көрәш; мир дому твоему — йортың исән-имин булсын* и т. д. Как видно из примеров, на начальном этапе важно знакомить студентов с отдельными лексическими единицами и способами их употребления в другом языке, а также научить их учитывать при пе-

реводе конкретный контекст. Системная и последовательная работа по практическому усвоению лексических единиц и их эквивалентов в изучаемом языке способствует выработке переводческих навыков студентов и совершенствованию их коммуникативных умений. Одним из методических приёмов овладения лексикой изучаемого языка на подготовительном этапе является проведение диктантов, которые позволяют практически усвоить слова, относящиеся к различным частям речи, а также устойчивые выражения, активно употребляемые в татарской речи. Например, с помощью следующих словосочетаний студенты запоминают способы передачи на татарском языке прилагательного *добрый* в различных контекстах: *добрый человек — игелекле кеше, добрые друзья — якын дусларым, доброе имя — керсез исем, добрые дела — мактаулы эшләр, в добрый путь — хәерле юл, доброго здоровья — исәнлек-саулык, по доброй воле — үз ихтыяры белән* и т. д. В качестве другого примера могут служить словосочетаниями с глаголом *идти*: *идти на работу — эшкә бару, идти домой — өйгә кайту, часы ходят — сәгать йөри, дождь идет — яңгыр ява, время идет — вакыт үтә, это платье вам идет — бу күлмәк сезгә килешә, идти под венец — өйләнешү, дым идет — төтен күтәрелә, весна идет — яз килә, идти ко дну — бату, идти учиться — укырга керү*. Как видно из примеров, одному слову русского языка соответствуют 5–6 лексем татарского языка.

Лексические трудности перевода бывают обусловлены также передачей географических названий, поэтому необходимо провести подготовительную работу и в этом направлении. Например, *Согуд Гарәбстаны — Саудовская Аравия, Урта диңгез — Средиземное море, Караком чүле — пустыня Каракумы, Дәһли шәһәре — город Дели, Дәмәшк шәһәре — город Дамаск, Мисыр — Египет, Татар бугазы — Татарский пролив* и т. д. В поле зрения преподавателя должны быть также и сложносокращенные слова, которые часто встречаются в газетных публикациях, например, *БДБ илләре — страны СНГ, АКШ вәкилләре — представители США, ЮХИДИ хезмәткәрләре — сотрудники ГИБДД* и т. д. Как показывает опыт практической работы, при переводе газетных материалов студенты испытывают наибольшую трудность в подборе эквивалентов таких словосочетаний, как *политические лозунги, агентство недвижимости, земельные участки, по сообщению пресс-службы ГИБДД Казани, постоянно действующие комиссии Государственного Совета, год благотворительно-*

сти, общество с ограниченной ответственностью и т. д. Одной из особенностей татарских текстов является активность парных слов, которая наблюдается и в газетных материалах. Например, *хал-халэт (ситуация), төрледән-төрле (разные), эшне оештыру-уткару (проведение работы), уй-гамәлләрбез (наши подходы), хәф-хәтәрләр (опасности), сөйләшкән-аралашканнан соң (после беседы)* и т. д. Особого мастерства требует от студентов передача на другом языке названий статей, которые должны сохранять свою ёмкость, образность и в тоже время привлекать внимание читателей. С помощью примеров, взятых их газет и журналов, преподаватель убеждает студентов в необходимости лексико-грамматической трансформации, которая не искажает содержания статьи. Например, *үзеңне жиңү- иң зур жиңү (испытанный властью), хәтерләр яңара һәйкәлләр белән (память и памятники), сөйдергән дә, биздәргән дә тел (язык объединяет)* и т. д.

Как видно из этих примеров, студенты должны научиться выбирать правильную грамматическую форму в переводе, прибегая при этом к различным синтаксическим изменениям и изменяя порядок слов в предложении, как того требуют нормы второго языка. Все сказанное позволяет заключить, что «при обучении переводу упор должен быть сделан на усвоение готовых межъязыковых соответствий и приобретение навыка находить их, если нет готовых соответствий, подходящих к данному случаю» [Гак 1980: 9]. Следовательно, важно учить студентов, что самое главное при работе над переводом заключается в том, чтобы найти соответствие не словам, а мыслям.

В дальнейшем студенты учатся самостоятельно работать с текстами, взятыми из Интернета (*matbugat.ru, belem.ru*), углубляют знания и развивают коммуникативные умения, а также расширяют свой лингвистический кругозор. В связи с ограниченностью времени переводы газетных статей часто выполняются студентами самосто-

ятельно, а затем проверяются на занятиях, анализируются, выявляются наиболее характерные ошибки, преодолеваются трудности перевода, отмечаются наиболее удачно решенные переводческие задачи. В целом, вся эта работа способствует тому, что «студенты получают представление об относительной переводимости любого текста: неизбежности потерь при переводе, необходимости выделять в переводимом тексте доминантные аспекты содержания и формы, которые должны быть обязательно воспроизведены в переводе тем или иным способом» [Комиссаров 2002: 352]. Очевидно, что упражнения, используемые при работе с материалами периодической печати, варьируются в зависимости от коммуникативных целей занятия и этапа обучения татарскому языку.

В рамках одной статьи не представляется возможным охватить все стороны данной проблемы, поэтому в заключение считаем необходимым подчеркнуть, что несмотря на определенные трудности студенты с интересом знакомятся с материалами татарской периодической печати. Это позволяет им быть в курсе последних событий не только в нашей республике, но и в мире, понимать и участвовать в обсуждении актуальных проблем современности, и самое главное, повышать социокультурную компетенцию на татарском языке.

Список литературы

1. Гак В. Г., Львин Ю. И. Курс перевода: Общественно-политическая лексика. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Междунар. отношения, 1980. — 360 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. — М.: ЭТС, 2004. — 420 с.
3. Юсупов Р. А. Мәгълүмат чаралары теле һәм сөйләм культурасы. — Казан: ТДГПУ, 2007. — 193 б.
4. Юсупов Р. А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи. — Казань: Тат. кн. изд-во, 2005. — 383 с.

И. Е. Чмых (Сургут, Россия)**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПЕРЕВОДЧИКА**

This article is dedicated to the problem of competence development of the future translator / interpreter within changes due to Bologna process.

Keywords: *competence, professional competence, the Bologna process, the linguistic environment, business communication.*

Вхождение России в Болонский процесс и расширение межкультурных связей между представителями разных стран вызывают особую потребность в переводах и переводчиках. Профессия переводчика стала особо распространенной, но вместе с тем возникает острая необходимость в подготовке высококвалифицированных переводчиков.

Процесс профессиональной подготовки переводчиков в области межкультурной коммуникации представляет собой многогранное воздействие на личность студента с целью формирования в ее структуре специальных профессионально-релевантных качеств [1, 2, 6]. Эти качества, получившие название «компетенции», позволяют выпускнику успешно осуществлять профессиональную деятельность по окончании вуза.

Основные цели профессионального обучения определяются социальным заказом и находят свое отражение во ФГОС. В области лингвистики многие исследователи определяют психологическую составляющую для анализа языка и общения [1, 2]. Именно поэтому одной из ведущих лингвистических и лингвометодических категорий становится языковая личность (Г. И. Богин, Н. Н. Гавриленко, Ю. Н. Караулов), а применительно к обучению иностранным языкам — вторая языковая личность (И. И. Халеева). Профессиональная компетентность переводчика, как отмечает Н. Н. Гавриленко, — это «наличие у человека внутренних ресурсов (теоретических, процессуальных и интегративных знаний, соответствующих профессиональных умений и профессионально важных качеств личности (ПВК)), которые позволяют осуществлять перевод... на профессиональном уровне» [2].

Социальные изменения в России потребовали немедленного пересмотра основных подходов, методов и приемов преподавания иностранных языков. К сожалению, методика преподавания перевода на сегодняшний день является мало разработанной областью педагогической науки. И, как справедливо отмечает Л. К. Латышев, «нельзя вести речь о какой-то жесткой методической линии, а лишь о ряде методических приемов и упражнений, образующих определенную систему, которая

может быть видоизменена, сокращена или дополнена в зависимости от конкретных условий» [4: 162].

Управление процессом формирования профессиональной компетентности переводчиков и культуры международного сотрудничества студентов как профессиональных качеств студента-лингвиста, их готовности к реальному межкультурному общению является основным показателем качественного образования в Сургутском государственном университете. Как отмечают многие ученые, подготовка переводчика должна характеризоваться основными требованиями, предъявляемыми к переводчику: свободное владение иностранным и родным языком; грамотная и фонетически хорошо артикулированная речь; богатый словарный запас в обоих рабочих языках; знание фонда устойчивых конструкций и клише и умение быстро находить их; умение грамотно переводить как на родной, так и на неродной язык; быстрота реакции; хорошая оперативная память; умение сосредоточиться; умственная и физическая выносливость; умение управлять своими эмоциями и временем, работать в команде [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Чрезвычайно важны эрудиция и экстралингвистические знания. Качество переводов сегодня неимоверно страдает из-за простого незнания элементарных культурологических особенностей, даже при достойном уровне владения языком. У переводчиков должна быть развита любовь к получению информации, выработано умение искать информацию и готовиться к переводам. Готовиться к переводу необходимо всеми возможными способами. Переводчик лучше всего работает тогда, когда он достаточно хорошо знаком с темой, перечитал огромное количество статей, материалов по предполагаемой теме перевода, знает терминологию и специфику; понимает, что всегда полезно поговорить с самим заказчиком.

Как отмечают И. А. Алексеева, В. Н. Комиссаров и многие другие, в учебном процессе основным способом выработки необходимых умений является упражнение [1, 3]. Образовательный процесс должен быть наполнен огромным количеством упражнений на развитие разных переводческих

компетенций и умений. Эффективными упражнениями на развитие памяти, выработку внимания, переключения, гибкости мышления являются упражнения на аудирование. Кроме этого, упражнения должны способствовать накоплению репродуктивного материала и овладению техникой устной речи и техникой ее организации [5].

Трудности при восприятии и порождения речи в синхронном переводе способствовали разработке упражнения на выработку «навыка синхронизации слуховой рецепции и речи», «упражнений на нейтрализацию репродукции при восприятии» [5: 49, 169] и упражнений на выработку «навыков синхронного говорения» [8: 139]. Особое значение имеют упражнения при работе с фильмами, к которым разрабатываются скрипты, где у каждой реплики содержится ссылка с необходимыми комментариями; дается объяснение для отдельного выражения или идиомы.

Рассматривая лингводидактическую среду как фактор готовности студентов к межкультурной коммуникации, важно учитывать уровни готовности к межкультурной коммуникации. Среди основных уровней выделяют мотивационно-целевой, организационный, результативный, практико-действенный, коммуникационный и лингвистический (уровень владения иностранным языком в соответствии с международными стандартами) [6].

Студенты факультета лингвистики СурГУ имеют большой опыт участия в международных мероприятиях и публичной работы. Такой опыт позволяет студентам-лингвистам проходить все уровни готовности к межкультурной коммуникации и становиться востребованными специалистами на рынке труда. Не каждый человек, знающий язык и обладающий определенными навыками и умениями, может выполнять переводческую деятельность успешно. СурГУ предоставляет широкий диапазон возможностей для самосовершенствования своих студентов. Так, в октябре 2010 года 87 студентов-лингвистов приняли участие в 39-й Всемирной шахматной олимпиаде и 81-м конгрессе Международной шахматной федерации (ФИДЕ). Следует отметить, что из 157 стран-участников, студенты-лингвисты работали с представителями 118 стран, охватывая практически все континенты: Европу, Азию, Африку, Австралию и Океанию, Южную и Северную Америку. Студенты 4 курса работали переводчиками на конгрессе, где за пять дней было принято и переведено огромное количество важных решений, касающихся развития и попу-

ляризации шахмат и выборов президентов континентальных шахматных федераций. Все студенты за высокий профессиональный уровень работы в качестве переводчиков были награждены сертификатами, многие получили благодарственные письма от вице-президентов стран-участниц.

С 24 по 27 ноября 2011 года в г. Сургуте 26 студентов-лингвистов Сургутского государственного университета приняли участие в качестве волонтеров, кураторов зарубежных стран и переводчиков-информаторов боев в работе Кубка мира по боксу среди нефтяных стран, посвященного памяти первооткрывателя нефти в Сибири Фармана Салманова. На отчетной конференции участники поделились впечатлениями, отметили бесценный опыт межкультурного общения и значимость участия в международных мероприятиях, определили особенности и трудности переводческой деятельности. Работа с мастерами кожаной перчатки из 14 стран дала возможность студентам не только приобрести навыки языковой практики, но и получить бесценный организаторский опыт, столь необходимый будущему переводчику.

Таким образом, создание лингвистической среды имеет особую значимость для формирования профессиональной компетентности переводчика.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. — М., 2000.
2. Гавриленко Н. Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. Кн. 1. — М.: Науч.-техн. о-во им. акад. С. И. Вавилова, 2009. — 178 с.
3. Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. — М., 1997. — 350 с.
4. Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод // Теория, практика и методика преподавания. 2-е изд. — М.: Академия, 2005.
5. Миньяр-Белоручев Р. К. Записи в последовательном переводе. — М.: Стела, 1997.
6. Симонова О. А. Лингводидактическая среда как фактор готовности студентов к межкультурной коммуникации (на примере факультета лингвистики): автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Сургут, 2008. — 24 с.
7. Чужакин А. П. Мир перевода — 2000. Introduction to Interpreting. — М.: Р. Валент, 2000.
8. Швейцер А. Д. О преподавании синхронного перевода в специализированных группах переводческого факультета: метод. сб. Ч. I. — М., 1969.

А. И. Шагапов (Уфа, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ШОТЛАНДСКОЙ ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКИ

The peculiarities of the English-as-a-mediator-based translation of the three Scottish fairy tales from the Scots language into Russian are considered in the article. Particularly the data on the modern status of Scots, on its affinity with English and also on the difference between these two Germanic languages are given in this work.

Keywords: *a fairy tale, a language-mediator, a dialect, a dialecticism, a Scotticism, an archaic word, Old English, a postposition.*

В процессе осуществления переводческой деятельности специалист иногда сталкивается с ситуацией, когда у него есть возможность перевести текст, опираясь только на свое знание диалекта исходного языка или же на знание языка, родственного исходному. Подобная ситуация и стала предметом настоящего исследования.

Материалом для данной работы послужили три шотландские волшебные сказки из сборника «Народные сказки Британских островов» (составитель Джеймс Риордан): «Черный Бык Норроуэйский» («The Black Bull of Norroway») [2: 210—215], «Лягушка» («The Paddo») [2: 218—220] и «Источник на краю света» («The Wal at the World's End») [2: 220—223]. Относительно статуса языка, на котором написаны все эти три сказки и который также является родным для Роберта Бернса, пока еще не выработано единого мнения. Одни ученые называют его языком скотс (Scots), лалланс (Lallans), равнинным шотландским или нижнешотландским. Другие же, ссылаясь на тот факт, что скотс и английский происходят от общего предка — староанглийского (Old English), склонны считать, что скотс — это не самостоятельный язык, а всего лишь диалект или региональный вариант английского. В любом случае скотс не следует путать со стандартным шотландским английским (Standard Scottish English), а также с гэльским (Gaelic, или Scottish Gaelic — язык, на котором говорят в горной Шотландии) [1].

Несмотря на то что рассматриваемые нами сказки называются шотландскими, сами они уже давно стали частью культурного наследия народов Великобритании и Ирландии, о чем свидетельствует название сборника — «Народные сказки Британских островов». Волшебными данные сказки называются в силу своей определенной структуры, которая в XX веке была предложена Владимиром Проппом на основе результатов фундаментального исследования русской сказки.

В процессе перевода трех рассматриваемых нами шотландских сказок необходимо всегда иметь в виду, что, как правило, прямая речь персонажей всегда бывает насыщена устаревшими

словами или диалектизмами, которые, соответственно, должны переводиться на русский язык с обязательным сохранением стилистической окрашенности сказочного слога (использование устаревших слов, инверсия и др.). Данное утверждение справедливо не только для шотландских волшебных сказок, но также и для волшебных сказок на других языках.

Особенностью строения текстов волшебных сказок многих народов Европы является наличие сходных структур (как в области семантики, так и в области синтаксиса), так называемых фреймовых конструкций, которые непосредственно связаны с ключевыми моментами в смене сюжета. Знание этих конструкций может стать хорошим подспорьем в работе переводчика.

Для специалиста, владеющего английским языком (но не знакомого со скотс), основную трудность, связанную с переводом трех рассматриваемых нами сказок со скотс на русский, представляет правописание, несколько отличное от стандартного английского. Например, *awa'* (вместо *away*), *o'* (вместо *of*), *quo'* (вместо *quoth*), *a'* (вместо *all*), *aff* (*off*), *lang* (*long*), *rade* (*rode*), *hame* (*home*), *warld* (*world*), *gaed* (*went*), *wal* (*well* — колодец), *sair* (*sore*), *sae* (*so*), *div* (*do*), *till* (*to*), *brither* (*brother*), *mither* (*mother*), *dochter* (*daughter*), *loup* (*leap*), *maun* (*must*), *gaun* (*going*), *ilka* (*each*), *tither* (*other*) [2: 334—343].

Существенно замедляет процесс перевода и наличие исконных нижнешотландских слов (т. е. слов на скотс), которые фиксируются в словарях стандартного английского как устаревшие или диалектизмы или непосредственно как шотландизмы. Приведем несколько примеров: *spotch* (*seek*), *lug* (*ear*), *hout* (*listen*) [2: 334—343], *aye* (for an indefinite time), *ay* (*yes*), *yonder* (*over there*), *yon* (*that*), *grat* (*wept*), *ken* (*know*), *burn* (*brook*), *ingle* (*fire in a fireplace*), *croon* (*bellow, moan, complain*), *muckle* (*large*) [3].

Еще одной небольшой трудностью, возникающей при переводе исследуемых нами трех волшебных сказок, являются особенности грамматики нижнешотландского, делающие его похожим

на английский язык в период своего исторического развития до XVI века. Таким образом, знание истории английского языка упрощает процесс перевода со скотс на русский. В качестве примера в данном случае можно привести устаревший (для английского языка) способ образования времен группы Continuous [4: 159—160]: 1) *Sae she sat down by the side o' the well, and fell a'greeting* (И вот она села у колодца и расплакалась); 2) *The lassie wasna lang o'fetching the axe* (Недолго думая, девушка взяла топор). Во втором примере мы видим слово «*wasna*», которое представляет собой не что иное, как сочетание глагола и отрицательной частицы, находящейся в постпозиции (ср.: *kentna* < *knew not* < *didn't know*). Такое сочетание было также характерно для староанглийского, что еще раз указывает на его сходство со скотс. Кроме устаревшего способа образования Continuous, описанного выше, в текстах трех шотландских сказок можно также обнаружить случаи употребления этого времени с глаголами, которые в современном английском с этим временем обычно не употребляются: *What will ye be wanting o'me?* (дословно: Что будешь ты хотеть от меня?).

Интерес в плане грамматики нижнешотландского языка представляют также следующие конструкции: *And there was a bonny young prince sat and married the king's dochter* (И был один красивый молодой принц, который приехал и женился на дочери короля); *I weird that ilka time she speaks, there'll be a diamond and a ruby and a pearl drop oot o' her mouth* (Я предсказываю, что каждый раз, когда она будет говорить, алмаз и рубин и жемчужина будут падать из ее рта); *And ilka time she opened her lips to speak there was a diamond and a ruby and a pearl drappit oot o' her mouth* (И каждый раз, когда она приоткрывала губы, чтобы *had washed* говорить, алмаз и рубин и жемчужина выпадали из ее рта); ...and the auld wife made the knight believe *it was* her dochter the sarks (...а старуха заставила рыцаря поверить, что это именно ее дочь вымыла рубашки). Дословный перевод всех этих четырех предложений наглядно демонстрирует одну из особенностей скотс — опущение относительных местоимений *that / which / who*. На русском языке это бы звучало примерно следующим образом: *И был один красивый молодой принц... приехал и женился на дочери короля; Я предсказываю, что каждый раз, когда она будет говорить, появится алмаз и рубин и жемчужина... будут падать из ее рта; И каждый раз, когда она приоткрывала губы, чтобы говорить, появлялся алмаз и рубин и жемчужина... выпадали из ее*

рта; ...а старуха заставила рыцаря поверить, что это была ее дочь... вымыла рубашки.

Рассмотрим еще несколько особенностей перевода с нижнешотландского на русский:

1. Эмфатическое употребление послелога перед глаголом: *Sae they took her in and aff they set*. С целью сохранения экспрессивности сказочного слога на русский язык это предложение представляется возможным перевести следующим образом: *И вот посадили её в карету, и в путь они двинулись*. Приведем еще пару примеров: *Again she was lifted and set on the bull's broad back, and awa' they went*. (Снова её подняли и посадили на широкую спину быка, и отправились они в путь.) *On she wandered, past loch and burn, till she came to a great hill o' glass*. (Шла она вперёд и вперёд, через озёра и ручьи, пока не пришла к большому холму из стекла.)

2. Постановка сказуемого перед подлежащим: *Says the mother to the dochter: «What noise is that at the door?»* Наиболее точным, вероятно, будет следующий перевод: *Говорит мать дочери: «Что это за шум у двери?»* Приведем второй пример: *Says the bull till her, «Yonder we maun be the night...»* Говорит ей бык: «Вон там мы должны остановиться на ночь».

3. Использование наречия *aye* как одного из компонентов стилистической окраски сказочного слога: *Aye she wept, and loud she wept*. (Долго рыдала она, и громко рыдала она.) *Aye they travelled and on they travelled*. (Долго шли они и шли они вперёд и вперёд.) *And lang they gaed, and sair they rade*. (И долго шли они, и отчаянно скакали они.) *And aye they rade and on they rade*. (И долго скакали они, и скакали они вперёд и вперёд.) *Lang she sat, and aye she grat*. (Долго сидела она, и долго она плакала.)

4. В плане перевода, несомненно, представляют интерес имена собственные. В самом названии первой волшебной сказки мы сталкиваемся со словом *Norroway*. Риордан высказывает предположение о возможной связи этого слова с «Norway» (Норвегия) [2: 358]. Данное предположение кажется вполне обоснованным, если учесть, что в Средневековье племена, населявшие территорию современной Норвегии, периодически переплывали Северное море и строили свои поселения на севере Шотландии, а также на островах вокруг этой части Великобритании. Слово «Noroway» входит в состав имени главного героя — the Black Bull of Norroway. Таким образом, у переводчика имеются два варианта перевода: Черный Бык Норвежский и Черный Бык Норроуэйский.

В этой же самой сказке встречается слово *Etin*, которое в других сказках иногда пишется как *Ettin*. Данное слово переводится как «великан». Однако хотелось бы отметить, что основными особенностями слова «*Etin*» являются его написание с заглавной буквы и употребление с определенным артиклем. Здесь мы вновь можем говорить о связях с Норвегией, поскольку в скандинавской мифологии великаны именуются Ётунами или Йотунами [5: 265—266].

В сказке «*The Wal at the World's End*» встречается имя собственное *the Muir o' Heckle-pins* (*the Moor of Hackle-pins*). Дословный перевод в данном случае будет звучать примерно как «заболоченная местность, поросшая кустарником, колючим как зубья гребня для льна». Немного скорректировав дословный перевод, получаем: «*Край колючего кустарника*».

В заключение хотелось бы обобщить результаты данного исследования: в статье были выявлены три основные, на наш взгляд, трудности / особенности перевода шотландской волшебной сказки (исходный язык — скотс / нижнешотландский) на русский язык с опорой на английский-посредник. Первая трудность заключается в правописании, которое несколько отличается от стандартного

английского. Вторая трудность связана с наличием исконных нижнешотландских слов, значение которых можно определить только по словарю. Третья трудность состоит в специфичности грамматических конструкций на скотс, в переводе которых нам может помочь знание истории английского языка. В ходе исследования нами также были выявлены и описаны еще четыре особенности языка шотландской сказки, знание которых способно значительно облегчить процесс перевода.

Список литературы

1. Центр изучения языка Скотс. Scots Independent. Режим доступа: <http://www.scotsindependent.org>
2. Риордан Дж. Народные сказки Британских островов: сб. / сост. Дж. Риордан. М.: Радуга, 1987. 368 с.
3. Апресян Ю. Д., Медникова Э. М., Петрова А. В. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. М.: Рус. яз., 2003. 832 с.
4. Аракин В. Д. История английского языка: учеб. пособие. М.: Физматлит, 2003. 272 с.
5. Зарицкая Т. Мифология: энцикл. справ. / ред.-сост. Т. Зарицкая. Минск: Белфаксиздат-групп, 2002. 352 с.

В. В. Юрина (Челябинск, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ЭКВИРИТМИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА

The following article dwells upon the problems of «equirhythmical» translation of foreign texts into Russian and vice versa. The difficulties are caused by differences in grammatical structures, number of syllables and stresses. The author uses the translation of British song «Yesterday» as an example.

Keywords: «equirhythmical» translation, translation peculiarities.

Большинство людей, желающих поближе познакомиться с иностранной поэзией, а также произведениями вокальных жанров, испытывают трудности, пытаясь перевести их на родной язык. И тогда выходом становится эквиритмический перевод, или, говоря проще, перевод, выполненный с сохранением стихотворного размера (числа слогов, ударений, по возможности деления на слова). Как правило, он используется для перевода оперного либретто, текста оратории, кантаты, романса, песни и стихотворений и призван служить заменой оригинального текста при исполнении. Однако эквиритмический перевод должен полностью соответствовать оригиналу и прочтению его композитором, чего весьма сложно добиться из-за следующих факторов.

Со стороны ритмики переводчик должен четко следовать нотному тексту. В виде исключения допускаются дробление отдельных долгих звуков нотного текста, соединение лигой двух или нескольких кратких звуков одинаковой высоты. В случаях, когда в мелодии особо выделяющиеся звуки (общая и местные кульминации и т. п.) подчёркивают определённое слово, обладающее индивидуальным смыслом, желательно, чтобы в переводе на этом месте оказалось соответствующее ему по значению слово другого языка [2].

Эквиритмичность может быть полной или частичной. При частичной эквиритмичности не выдерживаются точные словоразделы, точное число ударений в строке, но сохраняются размер

и клаузулы (окончания рифм — мужские, женские, иногда дактилические и гипердактилические). Это связано с тем, что полное соответствие расположения слов того же смысла в подлиннике и в эквиритмическом переводе оказывается невозможным в связи с различием структуры однозначных слов в различных языках (количество слогов, расположение ударений и т. п.), а также в связи с различным их грамматическим строем.

Так, например, возьмем фрагмент из текста песни «Yesterday», исполненной группой The Beatles:

*Yesterday, all my troubles seemed so far away
Now it looks as though they're here to stay
Oh, I believe in yesterday.*

*Suddenly, I'm not half the man I used to be
There's a shadow hanging over me
Oh, yesterday came suddenly...*

А теперь рассмотрим эквиритмический перевод этого фрагмента на русский язык, выполненный М. Подберезским:

*Я вчера огорчений и тревог не знал,
Я вчера еще не понимал,
Что жизнь — не легкая игра...
Без тебя жизнь моя трудней день ото дня,
И сегодня вспоминаю я о том,
Что потерял вчера [1].*

Как видно из приведенного примера, переводчику приходится полностью менять грамматический строй, местами менять ударения и использовать слова и выражения, которых нет в оригинале.

В результате это приводит к частичному изменению смысла произведения.

Неизбежные отклонения в смысловой структуре перевода менее вредят общему впечатлению в сочинениях, где музыка носит обобщенный характер, передавая общее настроение поэтического текста или его раздела. В случаях же, когда музыка идет за эмоциональным подтекстом каждой фразы или даже каждого слова, они сказываются очень заметно. Серьезную проблему составляет и соотношение художественной ценности оригинала и перевода. Здесь важно не только то, что творчество поэта-переводчика является лишь «вторичным», но и то, что большие технические ограничения эквиритмического перевода его сковывают.

Таким образом, можно сделать вывод, что главной особенностью эквиритмического перевода является то, что полностью соответствовать оригинальному произведению почти невозможно как в ритмике, так и по смыслу. Поэтому переводчик должен интерпретировать текст как можно более объективно и близко к авторской задумке. В целом эквиритмические переводы оказываются полезными, так как они способствуют большей доступности иностранных произведений широкой аудитории.

Список литературы

1. Переводы песен. Стихотворные переводы. Режим доступа: <http://music-facts.ru/translations/>
2. Эквиритмический перевод. Режим доступа: <http://www.belcanto.ru/ekviritm.html>

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ф. А. Lozano Hernández (Ижевск, Россия)

ПРЕПОДАВАНИЕ ДИСЦИПЛИН СПЕЦИАЛИЗАЦИИ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОДГОТОВКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПЕРЕВОДЧИКОВ

The article deals with the problem training of professional interpreters. It highlights the the necessity of teaching of the disciplines of specialization as an assential element of training system.

Keywords: *a specialized language for professional and specific purposes, the original culture, the host culture, business communication, curriculum.*

Иностранные языки приобретают особое значение, когда они выступают в качестве инструмента, служащего для удовлетворения потребностей современного неоднородного общества. Именно поэтому переводчик играет ключевую роль в процессе коммуникации между специалистами различных отраслей знаний. Однако он, в свою очередь, должен соответствовать требованиям, предъявляемым его профессией, и совершенствовать свои умения и навыки. В данной работе будут рассмотрены и проанализированы основные стандарты профессии переводчика с точки зрения обучения будущих специалистов в высших учебных заведениях.

Изучение иностранного языка

Иностранные языки на современном этапе развития общества начинают играть огромную роль. Это связано с осознанием мысли о неоднородности общества, удовлетворение потребностей которого лежит и в лингвистической плоскости, и за ее пределами. Поэтому понятие «переводчик» начинает осознаваться более глубоко, ведь, кроме прочего, переводчик воспринимается как посредник в культурном, профессиональном планах. И в этом смысле необходимо осознать современные стандарты профессии переводчика с точки зрения их обучения, чему и посвящена наша работа.

Согласно современным теориям, изучение иностранного языка требует подробного рассмотрения лингвистических и нелингвистических потребностей коммуникации, т. е. проецирования в плоскость межкультурной коммуникации. С одной стороны, в рассматриваемых учебных планах филологических и переводческих факультетов России и Испании учитываются социолингвистические, психолингвистические факторы. С другой стороны, также важно подчеркивать возрастающую роль CEFR (общеевропей-

ские компетенции владения иностранным языком) в плане преподавания иностранного языка и в определении уровней. CEFR организует их в общих чертах согласно потребностям коммуникации иностранного студента.

Несмотря на это, необходимо говорить об особом методе преподавания, соединяющем лингвистику с профессиональным и межкультурным планами, которые осознаны студентом и зависят от области применения перевода. Таким образом, владеющий иностранным языком сможет найти себя лучше в профессиональной сфере и гораздо более успешно конкурировать с другими.

«The study of foreign languages <...> places students in a privileged position: they can be ambassadors for their own society within the foreign society and they can also learn to view their own society from new perspectives» (Quality Assurance Agency for Higher Education, QQA 2002: 3).

«The EU is built around the free movement of its citizens, capital and services. The citizen with good language skills is better able to take advantage of the freedom to work or study in another member state» (Commission of the European Communities 2003: 9).

Специализированные языки для профессиональных и специфических целей

В прошлом веке были проведены различные исследования относительно «специального» языка. К примеру, согласно Lerat подобный язык является обычным языком, который используется как коммуникативный инструмент специализированного познания (*«la lengua natural considerada como instrumento de conocimientos especializados»*) (1997: 17). По нашему мнению, данное определение является неотъемлемой объективной составляющей определенной и четко спроецированной коммуникации специалистов в разных областях

знания [Díaz 2002]. В нашем понимании предыдущие теории относятся к специализированным с точки зрения лингвистики языкам. Но мы считаем необходимым говорить о том, что они должны строиться на основе культурного компонента в любых профессиональных контекстах, для того чтобы деловая коммуникация специалистов в разных научных сферах являлась успешной. Наше исследование ориентировано на работу профессиональных устных и письменных переводчиков (УПП).

Gühning (1978) и Vermeer (1990) понимают культуру как норму и конвенциональность данного общества, которые определяют поведение носителей культуры. Она также характеризует поведение в рамках различных культур. Несмотря на это, нам кажется, что для УПП принципиально важно воспринимать культуру в тесной связи со специализированной дисциплиной с точки зрения теории и практики.

Согласно предыдущим понятиям мы называем их «специализированные языки для профессиональных и специфических целей», т. к. они подразумевают не только специфические лингвистические свойства, характеризующие научные дисциплины (что и было определено изначально), но и учрежденную социологическую конвенциональность как в родной культуре, так и в иностранной для УПП культуре. Назовем их «исходная культура» (ИК) и «принимающая культура» (ПК). Цель данной работы состоит в определении рамок совершенного, адекватного и профессионального образования УПП на современном этапе развития научного знания, чтобы избежать недопонимания в межкультурной коммуникации из-за недостатков знания норм социального поведения в ИК и ПК. По мнению исследователя Heidrun Witte (факультет переводчиков университета г. Лас Пальмас де Гран Канария (Испания)), понятие УПП гораздо шире, чем простое лингвистическое понятие. Его задача — успешная коммуникация с носителем чуждой культуры [Witte 1992].

В нашем понимании, принципиально важно то, что профессиональные коллективы недостаточно акцентируют внимание на текущей ситуации, так как на первый план, как правило, ставится цель межкультурной коммуникации. В двусторонних или коллективных торговых переговорах, где принимают участие представители разных стран, цель заключается в том, чтобы как можно успешнее достигнуть соглашения между сторонами. Несмотря на это, некоторые экспортеры рассматривают тот факт, что могут быть лингвистические и культурные различия между ними

и иностранными покупателями. Их торговая деятельность часто находится под влиянием того, что они игнорируют проявленные различия (*«some exporters give little consideration to the possibility that there might be language and cultural differences between themselves and customers in overseas markets and that their business is significantly affected by ignoring these differences»*) [Stevich 2003: 5 cited by Gallagher-Brett, 2005].

В связи со всем вышесказанным мы считаем бесспорным тот факт, что УПП необходимо быть специалистом не только в сфере собственно лингвистики. Он в первую очередь должен иметь фундаментальные знания специализированного языка для профессиональных и специфических целей и быть погруженным в ИК и ПК, для того чтобы стать не только и не столько языковым, сколько лингвокультурным посредником между представителями разных культур. Кроме того, он должен понимать специализированные тексты не только как носитель своего языка, но и как носитель данного иностранного языка и данной культуры.

Изначально большим количеством специалистов было определено, что человек, владеющий иностранным языком, в полной мере способен к тому, чтобы работать переводчиком независимо от его знаний в специализированных областях. Филологи и люди, владеющие двумя языками, работают в качестве переводчика согласно этой теории. Однако мы согласимся с мнением исследователя Witte о том, что УПП должен понимать подразумеваемые мысли того, чью речь он переводит, о ПК. Только таким образом он будет способен к тому, чтобы предрешать и корректировать образ действия и потенциально неадекватное поведение того, кого переводит. Интуитивные и элементарные сведения не дают возможности занимать чужие позиции и выстраивать перспективы *«unos conocimientos meramente intuitivos resultan insuficientes a la hora de abstraerse de la propia situación para adoptar perspectivas ajenas»* [Witte 1992]. По мнению Cassany (Университет Помпеу Фабра г. Барселоны (Испания)), информация, предварительное знание авторов, а также гибкость знания продуцируемых текстов входят в данную особенную культуру, поэтому наша задача заключается в том, чтобы обратиться к ним с точки зрения данной культуры, чтобы понимать их в достаточной мере и интерпретировать. *«las informaciones que aporta el texto como los conocimientos previos e incluso las estrategias cognitivas que usan los interlocutores <...> están situados en una comunidad cultural particular, de modo que son sólo interpretables y comprensibles de acuerdo con este punto de vista»* [Cassany 2005].

Согласно этой теории будущему УПП необходимо изучать культурные особенности, традиции, дискурсивные виды и специализированные языки для профессиональных и специфических целей, а также специализированную научную область знания не только в ИК, но и преимущественно в ПК и делать это прежде, чем приступить к работе УПП. Специализированные предметы должны быть введены в учебные планы факультетов перевода, чтобы дать возможность получить будущим переводчикам квалифицированное, профессионально ориентированное образование.

О специализированном устном и письменном переводе

Среднеспециализированный УПП. Гранадаский университет

В настоящее время известно, что факультеты или кафедры перевода в России и Испании осуществляют обучение иностранному языку на продвинутых уровнях, прежде чем начинать обучение теории и практике устного и письменного перевода. Показательный пример нам предлагает факультет перевода Гранадаского университета (Испания), учебный план которого включает предметы, среди которых «Прикладная лингвистика в переводе» («*Lingüística aplicada a la traducción*»), «Прикладная документация в переводе» («*Documentación aplicada a la traducción*»), «Теория и практика перевода» («*Teoría y práctica de la traducción*»), «Терминология» («*Terminología*») и «Традуктология» («*Traductología*»). Благодаря данным предметам студентам предлагаются общие и специализированные знания теории перевода, а также лингвистики как первого шага в погружении в практику и научные элементы перевода.

Помимо всего прочего, на факультете перевода Гранадаского университета предлагаются и другие предметы, иллюстрирующие идею нашего доклада. Специализированное образование будущих переводчиков заключается в том, что студентам предлагаются те научные дисциплины, которые потом, в их профессиональной сфере, будут ими использованы. В учебном плане факультета имеются и следующие предметы: «Юридическая, экономическая и коммерческая документация» («*Documentación jurídica-económica y comercial*»), «Научно-теоретическая документация» («*Documentación científico-técnica*»), «Исследование и трактовка текстов Гражданского права» («*Análisis e Interpretación de Documentos de Derecho Civil*»), «Процессуальное право» («*Actuaciones procesales*») и т. д. Они

соединяют право, экономику, медицину и т. д. в образовании переводчиков с точки зрения практики. Более того, студенты обязаны выбрать «Историю и культуру родного языка (испанский язык)», а также первый и второй язык («*Civilización española*», «*Civilización en lengua B*», «*Civilización en lengua C*»). Студенты учатся правильно строить межкультурную коммуникацию и получают знания о специализированном языке для профессиональных и специфических целей на родном и иностранном языках, чтобы избежать двусмысленности, вызванной незнанием языка.

Не сомневаясь в важности описанного, нам кажется необходимым определить тот факт, что указанные курсы являются слишком краткими и общими по содержанию, а потому не могут дать глубоких специализированных знаний. Проблема заключается и в том, что данные курсы изучаются на испанском языке. А по нашему мнению, УПП необходимо получить знание языка для профессиональных и специфических целей не только на родном языке, но преимущественно на иностранных языках, с которого и на который будет осуществляться перевод. Иначе говоря, в таком виде представляется невозможным успешно выполнять работу квалифицированного переводчика.

Таким образом, вопрос заключается в том, как предлагать квалифицированное знание будущим переводчикам, которые должны выполнять важную роль на рынке труда после окончания университета.

Специализированный устный и письменный перевод

Как мы уже отмечали, основные специфические предметы играют важную роль в формировании будущих УПП, прежде чем обращаться к специализированному переводу. По мнению Роберто Маёрал (преподаватель перевода факультета переводчиков Гранадаского университета (Испания)), специализированный перевод — результат принятия в переводе основных мнений, таких как общий язык, специализированный язык, язык специалистов, а также язык для специфических целей, которые должны быть соотносимы со специализированными текстами.

Согласно данной точке зрения специализированные тексты преимущественно важны, потому что они отличаются от обычных текстов тем, что обсуждают вопросы, касающиеся специалистов каждой дисциплины. Они составляются на специализированном языке для профессиональных и специфических целей в сравнении с обычным

языком. Более того, их тексты находятся в их ИК и ПК, которые мы объединили областями знания: правом, экономикой, торговлей и т. д. Согласно этому УПП необходимо как теоретическое, так и практическое знание научной дисциплины в ИК и ПК для успешного выполнения профессиональных обязательств его работы.

Данная теория показывает важнейшее различие между филологами, людьми, владеющими иностранными языками, и специализированными профессиональными переводчиками. Оно заключается в том, что филологи не смогут успешно работать, в отличие от переводчиков, пока они не получат не только теоретическое знание перевода, но и глубокое лингвокультурное понимание языка для профессиональных и специфических целей ИК и ПК, естественно, при высоком уровне владения иностранным языком согласно требованиям CEFR. Филология, со своей стороны, не включает подобные специфические предметы, поскольку она не преследует цели соблюдать данные требования.

Список литературы

1. Álvarez C. Режим доступа: <http://www.entreculturas.uma.es/n3pdf/articulo15.pdf>
2. Calvi M. V. Режим доступа: <http://cvc.cervantes.es/lengua/aeter/conferencias/calvi.htm>
3. Cassany D. Режим доступа: http://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/ciefe/pdf/02/cvc_ciefe_02_0007.pdf
4. Corbacho A. Режим доступа: institucional.us.es/revistas/universitaria/26/03%20corbacho.pdf
5. Díaz M. Режим доступа: <http://www.ugr.es/~greti/puentes/puentes2/09-articulo.pdf>
6. Gallagher-Brett A. Режим доступа: www.llas.ac.uk/.../6063/700_reasons.pdf
7. Mayoral R. Режим доступа: http://www.ugr.es/~rasensio/docs/LSP_y_traducccion.pdf
8. Trujillo F. Режим доступа: <http://meteco.ugr.es/lecturas/objetivos.pdf>
9. Valero C. Режим доступа: gestionamadrid.org/ofin_web/html/web/pdfs/n11_cap2.pdf
10. Witte H. Режим доступа: repositorio.ulpgc.es/bitstream/10553/.../0235347_01992_0047.pdf

Ю. В. Баканова (Челябинск, Россия)

ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ К МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

The article is devoted to the preparation of future interpreters to intercultural communication. The author considers methods of communicative language teaching. With the help of such methods as role-plays, training, project method students acquire confidence in communication and interaction.

Keywords: *communicatively-oriented environment, intercultural communication, communication activities, training, method, dialogical communication.*

Качественные изменения, которые переживает сегодня высшая школа, связаны с глобальными социокультурными тенденциями современной эпохи. Глобализация мира стала важнейшей закономерностью развития современного сообщества. Императивом современной мировой политики становится взаимодействие цивилизаций. В условиях стремительного развития информационных технологий наблюдается сближение стран и народов, усиление взаимодействия в социальной и культурной сфере.

С одной стороны, мир становится все более единым на основе экономической, технологической, информационной интеграции. С другой стороны, усиление интеграции ведет к росту культурного самосознания. Таким образом, складывается конгломерат культурных социумов, которые различны по своей истории, традициям, языку, религии,

но развиваются, взаимодействуют, влияют друг на друга на основе межкультурной коммуникации.

Под межкультурной коммуникацией, как правило, подразумевается «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникации и акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [Верещагин 1990: 26]; «процесс совместной выработки единого, скорее всего нового для всех участников акта общения, значения всех воспроизводимых и воспринимаемых действий и мотивов» [Елизарова 2001: 97]; «знаковая координация свойств и ресурсов культур языковых личностей коммуникантов» [Сидоров 2008: 132].

В основе этих определений эксплицитно или имплицитно присутствует идея взаимопонимания коммуникантов, представляющих разные культуры как необходимого условия успешности коммуникативной деятельности.

По мнению А. П. Садохина, «для эффективного общения с представителями других культур недостаточно только одного владения иностранным языком. Разнообразная практика общения с иностранцами доказала, что даже глубокие знания иностранного языка не исключают непонимания и конфликтов с носителями этого языка. Сегодня стало очевидным, что успешные контакты с представителями других культур невозможны без знания особенностей этих культур и практических навыков в межкультурном общении» [Садохин 2006: 13].

Динамичные социально-экономические и политические преобразования в нашем обществе, резкое увеличение объема информации, расширение международных обменов, размещение в России крупнейших корпораций, массовый характер международного туризма вызвали невиданную до сих пор потребность в большом количестве высококвалифицированных переводчиков.

Расширение областей переводческой деятельности, возрастающее усложнение и диверсификация требований к переводу, нацеленность на развитие профессиональной культуры и компетентности повлекли за собой изменение процессов формирования и функционирования рынка переводческого труда.

Все более широко и интенсивно развивающиеся международные внешнеэкономические связи организаций, создание совместных предприятий с зарубежными партнерами потребовали наличия специалистов, владеющих общей коммуникативной культурой, высоким уровнем владения иностранными языками, ориентированных на процесс информационного обеспечения и сопровождения всех форм межкультурной деловой коммуникации.

В связи с этим будущий лингвист-переводчик должен быть подготовлен к профессиональной деятельности в области межъязыковой межкультурной коммуникации, информационно-коммуникативного сопровождения всех направлений и форм международных связей, внешнеэкономической деятельности.

В процессе устного перевода, имеющем ярко выраженную коммуникативную направленность, главной причиной многие переводчики (особенно начинающие) называют волнение. Важным качеством настоящего переводчика становится, таким образом, умение контролировать своё эмоциональное состояние и морально настроиться на продуктивную работу.

Современный специалист должен развивать в себе умение слушать своего собеседника,

держат себя уверенно с другими людьми, строить эффективную модель взаимоотношений с партнерами по коммуникации.

Помочь ему в этом может создание коммуникативно-ориентированной среды на занятиях по иностранному языку, использование таких методов обучения, как дискуссии, проектная деятельность, социально-психологические тренинги, которые позволяют полностью погрузиться в активное контролируемое общение.

Насыщение содержания языкового материала социокультурной информацией позволяет успешно решать ряд важных задач при подготовке будущих переводчиков к профессиональной деятельности. Социокультурный компонент содержания обучения иностранным языкам знакомит студентов с различными аспектами жизни их зарубежных сверстников, современностью и историей страны изучаемого языка, углубляя и дифференцируя представления обучаемых о действительности

Этот компонент содержания составляет страноведческие и лингвострановедческие знания, а также знания реалий страны изучаемого языка, а именно повседневной жизни (еда, напитки, национальные праздники и др.), условий жизни (уровень жизни, условия проживания и др.), межличностных отношений (между полами, в семье и др.), основных ценностей, убеждений и мнений, языка телодвижений и др. Во вторую группу входит знание студентами фоновой, коннотативной и безэквивалентной лексики, выражающей культуру страны изучаемого языка в семантике языковых единиц.

Система аутентичных текстов, вербально воссоздающая в своей совокупности модель культур контактирующих языков и культур, должна стать центральным компонентом содержания любого метода овладения иностранным языком.

Диалогическое общение адекватно профессиональному общению переводчика рассматривается нами как межкультурная коммуникация. В связи с этим процесс коммуникативной подготовки будущих переводчиков должен осуществляться в режиме диалога.

Теория диалога в межкультурной коммуникации признаётся одним из инструментов решения межнациональных и межкультурных проблем, и внедрение её в учебный процесс становится глобальной задачей в системе образования. Включение субъектов образовательного процесса в диалогическое общение представляется возможным посредством активных методов обучения.

Особенностью активных методов обучения является направленность на широкую социализацию индивида, обогащение социокультурным опытом, норм, ценностей, традиций и т. д.

На базе факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета проводится активная работа по подготовке будущих переводчиков к профессиональной коммуникации. На наших занятиях мы используем различные способы и методы подготовки к межкультурной коммуникации. Это дискуссии, разнообразные игры, обучение в сотрудничестве, метод проектов, тренинги, позволяющие полностью погрузиться в активное контролируемое общение. В практике межкультурного обучения имитационные и ролевые игры и тренинги позволяют развернуть проблемы в динамике, дают возможность участникам прожить необходимое количество времени в конкретных ситуациях межкультурной коммуникации. Именно с помощью этих методов обучения партнеры по коммуникации обретают необходимые навыки общения и взаимодействия, развивают уверенность в себе, способность к гибким взаимоотношениям.

Так, например, тренинг является наиболее универсальным методом обучения межкультурной коммуникации, поскольку развивает умение слушать своего собеседника, держать себя уверенно с другими людьми, публично выступать, строить эффективную модель взаимоотношений с партнерами по коммуникации, предотвращать и конструктивно разрешать конфликты.

На начальном этапе профессиональной подготовки проводится интеллектуальный тренинг, развивающий внимание, память и восприятие. В дальнейшем проводится тренинг стрессоустойчивости, вырабатывающий психофизиологическую готовность к напряженной коммуникативной деятельности. Здесь же уместно реализовывать тренинг вербальной, публичной коммуникации.

На завершающем этапе профессиональной подготовки целесообразно проводить тренинг межкультурной коммуникации, при котором на сформированной ранее основе развиваются способности студентов к пониманию (интерпретации) в межкультурной коммуникации и овладению иноязычным кодом.

Одна из задач психологического тренинга в подготовке студентов к профессиональной

коммуникации заключается в формировании позитивного, принимающего и в тоже время конкурентного климата в группе.

Также рекомендуется использовать методы открытого обучения, такие как обучение и взаимодействие в микрогруппах, разработка проектов, подготовка презентаций, проведение самостоятельных сравнительных исследований, нацеленных на развитие таких ключевых компетенций студентов, как умение самостоятельно учиться и работать с информацией, применять на практике полученные знания, осуществлять сотрудничество и коммуникацию, быть успешными.

Методика проектной деятельности значительно способствует развитию и стабилизации таких профессионально важных качеств будущего переводчика, как профессиональная перцепция, общительность, способность к коммуникативному партнёрству, способность к саморегуляции, самоконтролю, рефлексия, эмпатия, а также ответственность, сознательность, инициативность и т. д. В процессе работы над проектом моделируются и реально возникают ситуации межличностного, межкультурного и межъязыкового диалогического общения.

Итак, с помощью этих способов и методов обучения студенты — будущие переводчики обретают необходимые навыки общения и межкультурного взаимодействия. Они стимулируют подлинную межкультурную коммуникацию.

Проведенная нами экспериментальная работа в данном направлении показала, что предложенная программа действий по организации процесса подготовки специалистов по межкультурной коммуникации служит основой для создания эффективной технологии подготовки студентов языковых факультетов к будущей профессиональной деятельности в сфере профессиональной коммуникации.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного : метод. рук. — М.: Рус. яз., 1992. — 272 с.
2. Елизарова Г. В. Культура и обучение.— СПб.: Союз, 2001. — 291 с.
3. Садохин А. П. Межкультурная коммуникация: учеб. пособ. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 281 с.
4. Сидоров Е. В. Онтология дискурса.— М.: Изд-во ЛКИ, 2008. — 232 с.

Ф. А. Басырова (Уфа, Россия)

ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ НАКОПЛЕНИЯ СЛОВАРЯ НА ОСНОВЕ КОНТЕКСТА

Developing students' abilities of handling lack of the vocabulary has always been one of the principal problems of teaching English. The conventional approach to this challenge is to have the language learners extend their vocabulary. There are a few ways of doing the latter: to look up the words that interfere with comprehension in a bilingual or monolingual dictionary, consult the teacher, make alphabetic lists of the words with their definitions and cram them ardently or improve the vocabulary knowledge largely by inferring their meaning with the help of the context. The context-based approach proves rather effective to develop vocabulary and build up comprehension.

Keywords: *meaning of new words, context-based approach, derive meaning of words from the context, context clues, working out the meaning.*

Угадывание слов по контексту чаще всего применяется для установления значения новых лексических единиц. Многие исследователи подчёркивают значение контекста, утверждая, что, даже имея словарь в 3000 наиболее часто встречающихся единиц английского языка, студенты всё ещё не будут владеть примерно 20 процентами слов, которые встретятся в неадаптированном тексте.

Лингвисты [Halliday 1976; Honeyfield 1977; Nation 1980] согласны, что изучение слова в контексте, а не изолированно является эффективной стратегией в обучении языку. Слово, использованное в разных контекстах, может иметь различные значения; таким образом, просто заучивание определений слова без примеров того, где и когда это слово встречается, не поможет студентам полностью понять его значение. Выучивание отдельного списка слов без ссылок на контекст представляет собой просто упражнение на запоминание, которое затрудняет использование слов в устной и письменной речи. Рассмотрение контекста, в котором данное слово появляется, кажется лучшим способом заучивания новых единиц. Начитанные студенты также удачно прибегают к своим фоновым знаниям при обработке контекста и предвкушении типа слов, которые встретятся в процессе обучения.

В основе обсуждения контекстуально-обоснованного подхода выдвигаются четыре утверждения.

1. Выстраивание выводов из наблюдений является фундаментальным при мышлении, и тот же принцип может использоваться в процессе чтения отрывков, содержащих незнакомую лексику. Теория схемы предполагает, что наши знания организуют взаимосвязанные модели. Последние строятся на основе предыдущего опыта и приводят к тому, что могло бы встретиться в новом контексте. Применение того, что знакомо, для понимания неизвестного постоянно встречается в быту.

Например, если находиться в здании и заметить, что кто-то, входя, складывает мокрый зонт, однозначно делается вывод, что на улице дождь.

2. Словарный запас связан с грамматикой, поэтому знакомство с грамматическими моделями помогает студентам угадывать значения новых слов при чтении. Слово может классифицироваться как единица грамматики или лексики. *Beautiful* — это лексическая единица, а в функциональной грамматике является также определением в именной группе *the beautiful girl* и отражает мнение говорящего об описываемом человеке. Связь между словарём и грамматикой может рассматриваться как взаимозависимость грамматической и лексической сочетаемости.

3. Содержание отрывка взаимосвязано, а текст часто излишне структурирован. Чтобы помочь читателям, авторы часто дают определения или подробные ключи (сигналы) внутри текста при появлении нового слова. Поэтому у читателей может возникнуть не одна возможность понять отрывок.

4. По своей природе чтение является процессом создания и подтверждения гипотезы; оно является актом коммуникации между писателем и читателем (возможно, большим числом читателей). Следовательно, маловероятно, что студент при чтении поймёт всё точно на сто процентов. Как пишет М. Уоллес, «говорящий на родном языке учится довольствоваться приблизительным значением... [Он] удовлетворён значением, которое приобретает смысл в контексте». Учёный сравнивает этот взгляд на чтение с работой секретных агентов: «В секретной службе существует принцип, называемый принцип «нужно знать»... [Д]ругими словами, агентам не сообщают больше того, чем им нужно знать на случай, если их поймут и они выдадут своих товарищей. Возможно, при изучении слов принцип «нужно знать» также мог бы применяться. Студентам не следует говорить больше о значениях слов, чем необходимо

знать для понимания контекста, чтобы они не запутались» [Wallace 1982: 33].

Существует ряд разных контекстуальных ключей-сигналов, которые могут помочь студентам при чтении угадать значение нового слова.

Морфология. Студенты могут выводить значения слов, рассматривая внутренние, морфологические черты, типы приставок, суффиксов и корневых слов.

Обозначаемые слова. Выявление денотатов местоимений может оказаться ключом к значению незнакомого слова.

E. g. Malnutrition gave him the shallowest of chests and thinnest of limbs. It stunted his growth.

В этом предложении очевидны последствия недостаточного питания (*malnutrition*). Студенты должны суметь догадаться, как недоедание могло бы подействовать на рост (развитие).

Сочетаемость. Иногда слова в одном и том же предложении или смежных предложениях указывают на значение незнакомого слова, потому что эти слова обычно встречаются рядом с неизвестным словом, образуя так называемое сцепление в словосочетании [Halliday and Hasan 1967: 287].

Синонимы и антонимы. Часто сам читающий студент может найти значения новых единиц в одном и том же предложении.

E. g. We had never seen such a large cave: it was simply enormous.

Явно, что незнакомое слово является синонимом *large*.

E. g. To be pretty and not plain, affluent and not poor, represents status in certain social groups.

Отметив, что *pretty* и *plain* противопоставляются, при рассмотрении следующей пары слов в параллельной конструкции, можно допустить, что *affluent* обозначает противоположное *poor*, и, следовательно, должен иметь значение богатый (*rich*).

Гипонимы. Очень часто читающий может понять, что отношения между незнакомым словом и знакомым основаны на связи общего понятия, которое сопровождается определённым примером (гипонимом).

E. g. The museum contained almost every type of vehicle: cars, buses, trains, and even old carriages and coaches.

Vehicle используется в качестве гипонима: его значение охватывает все другие единицы, перечисляемые в предложении. К тому же эти единицы относятся к одной и той же категории.

Дефиниции. Иногда автор определяет значение слова непосредственно в тексте.

E. g. Many animals live only by killing other animals and eating them. They are called predatory animals.

Альтернативы. Автор может привести альтернативу незнакомому слову, чтобы значение прояснилось.

E. g. Ichthyologists, or specialists in the study of fish, have contributed to our understanding of the past.

Слово *ichthyologist* неизвестно некоторым читателям, но автор объясняет его значение, приводя более известный термин.

Новая формулировка. Автор часто приводит достаточно объяснений, чтобы прояснить значение незнакомого слова.

E. g. X ray therapy, that is, treatment by use of X rays, often stops the growth of a tumor.

Словосочетание *that is* служит сигналом для прояснения ранее использованного слова.

Пример. Автор неоднократно помогает читателю уловить значение нового слова, приводя примеры, которые показывают употребление этой единицы.

E. g. All the furniture had been completely removed so that not a single table or chair was to be seen.

Студент должен суметь угадать значение слова *furniture* из двух примеров, которые упоминаются в предложении.

Обобщение. Обобщающий ключ-сигнал включает ситуацию или мысль итоговым словом или фразой.

E. g. Mrs Christopher contributes money to the Red Cross, the Girls Club, and the Cancer Society. She also volunteers many hours in the emergency ward of the hospital. She is indeed altruistic.

Из перечисления деяний Миссис Кристофер читатель может прийти к выводу, что *altruistic* обозначает «бескорыстный».

Сравнение и противопоставление. Авторы могут демонстрировать сходство или различие.

E. g. The ancient mammoth, like other elephants, is huge.

В этом предложении указывается на сходство и ясно утверждается, что древний *mammoth* — вид слона.

Пунктуация. Студент при чтении также может воспользоваться как ключами знаками препинания — вопросительными знаками (показывающими, что у слова специфическое значение), тире (сигнал о приложении) и видом шрифта — курсивом (указывает, что слово будет определено) для выявления значения.

Традиционно выявляются три этапа применения контекста при формировании навыков

накопления словаря у взрослых, изучающих английский язык.

1. Во-первых, преподаватель должен привлечь внимание студентов к сигнальным словам и фразам. Сигналы связи, такие как союзы *and* и *but* и фразы *that is to say* и *in spite of*, соотносят предложения и их части друг с другом. В общем они оговаривают «способ, которым то, что должно следовать, систематически присоединяется к ранее упомянутому» [Halliday and Hasan 1976: 227].

Вводя эксплицитную функцию сигнального слова в предложение, преподаватель помогает студентам выявить значение трудного предложения или незнакомого слова. Студенты постепенно начинают воспринимать эти сигналы из контекста и вырабатывают навыки определения и применения их для успешного выяснения значения.

2. Во-вторых, следует использовать наводящие вопросы, чтобы направить студентов на поиск подсказок в контексте. Поскольку у них, как правило, небольшой опыт в изучаемом языке, без руководства преподавателя, возможно, покажется трудным выявление контекстных сигналов. Имеющиеся сигналы могут остаться незамеченными или студенты, может быть, не знают слов, которые употребляются в определённых словосочетаниях. Следует применять конкретные вопросы, которые привлекут внимание студентов к окружению незнакомого слова и вызовут стремление сконцентрироваться на обсуждении. С этой целью могут предлагаться разного рода упражнения, в частности на подстановочные слова или выражения вместо незнакомого слова. Преподаватель интересуется, как, по мнению студентов, подходят подстановочные слова в тот или иной контекст. Подобная практика позволяет расширять словарный запас.

3. На завершающем этапе студентам предлагаются различные задания для выявления значений незнакомых слов в коротких контекстах. В конечном счёте гораздо важнее, чтобы студенты умели объяснять, как они выявляют значения, чем просто приводить правильные примеры. Преподаватель снабжает студентов раздаточным материалом соответствующего уровня трудности для активации навыков выявления значений. Задание состоит в том, чтобы студенты самостоятельно обнаружили сигналы в контексте и объяснили, как они установили значение.

Целью упражнений является не обязательно точное угадывание значения, а осознанное восприятие информации из окружения, в котором встречается слово. Возможно, некоторые студенты угадают неверно. Тем не менее, их следует

поощрять, так как их попытки выяснить значение незнакомого слова предполагают активный процесс поиска и размышления. Рано или поздно, но они овладеют навыком формирования словарного запаса с опорой на контекст (см. [British Council Teachers 1980: 83—85]).

В дополнение к увеличению словарного запаса студентов подход на основе контекста обладает ещё несколькими преимуществами.

- Помогает студентам при чтении не только заучивать слова, но также использовать их в контексте. Угадывание значения слова по контексту требует понимания семантических свойств, стиля и сочетаемости. Формируется осознание важной характеристики слова, а именно детерминированности значения контекстом.

- Обучение студентов выявлению значения по контексту сильно помогает им в понимании и ускорении техники чтения.

- Этот подход позволяет студентам высказывать умные, осмысленные догадки, что делает процесс обучения гораздо более активным и интересным по сравнению с простым объяснением слов. В нём присутствует нацеленность на решение проблем, что привлекает большинство людей и поощряет их к применению интеллекта в такой степени, которую обычно нечасто встретишь при изучении языка.

- Данный подход приводит к выработке у студентов целостного метода в изучении языка, в частности при чтении. Поскольку контекст нового слова можно вычленив из группы предложений, абзаца, или даже целого текста, студенты учатся обращать внимание на языковые единицы крупнее предложения при поиске контекстных сигналов.

Таким образом, студентам должен нравиться данный подход к формированию навыков увеличения словаря. Определённая мотивация заставляет их охотно пробовать приобретённые умения и навыки, как только им встретится неизвестное слово. Они становятся более самостоятельными и развивают независимость мышления. Возрастает их уверенность и способность заниматься, преодолевая проблемы более высокого уровня.

Список литературы

1. British Council Teachers. Six aspects of vocabulary teaching // RELC Journal Supplement Guidelines, 1980. № 3. P. 83—85.
2. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. London: Longman, 1976.
3. Honeyfield J. Word frequency and the importance of the context in vocabulary learning // RELC Journal, 1977. № 2. P. 35—40.

4. Nation I. S. P. The curse of comprehension questions: Some alternatives. RELC Journal Supplement Guidelines, 1979. № 2. P. 85—103.

5. Nation I. S. P. Strategies for receptive vocabulary learning. RELC Journal Supplement Guidelines, 1980. № 3. P. 18—23.

6. Wallace M. Teaching vocabulary. London: Heinemann Educational Books, 1982.

Б. М. Дошанова, Л. А. Бурмагина (Костанай, Казахстан)

DEUTSCH ALS ZWEITE FREMDSPRACHE

Learning German as a second language on the basis of English has certain advantages: similar theoretical positions, common principles of learning which are necessary when achieving the efficiency of learning process. The use of the advantages of interaction of similar Germanic languages is one of the demands in the conditions of multilingual learning. The experience of learning the first foreign language makes it possible to carry the knowledge, skills and competence to the second language learning. Learners compare language phenomena of two similar European languages, find analogues and make generalizations based on observations obtained.

Keywords: *Deutsch als zweite Fremdsprache, die Mehrsprachigkeit, multilinguale polykulturelle Persönlichkeit, die überregionale Verständigungssprache, der deutschsprachige Raum, einzigartige Kultur- und Bildungslandschaft, die Europäische Union, Deutschland als Einwanderungsland.*

Die Ausbildung Kasachstans steht am Vorabend des Eintritts in das 12-jährige Bildungssystem. Außerdem hat unser Land die Absicht, in die Zahl der 50 konkurrenzfähigsten Länder der Welt einzutreten. Deshalb muss unser Ausbildungswesen im Weltbildungsraum sein. Dabei ist die Mehrsprachigkeit der wichtigste Grundsatz. Unsere Bürger haben multilingual, polykulturell zu sein. Darum werden die Mittelschulen entsprechend dem neuen Konzept ab dem Jahr 2015 anders strukturiert sein: 4+6+2. Das heißt, die Mittelschule wird 12 Jahre dauern. I. Stufe: 1—4. Klasse—die Grundschule, II. Stufe: 5—10. Klasse—die Hauptschule, III. Stufe: 11—12. Klasse—die Mittelschule, die Profilausbildung [Программа 2005—2010, 2005: 14].

Es wird ab der 2. Klasse eine Fremdsprache eingeführt und die Schüler werden die Möglichkeit haben, zwei oder mehrere Fremdsprachen zu lernen. Es wäre nützlich, wenn die Schüler zwei ähnliche europäische Fremdsprachen beherrschen: Englisch und Deutsch. Warum denn?

Deutsch ist eine wichtige Fremdsprache, auch wenn es bei der gegenwärtigen Englisch-Euphorie von einigen Menschen nicht immer so gesehen wird. Englisch alleine wird in der Zukunft wohl kein besonderes Qualitätsmerkmal mehr sein, sondern eher ein Normalzustand. Aber Englisch und Deutsch, das ist etwas Besonderes! Zur Zeit hat die Europäische Union 27 Länder, sie wurde östlicher, sprachlich — deutscher. Die EU ist ein ganz wichtiger ökonomischer Partner für Kasachstan, und von den 27 Ländern der EU ist Deutschland

der wichtigste Partner. Und bei den mehr als 400 Millionen Menschen der EU ist Deutsch die am meisten verbreitete Sprache in diesen Ländern — sei es als Muttersprache oder als Fremdsprache.

Deutsch ist häufig die zweite Fremdsprache. Wir nennen dies eine Tertiärsprache und unterscheiden diesen Begriff von dem einer Drittsprache, die die dritte Sprache bezeichnet, mit der ein Kind aufwächst. Mit zweiter Fremdsprache ist hier gemeint, dass jemand bereits eine andere Fremdsprache gelernt hat, wenn sie oder er beginnt, Deutsch zu lernen. In vielen Fällen handelt es sich bei dieser ersten Fremdsprache um Englisch, eine ganz typische erste Fremdsprache. Oft ist aber auch Französisch die erste Fremdsprache, wie in zahlreichen Ländern Afrikas, weil es dort als die überregionale Verständigungssprache benutzt wird. In Nordamerika wird Spanisch nicht erst seit dem NAFTA-Zusammenschluss immer häufiger als erste Fremdsprache gewählt [Rundbrief 2005—2006].

Mit zweiter Fremdsprache ist hier also prinzipiell gemeint, dass jemand bereits mindestens eine andere Sprache als Fremdsprache gelernt hat. Dabei ist es unerheblich, ob Deutsch chronologisch gesehen tatsächlich die zweite und dritte Fremdsprache im Leben eines Menschen ist.

Es kommt sehr häufig vor, dass Menschen bereits neben der offiziellen Verkehrssprache eines Landes auch noch einen oder mehrere Heimatdialekte beherrschen. Diese Sprachen oder Sprachverhalten sind jedoch meist in einem natürlichen immersionsähnlichen Umfeld erworben worden. Dieser Fall liegt z. B. auch bei Migrantenkindern

vor, die bereits mit zwei Sprachen in die Schule kommen. In diesem Fall geht es jedoch um die Sprachen, die in einem strukturierten, schulischen bzw. universitären, d.h. unterschiedlichen Umfeld gelernt werden. Wichtig ist hier, dass jemand in Bezug auf den Fremdsprachenlernprozess erfahren ist, d. h. das Gefühl kennt, in einer Sprachlernsituation zu sein, in der man noch nicht alles ausdrücken kann, was man sagen möchte. Man weiß vielleicht bereits, was für ein Lerntyp man ist und wie man am besten z. B. Vokabeln lernt. Man ist älter und lebenserfahrener, hat möglicherweise individuelle Lern- und Kommunikationsstrategien und Theorien entwickelt. Insgesamt ist die Lernsituation durch eine größere Souveränität, vermutlich auch höhere Systematizität und Bewusstheit geprägt. Bei dieser Situationsbeschreibung ist es dann nicht mehr so relevant, ob eine Sprache nun tatsächlich die zweite, dritte oder vierte Fremdsprache ist, denn die Erfahrungen des Neubeginns einer Sprache wiederholen sich lediglich. Das Erlernen der ersten Fremdsprache unterscheidet sich deutlicher vom Lernen einer zweiten Fremdsprache, nicht mehr zwischen dem Lernen einer zweiten oder dritten Fremdsprache. Für unsere Ausführungen bedeutet dies folglich, dass mit dem Begriff „zweite Fremdsprache“ auch jede weitere Fremdsprache gemeint sein kann.

In den letzten zwanzig Jahren hat man langsam erkannt, dass das Miteinander der Sprachen keineswegs nur Fehler und Durcheinander hervorbringt, sondern dass der Fremdsprachenunterricht von dem Vorhandensein verschiedener Fremdsprachen auch profitieren kann. Lernende können lernprozessbezogene Erfahrungen für das Lernen der neuen Fremdsprache nutzen, um die Rezeption und Produktion einer weiteren Fremdsprache zu erleichtern. Dies gilt nicht nur für Wortübertragungen wie beispielweise eng. *hand*, das gut zu dt. *Hand* übertragen (transferiert) werden kann, sondern auch durch die Tatsache, dass Parallelen zu den anderen gelernten Fremdsprachen gezogen werden können oder aber dass Unterschiede zwischen den bereits gelernten Fremdsprachen für Kontraste zur Veranschaulichung gegenüber gestellt werden.

Es wurde bereits darauf hingewiesen, dass es meistens Englisch ist, das gelernt wurde, bevor mit dem Lernen des Deutschen angefangen wird. Vielfach wird festgestellt, dass die Lernenden oft Englisch gar nicht besonders beherrschten und deshalb keinen Transfer der Lernerfahrungen erwarten, oder dass die Lernerfahrungen mit dem Englischen eher negativ waren, so dass man einen Transfer lieber ausschließlich möchte. Es geht bei dem Ansatz auch nicht darum, dass alle Englisch beherrschen müssen

und dass Englisch die Vorbedingung für den Unterricht in Deutsch als Fremdsprache ist. Interessanterweise aber zeigen sich Einflüsse der Lernerfahrung und der vorherigen Sprachenkenntnisse auch bei Lernenden, die sie vehement ablehnen oder für nicht existent halten. [Hufeisen 1993: 52]

Wie die Erfahrung zeigt, das Deutscherlernen als zweite Fremdsprache nach Englisch hat viele Vorteile. Im Bereich des Wortschatzes kann wohl den meisten Nutzen vom früher gelernten Englischen gemacht werden. Zum Beispiel, internationaler Wortschatz z. B. *Taxi, Telefon, Bus, Restaurant, hotel* u. s. w., Anglizismen im Deutschen z. B. *cool, Ball, Kicker, Computer, E-mail, Internet, Capri-Hose, Bowling-Schuhe, Business, Job, Salat, Dessert, Medizin, Musik* u. s. w. Im Bereich der Grammatik kann vor allem im Anfängerunterricht viel Nutzen vom Englischen auch gemacht werden. Zahlreiche Vergleiche zwischen englischen und deutschen Strukturen können helfen, richtige Formen im Deutschen zu produzieren. In der Morphologie sind das: Komparation: vgl. *smart — smarter, klug — klüger* (engl. und dt. mit -er), Prä- und Suffixe vom Lateinischen und Griechischen (z. B. *anti-, de-, dis-, ex-, inter-, post-, pre/prä-, sub-, super-, -and-, -ion-, -tor-, -ismus-, -ist*), Zahlmorpheme (*milli-, centi-, max-, usw.* i), Endmorphem *-er/-or* weist auf einen Beruf hin (*teacher — Lehrer; doctor — Doktor*), Präpositionen *seit-since, von-from, für-for, bei-by*, Verbalgruppe — Futur (*ich werde gehen — I will go*), Präsens (*ich gehe — I go*), Form des Perfekts (*er hat getan-he has done*), Präteritum (*er wollte-he wanted*), Wortstellung u.s.w. Regelmäßigkeiten im Bereich der Aussprache/Rechtschreibung werden oft übersehen. Ein vergleichendes Verfahren kann bei der Erschließung von unbekannten Wörtern sehr hilfreich sein [Turechanowa 2004: 12].

Sicherlich ist Englisch nicht alles, aber ohne Englisch ist alles nichts! Das gilt heute für die Ökonomie, für die Politik und für die Wissenschaft. Die englische Sprache dominiert absolut, das ist eine Tatsache, die man überall beobachten kann. Man muss sich deshalb niemals in die Alternative treiben, Deutsch gegen Englisch verteidigen zu wollen. So kann man niemanden überzeugen. Man muss für Deutsch als die wichtige Ergänzung, als zweite wichtige Fremdsprache kämpfen.

Einzelne Sprachen, wie z. B. das Englische, Russische und Chinesische haben heutzutage einen besonderen Stellenwert. Aber zugleich ist Mehrsprachigkeit wichtiger denn jemals zuvor. Und Deutsch nimmt im Rahmen einer für das globale Zusammenleben immer wichtiger werdenden Mehrsprachigkeit zunehmend einen anderen Platz ein als noch vor wenigen Jahrzehnten.

Deutschland ist sowohl als Mitgliedsstaat der Europäischen Union wie auch darüber hinaus Einwanderungsland geworden. Mit Deutsch verbindet sich für manche ausländischen Menschen außerhalb der Europäischen Union eine persönliche Schicksalsfrage. Denn eine der Voraussetzungen für einen dauerhaften Aufenthalt in Deutschland sind gute Deutschkenntnisse. Nur wer gut Deutsch kann, wird sich in die deutsche Gesellschaft und Kultur integrieren können. Aber Gründe und Motive, die deutsche Sprache zu erlernen, liegen viel breiter und gehen einen größeren Interessentenkreis an. Hier seien nur einige Gesichtspunkte erwähnt:

- Deutsch ist in Europa für ca. 110 Millionen Menschen die am weitesten verbreitete Muttersprache.
- Dieser deutschsprachige Raum ist in Europa zugleich der wichtigste Wirtschafts- und Finanzraum.
- Auch in Kasachstan werden im Zuge der weiteren Modernisierung und zunehmender Investitionen aus dem deutschsprachigen Raum neue attraktive Arbeitsplätze mit erhöhtem Bedarf an Deutschkenntnissen entstehen.
- Und umgekehrt werden kasachische Firmen ihre Produkte im deutschsprachigen Raum umso besser vermarkten können, je mehr sie über Mitarbeiter mit guten Deutschkenntnissen verfügen.
- Aber es geht nicht nur um wirtschaftliche Vorteile deutscher Sprachkenntnisse: der deutschsprachige Raum bietet eine einzigartige Kultur- und Bildungslandschaft. Auf Deutsch kann man hervorragend studieren und forschen. Zudem ist das Studium an den deutschen Hochschulen immer

noch weitgehend kostenlos.

– Noch ein Aspekt ist wichtig: die deutschsprachige Medienlandschaft gehört zu den reichsten und vielfältigsten weltweit. Sie können diese Freiheit mit Deutsch besonders intensiv erleben.

– Zwischen Deutschland und Kasachstan bestehen besondere Verbindungen auch im sprachlichen Bereich. Die deutschstämmigen Bürger Kasachstans und die inzwischen in Deutschland lebenden ehemaligen Bürger dieses Landes bilden eine potentialreiche Brücke der Zusammenarbeit in vielen Gebieten. Deutsche Sprachkenntnisse tragen mit ihren chancenreichen Auswirkungen bis in die Wirtschaft hinein zur Festigung dieser Brücke bei.

– Schließlich ist naheliegend: als Tourist kann man den deutschsprachigen Raum mit Deutsch nur umso intensiver erleben.

Список литературы

1. Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2005—2010 годы.
2. Послание Президента народу Казахстана «Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира».
3. Hufeisen B. «Deutsch als Fremdsprache», Berlin, 1993.
4. Rundbrief «Deutsch in Kasachstan», № 10—13, 2005—2006.
5. Turechanowa B. Besonderheiten des Deutschunterrichts als zweite Fremdsprache. Almaty, 2004.

Е. Г. Васильченко, Т. Д. Вербицкая (Одесса, Украина)

PERZEPTIV-ARTIKULATORISCHE TEILKOMPETENZEN BEI DER ENTWICKLUNG DES SPRACHKÖNNENS

In the conditions of prevailing of sounding speech in everyday communication (Mass media, telephone) there is an increase in the role of high development of perceptive and articulating competence. However, in teaching practice the accent has been still put on the written speech that negatively influences the quality of the foreign sounding speech. The rationally created and communicatively oriented phonetic course is the necessary precondition for acquiring the communicative competency by students specialized on Germanic studies.

Keywords: *sounding speech, perceptive competency, articulating competency, phonetic course, communicative competency.*

Das heutzutage im Mittelpunkt stehende kognitive Herangehen beim Erlernen einer Fremdsprache spielt auch bei der Entwicklung perzeptiv-artikulatorischer Teilkompetenzen eine außerordentlich große Rolle. Das bewusste Aneignen phonetischer Strukturen und Elemente setzt im Erwachsenenunterricht bestimmte

Kenntnisse voraus. Kenntnisse über das Phonemsystem sind von großer Bedeutung: wenn der Lerner weiß, wie viele bzw. welche Vokale, Konsonanten und Intoneme er unterscheiden muss und welche artikulatorischen Merkmale dazu notwendig sind, ist er viel mehr in der Lage, diese auditiv und artikulatorisch zu differenzieren.

In den letzten Jahrzehnten lässt sich das Streben nach der Entwicklung eines Paradigmas der kommunikativen Linguistik feststellen, das mit der grundlegenden Funktion des kommunikativen Phonems verbunden ist [Ваганова 2003].

Im Fremdsprachen-Lernprozeß kommt der Aneignung neuer Hör- und Artikulationsgewohnheiten eine besondere Bedeutung zu, weil sie nicht nur die Voraussetzung für jegliche mündliche Kommunikation in der Fremdsprache darstellen, sondern auch Grundlage und Bedingung für die Entwicklung der Zielsprachtätigkeiten (Hören, Sprechen, Lesen, Schreiben) und für das Erlernen der Fremdsprache in ihrer Gesamtheit sind [Hirschfeld 1989: 297].

Im Fremdsprachenunterricht ist es ein anerkanntes Ziel, die Lerner zu mündlicher Kommunikation in der Fremdsprache zu befähigen. Jeder Lerner steht bei der mündlichen Kommunikation vor der Schwierigkeit, sich mit der fremden Lexik, Grammatik, Semantik und auch mit der phonetischen Seite dieser Sprache auseinandersetzen zu müssen. Die phonetische Ebene, die traditionell als die niedrigste Stufe des Systems galt, erweist sich gleichzeitig als die höchste Ebene des Sprachsystems [Борботько 2009: 259].

Seit Mitte der 80er Jahre wird eine Diskussion um die „Systemhaftigkeit“ der gesprochenen Sprache geführt. In diesem Zusammenhang lassen sich öfter Begriffe wie „gesprochenes Deutsch“, „das tatsächlich gesprochene Deutsch“ [Günther 2002: 68], „prototypische gesprochene Sprache“, „spezifisch gesprochensprachliche Norm“ [Henning 2003: 81] feststellen. Damit signalisieren Autoren, dass es ein fest umrissenes, von der geschriebenen Sprache abgrenzbares und mit den Methoden der linguistischen Deskription erfassbares Sprachsystem gibt, das im Deutschunterricht zu wenig berücksichtigt wurde, weil ein die Sprachwissenschaft beherrschender „Skriptizismus“ den unvoreingenommenen Blick auf die tatsächliche Sprachwirklichkeit verstelle [Breindl 2003: 87]. Diese „Autorität der Schrift“, die „Tyrannei des Buchstaben“ ist in hohem Maße verantwortlich dafür, dass gesprochene Sprache durch die „Brille der geschriebenen Sprache“ beurteilt und bewertet wird [Henning 2003: 81]. Die skriptizistische Neigung hat weit reichende Konsequenzen für die Bewertung der gesprochenen Sprache, weil sie in diesem Fall mit den Normen der geschriebenen Sprache bewertet wird, wobei gesprochensprachliche Erscheinungen oft als Normabweichungen gelten.

Obwohl der interaktionale Gebrauch der Sprache der grundlegende ist und bei allen anderen Formen des Sprachgebrauchs wesentlich überwiegt, orientieren sich sowohl linguistische Analysen als auch Lehrwerke

fast ausschließlich an der Schriftsprache. Das führt dazu, dass Deutschlehrer häufig „Schriftdeutsch sprechen“, das heißt sie übertragen die Normen der geschriebenen Sprache auf das gesprochene Deutsch [Günther 2002]. Welche Schwerpunkte bei dem am gesprochenen Deutsch orientierten Unterricht in den Vordergrund rücken, soll Gegenstand und Ziel des vorliegenden Beitrages sein.

Da die gesprochensprachliche Kommunikation heutzutage im Vordergrund steht, hat die Lautsprache den führenden Platz eingenommen. Die Arbeit an der Lautsprache heißt deshalb Verbesserung der Kommunikationsfähigkeit und stellt damit einen Beitrag zur Entwicklung der kommunikativen Kompetenz dar. Unter dem Begriff „kommunikative Kompetenz“ versteht man die Fähigkeit, sich des linguistischen Systems adäquat und wirksam zu Zwecken des Informationsaustausches bedienen zu können [Панаити 2009].

Das Erfassen des Systems ist eine der Voraussetzungen für richtiges Dekodieren des Redeflusses. Es kommt aber auf ein ausgewogenes Verhältnis von Kenntnisvermittlung und Könnensentwicklung [Obendiek, 1973]. Einerseits wirkt sich die Norm in Bezug auf die Variabilität des Sprachsystems einschränkend aus, andererseits weist sie selbst Varietäten als eine Voraussetzung für ihre eigene Entwicklung auf [Алиференко 2009: 11], was dem synergetischen Charakter der Sprache als eines adaptiven selbstregulierenden Systems entspricht [Борботько 2009: 7]. Normen sind gesellschaftlich bedingt und damit historischem Wandel unterworfen. L. Götze vertritt die These, dass die Standardsprache in ihrer gesprochenen und geschriebenen Variante verbindlich für alle Teilnehmer der Sprachgemeinschaft ist, weil sie jene sprachliche Variante ist, die überregional gesprochen und verstanden wird, sich am aktuellen Sprachgebrauch orientiert und relativ einheitlich ist [Götze 2001: 131].

Seit der kommunikativen Wende wird mündliche Kommunikation als eigenständiger Arbeitsbereich des Deutschunterrichts in den Lehr- und Bildungsplänen ausgewiesen [Steinig 2007: 89]. Die gesprochene Sprache widerspiegelt die tatsächliche Sprechwirklichkeit, dabei steht die lautsprachliche Kommunikation im Vordergrund. Es ergibt sich die Frage nach der Wahl von Ausspracheformen, die im Deutschunterricht lehrbar und für die mündliche Kommunikation in möglichst vielen Situationen angemessen sind.

Zur Entwicklung der kommunikativen Kompetenz, damit der Deutschlerner uneingeschränkt kommunikationsfähig ist, bedarf es einer Ausspracheschulung, die sich nicht an einer auch von

Muttersprachlern nicht realisierbaren Ideallautung orientiert. Vielmehr sollte eine Orientierung an der lebendigen Sprechrealität erfolgen, zu der es umfangreiche neue empirische Untersuchungen gibt, deren Ergebnisse im Deutschunterricht berücksichtigt werden sollten [Rues 2005: 232]. Die Arbeit an der Lautsprache leistet einen Beitrag zur Entwicklung der kommunikativen Kompetenz.

Ungehinderte Face-to-face-Kommunikation kann dann stattfinden, wenn die Aussprache des Deutschlerner für den Muttersprachler möglichst unauffällig ist, wenn weder lautliche noch intonatorisch-rhythmische Auffälligkeiten den Kommunikationspartner ablenken, irritieren oder das Verstehen der Äußerung erschweren. Um kommunikationsfähig zu sein, sollte eine Orientierung an der lebendigen Sprechrealität erfolgen. Das Deutsche aber umfasst verschiedene Aussprachevarianten. Laut B. Rues ist Richtschnur für den FU zunächst die Standardaussprache als überregionale, keine landschaftlich beeinflusste Lautung [Rues 2005: 232]. Das ist aber keine Siebsische Ideallautung, sondern sie wird als realer Teil der Sprechwirklichkeit betrachtet. Zugleich ist sie die Ausspracheform mit dem höchsten Sozialprestige und in allen Kommunikationssituationen gleichermaßen verwendbar, wird aber situativ unterschiedlich realisiert. Sie ist kodifiziert und „ihre Kodifikation berücksichtigt den erwarteten und den realen Sprachgebrauch, der ständiger Überprüfung bedarf“ [DAWB 2009: 7]. Die deutsche Standardaussprache ist „kein homogenes, sondern ein geschichtetes, in sich variables Phänomen“ [Meinhold 1986: 288]. Daraus resultieren verschiedene Stilebenen der Standardaussprache, die sich über unterschiedliche Präzisionsgrade der Aussprache ausdrücken. Standardaussprache wird nicht als einheitlich, sondern als stilistisch variabel betrachtet.

Einen weiteren stärker zu berücksichtigenden Aspekt bilden Fragen der Interferenz. Jede Sprache hat eine Vorzugsrichtung in der Angleichung. Für das Ukrainische und das Russische ist die regressive Einwirkung typisch, z. B.: «сдача» [з←д], «вторник» [ф←т], «як барато» [г←б]. Für das Russische ist sowohl die Stimmlosigkeitsassimilation als auch die Stimmhaftigkeitsassimilation charakteristisch. Dabei gibt es keine progressive Assimilation, da die Angleichung im Russischen immer nur regressiv ist [Вербицкая 2003: 32]. Für das ukrainische Konsonantensystem ist die Stimmlosigkeitsassimilation völlig fremd. In diesem Zusammenhang sollte die Auslautverhärtung des Deutschen bei ukrainischen Lernern als einer der wichtigsten Unterrichtsschwerpunkte festgelegt

werden, weil er im methodischen Vorgehen immer noch ungenügend einbezogen wird. Ursula Hirschfeld betont, eine Ursache für die Vernachlässigung kontrastiver Aspekte sei sicher der erschwerte Zugang zu entsprechenden Publikationen, der Kontrast zwischen Deutsch und anderen Sprachen werde jedoch nur gelegentlich behandelt [Hirschfeld 2002: 84]. Dieser durch Interferenz verursachte Verwirrungsprozess geht immer vom Sprachsystem aus, hat aber auch außersprachliche, psychologische und unterrichtsmethodische Ursachen, wobei sich Schwerpunkte bei der Umgestaltung muttersprachlicher Stereotypen ergeben können.

Die Fähigkeiten, lautsprachliche Zeichen perzeptiv zu verarbeiten und selbst zu artikulieren, hängen unmittelbar miteinander zusammen. Die stabilisierten Hör- und Sprechgewohnheiten der Muttersprache gilt es beim Erlernen einer Fremdsprache umzustrukturieren. Dies ist besonders im Erwachsenenunterricht mit Schwierigkeiten verbunden [Müller 1983: 47]. Beim kompetenzorientierten Herangehen sind perzeptive und artikulatorische Teilkompetenzen als Grundlage der Kommunikationsfähigkeit zu betrachten. Die hemmende Beeinflussung der Fremdsprachenaneignung durch die Ausgangssprache kann im Sprachkontakt zum Verwirrungsprozess führen, insbesondere in Bezug auf die Hörverstehensleistung.

Um eine dauerhafte Übertragung muttersprachiger Hör- und Aussprachegewohnheiten zu verhindern, ist ein konzentriertes Aussprachetraining zu Beginn des Fremdsprachenunterrichts erforderlich. Diese Funktion kann und muss ein phonetischer Einführungskurs erfüllen.

Den traditionellen Phonetiklehrbüchern sind zwar meist Darlegungen zum Phonemsystem, zur Artikulationsbasis und Intonation vorangestellt, jedoch beschränken sie sich hauptsächlich auf die artikulatorische Beschreibung von Einzellaute, Silben, Wörtern und Einzelsätzen, wozu in seltenen Fällen auch ein methodisch begründet aufbereiteter Unterrichtsstoff geboten wird. Das Training isolierter Wörter führt jedoch keineswegs zur Beherrschung einer normgerechten Aussprache und ist bei der Herausbildung der Fähigkeit, phonostilistisch variieren zu können, eher hinderlich als dienlich. Kommunikationslinguistische Erkenntnisse, die für die methodische Gestaltung des Fremdsprachenunterrichts weltweit an Bedeutung gewinnen, sind im Allgemeinen nur ungenügend berücksichtigt. Natürlich kann bei der Vermittlung und Aneignung einer standardgerechten deutschen Standardaussprache die lautliche Seite der Sprachausübung in ihrer mehr

oder weniger natürlichen Form nicht von Anfang an aktualisiert werden. Deshalb sollte die mündliche Sprachausübung zunächst in sprachliche Einheiten niedrigerer Ebenen gegliedert werden. Zu den meist verbreiteten Nachteilen der meisten Lehrbücher gehört es, dass die Verknüpfung des zunächst zergliederten Sprachmaterials nicht konsequent genug durchgeführt wird, so dass die erlernten Sprachmittel keine Kommunikationsfunktion ausüben vermögen. Dabei muss betont werden, dass der Automatisierungsprozess der perzeptiven und artikulatorischen Fertigkeiten erst dann als erfolgreich abgeschlossen betrachtet werden darf, wenn der Lerner imstande ist, den eingeübten Stoff in Bezug auf eine konkrete Situation korrekt zu demonstrieren. Deshalb kann und soll ein speziell aufbereiteter Text bereits eingeübte phonetische Einheiten und eine beschränkte Zahl des neuen einzuübenden Sprachstoffes enthalten. Auf solche Weise bildet solch ein Text eine Grundlage nicht nur für den Erwerb sprachlicher Fertigkeiten, sondern auch kommunikativer Fähigkeiten.

Der Phonetikunterricht integriert spezifische Prinzipien wie jeder Fachunterricht. Das Prinzip der bewussten, imitativen, perzeptiv-artikulatorischen Einübung der fremdsprachlichen Erscheinung im Elementarunterricht ist mit dem Verhältnis Lautperzeption-Lautproduktion verbunden. Der Phonetikunterricht besteht bis heute hauptsächlich in der Korrektur der Sprechbewegungen (Artikulationsbasis). Die perzeptive Seite (Perzeptionsbasis) wird dagegen im Allgemeinen unterbewertet und vernachlässigt.

Ausgangssprachliche Hör- und Artikulationsgewohnheiten werden als Ursache phonetischer Fehler angenommen und der Schwierigkeitsgrad typischer Fehler wird auf dieser konfrontativen Ebene eingeschätzt. Größere perzeptive und artikulatorische Differenzen sind unserer Meinung nach leichter zu bewältigen als kleinere, wo Interferenzerscheinungen in stärkerem Maße wirksam sind.

Phoneme, die in der Ausgangssprache keine Analogie haben, bringen größere Differenzen, deshalb lassen sie sich besser wahrnehmen, sind aber mit artikulatorischen Schwierigkeiten verbunden. Phoneme, die in der Muttersprache der Lerner eine bestimmte Analogie besitzen, sind in erster Linie mit perzeptiven Differenzschwierigkeiten verbunden. Sie bilden aber die Mehrheit und müssen von Anfang an eine Grundlage für die Entwicklung der deutschen Perzeptions- und Artikulationsbasis bilden. Empfehlenswert wäre es mit solchen Lauten zu beginnen, die sich sowohl visuell, als auch kinetisch anschaulicher präsentieren lassen.

Das so genannte deutsche „Vornsprechen“, wobei die Zungenspitze, abgesehen von wenigen

Ausnahmen, einen lockeren Kontakt mit den unteren Schneidezähnen hat, und die ovale Einstellung der Lippen, wobei die Lippen von den Zähnen abgehoben werden und dadurch das Ansatzrohr verlängern, gehören zu den spezifischen Merkmalen der deutschen Artikulationsbasis. Durch die Vergrößerung des Ansatzrohres verbessert sich akustisch die Resonanz. Der Lippenbreitzug, der für die ukrainische und russische Artikulationsbasis bei der Bildung von Vorderzungenvokalen charakteristisch ist, führt zu typischen Fehlleistungen der Lerner.

Die auf den Erwerb perzeptiver und artikulatorischer Fertigkeiten ausgerichteten Übungen sollen eine systematisch aufgebaute, sich allmählich steigernde wissenschaftlich begründete Einführung in die Phonetik der deutschen Sprache sein. In diesem Zusammenhang soll darauf geachtet werden, dass keine phonetische Erscheinung auf segmentaler und suprasegmentaler Ebene vor ihrer Einführung, Einübung und Automatisierung in einer vorhergehenden Übung vorkommt.

Die Forderung nach dem Erlernen standardgerechter oder wenigstens standardnaher Aussprache kann sich auf die Entwicklung der artikulatorischen Teilkompetenz beziehen. Was die perzeptive Kompetenz angeht, sind hier nicht nur die oben genannten Erscheinungsformen der Standardaussprache, sondern auch authentische standardferne Formen anzubieten, denn der Kommunikationserfolg ist im rezeptiven Bereich mit phonetisch-phonologischen Eigenschaften gesprochener sprachlicher Äußerungen verbunden, wodurch eine Orientierung an der lebendigen Sprechwirklichkeit ermöglicht wird.

Die kommunikative Orientierung des Unterrichts soll als Voraussetzung für eine effiziente Entwicklung der perzeptiven und artikulatorischen Teilkompetenzen auftreten. Die Gestaltung des Einführungskurses soll eine motivierende und keine die Sprech- und Lernlust hemmende Phase sein. Dabei soll das Hör- und Aussprachetraining nicht nur zielgruppenspezifisch, sondern auch auf die individuellen Voraussetzungen und Bedürfnisse der Lerner ausgerichtet sein. Eine detaillierte Individualisierung kann im Unterricht kaum geleistet werden. Es bieten sich aber zunehmend multimediale Möglichkeiten, die die Lerner teilweise entlasten können.

Seit längerem besteht in der Fremdspracherwerbsforschung Konsens, dass Input und bewusstes Lernen zwei wesentliche Einflussfaktoren fremdsprachlichen Lernens darstellen. Der Input liefert das Rohmaterial für das Gehirn, das aus Inputdaten eine Sprache konstruiert, während das bewusste Lernen die Aufmerksamkeit auf

sprachlichen Regularien lenkt, die ohne bewusste Aufmerksamkeit nicht oder erst viel später wahrgenommen werden würden [Fandrych 2007: 195]. Wie die Metastudie von Norris/Ortega zeigt, kann bewusstes Lernen den Spracherwerb erheblich unterstützen, wenn dem kognitiven Apparat große Mengen an Input und wirklichkeitsähnlichen Sprachgebrauchsmöglichkeiten zur Verfügung gestellt werden [Norris, 2000: 418].

Literatur

1. Алифференко Н. Ф. Современные проблемы науки о языке: учеб. пособие — М.: Флинта: Наука, 2009. — 416 с.
2. Борботько В. Г. Принципы формирования дискурса — от психолингвистики к лингвосинергетике — М.: Либроком, 2009. — 288 с.
3. Ваганова Н. В. К вопросу об основной функции коммуникативной фонемы // Вопросы исследования и преподавания иностранных языков: межвуз. темат. сб. науч. тр. — Вып. 4. — 2003. — С. 21—26.
4. Вербицкая Т. Д., Диденко М. А., Чумаков А. Н. Методична розробка до практичного курсу з німецької мови для студентів 1 курсу факультету РГФ — Одеса: Астропринт, 2003. — 55 с.
5. Панаити Н. Н. Коммуникативная компетенция как целевая и содержательная сторона обучения иностранному языку // Иностранные языки в высшей школе. — Вып. 1 (8). — Рязань, 2009. — С. 36—46.
6. Breindl E., Thurmair M. Wie viele Grammatiken verträgt der Lerner? Zum Stellenwert einer „Grammatik der gesprochenen Sprache“ (nicht nur) für Deutsch als Fremdsprache // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 2. — 2003. — S. 87—93.
7. Deutsches Aussprachewörterbuch — Berlin: Walter de Gruyter, 2009. — 1076 S.
8. Fandrych Chr., Tscherner E. Korpuslinguistik und DaF. Ein Perspektivenwechsel // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 4. — 2007. — S. 195—204.
9. Götze L. Normen — Sprachnormen — Normtoleranz // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 3. — 2001. — S. 131—133.
10. Günther S. Konnektoren im gesprochenen Deutsch — Normverstoß oder funktionale Differenzierung? // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 2. — 2002. — S. 67—74.
11. Hennig M. „Die hat doch Performanzschwierigkeiten.“ Performanzhypothese und Kompetenz(en) gegentheese // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 2. — 2003. — S. 80—86.
12. Hirschfeld U. Zum Problem: Phonetischer Einführungskurs // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 5. — 1989. — S. 297—302.
13. Hirschfeld U. Phonetik in Deutsch als Fremdsprache. Situation — Arbeits- und Forschungsschwerpunkte — Perspektiven // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 2. — 2002. — S. 82—87.
14. Meinhold G. Phonostilistische Ebenen in der deutschen Standardaussprache // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 5. — 1986. — S. 288—293.
15. Müller U. Einige Bemerkungen zum Fachunterricht Phonetik innerhalb der Fremdsprachenausbildung // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 1. — 1983. — S. 47—51.
16. Norris J., Ortega L. Effectiveness of L2 instruction. A research synthesis and quantitative meta-analysis // Language Learning 50. — 2000. — P. 417—428.
17. Obendiek E. Theorie muss sein! — Überlegung zu Aussprache Fehlern // Neusser Vorträge zur Fremdsprachendidaktik. — Bielefeld; Berlin, 1973. — S. 128.
18. Rues B. Varietäten und Variation in der deutschen Sprache // Deutsch als Fremdsprache. — Heft 4. — 2005. — S. 232—237.
19. Steinig W., Huneke H.-W. Sprachdidaktik Deutsch — Berlin: Erich Schmidt Verlag GmbH und Co, 2007. — 304 S.

И. А. Газиева (Москва, Россия)

РОЛЬ СТИХОВ, ПЕСЕН И ИГР В РАЗВИТИИ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ НАВЫКОВ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ ХИНДИ В РГГУ

The paper deals with the review of the current methods of teaching basic Hindi language for Russian students using such techniques as memorizing poems, Rhymes and songs. Studying phonetics of Hindi students have a number of problems as — the pronunciation of retroflex, aspirates consonants and 'j' consonant that are not found in the Russian language. We are going to present some text materials that contributing the perception and acceptance of the Devanagari script, improving pronunciation and communication skills among students. Using Hindi poems and songs in the classroom makes it easy to consolidate the vocabulary of Hindi and basic grammatical forms.

Keywords: Hindi language, communication skills, vocabulary, connected speech, grammatical forms, linguistic games.

Обучая иностранному языку студентов, каждый преподаватель старается совершенствовать этапы учебного процесса. Для этого ему приходится внедрять все новые и новые формы обучения. На протяжении последних лет устойчивая тенденция к визуализации образования привела к тому, что в процессе обучения иностранному языку стали снова использоваться методы скорейшего погружения ученика или студента в мир иноязычной культуры, которые помогут им сформировать связную речь. В нашей статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы: а) как сделать урок языка хинди интересным? б) как мотивировать студентов к изучению хинди и обучить правильному произношению, играющему значительную роль в процессе успешной коммуникации?

На раннем этапе обучения языку хинди одним из основных аспектов является освоение лексики хинди. Успешное запоминание значения нового слова приводит учащегося к правильному употреблению их в словосочетаниях и предложениях. Способы усвоения изучаемых слов могут быть разнообразными. Однако в случае обучения языку хинди на начальном этапе, студент сталкивается с несколькими важными проблемами:

- алфавит, основанный на шрифте деванагари, являющемся основным для санскрита, классического языка Индии;

- проблема произношения долгих, кратких и назальных гласных звуков, ретрофлексных согласных звуков⁴ и их придыхательных вариантов, звонкой среднеязычной согласной «j», группы шипящих согласных — для санскритского твердого согласного «SНа», для заимствованных из персидского языка звуков «Ga», «Ha». Эти согласные представляют собой наиболее яркую

особенность языка хинди и других индийских языков;

- современный разговорный хинди изобилует заимствованиями из арабского персидского и английского языков, претерпевшими фонетическую, морфологическую и лексическую интерференцию.

Наличие вышеприведенных отличительных особенностей языка хинди может уже на начальном этапе обучения спровоцировать у студентов трудности в изучении данного языка.

«Навык правильного произношения на иностранном языке невозможно сформировать, если не развить фонематический слух обучаемых, не научить преодолевать фонетическую интерференцию при восприятии иностранной речи» [Абрамова]. Соглашаясь с данным утверждением, предлагается решить устранение проблемы произношения долгих и кратких гласных звуков у студентов посредством веселой песенки про алфавит «Ao gaaen Ka, Kha, Ga» [7], которая в анимационной форме иллюстрирует весь алфавит деванагари, состоящий из 44 букв. В данной песне каждая буква дается в картинке вместе со словом и его транскрипцией. Рифмовка алфавита настолько проста, а мелодия настолько веселая, что позволяет выучить весь алфавит за короткий период. Алфавит хинди обычно изучается двумя способами: а) изучаются только 44 буквы за 16 часов аудиторных занятий, без указания на использование их в словах; б) за 190 часов аудиторных занятий изучаются буквы со словами, в которых они чаще всего встречаются. В нашем случае мы используем второй вариант обучения базового курса языка хинди, в котором наряду с изучением фонетики хинди внедряются простые грамматические формы и его лексический состав. Для этого мы привлекаем короткие стихотворения и рифмовки для объяснения фонетики, морфологии, грамматики и лексики хинди.

⁴ При произношении этих звуков кончик языка поднимается вверх и загибается к твердому нёбу. В русском и английском языках таких звуков нет.

К примеру, стихотворение на объяснение долготы и краткости гласных, играющих смысловозначительную роль⁵:

«a» se anAr, «A» se Am; apnA to he paRHnA kAm!
«i» se imll, «I» se Ikh; choTA rAjA kuch to slkh.⁶ [8]

Это стихотворение знакомит студентов только с двумя гласными алфавита — кратким и долгими «и» и «а». Используя его на уроке, мы предлагаем студентам провести следующие задания: 1) прочесть его медленно; 2) проставить правильный порядок слов, который обычно изменен для рифмовки; 3) узнать знакомые им буквы; 4) объяснить незнакомые им грамматические формы⁷, если они им неизвестны; 5) определить род имени существительных; 6) указать на личные местоимения, прилагательные, наречия и послелог.

При изучении формы повелительного наклонения в хинди нами предлагается следующее стихотворение:

Subah savere seir ko jAo,
manjan karo, maze se nahAo.
PUjA karke phir kuch khAo,
hanste, hanste parhne jAo!⁸ [9]

Данное стихотворение знакомит студентов с грамматической формой повелительного наклонения для второго лица множественного числа. Здесь также вводятся простые послелог, повтор причастий и некоторые наречия. Следует отметить, что, несомненно, даже в коротких четверостишьях могут встречаться грамматические формы, не предусматривающие их изучение в базовом курсе. Однако можно просто предложить студентам запоминать стихи, не вникая в их грамматику, а заучивая их как разговорную форму.

⁵ В отличие от русского языка, гласных в хинди — 13 букв, и различаются они по долготе, краткости, дифтонгу и назализации. Кроме того, буквы, обозначающие гласные в алфавитном написании, используются только в начале слова или же после гласных. В остальных случаях используются знаки огласовки. Алфавит языка хинди — полуслоговое письмо, где каждая согласная содержит краткий гласный -а.

⁶ Перевод: из короткой гласной «a» образуется слово «гранат», а из долгой гласной «A» — слово «манго»; твоё дело — учиться; из короткой гласной «и» образуется слово «тамаринд», а из долгой гласной «I» — слово «сахарный тростник» — выучи это, мой маленький принц!

⁷ В данном случае это повелительное наклонение для второго лица единственного числа и форма глагола «быть».

⁸ Перевод: Ранним утром отправляйся на прогулку, почисти зубы, с наслаждением искупайся. Помолись, потом позавтракай и весело иди учиться!

му, своего рода клише.

Изучая простые формы настоящего времени, мы предлагаем выучить следующее стихотворение:

Hal pakaR kisAn chalAtA,
baRe maze se hei kuch gAtA.
Khet isI se jota jAtA,
phir anAj ko hei upjAtA⁹ [10].

На примере этого четверостишья студенты легко могут освоить простую форму настоящего времени глаголов. Подбирая стихи, мы стремимся, чтобы большинство в них слов повторялись в последующих небольших стихах. Таким образом, студенты могут легко узнавать знакомые им уже грамматические формы и слова.

Послелог¹⁰ — одна из особенностей грамматики языка хинди, которых студентам следует понять. Для этого мы предлагаем им выучить песню, где они чаще всего используются.

ChAndA MamA gol hei
MamI Ki bindI gol hei
MamI Ki RoTI gol hei
PApA ke peise gol hei
DAdA kA chashmA gol hei
DAdI ke laDDU gol hei
sAikil kI pahiyA gol hei
sArI duniyA gol hei!¹¹ [10].

Изучая эту песню, можно попросить студентов указать на формы простых послелогов: а) какой падеж они обозначают; б) какой род существительного они определяют.

Для того чтобы студенты легко и чтобы тренировались употреблять послелог в различных контекстах и устойчивых, часто встречающихся в речи выражениях, нами была создана игра-судoku. По сравнению с классическим судoku в нашей игре студенты должны расположить на поле из 81 клетки (квадрат 9 на 9) не девять цифр, а девять послелогов: 1) «ko» — выражение направления (послелог дательного и винительного падежа); 2) «kA/ ke/ kI» — выражение принадлежности (послелог родительного падежа); 3) «se» — «из, с»; 4) «mein» — «в»; 5) «par» — «на»; 6) «mein se» — «спреди»; 7) «tak» — «до»; 8) «ke liye» — «для»; 9) «ke pAs» — «у».

⁹ Перевод: крестьянин пашет землю плугом и с наслаждением поёт свою песню. Вот так он спашивает поле и сеет зерно.

¹⁰ Служебные слова, соответствующие по значению предлогу, но стоящие после слова, к которому относятся.

¹¹ Перевод: дядя месяц круглый, мамина точка на лбу круглая, папины деньги тоже круглые, дедушкины очки круглые, бабушкины печения круглые, колесо велосипеда круглое, весь мир тоже круглый.

В нашем варианте игры сохранены основное правило sudoku: послелого не должны повторяться в соответствующих горизонтальном и вертикальном рядах. Все клетки пронумерованы так, что пример для данной конкретной клетки можно вычислить по ее «координатам». Так что все, что остается студенту, — просмотреть примеры, и если он знает, какой послелог должен стоять на месте многоточия, — поставить этот послелог в соответствующую клетку на поле.

Например:

1क) मैं यहाँ तीन साल ... काम करती हूँ। (से) *main yahaan tiin saal ...kaam kartii huun (se)* – “I have been working here since three years”]

В таблице мы заполняем 1क:(1kA) послелогом «se», означающим «с, с тех пор, из»:

	क	ख	ग	घ	च	छ	ज	झ	ट
1	से								
2									
3									
4									
5									
6									
7									
8									
9									

Рисунок 1

Своеобразным критерием проверки своих ответов как раз и являются правила: если в одном ряду попались два одинаковых послелога — значит, надо перепроверить свои ответы. Кроме того, если студент не сможет сам выявить все вхождения послелогов в примерах, у него есть возможность «пойти от противного» и попробовать решить логически, в какой клетке какой послелог, скорее всего, может быть помещен. Затем он проверяет, подходит ли ответ к соответствующему примеру (можно использовать учебник или спросить у преподавателя).

	क	ख	ग	घ	च	छ	ज	झ	ट
1	से	मैं	को	के पास	मैं से	के लिए	का / के / की	तक	पर
2	के लिए	के पास	तक	पर	का / के / की	को	से	मैं से	मैं
3	का / के / की	मैं से	पर	मैं	तक	से	को	के पास	के लिए
4	के पास	के लिए	मैं	का / के / की	से	पर	मैं से	को	तक
5	पर	तक	मैं से	के लिए	को	के पास	मैं	का / के / की	से
6	को	का / के / की	से	तक	मैं	मैं से	पर	के लिए	के पास
7	तक	को	के पास	मैं से	पर	मैं	के लिए	से	का / के / की
8	मैं	से	के लिए	को	के पास	का / के / की	तक	पर	मैं से
9	मैं से	पर	का / के / की	से	के लिए	तक	के पास	मैं	को

Рисунок 2

В результате студент получает заполненное поле ответов. Такая игра подойдет как для

самостоятельной работы студента, так и для проведения в языковой группе (которую также можно разделить на команды ради азарта и пробуждения заинтересованности у студентов, чтобы еще больше вовлечь их в процесс игры). Заранее можно подготовить хэндауты, где студенты найдут типичные фразы для выражения уверенности / неуверенности в своих догадках.

Следующая игра создана для определения различий долготы / краткости и назализации гласных звуков в языке хинди. Игра под названием «Найди гласную!» очень нравится студентам. Правила игры следующие:

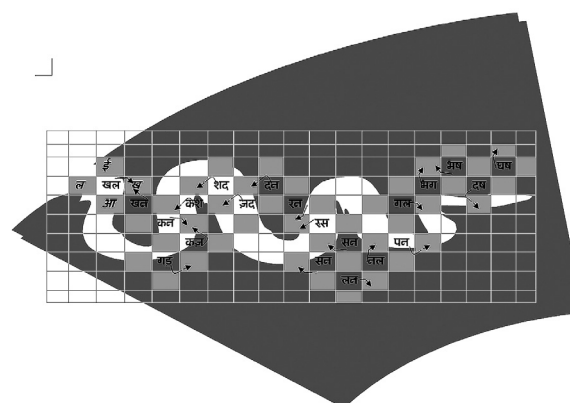

Рисунок 3

Эта змея состоит из множества кодифицированных слов. Каждое слово из 4 букв написано шрифтом деванагари. В центре мы видим только согласные. Задача студентов подобрать гласные звуки, чтобы получилось целое слово. Направление показано стрелками: по часовой стрелке или против часовой стрелки. Например:

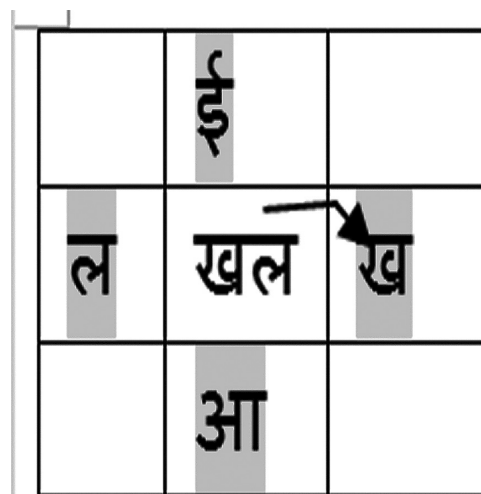

Рисунок 4

У нас получилось слово [khAlI] «свободный». Полностью игра расшифрована в следующей таблице (рис. 5).

Таким образом, современные методики обучения грамматике и фонетике языка хинди на начальном этапе бакалаврской программы курса «Язык хинди» содействуют восприятию и усвоению алфавита деванагари, совершенствованию произношения и выработке коммуникационных навыков у студентов, изучающих данный язык. Использование стихов, рифмовок, песен, фольклорного материала на всех этапах обучения облегчает закрепление лексики языка хинди и основных грамматических форм и приобщает студентов к «общечеловеческим ценностям, заставляет их вдумываться в значение слов, замечать

различные оттенки в их значении, учит выражать мысль различными средствами, помогает понять единство языка и мышления» [Кулешова]. Лингвистические игры на хинди (судоку, ребусы, Бинго и др.) позволяют в непринужденной игровой обстановке тренировать произносительные навыки у студентов, а также снимают языковой барьер и вызывают положительное эмоциональное настроение на протяжении всего семинарского занятия. Использование игровых технологий в обучении языку хинди показывает, что применение элементов сочинительства или игр в процессе обучения, приводит к тому, что у студентов:

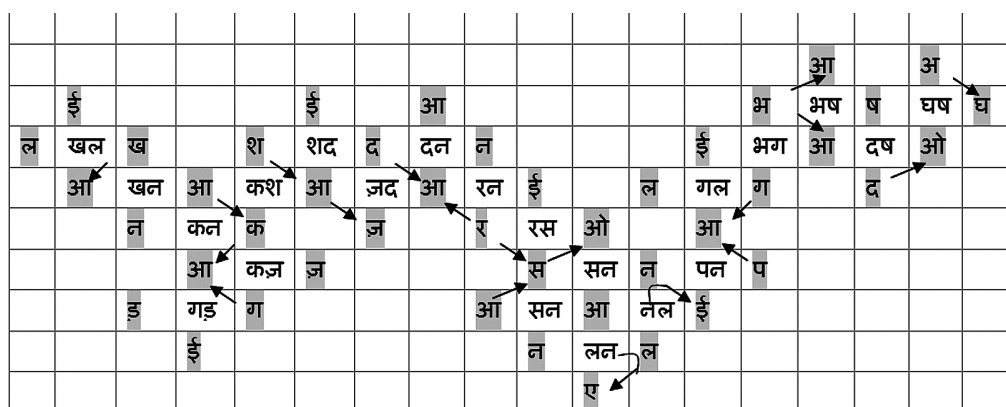

Рисунок 5

а) быстрее формируются коммуникативные умения; б) развивается связная речь, как на хинди, так и на русском языке; в) возрастает интерес и формируется мотивация к овладению восточным языком.

Список литературы

1. Абрамова И. Е. Сопоставительный анализ восприятия английскими и русскими аудиторами изолированных слов (на материале английских согласных) // Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе. — М.: РУДН, 2008. — С. 9—15.
2. Газиева И. А. О трудностях составления учебных пособий по языку хинди для учащихся младших классов российских школ с углубленным изучением языка хинди // Информационно-образовательные ресурсы обучения языку и культуре: традиции и новации: Международная научно-практическая конференция. М., РГГУ. — М.: Макс-Пресс, 2007. — С. 29—30.
3. Елисеева В. Е. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-svyaznoi-rechi->

mladshikh-shkolnikov-v-protssesse-obucheniya-sochineniyu-miniatyure

4. Кулешова Л. К. Режим доступа: <http://nota.triwe.net/teachers/open/kooleshova.htm>
5. Минаева О. Е. Новый подход к преподаванию языка хинди на современном этапе и его реализация на уроках языка хинди // Восточные языки и культура: материалы III Междунар. науч. конф. — М.: РГГУ, 2010. — С. 367—370.
6. Чотчаева И. А. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/igra-kak-sredstvo-razvitiya-rechevykh-umenii-uchashchikhsya-1-4-klassov-naurokakh-russkogo>
7. «Ao gaaen Ka, Kha, Ga», «Let's learn Hindi (Hindi Was Never So Easy)». India's best animated video CD's by Golden Ball, Quality educational product. 2007.
8. «Suman baal giit» by Dr. Sherjang Garg. Suman Prakashan Grih, Nai-Dilli, 1976.
9. «Mere gIt» by Shamiin Kishan, Holii Pheth International, Nai-Dilli, 1990.
10. «Akshar giit» by Vinod Chandra Paandey. SanskaraN 1994. Aashaa prakaashan grih. Karolbaag. Naii Dillii — 110005.

Е. А. Глухова (Челябинск, Россия)

РАЗВИТИЕ САМООБРАЗОВАНИЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВОГО ВУЗА НА ПРЕДМЕТЕ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»

This article considers the problem of intersubject connections in non-language high schools as a basis of the educational structure, as an example the subject of the English language. It analyzes the idea of intersubject connections in the educational process, represents the references of students who deal with self-education and gives the analysis of psychological and pedagogical literature.

Keywords: intersubject connections, education, educational process, English.

Реализация идеи межпредметных связей в педагогике и методике преподавания тесно связана с методологическими воззрениями педагогов на проблему синтеза и анализа научного знания как конкретного выражения дифференциации наук. Теоретическое и практическое решение этой проблемы изменялось в соответствии с развитием общества, его социальным заказом педагогической науки [Сериков 2002: 416].

Решающая роль в повышении продуктивности преподавания основ наук на всех этапах образования принадлежит целенаправленному совершенствованию содержания учебных курсов, которое представляется результативным лишь в условиях тесной взаимной соотнесенности, координации изучаемых дисциплин, широкого переноса знаний, умений и навыков, приобретаемых при их усвоении. Иными словами, задача повышения основ наук в образовательном учреждении может быть положительно решена только в условиях систематической и плановой реализации межпредметных связей в образовательном процессе, отражающих реально существующие отношения между явлениями и процессами объективной действительности и содействующих оптимальному развитию диалектического мышления обучающихся, формированию у них научного мировоззрения, целостных взглядов и убеждений.

Выявление и последующее осуществление необходимых и важных для раскрытия ведущих положений учебных тем межпредметных связей позволяет: а) снизить вероятность субъективного подхода в определении межпредметной ёмкости учебных тем; б) сосредоточить внимание педагогов и студентов на узловых аспектах учебных предметов, которые играют важную роль в раскрытии ведущих идей наук; в) осуществлять поэтапную организацию работы по установлению межпредметных связей, постоянно усложняя познавательные задачи, расширяя поле действия творческой инициативы и познавательной самостоятельной деятельности студентов, применяя все многообразие дидактических средств для эффективного осуществления многосторонних

межпредметных связей; г) формировать познавательные интересы учащихся средствами самых различных учебных предметов в их органическом единстве; д) осуществлять творческое сотрудничество между преподавателями и студентами; е) изучать важнейшие мировоззренческие проблемы и вопросы современности средствами различных предметов и наук в связи с жизнью [Сериков 2002: 416].

Осуществление межпредметных связей является одним из основных принципов технологического подхода в обучении, при котором должны быть выявлены все условия, необходимые для достижения нашей **цели: повышения уровня самообразования студенческой молодежи на основе межпредметных связей**. При использовании технологического подхода в разработке отдельного курса, координируя изучение учебного материала с другими дисциплинами, необходимо фиксировать межпредметные связи различного типа по отношению к той или иной цели курса (взаимосвязи между такими предметами, как математика, информатика, английский язык и т. д.). Задачами реализации межпредметных связей при конструировании содержания учебной дисциплины являются: выявление общих элементов содержания различных учебных дисциплин для определения «возможных» (сопутствующих) межпредметных связей; выявление элементов содержания, требующих предварительного изучения в другом предмете, для определения «необходимых» (предшествующих и перспективных) межпредметных связей.

Анализ дидактических функций межпредметных связей, их содержательной основы и структурных компонентов позволяет сделать вывод об основных, наиболее значимых направлениях работы педагогов по их реализации: координация учебных дисциплин, согласованность их преподавания и изучения во времени так, чтобы один предмет готовил систему учебных понятий и умений для изучения последующих предметов (например, знание математики помогает студентам ориентироваться и разбираться в такой дисциплине, как информатика, и наоборот); разработка

системы недублирования вопросов рассматриваемых в процессе изучения различных предметов; преемственность в формировании общих понятий, изучении теорий, законов и правил (от более доступных понятных определений к более специализированным); единство в интерпретации понятий, законов, правил и теорий; единство требований усвоения общих понятий в процессе обучения на различных учебных дисциплинах; создание условий для активного применения и углубления знаний и умений, полученных при изучении смежных дисциплин (применение студенческих знаний на практике в экономических учреждениях); разработка системы упражнений, требующих комплексного применения знаний из различных дисциплин, и структуры процесса их выполнения; разработка комплексных форм учебных занятий, на которых бы успешно решалась задача систематизации и обобщения знаний, получаемых при изучении различных дисциплин [Сериков 1997: 464].

В неязыковом вузе межпредметные связи общеобразовательных, общетехнических, экономических и специальных дисциплин должны быть направлены на повышение уровня подготовки студентов по специальным дисциплинам (информатика, математика), разъяснение научных принципов структуры современного производства, имеющей значение для будущей производственной деятельности. Как показывает практика, межпредметные связи в обучении являются конкретным выражением интеграционных процессов, происходящих сегодня в науке и в жизни общества. Эти взаимосвязи играют важную роль в повышении практической и научно-теоретической подготовки студенческой молодежи, существенной особенностью которой является овладение студентами обобщенным характером познавательной деятельности, а также в повышении уровня самообразования студентов. Обобщенность же дает возможность применять знания и умения в конкретных ситуациях, при рассмотрении частных вопросов как в учебной, так и во внеурочной деятельности, в будущей производственной, научной и общественной жизни выпускников вузов. С помощью многосторонних межпредметных связей не только на качественно новом уровне решаются задачи обучения, развития и воспитания студентов, но также закладывается фундамент для комплексного видения, подхода и решения сложных проблем реальной действительности. Именно поэтому межпредметные связи являются важным условием и результатом комплексного подхода в обучении и воспитании студентов [Трубайчук 2001: 81].

Английский язык в вузе интегрирует большое количество предметов, таких как литература, математика, экономика, менеджмент, информатика, физика и другие. Используя и применяя навыки и умения, полученные на других предметах, студенты более качественно усваивают программу дисциплины.

Межпредметные связи в обучении рассматриваются как дидактический принцип и как условие, охватывая цели и задачи, содержание, методы, средства и формы обучения различных учебных дисциплин. Межпредметные связи позволяют вычленить главные элементы содержания образования, предусмотреть развитие системообразующих идей, понятий, общенаучных приемов образовательной деятельности, возможности комплексного применения знаний из различных предметов в дальнейшей трудовой деятельности студентов. Межпредметные связи влияют на состав и структуру учебных дисциплин. Каждая учебная дисциплина является источником тех или иных видов межпредметных связей. Поэтому возможно выделить те связи, которые учитываются в содержании английского языка в вузе, и наоборот, идущие от английского языка в другие учебные дисциплины [Трубайчук 2001: 81].

Таким образом, *межпредметность* — это современный принцип обучения, который влияет на отбор и структуру учебного материала целого ряда дисциплин, усиливая системность знаний студентов, активизирует методы обучения, ориентирует на применение комплексных форм организации образовательного процесса, обеспечивая единство учебно-воспитательного процесса [Рапацевич 2001: 928]. Используя межпредметные связи, преподаватель английского языка развивает такие качества знаний студенческой молодежи, как системность, глубина, осознанность, гибкость, а также реализует комплексный подход к воспитанию и обучению. Таким образом, существование синтезированных наук в образовательном процессе — это необходимость сегодняшнего дня.

Список литературы

1. Сериков Г. Н. Образование и развитие человека. — М.: Мнемозина, 2002. — 416 с.
2. Сериков Г. Н. Образование: аспекты системного отражения. — Курган: Зауралье, 1997. — 464 с.
3. Словарь-справочник педагогических инноваций в образовательном процессе / сост. Л. В. Трубайчук. — М.: Восток, 2001. — 81 с.
4. Современный словарь по педагогике / сост. Е. С. Рапацевич. — Минск: Современное слово, 2001. — 928 с.

А. В. Гребенщикова (Челябинск, Россия)

К ВОПРОСУ О НЕПРЕРЫВНОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ПЕРЕВОДЧИКОВ

The article deals with the problem of training translators in continuing education, a brief historical review of the idea of continuing education in the world in the teaching theory and practice. It highlights the main approaches to the essence of lifelong learning.

Keywords: *training of translators, tendencies of development of Higher education, continuing professional education.*

Мировые интеграционные процессы, присоединение России к Болонскому соглашению, принятие Концепции модернизации российского образования, прописанной в проекте «Образование», Концепции информатизации сферы образования в России, Федеральной целевой программы «Развитие образования на 2006—2010 годы», «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации», Концепции Федеральной целевой программы «Научные и педагогические кадры инновационной России на 2009—2013 годы» и других нормативно-правовых документов ориентирует систему российского образования на подготовку квалифицированного, конкурентоспособного, компетентного, ответственного за вверенное ему дело специалиста, способного к постоянному профессиональному росту. Вышеизложенная целевая направленность современного отечественного профессионального образования, несомненно, формирует социальный заказ на профессиональную компетентность будущего специалиста межкультурной коммуникации, переводчика, члена информационного общества.

В национальной доктрине образования в Российской Федерации, которая определяет цели воспитания и обучения, пути их достижения посредством государственной политики в области образования, ожидаемые результаты развития системы образования на период до 2025 года, постулируется, что одними из основных целей и задач образования являются «систематическое обновление всех аспектов образования, отражающего изменения в сфере культуры, экономики, науки, техники и технологий; непрерывность образования в течение всей жизни человека» [Национальная доктрина... 2000: 6]. Так, одной из современных тенденций развития системы профессионального образования является непрерывность, представляющая собой систему взаимодействующих образовательных программ, направленных на обеспечение и дальнейшее развитие общеобразовательных и профессиональных качеств выпускника в соответствии с его

личностными потребностями и социально-экономическими требованиями, что формирует личность, развивающуюся и подготовленную к универсальной деятельности.

Рассматривая проблему профессиональной подготовки будущих переводчиков, формирования их профессиональной компетентности, следует считать непрерывность профессионального образования необходимым условием эффективности их профессиональной деятельности. Современное общество вступило в такую стадию своего развития, когда запаса образования (общего и профессионального) для переводчиков не хватает на весь период их трудовой жизни, что обуславливает переориентацию целей и содержания образования на саморазвитие личности, способной к активной творческой деятельности, и побуждает обратиться к осмыслению концепции непрерывного образования.

Идея непрерывного образования и профессионального совершенствования имеет глубокие исторические предпосылки. Ростки концепции непрерывного образования можно обнаружить в трудах выдающихся древних мыслителей и философов: Платона, Конфуция, Сократа, Аристотеля, Сенеки; она отражена во взглядах Вольтера, Гете, Руссо, которые связывали их с достижением полноты человеческого развития.

Первые попытки реализовать идею непрерывности образования были осуществлены в XIII—XIV вв. в городах Европы на базе так называемых цеховых школ, которые открывались и содержались ремесленными цехами. Основателем же современных представлений о непрерывном образовании признан Ян Амос Коменский, в педагогическом наследии которого заложена идея соединения в той или иной форме профессионального образования и повышения квалификации, которая воплощена в наши дни в концепции непрерывного образования.

В России идея непрерывности образования получила новые интерпретации после 1917 г., чему способствовало формирование новой системы образования. Появлялись новые формы и виды

образовательных учреждений, в том числе и для образования взрослых, повышения квалификации работающих [Зинченко 1991: 35].

Сам термин «непрерывное образование» — учение длиною в жизнь (*lifelong learning*), определяемое как «всесторонняя учебная деятельность, осуществляемая на постоянной основе с целью улучшения знаний, навыков и профессиональной компетенции», употребляется в 1968 году в материалах ЮНЕСКО. В 1972 году после опубликования доклада комиссии под руководством Э. Фора «Учиться быть», где под непрерывным образованием понимается такое изменение способа бытия человека, когда он открывается новому опыту, принято решение ЮНЕСКО, признавшее непрерывное образование основным принципом, «руководящей конструкцией» для нововведений или реформ образования во всех странах мира [Жуковская 2011: 82].

В 2000 году в Меморандуме непрерывного образования Европейского Союза провозглашены основные принципы непрерывного образования:

1) интенсивность — «достижение максимума результата при минимуме затрат времени» за счет внедрения современных образовательных технологий;

2) практическая ориентация — ориентация на перспективные требования инновационного развития экономики (квалификационные структуры, профессиональные требования);

3) адаптивность — приемлемость для работающих слушателей (модульность, частичный дистанционный режим обучения, реализация программ на местах работы, индивидуализация);

4) открытость — конкуренция программ разных операторов непрерывного образования [Меморандум непрерывного образования 2000: 2].

В проекте доклада «Инновационное развитие образования — основа повышения конкурентоспособности России», представленного 23 марта 2006 г. Государственным советом Российской Федерации, непрерывность образования определена как основа жизненного успеха личности, благосостояния нации и конкурентоспособности страны [Доклад Государственного совета... 2006: 45]. В условиях динамичных изменений современной жизни и стремительного обновления знаний создание гибкой и динамичной системы всеобщего непрерывного образования — императив роста человеческого капитала, инновационного развития и конкурентоспособности любой страны.

Принцип непрерывного профессионального образования положен в основу при разработке

направлений развития современного профессионального образования. В настоящее время идет разработка Концепции непрерывного образования в России. Так, в феврале 2011 года директор департамента профессионального образования РФ Т. М. Давыденко в докладе «О проекте концепции непрерывного образования» изложил основные принципы и направления развития данного аспекта модернизации российского образования [Жуковская 2011: 80].

Проблематика непрерывного профессионального образования легла в основу многих научных исследований. На основе подробного анализа различных подходов к сущности непрерывного образования в современной российской науке, проведенного В. И. Масловым, Н. Н. Зволинский и В. М. Корниловым [Маслов 2011: 2], можно выделить три основных подхода к сущности непрерывного образования в научной теории:

1) традиционный, когда в непрерывном образовании видят профессиональное образование взрослых, потребность в котором вызвана необходимой компенсацией знаний и умений, недополученных в ходе учебы, как своеобразный ответ на технологический прогресс, поставивший труд человека в состояние функциональной безграмотности. Это, по сути, компенсаторное, дополнительное образование, часть «конечного» образования (т. е. «образования на всю жизнь»);

2) сторонники второго подхода рассматривают явление образования как пожизненный процесс («учиться всю жизнь») и отдают предпочтение педагогически организованным формальным структурам (кружки, курсы, ФПК, средства массовой информации, заочное и вечернее обучение и т. п.);

3) третий подход идею пожизненного образования «пропускает» через потребности личности, стремление которой к постоянному познанию себя и окружающего мира становится ее ценностью («образование через всю жизнь»). Целью непрерывного образования в этом случае становится всестороннее развитие (включая саморазвитие) человека, его биологических, социальных и духовных потенций, а в конечном итоге его «окультуривание», как необходимое условие сохранения и развития культуры общества. В третьем подходе, особенно в последние годы, особо выделяется деятельностный аспект, при котором непрерывное образование рассматривается как новый способ образовательной деятельности, обеспечивающий опережающее развитие человека, формирование у него прогностических качеств, опирающихся на социальную, культурно-историческую основу.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать вывод, что идея непрерывного профессионального образования, зародившись во времена античности, к настоящему моменту ставшая приоритетной в мировых образовательных системах в настоящее время представляет собой не особый вид образования, а новый способ образовательной деятельности, который формируется для разрешения противоречий между требованиями экономики и существующей системой образования.

Список литературы

1. Доклад Государственного совета РФ «Инновационное развитие образования — основа повышения конкурентоспособности России». Режим доступа: <http://www.sci-innov.ru/gossovet/4924/>
2. Жуковская З. Д., Квасова Л. В., Фролов В. Н. О концепции непрерывного образования // Императив модернизации. — 2011. — № 5. — С. 76—86.
3. Зинченко Г. П. Предпосылки становления теории непрерывного образования // Сов. педагогика. — 1991. — № 1. — С. 34—41.
4. Маслов В. И., Зволинская Н. Н., Корнилов В. М. Непрерывное образование: подходы к сущности // Библиотека РГУФКСМиТ: сайт. Режим доступа: <http://lib.sportedu.ru/Texts.idc?DocID=89990>
5. Меморандум непрерывного образования ЕС. Режим доступа: <http://www.ec.europa.eu/education/policies/life/memoen.pdf>
6. Национальная доктрина образования в Российской Федерации // Бюл. М-ва образования Рос. Федерации. — 2000. — № 11. — С. 3—13.

Л. Е. Кузнецова (Воронеж, Россия)

МЕТОД ПРОБЛЕМНОГО ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ И ВОСПРИЯТИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА

The article deals with the Task-based Learning and Teaching as a powerful ESP tool. Special emphasis is laid on teaching comprehensive understanding of ESP text, where the latter is regarded as a multi-layered phenomenon. The task is considered to be an effective instrument of training the students to recognize these layers, and creating the communicative environment at the lesson.

Keywords: *teaching languages, task-based learning, teaching comprehensive understanding of ESP text.*

Метод проблемного обучения иностранному (английскому) языку (Task-based Learning and Teaching) широко применяется в учебных аудиториях стран всего мира. Наиболее привлекательными свойствами метода являются его эффективность и коммуникативность. Выполнение задания (другими словами, решение проблемы) — task — проходит в условиях практического применения того уровня английского, которым обучающиеся уже владеют [Willis 2000: 5].

Метод представляется особенно интересным как совокупность эффективных технологий обучения английскому языку для специальных целей, когда важнейшее место отводится обучению восприятию текста профессиональной тематики. Под текстом далее понимается «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа», состоящее из ряда высказываний, объединенных разными типами

лексической, грамматической и логической связи, «имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 18]. Вопрос восприятия текста рассматривается здесь широко и подразумевает адекватное понимание и усвоение обучающимися не только фактической, но также культурной информации и прагматического воздействия — так называемого «коммуникативного эффекта», производимого текстом [Комиссаров 2002: 135]. Такое понимание становится возможным, только если студенты подготовлены к распознаванию данных компонентов.

Восприятие иноязычного текста может проходить значительно более эффективно при условии использования технологий метода TBLT в российском вузе для нефилологов. Модель обучения, выдвигаемая данным методом, помещает обучающегося в центр, а обучающего — на периферию процесса. Задача преподавателя — подготовить и предъявить реально коммуникативные задания,

акцентирующие необходимую для изучения информацию. Эти задания также должны мотивировать обучающихся, вызывая их личную заинтересованность в общении на английском языке как средстве повышения уровня владением языком. Обучающиеся «используют» знания партнера, учатся друг у друга, критически оценивают знания друг друга в ходе такого общения, что позволяет осознавать цели своего учения и находить оптимальные пути для их достижения. Критерием прогресса является успешность решения поставленной на занятии проблемы. Традиционное для данного направления изучение грамматических правил сдвигается на заключительную часть занятия, когда проводится анализ языкового материала, использованного с ошибками или неточностями при выполнении задания.

Второстепенная роль преподавателя не приводит к отказу от планомерности и структуриро-

ванности процесса обучения. Метод проблемного обучения английскому языку предусматривает строгую последовательность учебной деятельности на занятии — подготовку к выполнению задания, выполнение задания и анализ лексико-грамматических ошибок, допущенных при отчете о выполнении задания, с последующим повторением отчета без ошибок. Данная структура сохраняется и для обучения восприятию текста по специальности.

Понимание и усвоение фактической, культурологической информации, а также изучение прагматической направленности текста организуется с помощью заданий, акцентирующих соответствующий аспект. В таблице представлены некоторые виды заданий, разработанные в соответствии с технологиями метода проблемного обучения, способствующие восприятию текста по специальности.

Таблица 1

Стадии занятия	Задания на восприятие фактической информации текста	Задания на восприятие культурологической информации текста	Задания на определение прагматического воздействия
Подготовка к выполнению задания	<i>Сортировка</i> выбранных из текста ключевых слов, в том числе, терминов, по любому признаку, например, по принадлежности к частям речи, по алфавиту и т. д.	<i>Подбор</i> значений к словам из текста, отражающим культурные реалии	<i>Классификация</i> вводных слов и других маркеров, используемых для реализации намерения автора текста, последовательности при изложении информации и т. д.
Выполнение задания	<i>Преобразование</i> фактической информации текста: представление в виде графика, схемы и т. д.	<i>Использование</i> названий реалий, изученных на первой стадии занятия, для заполнения пробелов в тексте, таблицы данных, отражающих положение дел в аналогичной области в России, и пр.	<i>Анализ сходства / отличия</i> текстов близких по содержанию с точки зрения стиля, композиции, логической структуры текста, авторской интенции

Как видно из таблицы, задания представляют собой набор универсальных интеллектуальных умений, необходимых в повседневной и профессиональной деятельности — классификация данных, поиск соответствий, сходства или отличия, обобщение или конкретизация информации, преобразование данных и представление их в ином, нежели исходный, виде и пр. При этом следует учесть, что на одном занятии выполняется одно задание. Их может быть больше, если целью занятия является повторение изученного.

Выполнение заданий облегчает понимание коммуникативной задачи текста и позволяет воспринимать текст по специальности как ком-

муникативное и смысловое единство. В целях демонстрации многоуровневого характера текста иногда полезно использовать один и тот же текст для его анализа с разных точек зрения, открывая обучающимся возможность воспринимать текст как многослойное образование, объединяющее информационную, культурологическую и прагматическую составляющую.

Подводя итог, следует отметить, что восприятие текста по специальности на английском языке наиболее результативно в условиях применения метода проблемного обучения. Система заданий позволяет студенту воспринимать текст по специальности как сообщение с легко уз-

наваемыми лингвистическими и социальными кодами, которые в условиях традиционного обучения не получают должного внимания, а часто и не осознаются как таковые.

Список литературы

1. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стер. — М.:

КомКнига, 2007. — 144 с.

2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. — М.: ЭТС, 2002. — 424 с.

3. Willis J. A Framework for Task-based Learning. — Harlow: Edison Wesley Longman Limited, 2000. — 183 p.

Л. В. Лазухина (Костанай, Казахстан)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОМПЬЮТЕРНЫХ ОБУЧАЮЩИХ ПРОГРАММ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

The article focuses on the application of computer training programs for foreign language lessons. There is an analysis of the benefits of their use and some recommendations for proper use.

Keywords: *information technology, multimedia, computer, computer training programs.*

Неоспоримо, что проблема качественного обучения актуальна всегда. На рынке труда постоянно востребованы интеллектуально развитые, коммуникабельные, конкурентоспособные люди, умеющие добывать необходимые знания [Тарасова 2003: 1]. Но в последнее время также часто требуются специалисты, владеющие одним и даже несколькими иностранными языками. В этих условиях обучение иностранному языку при подготовке кадров в различных сферах деятельности играет существенную роль, и большое значение приобретает практическое овладение иностранным языком. Однако общеизвестно, что успешное изучение иностранного языка требует от студентов больших усилий, затрат времени, терпения, непрерывной подготовки, выполнения большого количества упражнений, а также творческого подхода к выполнению заданий, а от преподавателя — владения разнообразными и эффективными методами, способами и приемами обучения, вызывающими интерес к изучению чужого языка и позволяющими при дефиците учебных часов дать необходимые знания и выработать нужные умения и навыки. В данной ситуации на помощь преподавателю приходят новые технологии обучения, в том числе информационные технологии. Они выступают как инновационные интерактивные средства обучения, которые обладают возможностью визуализировать изучаемые явления, динамически представлять процесс объяснения, обрабатывать значительные объемы учебной информации, способствуют динамике процесса обучения, превращают занятие в красочное интерактивное действие. Таким образом, излишне убеждать

в важности использования информационных технологий для получения современного образования. Совершенно очевидно, что обучение, в том числе иностранным языкам, немыслимо сегодня без компьютерных классов, Интернета, дистанционного обучения и мультимедийных обучающих программ. Кроме того, современные методики помогают реализовать личностно-ориентированный подход в обучении, обеспечивая индивидуализацию и дифференциацию обучения с учётом способностей обучаемого, его уровня обученности, склонностей и т. д.

Современные информационные технологии — это не только новые технические средства, это новый подход к процессу обучения, это новые формы и методы преподавания [Котловая 2003: 3]. Использование в учебном процессе компьютера — это не просто изменение технической вооружённости труда учителя, это обновление его роли, его готовности передавать свои знания и опыт новыми средствами, формирование новой педагогической культуры, требующей обновления содержания образования, подходов и методов, организационных форм обучения. Преподаватель учит, как искать, анализировать информацию и как получать на ее основе новые знания. Он перестает только выбирать тот или иной учебный материал, а превращается в конструктора «информационной среды» для своих студентов, подбирая и структурируя учебную информацию исходя из потребностей студентов, особенностей курса и т. п.

В настоящее время на занятиях иностранного языка в вузе часто используются компьютерные обучающие программы. Красочность,

увлекательность мультимедийных обучающих программ вызывают огромный интерес не только у учащихся, но и у студентов, способствуют быстрому запоминанию и стимулируют учащихся к активной работе на уроке, что повышает эффективность занятия. Разнообразие тем и видов деятельности компьютерных программ вызывают огромный интерес у студентов и превращают обучение иностранному языку в живой, творческий, естественный процесс [Котлова 2003: 3].

При обучении иностранному языку необходимо организовать самостоятельные действия каждого обучающегося. Обучение с помощью компьютерных программ предоставляет такие возможности. Компьютерные программы дают возможность индивидуализации процесса обучения. Их использование в процессе обучения позволяет студенту работать в соответствии со своими способностями, он имеет возможность остановиться, подумать, исправить ошибки.

Лучше всего использовать компьютерные программы как вспомогательное средство при обучении чтению, письму, аудированию, устной речи и при отработке грамматики.

При обучении аудированию каждый студент получает возможность слушать иноязычную речь, при обучении говорению каждый учащийся может прослушать фразы на иностранном языке, получая возможность говорить в микрофон. Современные технологии также позволяют распознавать с голоса (через микрофон) правильность устного ответа самого студента. Таким образом, обучение четырём видам речевой деятельности учащихся (чтению, письму, аудированию и говорению) осуществляется более эффективным и интересным способом.

Формы работы с компьютерными обучающими программами на уроках иностранного языка:

1. Изучение лексики.

При введении и отработке тематической лексики, например «покупки», «продукты питания», «одежда» и т. д.

2. Отработка произношения.

Многие обучающие программы предусматривают режим работы с микрофоном. После прослушивания слова или фразы учащийся повторяет за диктором, и на экране появляются графические изображения звуков диктора и учащегося, при сравнении которых видны все неточности.

3. Обучение диалогической речи.

I этап — знакомство с диалогом.

II этап — разучивание диалога.

III этап — инсценирование диалога.

4. Обучение письму.

Этот вид работы решает сразу две задачи — правильное написание иноязычных слов и освоение клавиатуры.

5. Отработка грамматических явлений.

Все обучающие компьютерные программы так или иначе предусматривают отработку определённых грамматических структур.

В настоящее время существует большое количество интересных обучающих компьютерных программ. Вот некоторые из них [Компьютерные программы 2002: 1]:

Triple play plus in English (Triple play plus in German). Программа обучает английскому (немецкому) языку в игровой форме, позволяет расширять словарный запас, изучать грамматику, понимать английскую речь на слух и правильно писать.

English on holidays (Double English) — «Английский на досуге», иллюстрированный русско-английский разговорник, содержит 16 тем, около 550 слов и 170 фраз, около 9000 изображений и 70 анимаций.

Hello, America! С помощью этой компьютерной программы можно не только изучать American English, но и совершать увлекательные путешествия по США, узнать много об истории, культуре и современной жизни страны.

English Gold (Deutsch Gold). Программа содержит 144 коротких диалога, позволяющих отрабатывать разные грамматические структуры и разговорную лексику, ряд тематических картинок и лексику к ним. В разделе тестов можно проверить свои знания с помощью отдельных вариантов программы TOEFL TESTS.

English Platinum. Курс состоит из нескольких разделов: диалоги, грамматика, фонетика, словарь, фильм.

Bridge to English. Данная программа разработана в Великобритании и предназначена для тех, кто начинает изучать английский язык или желает усовершенствовать навыки понимания речи на слух, чтения, произношения и письма.

Reward — Английский язык из Оксфорда. Компьютерный курс английского языка четырёх уровней — Elementary, Pre-Intermediate, Intermediate, Upper-Intermediate, — который позволяет пройти путь от начального знакомства до свободного владения английским языком.

Talk Now. Серия «Начните говорить прямо сейчас!» (Talk Now!) включает более 20 языковых версий. Это обучение английскому (амери-

канский и британский варианты), арабскому, венгерскому, голландскому, греческому, датскому, ивritу, испанскому, итальянскому, китайскому, немецкому, норвежскому, польскому, португальскому, русскому, турецкому, финскому, французскому, шведскому, японскому и другим языкам.

The Heinemann TOEFL®

Курс подготовки к экзамену. Этот курс предназначен для тех, кто хочет усовершенствовать знание английского языка до уровня, необходимого для обучения в колледжах и университетах Северной Америки и всего мира, а также для поступления на работу в престижные иностранные компании.

Практические тесты. Эта программа включает пять полных вариантов тестов TOEFL.

World Talk — новый курс обучения иностранному языку британской компании EuroTalk, продолжающий серию Talk Now!

«Мультиплекс 2000» — словарь для всех.

«Think & Talk German». Обучающая компьютерная программа рекомендуется для учащихся и студентов, туристов, деловых людей и всех тех, кто желает изучать немецкий язык.

«Учите французский». Элементарный уровень включает базовый набор слов и устойчивые словосочетания, встречающиеся в ситуациях повседневной жизни: знакомство, покупки, еда, числа, время, транспорт и т. д. Программой предусмотрена функция контроля за успеваемостью: автоматически фиксируются результаты игр и викторин различных уровней сложности. **Промежуточный уровень** помогает продолжить изучение французского языка, совершенствовать произношение, понимание на слух устной речи. Наряду с играми курс содержит диктанты и упражнения.

«Французский язык» (продвинутый уровень). Программа предназначена для продолжающих изучать французский язык.

«Темпо». Эта программа предназначена для самостоятельного изучения французского языка. Она разработана французскими методистами Э. Берар и И. Канье для старшеклассников и взрослых [Сагдеева 2005: 16].

На занятиях английского языка для организации самостоятельной работы студентов нами чаще всего используются программы **«Professor Higgins. Английский без акцента!»** и **«Britain in Brief»**.

Однако большое количество программ создает серьезную проблему тщательного отбора материалов, их предварительной проработки и, конечно, использования современных педаго-

гических технологий, отвечающих принципам личностно-ориентированного подхода. С этим связана вторая проблема работы с компьютерными технологиями — технократический подход, т. е. чрезмерное увлечение использованием информационных технологий ради них самих. Урок иностранного языка должен быть посвящен в первую очередь устной практике. Творчески работающий учитель может разумно и органично вписать уникальные возможности компьютерных технологий в учебный процесс, не забывая о личности ученика и целях обучения.

Явные преимущества обучающих программ, как и их недостатки, могут подвигнуть учителя на производство собственных обучающих продуктов. Это естественно и закономерно, но этому надо учиться.

Суммируя вышесказанное, хочется подчеркнуть, что наглядность с использованием мультимедийных средств — это качественно новый уровень обучения, позволяющий детализировать и конкретизировать объект изучения, задействовать в учебном процессе максимально возможное число каналов восприятия информации, что особенно важно сейчас, когда огромное количество людей не являются печатно-ориентированными, а осваивают мир преимущественно с помощью других носителей информации и других органов чувств [Азимов 2001: 19].

Список литературы

1. Тарасова Л. М. Использование компьютерных технологий на уроках немецкого языка. Режим доступа: <http://www.eduhmao.ru/info/1/3792/34587/2>
2. Колтовая Н. А. Новые информационные технологии в обучении иностранным языкам. Режим доступа: <http://www.gmcit.murmansk.ru>
3. Характеристика основных компьютерных программ. Режим доступа: <http://virtlab.ioso.ru/programs.htm>
4. Сагдеева Л. И. Применение информационных технологий на уроке французского языка // Наука и школа. — 2005. — № 3.
5. Трубицына Л. В. Интегрированные уроки английского языка и мировой художественной культуры с использованием компьютерных технологий. Режим доступа: http://www.mifp.ru/school/1319/ner_2.shtml
6. Азимов Э. Г. Материалы Интернета на уроках английского языка // Иностранные языки в школе. — 2001. — № 6. С. 19—21
7. Полат Е. С. Интернет на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2001. — № 2.

Е. В. Миронова (Трехгорный, Россия)

**К ВОПРОСУ ПРЕПОДАВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ ПРИ ПОДГОТОВКЕ БАКАЛАВРОВ**

This article considers new approaches in teaching English in terms of adoption of the Federal State Educational Standards of the third generation while training bachelors in technical colleges.

Keywords: *bachelors, English language teaching, technical college, cultural competencies, credit and rating system, Federal State Educational Standards of the third generation.*

Необходимость знания иностранного языка для инженера не стоит доказывать. Интенсивно развивающиеся процессы глобализации, внедрение новых технологий, культурологический бум, выживание в условиях мирового рынка привели к острой потребности изучения английского языка.

Модернизация отечественного образования и переход на Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения, а также двухуровневая система высшего образования (бакалавры и магистры) предназначены координировать и унифицировать учебный процесс вузов разных стран, гарантировать доступ к единому европейскому образовательному пространству.

Трехгорный технологический институт — филиал научно-исследовательского ядерного университета МИФИ с сентября 2011 года приступил к работе по новым образовательным стандартам. Компетентностная модель выпускника по направлению подготовки 200100 «Приборостроение» (бакалавр) включает в себя ряд общекультурных, профессиональных, научно-исследовательских компетенций (и не только), предполагающих формирование таких социально-личностных качеств выпускника, как целеустремленность, организованность, трудолюбие, ответственность, гражданственность, коммуникативность, толерантность, повышение общей культуры, готовность к деятельности в профессиональной сфере приборостроения [Компетентностная модель выпускника 2011: 7]. Дисциплина «Иностранный язык» входит в базовую часть гуманитарного, социального и экономического цикла учебного плана подготовки бакалавров по направлению 200100. Трудоемкость дисциплины составляет 7 зачетных единиц (3 семестра), 216 часов, из них на аудиторную нагрузку приходится всего 104 часа, тогда как самостоятельная работа занимает 112 часов. В процентном отношении распределение часов между аудиторной и самостоятельной работой составляет 40 % и 60 %.

Изучение дисциплины «Английский язык» направлено на формирование у студентов следующих общекультурных компетенций:

- способность логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, создавать тексты профессионального назначения;
- способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения, владение культурой мышления;
- способность уважительно и бережно относиться к историческому наследию и культурным традициям, толерантно воспринимать социальные и культурные различия;
- способность к личностному развитию и повышению профессионального мастерства;
- способность критически оценивать свои достоинства и недостатки, наметить пути и выбрать средства развития достоинств и устранения недостатков;
- способность применять основные методы, способы и средства получения, хранения, переработки информации, навыки работы с компьютером как средством управления информацией;
- способность использовать один из иностранных языков в общении и профессиональной деятельности на уровне не ниже разговорного;
- способность владеть навыками самостоятельной работы для совершенствования знаний и повышения квалификации средствами иностранного языка [Гайворонская].

Модернизация образовательного процесса потребовала новой системы оценки знаний. Балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов является комплексной оценкой в баллах качества учебной работы студентов (аудиторной и внеаудиторной), выполняемой в соответствии с ФГОС-3 ВПО. Балльно-рейтинговая система предполагает постоянную оценку учебной работы студента в течение учебного семестра в баллах. Максимальное количество баллов, которое студент может получить по дисциплине в семестре — 100. 50 % учебной работы студента по дисциплине контролируется и оценивается в ходе учебного процесса в семестре и включает в себя все формы аудиторной работы студента, а также контроль самостоятельной работы студента. Остальные 50 % учебной работы студента оцениваются при про-

межуточной аттестации в форме экзамена или зачета. Существующая четырехбалльная шкала (отлично, хорошо, удовлетворительно, неудовлетворительно) имеет более узкий диапазон по сравнению с системой оценивания ECTS (А — превосходно, В — отлично, С — хорошо, D — удовлетворительно, E — посредственно, FX — условно неудовлетворительно, F — безусловно неудовлетворительно).

В соответствии с требованиями ФГОС-3 ВПО по направлению подготовки 200100 «Приборостроение» (бакалавр) реализация компетентностного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий (компьютерных симуляций, деловых и ролевых игр, разбора конкретных ситуаций и т. д.) в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития требуемых компетенций обучающихся [Федеральный государственный образовательный стандарт: 19].

Таким образом, изучение студентами иностранного языка предполагает большую степень самостоятельности и более высокий уровень автономии. При этом уровень самостоятельности в процессе изучения иностранного языка рассматривается как обязательный критерий уровня владения изучаемым языком.

Однако практика и опыт преподавания показывают, что большинство студентов, изучающих данную дисциплину, не умеют грамотно и эффективно организовать учебную деятельность. Согласно результатам анкетирования студентов 1 курса о рациональном распределении свободного времени, проведенного в 2010/11 учебном году, выяснилось, что всего 20% опрошенных систематически готовятся дома к дисциплине «иностранному языку».

Большинство из них отождествляет понятие «высшее техническое образование» с процессом получения знаний только по специальным предметам, что приводит к приоритету одних дисциплин над другими, где в число «второстепенных» и «ненужных» иногда попадает иностранный язык. Кроме того, необходимо учитывать и отсутствие преемственности между школой и вузом, низкий уровень подготовки абитуриентов, а на сегодняшнем этапе — острую нехватку учебной и учебно-методической литературы для подготовки бакалавров, а также сокращение часов на дисциплину.

Известно, что наивысшая степень активности появляется при организации самостоятельной работы студентов. Но не любая самостоятельная

работа является по сути самостоятельной. Успех может принести только та самостоятельная работа, которая очень хорошо подготовлена преподавателем и мотивирована на конечный результат [Поляков 2005]. Здесь себя отлично проявила балльно-рейтинговая система. Данная система является инструментом управления образовательным процессом, обеспечивающим мотивацию студентов к систематической учебной работе в течение семестра. Основными задачами балльно-рейтинговой системы являются:

- повышение мотивации активной и равномерной учебной работы студентов в течение семестра;
- повышение эффективности регулярной самостоятельной учебной работы студентов;
- усиление контроля за систематической работой студентов при освоении ими образовательной программы путем более высокой дифференцированной оценки результатов их учебной деятельности;
- повышение учебной дисциплины студентов и сокращение числа пропусков занятий;
- получение объективной оценки уровня знаний, компетентности и уровня профессиональной подготовки студента и т. д. [Компетентностная модель выпускника 2011: 7].

На практике это проявилось следующим образом: уже в середине осеннего семестра в рейтинговой карте по результатам входного, текущего и рубежного контролей можно было увидеть пеструю картину разноуровневого усвоения дисциплины «Иностранный язык». Сразу же появились лидеры, заинтересованные в высокой оценке и выполняющие все требования преподавателя (меньшинство студентов), просто успевающие студенты и отстающие студенты. Хорошо зарекомендовали себя и «штрафные санкции»: за каждый пропуск занятий по неуважительной причине (– 1 балл), за несданное в срок задание (– 1 балл). При отработке занятий «штрафные» баллы снимались. К концу семестра картина успеваемости была вполне ожидаемой.

Многообразие методов и способов овладения иностранным языком в техническом вузе приводит к необходимости оптимального выбора одного из них или оптимального сочетания взаимодополняющих методов и технологий, из чего следует необходимость обобщения знаний о методах, способах и приемах организации занятий по иностранному языку [Гайворонская].

Преподавателям иностранного языка в техническом вузе приходится направлять свои

усилия на оптимизацию процесса обучения, поиск новых путей организации своей профессиональной деятельности и использование наиболее эффективных методик и приемов преподавания, направленных на достижение конечного результата — подготовки высококлассного и конкурентоспособного выпускника. В идеале нужно искать и применять новые методы, сохраняя все положительное от старых, опробованных, испытанных, давших положительные результаты. Поэтому преподаватели иностранных языков для неязыковых специальностей в высшей школе перегружены больше других [Тер-Минасова 2008: 269].

Резюмируя все вышесказанное, необходимо подчеркнуть, что в современном социально-политическом, экономическом и социокультурном контексте развития России есть все основания рассматривать владение английским языком как необходимое условие профессиональной деятельности значительного числа выпускников технических вузов, которые являются потенциальными участниками межкультурного профессионального общения.

Список литературы

1. Гайворонская Н. И. Специфика преподавания иностранного языка в техническом вузе. Режим доступа: <http://unid.bsu.edu.ru/2010>
2. Компетентностная модель выпускника, по программе подготовки бакалавров по направлению 200100 «Приборостроение» / ТТИ НИЯУ МИФИ. М., 2011. — 20 с.
3. Положение о балльно-рейтинговой системе оценки успеваемости студентов ТТИ НИЯУ МИФИ. М., 2011. — 23 с.
4. Поляков О. Г. Самоконтроль в обучении английскому языку // ИЯШ. — 2005. — № 7. — С. 48—52.
5. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: учеб. пособие. — М.: Слово, 2008. — 344 с.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 200100 «Приборостроение» (спецификация (степень) бакалавр) утвержденного приказом Министерства образования и науки РФ от 21.12.2009 № 756. Режим доступа: <http://www.edu.ru>

Мяо Чжуншань (Пекин, Китай)

ПРЕПОДАВАНИЕ ИЕРОГЛИФИКИ — НАИБОЛЕЕ ВАЖНЫЙ АСПЕКТ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

In teaching the Chinese language, many foreign teachers are guided by the principles of language teaching with the phonetic alphabet. But in the teaching of Chinese language these methods are not entirely acceptable. The most important aspect of learning Chinese is hieroglyphics. This paper addresses the problem of teaching Chinese characters to foreigners. The author identifies the following laws hieroglyphics teaching: 1) Character - not just a symbol, each character has a deep cultural content. 2) Only with proper study of the characters can use them correctly. 3) knowledge of the characters directly proportional to the ability to read, and, consequently, the ability to further study the Chinese language. The task of the teacher is the most detailed explanation of the character under study, and also to show students what the characters have undergone transformation during the development of Chinese calligraphy.

Keywords: Chinese characters, vocabulary, intercultural communication, cultural content characters.

对外汉语教学中汉字教学是首要教学任务

该是汉字教学。

1. 汉字学习的方法与规律。

论文关键词: 汉字 文化传播

在外语教学中,很多西方外语老师经常按照教授拼音文字语言的常规模式,注重对学生口语,听力的教学。但是在汉语对外教学中,这种利于拼音文字语言的教学方式并不完全适用。学习汉语首先注重的应

众所周知,汉字不是用字母和符号来记录汉语语音,而是用几万个符号(基本符号和由基本符号组成的合体符号)来表示单音节的词或词素。因此汉字与英、法、俄、西班牙等拼音文字相比,在阅读方面就会造成一定的难度。所以,识字量的增加代表了阅读量的能力提高,阅读量的能力提高也直接为口语表达

与良好听力提供了可能,没有更多的识字量,也就无法完成汉语学习的继续深入。最初学习汉语的学生面对最大的学习难点就是汉字的认写过程,甚至很多学生都是因为起初对汉字的认写产生极大的困难而最终放弃了对汉语的继续学习。汉字的学习共分为三个阶段,第一阶段是基本汉字的认写过程,这一过程也是学习汉语的一个最大的难点。汉字也称为象形文字,在最初汉语造字的过程中,一些汉字把表形作为主要表现手段。例如:“日”日,“月”月,“雨”雨,“山”山。只是后来对汉字的书写方便与快捷提出了更多的要求,而使得汉字逐步的进化,直到产生现代汉字的最终表现。这些基本汉字与原有的象形文字已经在表现上产生了比较大的区别,对于这些基本汉字的认写学习,首先要求老师对它们进行深入学习与了解,将原有形态与最初的表现思想,讲授给学生,以便于学生们的记忆学习。除了第一阶段的表形文字,第二阶段汉字把表意作为表现手段。例如:两个“木”字组合成“林”,“门”和“马”字组合成“闯”,“田”和“力”字组合成“男”。这些汉字,能够帮助我们更多地了解这些文字产生的理由。对于这些汉字的学习与掌握是至关重要的,因为这些汉字的创造在更多方面完全体现了中国古代先民对自然与社会的理解与认同,看似简单的汉字却融入了更多的中国传统文化理念与中国古代哲学思想。而在接下来的第三阶段里,汉字的表形构成了音形阶段,也就是将汉字的字符从单独的表形,表意转化为音与形或者音与意的组合表现。如果学生们对此前的两个阶段基本汉字的认读写的学习完成较好,那么接下来对音形与音意汉字的认读写就不会产生较大的困难。例如:妈,爸。

汉字称为象形文字,其实象形文字仅占汉字的10%左右,它只是构成汉字的基础,如果对这些基础汉字进行一定的强化学习,对今后学习和掌握更多的汉字会起到至关重要的作用。

2、汉字所表现出的文化内涵

对外汉语教学历来重视文化教学,众多学者都曾提出:在学习目的语的过程中,只有学生掌握了目的语的文化背景,才算真正掌握了这门语言。所以在学习语言的同时,更多地了解目的语的文化背景,如历史,地理,习俗与哲学,是学好目的语的关键。中国有五

千多年的历史,这些历史能够做到很好的传承,文字的记录起到了重要的作用。西方的拼音文字起到了帮助阅读的作用,但是它会随着发音的更改而变化,汉字所发挥的作用完全是记录与承载,这样就使得几千年的文字记录将历史完整地再现,使历史充满真实与权威性。在古埃及,因为罗马皇帝禁异教,驱散了唯一能读懂古代文字的埃及祭司阶层,使得所有的古籍、石碑很快就无人能懂了。就是500年前的英语著作,时至今日,也只是英文专家才可以解读。对于中国的汉字,只要小学生学到一些简单的古文知识,就可以读懂中国2000年以前的著作,诸如“史记”及“左传”“春秋”等。可以说,没有汉字就没有中国几千年的历史传承,也更无法真实的了解中国几千年的文明与社会发展的轨迹。对一些断档的历史研究与探索,主要也是依靠挖掘出的有文字记录的文物及文本作为考证依据。在汉语教学中,学生们通过汉字的学习就能对中国的文化,习惯与历史及古代哲学思想进行很好的了解与学习,因为汉字本身的创造就直接反映了当时的文明与社会现实和思想。例如,在社会生产方面,“酒”酒,从造字结构上分析,左边作为表意,是“水”水,右边则真实的描绘出一个专门用于储藏的酒容器造型,只是通过文字的表现就可以推断出,在创造“酒”字以前,中国造酒技术与已经进入了一个很完善的专业生产阶段。在统治思想方面,“民”民是由上面一只眼睛和下面一个针样的锐器刺向眼睛作为文字表现,不能看清事物,不知晓周围发生的事件,失去主观判断而盲从,如盲人一样,便是统治阶级所希望管理与统治的良民。一个“民”字就可以赤裸裸的反映统治阶级对民众的思想约束与压制。在社会经济方面,“富”富能够真实地再现出中国民众对经济富足的思想认知与理解。构字表现是在一所房子里有一个已经爆满的储钱罐。直至今日,中国人对于“富有”的思想观念也是节省,积攒,而不是掠夺与侵占。在生活习俗方面,通过对“坐”坐的理解,可以知道中国早期历史中,中国人是在毡毯上席地而坐,椅子和凳子是从外族传入到中国的。对诸如此类的汉字学习,就能够很好的知晓当时中国社会生活的习俗与方式。每一个汉字的创造都有其思想基础与民族观念,凝聚了汉文化的智慧与文明。

3汉字的掌握与学习是驾驭汉语词汇的必经之路

众所周知,汉语词汇是由汉字构成,很好地掌握与学习汉字,了解汉字造字的理由与背后隐含的思想与文化,是驾驭汉语词汇的必经之路。很多西方语言学家认为汉语没有严格意义的语法构成与组织体系,如果这种观点有其一定的理由,那么又与普遍认同的“汉语是最古老,最丰富的语言之一”的论点形成了矛盾。其实这正是语言表达形式的一个鲜明的划分,比如英语是通过组词结构与排列来完成语句的情感表达,俄语则更多地通过语法变化来表达语句的情感与句境,而汉语则是通过大量的同义词汇来表述不同情感与句境甚至是潜含的社会环境与阶级划分。中国的一句俗语叫“素人说俗语,雅人说雅言。”如“丈夫”一词,在不同社会层面和不同句境中就可以有“配偶,夫君,先生,丈夫,爱人,老公,男人,那口子,孩子他爹,老伴儿,老头”等等不同的称谓,通过这些不同的称谓来表达不同的语境。汉语的修辞是对汉字的进一步补

充与升华。使汉字作为语言的载体而发挥了极致的作用,使得汉语成为了人类最丰富的语言之一。对汉字的叠加,重叠,谐音及诸多的修辞处理,也给予汉字本身更丰富的意义表达。

汉字的对外教学,不仅仅是单纯意义的语言教学,而是直接承载了对外文化传播的重要意义,编写更为专业的对外汉字学习教材,合理安排汉字的学习步骤与方法,通过汉字的解读更集中的诠释中国文化与传统思想,这种思路才会更好地完善与满足当前世界各国愈来愈热的汉语学习需求。

参考文献:

- 1、钟敏,汉语修辞文化概论,中国文联出版社,2006年
- 2、陈先德,文字背后的哲学,四川出版社,2006年
- 3、流沙河,文字侦探,新星出版社,2011年

И. Ф. Погребная, Л. П. Шрамко (Ростов-на-Дону, Россия)

СЛОВАРНЫЙ ЗАПАС: ОСОБЕННОСТИ ЗАКРЕПЛЕНИЯ И СТРАТЕГИИ ПОПОЛНЕНИЯ

The key element of everyone's vocabulary is a word, which makes the focus of any type of communication skills, be it either reading or listening, speaking or writing, and without which communication is impossible. To improve communication skills you have to start with enriching your vocabulary and putting forward learning goals. Here such aspects as psychological, methodical and linguistic are inseparably connected with the process of memorizing new words and their meanings. There are a number of methods to help expand active vocabulary while learning English: Vocabulary Trees, Vocabulary Themes, Specific Vocabulary Lists, Word Formation Charts, Visual Dictionaries, etc.

Keywords: *vocabulary, memory, communication, strategy, repetition.*

Обогащение вокабуляра является важным ключом в изучении английского языка. Чем больше знаешь слов, тем больше можешь понять из прочитанного и услышанного, тем лучше можешь передать информацию в речи и письме. Таким образом, все четыре основных вида коммуникации — ЧТЕНИЕ, АУДИРОВАНИЕ, ГОВОРЕНИЕ, ПИСЬМО — невозможны без употребления, узнавания и воспроизведения ЛЕКСИКИ в устном и письменном виде.

Баланс четырех навыков коммуникации представлен следующим образом: сначала осуществляется вклад (INput) в процесс запоминания слов через органы слуха и зрения, т. е. аудирование и чтение:

INput ← Listening (in through your ears),
Reading (in through your eyes).

Затем происходит отдача — выход (OUTput) — слова находят воспроизведение в письме и речи:

OUTput → Writing (out through your hand),
Speaking (out through your mouth) [1].

ВНИМАНИЕ и человеческая ПАМЯТЬ и способности быстрой фиксации в ней СЛОВ, их смыслового содержания и функционального употребления являются неотъемлемым атрибутом ЗАПОМИНАНИЯ новых слов. Слово как объект запоминания включает в себя визуальный образ напечатанного слова, образ понятия, обозначаемого словом, и звучание слова.

Для запоминания важны психологический, методический и лингвистический аспекты. Необходимо неукоснительно придерживаться следующих принципов:

1. Правильная *организация* запоминаемого материала.

2. *Повторение* ранее выученного — наилучший способ что-либо запомнить и закрепить в памяти. Проводите краткие обзоры того, что вы выучили в предыдущий раз, чтобы настроить себя на усвоение новых знаний. Совместите учение и повторение. Вспомните пословицу Lat. Repetitio est mater studiorum: ПОВТОРЕНИЕ — МАТЬ УЧЕНИЯ. Информация, зарегистрированная кратковременной памятью, забывается через 30 секунд. Чтобы избежать ее исчезновения, необходим ее мысленный повтор один-два раза. Не повторяя материал, невозможно переместить информацию из кратковременной в долговременную память [3].

3. Сконцентрируйтесь на *запоминании*. Не отвлекайтесь. Важный фактор здесь — внимание! Это ключ к вашей памяти. Важное условие успешности произвольного запоминания — установка на продолжительность сохранения в памяти того, что должно быть усвоено и сохранено. Составьте предварительный план, выделите смысловые опорные пункты или сгруппируйте материал в форме наглядного зрительного образа.

Все упомянутое выше непосредственно связано с лингвистикой, основной единицей которой является СЛОВО. Словарный запас, которым мы владеем, делится на пассивный и активный. *Пассивный* вокабуляр содержит все слова, которые мы понимаем при чтении и аудировании, но не помним или не используем в своем говорении и письме. *Активный* вокабуляр составляют как все слова, которые мы понимаем, так и те, которые используем сами. Конечно же активный вокабуляр намного меньше пассивного. Но чем больше будешь работать над словами и их запоминанием, тем больше вероятность перехода слов из одного разряда в другой.

Запоминая иностранное слово, важно запомнить не только его значение, но и написание, произношение, сочетаемость с другими словами, грамматические особенности, окружение и стиль.

Носители языка запоминают слова в естественных условиях повседневной жизни, слыша их ежеминутно или встречая их в книгах и средствах массовой информации, на улице и в кафе. Тому, кто изучает английский язык как иностранный и лишен ежеминутной возможности погружения в язык, приходится нелегко, т. к. изучение

требует концентрации внимания, сосредоточенности, огромной силы воли, чтобы в искусственных условиях заставить свои уши *слышать*, глаза — видеть, *память* — узнавать; словом — заставить мозг думать на неродном иностранном языке, а речевой аппарат — *воспроизводить* СЛОВА в речи.

Интернет пестрит множеством советов, методов, способов запоминания слов. Наше внимание привлёк целый ряд статей американского лингвиста Кеннета Бера «Как улучшить свой вокабуляр» («How To Improve Your Vocabulary») с реальными советами для тех, кто изучает английский как второй иностранный язык [2].

Определите прежде всего ЦЕЛЬ — МОТИВАЦИЮ: ЗАЧЕМ вам нужно учить слова? КАКИЕ слова вы ходите знать? Только ли это слова, которые пригодятся в вашей профессиональной деятельности, или слова из той интересующей вас тематической области?

Когда вы определились, КАКИЕ слова учить, следует разработать стратегию — КАК вы собираетесь их заучивать и ГДЕ применять. Техники запоминания слов и улучшения словарного запаса при изучении английского языка варьируются. Это очень трудоемкий процесс, затрагивающий много времени и усилий. Можно их комбинировать или отдать предпочтение избранным. Здесь имеется несколько важных стратегических моментов.

1. На начальном этапе изучения используйте для запоминания слов наглядные пособия, ассоциативные картинки или специальный словарь в картинках или фотографиях, где дается не только слово, но и его дефиниция на английском языке.

2. Читайте «километрами» — чем больше, тем лучше. *Чтение* может быть большим подспорьем для выучивания новых слов и выражений: многие лингвисты настаивают как на интенсивном, так и на экстенсивном чтении на иностранном языке. Причем выбор книг варьируется в зависимости не только от интереса учащегося, но и от уровня его подготовки. Выбрать можно как адаптированную, так и оригинальную литературу, и читать, читать, читать. Контекст помогает распознавать значение слов в тексте, и совсем не нужно искать каждое незнакомое слово в словаре — лишь те слова, без которых контекст непонятен. Можно установить норму для себя и выписывать фиксированное количество слов со страницы для запоминания.

3. Группируйте слова по разным принципам. Рисуя схемы — *лексическое дерево* — к определенному понятию и думайте об ассоциативных (сопутствующих) словах и выражениях. Таким

образом, каждое лексическое дерево (vocabulary tree — не что иное, как лексическая группа, ассоциативно связанная с одним понятием. Или создайте свой *тематический* вокабуляр, выписывая слова, относящиеся к определенной теме, например, Personality, их дефиницию и примеры употребления в предложении или фразе. Фиксируйте перевод основного значения слова.

4. Используйте современные информационно-коммуникационные технологии — видеофильмы с подстрочными субтитрами и без них. Только обычный просмотр отличается от учебного — не расслабляйтесь, возьмите карандаш или ручку. Один и тот же эпизод можно детально изучать, просмотрев его до шести раз. Концентрируйтесь на вокабуляре и на понимании того, о чем говорится. Работайте короткими просмотрами по 20 минут в день, иначе весь ваш энтузиазм и интерес сойдут на нет.

5. Не заучивайте длинные списки несвязанных между собой отдельных слов. Лучше обратите внимание на *списки словосочетаний*, которые понадобятся вам на работе, в школе, для увлечений. Сделайте карточки (Flash Cards): с одной стороны — английский вариант, с обратной стороны — перевод, и учите до тех пор, пока все слова не станут знакомыми. По мере выучивания изымайте знакомые слова из стопки карточек. Пример списка словосочетаний, относящихся к рекламе:

advertisement -ad
advertising agent /-cy
advertising campaign
advertising columns
advertising manager
advertising poster (GB)

Запоминайте употребление слов в устойчивых выражениях: *get ready, get married, get started; go mad, go wild, go crazy*.

6. Изучайте схемы словообразовательных моделей — большой плюс для тех, кто хочет сдавать такие экзамены как TOEFL, First Certificate, не говоря уже о ЕГЭ для школьников по английскому языку:

victimization victim victimized victimize
wrestling wrestler wrestled wrestle

7. Произносите слова вслух много раз и просматривайте свои записи снова и снова перед сном.

8. Попросите кого-нибудь тестировать вас или спрашивать слова хотя бы один раз в неделю.

9. Слушайте английскую речь по возможности каждый день (радио, телевидение, видео, уроки в режиме online).

10. Используйте эти слова в своем письме и речи. Заведите друга по переписке (используйте facebook, skype для контактов, диалогов, разговоров).

Из всего вышеупомянутого отчетливо видно, что для того, чтобы пополнить свой словарный запас при изучении английского языка, необходимо приложить колоссальные усилия и затратить немало времени. Но самое важное — иметь мотивацию, которая будет вас двигать вперед к заветной цели. И хоть и говорят, что цель оправдывает средства, т. е. в пополнении вокабуляра все средства хороши, ни один из вышеперечисленных методов не является идеальным и результативным, если не используется в комбинации с другими.

При этом психологи выделяют следующие условия успешного запоминания [3]:

1. Когда материал интересен для запоминающего.

2. Когда уже имеется большой объем знаний в изучаемой области.

3. Когда у запоминающего сформирована установка на длительность, полноту и прочность запоминания.

4. Когда материал осмыслен, предельно ясен, подвергается классификации.

5. Когда при заучивании материала он внимательно прочитан один-два раза с разбивкой его на смысловые фрагменты и затем воспроизводится путем активных и с подглядыванием повторений.

6. Когда число таких повторений на 50 % превышает то количество их, которое требуется для первого безошибочного воспроизведения. (Со средней памятью человек может безошибочно воспроизвести 7—9 слов сразу, 12 слов — после 17 повторений, 24 слова — после 40 повторений.)

7. Когда между отдельными повторениями вводится пауза продолжительностью 24 часа.

8. Когда процесс заучивания, разделенный на отрезки по 45—60 минут, прерывается паузами отдыха 10—15 минут.

Список литературы

1. Essberger J. The Pen is Mightier than the Spoken Word, or is it? Режим доступа: <http://www.englishclub.com/esl-articles/200108.htm>

2. Beare K. How To Improve Your Vocabulary. Режим доступа: <http://esl.about.com/od/englishevocabulary/ht/htvocab.htm>

3. Память, виды памяти, методы тренировки памяти. Режим доступа: <http://www.it-med.ru/library/p/pamyt.htm>

Е. М. Рогознева (Ижевск, Россия)

О ФОРМИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-БАКАЛАВРОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

The article discusses the concept of informational competence of a student that is understood as an essential part of professional competence of an expert. The necessity of informational competence forming at English lessons is also represented in the article. The results of diagnostics of informational competence level of undergraduate students of Udmurt State University are given.

Keywords: *information competence, components of information competency of undergraduate students.*

Стремительное развитие и распространение новых информационных, а также информационно-коммуникационных технологий привело к значительным изменениям в глобальном масштабе: в государственных структурах и институтах гражданского общества, экономической и социальной сферах, науке и образовании, культуре и образе жизни людей.

В связи с этим необходимым атрибутом профессиональной пригодности любого специалиста в современном обществе, которое уже принято называть информационным, является умение использовать информационные технологии, их инструментарий для работы с разнообразной информацией. К такому выводу мы пришли в результате анализа требований к выпускникам, прописанных в ФГОС ВПО по различным специальностям [ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» 2010: 2; ФГОС ВПО по направлению подготовки 034700 «Документоведение и архивоведение» 2009: 6]. Так, в каждом из них утверждается, что выпускник должен обладать определёнными общекультурными компетенциями, среди которых обязательно присутствует информационная компетентность: «Выпускник должен понимать сущность и значение информации в развитии современного информационного общества, сознание опасности и угроз, возникающих в этом процессе, соблюдение основных требований информационной безопасности, в том числе защиты государственной тайны (ОК-11); владеть основными методами, способами и средствами получения, хранения, переработки информации, иметь навыки работы с компьютером как средством управления информацией; способен работать с информацией в глобальных компьютерных сетях» [ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» 2010: 3].

Однако наблюдение за реальной педагогической практикой позволило выявить следующий феномен: уровень владения информационной компетентностью студентами старших курсов и выпускниками вузов недостаточно высокий,

хотя в систему высшего образования включен блок информационных дисциплин.

Согласно ФГОС ВПО ключевые компетенции должны формироваться средствами всех учебных предметов. Мы считаем, что предмет «Иностранный язык» обладает ресурсом для совершенствования данной компетентности:

1) в связи с возможностью освоения информационных стратегий другого языка и дальнейшего переноса умений из одной речевой среды в другую;

2) в связи с необходимостью справляться в профессиональной деятельности с многоязычием контента информационных потоков;

3) в связи с необходимостью формирования у будущих специалистов деятельностной позиции в процессе обучения, способствующей становлению опыта целостного и системного видения профессиональной деятельности [Козырев, Радинова 2004: 104].

Иными словами, мы рассматриваем проблематику совершенствования информационной компетентности, являющейся общекультурной, средствами предмета «Иностранный язык».

Анализ научно-теоретической литературы по проблеме показал, что исследователи дают различные трактовки понятия «информационная компетентность» применительно к разным категориям обучающихся: студенты — будущие учителя, студенты технических специальностей, управленцы и др. [Гареева 2010: 7; Зайцева 2007: 3; Помятовский 2010: 170].

По нашему мнению, информационная компетентность специалиста — это профессионально-значимое интегративное качество личности, характеризующее степень освоения совокупности компетенций, необходимых для деятельности в информационном пространстве, таких как умения самостоятельного поиска, отбора, организации, представления и передачи информации в Интернет.

Перед выявлением способов совершенствования информационной компетентности студентов-бакалавров была проведена первичная

диагностика уровня информационной компетентности студентов-бакалавров 1 курса Института права, социального управления и безопасности (УдГУ) специальностей «Юриспруденция» и «Документоведение и архивоведение».

В связи с тем, что понятие «информационная компетентность студента» понимается нами (вслед за такими исследователями, как

Д. В. Голубин, О. В. Иванова, Э. Ф. Морковина и др.) как обязательное единство профессиональных знаний (когнитивный компонент), информационных умений (деятельностный компонент) и ценностного отношения к профессиональной деятельности в информационной среде (личностный компонент), констатирующий этап исследования проходил по трём направлениям (табл. 1).

Таблица 1

Констатирующий этап исследования «Формирование информационной компетентности студентов-бакалавров (на материале обучения АЯ)»

Компоненты информационной компетентности студента-бакалавра	Средство диагностики
1. Когнитивный компонент (знание и понимание информационных ресурсов, профессиональные знания)	Анкета Э. Ф. Морковиной «Теоретическая готовность к информационной деятельности» [Морковина 2005: 188]; Анкета Э. Ф. Морковиной «Отношение к информации» [Морковина 2005: 192]
2. Информационные умения	Авторская анкета «Исследование уровня информационной компетентности студентов»
3. Личностный компонент (ценностное отношение к профессиональной деятельности в информационной среде, мотивационный компонент)	Анкета К. Замфир в модификации А. А. Реана «Мотивы профессиональной деятельности»; Методика М. Ю. Порхачёва для определения уровня мотивационно-ценностной готовности к осуществлению информационной деятельности студентов; Авторские анкеты «Иностранный язык в информационной деятельности юриста», «Иностранный язык в информационной деятельности документоведа»

В анкетировании приняло участие 98 студентов 1 курса указанных специальностей.

В данной статье приводятся результаты анализа информационных умений студентов, которые были получены посредством анкетирования, а также проведения эксперимента на занятиях по английскому языку.

Согласно вопросам анкеты «Исследование уровня информационной компетентности студентов» проверке подвергались следующие «составляющие» данной компетентности: умение самостоятельного поиска информации в Интернете, её отбора, организации, преобразования средствами офисных приложений Windows, сохранения и передачи при помощи ресурсов Интернет.

Анализ шкал анкеты показал следующее:

1. Относительно умений поиска информации в Интернете: 91 % респондентов используют для поиска только две системы поиска — Яндекс и Гугл, хотя их список составляет не менее 10 систем. Далее, 52 % правильно пользуются поисковиком, но отрицательным моментом является тот факт, что 43 % опрошенных считают, что для них не имеет значения, как искать информацию в Интернете, при очевидной занятости студентов.

Также можно сделать вывод, что 57 % студентов неправильно осуществляют поиск информации, вследствие этого 70 % отмечают, что не всегда находят запрашиваемую информацию.

2. Касаемо отбора информации на сайтах — 62 % не знают, как определить, является ли информация на сайте обновлённой.

3. Вопросы, касающиеся умения размещать информацию в Интернете, показали, что 39 % умеют размещать информацию в социальных сетях, для 22 % нет в этом необходимости, хотя в профессиональной деятельности документоведов и юристов это является значимым и нужным умением. Лишь 17 % студентов указали, что владеют данными умениями.

4. Переработка информации — умение пользоваться офисными приложениями: 100 % — Word, 43 % — Excel, 30 % — PowerPoint, 7 % не умеют вообще.

То есть можно сделать вывод: испытуемые продемонстрировали недостаточный уровень сформированности информационной компетентности, прежде всего по параметрам поиска, отбора, переработки и размещения в сети Интернет информации.

Экспериментальная работа на занятиях по английскому языку заключалась в определении умений поиска информации на английском языке в Интернете, её отбора, переработки и представления в виде индивидуальных устных и письменных проектов.

Анализ самостоятельной работы студентов также позволяет констатировать недостаточный уровень сформированности информационной компетентности студентов-бакалавров.

Таким образом, перспективой настоящего исследования является разработка модели совершенствования информационной компетентности студентов-бакалавров на материале обучения АЯ.

Список литературы

1. Гареева Г. А. Организационно-педагогические условия развития информационной компетентности студентов дистанционного обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Ижевск, 2010. — 27 с.
2. Зайцева Е. М. Технология управления развитием информационной компетентности студентов радиотехнических специальностей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. — Ижевск, 2007. — 19 с.
3. Компетентностный подход в педагогическом образовании: колл. моногр. / под ред. проф. В. А. Козырева и проф. Н. Ф. Радиновой. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. — 392 с.
4. Морковина Э. Ф. Развитие информационной компетентности студента в образовательном процессе: дис. ... канд. пед. наук. — Оренбург, 2005. — 212 с.
5. Помянтовский А. Н. Развитие информационной компетентности у студентов педагогических вузов // Гуманитарные и социальные науки. — 2010. № 2. — С. 168—176.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) «Бакалавр») / Министерство образования и науки РФ. Режим доступа: <http://www.orensau.ru/ru/ovuze/podrazdelenija/otdely/>
7. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 034700 «Документоведение и архивоведение» (квалификация (степень) «Бакалавр») / Министерство образования и науки РФ. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/files/materials/6139/09.10.09-034700b>

В. В. Санина (Ижевск, Россия)

ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ НА БАЗЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ (ПОДКАСТОВ)

The article deals with experimental use of authentic foreign language podcasts in teaching listening in the medical institute. Teaching materials are worked out for pre-listening phase and further work with Internet audio files (podcasts) that appear to be one of the most wide-spread and handy formats of media texts.

Keywords: *learning a foreign language, listening, online resources, professional education.*

В условиях изменений российского профессионального образования все чаще поднимается вопрос о качестве образовательного процесса и уровне качества подготовки студента в соответствии с социальной и профессиональной деятельностью будущего специалиста.

Профессиональное медицинское образование не является исключением, в частности в рамках гуманитарных предметов, среди которых и иностранные языки: будущим специалистам требуются прежде всего не теоретические лингвистические знания, а речевая компетенция в специфической сфере и способность ориентироваться в последних достижениях медицины,

информация о которых представлена на иностранном языке.

В связи с переходом на федеральные стандарты государственного образования третьего поколения все больший вес придается самостоятельной работе студентов, а преподавателю вуза следует выступать в качестве специалиста педагогического профиля, обладающего компетенциями сопровождения образовательной деятельности обучающегося. Роль обучающего (учителя, преподавателя) как единственного источника учебной информации, обладающего возможностью осуществления обратной связи, изменяется (смещается в направлении кураторства, наставничества,

руководства). Время, затрачиваемое ранее обучающим на пересказ учебных материалов, высвобождается для решения творческих и управленческих задач [Роберт 2010].

Тем не менее, практически не существует новых учебно-методических разработок по иностранному языку, учитывающих все аспекты подобных парадигмальных сдвигов.

Говоря о студенте как субъекте деятельности, мы говорим об образовательной деятельности. Однако по-прежнему при составлении программ по изучению иностранному языку за основу берется деятельность преподавателя, т. е. учебная деятельность.

Местом встречи учебной и образовательной деятельности является предмет деятельности, однако сам по себе предмет отличается: для преподавателя учебной дисциплины «родной / неродной язык» учебным предметом будет система языка, для учащегося речевая деятельность, в том числе устная (слушание, говорение) [Ворожцова 2010: 156].

Задача успешного обучения иностранному языку решается в личностно-ориентированном общении, протекающем в пространстве, организованном таким образом, чтобы человек чувствовал себя комфортно, необходимыми элементами которого являются эмпатийное слушание, безоценочные высказывания, использование «масок» — социальных ролей. Большое значение имеет обоюдная заинтересованность взаимодействующих сторон. Контакт осознается и переживается субъектом как положительный подкрепляющий взаимодействие фактор. В условиях контакта наиболее полно проявляются все личностные свойства субъектов взаимодействия, сам факт его установления приносит им интеллектуальное и эмоциональное удовлетворение [Зимняя 2004: 310]. Необходимо стремиться к такой атмосфере на занятиях иностранного языка.

Особое место в речевой деятельности занимает умение аудирования. Аудирование является сложным мыслительным процессом восприятия, распознавания и понимания речи. Он сопровождается активной переработкой информации в ее связи с имеющимся лингвистическим и прагматическим опытом, что отражает деятельностный характер аудирования.

Способность слушать является ключевой в широком плане, касаясь коммуникативной компетенции студента — будущего врача. Речевое умение аудирования является важным элементом этой компетенции, поэтому очевидна социальная значимость адекватной профессиональной

подготовки будущего работника медицинского обслуживания.

При работе в медицинском вузе на кафедре иностранных языков на собственном опыте еще раз подтвердилась неэффективность уже существующих методик работы с аудиоматериалами (они представлены недостаточно, редко являются по-настоящему информативными и актуальными, а также не подразумевают деятельностных технологий работы с ними).

Рецептивный характер слушания является необходимым элементом успешной коммуникации, что оправдывает использование и обратной связи — погружения в коммуникацию при обучении аудированию, хотя обычно к устной коммуникации переходят после прослушивания аудиофайла, так как предполагается, что воспринимаемый материал после надлежащей работы с упражнениями на понимание автоматически приводит к коммуникации. Однако нам представляется более приемлемым использовать коммуникацию на нескольких этапах работы с аудиофайлом. В качестве этапов выделяются подготовительный перед прослушиванием, непосредственно само прослушивание аудиофайла (включая возможность неоднократного обращения к этому ресурсу, в том числе и самостоятельного), и этап последующей работы с грамматическим и лексическим материалом.

В рамках нашего исследования было отобрано около 60 аудиоматериалов — подкастов (англ. *Ipod* — марка портативного плеера, *broadcasting* — вещание). Это медиа-файлы, чаще всего аудиоформата *mp3*, свободные для скачивания, которые можно воспроизводить на любом электронном устройстве, в том числе и портативном. Существует большое количество сайтов, предоставляющих сервисы поиска подобных файлов (директории), кроме этого, практически любой сайт предоставляет определенный набор таких файлов (новостные, сайты медицинских вузов, образовательные сайты по изучению иностранных языков).

Подкасты крайне разнообразны по текстовому содержанию. Достоинствами аутентичных подкастов является то, что они представляют собой образцы реальной коммуникации со всеми свойственными ей характеристиками, однако аутентичность аудиофайла не отменяет переработку отдельных характеристик. Зачастую аутентичный по лексико-грамматическому содержанию текст произносится в подкасте дважды: в замедленном и нормальном темпе. В некоторых случаях между этими двумя предъявлениями текста разбирается его содержание.

При отборе материалов мы руководствовались такими критериями, как релевантность

Ресурсы предоставляют возможность прослушивания аутентичной речи (а не зачитываемых актерами диалогов, как это обычно представлено в учебных пособиях); кроме того, они наполнены богатой культуроведческой и профессиональной информацией.

Было проведено пробное обучение на основе нескольких подобных аудиофайлов и предварительные результаты позволили прийти к выводу о необходимости дальнейшей разработки данного исследования, уже в более структурированном виде.

Из трех этапов работы с аудиоресурсами, уже упомянутых выше, хотелось бы более подробно остановиться на первом, подготовительном, поскольку мы считаем, что именно он является ключевым для последующего успешного прослушивания аудиоресурса и работы с упражнениями по использующемуся в нем грамматическому и лексическому материалу, а также заданиями на чтение текстов, близких по содержанию и в конечном итоге — порождению собственного текста, с уже интериоризированными квантами информации.

Основными этапами образовательной деятельности при обучении аудированию на этапе перед прослушиванием являются следующие (приведены примеры из заданий для работы с подкастом «Going on a diet», www.eslpod.com):

1. Создание проблемной ситуации. Используются прежде всего грамматические конструкции из аудиофайла, который будет прослушиваться далее. Лексико-грамматический материал представляет преподаватель через двустороннюю коммуникацию со студентами.

Examples: *Don't you think that people take too many drugs? What are the reasons? What can you say about diet pills? Would you recommend using them?*

2. Наделение социальными ролями (личностными масками) студентов и задание места и условий коммуникации, причем это происходит без навязывания этих ролей и условий студентам, а в ходе совместного обсуждения между студентами и преподавателем и студентов между собой; осуществляется презентация речевых средств.

Student 1: *You should dissuade your friend from using diet pills. Give at least three reasons and suggest an alternative treatment variant.*

Student 2: *You resist because using pills seems to you the easiest solution of your problem.*

На этом этапе студентам в речи преподавателя вновь предлагаются некоторые из содержательных элементов, упоминающихся в аудиотексте, уже в грамматической конструкции, подходящей для данных условий коммуникации.

3. Использование иноязычного материала в диалогах студентов. На этом этапе снимается проблема постоянного перекодирования с русского на ИЯ, и, завершая подготовительную стадию перед прослушиванием аудиофайла, диалоги превращают обучающихся из пассивных слушателей в субъектов речевой деятельности.

Необходимо отметить, что на этих этапах уже задействовано восприятие речи на слух (контактное аудирование), что невозможно при выполнении стандартных упражнений по подготовке к аудированию, направленных обычно на работу с имеющимся у студентов языковыми и речевыми умениями без их расширения (стандартное задание «Ответьте на вопросы»), или на перевод лексических единиц, вырванных из контекста

Перспективными планами исследования является дальнейшая разработка учебно-методического обеспечения для этапов после прослушивания.

Список литературы

1. Ворожцова И. Б. Технологизация обучения в педагогических и образовательных практиках // Антропопраксис. Ежегодник гуманитарных исследований. Т. 2. / гл. ред. Б. Д. Эльконин. — Ижевск: ERGO, 2010. — С. 152—163.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. для вузов. — М.: Логос, 2004. — 384 с.
3. Роберт И. В. Философско-методологические, социально-психологические и педагогико-технологические основания развития информатизации отечественного образования. Режим доступа: <http://ito.Edu.Ru/2010/troitsk/i/i-0-1.html>

В. И. Серова (Костанай, Казахстан)

TEACHING ENGLISH THROUGH READING AUTHENTIC MATERIALS

This article is dedicated to the methods of teaching English through reading and discussing some authentic materials. The article has some practical advice how to better make up a lesson on home-reading using some steps. In the end, there is a list of word combinations and phrases which can be used for the evaluation of the story under analysis.

Keywords: reading, authentic reading, teaching methods, speaking practice, critical evaluation.

In the course of the last ten years, the use of authentic materials has become increasingly popular in teaching the students to master the language.

Authentic materials, when appropriately selected and implemented, can be used to develop tasks that depart from formulaic language learning and provide a bridge between the linguistic skills of learners and their professional knowledge goals [Dumitrescu 2000: 20].

While organizing lessons on Home Reading, I came to the conclusion, that in language teaching, non-authentic texts can give a false impression of common usage of words or phrases or even structures.

Why use authentic materials?

Learning is enhanced when the materials are of particular interest.

They provide more variety and spontaneity.

They present different vocabulary and structures.

They can give a true perception of common usage.

They can be used to focus on all the skills: reading, writing, speaking, listening, grammar and conversation.

They are an opportunity for acquisition of cultural knowledge.

I am sure that Home Reading lessons — is one of the means, that can stimulate the interest of the students to study a foreign language.

At our Home Reading lessons the students get acquainted with the best examples of the modern English and American literature, they learn about the life and work of the writers and try to master some basic methods of the text analysis.

To teach the students how to analyze the text and discuss different problems, I selected some stories of modern English and American writers. They are: "One coat of white" (after H. A. Smith) [Drozdova 2003: 7]; "Appointment With Love" (after S. I. Kishor) [Drozdova 2003: 29]; "The Story of an Hour" (after K. Chopin) [Drozdova 2003: 235]; "A cup of tea" (after K. Mansfield) [Drozdova 2003: 259] and some others.

Getting ready for the Home Reading lessons, the students do some tasks to be fulfilled all together and some tasks are differentiated and are given to different students due to their abilities.

Every lesson presupposes some steps.

I — COMPREHENSION.

Different tasks here (they may be the following:

translation of some interesting and important sentences or even passages; answering different questions and others) help the students to recall the plot of the story. Doing such tasks the teacher can see whether the students understand the plot of the story or not. Having decided, that everything is clear, you can go farther to another stage.

II — WORD-STUDY.

Here the teacher should supply the students with different tasks, which can train them how to use different words, word-combinations, phrasal verbs, idioms, etc.

The tasks may be the following:

– Give words and expressions close in meaning to the following:

– Paraphrase the italicized parts of the following sentences; translate them into Russian if necessary.

– Learn the following phrases; recall the sentences in which they are used in the text and use them in the sentences of your own.

– Find in the text the following expressions (Russian variants are given). Use them in the sentences of your own (you can give some Russian sentences with the expressions under study to be rendered into English).

– Choose and insert the correct word or verb-adverb combination in the proper form (to do this task the students should learn the difference between the words first. E. g. journey-travel-trip-tour-voyage; put on- put off- put up with- put up; etc.).

– Study the verbs of speaking and make up sentences of your own describing how a person would speak in different situations (verbs: to murmur; to mumble; to shout; to scream; to stammer etc.).

It is necessary that the students should know phrasal verbs and set expressions used in the text. It is not easy to know how the native speakers use those verbs, so special attention should be paid to studying and using them in a proper way.

Then follows the next stage of working at the text.

III — SPEECH PRACTICE.

This stage presupposes using all the vocabulary studied at the lesson (lessons) in speech. To begin this work I usually give the students some proverbs or sayings, which are closely connected with the plot of the story. The students must not only find their

Russian equivalents but explain their meaning as well.

After this the following tasks can be suggested:

- Tell the story on the part of: ...
- Give a character sketch of: ...

Answer the following questions (usually those questions should be problematic, making the students think, analyze and evaluate the behaviour of the characters or different events of the story under analysis).

Explain his/her behaviour. Say whether you approve of it or not? Why?

Make up the dialogues. (Usually I give the task to discuss the subject-matter of the story or the character's deeds.)

To proceed the speech practice we usually have group discussions. When we have a problem to be discussed, we work in groups. Each group has its own task. For example: Group 1 — pros. Group 2 — cons. After some minutes of discussing the problem within the group the students begin to argue with their opponents. The role of the teacher in this argument is very important. If it comes to a deadlock, the teacher must be ready to give some disputable statements or suggest any problematic question. Another task for group-work may be a creative and an entertaining one at the same time. For example:

Group 1: *Imagine yourselves to be journalists. Write a very short article on the text. Give the title to it so that the readers may get interested in reading the story up to the end.* Group 2: *You are critics and you don't think that this story is worth reading.* Group 3: *You are critics and you think that the story is worth reading. Express your opinion in a few sentences so that the rest of the student may share your viewpoint.*

To finish your discussion of this or that story you should not forget about the feedback. Besides, you can get the students' feedback after you have done any of the creative tasks.

The following points can help you and your students to do this assignment:

I. Mention one or two things you especially like.

For example:

"I like the part about ... because ..."

"The beginning is good, (funny, exciting, moving, etc;) because ..."

"The best part is"

II. Suggest that the writer (A) add, (B) remove, (C) move or (D) substitute something whenever possible, give your reasons.

1. **Add something.** For example:

"I would like to know more about ... because ..."

"I think you (the author) should tell more about ..."

"Why don't you describe ...?"

2. **Remove something.** For example:

"I don't think you should tell about ... because ..."

"I feel the part about ... isn't very important because ..."

"I think it would be better if you took out the sentences about ..."

3. **Move something.** For example:

"I think the part about ... should be put (after, before,) the part ..."

"I think the sentence about ... belongs ..."

"I think the description of ... should be put ..."

4. **Substitute something.** For example:

"I think a better way to say ... would be ..."

"The sentence about ... doesn't make sense to me."

"I think a better (word, phrase, sentence) would be ..."

To give a critical evaluation of the story, using words and word-combinations suggested for literary discussion, the students should be supplied with the following word list:

the plot — сюжет;

subject-matter, content — содержание;

exposition, setting — экспозиция;

narrative hook — завязка действия;

climax — кульминация;

falling action — развязка;

conflict — конфликт;

subplot — вторая сюжетная линия;

events unfold, the actions develop — события развиваются;

characters — действующие лица, герои.

The author shows the development of the character. — образ даётся в развитии;

women (men) characters — женские (мужские) образы;

positive character — положительный образ;

negative character — отрицательный образ.

The plot unfolds dynamically/slowly. — Действия разворачиваются быстро (медленно);

the leading (main) characters — главные герои.

The general tone of the story is matter-of-fact, ironic, etc. — Общий тон рассказа бесстрастный, ироничный и т. д.;

vivid description — живое повествование;

literary and artistic merits — литературные и художественные достоинства.

The subject of the story is drawn from life. — Тема рассказа взята из жизни;

bitter satire on — острая сатира на ...;

profound analysis — глубокий анализ.

Teaching English through reading and discussing authentic stories we teach the students communicative language. Teaching has had a thoroughly beneficial effect since it reminded teachers that people learn languages not so that they "know" them, but so that they can communicate. Giving students different kinds of language, pointing them to different aspects

of style, and above all giving them opportunity to try out real language within the classroom humanized what had sometimes been too regimented, we teach the students that language is not just bits of grammar, it also involves language functions such as inviting, agreeing and disagreeing, suggesting etc., which students should learn how to use.

Reference literature

1. Dumitrescu V. Authentic Materials. Selection and Implementation in Exercise Language Training. English Teaching Forum, 2000. — 56 с.
2. Drosdova T. English Through Reading. Anthology. St. Petersburg, 2003. — 352 с.

О. А. Сорокина (Челябинск, Россия)

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ КАК ОСНОВА САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАТИВНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

This article deals with one of the main ways of developing self-study cognitive activity in the process of teaching English as a foreign language.

Keywords: *bicultural identity, self study, self-education, communicative and cognitive activity, communication, cognitive activity, reflection.*

Специфика интерактивной коммуникации требует от бикультурной личности, которая выступает как продукт и как носитель конкретной лингвокультуры, высокой эрудиции, широты интересов, умения постоянно обогащать свои знания, отыскивать и воспринимать новую информацию, продуктивно использовать различные информационные источники. Добиться этого можно, если систематически включать студентов в учебный процесс, связанный с самостоятельным приобретением знаний и умений, их творческим применением. Такое предположение опирается на общеизвестный факт, что высшей формой познавательной активности личности является потребность в самостоятельной деятельности, потребность в приобретении знаний, оптимальных способах их усвоения, самоанализе приобретенных навыков и умений. Из психологии известно, что знания, полученные самостоятельно, путем преодоления трудностей, усваиваются прочнее, ведь в ходе самостоятельной работы каждый студент непосредственно соприкасается с усваиваемым материалом, концентрирует на нем свое внимание, мобилизуя все резервы интеллектуального и эмоционального характера.

Самостоятельная коммуникативно-познавательная деятельность студента занимает важное место в процессе подготовки специалистов межкультурной коммуникации, поскольку «именно в ней более всего могут проявляться его мотивация, целенаправленность, а также самоорганизованность, самостоятельность, самоконтроль и другие личностные качества» [Зимняя 1999: 249].

Необходимо отметить, что изучению различных аспектов самообразовательной деятельности

студентов посвящены труды таких психологов и педагогов, как А. В. Баранников, А. К. Громцева, И. Я. Лернер, А. К. Осницкий, П. И. Пидкастистый и др. В многочисленных диссертациях рассматривались вопросы формирования потребности в самообразовании (И. И. Ильясов, Ю. М. Орлов и др.), готовности будущих специалистов к самообразовательной деятельности (С. В. Боровская, Т. Е. Климова и др.), организации и стимулирования самостоятельной работы студентов (Ф. И. Абилов, Е. Ф. Федорова и др.).

Как показал анализ научных работ, понятие «самостоятельная познавательная деятельность» сопряжено с понятиями «самостоятельная работа» и «самообразование». Самостоятельная работа многими интерпретируется как «целенаправленная, внутренне мотивированная, структурированная самим объектом в совокупности выполняемых действий и корректируемая им по процессу и результату деятельность» [Зимняя 1987: 115]. Ее выполнение требует от обучающегося достаточно высокого уровня самосознания, самодисциплины, рефлексивности, личной ответственности, она также должна удовлетворять его потребность в самосовершенствовании и самопознании. Понятие «самообразование» в педагогике трактуется как «самоуправляемая, познавательная деятельность личности, направленная на совершенствование знаний, умений, навыков, необходимых для ее дальнейшего развития» [Ким 2002: 207]. По мнению таких ученых-переводоведов, как В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, А. Д. Швейцер и др., стремление к самообразованию должно стать профессиональной потребностью

специалиста в области межкультурной коммуникации.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что самостоятельная работа и самообразование — близкие понятия, поскольку представляют собой познавательную деятельность, в основе которой лежит глубокая мотивация, исходящая из интересов, потребностей студентов. Отличие состоит в том, что в самообразовательной деятельности студент более свободен в выборе целей и содержания, чем в самостоятельной работе, а ее специфическими признаками выступают самоконтроль и самоорганизация.

Самостоятельная познавательная деятельность на уровне самообразования — систематический, целенаправленный процесс, в основе которого лежат определенные мотивы, внутренние устремления, потребности студента, его установки. Применительно к сущности подготовки специалиста межкультурной коммуникации, которая предполагает проявление студентами собственной активности для решения коммуникативно-познавательных задач, носящих творческий и проблемный характер, а также осознания, что они находятся в измерениях нескольких культур, обучающихся необходимо включать в самостоятельную коммуникативно-познавательную деятельность, которая первоначально осуществляется через организацию самостоятельной работы, а затем переходит в самообразование.

Следовательно, самостоятельная коммуникативно-познавательная деятельность представляет собой иноязычное межкультурное общение, удовлетворяющее коммуникативные и познавательные потребности студентов; в процессе такой деятельности будущий специалист, используя личный лингвокоммуникативный опыт и национально-культурные традиции, расширит индивидуальную картину мира за счет приобщения к языковой картине мира представителей другой культуры, сделает попытку понять иной образ жизни и поведения, осознавая при этом факт их чужеродности. Чтобы самостоятельно и мотивированно организовать коммуникативно-познавательную деятельность, студент должен занять активную позицию в образовательном процессе. Особая роль в этом процессе принадлежит рефлексии. В отечественной психолого-педагогической литературе имеет место множество определений и характеристик понятия «рефлексия». Наиболее распространенными являются следующие трактовки рефлексии: осознание субъектом средств и оснований деятельности, их изменения (В. В. Давыдов, А. З. Зак); акт установления

отношения между деятельностями или их структурными образованиями — действиями, средствами (А. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман); выход во внешнюю позицию одного субъекта деятельности по отношению к деятельности другого субъекта [Щедровицкий 1998: 43].

Многие ученые придерживаются исследований гуманитарно-культурологической ориентации, в которых рефлексия рассматривается как «пересмысление и перестройка субъектом содержания своего опыта, которые отражают проблемно-конфликтные ситуации и порождают действенное отношение его как целостного «Я» к собственному поведению и общению, к социокультурному и внешнему окружению» [Степанов 1993: 14]. Такая трактовка понятия «рефлексия» позволяет объяснить культивирование субъектом межкультурной коммуникации собственной индивидуальности посредством постоянной рефлексии способов самоопределения и саморазвития в контексте формируемых в диалоге идеалов и ценностей. В процессе профессиональной подготовки рефлексия, во-первых, позволяет будущему специалисту критично относиться к себе и своей деятельности в прошлом, настоящем и будущем, во-вторых, делает его субъектом своей активности, осознающим специфику своей будущей профессии. Это способствует формированию установки на осознание трудностей и проблем в процессе межкультурного общения; формированию потребности в осознании собственных возможностей и способностей как соответствующих требованиям избранной профессии; формированию потребности в постоянном самосовершенствовании и стремление овладеть своей профессией на высоком уровне компетентности уже в вузе. Рефлексия в процессе самостоятельной коммуникативно-познавательной деятельности проходит на нескольких уровнях: на речевом уровне самоанализа; на кинестетическом уровне самоанализа [Колесников 2011: 22]. На речевом уровне самоанализ подразумевает способность создать связное высказывание с соблюдением его тематической организации, когезии и когерентности, логики, риторической эффективности, а также способности гибко перестраивать высказывание в рамках требуемой ситуации в зависимости от изменения обстоятельств, а также делать заключение по окончании общения. На кинестетическом уровне самоанализу подвергаются мимика и интонация говорящего, выполняющие социальную функцию, по которой можно судить о степени заинтересованности коммуниканта в разговоре, о степени его вовлеченности в обсуждение определенной проблемы, об его умении управлять

эмоциями в рамках данного функционального стиля [Попова 2011: 78].

Подготовка к деловым и ролевым играм, творческим проектам, различным видам дискуссий и дебатам является довольно трудоемкой работой из-за большого количества материалов, которые используют студенты, но это создает оптимальные условия для формирования самостоятельной коммуникативно-познавательной деятельности, используя механизмы рефлексии. Студент, как правило, в процессе своей речевой деятельности старается максимально приблизить свое высказывание к существующему идеальному образцу (преподавателями эффективно используются критерии уровня владения иностранным языком, разработанные Советом Европы в 2001 г.). На заключительном этапе участники коммуникации сопоставляют свое выступление, учитывая все аспекты речевого самоанализа (уровень владения дискурсивной компетенцией) и анализа на кинестетическом уровне. Это позволяет им проанализировать допущенные ошибки, чтобы избежать их в будущем.

Таким образом, рефлексия участников коммуникации способствует возникновению потребности

в постоянном самосовершенствовании, критичном отношении к себе, позволяет студентам осознать специфику своего профессионального «Я».

Список литературы

1. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учеб. для вузов — М.: Логос, 1999. — 384 с.
2. Ким Н. П., Гордеева Н. Н. Индивидуально-педагогическое развитие и самообразование будущего учителя: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. — Костанай : КГУ, 2002. — 376 с.
3. Колесников А. А. Функциональная роль обратной связи в структуре речевой деятельности // Иностранные языки в школе. — 2011. — № 1. — С. 20—27.
4. Попова Н. В. К Вопросу о развитии дискурсивной компетенции // Иностранные языки в школе. — 2011. — № 1. — С. 74—80.
5. Степанов С. Ю., Маслов С. Н., Яблокова Е. А. Управленческая инноватика, рефлепрактические методы. — М. : Владос, 1993. — 145 с.
6. Щедровицкий П. Г. Траектория образования // Семья и школа. — 1998. — № 9. — С. 3—7.

М. И. Тарасенко (Сургут, Россия)

К ПРОБЛЕМЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВОГО ПОРТФЕЛЯ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ (из опыта работы)

The article deals with the problem of usage the Language Portfolio in the process of teaching a foreign language students of non- language departments and faculties.

The Language Portfolio is considered to be a modern and effective educational technology which gives great help in developing communicative competency. The author describes how this technology appeared and developed in Russia. The difficulties experienced by students and teachers while using the Language Portfolio are observed.

Keywords: *language portfolio, non-language departments, competency, educational technology.*

Современное языковое образование требует новых подходов к обучению иностранным языкам. Поэтому в настоящее время в разных видах учебных заведений используются формы и методы обучения языкам, целью которых является их эффективное и быстрое усвоение, расширение социокультурных знаний. Одной из ведущих тенденций образования в целом, в том числе и современного языкового образования, является ориентация на личность изучающего иностранный язык, на его развитие как социально активной и поликультурной языковой личности, способной эффектив-

но использовать полученные знания на практике. Это составляет актуальность нашего исследования. По мнению К. А. Абульхановой-Славской, «то, в какой мере деятельность зависит от личности, определяется тем, в какой мере она стала субъектом». Позиция субъекта обеспечивается созданием определенных условий, способствующих её (личности) активности, автономности и созидательности [Емельянова 2011]. Как считает И. Емельянова, наиболее значимым является создание субъективного пространства на основе использования языкового портфеля (далее — ЯП).

Изучение теоретических материалов по использованию ЯП, трудов известных педагогов, психологов, методистов, попытка применения методики ЯП в обучении студентов дает нам возможность считать, что в процессе работы с ЯП у студента появляется возможность проявить активность как субъекта на основе совокупности избирательных отношений к содержанию, процессу и перспективам применения преподаваемого материала [Емельянова 2011: 72].

«Благодаря языку мы расширяем число степеней свободы своего познания и действия» [Никитенко 2007: 14]. Нельзя не согласиться с мнением А. Н. Борисовой по поводу того, что именно как «действие» язык является условием развития личности. Язык рассматривается как развивающее пространство. Именно в языке и благодаря ему человек конструируется как субъект. Именно языковая среда и является основой создания субъектного пространства обучаемого при использовании ЯП, который, с одной стороны, является новой образовательной технологией, а с другой стороны — учебным средством как определенный материальный предмет, предназначенный для развития личности учащегося [Емельянова 2011: 37].

Как было сказано выше, целью использования языкового портфеля в обучении иностранному языку является формирование гражданского самосознания личности и ее межкультурной компетенции.

Предмет исследования — использование языкового портфеля в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей.

Перспективные тенденции развития языкового образования в России, связаны с ее вхождением в общеевропейское образовательное сообщество, что обуславливает акцентировать внимание на такие моменты:

- повышение статуса обучаемого в образовательном процессе;
- осознание им личной ответственности за результаты обучения;
- повышение мотивации в преподавании и изучении языков и культур;
- усиление когнитивных аспектов обучения иностранному языку, связанных с формированием у обучаемого языковой и концептуальной картины мира;
- расширение рамок учебного процесса за счет включения в систему оценки достижений обучаемого его индивидуального опыта в межкультурном общении с носителем языка.

Иными словами, по мнению Н. Д. Гальсковой [Гальскова 2000: 11—16], речь идет о смещении

акцентов в процессе обучения иностранному языку с преподавательской деятельности на деятельность обучаемого и о формировании автономии последнего как его личностной характеристики.

Подобная ориентация обучения иностранному языку созвучна принципам деятельностного и личностно-ориентированного подходов, плодотворно развиваемых в отечественной теории и практике обучения.

Н. Д. Гальскова считает, что эффективно реализовать эти подходы позволяет «Российский языковой портфель», в основу которого положены такие документы Совета Европы, как «Общеевропейские компетенции владения иностранным языком» (Modern Languages: Learning, Teaching, Assessment. Modern Languages. Council for Cultural Cooperation. Education Committee. Strasbourg, 1996) и «Европейский языковой портфель» (Council for Cultural Cooperation. Education Committee. «Language Learning Portfolio. Proposal for Development. Strasbourg, 1997) [2].

Общеевропейские компетенции владения иностранным языком» содержат основные положения современного подхода к обучению неродным языкам на различных условиях. В этом документе дано также описание системы уровней владения изучаемыми языками и инструментария, позволяющего человеку определить эти уровни.

Являясь практической реализацией общеевропейской компетенции, языковой портфель призван в условиях современной интеграции европейских стран обеспечить выполнение ряда задач, а именно:

- 1) внедрять в практику перспективную образовательную технологию в области иностранных языков;
- 2) развивать и поддерживать заинтересованность каждого человека в изучении языков на протяжении всей жизни;
- 3) вооружать обучаемого надежным и общедоступным инструментом для определения своих достижений в овладении иностранным языком, а также путей дальнейшего совершенствования своих знаний и умений;
- 4) дать преподавателю возможность оценивать уровень достижений каждого обучаемого в овладении иностранным языком и внести в случае необходимости коррективы в свою преподавательскую деятельность;
- 5) обеспечивать человеку социальную мобильность в рамках единой Европы.

Таким образом, языковой портфель выполняет наряду с педагогической также и социальную функцию [Гальскова 2000: 8].

Проблемы использования языкового портфеля были изучены и описаны Н. Д. Гальсковой,

Н. В. Ивановой, З. Н. Никитенко, Е. С. Полат и другими. Кроме европейского языкового портфеля существуют разработки российского языкового портфеля и американского языкового портфеля. Указанные разработки и составляют «три кита» языкового портфеля.

Компоненты и цели американского языкового портфеля в какой-то степени отличаются от таковых в России. В основу российского языкового портфеля положены «Общеввропейские компетенции владения иностранным языком». Компоненты российского языкового портфеля подробно описаны в работах Н. Д. Гальсковой [Гальскова 2000], З. Н. Никитенко [Никитенко 2007, 2009], Е. С. Полат [Полат 2002] и др. Языковые портфели по иностранному языку ведут в школах России с 2000 года в старших классах и примерно с 2003 года в начальной школе.

В отличие от вузов США работа с языковым портфелем в вузах России стала использоваться несколько позже, хотя методика использования языкового портфеля в вузе не пользуется большой популярностью.

Языковой портфель был признан эффективным методом использования для учащихся начальных классов. Методика его использования подробно разработала д. п. н., профессор З. Н. Никитенко, а ее учебник получил премию президента РФ.

Методику портфеля или портфолио можно использовать по целому ряду предметов, однако в настоящее время речь идет об использовании технологии в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей вуза.

Языковой портфель состоит из трех частей:

- паспорт;
- языковая биография его пользователя;
- досье.

В **паспорте** обучаемый в краткой форме отражает свои межкультурную и коммуникативную компетенции. Конкретно речь идет о всех неродных изучаемых им языках, экзаменах, их результатах, межкультурных контактах, которые он имеет на протяжении всей жизни (встречи, туристические поездки, курсы по изучению языков и т. п.).

Разделы паспорта:

- языки обучения в моей семье и языки, на которых говорят мои родственники;
- где я учился, учусь;
- языки, которые я изучаю в школе;
- пребывание за границей;
- проекты;
- языки обучения (билингвальное обучение);
- таблицы для самооценки (общеввропейская шкала шести уровней владения языками);

- коммуникативные компетенции.

Языковая биография. Дескрипторы (параметры), по которым уточняется уровень владения языком студента (в нашем случае), составляют:

- коммуникативные умения устной и письменной речи;
- стратегические умения (или стратегии общения);
- качественные характеристики устных и письменных высказываний с точки зрения норм изучаемого языка.

Дескрипторы российского языкового портфеля ориентированы, прежде всего, на ситуации аутентичного межкультурного общения, т. е. на ситуации реального социального взаимодействия носителя изучаемого языка с носителем этого языка [Полат 2002: 22—27].

Досье. В нем студент собирает весь материал, свидетельствующий об его успехах в овладении языками. Это не только сертификаты, дипломы, свидетельства, но и творческие работы — все то, что подтверждает успехи пользователя портфеля в изучении языка.

Несмотря на доказанную учеными-методистами эффективность использования методики ЯП в обучении иностранному языку, наш опыт работы выявил целый ряд проблем.

Работа с ЯП вызвала интерес лишь у 10,3 % студентов, вовлеченных в названную деятельность и показала определенный уровень успешности в овладении иностранным языком. Этими студентами выполнялись все требования преподавателя, заполнялись все разделы ЯП, выполнялись все задания устного и письменного характера. Вместе с тем оформление работ и портфеля в целом оставляло желать лучшего.

К участию во внеаудиторных занятиях и мероприятиях (олимпиады по иностранному языку, конкурсы переводчиков, конкурсы сказок, научно-практические конференции и т. п.), что давало бонусы в ЯП, проявили интерес ещё меньше студентов (около 7%), что объясняется, с их слов, боязнью выступать перед большой аудиторией, недостаточным уровнем владения языком и нехваткой времени.

Таким образом, при использовании языкового портфеля на неязыковых факультетах вуза необходимо принять во внимание следующее:

- 1) включение в модель специалиста компетенций, связанных со знанием иностранного языка;
- 2) уровень довузовской подготовки студентов (имеется в виду языковая и межкультурная компетенции);
- 3) желание самих студентов работать в данной технологии (ЯП);

4) осознание студентом необходимости знания иностранного языка для его будущей профессиональной деятельности или для других целей;

5) наличие инструкций по применению ЯП в изучении иностранного языка.

Что может дать студенту неязыковой специальности использование ЯП:

- ЯП — это технология, позволяющая студенту самостоятельно фиксировать и оценивать свои достижения и опыт в овладении иностранным языком вне зависимости от используемых методов и средств обучения;

- студент имеет возможность сам выбрать уровень достижения знаний по иностранному языку и самостоятельно оценить достигнутые знания с помощью тестовых заданий;

- посредством ЯП осуществляется поддержка и повышение мотивации на всех этапах обучения за счет активизации самооценки студентов;

- ЯП усиливает ситуацию успеха в учебной деятельности, что способствует позитивному самоутверждению личности, влияет на формирование ценностных установок;

- систематическое поэтапное заполнение ЯП реализует идею непрерывного образования и приобретает особую значимость при переходе обучающегося с одной ступени на другую;

- ЯП создает предпосылки для совершенствования и самостоятельного изучения иностранного языка;

- ЯП служит средством неформального оценивания достижений студентов по предмету иностранный язык;

- на основе видимых достижений повышается мотивация студентов к дальнейшему совершенствованию навыков владения иностранным языком;

- работа с ЯП учит аккуратно вести записи, систематизировать их и организовывать в папку [7].

Вместе с тем необходимо учитывать целый ряд трудностей в процессе использования или, возможно, попытки использования методики ЯП в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей:

- общее снижение когнитивных интересов студентов;

- отсутствие у них навыков и умений самостоятельной работы;

- неумение объективно оценить свой довузовский уровень знаний по иностранному языку, что, очевидно, является следствием завышенной школьной оценки;

- низкая мотивация к изучению иностранного языка (чаще всего как к предмету, над усвоением которого надо работать в системе, а не от случая к случаю);

- отсутствие осознания необходимости знаний по иностранному языку в будущей профессии и в повседневной жизни;

- несистематическое посещение занятий (в том числе и по иностранному языку);

- низкий уровень стремления к самообразованию;

- несостоятельность имеющихся учебников иностранного языка для вузов обеспечить должный уровень сформированности языковых компетенций.

Между тем, даже при имеющихся в настоящее время вышеперечисленных трудностях технология ЯП может способствовать формированию и развитию индивидуальной траектории обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей.

Список литературы

1. Гальскова Н. Д. Языковой портфель как инструмент оценки и самооценки учащихся в области изучения иностранных языков // Иностранные языки в школе. — 2000. — № 5. — С. 6—11.
2. Европейский языковой портфель для России. М.: МГЛУ; СПб.: Златоуст. — 2001.
3. Емельянова И. Языковой портфель младшеклассника // Учитель. — 2011. — № 3. — С. 71—76.
4. Никитенко З. Н., Гальскова Н. Д. Теория и практика обучения иностранным языкам в начальной школе — Смоленск: Ассоциация XXI век, — 2007. — С. 176.
5. Никитенко З. Н. Современные технологии обучения на начальном этапе обучения / изучения иностранного языка // English. Приложение к 1 сентября. — 2009. — № 23. — С. 19—29.
6. Полат Е. С. Портфель ученика // Иностранные языки в школе. — 2002. — № 1. — С. 22—27.
7. Языковой портфель как средство формирования социокультурной компетенции учащихся. Режим доступа: <http://www.vspu.yar.ru>

М. Хавайдарова (Алматы, Казахстан)

ПЛАНИРОВАНИЕ И ДИАГНОСТИКА ОЖИДАЕМЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

The article deals with the issue of planning and diagnosis of expected results of study of the Russian language. It highlights this problem in the frame of technical high school.

Keywords: *expected results, russian language, technical high school.*

Ориентация образования на компетентностную модель требует пересмотра всех уровней процесса обучения: планирования и диагностики ожидаемых результатов, содержания и методов обучения и т. д. Одной из ключевых проблем модернизации образовательного процесса в формате Болонской декларации становится для преподавателя вуза смена позиций в проектировании ожидаемых результатов. Переход от ЗУН-парадигмы к компетентностной приводит к переориентации стратегических направлений педагогического процесса, который приобретает целостность реальную, а не формальную, поскольку претерпевает изменения сама модель выпускника высшего учебного заведения. Будущий профессионал перестает рассматриваться лишь как носитель автономных, неактуализированных и зачастую невос требованных в жизни знаний и умений. Он становится обладателем «присвоенных алгоритмов, позволяющих быть адекватным социальной ситуации», которая оценивается как функциональная грамотность [1: 10]. Современные условия профессиональной деятельности требуют коррекции результатов вузовского обучения.

В контексте обозначенных выше проблем возникает потребность в модернизации методик преподавания всех вузовских дисциплин. Но более всего нуждаются в смене методических позиций, на наш взгляд, общеобразовательные модули, поскольку в условиях дефицита учебного времени вузовские курсы общей подготовки не должны носить дублирующий школьные программы характер и стать действительно необходимыми и профессионально нацеленными. В немалой степени это касается лингвистических дисциплин. В качестве планируемых результатов обучения российские ученые [1] выделяют следующие: самоменеджмент, коммуникативную и информационную компетентности. Планирование компонентов коммуникативной компетентности — одна из самых разработанных областей изучения проблем методики обучения языкам — как родному, так и неродному. В то же время мало исследованными остаются процессы формирования компетентности разрешения проблем (самоменеджмент) и готовности к использованию информации. Рассмотрим послед-

нюю во взаимосвязи с изучением русского языка в техническом вузе.

Современные концепции обучения языкам преимущественно направлены на уровневую дифференциацию результатов обучения, что делает процесс обучения более комфортным для слушателей. Одним из этапов технологии уровневого обучения языкам является мониторинг качества обучения как «целенаправленное, специально организованное, систематическое слежение за изменением основных показателей процесса обучения в целях своевременного принятия адекватных управленческих решений на основе анализа и интерпретации собранной информации и педагогического прогноза» [2, 4].

Компетентностный подход изначально связан с концепцией критического мышления. Тесная взаимосвязь речи и сознания обуславливает то, что именно развитие интеллектуальной составляющей личности должно стать одной из конечных целей преподавания языков и неродных языков в частности. Как правило, функции развития логического мышления возлагают на родной язык, отводя второму, третьему и т. д. сугубо прикладной характер. Однако практика показывает, что преподавание неродных (русского, английского и т. д.) языков в условиях полилингвального обучения в технических вузах утрачивает узко прагматические функции. Реальность доказывает, что в процессе обучения языкам формируются метапредметные компетенции — умения, находящиеся на стыке дисциплин. Поэтому разграничение дисциплин в современном вузе не должно противоречить концепции компетентностной направленности обучения. В этой связи занятия русским и другими неродными языками должны быть направлены на решение более широких задач — развить у студента способности к восприятию учебно-научных текстов, их анализу, способам компрессии, а следовательно, и навыки сложных мыслительных операций. На сегодняшний день можно с уверенностью говорить о многоцелевой направленности лингвистической подготовки будущих специалистов. Одним из аспектов подготовки завтрашних профессионалов является информационная компетентность.

При изучении научного стиля в контексте русского языка в технических вузах Казахстана обучение осуществляется на уровне структурно-логического анализа текста. Исследователи отмечают, что такой анализ «позволяет сначала идентифицировать принадлежность информации к одному из блоков, затем изучить ее

внутри каждого из этих блоков и, тем самым, определить функции и назначение всех смысловых компонентов» [3: 25]. В контексте общей шкалы уровней Европейского языкового портфеля можно, на наш взгляд, выделить следующие этапы формирования информационной компетентности (табл. 1):

Таблица 1

0 уровень	Отсутствие возможностей для извлечения информации из устного или письменного высказывания
1 уровень	Способность очертить круг проблем, описываемых в устном или письменном высказывании
2 уровень	Способность извлечь из высказывания (текста) элементарный объем информации, воспринимаемой в контексте приобретенного опыта, в т. ч. языкового, и распознать актуальный материал
3 уровень	Способность дополнить извлеченную из текста (высказывания) информацию накопленной, выполнить ряд мыслительных операций по поиску неизвестной информации.
4 уровень	Способность отделять существенное от несущественного, систематизировать и структурировать информацию высказывания (текста). Репродуктивная деятельность обучающегося
5 уровень	Способность анализировать информацию текста (высказывания), соотносить со сформированной личностной шкалой ценностей, сделать соответствующие выводы в сторону оценки содержания. Способность формировать сложные умозаключения. Продуктивная деятельность обучающегося

Приведенная схема, конечно, носит условный характер и не может оцениваться как застывшая формула. Обозначенные способности, безусловно, подвижны. Однако такая градация позволяет определить предпочитаемую направленность деятельности преподавателя на каждом этапе формирования комплекса умений, сочетающих в себе коммуникативную и информационную компетентности. Формирование личности профессионала — процесс многосторонний и сложный. Выделение отдельных компетентностей и деление на компетенции при этом не должно приводить к однобокости процесса и предпринято лишь в целях некоторой специализации деятельности педагогов. Конечной целью компетентностного образования является широкая интеграция ожидаемых результатов, надпредметная направленность педагогического процесса.

В рамках компетентностного подхода предполагается, что формирование иноязычной коммуникативной компетентности строится в контексте «четырех взаимодействующих аспектов: дискурсивного, лингвистического / грамматического, социолингвистического и стратегического». [4: 10] Работа над всеми этими аспектами основывается на текстоцентрической методике обучения. Основной программный

материал, образующий смысловой центр языковой подготовки специалиста, реализуется в рамках научных текстов.

К комплексу умений, формируемых в процессе изучения научных текстов и направленных на получение и переработку информации, относятся:

- умение определить основную мысль текста, определение темы;
- выделение лингвистического плана выражения и плана содержания, умение структурировать текст, выделение микротем;
- аналитическое структурирование текста, выделение ССЦ;
- анализ и обратный избирательный синтез, составление простого плана, составление сложного плана;
- составление собственного текста на основе предложенного плана;
- заполнение «матрицы» научно-популярного и научного текста;
- определение типов связи предложений в тексте, конструирование собственного текста по данным схемам связей.

Все перечисленные умения в конечном итоге демонстрируют способность обработки информационных знаковых систем.

В условиях компетентностного образования возникает необходимость в создании адаптированной

системы оценивания компетентностей. Поскольку упомянутые компетентности являются структурными компонентами модели профессионала, то их диагностика должна осуществляться комплексно. Для этого необходима разработка тестовых заданий, которые смогли бы охватить все три составляющие и дали бы возможность объективного оценивания. Умение извлекать информацию из текста на русском языке, автоматический перевод на родной язык, вторичный перевод на русский и озвучивание слов и выражений становится для студента, находящегося в полилингвальной среде, важнейшим результатом обучения на «выходе». При этом «процесс восприятия и декодирования письменной информации, реализуемый посредством умения соотносить языковые знаки с их смысловым наполнением, широко востребовано при решении многих профессиональных задач» [5: 8]. Таким образом, к конечным результатам обучения русскому языку и другим относятся развитие коммуникативной компетентности в тесной взаимосвязи с информационной компетентностью обучающегося.

Исходя из предложенной градации навыков в области информационной компетентности, скоррелированных с компонентами коммуникативной компетентности, строится и диагностика педагогического процесса. На сегодняшний день мониторинг деятельности педагога и вуза в целом, к сожалению, никак не связан с формированием компетентностей. Поэтому диагностика уровня сформированности компетентностей носит внутренний характер и направлена на коррекцию обучения с целью успешной работы студента и преподавателя по формированию компетентностного профессионала. Диагностика уровня сформированности компетентностей может

проводиться или в форме тестов, что более всего соответствует европейской практике, или в процессе проектной работы. Разработка и внедрение системы внешней диагностики в вузовское образование — дело будущего, поскольку данный процесс недостаточно обоснован теоретически и не подкреплён практически. Однако интеграция стран постсоветского пространства в европейскую образовательную систему непременно приведет к изменению и синхронному унифицированию схем диагностики ожидаемых результатов вузовского обучения по формированию компетентностей на «выходе». Поэтому теоретическое исследование и прикладные методические разработки в этой области кажутся более чем актуальными.

Список литературы

1. Фишман Е. Формирование тестов внешней оценки сформированности компетенций.
2. Авво Б. В. Методология компетентностного подхода в высшем образовании. Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2005/978.htm>
3. Тер-Авакян И. В. Формирование коммуникативной компетентности в контексте профессионального образования (на материале дисциплины «Английский язык»).
4. Бастрикова Е. М. Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект; Казан. гос. ун-т Филол. фак. Казань: Казан. гос. ун-т, 2004. С. 43—48.
5. Зотова И. Н. Психолого-педагогическая поддержка развития коммуникативной компетентности студентов технического вуза: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2006. 22 с.

О. А. Шабанов (Уфа, Россия)

ТЕСТЫ И ТЕКСТЫ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

The present paper covers the area of cross-cultural communication. Its key idea is to introduce to the audience the phenomenon of communicative failure and the experience our team had during the 2010—2011 CLS program «Russian language and culture». The material presented can open new prospects for further research studies. It seems to be interesting to those who work in the sphere of intercultural and cross-cultural communication.

Keywords: *intercultural communication, communication failure, tutors.*

В последнее время возрос интерес лингвистов, педагогов к проблемам межэтнического речевого общения. Особое внимание при этом уделяется такому явлению, как «коммуникативная неудача». В данной статье предпринимается попытка анализа причин коммуникативных неудач на основе общения с американскими студентами во время их обучения по программе CLS «Русский язык и культура» в г. Уфе в 2010—2011 гг.

Успешность речевого общения можно определить как достижение говорящим стратегической цели в условиях бесконфликтного речевого взаимодействия. Неуспешность, неэффективность речевого общения приводит к возникновению коммуникативных неудач [4].

В науке о межкультурной коммуникации существует различное понимание термина «коммуникативная неудача». Однако основу его составляет, прежде всего, понимание коммуникативной неудачи как положения вещей, при котором коммуниканты не могут реализовать свои коммуникативные ожидания.

Б. Ю. Городецкий дает следующее определение коммуникативной неудачи: «Коммуникативная неудача в широком смысле — всякая коммуникативная неудача, то есть любой случай, когда с помощью речевого действия не достигается его практическая цель. Коммуникативная неудача в узком смысле: коммуникативная неудача, при которой не достигнута не только практическая цель, но и коммуникативная цель» [1: 68]. Позднее, рассматривая диалог как чередование речевых произведений, создаваемых коммуникантами, Б. Ю. Городецкий определяет коммуникативную неудачу как такой сбой в общении, при котором речевые произведения не выполняют своего предназначения [2: 23].

Одна из первых попыток типологии коммуникативных неудач была предпринята Дж. Остином в рамках его теории речевых актов. Он называет коммуникативную неудачу «осечкой». «Осечки» происходят в том случае, если цель коммуникантами не достигнута. Кроме «осечки» Д. Остин

выделяет «злоупотребления», которые соответствуют «перформативным неудачам», то есть нарушениям условий успешности перформативного высказывания, а следовательно, и речевого акта [5: 33—34].

Вслед за Остином разработками типологий коммуникативных неудач занимались и отечественные лингвисты. О. П. Ермакова и Е. А. Земская, анализируя материал естественного бытового диалога, дают следующее определение коммуникативной неудачи: «это полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [3: 31]. Как отчетливо следует из определения, коммуникативные неудачи сводятся к неудачам, обусловленным фактором вербализации и понимания. Основными причинами коммуникативных неудач, по мнению данных авторов, являются: 1) особенности языковой системы; 2) различия говорящих; 3) прагматические факторы.

Следует отметить, что в большинстве случаев коммуникация между американскими студентами и русскими преподавателями и тьюторами была успешной, однако имели место и факты коммуникативных неудач. Например, приведенная на одном из вечерних мероприятий цитата из А. С. Пушкина «Я ль на свете всех милее, всех красивей и белее» в качестве названия вечера, вызвала недопонимание и неодобрение у американских студентов. Недостаточное владение русским языком, незнание произведений русской классической литературы привело, к сожалению, к коммуникативной неудаче. Здесь имеет место несоответствие смыслового наполнения слова «белый» и связанных с ним ассоциаций в русской и американской культурах.

Еще одним примером коммуникативной неудачи может послужить один из вопросов теста на знание русского языка, где в качестве определения слова «женщины» была использована фраза «слабый пол». Студенты из США, где в настоящее

время идет постоянная борьба за равноправие полов, восприняли эту часть текста как оскорбление. Некоторые из них отказались выполнять этот тест, увидев в этом предложении феминистический смысл. Для русскоязычного человека в данной фразе отсутствует какое бы то ни было стремление унижить женщин, и она является клишированной формой определения женского пола в русском языке наряду с фразой «прекрасный пол». Разный пресуппозиционный фон, иные языковые картины мира привели к коммуникативной неудаче.

Можно привести еще один пример неуспешности коммуникации между американскими студентами и русской командой. По окончании небольшого выездного курса по обучению русскому языку каждому студенту была выдана грамота юмористического характера с описанием каких-либо качеств или отличительных черт данного студента. На одной из грамот была надпись «А вам слабо?», что означало, что данный студент был активен и никогда не отказывался от выполнения каких-либо заданий. Однако данная языковая единица не была знакома студентам, и эту фразу восприняли прямо противоположно. Для ряда американских студентов ключевым словом было само слово слабо, характеризующее данного студента слабым, не способным к выполнению каких-либо заданий, а не фраза в целом, предполагающая противоположный смысл.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что основными причинами появления коммуникативных неудач при общении с американскими

студентами во время их обучения русскому языку можно считать:

- различия в языковых картинах мира, культуре и реалиях России и США;
- различия в ассоциациях, закрепленных за языковыми реалиями;
- в различии пресуппозиционного фона коммуникантов;
- в индивидуальных особенностях участвующих в коммуникации.

Список литературы

1. Городецкий Б. Ю. Кобозева И. М., Сабурова И. Г. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. — Новосибирск, 1985. — С. 64—78.
2. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Наука, 1989. — Вып. 24. — С. 5—31.
3. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функциональных разновидностях. Коммуникативно-прагматический аспект. — М.: Наука, 1993. — С. 30—65.
4. Мартынова Е. М. Типология явлений коммуникативного дискомфорта в ситуациях диалога: дис. ... канд. филол. наук. — Орел, 2000
5. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Наука, 1986. — Вып. 17. — С. 22—131.

Л. Н. Шихардина, Т. Н. Шихардина (Курган, Россия)

ВЗАИМОСВЯЗЬ КОГНИТИВНОГО И АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛОВ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЯ

In article the problem of formation of the communicative competence with a support on axiological potential of foreign language is considered. The special attention is given a role of stereotypes in perception of an image of the bearer of other language and culture.

Keywords: *communication competence approach, stereotype, ethnic identity, and tolerance.*

Коренные изменения в системе высшей школы требуют не только методического обеспечения, но и теоретического обоснования адекватности выбираемых методов целям и задачам обучения, поскольку «даже частные и конкретные вопросы педагогики возводятся в своих основах к чисто философским проблемам» [Гессен 1995: 20]. В полной мере это относится к преподаванию иностранных языков.

До середины XX века философско-лингвистические школы исследовали язык как замкнутую структуру без выхода в область использования речи. Такой подход, начало которому положил Ф. де Соссюр, отразился в практике преподавания языка. Становление прагматической школы, а в её рамках концепции социолингвистики, дискурса, этнографии речи, перенесло акцент на формирование коммуникативной компетентности.

Теоретическое осмысление коммуникации в гуманитарном познании осуществляется в различных науках, причем каждая из них выделяет свой срез данного социокультурного феномена. Г. Г. Почепцов в книге «Теория и практика коммуникации» насчитывает более двух десятков её моделей. Естественно, возникает стремление выделить среди них основные [Мартишина 2001: 161]:

- кибернетическая, в которой коммуникация выступает как процесс трансляции информации, включая обратную связь;
- психологическая, в которой рефлексия существует с эмпатией, сознательное с бессознательным;
- семиотическая, где основным является отношение «знак — значение».

Только философский подход к коммуникации как форме существования духовной культуры коллективного и индивидуального субъекта раскрывает возможность её целостного понимания и обладает значительным эвристическим потенциалом. Например, фиксация в структуре личности когнитивной, эмоционально-волевой и ценностно-ориентированной сфер, позволяет не только понять взаимодействие кибернетического и аксиологического подходов, но и дать интегральное определение коммуникативной компетентности. Она предполагает овладение иноязычным общением в единстве его основных функций: информационной (когнитивной), регулятивной (психологической) и эмоционально-оценочной (аксиологической). Такой подход конгруэнтен новым образовательным стандартам, переводящим систему обучения из области знаний, которые доминируют над умениями и навыками, в компетентностную область знаний, «включающую в себя не только когнитивную и операционно-психологическую составляющую, но и мотивационную, этическую, социальную, поведенческую сторону (результаты обучения, знания, систему ценностных ориентаций)» [Байденко 2006: 8].

В философском анализе нуждается и используемое в педагогической науке определение когнитологии как парадигмы XXI века. Согласно Т. Куну, который ввел это понятие, вряд ли можно говорить о применимости парадигмы как единой системы норм, установок, ценностей к социально-философским теориям. В эпистемологическом пространстве существуют различные системы координат. «Когнитивная модель является системой координат, в пределах которой осуществляется познавательный акт, процесс осознания» [Медведев 2007: 11]. Она, с одной стороны — конфигурация этого процесса, а с другой — пространство,

в котором отбрасываются конкретные объекты исследования. Более того, познание всегда предполагает некоторые формы социокультурных ценностей, опосредующих взаимодействие его субъектов. Знание не может быть безотносительным к ценностям, поэтому когнитивная модель должна быть вписана в более общую гуманистическую парадигму.

Становление когнитивной лингвистики и теории дискурса позволило подойти к взаимосвязи человек — язык — культура с новых позиций: идентичность субъекта связана с его возможностью использовать язык для решения познавательных и коммуникативных задач. Совет Европы не классифицирует, а называет ключевые компетенции нынешних выпускников высшей школы. Большинство из них носит ценностный характер, касаясь жизни в поликультурном обществе: понимание различий, уважение к другим, способность толерантно воспринимать носителей иных культур, языков, религий, решать конфликты ненасильственными средствами.

Методическую продуктивность сближения в процессе познания, когнитивного и аксиологического подходов можно продемонстрировать частным случаем: педагогическим инструментарием преодоления этносоциальных стереотипов в процессе преподавания иностранного языка.

Стереотип (буквально: «твердый отпечаток») включает в себя три взаимосвязанных компонента: аффективный (чувство симпатии или антипатии относительно какого-либо реального или символического объекта); когнитивный (осознание аффективного компонента, выражающегося во мнении или убеждении относительно данного объекта) и, наконец, поведенческий (вербальная или невербальная реакция).

Стереотипы поляризуют восприятие: свои — чужие, мы — они, порождают образы, предельно фиксированные, не допускающие сомнения в их истинности, побуждающие к однозначному действию: «с нами или против нас». Как писал автор данного термина У. Липман: «Действующий стереотип исключает вопрос: для чего действовать?»

Стереотип как основа оценки отличается от гносеологического образа тем, что в нем регулятивная функция превалирует над познавательной, предавая ему, прежде всего, социально-психологическое измерение. Функции стереотипа неоднозначны. Он эффективен, если используется как предположительная догадка о человеке и ситуации, но не рассматривается как непосредственная информация о них. Стереотипы не допускают многозначных характеристик стереотипизируемого

объекта, например национального характера, игнорируют возможность исключений. Они могут быть потенциально деструктивны в силу своей абсолютизирующей функции. Чем весомее в стереотипах когнитивная составляющая, тем успешнее идет преодоление негативных последствий стереотипного восприятия носителя другого языка, тем эффективнее процесс формирования толерантности в разных сферах взаимодействия людей, в том числе и этносоциальной.

Этническая нетерпимость — реальная форма проявления кризиса этнической идентичности. Она может выражаться в широком диапазоне от легкого дискомфорта до взрывов негодования и ненависти. Только уверенность в собственной позитивной групповой идентичности гарантирует, что национальная гордость не создает почвы для противостояния с другими этносами. Именно на стыке этничности, самоидентификации и толерантности, происходит становление культуры языковой коммуникации. Её невозможно ни сформировать, ни обнаружить внутри собственно национального: всякий человек является культурным, только если он открыт ценностям другой культуры.

Стремление «укрыться» за стереотипами — симптом неспособности представить своё Я носителям другого языка и культуры; неспособности «чужих» адекватно оценить это Я; свидетельство неумения извлечь культурно-специфическую информацию из речевых сообщений друг друга, непонимания «чужих» форм речевого этикета, обыденного поведения и т. д.

Эффект идентификации, возникающий при соприкосновении двух языковых культур, может иметь разные варианты, определяющие стратегию деятельности педагога, направленную на ослабление реакции на национальные различия, разрушение поляризации как аффективного, так и когнитивного аспектов стереотипов, делая «чужое» менее пугающим, более близким эмоционально-психологически.

Одним из конкретных методических приемов решения перечисленных выше проблем является использование лингвокультурологического описания национальной личности. В ходе проведенного педагогического эксперимента учителями ряда школ и студентами, проходившими педагогическую практику, использовались авторские учебно-методические материалы «Французы. Какие они?».

На этапе предварительного среза знаний учащимся было предложен вопрос: «Как вы представляете жителя страны изучаемого языка?» На основе ответов был составлен лингвокультурологический портрет через реестр перечислен-

ных свойств, качеств и отношений. Были выделены три типа лингвокультурем, используемых для описания: характеризующие внешний облик; раскрывающие ценностные ориентации и ментальные особенности; описывающие специфику поведения, связанную с национальными традициями. Анализ полученных описаний продемонстрировал преобладание в ответах лингвокультурем I типа, только шестая часть учащихся использовала лингвокультуры всех трех типов, лишь 12% участников опроса отметили общность между «они» и «мы». Наиболее вероятная причина сложившейся ситуации заключена в отсутствии систематического введения лингвокультурологической информации в межкультурный диалог, изучении иноязычных реалий без должной опоры на родную культуру.

Среди участников формирующего эксперимента к описанию синкретического, целостного типа личности, сочетающего все три типа лингвокультурем, прибегли 34,8% учащихся, более трети использовали сопоставление национальных личностей, доминирующим было утверждение: «Они — как мы».

Эксперимент подтвердил, что понимание иного национального характера создает условия для формирования межкультурной толерантности, уважения к иному человеческому опыту, иным нормам и культурным представлениям, содействует преодолению этностереотипов, которые могут быть гораздо опаснее для общества, чем языковые барьеры.

Коммуникативная толерантность как одно из следствий обучения иностранному языку может быть сформирована только при совмещении трех аспектов: когнитивного, эмоционально-психологического и инструментального, фиксирующего перенос знаний, убеждений в плоскость непосредственного коммуникативного поведения.

Список литературы

1. Байденко В. И. Выявление состава компетенций выпускников вузов как необходимый этап проектирования ГОС ВПО нового поколения: метод. пособие. — М.: Исследоват. центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. — 72 с.
2. Гессен С. И. Основы педагогики: Введение в прикладную философию / отв. ред. и сост. П. В. Алексеев. — М.: Школа-пресс, 1995. — 448 с.
3. Мартишина Н. И. Философское осмысление коммуникации // Культура и цивилизация. Екатеринбург, 2001. С. 161.
4. Медведев В. А. Принципы концептуализации субъектом познания своих теоретико-методологических оснований // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 3. Общест. науки. Вып. 4. 2007, № 57. С. 11.

А. Л. Юсупова (Челябинск, Россия)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

The article reveals the psychological aspect of some problems which students may face in the process of studying any foreign language. Foreign language is viewed as a specific subject, the studying of which may include some difficulties, connected with psychological characteristics of individuals. The article points out some psychological causes of such difficulties and gives recommendations on how to avoid or overcome them.

Keywords: *foreign Language, individual and typological features, cognitive activity, the individual style of activity, temperament, motivation.*

Все большее значение в современном мире приобретает изучение иностранного языка. Повышенный интерес к этому предмету объясняется рядом причин. Сегодня в условиях интеграции культур, не обладая минимальным знанием иностранного языка, сложно устроиться на работу, ориентироваться в современном мире, осваивать компьютерные программы, путешествовать. Являясь одной из наиболее значимых дисциплин, иностранный язык до сих пор считается трудным для усвоения.

Как учебная дисциплина иностранный язык существенно отличается от любого другого предмета. Иностранный язык является «целью и средством обучения» [Ауэрбах 1961: 21]. К основным характеристикам целенаправленного изучения иностранного языка в условиях учебной аудитории относят путь овладения «сверху — вниз» [Зимняя 1991: 43]. Если родной язык усваивается неосознанно и ненамеренно, то иностранный — начиная с осознания и намеренности. В академических условиях общение на иностранном языке предполагает сужение сфер общения, уменьшается количество партнеров общения, фиксируется недостаточно свободное изложение своей мысли и понимание чужой. Другая характеристика такого овладения дисциплиной — одностороннее «включение» только в коммуникативную, а не в предметно-коммуникативную деятельность. В процессе овладения иностранным языком в условиях учебной аудитории обучающийся, как правило, только общается при помощи языка, не используя его в своей непосредственной предметной деятельности. Таким образом, изучение иностранного языка как специфической дисциплины предполагает ряд трудностей, в том числе и с психологической точки зрения.

К основным психологическим причинам неуспеваемости по иностранному языку относят неадекватное использование обучающимися своих индивидуально-типологических особенностей, а также недостатки в развитии мотивационной сферы.

Неадекватное использование устойчивых индивидуально-психологических особенностей может

вызывать дефекты познавательной деятельности и тем самым негативно влиять на усвоение иностранного языка.

Успешность в овладении иностранным языком во многом определяется формально-динамическими характеристиками личности обучающегося, а индивидуальный стиль учебной деятельности, вырабатываемый на почве типологических свойств, помогает индивиду учиться. Свойства нервной системы имеют генотипическую природу и понимаются как практически неизменные, стабильные характеристики человека [Акимова 1991: 203].

Темперамент — это совокупность свойств, характеризующих динамические особенности протекания психических процессов и поведения человека, их силу, скорость, возникновение, прекращение и изменение. Большинство успевающих в овладении иностранным языком выбирают такие приемы и способы выполнения учебных действий, которые в наибольшей степени соответствуют определенному типу темперамента. Степень сформированности индивидуального стиля деятельности неуспевающих гораздо ниже, т. к. в учебной деятельности они реже учитывают свойства своего темперамента и зачастую незнательно относятся к выполняемой работе.

В основе типа темперамента «сангвиник» лежит сильный, уравновешенный, подвижный тип нервной системы. На занятиях по иностранному языку обучающихся сангвинистического темперамента отличает быстрый темп речи, преобладание инициативных реплик, спонтанность. Для того чтобы выработать свой индивидуальный стиль деятельности, сангвиникам нужно опираться на такие характерные для них качества, как общительность и энергичность. Нужно учесть, что такие черты, как собранность и аккуратность, формируются у сангвиников с большим трудом, нежели у обучающихся с другим темпераментом. При изучении английского языка сангвиникам можно рекомендовать: активно проявлять такие качества, как инициативность

и общительность (при составлении диалогов можно занимать позицию лидера, менять собеседников, активно отвечать на вопросы преподавателя); утомляемость снимать сменой деятельности, можно менять порядок выполнения заданий; наиболее сложные задания выполнять в начальный период работы, в момент повышенной работоспособности, а в моменты падения интереса приступать к выполнению наиболее простых заданий развлекательного типа [Гвоздева 1999].

Флегматика характеризует сильный, уравновешенный тип нервной системы. В овладении иностранным языком флегматика отличают устойчивость и слабая переключаемость внимания, медленное протекание мыслительных и речевых процессов, маловыразительная мимика, низкая речевая активность, использование вербальных опор, способность долго работать, не отвлекаясь, медленное нарастание активности, но долгое ее сохранение. При оказании помощи флегматику в выработке у него индивидуального стиля деятельности следует опираться на такие качества флегматиков, как терпимость, способность к длительному сосредоточению, самообладание, старательность, аккуратность. Обучающимся с флегматическим темпераментом можно рекомендовать: приучаться к выполнению целенаправленной работы, к определенному ритму деятельности (при написании письменных работ составлять план, в работе с текстом пользоваться словарем, пошагово выполнять задания); стараться преодолеть трудности, связанные с неспособностью быстро собраться и сконцентрировать усилия (заранее читать задания по аудированию, заучивать определенные клише устной / диалогической речи, прежде чем приступать к выполнению теста, следует просмотреть все задания).

В основе типа темперамента «холерик» лежит сильный, неуравновешенный с преобладанием возбуждения тип нервной системы. На занятиях иностранного языка такие обучающиеся читают быстрее, рассказывают, пересказывают с одного раза, обладают быстрой речью со сбивчивыми интонациями, редко пользуются вербальными опорами. Преподавателю следует так организовать учебный процесс, чтобы активность холерика находила полезное применение. Во время выполнения учебного задания у холериков следует формировать умение последовательно, по определенному плану вести работу. Для преодоления неуспеваемости по иностранному языку человеку с холерическим темпераментом можно рекомендовать: удерживаться от бурных реакций (в речевой деятельности следует внимательнее

выслушивать собеседника, избегать поспешности в ответах, прежде чем ответить на вопрос, необходимо тщательно обдумать фразу); приучать себя к сдержанности, самообладанию, воспитывать привычку к спокойной, равномерной работе (перед написанием эссе составлять план, при возникновении трудностей во время перевода использовать словарь); утомляемость при длительной работе снимать сменой деятельности (выходить к доске, выполнять дополнительные задания, менять порядок выполнения заданий, в парной работе можно чаще менять собеседников); развивать силу воли, способность упорно работать; развивать способность сосредоточивать усилия в короткий промежуток времени (во время написания диктантов, тестов, выполнении упражнений на быстрое запоминание слов и т. п. не отвлекаться на внешние раздражители).

Меланхолик обладает слабым типом нервной системы. На занятиях иностранного языка меланхолики предпочитают использовать внешние опоры, склонны к тщательному контролю над выполнением заданий, пользуются словарем, обладают слабой неритмичной речью, предпочитают материализовать устные реплики на письме. Успех в работе с меланхоликами предполагает опору на их ценные качества — чувствительность к эмоциональным воздействиям, способность к сопереживанию, эмпатии. Следует иметь в виду, что для обучающихся с данным типом темперамента благоприятнее ситуация письменного, а не устного ответа. На занятиях иностранного языка меланхоликам можно рекомендовать: утомляемость при длительной напряженной работе снимать сменой деятельности, делать паузы, перерывы для отдыха; в условиях ограниченного времени, концентрировать усилия лишь на выполнении наиболее важных заданий; при возможности заранее готовиться к устному ответу (составлять план, делать пометки, выписывать ключевые слова); стараться психологически абстрагироваться после неудачного ответа, отрицательной оценки; приучать себя к сдержанности, самообладанию, воспитывать привычку к спокойной, равномерной работе (перед написанием эссе составлять план, при возникновении трудностей во время перевода использовать словарь).

Мотивация — одно из важнейших условий успешности учения. Это довольно общее, широкое понятие, под которым имеется в виду направленность активности [Нюттен 1975: 20].

У успевающих по иностранному языку, как правило, преобладают внутренняя мотивация, связанная с перспективным развитием личности,

внутренняя коммуникативная мотивация, познавательные мотивы изучения иностранного языка, мотивы саморазвития, а так же положительная мотивация в изучении иностранного языка, связанная со стремлением к общению. В то время как у большинства неуспевающих по предмету преобладают мотивы самоутверждения и избегания неприятностей, а также узкопрактические мотивы изучения иностранного языка, успевающие по иностранному языку предпочитают такие виды деятельности, которые требуют от них активной, самостоятельной, творческой работы в овладении предметом. Неуспевающие предпочитают легкие пути усвоения, не требующие серьёзных умственных усилий, а также такие формы работы, где они пассивны, а преподаватель активен.

В процессе обучения преподаватель может определенным образом влиять на формирование мотивации обучающихся. Для формирования и развития внутренней коммуникативной мотивации преподавателю иностранного языка можно рекомендовать: использовать на занятиях иностранного языка ситуативно-ролевые игры; использовать смысловую наглядность, в основе которой находятся волнующие обучающихся проблемы; организовать переписку, встречи с иностранцами; прослушивать на занятиях современную иностранную музыку, песни, использовать современные тексты, в которых целенаправленно представлены языковые средства и способы формирования и формулирования мысли.

Для формирования и развития познавательной мотивации преподавателю иностранного языка можно рекомендовать: использовать проектную методику; задавать домашнее задание в виде подготовки сообщений, написания рефератов, давать опережающие задания; использовать элементы интегрированного обучения, давать задания,

демонстрирующие межпредметные связи; на этапе введения нового грамматического материала использовать индуктивный подход.

Таким образом, знания о природе психологических трудностей в изучении иностранного языка могут помочь любому преподавателю лучше понимать учащихся, эффективнее воздействовать на их мотивацию, влиять на формирование индивидуального стиля деятельности, правильных приемов учебной работы. Преподаватель может оказать помощь в преодолении подобных трудностей, а значит, способствовать гармоничному развитию личности изучающих иностранный язык.

Список литературы

1. Акимов М. К., Козлова В. Т. Рабочая книга школьного психолога / под ред. И. В. Дубровиной. — М.: Просвещение, 1991. — 303 с.
2. Ауэрбах Т. Д. Зачем и как изучать иностранный язык. — М.: Знание, 1961.
3. Гвоздева А. В. Индивидуальные особенности восприятия и познания при изучении иностранных языков // Иностранные языки в школе. 1999. — № 5.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: пер. с нем / под ред. Г. В. Рамишвили. — М.: Прогресс, 1984. — 397 с.
5. Зимняя И. А. Психология обучения иностранным языкам в школе. — М.: Просвещение, 1991.
6. Нюттен Ж. Мотивация // Экспериментальная психология. — М., 1975.
7. Соссюр Ф. Заметки по общей лингвистике: пер. с фр. под ред. Н. А. Слюсаревой. — М.: Прогресс, 1990. — 275 с.
8. Цетлин В. С. Неуспеваемость школьников и её предупреждение. — М.: Педагогика, 1977. — 120 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Mr. Felix Angel Lozano Hernandez — преподаватель кафедры романской филологии, Центр испанского языка и культуры, Удмуртский государственный университет (Ижевск); e-mail: f.a.lozano-hernandez@hotmail.com

Ekaterina Pepeliaeva — PhD, Perm State Pharmaceutical Academy; e-mail: ekaterina_perm@yahoo.de

Olga Koreneva-Antonova — translator, Translation Department of the University of Granada (Granada, Spain).

Адамия Зоя Константиновна — доктор филологических наук, профессор, Учебный университет «Рвали» (Рустави, Грузия); e-mail: a.zoia777@gmail.com

Адилова Алмагуль Советовна — доктор филологических наук, доцент, Карагандинский Петровна — доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет; e-mail: akimova_t@rambler.ru

Акимова Татьяна — преподаватель кафедры романской филологии, Центр испанского языка и культуры, Удмуртский государственный университет (Ижевск); e-mail: f.a.lozano-hernandez@hotmail.com

Алания Диана Александровна — доктор филологических наук, профессор, Сухумский государственный университет; e-mail: dikaalan@mail.ru

Алексеева Надежда Андреевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов; e-mail: Nadialexa@yandex.ru

Алферова Екатерина Игоревна — преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации Челябинского государственного университета; e-mail: la-fanka@yandex.ru

Андреева Галина Вадимовна — кандидат филологических наук, доцент, Шадринский государственный педагогический институт; e-mail: fast.1947@mail.ru

Аносов Егор Александрович — преподаватель кафедры международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет; e-mail: alteregor84@mail.ru

Антропова Людмила Ильинична — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков, Магнитогорский государственный технический университет; e-mail: alitier@mail.ru

Аргутина Наталья Сергеевна — преподаватель кафедры английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: NSergeeva89@yandex.ru

Асламова Татьяна Владимировна — доцент, Московский государственный технический университет «МАМИ»; e-mail: zes.64@mail.ru

Асмус Нина Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: Nasmus@74.ru

Бабина Людмила Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина; e-mail: ludmila-babina@yandex.ru

Баканова Юлия Валерьевна — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: BakanovaJV@yandex.ru

Балмагамбетова Жанна Толеуовна — кандидат филологических наук, кафедра методики и практики русского языка и литературы, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Букетова; e-mail: janna1965@rambler.ru

Басырова Фарида Амировна — доцент, Башкирский государственный университет (Уфа); e-mail: engel_ram@qip.ru

Бауэр Алисия Эммануиловна — магистр Гёттингенского университета имени Георга-Августа; e-mail: Alicia.Bauer@phil.uni-goettingen.de

Бочкарева Ирина Валерьевна — аспирант кафедры английской филологии, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина.

Брильц Оксана Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: briltsoa@chelcom.ru

Броженко Светлана Владимировна — преподаватель, Уральский социально-экономический институт (филиал), Академия труда и социальных отношений; e-mail: Sveta_angel04@rambler.ru

Бурмагина Лариса Александровна — старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и романо-германских, восточных языков, Костанайский государственный педагогический институт; e-mail: Larisa_bur@mail.ru

Васильева Анна Константиновна — аспирант, Российский университет дружбы народов (Москва); e-mail: anechka116@mail.ru

Васильченко Елена Германовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии; e-mail: lenuscha@mail.ru

Вахина Е. Г.

Велижанина Елена Михайловна — ассистент кафедры иностранных языков, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: welizhanina@mail.ru

Вербицкая Татьяна Диомидовна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Одесский национальный университет им. И. И. Мечникова

Власян Гаянэ Рубеновна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: VlasyanGR@yandex.ru

Волкова Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: tatia.volkova@gmail.com

Воронина Евгения Борисовна — аспирант, Ивановский государственный университет; e-mail: ivabelle@list.ru

Воронина Лариса Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка факультета романо-германской филологии, Белгородский государственный научно-исследовательский университет; e-mail: voronina@bsu.edu.ru

Гаджиева Айтен Юнис гызы — кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Азербайджанский университет языков; e-mail: ayten-haciyeva@yandex.ru

Гагиева Индира Адильевна — доцент кафедры восточных языков, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); e-mail: indira@rggu.ru

Герман Анна Викторовна — студентка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: annager74@mail.ru

Глинская Нелли Петровна — кандидат филологических наук, доцент факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: glinskaya_nelly@mail.ru

Глухова Елена Александровна — кандидат педагогических наук, преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: gluhova1282@mail.ru

Говорухина Юлия Анатольевна — доктор филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Сибирский федеральный университет; e-mail: yuliya_govoruhin@list.ru

Голованов Игорь Анатольевич — доктор филологических наук, Челябинский государственный педагогический университет; e-mail: ligol@csu.ru

Голованова Елена Иосифовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка, Челябинский государственный университет; e-mail: ligol@csu.ru

Головина Татьяна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Алтайский технический университет; e-mail: extramural@bk.ru

Гребенщикова Александра Вячеславовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: aleksa151@gmail.com

Давлетшина Лейсан Рустамовна — аспирант, Башкирский государственный университет; e-mail: remedios1@yandex.ru

Демидова Мария Михайловна — преподаватель, Брянский государственный технический университет; e-mail: marri25@mail.ru

Денисова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: irina_7j@inbox.ru

Дощанова Бахыт Мугаловна — старший преподаватель кафедры русского языка, литературы и романо-германских, восточных языков, Костанайский государственный педагогический институт

Дубкова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет; e-mail: linuan12@mail.ru

Жабаяева Сауле Сагинтаевна — кандидат филологических наук, доцент, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова; e-mail: zhabayeva_ss@mail.ru

Жаркова Ульяна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой немецкого языка, Челябинский государственный университет; e-mail: januar14@yandex.ru

Закамулина Миляуша Нурулловна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет; e-mail: milaza@list.ru

Звездин Дмитрий Александрович — учитель гимназии № 127 (Снежинск); e-mail: dmitrzvezd@mail.ru

Злобин Александр Николаевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории речи и перевода, директор Центра «Global Communication» МРО СПП (Саранск); e-mail: aleksandr_z@list.ru

Иванова Елена Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Челябинский государственный университет; e-mail: elena-ivanova79@yandex.ru

Исаев Данил Владимирович — аспирант, Оренбургский государственный университет; e-mail: dragon_isaev@mail.ru

Исенбаева Галина Ивановна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков, теории и методики обучения немецкому и французскому языкам, Орский гуманитарно-технологический институт (филиал), Оренбургский государственный университет; e-mail: isenbaeva@rambler.ru

Каксин Андрей Данилович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, литературоведения и межкультурной коммуникации, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова (Абакан); e-mail: adkaksin@yandex.ru

Калёнова Наталья Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет; e-mail: nakalyon@rambler.ru

Камышева Ольга Сергеевна — кандидат филологических наук, Шадринский государственный педагогический институт; e-mail: tatyana@shadrinsk.net

Карамалак Ольга Алексеевна — кандидат филологических наук, Магнитогорский государственный университет; e-mail: red_riding_hood@inbox.ru

Кардаш Каринэ Александровна — аспирант, преподаватель, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: karikardash@mail.ru

Керер Ксения Александровна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: ksenijakerer@rambler.ru

Ким Галина Александровна — кандидат филологических наук, Гёте Институт; e-mail: gaidakim@mail.ru

Ким Светлана Юрьевна — преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: lightkim@yandex.ru

Клещенко Екатерина Михайловна — студентка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: katekleshchenko@list.ru

Кожухова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: vinantov@mail.ru

Копачева Александра Романовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет; e-mail: koral2020@rambler.ru

Кудрявцева Тамара Викторовна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва); e-mail: muchina@yandex.ru

Кузнецова Лариса Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент, Военный авиационный инженерный университет (Воронеж); e-mail: ble_k@mail.ru

Кузьминых Ольга Юрьевна — студентка факультета лингвистики и перевода Челябинский государственный университет; e-mail: hello_musia@mail.ru

Лазухина Любовь Викторовна — старший преподаватель кафедры филологии, Костанайский филиал Челябинского государственного университета; e-mail: luba_laz@mail.ru

Леонова Елена Петровна — Центр классического образования Уральского федерального университета им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина; e-mail: eln74@list.ru

Леонтьева Ксения Ивановна — соискатель кафедры теории языка и перевода, Тверской государственный университет; преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин, Академия права и управления; e-mail: ksenja_leontieva@mail.ru

Лубожева Лионелла Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: lionella2002@rambler.ru

Лунцова Ольга Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Магнитогорский государственный университет; e-mail: olga-luntsova@yandex.ru

Лучинская Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой общего и славяно-русского языкознания, Кубанский государственный университет; e-mail: bekketsam@yandex.ru

Ляпкина Эльвира Маратовна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет; e-mail: elvira_l@mail.ru

Майба Вита Викторовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков, Ростовский государственный университет путей сообщения; e-mail: 123mia@rambler.ru

Мамонова Наталья Васильевна — преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: iunnno@mail.ru

Матвеева Анастасия Валерьевна — студентка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: afina20071@mail.ru

Миронова Елена Вячеславовна — старший преподаватель кафедры гуманитарно-экономических дисциплин, Трехгорный технологический институт (филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ); e-mail: mironova-trg@mail.ru

Монгилева Наталья Викторовна — кандидат филологических наук, Кустанайский государственный университет; e-mail: natmong@rambler.ru

Морсова Ксения Андреевна — соискатель кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: ksenia.morsova@gmail.com

Москальчук Галина Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет; e-mail: mna@house.osu.ru

Мышкина Нэлли Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и межкультурной коммуникации, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; e-mail: myshkina@pstu.ru

Мяо Чжуншань — преподаватель, Шаньдунский университет (Пекин, Китай); e-mail: dashan010@yahoo.com.cn

Наумова Ирина Александровна — старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: ira_naumova@mail.ru

Нефедова Лилия Амиряновна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: lan2@mail.ru

Никифоров Сергей Алексеевич — аспирант, Тюменский государственный университет; e-mail: nikiforov1989@gmail.com

Никифорова Жанна Александровна — старший преподаватель, Оренбургский институт экономики и культуры; e-mail: jenniekitten@rambler.ru

Ныгметова Бибигуль Джамбуловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Павлодарский государственный педагогический институт; e-mail: bibigul-n@mail.ru

Олешков Михаил Юрьевич — доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования, Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия; e-mail: oleshkov@rambler.ru

Олизко Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: olizko@yandex.ru

Погребная Ирина Федоровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, педагогический институт Южного федерального университета (Ростов-на-Дону); e-mail: irina.pogrebnaya@bk.ru

Подъяпольская Ольга Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Челябинский государственный университет; e-mail: oljarpod@mail.ru

Поликарпов Александр Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации, директор научно-образовательного центра «Интегративное переводоведение приарктического пространства», Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); e-mail: polikarpov.ling@yandex.ru

Попова Наталья Борисовна — доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет; e-mail: popova@csu.ru

Прибылова Ольга Викторовна — кандидат филологических наук, преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: olga.pribylova@mail.ru

Прихода Ирина Вениаминовна — преподаватель кафедры делового иностранного языка Челябинского государственного университета; e-mail: prihoda-irina@mail.ru

Радчук Ольга Андреевна — преподаватель, Костанайский филиал Челябинского государственного университета; e-mail: olyaradchuk@mail.ru

Разумовская Вероника Адольфовна — кандидат филологических наук, доцент, Сибирский федеральный университет (Красноярск); e-mail: veronica_raz@hotmail.com

Ровная Оксана Владимировна — кандидат филологических наук, Уральский государственный педагогический университет; e-mail: oxana_govnaya@mail.ru

Рогознева Екатерина Михайловна — аспирант, Удмуртский государственный университет (Ижевск); e-mail: lingua88@mail.ru

Рявкина Маргарита Владимировна — студентка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: pearl@mail.ru

Салатова Людмила Маратовна — старший преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: salat_78@is74.ru

Салахова Аделина Гюль-Балаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка, Челябинский государственный университет; e-mail: adelina-salakhova@yandex.ru

Салимова Юлия Айратовна — студентка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: juliya645@mail.ru

Самкова Мария Андреевна — преподаватель кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: _degi_@mail.ru

Санина Вера Викторовна — аспирант, Ижевская государственная медицинская академия; e-mail: vera3vikt@rambler.ru

Сараева Оксана Анатольевна — кандидат филологических наук, Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева; e-mail: osaraeva@mail.ru

Сафронова Людмила Васильевна — доктор филологических наук, Институт магистратуры и докторантуры PhD Казахского национального педагогического университета им. Абая (Алматы); e-mail: dinass2002@mail.ru

Серова Вера Ивановна — преподаватель, Костанайский государственный университет им. А. Байтурсынова; e-mail: verasero@mail.ru

Синеева Татьяна Михайловна — преподаватель кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет; e-mail: cotamaran@mail.ru

Сироткина Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, Сургутский государственный педагогический университет; e-mail: sirotkina71@mail.ru

Смагина Александра Сергеевна — соискатель, Воронежский государственный университет; e-mail: venecia403@yahoo.com

Сорокина Ольга Анатольевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; e-mail: SorokinaOlga53@rambler.ru

Сотникова Елизавета Сергеевна — студентка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: lizza666@bk.ru

Тарасенко Мира Ильинична — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры лингвистического образования и межкультурной коммуникации, Сургутский государственный педагогический университет; e-mail: marusya-tar13@yandex.ru

Теркулов Вячеслав Исаевич — доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе Горловского государственного педагогического института иностранных языков, Горловский государственный педагогический институт иностранных языков; e-mail: terkulov@rambler.ru

Титаренко Инна Николаевна — доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, технологический институт Южного федерального университета; e-mail: i_titarenko@pochta.ru

Фатхуллова Кадрия Сунгатовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и речевой коммуникации, Казанский федеральный университет

Хавайдарова Мехриниса Марсовна — кандидат филологических наук, ассоциированный профессор факультета общей гуманитарной подготовки, Казахская головная архитектурно-строительная академия; e-mail: mechrinisa_73@mail.ru

Хайрулина Асия Равильевна — аспирант, Иркутский государственный лингвистический университет; e-mail: assia_22@mail.ru

Цибашвили Георгий Иванович — доктор филологических наук, профессор, Тбилисский государственный университет (Грузия)

Чмых Инна Евгеньевна — кандидат педагогических наук, доцент, Сургутский государственный университет; e-mail: inna_eug@mail.ru

Шабанов Олег Александрович — кандидат педагогических наук, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа); e-mail: golfufa@gmail.com

Шагапов Айрат Ильдарович — аспирант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (Уфа); e-mail: ayrat-shagapov@mail.ru

Шихардина Людмила Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, Курганский государственный университет; e-mail: ardinaL@yandex.ru

Шихардина Татьяна Николаевна — кандидат философских наук, доцент, Курганский государственный университет

Шрамко Лариса Павловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка, педагогический институт Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Юрина Вероника Викторовна — студентка факультета лингвистики и перевода, Челябинский государственный университет; e-mail: marvelmaker23@gmail.com

Юсупова Альфия Шавкетовна — профессор, заведующая кафедрой теории перевода и речевой коммуникации, Казанский федеральный университет; e-mail: alyusupova@yandex.ru

Юсупова Анна Линаровна — преподаватель кафедры делового иностранного языка, Челябинский государственный университет; e-mail: ann-yusupova@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

КОГНИТОЛОГИЯ КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА XXI ВЕКА

<i>Pepeliaeva E., Koreneva-Antonova O.</i> Multidimensionalidad de la categorización en la Lingüística cognitiva	3
<i>Антропова Л. И.</i> Языковая вариативность в когнитивном аспекте	7
<i>Брильц О. А.</i> Понимание, объяснение, интерпретация — анализ подходов к использованию понятий в лингвистике и философии	9
<i>Воронина Л. В.</i> Концептуальная метафора как когнитивный механизм переосмысления производных слов немецкого языка	11
<i>Гаджиева А. Ю.</i> О влиянии когнитивного восприятия пространства на фоносемантическое развитие некоторых тюркских слов	15
<i>Герман А. В.</i> Методы формирования билингвизма	17
<i>Головина Т. А.</i> Оперсонологическое функционирование частей речи и типы языковой личности	19
<i>Закамулина М. Н.</i> Временная референциальная характеристика французских процессных имен существительных (когнитивный аспект)	21
<i>Исенбаева Г. И.</i> Междисциплинарный контекст аналогии в производстве знания о языке как мысленно-конкретном объекте.	23
<i>Карамалак О. А.</i> Электронное письмо в рамках теории распределенной когниции.	28
<i>Копачева А. Р.</i> К проблеме изучения языкового сознания как компонента языковой личности	31
<i>Кузьминых О. Ю.</i> Естественный язык как информационная система	34
<i>Леонова Е. П.</i> Концепт порядок в риторике советской власти	37
<i>Мамонова Н. В.</i> Фракталы в сказочном дискурсе	41
<i>Монгилева Н. В.</i> Глагол «тупить» как вербализация особенностей концепта «знание» в языковой картине мира молодежи.	43
<i>Мышкина Н. Л.</i> Возможный мир как единица анализа глобального семиотического пространства	47
<i>Нефедова Л. А.</i> Фреймовое представление имплицитности.	50
<i>Ныгметова Б. Д.</i> Метеорологическая метафора как объект когнитивного исследования	53
<i>Попова Н. Б.</i> Синергетический подход когнитивного осмысления явления полисемии	56
<i>Сироткина Т. А.</i> Когнитивная этнонимика в современной лингвистической парадигме.	59
<i>Теркулов В. И.</i> Лингвальная когнитология: лингвистическая перспектива бытия	62
<i>Титаренко И. Н.</i> Междисциплинарные когнитивные подходы в современной науке	65
<i>Хайрулина А. Р.</i> К определению термина:метафорический дискурс одного автора	68

ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Цибахаивили Г. И., Адамия З. К.</i> Писатель в иноязычном мире (Пушкин на грузинском языке)	73
<i>Адилова А. С.</i> Функционирование прецедентных высказываний в казахском тексте	76
<i>Акимов Т. П.</i> Специфика содержания и оформления речевого акта просьбы	

в русском эпистолярном тексте.	78
<i>Алексеева Н. А.</i> Реализация категории связности в тексте песни	82
<i>Аргутина Н. С.</i> Особенности реализации языковой личности автора в произведении дневникового жанра	87
<i>Асламова Т. В.</i> Дискурсивная прагматика как основа развития межкультурной компетенции	89
<i>Асмус Н. Г.</i> Реализация категории вежливости в виртуальной коммуникации (на примере блогов)	91
<i>Бабина Л. В., Бочкарева И. В.</i> Особенности интерпретации производных от имен собственных: когнитивно-дискурсивный аспект	93
<i>Бауэр А. Э.</i> Концепция любви в «обыкновенной истории» И. А. Гончарова	96
<i>Броженко С. В.</i> Прагматика использования местоимений в русскоязычном банковском рекламном дискурсе	100
<i>Велижанина Е. М.</i> Выражение сакрально-религиозной интерпретации на разных языковых уровнях в притчевом дискурсе нового завета (на материале немецкого и русского языков).	102
<i>Власян Г. Р.</i> Когнитивно-прагматические особенности процесса мены коммуникативных ролей в разговорном диалоге	105
<i>Воронина Е. Б.</i> Слово как знак (на примере романа Н. Саррот «Откройте»)	107
<i>Глинская Н. П.</i> Метонимия и метафора как ключевые механизмы терминологизации в судебном дискурсе.	110
<i>Говорухина Ю. А.</i> Смысловый и прагматический потенциал лакун в литературно- критическом тексте	114
<i>Голованов И. А.</i> Мифо-фольклорные основания художественного изображения героя в рассказе А. Платонова «Маркун»	118
<i>Голованова Е. И.</i> Профессиональный дискурс: проблема жанровой дифференциации	122
<i>Давлетишина Л. Р.</i> Проявления невежливости в повседневной речи (на основе английских художественных текстов)	125
<i>Демидова М. А.</i> Именные словосочетания как репрезентанты концепта «праведник» на синтаксическом уровне (на материале романа Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» и его английского перевода)	128
<i>Жабаева С. С.</i> Художественный текст как способ познания культурного пространства	132
<i>Жаркова У. А.</i> Реализация профессиональной языковой личности художника в номинации произведений живописи (на материале названий полотен немецких, русских и английских пейзажистов XIX века).	136
<i>Звездин Д. А.</i> К вопросу о текстово-категориальном исследовании православной проповеди (на материале проповедей второй половины XX века)	138
<i>Иванова Е. В.</i> Мифологема Всемирного потопа в средствах массовой информации	142
<i>Калёнова Н. А.</i> Когнитивные основы прагматической функции фразеологических единиц в эпистолярном дискурсе.	144
<i>Камышева О. С.</i> Метафорическое моделирование ментальной сферы «музыка» в романе Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи»	149
<i>Керер К. А.</i> Реализация лингвокультурного образа профессионала в производственных романах Д. Лоджа	151
<i>Ким Г. А.</i> Аргументативный дискурс в языке маркетинга	156

<i>Ким С. Ю.</i> Критический дискурсивный анализ как метод реконструкции социальной действительности в песенном дискурсе рок-группы «Раммштайн» (на примере песенного текста «Seemann» альбома «Herzeleid»)	158
<i>Клещенко Е. М.</i> Место медицинского дискурса в типологии дискурсов	161
<i>Кожухова И. В.</i> Позитивная и негативная вежливость (на примере русскоязычного разговорного дискурса)	163
<i>Лубожьева Л. Н.</i> Семантические особенности функционирования экономических единиц в общепотребительном языке	165
<i>Лунцова О. М.</i> Концепт «мир» в русском и английском языковом сознании	167
<i>Лучинская Е. Н.</i> Постмодернизм Дональда Бартельми	171
<i>Майба В. В.</i> «Политкорректность» как концепт-регулятив	174
<i>Морсова К. А.</i> Синтаксис рекламного дискурса (на материале англоязычных видеороликов косметических средств).	178
<i>Наумова И. А.</i> Метафоры со сферой-источником «техника» в политическом дискурсе Великобритании.	180
<i>Никифоров С. А.</i> Устно-письменный характер коммуникации в Twitter-микроблоге	184
<i>Никифорова Ж. А.</i> Проблема разграничения понятий ТЕКСТ — ИНТЕРТЕКСТ — ГИПЕРТЕКСТ	186
<i>Олешков М. Ю.</i> Дискурс и ментальность	189
<i>Подъяпольская О. Ю.</i> Система символов в произведении И. Айхингер «Зеркальная новелла»	193
<i>Прибылова О. В.</i> Динамические особенности вербализации концепта «Терроризм» в американском массмедийном дискурсе	196
<i>Прихода И. В.</i> Языковые средства выражения метатекстуальности в прозе постмодернизма (на примере «Эстетики Не-Х» Н. Байтова)	198
<i>Ровная О. В.</i> Аттрактивные языковые средства в журналистском французском дискурсе	202
<i>Салатова Л. М.</i> Экономический кризис как сфера-магнит для метафор со субсферой «человек».	206
<i>Салахова А. Г.</i> Функционально-прагматическая характеристика современной религиозной проповеди (на материале текстов пятничных проповедей)	208
<i>Самкова М. А.</i> Когнитивные стратегии в рамках учебного дискурса	211
<i>Сараева О. А.</i> Национальная специфика гендерных стереотипов и способы их репрезентации в художественном дискурсе	214
<i>Сафронова Л. В.</i> Модель эмиграционной идентичности.	217
<i>Синеева Т. А.</i> Эмоционально-оценочный вектор политической метафоры как фактор трансформации образа путинской России в дискурсе французской прессы.	221
<i>Смагина А. С.</i> Совет как дискурсивное событие в британской и американской лингвокультурах (на материале текстов гендерно-ориентированного продукта СМИ).	225

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

<i>Алания Д. А.</i> О переводе термина	229
<i>Андреева Г. В.</i> Особенности восприятия и перевода повторяющихся лексем в художественном тексте	231
<i>Аносов Е. А.</i> О механизмах создания стереотипности в поговорках русского языка	233

Балмагамбетова Ж. Т. Интегративно-концептологический аспект художественного перевода	235
Васильева А. К. Особенности перевода русских фразеологизмов на английский язык (на материале фразеологических единиц из романов Ф. М. Достоевского)	240
Вахина Е. Г. Особенности перевода неологизмов	242
Волкова Т. А. Современные парадигмы в моделировании процесса перевода	243
Денисова И. В. Гендерный аспект перевода при персонификации в художественном тексте	245
Дубкова О. В. Когнитивные основания лексических несоответствий исходного и переводного текста (на материале переводов с китайского языка на русский)	248
Злобин А. Н. Проблемы аспектуализации перевода (переводоведение, перевод, многоаспектное знание, аспектуализация, типология знаний о переводе, когнитивное представление и форматирование).	250
Исаев Д. В. Ситуация билингвизма в Канаде с точки зрения языкового прогнозирования.	253
Каксин А. Д. Средства выражения эвиденциальности и миративности тюркских языков в переводе на русский	256
Кардаш К. А. Структурно-семантический анализ китайских и русских новогодних поздравлений: сопоставительный и переводческий аспекты	260
Кудрявцева Т. В. Из опыта перевода поэзии Н. Рубцова на немецкий язык	262
Леонтьева К. И. Лингво-когнитивная асимметрия образных систем при переводе поэзии и способы их гармонизации	266
Ляпкина Э. М., Алферова Е. И. Стратегии перевода названий фильмов.	270
Матвеева А. В. Особенности перевода имен собственных на примере серии произведений Дж. Роулинг «Гарри Поттер»	272
Москальчук Г. Г. Переводческая эквивалентность на уровне текста: синергетический подход	275
Олишко Н. С. Самоорганизация языковой личности переводчика в условиях флуктуационной переводческой деятельности	278
Поликарпов А. М. Семиотика устно-порождаемой речи и перевод	281
Радчук О. А. Сложности перевода лирического стихотворения на интонационном уровне.	285
Разумовская В. А. Поэтический оригинал и поэтический перевод: симметрия, изоморфизм и изомерия	289
Рявкина М. В. Проблема перевода рекламных слоганов	294
Салимова Ю. А. Особенности перевода аббревиатур с английского языка на русский.	295
Сотникова Е. С. Проблема перевода русскоязычных грамматических конструкций на английский и французский языки на примере романа «Мы» Е. Замятина	297
Фатхуллова К. С., Юсупова А. Ш. Перевод как средство межкультурной коммуникации	298
Чмых И. Е. Профессиональная компетенция переводчика	301
Шагапов А. И. Особенности перевода шотландской волшебной сказки.	303
Юрина В. В. Особенности эквивалентного перевода	305

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Lozano Hernández F. Á.</i> Преподавание дисциплин специализации как необходимый элемент подготовки профессиональных переводчиков	307
<i>Баканова Ю. В.</i> Формы и методы организации процесса подготовки студентов к межкультурной коммуникации	310
<i>Басырова Ф. А.</i> Формирование навыков накопления словаря на основе контекста	313
<i>Дошанова Б. М., Бурмагина Л. А.</i> Deutsch als zweite fremdsprache	316
<i>Васильченко Е. Г., Вербицкая Т. Д.</i> Perzeptiv-artikulatorische teilkompetenzen bei der entwicklung des sprachkönnens	318
<i>Газиева И. А.</i> Роль стихов, песен и игр в развитии произносительных навыков на начальном этапе обучения языку хинди в РГГУ	323
<i>Глухова Е. А.</i> Развитие самообразования студентов неязыкового вуза на предмете «Иностранный язык»	327
<i>Гребенищикова А. В.</i> К вопросу о непрерывном профессиональном образовании переводчиков	329
<i>Кузнецова Л. Е.</i> Метод проблемного обучения иностранному языку для специальных целей и восприятие иноязычного текста	331
<i>Лазухина Л. В.</i> Использование компьютерных обучающих программ на занятиях по иностранному языку	333
<i>Миронова Е. В.</i> К вопросу преподавания английского языка в техническом вузе при подготовке бакалавров	336
<i>Мяо Чжуншань</i> Преподавание иероглифики — наиболее важный аспект преподавания китайского языка как иностранного	338
<i>Погребная И. Ф., Шрамко Л. П.</i> Словарный запас: особенности закрепления и стратегии пополнения	340
<i>Рогознева Е. М.</i> О формировании информационной компетентности студентов-бакалавров неязыковых специальностей на занятиях по иностранному языку	343
<i>Санина В. В.</i> Обучение аудированию на занятиях по иностранному языку в медицинском вузе на базе интернет-ресурсов (подкастов)	345
<i>Серова В. И.</i> Teaching english through reading authentic materials	348
<i>Сорокина О. А.</i> Педагогическая рефлексия как основа самостоятельной коммуникативно-познавательной деятельности у студентов, изучающих английский язык	350
<i>Тарасенко М. И.</i> К проблеме использования языкового портфеля в обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей (из опыта работы)	352
<i>Хавайдарова М.</i> Планирование и диагностика ожидаемых результатов обучения русскому языку в техническом вузе	356
<i>Шабанов О. А.</i> Тесты и тексты в обучении русскому языку как культурологическая проблема	359
<i>Шихардина Л. Н., Шихардина Т. Н.</i> Взаимосвязь когнитивного и аксиологического потенциалов лингвострановедения	360
<i>Юсупова А. Л.</i> Психологические трудности в изучении иностранного языка и пути их преодоления	363
Сведения об авторах	366

Научное издание

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ
И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

**Материалы
VI Международной научной конференции**

*Челябинск
23–24 апреля 2012 года*

Том 2

Корректор *И. Н. Козырева*
Вёрстка *И. А. Батаниной*

Подписано в печать 12.04.12.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 44,2. Уч.-изд. л. 49,7.
Тираж 165 экз. Заказ 39.

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет»
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
Издательство Челябинского государственного университета
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б